

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

III

2024

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

E-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ****Боров А.Х.**Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика **16-40****ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ****Средневековая и новая история****Джумагулова А.Т.**«Владельцы песков»: пескоукрепительные работы на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX веков **41-66****Соколов Р.А., Соколов А.С.**Кавказ в событиях Отечественной войны 1812 года **67-76****Чочиев Г.В.**Миграции северокавказцев в Османскую империю: начальный этап (1858-1862 гг.) **77-100****Исмаилова А.М.**Из истории развития табаководства как важнейшей отрасли торгового земледелия в губерниях Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века **101-113****Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П.**Польский дворянин армянского происхождения из Бессарабии во главе Ставропольской губернии **114-132****Новейшая история****Жанситов О.А.**Нальчикский округ в период российской революции (1917-1920 гг.): хаотизация насилия **133-142****Колесов В.И., Сень Д.В.**От погрома до обретения советской «земли Обетованной»: дисперсность, миграции и консолидация джегонасских горских евреев на Северном Кавказе (1917 г. – начало 1930-х гг.) **143-165**

Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.

Развитие административно-территориального устройства
Кабардино-Балкарии в 1920-е годы: проблемы, задачи, тенденции **166-180**

Яхутль Ю.А.

«Завоевать и уничтожить»: идеология фашистского оккупационного режима на территории Краснодарского края (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.) **181-193**

Жанокowa М.В.

Международное сотрудничество Кабардино-Балкарской Республики в сфере экономики в первой половине 90-х гг. XX века **194-212**

Этнология, антропология и этнография

Донежук М.Ю.

Отношение к оружию и военной культуре
у адыгского населения Республики Адыгея **213-227**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Кушхабиев А.В., Журтова А.А., Алхасова Д.М.

Проблемы политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в отражении делопроизводственной документации (по материалам опубликованных источников) **228-255**

Муратова Е.Г.

Статистические источники по истории балкарцев последней трети XIX – начала XX века **256-277**

Ольмезов Я.Т.

Некоторые особенности документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX века **278-297**

Лобанов В.Б.

Терско-Дагестанский регион летом-осенью 1918 гг.
в «Очерках русской смуты» генерала А.И. Деникина **298-306**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Атабиева А.Д.

Творчество М. Ольмезова в свете художественных исканий рубежа веков (XX–XXI) **307-321**

Кажарова И.А.

Пространственное измерение бытия в поэзии Инны Кашежевой

322-336

Чекалов П.К.

Рифма и строфа в абазинском стихе конца 1940–50-х годов

337-361

Фольклористика

Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М.

Особенности интерпретации дастана и мифологические отступления
(на материале «Сказания о дочери Шана» Микаиля Башту)

362-373

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

Ахматова М.А., Кучмезов А.М.

Особенности репрезентации концепта *бауур*
в карачаево-балкарской языковой картине мира

374-386

Ахматова Ф.Х.

Многозначные слова и их значения в карачаево-балкарском языке

387-396

Къэмбэчокъуэ Iэдэм Муштэхьид и къуэ

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэр ужьыхынымкIэ,
кIуэдыжыпэнымкIэ шынагъуэ зыпыль Iуэхугъуэ щхьэхуэхэр

397-409

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Бозиев А.Т., Унатлоков В.Х.

Типология линерализации прилагательных
(на материале английского и кабардино-черкесского языков)

410-420

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Базиева Г.Д.

Традиционное искусство народов Кабардино-Балкарии:
история и современная практика

421-431

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дзарахов М.М.

Сохранить, нельзя разрушить: памятники истории и культуры горной Ингушетии

432-446

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ**Анчабадзе Ю.Д.**

Рецензия на монографию «Адамчевский П., Войтковяк Я., Мамулия Г. Воспоминания Измаэль-бека (Юзефа) Петруцина-Петрушевского как источник по истории февральской революции и войны на Кавказе. 1917–1919 гг. – Варшава: Институт политических исследований польской академии наук, 2022. – 332 с. (на русском языке, перевод с польского)

447-454**Кетенчиев М.Б.**

Рецензия на монографию «Мусуков Б.А.-К. Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с.»

455-461**Текуева М.А.**

Рецензия на монографию «Боров А.Х. Концептуальные итоги и проблемы изучения опыта революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии (1917–1918). – Нальчик: редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2024. – 152 с.»

462-467**ЮБИЛЯРЫ**

Дмитрию Владимировичу Сень – 50 лет

468-471**IN MEMORIAN****Абазов А.Х.**

Памяти Валерия Хашировича Кажарова

472-476**НАШИ АВТОРЫ****477-481**

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS

Borov A.Kh.

Ethnopolitics of modern Kabardino-Balkaria: genesis and specificity **16-40**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Dzhumagulova A.T.

«Owners of the sands»: sand protection works on the lands of the nomadic peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) in the XIX – early XX centuries **41-66**

Sokolov R.A., Sokolov A.S.

The Caucasus in the events of the Patriotic war of 1812 **67-76**

Chochiev G.V.

Migrations of North Caucasians to the Ottoman Empire: initial stage (1858-1862) **77-100**

Ismailova A.M.

From the history of the development of tobacco farming as the most important branch of commercial agriculture in the provinces of the South Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries **101-113**

Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P.

Polish nobleman of Armenian origin from Bessarabia at the head of the Stavropol province **114-132**

Contemporary history

Zhansitov O.A.

The Nalchik District during the Russian Revolution (1917-1920): The Chaotization of Violence **133-142**

Kolesov V.I., Sen' D.V.

From *Pogrom* to The Soviet Promised Land: The Dispersity, Migrations and Consolidation of The Dzhegonas Mountain Jews at the North Caucasus (1917 – beginning 1930s) **143-165**

Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.

The development of the administrative-territorial structure of Kabardino-Balkaria in the 1920s: problems, tasks, trends

166-180

Yakhutl Y.A.

«Conquer and destroy»: the ideology of the fascist occupation regime in the Krasnodar territory (july 1942 – october 1943)

181-193

Zhanokova M.V.

International cooperation of the Kabardino-Balkarian Republic in the field of economics in the first half of the 90s of the XX century

194-212

Ethnology, anthropology and ethnography

Donezhuk M.Yu.

Attitude to weapons and military culture of the Adyghe population in the Republic of Adygea

213-227

Historiography, source studies, methods of historical research

Kushkhabiev A.V., Zhurtova A.A., Alkhasova D.M.

Russian policy in the North Caucasus in the 19th century as reflected by official documentation (based on published sources)

228-255

Muratova E.G.

Statistical sources on the history of the Balkarians of the last third of the 19th – early 20th centuries

256-277

Olmezov Ya.T.

Some peculiarities of documenting financial activities of institutions of power and self-government of Nalchik district in the early XX centuries

278-297

Lobanov V.B.

The Terek-Dagestan region in the summer-autumn of 1918 in the "Essays of the Russian troubles" by general A. I. Denikin

298-306

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Atabieva A.D.

The work of M. Olmezov in the light of the artistic quest of the turn of the century (XX–XXI)

307-321

Kazharova I.A.

The spatial dimension of being in the poetry of Inna Kashezheva **322-336**

Chekalov P.K.

Rhyme and stanza of the Abaza verse of the late 1940s – 50s. **337-361**

Folklore studies

Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M.

Features of the interpretation of dastan and mythological digressions (based on the material of the "Legend of the Daughter of Shan" by Mikail Bashtu) **362-373**

Languages of the peoples of the Russian Federation (languages of the peoples of the North Caucasus)

Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M.

Features of representation of the concept *bauur* in the Karachay-Balkarian language picture of the world **374-386**

Akhmatova F.Kh.

Multi-seconic words and their meanings in the Karachay-Balkar language **387-396**

Kambachokov A.M.

On some risk factors for the extinction and subsequent disappearance of the Kabardino-Circassian language **397-409**

Theoretical, applied and comparative linguistics

Boziev A.T., Unatlov V.Kh.

Typology of adjective lineralization (on the material of English and Kabardino-Circassian languages) **410-420**

ART HISTORY AND CULTUROLOGY

Theory and history of culture and art of Caucasus peoples

Bazieva G.D.

Traditional art of the peoples of the Kabardino-Balkaria: history and modern practice **421-431**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY

Dzarakhov M.M.

To preserve, not to destroy: historical and cultural monuments of mountainous Ingushetia **432-446**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS**Anchabadze Y.D.**

Review of the monograph by Przemyslaw Adamczewski, Jakub Wojtkowiak, George Mamulia. «Memories of Izmael-bek (Jozef) Petrucin-Petrushevsky as a source on the history of the February revolution and the war in the Caucasus. 1917-1919". – Warsaw: Institute of political studies of the polish academy of sciences, 2022. – 332 p.» (in Russian, translated from Polish)

447-454**Ketenchiev M.B.**

Review of the monograph «Musukov B.A.-K. Formal semantic paradigm of colorative vocabulary in Turkic languages. – Nalchik: Binding2016, 2023. – 163 p.».

455-461**Tekueva M.A.**

Review of the monograph «Borov A.H. Conceptual results and problems of studying the experience of the revolution and civil war in Kabardino-Balkaria (1917-1918). – Nalchik: editorial and publishing department of IGI KBNTS RAS, 2024. – 152 p."

462-467**ANNIVERSARIES**

Dmitry Vladimirovich Sen' is 50 years old

468-471**IN MEMORIAN****Abazov A.Kh.**

In memory of Valery Khashirovich Kazarov

472-476**OUR AUTHORS****477-481**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная статья

УДК 93/94(470.6)+323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-16-40

EDN: BDZLNZ

ЭТНОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ГЕНЕЗИС И СПЕЦИФИКА*

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является исторически сложившийся целостный «локус» этнополитики – Кабардино-Балкарская Республика. В эпоху бытования традиционного общества взаимоотношения различных этносоциальных единиц и их социальных верхов на территории исторической Кабардино-Балкарии не осознавались как межэтнические и не несли национально-политического содержания. Предпосылки возникновения региональной этнополитики складываются на протяжении XIX в., когда социальные и интер-социальные отношения на Центральном Кавказе стали предметом регулирования со стороны государства. Формирование советской автономии Кабардино-Балкарии уже выступало как реальный этнополитический процесс, имевший своим предметом согласование национальных интересов кабардинского и балкарского народов. Противоправный акт изгнания с родины привнес в этносоциальный опыт балкарского народа травмирующее начало, которое не изжито до сих пор. В условиях кризисного перехода от советской к современной государственной и общественной системе в 1990-е гг. на первый план общественной и политической жизни полиэтнической и «двух-субъектной» республики выступили этнополитические проблемы и оформилась их современная специфика: переплетение процессов социально-политической консолидации Кабардино-Балкарской Республики и национальной консолидации ее «титულных» народов как глубинный источник воспроизводства этнополитики в общественной жизни региона; острая потребность в подтверждении собственной цельной национальной идентичности каждого из народов республики при отсутствии институционального оформления ее «двухсубъектности»; историко-политический дискурс как основное поле «борьбы за идентичность»; видимая асимметрия этно-социальной структуры республики и поиск возможностей, условий и форм ее преодоления как движущее начало кабардино-балкарской этнополитики на каждом этапе ее актуализации.

* Примечание редакции: Статья представляет обобщение материала ряда работ автора, опубликованных в Электронном журнале «Кавказология» в 2020–2023 гг.: Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 79-119; Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе: становление историографической традиции (конец XVIII – начало XX века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 2. – С. 68-110; Боров А.Х., Кажаров А.Г. Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 111-161; Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Центральный Кавказ как пространство социально-политических взаимодействий: итоги и перспективы изучения // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 48-85; Боров А.Х. Проблема «этнического» и «пространственного» в региональном историческом нарративе: «случай» Кабардино-Балкарии в свете данных этногеографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 15-40; Боров А.Х. Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 14-75.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, этнополитика, генезис, специфика, идентичности, история, асимметрия.

Для цитирования: Боров А.Х. Этнополитика современной Кабардино-Балкарии: генезис и специфика // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 16-40. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-16-40. EDN: BDZLNZ.

© Боров А.Х., 2024

Original article

ETHNOPOLITICS OF MODERN KABARDINO-BALKARIA: GENESIS AND SPECIFICITY

Aslan Kh. Borov

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Abstract. The subject of the research in this article is the historically formed integral “locus” of ethnopoltics – the Kabardino-Balkarian Republic. During the existence of traditional society, the ties between distinct ethnosocial groupings and their social elites within the territory of historical Kabardino-Balkaria were not viewed as interethnic and had no national-political implications. Prerequisites for the emergence of regional ethnopoltics developed during the 19th century, when social and intersocial relations in the Central Caucasus became the subject of regulation by the state. The formation of the Soviet autonomy of Kabardino-Balkaria already acted as a real ethnopoltical process, the subject of which was the coordination of national interests of the Kabardian and Balkar peoples. The illegal act of expulsion from their homeland brought a traumatic beginning to the ethnosocial experience of the Balkar people, which has not been eradicated to this day. Ethnopoltical problems came to the forefront of the social and political life of the multi-ethnic and “two-subject” republic in the conditions of the crisis transition from the Soviet to the modern state and public system in the 1990s and their modern specificity took shape: the interweaving of the processes of socio-political consolidation of the Kabardino-Balkarian Republic and the national consolidation of its “titular” peoples as a deep source of reproduction of ethnopoltics in the social life of the region; an urgent need to confirm the integral national identity of each of the peoples of the republic in the absence of institutional registration of its “two-subject” nature; historical and political discourse as the main field of the “struggle for identity”; the visible asymmetry of the ethno-social structure of the republic and the search for opportunities, conditions and forms of overcoming it as the driving force of Kabardino-Balkarian ethnopoltics at each stage of its actualization.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, ethnopoltics, genesis, specificity, identities, history, asymmetry.

For citation: Borov A.Kh. Ethnopoltics of modern Kabardino-Balkaria: genesis and specificity. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 16-40. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-16-40. EDN: BDZLNZ.

© Borov A.Kh., 2024

Введение

Этнополитические проблемы и конфликты в регионах (республиках) Северного Кавказа вышли на первый план общественной жизни в 1990-е гг., а в

2000-е стали затухать. Значит ли это, что факторы и проявления кризисной, конфликтной этнополитики в республиках Северного Кавказа и в Кабардино-Балкарии, в частности, преодолены на обозримую перспективу? Спорадические локальные обострения, а также экспертные и официальные оценки свидетельствуют о другом. Специалисты отмечают и снижение общего градуса межэтнических противоречий, и сохранение «системного конфликтогенного потенциала» в отношениях этнических сообществ региона [Аствацатурова, Понеделков 2021: 140; Аствацатурова 2021: 46]. Стратегия национальной политики РФ до 2025 г. в редакции указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703, от 15.01.2024 г. № 36 также констатирует наличие в сфере межнациональных (межэтнических) отношений ряда проблем¹. На поставленный Э.А. Паиным вопрос, завершится ли спадом 2000-х гг. «волнообразный процесс этнополитической активности», трудно дать определенный ответ [Паин 2023: 13]. Судя по всему, в социально-экономической, идеологической, институциональной сферах не выстроены надежные барьеры на пути возможного обострения этнополитических проблем.

Таким образом, исследование этнополитических проблем Северного Кавказа сохраняет актуальность. Вопрос в выборе продуктивного подхода к их анализу. Используемый в данной работе подход строится на том, что в качестве проблемы рассматривается не тот или иной фактор, аспект или событие этнополитического процесса, а исторически сложившийся целостный «локус» этнополитики, в котором определенным образом совмещаются и сталкиваются идентичности, статусные, территориальные и властные притязания, выдвигаемые от имени этнических групп. Каждый такой локус этнополитики на Северном Кавказе, как правило, ограничен пределами одной из республик и требует индивидуализированного анализа. Соответственно этому, объектом изучения в предлагаемой статье является Кабардино-Балкария как этно-социо-территориальная единица исторического процесса с охватом всех этапов ее истории от возникновения до конца XX в. Предметом анализа выступает эволюция форм социально-политической организации ее полиэтнического пространства и генезис этнополитики как специфической сферы ее современной общественной жизни.

Материал, методы, обзор

Материалом для анализа в работе служат письменные (нарративные и документальные) источники и исследовательские работы, которые содержат историко-этнографические и историко-политические данные, оценки и обобщения, выступающие в качестве конституирующих элементов этнополитического дискурса в современной Кабардино-Балкарии.

Традиционная система взаимоотношений владений и обществ (этносоциальных общностей) Центрального Кавказа XVI-XVIII вв., частью которой были устойчивые связи Кабарды и Балкарии, поддается реконструкции на основании широкого набора нарративных описаний и документальных свидетельств,

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36) [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 17.07.2024).

опубликованных в сборниках и обзорах в XIX-XX вв. [Бутков 1869; Белокуров 1889; Посольство... 1887; Посольство... 1926; Кабардино-русские... 1957a; Кабардино-русские... 1957b; Документы... 1959; Адыги... 1974; Русско-осетинские... 1976; Русско-Осетинские... 1984]. Эволюция традиционного социально-политического порядка в имперский период зафиксирована в материалах академических экспедиций конца XVIII – начала XIX в.; военно-академических штудий первой половины XIX в.; комиссий «для разбора личных и поземельных прав» и «разбора сословных прав» горцев Терской и Кубанской областей, работавших в 1860-1870-х гг.; первых публикаций, которые можно условно отнести к жанру этнопублицистики [Гильденштедт 2002; Клапрот 1974; Паллас 1974; Броневский 1823; Бларамберг 1999; Сталь 2001; О правах... 2003; Цаликов 1882; Абаев 1992; Шаханов 1991].

XX век отмечен резким расширением круга источников непосредственно несущих информацию о явлениях, процессах и проблемах этнополитической сферы общественной жизни Кабардино-Балкарии. Здесь приходится ограничиться указанием на несколько опубликованных сборников документов, которые содержат различные виды документов (программы политических партий, законодательные акты, протоколы и постановления съездов и конференций, публицистику, материалы периодики), отразивших основные этапы и проблемы этнополитической динамики [Административно-территориальные... 2000; Балкарцы... 2001; Час испытаний... 2001; Документы... 1983; Съезды... 1977; Этнополитическая ситуация... 1994; Политика и право... 2001]. В целом, налицо достаточная источниковедческая база для извлечения, систематизации и обобщения данных о генезисе и особенностях современной этнополитики Кабардино-Балкарии.

Научная традиция исследований этнополитического измерения исторического процесса на Северном Кавказе насчитывает два с половиной столетия. И уже в общественно-научном дискурсе конца XVIII – начала XIX в. оформились базовые элементы интерпретации традиционной системы интер-социальных взаимодействий в регионе [Гильденштедт 2002; Клапрот 1974; Паллас 1974; Броневский 1823]. Они в том или ином виде сохранили свое присутствие в кавказоведческой литературе не только имперского, но и советского периодов [Бларамберг 1999; Сталь 2001; Грабовский 1876; Ковалевский 1883; Ковалевский 1890; Кудашев 1913; Кокиев 2005; История Кабардино-Балкарской... 1967; История народов... 1988].

Советская академическая традиция четко разводила социально-классовое и этнополитическое содержание в отношениях этносоциальных общностей региона. Соответственно, этнополитическое измерение регионального исторического процесса советского периода рассматривалось в отрыве от наследия предшествующих эпох. Основными концептами, выражающими природу этнополитических процессов 1920-1980-х гг., служили «национально-государственное строительство» и «национальная политика», которые воплощали идеологию и практику коммунистической партии и советского государства, выступавших главными субъектами регионального политического процесса [Кокиев 2005; Улигов 1979].

Современная историография в явной или неявной форме помещает социальные взаимодействия традиционных обществ Центрального Кавказа в «меж-

этнический» и/или «этнополитический» контекст. В рамках такого подхода неизбежно возникают существенно различные, порой несовместимые концептуализации изучаемого явления [Кажаров 2014a; Кожев 2016; Кипкеев 2005; Хатуев 1999; Бегеулов 2009; Баразбиев 2000]. В изучении «национально-государственного строительства» советского периода акценты смещены на национально-политическую активность этнических элит и самих народов региона [Кармов 2008a; Кармов 2008b; Кажаров 2014b; Кажаров 2019].

В области научного изучения актуальной ситуации северокавказской и кабардино-балкарской этнополитики также наблюдается амбивалентная ситуация. При самом общем знакомстве с корпусом этнополитологических исследований на Северном Кавказе 1990-х – 2000-х гг. возникает впечатление, что количественный рост публикаций не сопровождался кумулятивным накоплением знаний об их предмете. Новые работы зачастую отправлялись не от того, что уже надежно установлено, к тому, что еще не познано, а как бы заново обращались к своей проблеме, перечисляя один и тот же набор «факторов» и теорий этнополитической конфликтности. Специальное изучение этнополитики Кабардино-Балкарской Республики имеет сравнительно скромные масштабы, но по своим характеристикам укладывается в общую канву северокавказской этнополитологии.

В целом, представляется обоснованным недавно сделанное наблюдение, что в региональном научном сообществе наблюдается «некоторая инерционность, «усталость» методологии и концептуальных подходов, исчерпание категорий и понятий и бытование научных и наукообразных штампов» [Аствацатурова, Понеделков 2021: 140]. Критический анализ научной литературы, посвященной межэтническим взаимодействиям на Юге России, привел группу ростовских исследователей к выводу о том, что «для большинства этих исследований характерны дисциплинарная фрагментарность полученных научных знаний и парадигмальная ограниченность научно-исследовательских практик». Альтернативу они видели в изучении «межэтнических взаимодействий в региональных сообществах на Юге России как целостной этносоциальной реальности», что требует разработки «многомерных методологических конструктов в рамках междисциплинарных социально-гуманитарных исследований» [Денисова и др. 2018: 51-52]. Можно, видимо, описать межэтнические взаимодействия в масштабе Юга России как «целостную этносоциальную реальность» и приложить к ее анализу «многомерные методологические конструкты», но, как представляется, результатом также будет сложный теоретический конструкт, реально существующий в сугубо академическом дискурсе, не слишком доступный для понимания субъектов межэтнических взаимодействий и малоприменимый к развязыванию конкретных узлов межэтнических отношений.

К комплексному изучению индивидуального Кабардино-Балкарского «локуса» этнополитики весьма близко стоит опубликованное в 2002 г. монографическое исследование С.И. Аккиевой [Аккиева 2002]. Однако ее предмет хронологически ограничен анализом развития этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике в постсоветский период, а построена работа в аналитическом ключе. По отдельности в ней рассматриваются различные стороны ак-

туальных этнических процессов, идеология, технология, социальная база национальных движений, факторы этнополитического развития и т.д. Это дает структурированное представление о внутреннем этно-социальном пространстве Кабардино-Балкарии и о ее местоположении в социально-политическом пространстве России. Но этнополитические процессы и все движение региональной этнополитики происходят во времени, в пространстве прошлого, настоящего и будущего. Это обстоятельство диктует необходимость дополнения политологических обобщений исторической конкретикой [Паин 2023].

Исходя из этого, предлагаемая статья выполнена в рамках исторического подхода. Конечной целью анализа является не получение некоего теоретического результата, а синтез объяснения и понимания индивидуального опыта региональной этнополитики через реконструкцию процесса его становления, чтобы, говоря словами Й. Рюзена, «мобилизовать опыт прошлого с тем, чтобы настоящий опыт стал понятным, а ожидание будущего – возможным» [Rüsen 1987: 90]. Речь идет не об экстраполяции тенденций прошлого на будущее, а о понимании смысла и значения исторически сложившейся на сегодняшний день ситуации. Равным образом, речь идет не о пассивном ожидании будущего, а о социальном обновлении на основе определенных социально-политических принципов, позволяющих преодолеть негативные стороны прошлой и нынешней социальной реальности.

Результаты и обсуждение

Традиционная (автохтонная) система интер-социальных взаимодействий. С рубежа XIV-XV вв. идет становление Кабарды и Балкарии, причем природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную взаимосвязь. Это позволяет говорить об одновременном становлении исторической Кабардино-Балкарии как устойчивой области жизнедеятельности и упорядочения взаимных отношений кабардинцев и балкарцев. Их формы определялись, во-первых, характером хозяйственной основы кабардинского и балкарского общества, которую составляло отгонное животноводство. Оно предполагало использование и кабардинцами, и балкарцами пастбищных и сенокосных ресурсов в горах, в предгорьях и на равнине, а значит и поддержание взаимоприемлемого порядка их использования. Второй фактор институционализации интер-социальных взаимодействий кабардинцев и балкарцев – специфика их социально-политической (феодализм) и социально-территориальной (удельная система Кабарды, совокупность горских обществ Балкарии) организации. В качестве субъектов интер-социальных взаимодействий в источниках XVI-XVIII вв. выступают не этносы, не народы региона в современном смысле этого слова, а локальные этносоциальные организмы (общества) или социально-потестарные образования (владения и их владельцы – кабардинские князья и балкарские владельцы, применительно к которым русские источники того времени еще не используют термин «таубий»). Встречающийся в источниках термин «народ» никогда не обозначает этническую общность в целом. В этом смысле интер-социальные взаимодействия на территории исторической Кабардино-Балкарии того периода неправомерно ин-

терпретировать в терминах «межэтнических» или «межнациональных» отношений и накладывать на них сетку этнополитических категорий [Боров и др. 2020: 112-113].

Государство и региональная этнополитика: имперский опыт. С конца XVIII и на протяжении XIX в. возникают предпосылки этнизации и политизации отношений между элитами кабардинского и балкарского обществ. Установление суверенитета Российской империи над Центральным Кавказом превращало интер-социальные взаимодействия владений и обществ Центрального Кавказа в объект государственной политики. Хотя речь еще не шла об установлении прямого управления местными народами, военно-административные структуры Российского государства выступают как апелляционная инстанция и арбитр во взаимных отношениях этно-социальных единиц региона. В 1787 г. к российским властям с прошением о подданстве и «защитении от нападений кабардинцев» обратились первоначально владельцы только балкарского общества Черекского ущелья, но тогда же они привлекли Чегемцев, Хуламцев и Безенгиевцев к совместному противостоянию кабардинским князьям [Бутков 1869: 295; Акты, собранные... 1868: 1117]. А в 1827 г. уже представители всех балкарских обществ вместе с дигорцами коллективно просят принять их в российское подданство [Муратова 2007: 175-176]. Эта тенденция этнизации и политизации интер-социальных отношений получила институализированные формы, начиная с 1860-х гг., когда российские власти искали варианты решения сословного и земельного вопроса. Во-первых, осуществляется формальное разграничение Кабарды и Балкарии как этнотерриториальных образований. Это было необходимо для определения условий земельной реформы, которые не могли быть одинаковы для предгорно-равнинной и горной частей тогдашней Кабардино-Балкарии. Вслед за этим осуществляются меры по наделению земель безземельных горцев на территории, которую имперская администрация отнесла к Кабарде. В этих условиях представители балкарской элиты выдвигают тезис о существовании «задолго до утверждения в крае русских» границы между Кабардой и Балкарией, значительно расширяющий территорию последней по сравнению с фактическим положением дел [Шаханов 1991: 167]. Обоснованность или необоснованность этого тезиса с точки зрения исторических данных не столь существенна для нашей темы. Важен сам факт того, что в концептуальную структуру регионального общественного дискурса вводится представление о совокупной территории горских обществ и их общей границе с Кабардой как исторически глубинном явлении. Во-вторых, стремление администрации определить возможное место традиционных привилегированных сословий этнических обществ Центрального Кавказа в сословной системе Российской империи подразумевало дифференциацию их статуса. «Свод исследований» Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии подводил к выводу о том, что «в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа» доминировало княжеское сословие Кабарды, и его статус был принят комиссией как критерий определения статуса привилегированных сословий других горских обществ. Однако выводы комиссии стали предметом критического анализа со стороны ряда представителей горских этнических элит. Воспроизводство

в общественном дискурсе начала XX в. положений о господствующем положении на Центральном Кавказе кабардинских князей уже воспринималось ими сквозь призму этно-национальных, а не только сословных интересов. Таким образом, складываются базовые элементы кабардино-балкарской этнополитики – этно-территориальный и этно-статусный.

Государство и региональная этнополитика: советский опыт. Этно-территориальное и этно-статусное структурирование Кабардино-Балкарии приобрело явно выраженное политико-правовое оформление в процессе становления ее советской автономии.

В той или иной форме на протяжении всего периода 1917-1922 гг. стояла проблема разграничения Кабарды и Балкарии. Проблема их разграничения выростала из реализации аграрной политики советской власти, основанной на принципах социализации земли и уравнительного землепользования, в условиях Центрального Кавказа, где более или менее обеспеченная землей Кабарда соседствовала с малоземельными горскими обществами, прежде всего, с Балкарией. В итоге был достигнут компромисс и принято взаимоприемлемое решение не в контексте их разделения на две самостоятельные административные единицы, а в контексте их объединения в Кабардино-Балкарской автономной области. Такой результат обусловлен не политической конъюнктурой, а фундаментальными факторами, связанными со структурой земельных ресурсов и структурой землепользования как основы жизнеобеспечения аграрных обществ Кабарды и Балкарии.

Однако четкое территориальное разграничение Балкарии и Кабарды в случае последующего введения в действие предусмотренных постановлением от 16 января 1922 г. положений о функционировании в них отдельных съездов советов и исполкомов с их паритетным представительством в областном исполкоме превратило бы «объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область» в эфемерное образование. Руководство Кабарды не могло допустить обесмысливания своих земельных уступок в случае распада области. Перед лицом этой твердой позиции руководители Балкарии сделали выбор в пользу единой КБАО и компромисса в вопросе ее институциональной структуре. В целом, создание Кабардино-Балкарской автономной области имело своим содержанием процесс согласования национальных интересов Кабарды и Балкарии и выработки общей формы их институционализации [Боров, Кажаров 2021].

В процессе государственно-правовых изменений 1917-1922 гг. Кабарда и Балкария выступали не в качестве пассивных объектов политики властных институтов регионального и общероссийского уровня, а в качестве политических субъектов, активно продвигающих свои интересы. В КБАО был формально зафиксирован национально-территориальный и институциональный базис их дальнейшего существования. Если бы этого не произошло, не состоялись бы в последующем преобразование автономной области в автономную республику, провозглашение ее суверенитета, подписание ею Федеративного договора и закрепление конституционного статуса современной Кабардино-Балкарской Республики как субъекта Российской Федерации. Противоправный акт ликвидации

автономии балкарского народа в 1944 г. не мог устранить историческую реальность его самоопределения в 1921-1922 гг.

С точки зрения анализа предпосылок, причин, интересов и целей, связанных с депортацией балкарского народа, нет оснований считать ее порождением или явлением общественно-политической жизни КБАССР. Сам акт депортации полностью остается в «вертикальной» плоскости репрессивных действий тоталитарного режима по отношению к ряду народов и национальных групп Северного Кавказа. Но последствия депортации с неизбежностью приобрели значение внутренних для республики условий и факторов социального, национального и политического развития.

Прежде всего, депортация повлекла невосполнимые человеческие утраты и значительные демографические потери, нанесла существенный урон поступательному социально-культурному развитию балкарского народа. Но наиболее долгоживущим ее «последствием» является глубокий отпечаток, который она наложила не только на самосознание поколений, ставших непосредственными жертвами этой преступной акции, но и на всю национальную психологию современных балкарцев.

Начиная с 1956 г. и на протяжении примерно десятилетия решались задачи возвращения на родину, восстановления автономии и гражданского полноправия, реинтеграции балкарского народа в систему государственности, экономики и культуры КБАССР, обеспечения ему равных с другими группами населения возможностей социально-культурного развития. В историческом контексте советской национальной политики реабилитация вполне состоялась. Результаты последующего 20-летнего периода интенсивного подъема и сближения уровней социально-экономического и культурного развития народов КБАССР неоспоримо свидетельствуют об этом. Но в своем идеологическом оформлении первая реабилитация была преимущественно «социальной», а не «национальной». Вместе с углублением кризиса советского социализма в середине 1970-х – середине 1980-х гг. и бурным ростом слоя балкарской гуманитарной интеллигенции удовлетворенность ее социальными результатами снижалась, а неудовлетворенность национально-политической бессодержательностью росла.

Этнополитика в постсоветском политическом переходе. В условиях ослабления, а затем крушения институтов советского режима с неизбежностью развернулся процесс «переучреждения» советских автономий. В Кабардино-Балкарии (КБАССР), которая мыслилась как «форма национальной государственности» сразу двух народов, режимная трансформация могла развиваться только через конституирование в политическом процессе и «выяснение отношений» этнических акторов – элитных или массовых.

Кризис и крушение политической системы советского социализма повлекли за собой отключение прежних механизмов регулирования межэтнического баланса и сделали неизбежной ту или иную форму этно-национального самоопределения и «суверенизации». Основная внутренняя этнополитическая коллизия завязалась вокруг вопроса – как может быть обеспечено политическое представительство и влияние, соответствующие статусу титульного народа для балкарцев, составлявших тогда около 9 % населения республики. Уже с лета

1990 г. требования глубокой перестройки ее этнополитической структуры увязываются с проблемой всесторонней реабилитации балкарцев как репрессированного народа. С принятием Закона о реабилитации репрессированных народов (26 апреля 1991 г.) в сознании и политической практике балкарской национальной элиты происходит полное отождествление понятия «реабилитация» с понятием «политическое самоопределение балкарского народа», а набор требований о выполнении этого закона совпадает с программой суверенизации Балкарии (а значит, соответственно, Кабарды) и федерализации республики.

На рубеже 1991-1992 гг. в Кабардино-Балкарии окончательно оформилась ситуация, которую можно обобщенно описать как ситуацию институализированного этнополитического раскола. Прошли «съезды народов», сперва балкарского, потом кабардинского; были провозглашены Республика Балкария и Кабардинская Республика; Верховный Совет КБСССР «поддержал» эти решения. Тем самым оформился дуализм легитимации политических институтов и практик, т.е. наличие официально признанных, но несовместимых программ этнополитического переустройства республики и узаконенных общественных образований (Национальный совет балкарского народа, Конгресс кабардинского народа), выступающих носителями этих программ.

Однако ни в одной из основных этнических групп населения здесь не сформировались контрэлитные силы, способные отстранить от власти и лидерства устоявшуюся номенклатурную элиту, и это лишний раз свидетельствует, что глубокие внутренние предпосылки межэтнического конфликта в республике отсутствовали. В свою очередь, благодаря этому, законные институты государственной власти не только не были сломлены, но сохраняли все свои полномочия по решению основных вопросов, поставленных национальными движениями. На протяжении 1992-1993 гг. политический дрейф республики имел в своей основе постепенное накопление предпосылок для преодоления дуализма легитимации и восстановления однородности институциональной структуры политической системы, то есть выхода из ситуации неопределенности. В борьбе за монополию легитимности преимущества были, безусловно, на стороне официальных властных структур. Исполнительная власть, возглавляемая Президентом республики, сыграла решающую роль в восстановлении системы внутриэлитных связей и консолидации этнических элитных групп республики неформальными методами в рамках модифицированной иерархически-аппаратной системы. Исполнительная власть обрела на этой фазе характеристики доминирующего политического субъекта, но ее стратегия была нацелена на достижение компромисса этнических подгрупп республиканской элиты по поводу распределения влияния и ресурсов [Боров, Тумов 2017].

С рубежа 1993-1994 гг. начинается фаза консолидации постсоветского политического режима, стабилизации системы внутренних (этнополитических) и внешних (федеративных) отношений, закрепления политического компромисса этнических элит, конституционного оформления современной системы политических институтов республики. Конституция КБР 1997 г. зафиксировала общие результаты системной политической трансформации. Она несла в себе определенные этнополитические «следы» учредительного процесса со всеми его пе-

рипетиями и одновременно воплощала принципы и нормы современной демократии. Дальнейшие конституционно-правовые преобразования устранили из нее положения, отражавшие наследие суверенизации начала 1990-х гг., и какие-либо признаки «национальной государственности» кабардинцев и балкарцев.

Проблема особенностей кабардино-балкарской этнополитики. Конфликтные формы этнополитики в начале 1990-х гг. были в решающей степени обусловлены кризисом государственной власти. В настоящее время нет оснований прогнозировать его повторение, но полностью исключать такую возможность также нельзя. Чтобы оценить условия, в которых этнополитические коллизии могут вновь выйти на поверхность, и формы, в которых могут быть актуализированы все связанные с ними угрозы, необходимо иметь достаточно полное представление об их исторически сложившейся специфике. Речь идет не о том, чтобы зафиксировать «особенности» Кабардино-Балкарской этнополитики в сравнении с другими регионами. Такая фиксация носила бы формальный классификационный характер, не выявляющий движущее начало регионального этнополитического процесса. Важнее увидеть историческую и политическую индивидуальность республики, которая сформирована определенным сочетанием в ее этно-социальной структуре общих и отличительных, исторических и актуальных, «материальных» и символических характеристик.

Прежде всего, следует отметить особую глубину, многообразие и прочность взаимных связей кабардинского и балкарского этнических обществ. В исторических источниках они фиксируются со второй четверти XVII в., но начали они складываться, безусловно, раньше. Окончательное сложение кабардинского и балкарского народов не предшествовало, а было результатом возникновения исторической Кабардино-Балкарии как области, в которой осуществляли свою жизнедеятельность и упорядочивали взаимные отношения «ранние» кабардинцы и балкарцы. Включение кабардинского и балкарского населения в состав одной административной единицы (округа) в рамках Терской области Российской империи и одной советской автономии (Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 и Кабардино-Балкарской АССР с 1936 г.) означало не «объединение» просто соседствующих народов, а формальное закрепление в территориально-политической структуре Российского государства фактической взаимосвязи Кабарды и Балкарии.

Однако условия традиционной хозяйственной, социальной и культурной сцепки, модернизационные процессы, административная политика имперской и национальная политика советской власти не препятствовали, а способствовали этнической консолидации и укреплению особой этнической идентичности каждого из этих двух народов, принадлежащих к различным языковым семьям. И в этом переплетении процессов социально-политической консолидации Кабардино-Балкарской Республики и национальной консолидации ее «титulyных» народов – глубинный источник воспроизводства этнополитики как особой сферы общественной жизни региона. Этим обстоятельством определяется и то, что ядро этнополитической проблематики в республике, присутствующее во всех конкретных коллизиях, образует потребность в подтверждении, поддержании и утверждении собственной цельной национальной идентичности каждого из ее

«титulyных» народов. Сама многосторонняя и тесная связанность кабардинского и балкарского этнических обществ обостряет для них проблему идентичности, поскольку она никаким образом не институализирована в ее политической и административно-территориальной системе. Отсюда, в частности, характерное для массового сознания сочетание «нарциссизма маргинальных различий» и установки на «этническое присвоение» общих для двух народов элементов материальной и духовной культуры.

Еще одним, усиливающим «коллизии идентичностей» фактором, выступает фундаментальная для кабардино-балкарской этнополитики черта, а именно: асимметрия демографических масштабов, ресурсов жизнеобеспечения и статуса в политической системе республики ее мыслимых субъектов – балкарского и кабардинского народов. Поиск возможностей, условий и форм преодоления этой асимметрии выступает движущим началом кабардино-балкарской этнополитики на каждом этапе ее актуализации.

Демографический баланс не поддается искусственному и быстрому изменению, но доля балкарского населения в республике растет, а, главное, сегодня это не три с небольшим десятка тысяч жителей преимущественно горных селений как в 1926 г., а свыше 120 тыс. человек, проживающих в большинстве в предгорной и равнинной зоне республики, где сосредоточены ее основные экономические, инфраструктурные и социальные ресурсы. Только в столичном городском округе, считая городское и сельское население, сконцентрировано около 40 % балкарского населения, которое имеет высокий уровень образования и широко представлено в основных профессиональных сферах и в бизнесе.

Что касается ресурсной асимметрии, традиционная борьба за землю как сельскохозяйственный ресурс во многом утратила экономическое значение, но не мотивирующий национальное движение потенциал. Важный промежуточный рубеж в земельном вопросе был достигнут в результате реализации в республике Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. О непропорциональном распределении земель общего пользования между основными группами населения теперь заявляло кабардинское национальное движение, так как после ликвидации так называемых межселенных территорий сельские поселения с преимущественно балкарским населением (41,3 тыс. чел.) стали располагать 334,4 тыс. га земель, а поселения с преимущественно кабардинским населением (253,7 тыс. чел.) – 333,2 тыс. га [Этнотерриториальная... 2010: 75].

Но борьба за землю и требование «восстановления районов Балкарии» несли наряду с территориальным и этно-статусный аспект. Подразумевалось, что должностными лицами в «балкарских районах» будут только граждане балкарской национальности в отличие от «смешанных», «кабардино-балкарских» районов, а на уровне республиканских институтов власти и управления будут обеспечены ротация первых лиц и паритетное представительство. Произошедшее на рубеже 1980-1990-х гг. увязывание территориальной реабилитации с требованием возвращения к этническому паритету в органах власти как принципу объединения Кабарды и Балкарии в единую автономную область в 1922 г. не было произвольным, необязательным шагом балкарского национального

движения. С его точки зрения тем самым была бы преодолена этнополитическая асимметрия и обеспечена своеобразная национальная суверенность балкарского народа в рамках Кабардино-Балкарской Республики.

Не менее важной в условиях Кабардино-Балкарии и несущей политические импликации является «борьба за идентичность» в рамках исторического дискурса. Любые исторические сюжеты, трактовки которых способны поставить под вопрос укорененность и самостоятельность того или иного народа в далеком и недавнем прошлом, мыслятся как отрицание его полноправия в современной структуре «национальной государственности».

И «балкарский» и «кабардинский» этнополитические проекты получают историко-политическую легитимацию либо по формуле «восстановления прав репрессированного балкарского народа (его реабилитации)», либо по формуле «восстановления» исторической Кабарды или всей Черкесии, разрушенной в результате Кавказской войны. Но возможности их эффективного воплощения также характеризуются значительной асимметрией.

История депортации и пребывания в изгнании (1944-1956 гг.) лежала к концу 1980-х гг. в пределах жизненного опыта среднего и старшего поколений балкарского народа, а история завоевания Кабарды и связанных с ней трагических коллизий была отдалена от кабардинцев, живущих в конце XX в., не менее чем на семь поколений. Соответственно, можно предполагать, что эмоционально-психологическая интенсивность и мобилизующий потенциал исторической памяти балкарцев были существенно выше.

Преодоление последствий депортации – «полная реабилитация» – подразумевала не только символический, но и непосредственный материальный результат – закрепление за балкарским населением значительной части территориальных и властных ресурсов республики. Мыслимые результаты решения черкесского вопроса носили более отдаленный и абстрактный характер и не предполагали непосредственных изменений в лучшую сторону для кабардинского населения КБР.

Требование «полной реабилитации» балкарского народа находило опору в российских и республиканских политико-правовых актах предшествующего депортации и последующего периодов и принимало форму выполнения уже принятых государственных решений, тогда как черкесский вопрос имел форму притязаний адыгских национальных организаций, не располагавших полномочиями и ресурсами для его решения.

Реабилитация предполагала преобразование только внутренней этнополитической структуры Кабардино-Балкарской Республики, а федеральная власть санкционировала эти изменения, выступала в качестве союзника и апелляционной инстанции для балкарского населения республики. В отличие от этого черкесский вопрос должен был решаться на федеральном и международном уровне. Российское государство выступало как «ответчик» и исполнитель воли черкесского сообщества, а воплощение ее в полном объеме, включая создание единого «черкесского» субъекта федерации, задевало интересы многих национальных групп населения Северного Кавказа.

В целом, реабилитация балкарского народа представлялась относительно простой, а решение черкесского вопроса – чрезвычайно сложной политической проблемой. Но как историко-политические феномены они характеризуются сущностным единством, будучи направлены на «преодоление последствий» определенных событий прошлого путем создания особых условий для отдельных этнических групп населения сегодня.

Таким образом, нет ни одного вопроса в длительной и насыщенной совместной истории народов Кабардино-Балкарии, который был бы неважен для их национального самоутверждения. Для них это не просто история, а глубоко укорененное мировидение, которое проявляется в групповом нарративе и удовлетворяет психологическую потребность в объяснении отношений группы с другими группами. Взаимные притязания в этой сфере относятся к центральным элементам исторического опыта и сердцевинным метафорам групповой идентичности и воспринимаются как «обсуждение не подлежащих обсуждению» культурных притязаний, угроз и/или прав [Ross 2001].

Одной из «не подлежащих обсуждению», но обсуждаемых тем является тема «этнических территорий». Она воплощается в двух основных формах. Первая из них тесно связана с вопросом о территории, на которой происходили процессы этногенеза, сложения народов Кабардино-Балкарии. В этом случае речь действительно идет о «сердцевинной метафоре групповой идентичности». Отрицание исконной и неразрывной связи того или другого народа с территорией Кабардино-Балкарии воспринимается как отрицание его права на существование в качестве субъекта региональной политики. Но сама природа знаний о древности, основанная на археологических источниках, такова, что практически не позволяет с полной определенностью идентифицировать культурные ареалы с этническими общностями, а этнические общности древности с современными народами. Этнополитический дискурс и кабардинских, и балкарских этно-активистов не знает этой осторожности: предки одного современного народа прямо идентифицируются с носителями древних археологических культур и с обширной территорией, включающей всю нынешнюю территорию республики, что не оставляет места на ней для другого народа.

Вторая форма воплощения темы этнических территорий, напротив, связана с поиском линии разграничения Кабарды и Балкарии в пределах Кабардино-Балкарии. В этом случае этно-идентификационные потребности соединяются с социально-экономическими интересами, поскольку речь идет о распределении земельных ресурсов. Когда решались вопросы разграничения Кабарды и Балкарии в 1863-1864 и 1922 гг., эти интересы прямо заявлялись и учитывались. Кабардинское и балкарское население было сосредоточено в сельских общинах; районов и населенных пунктов с диффузным проживанием разных национальных групп практически не было; земли сельскохозяйственного назначения были чуть ли не единственным источником жизнеобеспечения, и хозяйственный интерес был первичен по отношению к национально-политическим устремлениям. По всем этим показателям ситуация начала 1990-х гг. была качественно иной, но проблема разграничения Кабарды и Балкарии выступила на первый план общественной жизни с небывалой до той поры остротой. Теперь она была

связана с перспективой полного национально-политического размежевания Балкарии и Кабарды и с образованием двух отдельных республик. Формально вопрос возник в контексте требований реализовать положение Закона о реабилитации репрессированных народов 1991 г. о территориальной реабилитации путем восстановления районов Балкарии по состоянию на 1944 г. Для балкарской части населения он изначально нес значение «сердцевинной метафоры групповой идентичности», а когда он стал связываться с перестройкой властных институтов на основе принципа этнического паритета, а затем с полным разделом республики, такое же значение он приобрел и для кабардинского населения. Отсюда неизбежная апелляция не только к формальным основаниям определения границы (санкционированные государством «линии» 1864 или 1944 г.), но и к аргументам исконности и традиционных форм социально-политической организации полиэтнического пространства исторической Кабардино-Балкарии. Таким образом, тема границ Кабарды и Балкарии соединяет и смешивает этнические и административные, исторические и актуальные политические, психологические (идентификационные) и формально-юридические основания и критерии их определения.

Структурная асимметрия кабардино-балкарской этнополитики обуславливает асимметрию инициативности и активности национальных движений. Насыщенная этнополитическими проблемами история Кабардино-Балкарии XX века оставила в наследство XXI веку два этнополитических проекта, выражающих различные ответы на вопрос: «Как может существовать единая Кабардино-Балкария»? Носителями этих проектов выступают активисты национальных движений, но они способны находить отклик в массовых слоях кабардинского и балкарского населения, поскольку отвечают глубоко укорененной в общественном сознании ее народов потребности в подтверждении своего статуса национальных субъектов региональной политики, особенно в моменты дестабилизации социально-политической обстановки.

«Балкарский» этнополитический проект – это динамичный, реформаторский проект, предполагающий глубокую перестройку этнополитической структуры республики. Его сторонники до сих пор соотносят его не с конституционно-правовыми основами современной Российской государственности, задающими рамки любой политической деятельности, а с позицией официальных властей республики и кабардинского национального движения. Их пассивное или негативное отношение к такой перестройке стимулирует выдвижение идеи выхода Балкарии из состава КБР и ее самоопределения как республики в составе РФ.

«Кабардинский» этнополитический проект является ответом на вышеозначенную программу и носит консервативно-охранительный, защитный (в минималистском варианте) или альтернативно-реформаторский, «контрнаступательный» (в максималистском варианте). Если на повестку дня встает радикальная перестройка этнополитической структуры или «раздел» республики, то, с точки зрения кабардинского национально-политического сознания, они допустимы только при условии восстановления Кабарды и Балкарии в их исторических пределах с возвращением Кабарде всех территорий, предоставленных балкарскому населению на протяжении 1860-х – 1920-х гг.

Весьма различна мера целеустремленности национальных движений в продвижении соответствующих проектов. Независимо от смены обстановки, политических приоритетов, организаций и лидеров, балкарское национальное движение сосредоточено на последовательной реализации обрисованного выше проекта. Кабардинское национальное движение более или менее последовательно защищало свой этнополитический проект в 1990-е гг., когда противостояли друг другу Национальный совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа. Затем он был еще раз актуализирован, когда в ходе борьбы вокруг реализации ФЗ № 131 и определения статуса земель отгонного животноводства в 2008-2011 гг. возник и активно действовал Координационный совет адыгских общественных организаций КБР. В целом же с начала 2000-х гг. на первом плане находились общеадыгские национальные проблемы, получившие обозначение как «черкесский вопрос».

Описанный выше комплекс представлений и основанных на них этнополитических практик в настоящее время не имеет прямого политического выражения. Он существует как «второй план» общественного сознания. Важно, однако, что его полного вытеснения и/или замещения иными моделями социального и политического действия не произошло.

Заключение

Этнополитика Кабардино-Балкарии не является прямым и извечным выражением полиэтнического состава ее населения, но она также не есть феномен, только последних десятилетий, порожденный условиями кризисного перехода от советской к современной общественной и политической системе России на рубеже 1980-1990-х гг. Политические представления и практики, объектом которых выступают этнические группы (национальная политика), а субъекты которых претендуют на представительство интересов этнических групп (этнополитика) являются продуктом длительного исторического развития.

В период бытования традиционного общества (документированного для XVI-XVIII вв.) взаимоотношения этносоциальных единиц (владений и обществ) и их социальных верхов (феодалов аристократии) на совокупной территории Кабарды и Балкарии не осознавались как межэтнические и не несли национально-политического содержания.

Когда социальные и интер-социальные отношения на Центральном Кавказе стали предметом регулирования со стороны государства в конце XVIII – начале XX вв., складываются предпосылки возникновения региональной этнополитики, поскольку государство стало регулятором интер-социальных отношений, проводимые реформы принаравливались к этнической специфике социальных укладов, устанавливались формальные границы этнических ареалов, местные элиты вовлекались в подготовку преобразований, а для их включения в сословную систему империи выяснялась градация их социального статуса не только в рамках отдельных обществ, но и в их взаимных отношениях.

Проблемы соотношения этнополитического статуса и этнических территорий кабардинцев и балкарцев оказались в центре дискуссий и при реальном построении советской политико-административной организации Центрального

Кавказа. В обсуждении и решении соответствующих вопросов активно и инициативно участвовали представители новой, советской этнической элиты Кабарды и Балкарии, то есть это был этнополитический процесс, имевший своим предметом согласование национальных интересов кабардинского и балкарского народов. В дальнейшем развитии советской национальной политики возможности проявления «низовой» этнополитики были заблокированы, но совершенный по отношению к балкарскому народу противоправный акт изгнания с родины привнес в его этносоциальный опыт травмирующее начало, которое не было до конца заглушено его первой, советской реабилитацией конца 1950-х – 1960-х гг.

В условиях кризиса и крушения советской государственной и общественной системы на рубеже 1980-1990-х гг. на первый план общественной и политической жизни полиэтничной и «двух-субъектной» Кабардино-Балкарской республики выступили этнополитические проблемы, и был актуализирован весь комплекс унаследованных из давнего и недавнего прошлого факторов, определявших содержание и формы их проявления. Принципиальная новизна ситуации определялась двумя обстоятельствами. Во-первых, в отличие от начала XX в. и условий формирования советской автономии Кабардино-Балкарии в 1921-1922 гг. этнополитический фон институциональных изменений начала 1990-х гг. содержал в себе идею суверенизации. Она не сводилась к формальному провозглашению суверенитета республики, а задавала и горизонт устремлений этно-национальных движений. Во-вторых, в отличие от позднего имперского и раннего советского периодов этнические элиты не просто обращались к государству за решением своих проблем, а выдвигали собственные программы этнополитического переустройства республики.

Ни одна из выдвинутых национальными движениями программ этнополитической реконструкции не была реализована так же, как и промежуточная компромиссная программа, воплотившаяся в Декларации о государственном суверенитете КБССР 1991 г. Скорее всего, они объективно не могли быть реализованы, и попытки «во что бы то ни стало» их воплотить в жизнь могли обернуться последствиями, гораздо худшими для всех национальных групп населения республики, чем то, что получилось в итоге. А в итоге, ни Конституция КБР, ни структура исполнительных и представительных органов власти, ни административно-территориальное устройство, ни избирательная система республики не включают в себя никаких организационных и процедурных элементов, позволяющих говорить об институционализации этничности.

Но социально-психологические комплексы, составляющие глубинную основу этнополитической мобилизации значительных групп населения, не вытеснены, а только перемещены в латентную сферу общественного сознания и общественной жизни Кабардино-Балкарии. С другой стороны, хотя «официальной» этнополитики в современной Кабардино-Балкарии нет, публичная политическая риторика официальных властей, базирующаяся на формуле «Кабардино-Балкария – республика мира и согласия», имплицитно ее воспроизводит, поскольку подразумевает, что субъектами политических отношений в республике выступают ее «народы», а не граждане.

Этнополитические проблемы не имеют этнополитического разрешения. Чтобы они были разрешены, необходимо выйти за пределы этнополитики. В сфере формального конституционно-правового регулирования общественной жизни такой выход уже произошел. Формально закреплён универсальный принцип равенства людей, независимо от той или иной их частной (включая этническую) идентичности. Будущее, для которого этнополитика останется в прошлом, может быть построено только на основе утверждения единой гражданской идентичности для всех жителей республики через их реальное демократическое участие в делах государства и местного самоуправления. Вопрос же о реальности такой перспективы для Кабардино-Балкарии выходит за рамки предмета данной статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
- Административно-территориальные... 2000 – Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сборник документов / Сост. Р.М. Ашхотова и др. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 732 с.
- Адыги... 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова (в дальнейшем – АБКИЕА). – Нальчик: Эльбрус, 1974.
- Акиева 2002 – *Акиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). – М.: ИЭА РАН, 2002. – 448 с.
- Акты, собранные... 1868 – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 2 / Арх. гл. упр. наместника Кавк.; Под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. – 1238 с.
- Аствацатурова 2021 – *Аствацатурова М.А.* Позитивы и проблемы государственной национальной политики РФ в Северо-Кавказском федеральном округе // Республиканские общественно-политические Гусаевские чтения. Сборник материалов конференции. – Махачкала: АЛЕФ, 2021. – С. 40-49.
- Аствацатурова, Понделков 2021 – *Аствацатурова М.А., Понделков А.В.* Новое прочтение старых проблем Северо-Кавказского федерального округа (политико-управленческое Дежавю) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8 (135). – С. 139-143.
- Балкарцы... 2001 – Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 227 с.
- Барзбиев 2000 – *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с. С. 19-25.
- Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 290 с.
- Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1: 1578-1613. – М.: Унив. тип., 1889. – 584 с.
- Бларамберг 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.
- Бларамберг 1999 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.

Боров и др. 2020 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.* Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 79-119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-79-119>

Боров, Кажаров 2021 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 111-161. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-111-161>;

Боров, Тумов 2017 – *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 4. – С. 40-55. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23356

Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1. – М.: В тип. С. Селивановского, 1823. – XXXI, 352 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. Часть вторая. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869. – 602 с.

Гильденштедт 2002 – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. Петербургское Востоковедение. 2002. – 512 с.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1876. – Выпуск IX. – С. 112-212.

Денисова и др. 2018 – *Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П.* Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Том 7. – № 6. – С. 41-56.

Документы... 1959 – Документы по истории Балкарии 40-90-х гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Документы... 1983 – Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 482 с.

История народов... 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Кабардино-русские... 1957a – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 1: XVI-XVII в. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: АН СССР, 1957. – 478 с.

Кабардино-русские... 1957b – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Том 2: XVIII в. / Сост. В.М. Букалова. – М.: АН СССР, 1957. – 424 с.

Кажаров 2014a – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. к.и.н. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570-589.

Кажаров 2014b – *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. к.и.н. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 530-569.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Кармов 2008a – *Кармов А.Х.* Выделение Кабарды из Горской АССР и образование Кабардинской автономной области // Исторический вестник. – 2008. – Вып. 7. – С. 42-58.

Кармов 2008b – *Кармов А.Х.* Выход Балкарии из Горской АССР и создание Кабардино-Балкарской автономной области // Исторический вестник. – 2008. – Вып. 7. – С. 59-76.

Кипкеев 2005 – *Кипкеев И.С.* История правовой культуры этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе (XVI–XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Черкесск, 2005. – 174 с.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Ковалевский 1883 – *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137-154.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе: в 2-х т. Т. 1. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – 303 с.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Кокиев 2005 – *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 411-469.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе [К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева]. – Киев: Типо-лит. «С.В. Кульженко», 1913. – XVI, 283 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVIII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

О правах... 2003 – О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Том I. / Составители: Х.М. Думанов и другие. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – С. 73-247.

Паин 2023 – *Паин Э.А.* Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. – М.: «Новое литературное обозрение», 2023. – 392 с.

Паллас 1974 – *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214-224.

Политика и право... 2001 – Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. Авторы-составители: С.И. Аккиева, Х.М. Думанов. Отв. ред. М.Н. Губогло. Том 1-2. – Москва-Нальчик: ЦИМО ИЭА РАН, 2001. – Т. 1. 384 с., Т. 2. – 344 с.

Посольство... 1887 – Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639-1640 гг.) С предисловием С.А. Белокурова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете 1887. Кн. 2. Октябрь – декабрь: Под ред. Е.В. Барсова. – М.: Университетская тип., 1887. – С. 257-376.

Посольство... 1926 – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652 / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлисс. ун-т, 1926. – 231 с.

Русско-осетинские... 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том I: 1742-1762 гг. / Сост. М.М. Блиев. Ред. П.П. Епифанов. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Русско-осетинские... 1984 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Том II: 1764-1784 гг. / Сост. проф. М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 439 с.

Сталь 2001 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 187-278.

Съезды... 1977 – Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2 тт. Т. 1 / Сост. Х.Х. Бекузаров, А.К. Джанаев, Д.З. Коренев, В.Д. Кучиев – Орджоникидзе: Ир, 1977. – 350 с.

Улигов 1979 – Улигов У.А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 354 с.

Хатуев 1999 – Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 5-198.

Цаликов 1882 – Цаликов Д. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная 1869 года в г. Владикавказе / [Полк. Д. Цаликов]. – Каменец-Подольск: «Русская типография» М. Гликина, 1882. – 26 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: сайт. URL: <https://www.prilib.ru/item/337094> (дата обращения: 21.06.2020).

Час испытаний... 2001 – Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (Документы и материалы). – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 901 с.

Шаханов 1991 – Шаханов Б.А. Избранная публицистика / Предисл., сост. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

Этнополитическая ситуация... 1994 – Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Составитель и ответственный редактор И.Л. Бабич. В 2 т. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. – Т. 1. 243 с., Т. 2. – 313 с.

Этнотерриториальная... 2010 – Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии и проблемы реализации в КБР Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – Нальчик: Б.и., 2010. – 107 с.

Ross 2001 – Ross M.H. Psychocultural Interpretations and Dramas: Identity Dynamics in Ethnic Conflict // Political Psychology. – 2001. – Vol. 22. – No. 1. – P. 157-178.

Rüsen 1987 – Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87–97.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskii ocherk* [Balkariya. Outline of history]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russ.).

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov / Sost. R.M. Ashkhotova i dr. [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity. Collection of documents. Compiled by R.M. Ashkhotova]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2000. – 732 p. (In Russ.).

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova [Adyghe, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th-19th centuries / Compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts by V.K. Gardanov]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – 636 p. (In Russ.).

AKKIEVA S.I. *Razvitie etnopoliticheskoi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike (postsovet'skii period)* [Development of the ethnopolitical situation in the Kabardino-Balkarian Republic (post-Soviet period)]. М.: IEA РАН, 2002. – 448 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei: v 12-ti t. T. 2 / Arkhiv glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo; Pod obshch. red. A.D. Berzhe [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. Vol. 2. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus; Under the general ed. A.D. Berger]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868. – 1238 p. (In Russ.).

ASTVATSATUROVA M.A. *Pozitivы i problemy gosudarstvennoi natsional'noi politiki RF v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge* [Positives and problems of the state national policy of the Russian Federation in the North Caucasian Federal District]. IN: Respublikanskіe obshchestvenno-politicheskie Gusaevskie chteniya. Sbornik materialov konferentsii. – Makhachkala: ALEF, 2021. – P. 40-49. (In Russ.).

ASTVATSATUROVA M.A., PONEDELKOV A.V. *Novoe prochtenie starykh problem Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (politiko-upravlencheskoe Dezhavyu)* [A New Reading of Old Problems of the North Caucasus Federal District (Political and Management Dezhavyu)]. IN: *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. – 2021. – № 8 (135). – P. 139-143. (In Russ.).

Balkartsy: vyselenie, na spetsposelenii, reabilitatsiya. 1944–2001: Dokumenty, materialy, kommentarii / Avt.-sost. Kh.-M.A. Sabanchiev [Balkars: eviction, special settlement, rehabilitation. 1944–2001: Documents, materials, comments. Author-compiler Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2001. – 227 p. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russ.).

BEGEULOV R.M. *Tsentral'nyi Kavkaz v XVII pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [The Central Caucasus in the XVII first quarter of the XIX century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevs: KChGU, 2009. – 290 p. (In Russ.).

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del Sergeem Al. Belokurovym. Vyp. 1: 1578-1613* [Russian Relations with the Caucasus: Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by Sergei Al. Belokurov. Iss. 1: 1578-1613]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1889. – 584 p. (In Russ.).

BLARAMBERG I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kakaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1999. – 405 p. (In Russ.).

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G., AZIKOVA Yu.M. *Sotsial'no-politicheskie vzaimosvyazi vladenii i obshchestv Tsentral'nogo Kavkaza v XVI – pervoi treti XIX v.: dokumental'nyi obzor* [Socio-Political Interconnections of Lordships and Societies of the Central Caucasus in the 16th - first third of the 19th Century: A Documentary Review]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 1. – P. 79-119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-79-119> (In Russ.).

BOROV A.Kh., KAZHAROV A.G. *Stanovlenie Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti: mekhanizmy, etapy, znachenie* [Formation of the Kabardin-Balkar autonomous region: mechanisms, phases, significance]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – № 3. – P. 111-161. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-3-111-161> (In Russ.).

BOROV A.Kh., TUMOV A.A. *Elity i postsovetskaya transformatsiya politicheskikh rezhimov v respublikakh Severnogo Kavkaza: «sluchai» Kabardino-Balkarii* [Elites and Post-Soviet Transformation of Political Regimes in the North Caucasus Republics: The Case of Kabardin-Balkaria]. IN: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2017. – № 4. – P. 40-55. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23356 (In Russ.).

BRONEVSKY S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennyye Semenom Bronevskim. Ch. 1* [The latest geographical and historical information about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: in 2 parts. Part 1]. – M.: V tip. S. Selivanovskogo, 1823. – XXXI, 352 p. (In Russ.).

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god: v 3-kh ch. Chast' vtoraya* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803: in 3 parts. Part two]. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1869. – 602 p. (In Russ.).

GÜLDENSTÄDT J.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg.* [Journey to the Caucasus in 1770-1773 years]. – SPb. Peterburgskoe Vostokovedenie. 2002. – 512 p. (In Russ.).

GRABOVSKY N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba eya za nezavisimost' (istoricheskii ocherk)* [Russia's accession to Kabarda and its struggle for independence (historical sketch)]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1876. – Iss. IX. – P. 112-212. (In Russ.).

DENISOVA G.S., LUBSKII A.V., VOITENKO V.P. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistviye na Yuge Rossii kak predmet nauchnykh issledovaniy* [Interethnic interactions in the South of Russia as a subject of scientific research]. IN: *Gumanitarii Yuga Rossii*. – 2018. – Tom 7. – №6. – P. 41-56. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii 40-90-kh gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria in the 40-90s of the XIX century / Comp. E.O. Krikunova]. – Nal'chik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) / Sost. R.Kh. Gugov i dr. [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922). Compiled by R.Kh. Gugov and others]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1 [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: In 2 vols. Vol. 1]. – M.: Nauka, 1967. – 482 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochnitskii [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century. Exec. ed. A.L. Narochnitsky]. – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 1: XVI-XVII v. / Sost. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 1: XVI-XVII century / Comp. N.F. Demidova, E.N. Kusheva, A.M. Persov]. – M.: AN SSSR, 1957. – 478 p. (In Russ.).

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh t. Tom 2: XVIII v. / Sost. V.M. Bukalova [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes. Volume 2: XVIII century / Comp. V.M. Bukalova]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1957. – 424 p. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the question of the territory of feudal Kabarda]. IN: KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost. A.Kh. Abazov.* – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russ.).

KAZHAROV V.Kh. *Gosudarstvenno-politicheskaya traditsiya v istorii kabardintsev* [State and political tradition in the history of Kabardians]. IN: Kazharov V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost. k.i.n. A.Kh. Abazov.* – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 530–569. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russ.).

KARMOV A.Kh. *Vydelenie Kabardy iz Gorskoi ASSR i obrazovanie Kabardinskoi avtonomnoi oblasti* [Separation of Kabarda from the Mountain ASSR and the formation of the Kabardian Autonomous Region]. IN: *Istoricheskii vestnik.* – 2008. – Vyp. 7. – P. 42–58. (In Russ.).

KARMOV A.Kh. *Vykhod Balkarii iz Gorskoi ASSR i sozdanie Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti* [The exit of Balkaria from the Mountain ASSR and the creation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region]. IN: *Istoricheskii vestnik.* – 2008. – Vyp. 7. – P. 59–76. (In Russ.).

KIPKEEV I.S. *Istoriya pravovoi kul'tury etnopoliticheskikh otnoshenii na Severo-Zapadnom Kavkaze (XVI–XIX vv.): Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [History of the legal culture of ethnopolitical relations in the North-West Caucasus (XVI–XIX centuries): Dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Cherkessk, 2005. – 174 p. (In Russ.).

KLAPROTH H.-J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *ABKIEA.* – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 235–280. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Pozemel'nye i soslovnye otnosheniya u gortsev Severnogo Kavkaza* [Land and estate relations among the mountaineers of the North Caucasus]. IN: *Russkaya mysl'.* – 1883. – Book XII. – P. 137–154. (In Russ.).

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze: v 2-kh t. T. 1* [Law and custom in the Caucasus: in 2 vols. Vol. 1]. – M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko, 1890. – 303 p. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkessii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI –

early XIX century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russ.).

KOKIEV G.A. *Kratkii istoricheskii ocherk Kabardy* [A brief historical outline of Kabarda]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkhografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.X. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 411–469. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode (K 300-letiyu doma Romanovykh / Izd. V.N. Kudasheva)* [Historical evidence about the Kabardian people (On the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Ed. V.N. Kudashev)]. – Kiev: Tipo-lit. «S.V. Kul'zhenko», 1913. – XVI, 283 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVIII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria XVIII – early XX century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p. (In Russ.).

O pravakh vysshikh gorskikh soslovii v Kubanskoj i Terskoj oblastiakh [On the rights of the upper mountain classes in the Kuban and Terek regions]. IN: *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza. 1793-1897 gg. Tom I. / Sostaviteli: Kh.M. Dumanov i drugie.* – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. – P. 73-247. (In Russ.).

PAIN E.A. *Etnichnost', natsiya i politika: kriticheskie ocherki po etnopolitologii* [Ethnicity, Nation and Politics: Critical Essays in Ethnopolitical Science]. – M.: «Novoe literaturnoe obozrenie», 2023. – 392 p. (In Russ.).

PALLAS P.S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes on travels to the southern viceroyalties of the Russian state in 1793 and 1794.]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova.* – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 214-224. (In Russ.).

Politika i pravo v sfere etnogosudarstvennykh otnoshenii Kabardino-Balkarii. Avtory-sostaviteli: S.I. Akkieva, Kh.M. Dumanov. Otv. red. M.N. Guboglo. Tom 1-2. [Politics and Law in the Sphere of Ethno-State Relations of Kabardino-Balkaria. Authors and compilers: S.I. Akkieva, H.M. Dumanov. Responsible editor: M.N. Guboglo. Volume 1-2.] – Moskva-Nal'chik: TsIMO IEA RAN, 2001. – T. 1. 384 s., T. 2. – 344 p. ((In Russ.).)

Posol'stvo d'yaka Fedota Elchina i svyashchennika Pavla Zakhar'eva v Dadianskuyu zemlyu (1639-1640 gg.). S predislovиеm S.A. Belokurova [Embassy of clerk Fedot Yelchin and priest Pavel Zakharyev to Dadian land (1639-1640). With a foreword by S.A. Belokurov]. IN: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete 1887. Kn. 2. Oktyabr' – dekabr': Pod red. E.V. Barsova.* – M.: Universitetskaya tip., 1887. – P. 257-376. (In Russ.).

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu 1650-1652 / Dokumenty izdal i vvedeniem snabdil M. Polievktov [Embassy of the stolnik Tolochanov and clerk Ievlev to Imereti 1650-1652 / The documents were published and provided with an introduction by M. Polievktov]. – Tiflis: Tiflissk. un-t, 1926. – 231 p. (In Russ.).

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom I: 1742-1762 gg. / Sost. M.M. Bliev. Red. P.P. Epifanov [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. Collection of documents in 2 volumes. Volume I: 1742-1762. / Comp. M.M. Bliev. Ed. P.P. Epifanov]. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russ.).

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-kh t. Tom II: 1764-1784 gg. / Sost. prof. M.M. Bliev [Russian-Ossetian relations in the XVIII century. The collection of documents in 2 volumes. Volume II: 1764-1784. / Comp. M.M. Bliev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 439 p. (In Russ.).

STAL' K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic sketch of the Circassian people]. IN: *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: v 2-kh t. T. 1.* – Nalchik: El'-Fa, 2001. – P. 187-278. (In Russ.).

S"ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov. V 2 tt. T. 1 / Sost. Kh.Kh. Bekuzarov, A.K. Dzhanayev, D.Z. Korenev, V.D. Kuchiev [Congresses of the Peoples of Terek. Collection of documents and materials. In 2 volumes. Vol. 1 / Comp. H.H. Bekuzarov, A.K. Dzhanayev, D.Z. Korenev, V.D. Kuchiev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1977. – 350 p. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936)* [The socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1936)]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 354 p. (In Russ.).

KHATUEV R.T. *Karachai i Balkariya do vtoroi poloviny XIX v.: Vlast' i obshchestvo IN: Karachaevtsy i balkartsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya)* [Karachay and Balkaria until the second half of the 19th century: Power and Society]. – M.: IEA RAN, 1999. – P. 5–198. (In Russ.).

TSALIKOV D. *Komissiya dlya razbora soslovnykh prav gortsev Kubanskoi i Terskoi oblastei, uchrezhdennaya 1869 goda v g. Vladikavkaze / (Polk. D. Tsalikov)* [The commission for the analysis of the estate rights of the mountaineers of the Kuban and Terek regions, established in 1869 in the city of Vladikavkaz / (Colonel D. Tsalikov)]. – Kamenets-Podol'sk: «Russkaya tipografiya» M. Glikina, 1882. – 26 p. IN: *Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina: site* [Presidential Library named after B.N. Yeltsin: website]. URL: <https://www.prilib.ru/item/337094> (date of access: 21.06.2020). (In Russ.).

Chas ispytaniy: Deportatsiya, reabilitatsiya i vrozhdzenie balkarskogo naroda: Dokumenty i materialy [The Hour of Trial: Deportation, rehabilitation and resurgence of the Balkarian people: Documents and materials]. Collect. B.M. Zumakulov and others. – Nalchik: El'brus, 2001. – 901 p. (In Russ.).

SHAKHANOV B.A. *Izbrannaya publitsistika / Predisl., sost. i komment. T.Sh. Bittirovoi* [Selected Works in Social and Political Journalism. Preface, comp. and comment. T.Sh. Bittirova]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 287 p. (In Russ.).

Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii / Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor I.L. Babich. V 2 t. [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria / Compiler and editor-in-chief I.L. Babich. In 2 volumes.]. – M: TsIMO IEA RAN, 1994. – T. 1. 243 p., T. 2. – 313 p. (In Russ.).

Etnoterritorial'naya i administrativno-territorial'naya struktura Kabardino-Balkarii i problemy realizatsii v KBR Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii» [Ethnoterritorial and administrative-territorial structure of Kabardino-Balkaria and problems of implementation in the KBR of the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"]. – Nal'chik: B.i., 2010. – 107 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.X. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

Научная статья

УДК 94(470.46;470.630)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-41-66

EDN: BTRRYC

**«ВЛАДЕЛЬЦЫ ПЕСКОВ»: ПЕСКОУКРЕПИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
НА ЗЕМЛЯХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ (НОГАЙЦЕВ,
КАЛМЫКОВ И ТУРКМЕН) В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ****Айгуль Темерхановна Джумагулова^{1,2}**¹ Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, aigulmen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>² Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия

Аннотация. В публикации рассматривается организация пескоукрепительных работ, производимых в полупустынных зонах Юга России в XIX – начале XX вв. Несмотря на отдельные публикации о мерах борьбы с опустыниванием в Российской империи, пескоукрепительная деятельность, развернувшаяся в XIX – начале XX вв. на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) не становилась предметом отдельных работ, что обуславливает новизну исследования. Особенности природно-климатических и географических условий проживания номадов и нерациональное использования ими аридных зон в качестве пастбищных земель для их скота выступили факторами, вызывавшими стремительный рост песков в XIX – начале XX вв. Пескоукрепительные работы на юге и юго-востоке России производились чиновниками песчано-овражных партий и корпуса лесничих Лесного департамента, находящегося в ведении Министерства государственных имуществ. Деятельность пескозакрепительных организаций включала опытные меры борьбы с опустыниванием, в которые входили: шелюгование и травосеяние на песках, посев песчаного овса, изъятия песков из пользования их владельцев, лесо- и садоразведение в степи. Источниковой базой исследования выступили материалы, извлеченные из Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) фондов: 153 «Лесовод Ставропольского песчано-овражного округа» и 247 «Ставропольский губернский лесоохранительный комитет». Историографические труды по изучению проблемы включают в себя публикации дореволюционных, советских и современных исследователей, занимавшихся борьбой с опустыниванием на Юге России в XIX – начале XX вв. Анализ материалов и источников позволили проследить особенности деятельности центральных и региональных властей, местных обществ (А.Д. – владельцы песков) и иных организаций, принимавших участие в пескоукрепительных работах в рассматриваемый исторический период. Сформулирован вывод о том, что пескоукрепительная деятельность, развернувшаяся на Юге России в XIX – начале XX вв., включала множество лесомелиоративных работ, целью которых было сдерживание процесса опустынивания пастбищных и сельскохозяйственных земель ногайцев, калмыков и туркмен, что в свою очередь являлось мерой защиты и попечительства жизни, здоровья и хозяйственно-культурной деятельности кочевых народов в составе Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Ставропольская губерния, Астраханская губерния, кочевники, ногайцы, калмыки, туркмены, пескоукрепление, борьба с опустыниванием, попечительство.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Для цитирования: Джумагулова А.Т. «Владельцы песков»: пескоукрепительные работы на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX веков // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 41-66. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-41-66. EDN: BTRRYC.

© Джумагулова А.Т., 2024

Original article

«OWNERS OF THE SANDS»: SAND PROTECTION WORKS ON THE LANDS OF THE NOMADIC PEOPLES OF SOUTHERN RUSSIA (NOGAIS, KALMYKS AND TURKMENS) IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Aigul T. Dzhumagulova^{1,2}

¹ Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, aigul-men@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>

² Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The publication examines the organization of sand protection works carried out in semi-desert zones of Southern Russia in the XIX - early XX centuries. Despite separate publications on measures to combat desertification in the Russian Empire, sand protection activities that unfolded in the XIX – early XX centuries on the lands of the nomadic peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) did not become the subject of separate works, which determines the novelty of the study. The peculiarities of the natural, climatic and geographical living conditions of nomads and their irrational use of arid zones as pasture lands for their livestock were factors that caused the rapid growth of sands in the XIX – early XX centuries. Sand protection works in the south and officials of the sand-ravine parties and the corps of foresters of the Forest Department, under the jurisdiction of the Ministry of State Property, carried south-east of Russia out. The activities of sand protection organizations included experimental measures to combat desertification, which included husking and grass sowing on the sands, sowing sandy oats, removing sands from the use of their owners, forestry and horticulture in the steppe. The source base of the study was materials extracted from the State Archives of the Stavropol Territory (GASK) funds: 153 «Forester of the Stavropol sandy-ravine district» and 247 «Stavropol Provincial Forest Protection Committee». Historiographical works on the study of the problem include publications by pre-revolutionary, Soviet and modern researchers involved in combating desertification in Southern Russia in the XIX - early XX centuries. The analysis of materials and sources made it possible to trace the peculiarities of the activities of central and regional authorities, local societies (A.D. – owners of sands), and other organizations that participated in sand protection works during the historical period under consideration. The conclusion is formulated that the sand protection activity that unfolded in the South of Russia in the XIX – early XX centuries. It included many forest reclamation works, the purpose of which was to curb the process of desertification of pasture and agricultural lands of Nogais,

Kalmyks and Turkmens, which in turn was a measure of protection and guardianship of the life, health and economic and cultural activities of nomadic peoples within the Russian Empire.

Keywords: The Russian Empire, Stavropol province, Astrakhan province, nomads, Nogais, Kalmyks, Turkmens, sand protection, combating desertification, guardianship.

Thanks and funding: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Dzhumagulova A.T. «Owners of the sands»: sand protection works on the lands of the nomadic peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) in the XIX – early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 41-66. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-41-66. EDN: BTRRYC.

© Dzhumagulova A.T., 2024

Введение

Проблема соотношения природного и культурного в развитии Российского государства всегда имела особое значение в отечественной исторической науке. Обширная территория России, специфика климата которой определялась рядом географических факторов, на протяжении столетий влияла на особенности жизни и быта кочевых и оседлых народов Российской империи. Природно-климатические факторы занимали важное место в трудах выдающихся российских историков – С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилёва и др.

Усиление антропогенного воздействия на биосферу за последние сто лет привело к потеплению, аридизации климата и опустыниванию территорий, деградации и разрушению почв. В связи с этим последние годы особую актуальность имеют исследования, освещающие этапы становления и опыт борьбы с опустыниванием; важное значение в отечественной исторической науке приобретают труды, освещающие особенности социально-экономической жизни народов, проживавших в аридных (засушливых) зонах, меры их поддержки центральными и региональными властями.

Цель публикации: изучение организации и роли пескоукрепительных работ, развернувшихся на землях кочевых народов Юга Российской империи (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX вв.

Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Ставропольского края фондов 153 «Лесовод Ставропольского песчановражного округа» (дело 6, 15, 25, 27 33) и 247 «Ставропольский губернский лесоохранный комитет» (дело 16). Ведение в научный оборот неопубликованных ранее источников позволили проследить особенности деятельности центральных и региональных властей, Лесного департамента, созданного в 1843 г. при министерстве государственных имуществ, местных обществ, на чьих территориях располагались пески (А.Д. – владельцы песков) и иных организаций, принимавших участие в пескоукрепительных работах. В ходе проведенного исследования использовались также уже опубликованные документы: законы, постановления, распоряжения правительства, позволяющих осветить

политику правительства в борьбе с опустыниванием в исторической ретроспективе [ПСЗРИ 1830-1885; СЗРИ 1857; Собрание узаконений 1872].

Исследование выполнено с опорой на специальные исторические методы: сравнительно-исторический анализ, идеографический метод, ретроспективный метод, метод исторического синтеза.

Освещение опыта борьбы с песками нашли отражение в трудах исследователей и должностных лиц, занимавшихся этой проблематикой в дореволюционные годы. Важное значение имеют труды чиновников Лесного департамента: «О работах по укреплению сыпучих песков в Ачикулакском приставстве, Ставропольской губернии» лесовода В.Л. Глезденева [Глезденев 1914], «Пески Астраханской губернии, причины их образования и борьба с ними» ученого-лесовода Ф.А. Аверьянова [Аверьянов 1913], «Работы по укреплению песков в Астраханской губернии и желательная организация их в ближайшем будущем», опубликованного Департаментом Главного управления землеустройства и земледелия [Работы по укреплению 1910], и иных служащих, работавших в условиях пустынь и полупустынь Юга России по долгу своей службы [Фролов 1909 и др.].

Опыт борьбы с опустыниванием и лесомелиоративных работ занимали важное значение как в советской [Дьяченко 1949; Орловский и др. 1981], так и современной историографии [Агапонов, Бойко 2010; Дорошенко 2022; Дрыгина 2018; Карпенко 2013; Лепеско 2018; Тяпкин 2017; Черняховский 2002; Черных 2021]. Тем не менее остаются и малоисследованные сферы исторического знания, связанные как с деятельностью песчано-овражных партий, так и ролью местных народов в борьбе с опустыниванием степей. Важное значение в проблематике исследования имеют труды, освещающие особенности жизни и быта обществ, проживавших в аридных зонах, методы их приспособления к экстремальным природно-климатическим условиям [Бадмаева 2022; Бадмаева, Эрднеева 2022; Батыров 2022; Батыров 2023; Джумагулова 2022; Джумагулова 2024; Кидирниязов 2022a; Кидирниязов 2022b; Кольцов, Шургучинов 2023; Лиджиева 2017; Лиджиева 2022; Лиджиева 2023; Шургучиева 2022; Шургучиева, Лиджиева 2023,].

Организация пескоукрепительных работ в Российской империи в XIX – начале XX вв.

Вопрос о борьбе с засухой и деградацией сельскохозяйственных земель, периодически поражающей различные местности южной и юго-восточной России, со всеми сопровождающими их тяжелыми последствиями для населения, неоднократно останавливали на себе внимание правительственных и общественных учреждений [Орловский и др. и 1981: 115; Дорошенко 2022: 114-117]. Первые упоминания о подвижных песках относятся ко второй половине XVI в., когда в «Писцовые книги» стали вносить подробные описания хода погребения пахотных земель.

С именем Петра I связаны первые указы по лесоустройству и воспроизводству лесов. В 1720 г. Петр I предписал астраханскому губернатору «при Астрахани и в других местах, где степи, сеять дубовые желуди для лесов», что стало

одним из первых дел государственного значения в борьбе с опустыниванием в южных степях России [Лепеско 2013: 170-172; Карпенко 2013: 170-172; Черных 2021: 42-43]. В последующие десятилетия имели место посадки лесов в южно-русских степях на небольших площадях. Разновременно предпринимавшиеся в этих видах меры не выходили за пределы отдельных начинаний, лишенных общего плана и последовательности выполнения. Производимые работы оказывались недостаточными для земельных улучшений в предъявляемых к государству задач, особенно на юге и юго-востоке России, где вопрос улучшения водного хозяйства, борьба с засухой и песками имели важное для сельского хозяйства и животноводства значение [Кидирниязов 2022a: 65-71; Кидирниязов 2022b: 398-416; Лиджиева 2023: 68-74].

В XIX в. правительственные учреждения стали фиксировать крупные падежи скота, в среде кочевников Юга России: ногайцев, калмыков и туркмен. Только в первой половине XIX в. счет голов крупного и мелкого рогатого скота шел на сотни тысяч [Батыров 2022: 109-113; Батыров 2023: 57-70; Джумагулова 2022: 377-397]. Усугубляло ситуацию опустынивание степей, отнимавшее ежегодно новые пространства сельскохозяйственной и пастбищной земли у номадов.

Пески занимали значительные пространства в Европейской России. Отличительной особенностью песков и песчаных массивов была их подвижность. Часть песков были крупнозернистыми и попадали в разряд сыпучих песков. Некоторые пески были мелкозернистыми и содержали много частиц, которые в жаркую ветреную погоду поднимались над поверхностью земли, при поступательном движении засыпая плодородные земли и отнимая огромные пространства сельскохозяйственной земли. За подобные свойства они получили название «летучие пески» [Спасский 1907: 4].

На вред от летучих и сыпучих песков давно обращали внимание. Еще в 1820-1830-е гг. в период существования военных поселений в Полтавской и Харьковской губерниях были организованы укрепительные работы на песках [Работы по укреплению 1910: 10]. В 40–50-е гг. XIX в. министерство государственных имуществ принимало меры к укреплению песков через окружных начальников и лесничих, чиновников Лесного департамента, учрежденного в январе 1843 г. с целью централизованного руководства лесным хозяйством Российской империи [ПСЗРИ-II. Т. XVIII. 1844 № 16461: 32-35; № 16544: 87]. По архивным данным и уцелевшим местами искусственным насаждениям шелюги и сосны, зафиксированных лесничими, можно констатировать, что работы по укреплению песков в последующие десятилетия производились в сравнительно небольших количествах [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 128; Танашев 1912; Черняховский 2002: 14-19]. С введением земельного учреждения вопрос об укреплении песков не раз поднимался в отдельных губерниях и уездных земских собраниях. В 1870-е гг. со стороны региональных и местных властей принимались попытки решения песчаного вопроса. С этой целью несколько раз учреждались особые комиссии, которые в практическом отношении сделали не очень много. Стоит заметить, что отдельные чиновники указывали о необходимости беззамедлительной организации борьбы с опустыниванием степей тем или иным способом. Но эти заявления, во-первых,

были явлениями единичными, во-вторых, цены на землю были настолько низки, что какие-либо затраты на мелиорацию считались обременительными и затратными. Некоторые владельцы песков принимали меры к их закреплению, практикуя посадку шелюги, сосны, посев песчаного овца, но все эти работы велись без всякой системы, а единичные усилия были слишком слабы в таком деле, каким являлась борьба с песками [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 128]. Одним из первых заметных событий стало открытие в марте 1890 г. в Астраханской губернии Нарынского лесничества «на песках Киргизской орды», площадью в 126 829,5 дес. [Работы по укреплению 1910: 11].

В подобном положении вопрос об укреплении песков находился до 1891–1892 гг., когда большую часть России вследствие засухи постиг сильнейший неурожай хлебов, который заставил как центральные, так и региональные власти обратить особое внимание на проблемы в сельскохозяйственной промышленности. Вместе с другими вопросами был актуализирован и вопрос опустынивания степей Юга России.

В 1893 г. министерство государственных имуществ приступило к сбору сведений о площадях, занятых песчаными массивами в разных губерниях Российской империи. После образования особой экспедиции Песчано-овражных партий, руководство которой было возложено на известного в России и за её пределами почвовед В.В. Докучаева, была обоснована система мер борьбы с засухой на степных просторах. Полученные научные разработки легли в основу производственной деятельности пескозакрепительных организаций [Агапонов, Бойко: 2010: 4–5].

В 1898 г. в Воронежскую губернию были командированы чины лесного ведомства, подведомственных министерству земледелия и государственных имуществ, под руководством которых было укреплено шелюгою до 4 000 дес. летучих песков. В последующие годы работы постепенно вводились в Черниговской, Харьковской, Полтавской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской областях [Агапонов, Бойко: 4–5]. Начиная с 1903 г. вследствие увеличения кредита Государственным советом от 11 декабря 1902 г. работы по укреплению песков стали довольно быстро распространяться и на другие губернии. Работы эти состояли:

- 1) в посадке шелюги, сосны, белой акации и в небольших количествах разных других деревьев и кустарников лиственных пород;
- 2) в техническом надзоре и уходе за засаженными площадями;
- 3) в организации охраны засаженных площадей за счет владельцев песков;
- 4) в закладке и устройстве шелюговых, тополевых, корзиночно-ивовых плантаций и древесных питомников, местами с плодовыми отделениями и виноградными плантациями;

5) в устройстве особых корзиночных мастерских с целью лучшей утилизации разводимой на местах шелюги;

- 6) в съемке и исследовании песков [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 128–129].

Организация работ на местах устанавливалась в следующем порядке:

- 1) Лесной департамент командировал своих чиновников для технического руководства и надзора за работами и отпускал бесплатно лесокультурный материал;

2) Региональные власти выделяли средства на доставку посадочных материалов, приобретение лесокультурных инструментов, на наём лесных надзирателей, устройство и содержание корзиночных мастерских и т.п.

3) Владельцы песков производили собственными средствами посадку и дальнейший уход за ростками (под руководством лесоводов), а также обязались охранять засаженные площади;

4) Командиру лесных чинов полагалось оказывать возможное содействие земледельцам и местным обществам в лесоразведении, а также общее распространение технических сведений «советами и указаниями на местах, бесплатным отпуском лесокультурного материала, руководствуя при производстве лесных культур, устройствами праздников насаждений, участвуя на местных сельскохозяйственных выставках, докладах в сельскохозяйственных обществах, экономических советах, на земских собраниях и т.д.» [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 129].

В выполнении работ большая часть труда приходилась на долю служащих лесного ведомства и владельцев песчаных площадей. Оказывали содействие в борьбе с опустыниванием, выделением денежных средств, некоторые общественные учреждения (земства, городские управы, попечительство трудовой помощи и др.). Так в 1899 г. было выделено 2 500 руб.; 1900 г. – 10 150 руб.; 1901 г. – 21 790 руб.; 1902 г. – 25 700 руб.; 1903 г. – 30 955 руб.; 1904 г. – 63 200 руб.; 1905 г. – 71 636 руб.; 1906 г. – 76 500 руб.; 1907 г. – 82 612 руб. и т.д. Всего с 1898 по 1907 гг. было потрачено на борьбу с песками 414 000 руб. Работы производились в 76 уездах и одном приставстве – Ачикулакском приставстве Ставропольской губернии [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 129].

В производимые ежегодные работы чиновниками Лесного департамента входило организация насаждений на территории примерно в 10 000 дес., исправление ранее посаженных насаждений на территории не менее чем 2 500 дес., рубка шелюги (как мера ухода за насаждениями), производимая с 1905 г. не менее чем на 4 500 дес. засаженных ранее земель. Вырубленный материал употреблялся на посадку в полусаженки, распродавался или направлялся в корзиночные мастерские, доход от которых также поступал либо в казну, либо в пользу обществ, на чьи средства производились работы [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 27. Л. 13]. Подобные меры имели положительный результат, т.к. не менее 50 % прилегающих к посадкам открытых песков земли покрывались растительностью. Важно, что подобные результаты имели показательное и воспитательное значение для местных народов, доказывая практическими методами эффективность в борьбе с опустыниванием [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 130].

В государственные затраты на ведение борьбы с песками за 1904–1906 гг. входило:

1. 1904 г. – 96 002 руб., из них:
 - 32 212 руб. – на содержание личного состава;
 - 63 790 руб. – на операционные издержки (расходы на семена, содержание и устройство питомников и плантаций).
2. 1905 г. – 100 627 руб. из них:
 - 33 398 руб. – на содержание личного состава;

– 67 229 руб. – на операционные издержки.

3. 1906 г. – 102 419 руб. из них:

– 33 200 руб. – на содержание личного состава;

– 69 219 руб. – на операционные расходы [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 131].

Отдельную категорию расходов составляли расходы местных властей, отмеченные выше. Борьба с песками, за девять лет работы лесного департамента (с 1898 г.), была организована на 600 000 дес. песков. Однако, как бы ни были значительны площади производимых работ, только в Европейской России числилось не менее 4 600 000 дес. песков, крупные массивы локализовались на Юге России, к примеру, только в Астраханской губернии числилось не менее 4 000 000 дес. песков, а в Азиатской России – не менее одного десятка миллиона дес. летующих песков [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 130–131].

Летучие пески трудно поддавались естественному задержанию, в связи с чем представляли собою голую пустыню, лишенную какой-либо растительности. Площадь песков ежегодно увеличивалась минимум на 1 %. Так ежегодное увеличение песков (4 600 000 дес.), из них подвижными были не менее 50 %, всего увеличение выражалось в 23 000 дес. В связи с этим представлялось необходимым проведение работ по увеличению лесных насаждений по всей площади песков, превращая песчаные массивы в сенокосные и пастбищные земли, доход от которых в скором времени мог бы покрыть все расходы, потраченные на их создание, отмечали чиновники Лесного департамента в своих отчетах, направляемых в Государственный совет [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.; ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 130–131].

Затраты местного населения – владельцев песков, определить сложно, но принимая 15 руб. за 1 дес. у посадок, подвозок, охрану и прочее, выходило не менее 150 000 руб. Согласно отчетам Лесного департамента, в 1906 г. на долю казны пришлось 31,1 %, региональных властей и учреждений – 23,2 %, долю населения – 45,7 % расходов. Следовательно, совокупный расход на 1 дес. у земли составлял 30 руб. государству же борьба с опустыниванием обходилась в 10 руб. за дес. [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 131].

Работы по укреплению оврагов, как мера борьбы с наступающими песками, до 1899 г. в Лесном департаменте не производилась. Но их эффективность в борьбе с опустыниванием сделали их обязательной частью деятельности лесничих. Работы по закреплению оврагов начинались в основном за месяц – два до начала подготовительных работ к осенним посадкам, и нередко продолжались всю осень до начала зимы [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 131 об.]. Укрепление оврагов велись обычно на средства земства и бесплатно отпущенного для овражных работ лесничими посадочного материала. В 1906 г. на овражные работы было ассигновано со стороны земства 40 000 руб. а всего израсходовано 128 394 руб. [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 132–132 об.].

На основании распоряжения правительства (7 июня 1872 г.) и мнения Государственного совета (4 июня 1901 г.), чиновниками Лесного департамента, занимавшихся укреплением песков и оврагов, находившимися на штатном содержании, являлись:

а) таксаторы, в частности:

– старший таксатор с окладом в 1 200 руб. из них: 800 руб. жалование, 400 руб. столовые;

– младший таксатор с окладом в 750 руб. из них: 500 руб. жалование и 250 руб. столовые.

б) лесные кондукторы – на основании утвержденного

– высший лесной кондуктор, имел годовой оклад в 500 руб.;

– средний лесной кондуктор, имел годовой оклад в 400 руб.;

– низший лесной кондуктор, имел годовой оклад в 300 руб. [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 132 об.; Собрание узаконений 1872 №56: 504].

Служащие лесного департамента, направленные на работы по укреплению песков и оврагов, относящиеся к чинам лесоустроительных и песчано-овражных партий, на основании справки к Высочайшему повелению от 5 марта 1862 г. получали дополнительно [ПСЗРИ-II. Т. XXXVII. 1865. № 38031: 169–172]:

а) таксаторы (в обер-офицерском чине): подъемных 50 руб. в год, суточных 13 руб. 50 коп. в месяц, квартальных – 6 руб. 75 коп. в месяц, безотчетно-разъездных – 30 руб. в месяц (заведующий партией) и 18 руб. в месяц (заведующий округом), на канцелярские расходы – 8 руб. 33 коп. в месяц (заведующий партией) и 3 руб. 33 коп. в месяц (заведующий округом).

б) межевщики (лесные кондукторы) – суточных – 3 руб. в месяц, квартальных – 3 руб. в месяц, безотчетно-разъездных – 5 руб. в месяц и 10 руб. в месяц на наем постоянного рабочего. На основании § 34 «Памятной книжки для межевых чинов лесного ведомства» лесной кондуктор получал на канцелярские расходы 83 коп. в месяц [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 133].

К обязанностям лесного кондуктора относилась съемка и нанесение на план песчаных площадей, посадок, питомников, составление описаний, ведомостей, руководство работами на песках, осмотр песков, еженедельные сообщения заведующим работами о ходе работ.

В должностные обязанности заведующего районом (младшего таксатора) входило сбор предварительных сведений о песчаных пространствах района у волостных правлений, земских начальников, земских управ, приставов, руководство съемки песчаных участков, описание песчаных участков, собирание сельскохозяйственных сходов с целью разъяснения необходимости укрепительных работ, распределение работ, заложение питомников, наблюдение за лесным кондуктором и личное участие, в частности доставка лесокультурного материала, организация охраны и др.

Обязанности заведующего округом (старшего таксатора) включали в себя осмотр посадок, контроль деятельности заведующего работами, отчетность о работах заведующему партией и переписка по делам, в числе которых важная роль отводилась распределению кредитов и государственных бюджетов на борьбу с песками. Также заведующий районом и округом предоставляли отчетность: месячную, весеннюю, осеннюю и годовую.

Заведующий партией производил общее руководство работами, проверку работ на местах, руководство показательными овражными работами (3 месяца в году), непосредственно выбор оврага, обследование бассейна, съемку и нивелировку оврага; составлял план-проект, а также осуществлял технический надзор

и охрану. Исполнение этих работ составляли: 10 месяцев в поле, 2 месяца – подготовительные работы [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 133–134].

Все губернии, в которых велись работы (за исключением Ставропольской) были разбиты на 50 округов, округа разделены на районы – всего 26 (в Ставропольской губернии организация работ производилась лесничими по согласованию с Главным приставом кочующих народов и ставропольским гражданским губернатором). В каждом районе работал таксатор, заведующий таким районом. Ему в помощь направлялись 1–2 лесных кондуктора и 60 лесокультурных надзирателей, находящихся в распоряжении заведующих районов и их помощников, получающих свое содержание от уездного или губернского земства. Все чины подчинялись ревизору лесоустройства. Чем экстенсивнее и однообразнее была поставлена проблема, тем меньше требовалось лесоводов (например, посадка шелюги), чем интенсивнее было поставлено дело (например, дополнительная посадка сосны и других древесных пород, производство овражных работ), тем больше нужно было технологических ресурсов. Всего в 26 песчаных районах работало 26 таксаторов (из числа которых 5 являлись старшими таксаторами) и 47 лесных кондукторов [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 141 об.].

К началу XX в. разработанные учеными-лесоведами научно-практические рекомендации и всё возрастающая эрозия, подвигли правительство к расширению организации песчано-овражных партий. В их состав входили полевые лесоводы и гидротехники, которые учитывали природно-климатические особенности того или другого региона, породный состав древесно-кустарниковой растительности, используемый для введения в защитные насаждения от наступающих песков.

Пескоукрепление на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX вв.

Земли кочевых-инородцев магометан, в частности ногайцев и туркмен, составляли значительную часть Ставропольской губернии. Лежащая в юго-восточной части губернии Ачикулакское приставство, на которой проживали кочевые и переходящие к оседлости ногайские общества, по данным Ставропольского губернского комитета, была покрыта громадными массивами сыпучего песка. Северные пески Ачикулакского приставства начинались в Терской области (А.Д. – Караногайском приставстве) и назывались Бажиганскими песками. Они занимали площадь в 32 422 дес. Южные пески назывались Бакылзанскими, занимая площадь в 17 517 дес. Они также выходили из пределов Караногайской степи.

Причиной образования и широкого распространения песков в Ачикулакской степи по данным землеустроительной комиссии стало «безхозяйственная деятельность местных кочевников, выразившаяся в беспощадном уничтожении кустарной растительности на песках и в неумеренной пастьбе скота на слабых песчаных почвах, Каспийские отложения» [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6; Шургучиева 2022: 351-356]. Климат Ачикулакских степей отличался малым количеством выпадающих осадков (в среднем 300 миллиграммов в год), сухость

воздуха, бесснежные зимы и господствующие восточные ветры способствовали особо интенсивному раздуванию песков [Глезденев 1914: 2].

Начало борьбы с песками Ачикулакских степях было положено правительством в 1895–1898 гг., когда в семи верстах от ставки Ачикулак Ставропольским лесничеством была заложена Казенная шелюговая и осокоревая плантация на площади в 90 дес. С 1904 г. стали вестись систематические работы по укреплению песков под руководством командироваемым Лесным департаментом чиновников песчано-овражной партии. Укрепление производилось путем посадки шелюги, осокоря и разных других лиственных пород: белой акации, дуба и т.д. Посадки последних пород имели опытный характер для выработки соответствующих местности условиям типов насаждений [Джумагулова 2023: 58-59].

Несмотря на неблагоприятные природно-климатические условия здесь удалось создать довольно обширную площадь лесных насаждений, составлявших защиту от дальнейшего распространения песков. Однако, масштабы распространения песчаных оврагов в степи продолжали угрожать его населению и их традиционной хозяйственной деятельности – скотоводству [Лиджиева 2017: 22-27; Лиджиева 2022: 38-44; Кольцов, Шургучинов 2023: 26-31]. Занимая практически пятую часть всей территории Ачикулакского приставства, пески расширялись во все стороны, ежегодно отнимая у населения все новые земли и при неуклонном движении на запад, угрожали захватить земли соседних туркменских обществ и крестьян, расположенных по реке Куме: Владимировка, Правокумское и др. Процент ежегодного увеличения площади Ачикулакских песков исчислялся в 2–3 %, т.е. каждый год под песком погибало 1000–1500 дес. культурной земли. Региональные власти, оценивая эту землю примерно по 60–75 руб. за дес. считали, что ежегодно опустынивание в Ачикулакском приставстве приносило населению убыток до 100 000 руб. не говоря уже об их вредном влиянии на здоровье местных жителей [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 8].

Опытные меры борьбы с опустыниванием показали, что дешевый и быстрый способ посадки шелюги – под плуг, здесь оказался непригодным, однако шелюгование устилочным способом образовывало надежное насаждение. Устилка обходилась примерно в 25–30 руб. за дес. в зависимости от удаленности расположения посадочного материала. Стоит заметить, что шелюга, являясь породой недолговечной, то и укрепление песков носило лишь временный характер. Поэтому чиновниками песчано-овражной было принято решение дополнять шелюгование посадкой ценных и долговечных деревьев. Стоимость облесения полупустынных зон твердыми породами обходилась примерно в 17 руб. Опытные результаты в облесении показали, что осокорь, хотя и не являлся особенно ценной древесиной, в Ачикулакских степях показал лучшие результаты: быстрым ростом и способностью быстро скреплять песок. Расходы по облесению осокорем оценивались примерно в 18–25 руб. за дес. За исключением сосны, остальные породы (акация белая, дуб, клен американский и шелковица) дали удовлетворительные результаты в степях. Одновременно проводились опытные посадки винограда и садовых пород в Ачикулакском приставстве. В 1906 г. в ставке Ачикулак был заложен плодОВОлесной питомник для разви-

тия облесительных работ, размеры которого постоянно увеличивались [Глезденев 1914: 6–7].

К 1911 г. в связи с быстрым распространением песков возникла необходимость организации более масштабных работ. Примечательно, что пескоукрепительные работы в Ачикулакском приставстве осуществлялась за счет инородческого капитала туркменских кочевых обществ, проживавших по соседству с ачикулакскими ногайцами, и опасавшихся, что опустынивание затронет и их земли. Так они сдерживали процесс наступления песков на свои кочевья. Ногайцы же долгое время были индифферентны к процессу борьбы с песками, и выделение средств из общественного капитала началось после отказа туркмен содержания дорогостоящих работ в октябре 1912 г. [Джумагулова 2023: 59–60].

С целью поощрения лиц, принимавших участие в борьбе с опустыниванием и лесоразведении правительством, были выработаны «Правила о премиях за труды в лесоразведении», согласно которым производилось награждение. Ярким примером является дело о награждении туркмена Казана Хамидуллаева премией за разведение фруктовых и лесных деревьев в ауле Озек-Суат. Ходатайство о выдаче премии было направлено заведующим зимними кочевьями Туркменского приставства 20 октября 1912 г.

К. Хамидуллаев с 1907 г. начал заниматься на своей усадьбе разведением плодового сада и лесных насаждений, при крайне неблагоприятных почвенных и климатических условиях этой местности, впоследствии ставшего «прекрасным оазисом среди пустынно-однообразной природы туркменских степей» [ГАСК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–2 об.]. Сад К. Хамидуллаева был засажен плодовыми деревьями (яблони, груши, сливы, абрикосы, черешни, вишни – 420 деревьев), виноградниками (1500 виноградных лоз), смородиной (39 кустов), крыжовником (13 кустов) и деревьями лесных пород (осокорь, верба, белая акация, клен, шелковица и др.), занимая площадь в 2,59 дес. Орошение своего оазиса Хамидуллаев производил из оросительных каналов, сначала из реки Кумы, а когда вода вследствие маловодья перестала доходить до этой местности, сад стал орошаться из артезианского колодца, находящегося рядом с усадьбой. Дохода от своего сада К. Хамидуллаев не имел, избытки фруктов и винограда раздавал бесплатно, расходы же за шесть лет составили 2 349 руб. при этом все работы в саду производились самим К. Хамидуллаевым и его семьей. «За труды по лесоразведению» Казан Хамидуллаев был награждён серебряной медалью со свидетельством и денежной премией в 100 руб. [ГАСК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–8] (Рис. 1).

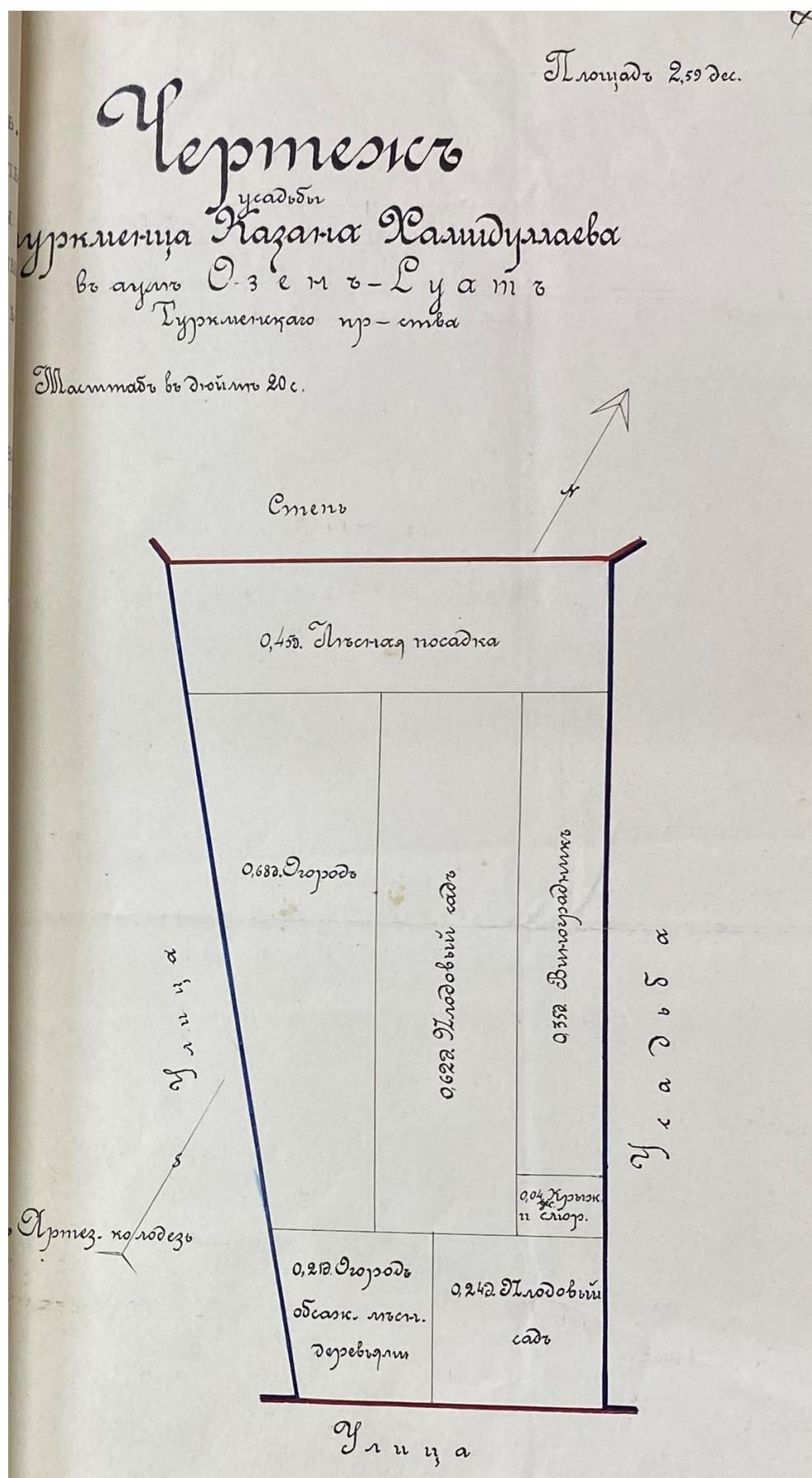

Рис. 1. Чертеж усадьбы и сада К. Хамидуллаева. Аул Озек-Суат. 1912 г.
[ГАСК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 16. Л. 4].

Осенью того же года труды другого кочевника-туркмена Муса-аджи Эшей-Аджиева (рода Човдур) обратили на себя внимание Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии и старшего таксатора В.Л. Глезденева. М. Эшей-Аджиев развел фруктовый сад в открытой степи, и не смотря на солонцеватость почв, в течение шести лет получил прекрасный сад в открытой степи, при чем фруктовые и косточковые породы его сада «могли бы конкурировать с лучшими сортами местных производителей», отмечалось в прошении Туркменского пристава, ходатайствовавшего о поощрении трудов М. Эшей-Аджиева за услуги, оказанные в деле разведения леса и сада в степи [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15. Л. 79–80].

Чиновники Лесного департамента для увеличения масштаба производимых пескоукрепительных работ нанимали и местных крестьян. Лесомелиорация оплачивалась в размере 50 руб. 50 коп. за дес. засаженной земли. Все работы производились под надзором лесничих песчано-овражных партий. Данная мера, во-первых, имела практический характер в борьбе с опустыниванием, во-вторых, являлась мерой воспитательного характера, показывая пример опытной борьбы с наступающими песками местным жителям [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 27. Л. 25].

Интенсивное увеличение площади песков и отсутствие у местного населения средств на организацию пескоукрепительных работ побудило главного пристава кочующих народов А.А. Польского ходатайствовать перед региональными властями об организации работ за счет средств казны [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 8]. Размеры песчаного бедствия в Ачикулакских степях были признаны имеющими государственное значение и расходы по их укреплению были переданы всецело на государственные средства с 1914 г. В частности, речь шла о Бакылзанских и Бажиганских песках Ачикулакского приставства [Глезденев 1914: 13]. Примечательно, что Лесной департамент, ежегодно организовывая содержание этих участков за счет государственной казны, не мог претендовать на доходы от продажи вырубленного материала, направлявшегося в инородческий капитал [Джумагулова 2024: 61-62] (Таблица 1–3).

*Таблица 1. Данные о доходах, поступивших в 1913 г.
в Туркменский общественный капитал от эксплуатации лесных
насаждений в инородческих степях [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 27. Л. 13]*

- от продажи	1) шелюги и верболоза	477 руб. 95 коп.
- -	2) осокоревого хвороста	390 руб. 50 коп.
- -	3) хвороста от прочистки посадок твердых пород	39 руб. 25 коп.
- -	4) гребенчукового хвороста	10 руб.
- -	5) древесных семян	109 руб. 60 коп.
- -	6) винограда и фруктов	57 руб. 38 коп.
- -	7) виноградного вина	186 руб. 75 коп.
- -	8) от побочных пользований (право на охоту в насаждениях)	23 руб. 10 коп.
Всего		1 294 руб. 53 коп.

*Таблица 2. Отчет о произведенных работах в 1915 г.
на песках Ачикулакского приставства [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 25. Л. 12]*

1) Посадка шелюги устилочным способом на площади	146,58 дес.
2) Посадка сеянцев твердых пород на площади	30,5 дес.
3) Посадка осокоря между рядами шелюги на площади ...	20,0 дес.
4) Посадка сеянцев твердых пород между рядами шелюги на площади	11,2 дес.
5) Исправление посадок прежних лет: шелюги на площади	151,0 дес.
твердых пород	26,5 дес.
6) Рубка шелюги с целью ухода на площади	38,11 дес.
всего на площади	423,89 дес.

*Таблица 3. Сведения о расходах за 1915 г. на песках
Ачикулакского приставства [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 25. Л. 12]*

I. Из средств казны по смете Лесного Департамента:	
А) на выдачу штатного и командировочного содержания, пособий и отчетно разъездных денег чинам песчано-овражной партии	4 792 руб. 60 коп.
Б) на содержание садовника и лесной стражи	1650 руб. – коп.
В) на операционные расходы:	
- на содержание и охрану питомников и плантаций	1 286 руб. 12 коп.
- на приобретение и доставку семян	220 руб. 42 коп.
- на межевание песков	628 руб. 49 коп.
- на производство работ по укреплению и облесению песков ..	7 038 руб. - коп.
- на постройку, содержание и ремонт лесных караулок и прочих сооружений	7 253 руб. 13 коп.
- на приобретение и ремонт лесокультурных орудий и пр. движимого инвентаря	399 руб. 72 коп.
- на разные иные расходы	700 руб. - коп.
В с е г о	23 969 руб. 19 коп.
II. Из Туркменского общественного капитала	
-на содержание инородческой лесной стражи	900 руб.

Для эффективной борьбы с опустыниванием весной 1916 г. встал вопрос о необходимости передачи в полное распоряжение государства земель Бажиганских и Бакылзанских песков. В ведении ногайского населения комиссией оставались небольшие «оралы» (оазисы травянистой растительности среди песков) составлявших около 750 дес., используемых местным населением для выпаса скота. В распоряжение Лесного департамента поступали все постройки, находящихся в черте указанных песчаных площадей, возведенных на инородческие средства, а также лесная дача площадью в 538,5 дес. [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 25. Л. 38–38 об.]. Стоит заметить, что на землях кочевых ногайцев оставались еще крупные массивы песков, борьба с которыми продолжалась вести как лесничими, так и местными обществами. Пескоукрепительные работы велись около ставки Ачикулак (работы были организованы в 3-х Ачикулакских дачах), близ аула Махмуд-Мектеб, около озера Ускюбе (современное – Зункарь) в пяти верстах от аула Тембулат (Рис. 2).

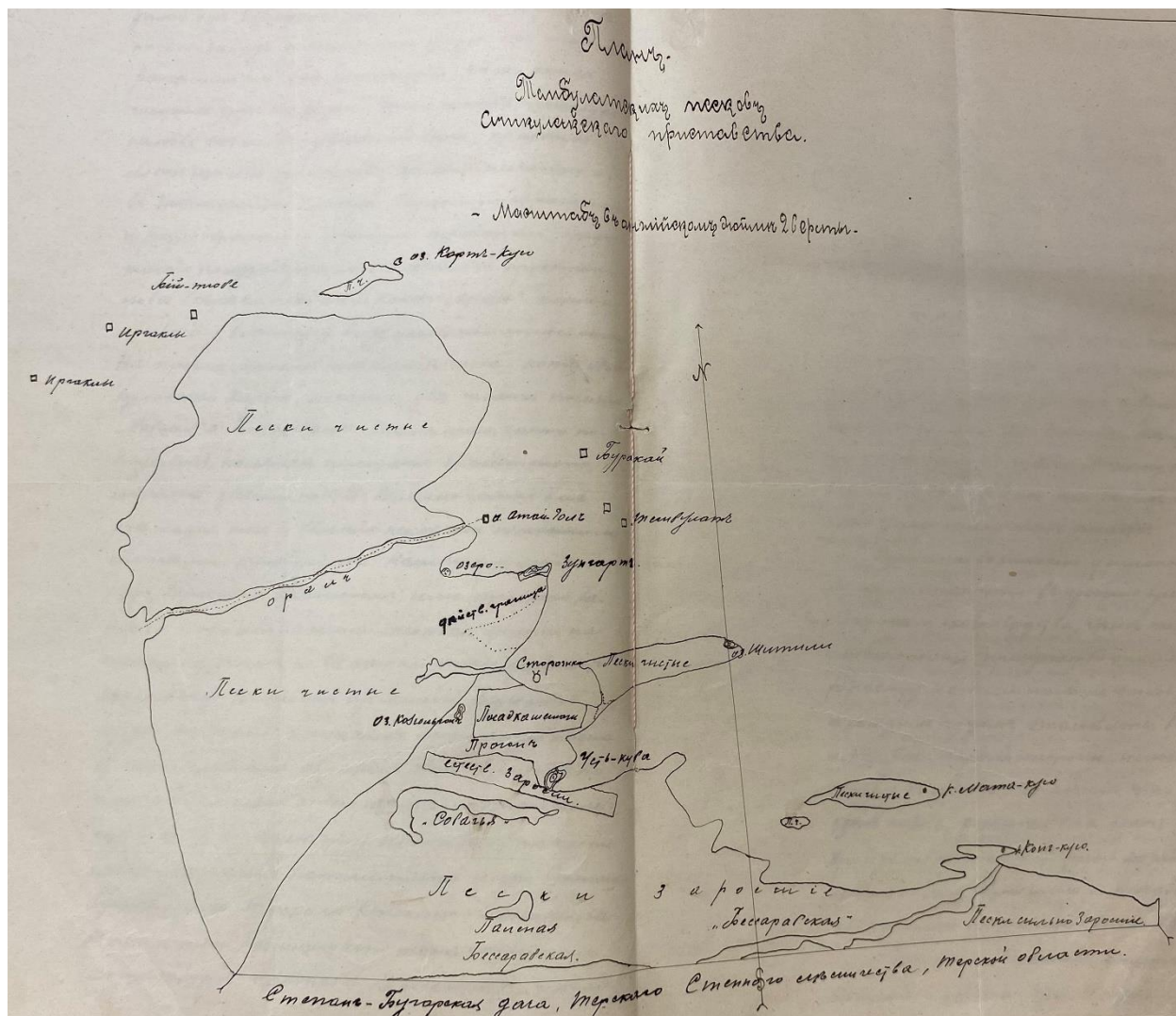

Рис. 2. План Тембулатских песков Ачикулакского приставства
[ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 25. Л. 38–38 об.].

Результаты пескоукрепительных работ в Ачикулакском приставстве выражались в следующих данных: до начала систематических работ было засажено 90 дес., с 1904 по 1912 гг. общая площадь насаждений равнялась 1348,99 дес., 662,3 дес. лесов были вырублены с целью ухода. Многолетний показательный опыт борьбы с опустыниванием в Ачикулакских степях имел важное значение для местного ногайского населения. Убеждаясь в несомненной полезности лесных насаждений на песках, случаи умышленных потрав скотом, либо похищение лесных материалов с каждым годом уменьшалось и к 1915 г. случались лишь в виде исключений. Жители отдельных аулов нанимали за свой счет объездчиков, которые следили за недопущением на лесопосадки пасущегося в степи скота [Глезденев 1914: 3–4].

Астраханская губерния к концу XIX в. оказалась в более бедственном положении. Вследствие особенностей природно-географических условий, нерегулярного землепользования и неумеренного выпаса крупного и мелкого скота на месте песчаных площадей там также образовались голые пески, засыпавшие пастбища, пашни и селения.

Пески Астраханской губернии распределялись следующим образом (Таблица 4):

Таблица 4. Пески Астраханской губернии по уездам

Уезды	от общей площади уезда	
Астраханский	50 282 дес.	или 8,63 %
Енотаевский	49 307 - - -	или 22,21 %
Красноярский	384 729 - - -	или 39,72 %
Царевский	43 308 - - -	или 2,32 %
Черноярский	60 007 - - -	или 1,11 %
Калмыцкая степь	375 006 - - -	или 4,99 %
Киргизская степь	3 111 350 - - -	или 44,88 %
Всего	4 020 009 дес.	или 2,15 %

Наибольшее количество песков в губернии, как видно из таблицы, находились в Киргизской степи, расположенной по левую сторону реки Волги, в так называемой Волжско-Уральской части губернии. Работы по борьбе с опустыниванием было принято начать в Калмыцкой степи, располагавшейся по правую сторону реки Волга, в так называемой Волжско-Донской части губернии. При этом общая площадь песков равнялась 4 020 009 дес. с ежегодным приростом примерно в 40 000 дес., в связи с чем размер закрепляемых участков должен был составлять по данным ученых-лесоводов не менее 40 000 дес. в год [Работы по укреплению 1910: 5–6].

Для борьбы с наступающими песками была создана Астраханская пескозакрепительная организация, которая приступила к своей работе в 1904 г. [Дьяченко 1914]. С 1904 по 1908 гг. средства на песчаные расходы составляли непостоянные и неодинаковые отчисления со стороны Лесного департамента, Вой-

ского Правления Астраханского казачьего войска, Управления Калмыцким народом и местных крестьянских обществ. Пескозакрепительной организацией были произведены посадки шелюги в селах Кислово, Солодушино, Слободке. Позже была заложена Опытная шелюговая плантация около станицы Дурновской. Лесничество организовывали показательные работы в Александровско-Богацхуровском и Эркетеневском улусах Калмыцкой степи на площади в 300 дес. Стоит отметить, что, несмотря на сокращение некоторых государственных расходов и кредитов на фоне русско-японской войны в 1904–1905 гг., расходов на пескоукрепление это не коснулось [Работы по укреплению 1910: 13–15].

Пески в Калмыцкой степи занимали 375 006 дес., разделенной в административном отношении на семь улусов. Наибольшая площадь песков локализовалась в Александровском улусе, затем следовал Эркетеневский, Яндыкомочажный, Харахусовский и Александровско-Богацхуровском, в остальных улусах песков было немного. Часть песков находились также на оброчных статьях Управления Калмыцким народом, находящихся по левую сторону Волги [Работы по укреплению 1910: 8–9].

Калмыцкая степь, также, как и Ачикулакская степь, представляла собой в большей части бывшее дно Каспийского моря. Опустынивание степей происходило под влиянием неблагоприятных природно-климатических особенностей местности, солонцеватых грунтов, особенностей хозяйственно-культурной деятельности номадов, занимавшихся кочевым и отгонным скотоводством. Для местного населения пески представляли особую стихию, отчего к песчаному вопросу здесь относились с особым вниманием и полной доброжелательностью (Рис. 3).

Рис. 3. Сход старшин по вопросу об укреплении песков. Астраханская губерния. 1909 г. [Работы по укреплению 1910: Таблица V].

Закрепление песков в Калмыцкой степи должно было вестись двумя путями: непосредственными работами и установлением охраны, для недопущения хозяйственной деятельности на охраняемых участках. Укрепление оврагов бы-

ло решено производить в Калмыцкой степи с 1909 г., для борьбы с песками были направлены специалисты по лесному хозяйству. Пескоукрепительные работы было решено начать на участке в 20 000–30 000 дес., отведенной для этой цели Калмыцким управлением. Земли на весь период работ поступали в полное распоряжение чиновников, и только по окончании укрепительных работ, должны были быть возвращены в пользу их владельцев. План работ заключался в том, чтобы постепенно брать от населения земли, укреплять их и после этого возвращать населению, подчиняя их надзору с ограничениями в пользовании, а взамен получать новые площади летучих песков до полного закультивирования всей площади песков.

Работы по укреплению песков производились за счет государства, т.к. местное Калмыцкое управление могло содействовать лишь незначительно, выделяя не более 1 000 руб. в год на борьбу с песками. Для закрепления 20 000–30 000 дес. песков было необходимо не менее 10 лет интенсивных работ [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 138; Бадмаева 2022: 6–13].

Опытные меры борьбы с песками показали, что в Калмыцкой степи укрепление лучше достигалось при помощи песчаного овца. Шелюга здесь испытывалась на Дурновской плантации, но шелюгование требовало особых приемов и выходило гораздо дороже «киякования» – посева песчаного овца [Аверьянов 1913: 125; Работы по укреплению 1910: 40; Бадмаева, Эрднеева 2022: 111–122]. В опытных целях также практиковали укрепление при помощи древесных и кустарных парод, однако при незначительном количестве выпадающих осадков, не превышавших 200 миллиметров в год и постоянно дующих сильных ветров трудно было рассчитывать на создание сплошных насаждений (Рис. 4).

Рис. 4. Перевоз семян песчаного овца в степи. Астраханская губерния. 1909 г. [Работы по укреплению 1910: Таблица III].

Пескоукрепление в Астраханской губернии производили три организации: 1) Астраханская пескозакрепительная организация (закрепленная к определенным местам); 2) Нарынское лесничество; 3) укрепление песков вдоль Астрахан-

ской железной дороги. С 1904 по 1909 гг. все работы производились под руководством командированного на пески ученого-лесоведа Ф.А. Аверьянова. Всего за эти годы было закреплено 16 759,38 дес. песков, расходы составили – 63 178,83 руб. Часть средств были выделены обществом калмыков (517 руб.) и Управлением Калмыцким народом (17,50 руб.), которые организовали содержание лесной стражи в степи [Работы по укреплению 1910: 21, 32].

С 1909 г. штат пескозакрепительных партий был расширен в Астраханской губернии и включал:

1 – заведующий губернией – в должности старшего лесного ревизора;

6 – заведующих районами, по районам: 1) Калмыцкая степь, 2) Черноярский район, 3) Красноярский район, 4) Астраханский район, 5) Дурновский опытный участок, 6) остальные степи Киргизской степи с Хошеутовским участком – в должности старшего таксатора;

19 – помощников заведующих районами – в должности лесных кондукторов.

Расходы на личный состав и операционные издержки обошлись государственной казне в 1909 г. в 351 865 руб. Положительные результаты агролесомелиоративных работ были достигнуты. Тем не менее для установления контроля за летучими песками Астраханской губернии требовалась организация работ на территории не менее чем 50 % всей площади песчаных массивов. В связи с этим на пескоукрепление в 1910 и 1911 гг. было заложено по 341 865 руб. в год, с 1912 г. – в течение последующих семи лет – по 279 865 руб. в год. В ходе работ планировалось закрепить от 600 000 до 1 000 000 дес. песков [Работы по укреплению 1910: 58].

На пескоукрепительные работы в Калмыцкой степи в 1909 г. было израсходовано:

1) на командирование, содержание и разъезд чиновников лесного департамента – 55 450 руб.;

2) на содержание питомников и плантаций – 30 000 руб.;

3) на приобретение семян – 5 000 руб.;

4) на работы в Астраханской губернии – 15 000 руб.

Всего 105 450 руб. [ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 138–138 об.].

В Калмыцкой степи локализовались значительные площади полузаросших песков, в частности на песках Эркетеневского улуса в больших количествах произрастали заросли гребенщика (тамарикса), которые сдавались местными владельцами в аренду под выпас скота. Арендная плата была довольно низкой, не более 2–3 коп. за дес., при этом пользование подобными массивами происходило без всякой системы, после чего они превращались в летучие пески и превращались в настоящее бедствие для окружающих угодий. С целью предотвращения распространения «хищнических» песков чиновники Лесного департамента брали в аренду эти земли у их владельцев и превращали их в заказники для нужд пескоукрепительных работ. Также чиновники Лесного департамента организовывали защиту древесных пород и кустарных зарослей, расположенных в степи, путем содержания лесной стражи за счет государства (на основании статьи 93 Лесного устава). Всего в Астраханской губернии на государственном содержании находилось 70 человек при охраняемой площади в 600 000 дес. [СЗРИ 1857: 16–25; Работы по укреплению 1910: 46, 58].

К 1917 г. работники песчано-овражных партий сумели разработать организационные формы и технические приёмы мелиорации песков с учетом природно-климатических особенностей текущих местностей. Смена общественно-политического строя в 1917 г. повлекла за собой и изменение системы управления лесным хозяйством и формирование новой политики в борьбе с опустыниванием в стране.

Выводы

Исследование особенностей организации пескоукрепительных работ, проводившихся на землях кочевых народов Юга России в XIX – начале XX вв. позволяет сделать вывод об эффективности работ в борьбе с опустыниванием в аридных зонах юга и юго-востока России. Кочевья ногайцев, калмыков и туркмен располагались на слабых песчаных и солонцеватых почвах, сухость воздуха и господствующие восточные ветры способствовали особо интенсивному раздуванию песков в степи. На фоне неумеренного выпаса крупного и мелкого скота и нерегулярного землепользования на месте песчаных площадей быстро образовались голые пески, засыпавшие пастбища, пашни и селения. Интенсивное распространение песков в конце XIX – начале XX в. подвигли правительство к созданию песчано-овражных партий, занимавшихся укреплением песков и оврагов, лесо- и садоразведением в степи. На начальных этапах финансирование пескоукрепительных работ осуществлялось за счет как центральных и региональных властей, так и местных обществ, и организаций. Однако, постепенно пришло понимание, что масштабы песчаного бедствия на Юге России угрожали жизни, здоровью и хозяйственной деятельности местных народов и финансирование деятельности пескозакрепительных организаций легло всецело на плечи государственной казны.

Песчано-овражные партии и пескозакрепительные организации показали их высококачественную работу. Борьба с опустыниванием в Российской империи в XIX – начале XX вв. включала меры технического и законодательного характера. К числу первых можно отнести работы по укреплению песков и оврагов, облесение и садоразведение в степи. Вторые включали охрану лесной и кустарной растительности в степи, предупреждение в нерациональном использовании подверженных к эрозии оврагов в аридных зонах. Важное значение имели меры поощрения местных жителей в деле разведения леса и сада в степи. Благодаря производственной деятельности лесничих в степи произошла переоценка значимости закрепления песков, особенно для их владельцев.

В целом, исследование подтверждает, что государство уделяло особое внимание к проблемам обустройства жизни и хозяйственно-культурной деятельности ее жителей, к числу которых относилась и борьба с опустыниванием степей кочевников Юга России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянов 1913 – *Аверьянов Ф.А.* Пески Астраханской губернии, причины их образования и борьба с ними. Сборник статей по песчано-овражным работам. – Вып. 1. – СПб.: Типо-лит «Якорь», 1913. – 213 с.

Агапонов, Бойко 2010 – *Агапонов Н.Н., Бойко Г.Е.* Опыт лесомелиоративных работ «Песчано-овражных партий» в южных районах царской России и его преемственность для Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2010. – №4 (62). – С. 3–12.

Бадмаева 2022 – *Бадмаева Е.Н.* Деятельность Краевой Астраханской пескоукрепительной организации на территории Калмыкии в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – №3 (55). – С. 6–13. – DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-6-13.

Бадмаева, Эрднеева 2022 – *Бадмаева Е.Н., Эрднеева Б.А.* Природно-климатические условия территории и земледелие в Калмыкии (1917-1925) // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 9. – С. 111–122. – DOI: 10.25136/2409-868X.2022.9.38680.

Батыров 2022 – *Батыров В.В.* Упадок калмыцкого верблюдоводства в контексте административных и природно-климатических факторов в XIX в. // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2022. – №4 (28). – С. 109–113. – DOI: 10.36684/12-2022-28-4-109-113

Батыров 2023 – *Батыров В.В.* Адаптационные стратегии калмыков во второй половине XIX в.: процессы перехода к полуоседлому хозяйству // Nomadic civilization: historical research. – 2023. – №3(4). – С. 57–70. – <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-4-57-70>

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Глезденев 1914 – *Глезденев В.Л.* О работах по укреплению сыпучих песков в Ачикулакском приставстве, Ставропольской губернии. – Новочеркасск: тип. «Дон. жизнь», 1914. – 13 с.

Джумагулова 2022 – *Джумагулова А.Т.* Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX – начале XX веков // Научный диалог – 2022. – №7(11). – С. 377–397. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397>.

Джумагулова 2024 – *Джумагулова А.Т.* «Успокоение песков»: борьба с опустыниванием на землях кочевых ногайцев Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Nomadic civilization: historical research – 2024 – 4(2). С. 51–65. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65>.

Дорошенко 2022 – *Дорошенко В.В.* Об опустынивании на Юге России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №10-1 (73). – С. 114–117. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-1-114-117.

Дрыгина 2018 – *Дрыгина Н.Н.* Пески наступают: из истории защитного лесонасаждения в Астраханской области // Новый исторический вестник. – 2018. – №3 (57). – С. 99–110. – DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00025.

Дьяченко 1949 – *Дьяченко А.Е.* Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдинского агролесомелиоративного пункта. – М.: Сельхозгиз (Образцовая тип. им. Жданова), 1949. – 88 с.

Карпенко 2013 – *Карпенко Н.Т.* Рукотворный оазис в степях Прикаспия – Зеленый сад // Астраханский вестник экологического образования. – 2013. – №2 (24). – С. 170–172.

Кидирниязов 2022a – *Кидирниязов Д.С.* Детерминированность домашних промыслов и ремесел ногайцев конца XVIII – начала XX в. от природно-климатических факторов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2022. – №3 (58). – С. 65–71. – DOI: 10.25744/vestnik.2022.58.3.008

Кидирниязов 2022b – *Кидирниязов Д.С.* Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. – 2022. – №11 (7). – С. 398–416. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416>

Кольцов, Шургучинов 2023 – *Кольцов П.М., Шургучинов Р.С.* Установление границ кочевых территорий Ставропольских туркмен в начале XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – №2 (75). – С. 26–31. – DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_26

Лепеско 2018 – *Лепеско В.В.* Краткий очерк по истории лесоразведения в Северо-Западном и восточном Прикаспии // Научно-агрономический журнал. – 2018. – №1 (102). – С. 57-59.

Лиджиева 2017 – *Лиджиева И.В.* Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX - начале XX в. // Вестник Томского

государственного университета. История. – 2017. – №46. – С. 22–27. – DOI: 10.17223/19988613/46/3

Лиджиева 2022 – *Лиджиева И.В.* Традиции и наука в системе хозяйствования на аридных землях (на примере Калмыцкой степи) // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – №4 (56). – С. 38–44. – DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-38-44

Лиджиева 2023 – *Лиджиева И.В.* Система природопользования в решениях общественных сходов кочевых инородцев // История государства и права. – 2023. – №8. – С. 68–74. – DOI: 10.18572/1812-3805-2023-8-68-74

Орловский и др. 1981 – *Орловский Н.С., Николаев В.Н., Зонн И.С., Свинцов И.П.* Опыт борьбы с опустыниванием в СССР. – М.: Наука, 1981. – 115 с.

ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – СПб.: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885.

Работы по укреплению 1910 – *Работы по укреплению песков в Астраханской губернии и желательная организация их в ближайшем будущем.* Департамент Главного управления землеустройства и земледелия. – СПб.: типография «Сельского Вестника», 1910. – 58 с.

СЗРИ 1857 – Свод законов Российской империи. Том восьмой. Часть I. Уставы лесной, оброчных статей, и устав казенных населенных имений в западных и прибалтийских губерниях 1857–1868. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 718 с.

Собрание узаконений 1872 – *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: [Издание официальное].* – СПб., 1863–1917.

Спасский 1907 – *Спасский В.Н.* Летучие пески их укрепление облесением. – М.: К.И. Тихомиров, 1907. – 23 с.

Танашев 1912 – *Танашев Н.А.* О борьбе с песками и оврагами. – Херсон: издательство инспектора сельского хозяйства в Херсонской губернии, 1912. – №8. – 8 с.

Тяпкин 2017 – *Тяпкин М.О.* Содержание и генезис государственной лесной политики России // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – №46. – С. 72–80. – DOI: 10.17223/19988613/46/9.

Фролов 1909 – *Фролов А.М.* Сооружение Астраханской линии в летучих барханных песках и меры борьбы с ними // Общество Рязанско-Уральской железной дороги. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1909. – 68 с.

Черных 2021 – *Черных В.В.* Лесной департамент как государственно-правовой институт Российской империи: становление и развитие // Сибирский юридический вестник. – 2021. – №4 (95). – С. 41–46. – DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.41.

Черняховский 2002 – *Черняховский Д.А.* Опустынивание и экологические проблемы пастбищного животноводства в степных регионах юга России // Степной бюллетень. – 2002. – № 11. – С. 14–19.

Шургучиева 2022 – *Шургучиева Ю.С.* Организация работ по борьбе с песками в Калмыцкой степи // Наука и молодежь: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2022. – С. 351–356. – DOI: 10.36684/52-2022-2-351-356.

Шургучиева, Лиджиева 2023 – *Шургучиева Ю.С., Лиджиева И.В.* Пескоукрепительные работы в Астраханской и Ставропольской губерниях в XIX - начале XX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «История и культура народов Юга России». Грозный 30 марта 2023 г. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2023. – С. 157–160. – DOI: 10.36684/105-1-2023-157-160.

REFERENCES

AVER'YANOV F.A. *Peski Astrakhanskoi gubernii, prichiny ikh obrazovaniya i bor'ba s nimi. Sbornik statei po peschano-ovrazhnym rabotam* [Sands of the Astrakhan province, the reasons for their formation and the fight against them. Collection of articles on sand and gully works]. Issue 1. – St. Petersburg: Type-lit «Anchor». – 213 p. (In Russ.).

AGAPONOV N.N., BOIKO G.E. *Opyt lesomeliorativnykh rabot «Peschano-ovrazhnykh partii» v yuzhnykh raionakh tsarskoi Rossii i ego preemstvennost' dlya Ukrainy* [The experience of forest reclamation works of «Sand-ravine parties» in the southern regions of Tsarist Russia and its continuity for Ukraine]. IN: Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. – 2010. – №4 (62). – P. 3–12. (In Russ.).

BADMAEVA E.N. *Deyatel'nost' Kraevoi Astrakhanskoi peskoukrepitel'noi organizatsii na territorii Kalmykii v 1920-e gg.* [Activity of the Astrakhan Regional sand protection organization on the territory of Kalmykia in the 1920s.]. IN: Vestnik Kalmytskogo universiteta. – 2022. – №3 (55). – P. 6–13. – DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-6-13 (In Russ.).

BADMAEVA E.N., ERDNEEVA B.A. *Prirodno-klimaticheskie usloviya territorii i zemledelie v Kalmykii (1917-1925)* [Natural and climatic conditions of the territory and agriculture in Kalmykia (1917-1925)]. IN: Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2022. – № 9. – P. 111–122. – DOI: 10.25136/2409-868X.2022.9.38680 (In Russ.).

BATYROV V.V. *Upadok kalmytskogo verblyudovodstva v kontekste administrativnykh i prirodno-klimaticheskikh faktorov v XIX v.* [The decline of Kalmyk camel breeding in the context of administrative and climatic factors in the XIX century]. IN: Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. – 2022. – №4 (28). – P. 109–113. – DOI: 10.36684/12-2022-28-4-109-113 (In Russ.).

BATYROV V.V. *Adaptatsionnye strategii kalmykov vo vtoroi polovine XIX v.: protsessy perekhoda k poluosedlomu khozyaistvu* [Adaptation strategies of Kalmyks in the second half of the XIX century: the processes of transition to semi-settled economy]. IN: Nomadic civilization: historical research. – 2023. – №3(4). – P. 57–70. – <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-4-57-70> (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia [The State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

Glezdenev V.L. *O rabotakh po ukrepleniyu sypuchikh peskov v Achikulakskom pristavstve, Stavropol'skoi gubernii* [On the work on strengthening loose sands in the Achikulaksky bailiff's office, Stavropol province]. – Novocherkassk: type. «Don. zhizn'», 1914. – 13 p. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov* [Features of the state of the economy of the Nogai societies of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries]. IN: Nauchnyi dialog – 2022. – №7(11). – P. 377–397. – <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397> (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. *«Uspokoenie peskov»: bor'ba s opustynivaniem na zemlyakh kochevykh nogaitsev Stavropol'skoi gubernii v kontse XIX–nachale XX vv.* [«Calming the sands»: combating desertification on the lands of nomadic Nogais of Stavropol province in the late XIX–early XX centuries]. IN: Nomadic civilization: historical research – 2024 – 4(2). P. 51–65. – <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65> (In Russ.).

DOROSHENKO V.V. *Ob opustynivanii na Yuge Rossii* [On desertification in the South of Russia]. IN: Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2022. – №10-1 (73). – P. 114–117. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-1-114-117 (In Russ.).

DRYGINA N.N. *Peski nastupayut: iz istorii zashchitnogo lesonasazhdeniya v Astrakhanskoi oblasti* [The sands are coming: from the history of protective afforestation in the Astrakhan region]. IN: Novyi istoricheskii vestnik. – 2018. – №3 (57). – P. 99–110. – DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00025 (In Russ.).

D'YACHENKO A.E. *Lesnye polosy v zone polupustyni: Opyt Bogdinskogo agrolesomeliorativnogo punkta* [Forest strips in the semi-desert zone: The experience of the Bogdinsky agroforestry point]. – Moscow: Sel'khozgiz (Obraztsovaya tip. im. Zhdanova), 1949. – 88 p. (In Russ.).

KARPENKO N.T. *Rukotvornyi oasis v stepyakh Prikaspiya – Zelenyi sad* [Man-made oasis in the steppes of the Caspian Sea - Green garden]. IN: Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniya. – 2013. – №2 (24). – P. 170–172. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Determinirovannost' domashnikh promyslov i remesel nogaitsev kontsa KhVIII – nachala KhKh v. ot prirodno-klimaticheskikh faktorov* [Determinism of household

crafts and crafts of the Nogais of the late XVIII – early XX century. from natural and climatic factors]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoi respubliki. – 2022. – №3 (58). – P. 65–71. – DOI: 10.25744/vestnik.2022.58.3.008 (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Zemel'no-pravovye otnosheniya i sedentarizatsiya nogaitsev vo vtoroi polovine XIX - nachale XX vekov* [Land and legal relations and sedentarization of Nogais in the second half of the XIX - early XX centuries]. IN: Nauchnyi dialog. – 2022. – №11 (7). – P. 398–416. – <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416> (In Russ.).

KOL'TSOV P.M., SHURGUCHINOV R.S. *Ustanovlenie granits kochevykh territorii Stavropol'skikh turkmenov v nachale XIX v.* [Establishing the boundaries of the nomadic territories of Stavropol Turkmens at the beginning of the XIX century]. IN: Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. – 2023. – №2 (75). – P. 26–31. – DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_26 (In Russ.).

LEPESKO V.V. *Kratkii ocherk po istorii lesorazvedeniya v Severo-Zapadnom i vostochnom Prikaspii* [A brief essay on the history of afforestation in the Northwestern and Eastern Caspian region]. IN: Nauchno-agronomicheskii zhurnal. – 2018. – №1 (102). – P. 57–59. (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. *Khozyaistvo i prirodopol'zovanie v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya Kalmytskoi stepi v XIX - nachale XX v.* [Agriculture and environmental management in the activities of local governments of the Kalmyk steppe in the XIX - early XX century]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2017. – №46. – P. 22–27. – DOI: 10.17223/19988613/46/3 (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. *Traditsii i nauka v sisteme khozyaistvovaniya na aridnykh zemlyakh (na primere Kalmytskoi stepi)* [Traditions and science in the management system on arid lands (on the example of the Kalmyk steppe)]. IN: Vestnik Kalmytskogo universiteta. – 2022. – №4 (56). P. S. 38–44. –DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-38-44 (In Russ.).

LIDZHIEVA I.V. *Sistema prirodopol'zovaniya v resheniyakh obshchestvennykh skhodov kochevykh inorodtsev* [The system of nature management in decisions of public gatherings of nomadic foreigners]. IN: Istoriya gosudarstva i prava. – 2023. – №8. – P. 68–74. – DOI: 10.18572/1812-3805-2023-8-68-74 (In Russ.).

ORLOVSKII N.S., NIKOLAEV V.N., ZONN I.S., SVINTSOV I.P. *Opyt bor'by s opustynivaniem v SSSR* [The experience of combating desertification in the USSR]. – Moscow: Nauka, 1981. – 115 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2 [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2.]. – St. Petersburg: in Type 2 of the Department of the E. I. V. Chancellery, 1830–1885. (In Russ.).

Raboty po ukrepleniyu peskov v Astrakhanskoi gubernii i zhelatel'naya organizatsiya ikh v blizhaishem budushchem. Departament Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya [Work on strengthening the sands in the Astrakhan province and the desirable organization of them in the near future. Department of the Main Department of Land Management and Agriculture]. – St. Petersburg: printing house of the «Sel'skogo Vestnika», 1910. – 58 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate: (Izдание ofitsial'noe) [The collection of laws and orders of the Government, issued under the Governing Senate: (Official publication)]. – St. Petersburg, 1863–1917. (In Russ.).

SPASSKII V.N. *Letuchie peski ikh ukreplenie obleseniem* [olatile sands and their fortification by afforestation.]. – Moscow: K.I. Tikhomirov, 1907. – 23 p. (In Russ.).

TANASHEV N.A. *O bor'be s peskami i ovragami* [About the fight against sands and ravines]. – Kherson: publishing house of the inspector of agriculture in the Kherson province, 1912. – №8. – 8 p. (In Russ.).

TYAPKIN M.O. *Soderzhanie i genezis gosudarstvennoi lesnoi politiki Rossii* [The content and genesis of the state forest policy of Russia]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2017. – №46. – P. 72–80. – DOI: 10.17223/19988613/46/9 (In Russ.).

FROLOV A.M. *Sooruzhenie Astrakhanskoi linii v letuchikh barkhannykh peskakh i mery bor'by s nimi. Obshchestvo Ryazansko-Ural'skoi zheleznoi dorogi* [The construction of the Astra-

khan line in volatile sand dunes and measures to combat them]. – St. Petersburg: tip. Mor. m-va, 1909. – 68 p. (In Russ.).

CHERNYKH V.V. *Lesnoi departament kak gosudarstvenno-pravovoi institut Rossiiskoi imperii: stanovlenie i razvitie* [The Forest Department as a state legal institution of the Russian Empire: formation and development]. IN: Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2021. – №4 (95). – P. 41–46. – DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.41 (In Russ.).

CHERNYAKHOVSKII D.A. *Opustynivanie i ekologicheskie problemy pastbishchnogo zhivotnovodstva v stepnykh regionakh yuga Rossii* [Desertification and environmental problems of pastoral animal husbandry in the steppe regions of southern Russia]. IN: Stepnoi byulleten'. – 2002. – №11. – P. 14–19. (In Russ.).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom vos'moi. Chast' I. Ustavy lesnoi, obrochnykh statei, i ustav kazennykh naselennykh imenii v zapadnykh i pribaltiiskikh guberniyakh 1857 – 1868 [The Code of Laws of the Russian Empire. Volume 8. Part I. The statutes of the forest, the articles of rent, and the charter of state-owned inhabited estates in the Western and Baltic provinces 1857-1868]. – St. Petersburg: Type. The Second Department Of Its Own E.I.V. Chancellery, 1857. – 718 p.

SHURGUCHIEVA YU.S. *Organizatsiya rabot po bor'be s peskami v Kalmytskoi stepi* [Organization of work on combating sands in the Kalmyk steppe]. IN: Nauka i molodezh': sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Science and Youth: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists]. – Grozny: Chechenskii gosudarstvennyi universitet im. A.A. Kadyrova, 2022. – P. 351-356. – DOI: 10.36684/52-2022-2-351-356 (In Russ.).

SHURGUCHIEVA YU.S., LIDZHIEVA I.V. *Peskoukrepitel'nye raboty v Astrakhanskoi i Stavropol'skoi guberniyakh v XIX - nachale XX v.* [Sand-strengthening works in Astrakhan and Stavropol provinces in the XIX - early XX century]. IN: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriya i kul'tura narodov Yuga Rossii». Grozny 30 marta 2023 g. [Materials of the All-Russian scientific and practical conference «History and culture of the peoples of the South of Russia». Grozny on March 30, 2023] – Grozny: Chechenskii gosudarstvennyi universitet im. A.A. Kadyrova», 2023. – P. 157–160. – DOI: 10.36684/105-1-2023-157-160 (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 25.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 9.93
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-67-76
EDN: BUWNQX

КАВКАЗ В СОБЫТИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Роман Алексеевич Соколов¹, Александр Станиславович Соколов²

^{1,2} Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

¹ romansokolov1997@yandex.ru

² falcon140770@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние кавказского региона на события Отечественной войны 1812 года. Внимание уделяется московскому пожару сентября 1812 года. Отмечено, что он уничтожил большую часть города, пострадали ключевые постройки – Кремль, Московский университет и другие важнейшие сооружения. Среди уцелевших зданий можно выделить дом графа Ф. В. Ростопчина и театр Позднякова. Благодаря телохранителю (мамелюку) Наполеона Рустаму Розе и другим армянам, оставшимся во второй столице в оккупационный период, удалось сохранить одно из важнейших мест для народов Кавказа – Армянский переулоч. Среди генералов, принимавших активное участие в военных действиях, были представители народов Кавказа. Самый известный из них – П.И. Багратион. Помимо Багратиона в войне принимало участие около десятка генералов грузинского происхождения, а также адыги, азербайджанцы и другие народы Кавказа. В статье рассмотрены некоторые аспекты деятельности Романа Медокса по созданию конного отряда из горцев Кавказа. Отмечено, что немалое количество пленных поляков, были отправлены в 1813 году на Кавказ из центральных губерний Российской империи.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Наполеон Бонапарт, Рустам Раза, П.И. Багратион, Р. Медокс, военнопленные Великой армии, Кавказ, Георгиевск.

Для цитирования: Соколов Р.А., Соколов А.С. Кавказ в событиях Отечественной войны 1812 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 67-76. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-67-76. EDN: BUWNQX.

© Соколов Р.А., Соколов А.С., 2024

Original article

THE CAUCASUS IN THE EVENTS OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Roman Alekseevich Sokolov¹, Aleksandr Stanislavovitch Sokolov²

^{1,2} Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia

¹ romansokolov1997@yandex.ru

² falcon140770@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of the Caucasian region on the events of the Patriotic War of 1812. Attention is paid to the Moscow fire of September 1812. It destroyed most of the city, and key buildings were damaged – the Kremlin, Moscow University and other important structures. Among the surviving buildings are the house of Count F. V. Rostopchin and the

Pozdnyakov Theater. Thanks to the bodyguard (mameluke) Rustam Rosa and other Armenians who remained in the second capital during the occupation period managed to preserve one of the most important places for the peoples of the Caucasus – Armenian Lane. Among the generals who took an active part in the hostilities were representatives of the peoples of the Caucasus. The most famous of them is P. I. Bagration. Besides Bagration, about a dozen generals of Georgian origin took part in the war, as well as the Adygs, Azerbaijanis and other peoples of the Caucasus. The article tells about the adventurer Roman Medox and his creating a mounted detachment from the highlanders of the Caucasus. The central provinces of the Russian Empire sent a considerable number of Polish prisoners to the Caucasus in 1813.

Keywords: The Patriotic War of 1812, Napoleon Bonaparte, Rustam Raza, P. I. Bagration, R. Medox, prisoners of war of the Great Army, Caucasus, Georgievsk.

For citation: Sokolov R.A., Sokolov A.S. The Caucasus in the events of the Patriotic war of 1812. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 67-76. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-67-76. EDN: BUWNQX.

© Sokolov R.A., Sokolov A.S., 2024

Отечественная война 1812 г. по праву считается одной из героических страниц российской истории, изменившей судьбу не только российского народа, но и населения многих европейских стран. Стремительно прорываясь вглубь Российской империи, Наполеону даже удалось захватить Москву и больше месяца находиться там, но умелые действия высшего командования русской армии, героизм и стойкость солдат и населения помогли изгнать французскую армию из России. Несмотря на то, что основные события этой войны происходили недалеко от «второй столицы», Кавказ и населяющие его народы также приняли участие в военной кампании и внесли весомый вклад в общую победу.

Прежде чем говорить о роли кавказского региона, обратимся к фигуре Наполеона Бонапарта. Французский император в начале своего правления не обращал особого внимания на происхождение, авторитет и даже национальность своих приближенных. Его помощниками были французы, поляки, бельгийцы и представители других народов. Важнейшее место среди них занимал мамелюк (личный охранник) Рустам Раза, выходец из Армении.

Совместный путь Наполеона и Рустама Разы начался в 1799 г., когда Рустам был назначен личным телохранителем французского императора после их встречи в Египте. Вот как сам Рустам описывал Наполеона, впервые увидев его:

«Впервые я увидел Бонапарта после его возвращения из Сен-Жан-Дакра... Первое впечатление: он был покрыт пылью, задыхался, в высоких сапогах, в белых коротких штанах из кашемира, в генеральской форме, с загорелым лицом, без бакенбардов, с длинными, напудренными волосами» [Народное... 1962: 23].

С того момента, как отмечал первый слуга Бонапарта Констан, армянин постоянно находился рядом:

«Рустам стал необходимым сопровождающим лицом во всех случаях при появлении императора перед публикой. Он участвовал во всех путешествиях и свитах, а участие во всех сражениях приносило ему особую честь...» [Погосян 2015: 23].

Рустам Раза сыграл свою роль и в Отечественной войне 1812 года. 2 сентября Наполеон с частями Великой армии вступил в Первопрестольную. Город выглядел пустым, запасы продовольствия и фуража были заранее вывезены из второй столицы. В этот же день в разных частях Москвы начался пожар, продолжавшийся около недели и уничтоживший большую часть городских построек. Пострадали Кремль, Московский университет и другие важнейшие объекты. Перед уходом неприятеля из Первопрестольный по приказу Наполеона был осуществлен подрыв Кремля. Были взорваны здание Арсенала, часть кремлевской стены, частично разрушена Никольская башня. Полностью осуществить задуманное Мортье не удалось. Местами тлевшие фитили затушил дождь, некоторые потушили бдительные москвичи и подоспевшие на помощь казацкие разъезды. Кремль был спасен. Взрыв произошёл, но явно не с той мощностью, на которую рассчитывал Наполеон.

После того, как французы покинули Первопрестольную, вход в Кремль некоторое время был закрыт. С первой половины ноября вход в одно из главных архитектурных сооружений второй столицы начал осуществляться по билетам и был необходим для приведения дел Сената в порядок. Об этом сообщал в своем письме Ф. В. Ростопчину от 11 ноября обер-прокурор Сената князь П.С. Мещерский:

«Имея надобность посылать в Кремль разных чиновников для разбирания оставшихся в доме Правительствующего Сената дел, просил я... прислать мне 15 бланкетных билетов... по чему я и осмеливаюсь... ваше Сиятельство прислать просимое мною количество билетов» [ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2862. Л. 1].

Помимо билетов, обер-прокурор занимался осмотром зданий второй столицы и сбором сведений о них:

«По Высочайшему повелению отправлен был в Москву Обер-Прокурор Князь Мещерской – для осмотра зданий тамошних присутственных мест... Князь Мещерский донес, что дела Государственного Архива, Вотчинного Департамента, Межевой Канцелярии и временного ея Департамента раскиданы и большей части разодраны...» [ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2857. Л. 4].

Среди уцелевших от пожара зданий следует выделить дом генерал-губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина (Палата Пожарского) и театр П.А. Поздныкова, где даже в период французской оккупации можно было увидеть различные постановки. Интересно отметить, что помимо построек удавалось спасать целые кварталы и переулки. Находясь в сентябре 1812 г. в Москве, Рустам Раза, как и остальные французы, наблюдал за пожаром и пытался предотвратить его. Именно он и еще один из генералов Бонапарта попросили императора уберечь армянский квартал от возгорания:

«Напротив, вблизи Лазаревского института, возле зданий армянского исповедания церкви, в доме Лазаревых, принадлежащем в царствование царя Алексея Михайловича любимцу его, боярину Артамену Матвееву, жил в 1812 году французский благонамеренный генерал; как он, а больше еще приближенный императора Наполеона, некто из армян, люби-

мый мамелюк Рустам испросили у Наполеона повеление, чтобы весь квартал, от Покровки до Мясницкой улицы, и все то, что принадлежит армянской церкви, было сохранено и не подвергалось бы пламени, для чего были повеления и военные французские караулы, что соблюдалось до выхода французов. Но когда внезапно французы выступили и когда генерал уже выехал, тогда начали французы и другие поджигать дома этого квартала, однако усердие и бдительность некоторых пребывающих в Москве тогда армян и еще соседей отвратили бедствия пожара, и тем единственно спасена была эта часть древней столицы» [Материалы... 1914: 2-3].

Еще одним сподвижником Наполеона был армянин Уанис Петро (Оганес Петросян), ставший мемлюком в 1802 г. В военной кампании 1812 г. участия он не принимал.

Говоря о роли Кавказа в событиях 1812 г., следует выделить несколько направлений. Важно отметить, что в войне принимало участие большое количество выдающихся полководцев, среди которых были и представители народов Кавказа. Одним из них был генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион, представитель древнего грузинского рода, уроженец Кизляра. Его военный талант отмечал сам Наполеон Бонапарт: «Генералов хороших у России нет, кроме одного Багратиона»¹. В Бородинском сражении Петр Иванович командовал левым флангом, вместе с солдатами отражая французские атаки. Из-за тяжелого ранения в бедро ему пришлось покинуть поле битвы. Участники событий оценили эту потерю следующим образом: «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека» [Тарле 1941: 125]. 27 августа, на следующий день после сражения, генерал, находясь в Можайске, написал письмо императору Александру I, в котором рассказал о ранении:

«Хотя, всемиловейший государь, в деле 26-го и я довольно не легко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости; но нималейше не сожалею о сем, быв всегда готов пожертвовать и последнею каплею моей крови на защиту отечества и августейшего престола; крайне однако ж прискорбно одно только то, что я в сие важнейшее время остаюсь в невозможности далее показать мои услуги...»².

Через 17 дней Багратион скончался в селе Сима Владимирской губернии. Несмотря на смертельное ранение, Петр Иванович был и остается одним из величайших полководцев, сыгравших ключевую роль в военной кампании 1812 г. Помимо Багратиона в войне принимало участие около десяти генералов грузинского происхождения – Шаликашвили, Гурьялов, братья Панчулидзе и Живаловы. Наряду с грузинами активное участие в боевых действиях принимали азербайджанцы (они входили в карабахский кавалерийский полк, в составе которого участвовали в Бородинской битве), черкесы, адыги и другие народы Кавказа.

Важную роль в военных событиях сыграл манифест Александра I от 18 июля «о необходимости создания ополчения в помощь русской регулярной ар-

¹ Кавказцы в Отечественную войну 1812 года // Вестник Кавказа. URL: [Кавказцы в Отечественную войну 1812 года | Вестник Кавказа \(vestnikkavkaza.ru\)](http://vestnikkavkaza.ru) (дата обращения: 20.08.2024).

² Из письма П. И. Багратиона Александру I после Бородинского сражения // Хронос. URL: <https://hrono.ru/dokum/18120827bag.html?ysclid=m03w2oe4b4495757942> (дата обращения: 21.08.2024).

мии, сражающейся с наполеоновскими войсками». Многие губернии Российской империи сразу после обнародования манифеста приступили к формированию ополчений. Например, в Москве для достижения данной цели было образовано два комитета. 20 июля состоялось заседание 1-го Комитета, в состав которого вошло 7 человек во главе с главнокомандующим Первопрестольной Ф. В. Ростопчиным. В ходе заседания было выработано несколько важнейших решений, зафиксированных в официальном протоколе:

«Он (Комитет) принимает все объявления о людях, представляемых помещиками, условиями или от лица частного человека сверх положенных по общему согласию Дворянского Собрания, желающих поступить в состав Московской Военной Силы, и по принятии отсылает для определения к Начальнику оной... Комитет определяет и избирает двух чиновников, одного – к принятию и сохранению провианта, а другого – оружия, а по уездам в каждом выбор таковых же двух чиновников предоставляется дворянству... Все чиновники, в Комитете употребленные, входят в состав онаго и пользуются правами, предоставленными Московской Военной Силе» [Народное... 1962: 52-53].

В этот же день состоялось заседание 2-го Комитета, на котором также присутствовал Ф.В. Ростопчин. Одним из участников Комитета был князь Николай Борисович Юсупов. В период заседания он официально объявил Комитету о пожертвовании 50 тысяч аршин каразеи (грубой шерстяной ткани) и 10 тысяч рублей для образования Московской военной силы:

«...жертвуя безденежно оною каразею по цене, получаемой из Комиссариата, - 80 копеек за аршин, итого на 40 тысяч рублей, сверх сего взношу при сем в пожертвование деньгами 10 тысяч рублей, в принятии сих последних покорно прошу выдать квитанцию» [Москва... 2012: 208].

Таким образом, заседания обоих Комитетов прошли 20 июля 1812 года, а их результатом стало начало активной подготовки по созданию Московской военной силы.

Уже в первые дни работа Комитетов принесла результат. В село Завидово (Клинский уезд Московской губернии) была отправлена партия ополченцев, сформированная из воинов Московского гарнизонного полка. Отряд состоял из более 250 человек, среди которых большую часть составляли рекруты. Еще один воинский отряд, созданный в Московском рекрутском депо, также был отправлен в Завидово. По численности и составу он мало отличался от партии ополченцев Московского гарнизонного полка.

В дальнейшем работа Комитетов продолжилась. Например, 1-й Комитет определил конкретные места пребывания формирующихся полков, а также правила приема воинов в Московскую военную силу:

«...располагать токмо штаб-квартирами в Головинских, в Хамовнических и в Сретенских казармах, а по мере количества поступающих сих людей, коль скоро оное уже будет значительно, отправить в Верею, где уже есть, как известно, Генерал и другие частные начальники... Прием воинов производить на следующих правилах: лета от 20 до 45, не затрудняясь, если несколько старше или моложе, имея лишь в виду силу телесную. Мера [ро-

ста] не назначается, лишь бы представляемый в воины был не урод и не карла» [Московское дворянство 1912: 30].

Быстрое продвижение Великой армии к Москве заставило 1-й Комитет ускорить формирование ополчения. Это подтверждает выписка журнала заседаний от 16 августа 1812 г.:

«Начальствующий Московскою Военною Силою... Граф Марков в полном присутствии Комитета словесно объявил, что за всеми побуждениями следующее количество в Ополчение воинов и донные еще не доставлено; притом открывается великой недостаток в оружии и провианте. Вследствие сего Комитет МНЕНИЕМ ПОЛОЖИЛИ: всем Уездным Предводителям строжайше предписать, дабы каждый из них, объявляя о сем помещикам, от неисправных из них истребовал к 22-му числу сего месяца недостающее число воинов, провианта, одежды и оружия, и за присмотром Земской Полиции представили в означенные сборные места к учрежденным там по военному ополчению командам» [Москва... 2012: 284-285].

О схожей дате сбора войск (22 августа) отмечалось и в отношении Ф.В. Ростопчина М.Б. Барклаю-де-Толли от 15 августа: «К 20-му числу сего месяца в Можайске, в Рузе и в Верее будет собрано Московской Военной силы до 16 тысяч человек» [Апухтин 1912: 36]. 2-й Комитет также продолжал свою деятельность, принимая и распределяя денежные пожертвования, поступавшие от жителей второй столицы. Таким образом, Комитеты сыграли важнейшую роль в формировании ополчения Первопрестольной. Их деятельность по формированию воинских отрядов, снабжению их провиантом и вооружением, принятию и распределению пожертвований позволила в короткие сроки создать боеспособное ополчение численностью более 27 тысяч человек – Московскую военную силу.

Несмотря на то, что Кавказская губерния в июле 1812 г. не принимала участия в создании ополчения на своей территории, подобная попытка (по созданию ополчения) была предпринята уже в конце военной кампании 1812 г. В декабре этого года в Георгиевск – один из центров Кавказской губернии – прибыл молодой поручик Соковкин. Ему предстояло убедить местное начальство создать конный отряд из горцев для окончательного изгнания Наполеона из России и предстоящих заграничных походов русской армии. Благодаря официальным документам, рекомендательным письмам и ораторскому таланту Соковкин получил 10 тысяч рублей на создание и вооружение конного отряда из горцев. Идею молодого поручика поддержали кавказские дворяне, также принимавшие активное участие в создании ополчения. Но нашлись и те, кому идея Соковкина показалась подозрительной. Один из советников Казенной палаты Иван Хондаков отправил письмо в министерство финансов о том, что поручику было выделены средства и спрашивалось «следует ли производить далее денежную выдачу поручику всякий раз, когда он того потребует, и в каком объеме» [Громова 2010: 76-78]. Подозрения Хондакова оправдались, так как в ответном письме министерства финансов говорилось о том, что никакого поручика оно не посылало и о создании ополчения слышат впервые. Настоящее имя «поручика» – Роман Медокс, сын выходца из Англии Михаила Медокса, приехавшего в Рос-

сию в середине XVIII в. Медокс был отправлен в Санкт-Петербург, а работа по созданию ополчению окончательно завершилась.

Еще одним аспектом, в котором Кавказ принимал участие, стало содержание военнопленных Великой армии, оставшихся в России после ухода французского императора. Более 200 тысяч офицеров и солдат Наполеона попало в русский плен в период Отечественной войны 1812 г. Гуманное отношение к военнопленным требовало их достойного содержания, что приводило к дополнительным финансовым затратам. Предполагалось затрачивать на содержание генерала 3 руб., полковника и подполковника 1 руб. 50 коп., майора 1 руб., обер-офицера 53 коп., унтер-офицера и рядового 5 коп. в сутки. Известны случаи, когда сумма на содержание пленных увеличивалась. Помимо этого, выдавался ещё и провиант [Иванов 1997: 190]. Основное число пленных было сосредоточено в центральных районах России, причем их число постоянно росло. Из-за этого в сентябре 1812 г. главнокомандующий русской армией М.И. Голенищев-Кутузов обратился в военное министерство с просьбой перевести пленных поляков на Кавказ для дальнейшей службы. В Санкт-Петербурге это предложение встретили с одобрением, и уже в октябре предложение Кутузова было официально утверждено. Пленных поляков отправляли в Георгиевск, а затем распределяли в воинские подразделения. Ключевую роль Георгиевска как пункта сбора пленных поляков подтверждает циркуляр министерства полиции от 22 октября 1812 г.:

«...справясь, сколько в числе пленных из армии в губернию, управлению Вашему вверенную, отправленных находится поляков, отделить их от прочих и отправить в Георгиевск к Г-ну Генерал-Майору Портнягину, причем распорядиться таким образом, чтобы и впредь поляки, будучи где-либо окажутся в числе пленных, были препровождаемы туда же, уведомляя каждый раз Министерство Полиции, сколько когда таковых отправлено» [Москва... 2012: 407].

Для исполнения циркуляра главнокомандующий в Москве граф Ф.В. Ростопчин 18 ноября 1812 г. отправил предписание гражданскому губернатору Н.В. Обрескову:

«Главногокомандующий в Санкт-Петербурге доставил ко мне в списке циркулярное предписание Г-дам Гражданским Губернаторам об отправлении пленных поляков в Георгиевск к Г-ну Генерал-Майору Портнягину. Я рекомендую Вашему Превосходительству к выполнению сего предписания в точности сделать сношение с исправляющим должность Московского Коменданта для надлежащего впредь по сему поступления» [Москва... 2012: 408].

Для доставки пленных поляков из Московской губернии в Георгиевск был разработан специальный маршрут: Москва – Бронницы (Московская губерния), Коломна – Зарайск – Рязань – Пронск – Скопин – Данков (Рязанская губерния), Лебедянь (Тамбовская губерния), Елец (Орловская губерния), Задонск – Воронеж (Воронежская губерния), Павловск – Новочеркасск (Земли Войска Донского), Черкасск – Ставрополь – Александров – Георгиевск (Кавказская губерния).

Важно отметить, что отправка пленных поляков на Кавказ началась в 1813 г. Это подтверждает циркуляр министерства полиции Н.В. Обрескову от 4 мар-

та 1813 года, в котором даны подробные инструкции по отправке и содержанию пленнх во время следования в Георгиевск:

«...поручаю Вам, Милостливый Государь мой... приступить... к отправлению в Георгиевск... всех пленнх поляков... руководствуясь при сем нижеследующими правилами:

1-е. Снабдя всех сих пленнх прилично годичному времени одеждою и обувью, Ваше Превосходительство отправите их при благонадежном конвое и немногочисленными партиями по приложенному при сем маршруту.

2-е. Под экипажи, провиант как конвойным командам, так и для пленнх давать для каждых 12 человек по одной обывательской подводе...

3-е. Содержание, пленным назначенное на месте, остается то же и на походе. Следующее им по сему назначению выдать вперед на 7 дней, а провиант против солдатского...

4-е. Партионных Офицеров или Конвойных Начальников снабдить достаточным количеством денег и записною тетрадью и, дав им инструкцию, сообразную поручению, изложенным на то правилам, между прочим, подтвердить строжайше, чтобы пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было; но чтобы и они вели себя скромно и послушно, внушая им, что за безчиние одного ответствовать будет вся партия...

5-е. На пути приказать ставить сих пленнх отдельно в очищенных от обывателей квартирах и не позволять иметь им никакого сношения ни с сими, ни с прочими в тех местах расположенными пленными, дабы сим избегнуть всякое болезни сообщение и распространение...

6-е. Пленнх сих не иначе отправлять в путь, как по удостоверении, что они совершенно здоровы, буде же кто из них во время следования занеможет, то провожающему строжайше внушить, чтобы такового тотчас отдал в первом городе под росписку Городничему или Земскому Исправнику, которым чиновникам поставить в обязанность вместе с Уездным Врачом иметь бдительное попечение о сохранении жизни поручаемым им таким образом больным...» [Москва... 2012: 424-425].

3 мая управляющий Министерством полиции С.К. Визмятинов распорядился отправить находящихся в Московской губернии военнопленнх испанцев и португальцев в Царское село, поляков – в Георгиевск, а пруссаков и саксонцев выслать на родину. Прибывавшие в Георгиевск поляки пополняли кавказские отряды, привлекались к строительным работам, получая за свой труд 15 коп. в сутки. Репатриация поляков, начавшаяся еще в 1813 г., была окончательно завершена в мае 1814 года [Клычников, Лазарян 2018: 12].

Таким образом, в данной статье было рассмотрено влияние народов Кавказа и кавказского региона на ход Отечественной войны 1812 г. Она проявилось в нескольких направлениях. Одним из них стало участие генералов кавказского происхождения в важнейших сражениях военной кампании. Ключевую роль среди них сыграл генерал от инфантерии, уроженец Кизляра П.И. Багратион, смертельно раненый в ходе Бородинской битвы. Его полководческий талант по праву отмечал и французский император Наполеон Бонапарт, среди мамлюков (телохранителей) которого были армяне. В качестве примера в статье отмечен армянин Рустам Раза, один из ближайших сподвижников Наполеона, принимавший участие и в событиях 1812 г. Одна из его важнейших заслуг – сохранение Армянского переулкa во время Московского пожара. П.И. Багратион и другие представители народов Кавказа – яркий пример мужества, самопожертвования и служения Отечеству, а действия Рустама Разы и других армян по спа-

сению Армянского переулка в ходе военной кампании – поступок, на которой способны только истинные патриоты.

Интересная история произошла при создании Кавказского ополчения в декабре 1812 г. Роман Медокс, сын выходца из Англии, представившись поручиком Суковкиным, почти собрал конный отряд из горцев, призванный окончательно изгнать французского императора из России и принять участие в зарубежных походах русской армии. Но благодаря внимательности советника Казенной Палаты Ивана Хондакова авантюра Медокса была раскрыта, Роман был немедленно отправлен в Санкт-Петербург, а создание горского ополчения окончательно прекратилось.

Огромное количество военнопленных, сосредоточенных в губерниях Центральной России в 1812-1813 гг., стало одной из проблем военной кампании к сентябрю 1812 г. Началась их отправка в отдаленные регионы Российской империи. Одним из них стал Кавказ, куда посылали пленных поляков. Их всех сначала отправляли в Георгиевск, а затем распределяли по другим частям. Для перемещения пленных поляков из Московской губернии в Георгиевск был даже составлен специальный маршрут. В ходе маршрута пленные получали одежду, провиант, надзиратели следили за состоянием их здоровья и поддержанием общей дисциплины. В мае 1814 г. репатриация польских военнопленных с Кавказа была завершена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апухтин 1912 – *Апухтин В.Р.* Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. – М.: тип. В. И. Воронова, 1912. – 60 с.

Громова 2010 – *Громова Е.Б.* «Сюжет для авантюрного романа». О формировании на Ставрополье горского ополчения для участия в Отечественной войне 1812 года // Сельское Ставрополье. – № 4-5. – 2010. – С. 76-78.

Иванов 1997 – *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995-1996 гг.). – Бородино: б/и, 1997. – С. 190.

Клычников, Лазарян 2018 – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под редакцией В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 84 с.

Материалы... 1914 – *Материалы* для истории Лазаревского института восточных языков. Выпуск первый». – М.: тип. М.О. Аттая и К, 1914. – 57 с.

Москва... 2012 – *Москва* и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. – 640 с.

Московское дворянство 1912 – *Московское дворянство* в 1812 году. – М.: Издание Московского дворянства, 1912. – 510 с.

Народное... 1962 – *Народное* ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 548 с.

Погосян 2015 – *Погосян В.А.* Армяне – сподвижники Наполеона: история и мифы. – Ереван: «Эдит Принт», 2015. – 128 с.

Тарле 1941 – *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. – М.: Гиз, 1941. – 280 с.

ЦИАМ. Ф. 16. – Центральный исторический архив Москвы. Ф. 16.

REFERENCES

APUKHTIN V.R. *Serdtsse Rossii pervoprestol'naya stolitsa Moskva i Moskovskaya guberniya v Otechestvennuyu voinu* [The heart of Russia, the capital of the Mother See, Moscow and the Moscow Province in the Patriotic War]. – М.: тип. V. I. Voronova, 1912. – 60 p. (In Russ.).

GROMOVA E.B. «*Syuzhet dlya avantyurnogo romana*». *O formirovanii na Stavropol'e gor-skogo opolcheniya dlya uchastiya v Otechestvennoi voine 1812 goda* ["The plot for an adventurous novel." On the formation of the mountain militia in Stavropol to participate in the Patriotic War of 1812]. In: *Sel'skoe Stavropol'e*. – № 4-5. – 2010. – P. 76-78. (In Russ.).

IVANOV K.V. *Sistema finansirovaniya voennoplennykh 1812-1814 gg.* [The system of financing prisoners of war 1812-1814.]. In: *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy IV i V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (Borodino, 1995-1996 gg.). – Borodino: b/i, 1997. – P. 190. (In Russ.).

KLYCHNIKOV YU.YU., LAZARYAN S.S. «*Nabehavshimi khishchnikami vzyat v plen...*»: *polyaki v nevole u gortsev Severnogo Kavkaza* ["Captured by incoming predators...": Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus] / Pod redaktsiei V.P. Ermakova. – Pyatigorsk: PGU, 2018. – 84 p. (In Russ.).

Materialy dlya istorii Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vypusk pervyi [Materials for the history of the Lazarev Institute of Oriental Languages. Issue one]. – M.: tip. M.O. Attaya i K, 1914. – 57 p. (In Russ.).

Moskva i Otechestvennaya voina 1812 g. [Moscow and the Patriotic War of 1812]: V 2 kn. / Avt.-sost. D.I. Gorshkov. – M.: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2012. – 640 p. (In Russ.).

Moskovskoe dvoryanstvo v 1812 godu [The Moscow nobility in 1812]. – M.: Izdanie Moskovskogo dvoryanstva, 1912. – 510 p. (In Russ.).

Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda. Sbornik dokumentov [The People's Militia in the Patriotic War of 1812]. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1962. – 548 p. (In Russ.).

POGOSYAN V.A. *Armyane – spodvizhniki Napoleona: istoriya i mify* [Armenians – Napoleon's companions: history and myths]. – Erevan: «Edit Print», 2015. – 128 p. (In Russ.).

TARLE E.V. *Nashestvie Napoleona na Rossiyu* [Napoleon's Invasion of Russia]. – M.: Giz, 1941. – 280 p. (In Russ.).

Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy [The Central Historical Archive of Moscow]. F. 16. (In Russ.).

Сведения об авторах

Р.А. Соколов – аспирант.

А.С. Соколов – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

R.A. Sokolov – graduate student.

A.S. Sokolov – Doctor of Sciences (History), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94(560)+94(47)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100
EDN: CHSANW

МИГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП (1858-1862 ГГ.)

Георгий Витальевич Чочиев

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Аннотация. В статье прослеживается процесс формирования устойчивого и массового миграционного потока представителей народов Северного Кавказа в Османскую империю в период с конца 1858 до середины 1862 г., условно выделяемый как начальный этап кавказского (горского) мухаджирства. Привлечение значительного круга опубликованных российских и преимущественно неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот турецких и британских архивных документов, наряду с данными современной отечественной и зарубежной историографии, позволяет расширить и уточнить представления об общественно-экономических, внутри- и внешнеполитических причинах и сопутствующих обстоятельствах названного переселенческого движения, его динамике и эволюции, количественных и этнических параметрах, равно как и подходах и шагах в этом вопросе официальных Санкт-Петербурга и Стамбула. При признании единой, общекавказской природы этого социально-миграционного явления обращается внимание и на определенную специфику в его характере, интенсивности и масштабах в различных частях региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, северокавказские горские народы, Российская империя, Османская империя, российско-османские переговоры, эмиграция, иммиграция.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Миграции северокавказцев в Османскую империю: начальный этап (1858-1862 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 77-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100. EDN: CHSANW.

© Чочиев Г.В., 2024

Original article

MIGRATIONS OF NORTH CAUCASIANS TO THE OTTOMAN EM- PIRE: INITIAL STAGE (1858-1862)

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the
Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Abstract. The article traces the process of formation of a stable and massive migration flow of representatives of the peoples of the North Caucasus to the Ottoman Empire in the period from the end of 1858 to the middle of 1862, conditionally identified as the initial stage of the Caucasian muhajirism. Involvement of a significant range of published Russian and predominantly un-

published Turkish and British archival documents along with modern domestic and foreign historiography allows us to expand and clarify our knowledge on the socio-economic, internal and external reasons and accompanying circumstances of the said resettlement, its dynamics and evolution, quantitative and ethnic parameters, as well as the approaches and steps in this sphere of official St. Petersburg and Istanbul. While recognizing the unified, pan-Caucasian nature of this socio-migrational phenomenon, attention is drawn to certain specificities in its nature, intensity and scale in different parts of the region.

Keywords: North Caucasus, North Caucasian highland peoples, Russian Empire, Ottoman Empire, Russian-Ottoman negotiations, emigration, immigration.

For citation: Chochiev G.V. Migrations of North Caucasians to the Ottoman Empire: initial stage (1858-1862). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 77-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-77-100. EDN: CHSANW.

© Chochiev G.V., 2024

Введение

Миграциям представителей северокавказских народов в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX в., обычно описываемым в отечественной историографии термином «мухаджирство», была посвящена за истекшие полтора столетия довольно обширная научная литература. Впервые поставленная еще дореволюционным официозным историком А. Берже [Берже 1882], данная проблема получила глубокую и разностороннюю разработку в трудах целого ряда видных советских и современных российских исследователей [см., напр., Тотоев 1948; Дзидзария 1982; Касумов, Касумов 1992; Кудаева 1998; Магомеддадаев 2000; Гугов и др. 2000; Кумыков 2001, 2003; Половинкина 2001; Панеш 2006; Бадаев 2008; Кушхабиев 2009], равно как и некоторых зарубежных авторов [Turgay 1991; Habiçoğlu 1993; Saydam 1997 и др.]. Тем не менее многие ее ключевые аспекты, в том числе причины переселения, роль в нем политики российского и османского государств, численные параметры и периодизация процесса исхода горцев и т.д., по-прежнему остаются недостаточно проясненными и в ряде отношений дискуссионными. Этим обстоятельством в первую очередь обуславливается и сохраняющаяся актуальность данной тематики, лежащей на пересечении исторического кавказоведения и османистики.

Предлагаемая работа ставит своей целью достаточно подробное исследование сущностного и фактологического содержания начального этапа указанного движения, который, на наш взгляд, укладывается в хронологические рамки между концом 1858 г., когда запустился, во многом стихийно, массированный миграционный процесс, и серединой 1862 г., ознаменовавшейся официальным переходом российского руководства к депортационной стратегии в отношении нежелательных групп населения региона в русле постановления Кавказского комитета от 10 мая (т.н. плана Барятинского-Евдокимова)¹. Для решения названной задачи привлекаются, помимо известных российских источников,

¹ Фактически этот же интервал времени выделяет в качестве первого этапа мухаджирства (применительно к выселению западных адыгов) А. Панеш [Панеш 2006: 232]. Вместе с тем следует признать известную условность любых вариантов периодизации рассматриваемого явления ввиду его многофакторного, нелинейного и асинхронного, в масштабах региона, характера.

также турецкие и отдельные британские документальные материалы, по преимуществу впервые вводимые в научный оборот, что должно способствовать формированию более полного и объективного представления об истоках, общественно-экономических и политических факторах и, собственно, динамике (ходе) изучаемого явления на означенном временном отрезке¹. При этом с учетом определенных различий в характере, темпах и масштабах мухаджирства на западе, в центре и на востоке Северного Кавказа (при бесспорности единой, общерегиональной природы этого социально-миграционного феномена) мы считаем оправданным до некоторой степени дифференцированное рассмотрение его соответствующих этнолокальных версий в рамках настоящей статьи.

В целом очевидно, что начало исхода северокавказцев с родины на рубеже 1850-х – 1860-х гг. было предопределено возобновлением и интенсификацией военно-административной деятельности царских властей в регионе после вызванного Крымской войной перерыва². В частности, ослабление позиций России в бассейне Черного моря вследствие подписания Парижского мира 1856 г. и непростая политическая и экономическая обстановка внутри империи настоятельно побуждали Петербург к скорейшему установлению своего полного и безоговорочного контроля над всей территорией Кавказского края.

Миграции с Северо-Западного Кавказа³

На Северо-Западном Кавказе возросшее давление на непокорные и полупокорные, по имперской классификации [см., напр., Гугов и др. 2000: 40, 88-89; Касумов, Касумов 1992: 88], горские общества проявилось прежде всего в усилении наступательных действий царских войск и активном продвижении линии русских военных поселений на запад и юг от р. Кубань: в 1858-1860 гг. казачьи станицы были водворены на пространстве до Лабы, а в 1861-1862 гг. – до Белой. Аналогичные мероприятия осуществлялись и в направлении от побережья Черного моря к Адагуму. Этот форсированный колонизационный натиск, сопровождавшийся неуклонным обезземеливанием проживавших здесь народов, резко усилил в их среде настроения в пользу эмиграции в султанские владения с целью избежать полного подчинения русской власти. Первоначально данное движение наметилось среди прикубанских ногайцев, распространившись очень быстро на соседние, а затем и относительно удаленные адыгские группы (махошевцев, егерукаевцев, темиргоевцев, хатукаевцев, бжедугов, бесленеевцев, кабардинцев-хаджретов) и абазин (ашхарцев и тапантцев) [Гугов и др. 2000: 86-88, 170-172]. При этом вплоть до начала 1860-х гг. роль инициаторов и организаторов переселения играли, как правило, представители феодальной элиты и в

¹ Оговоримся, что вопросы адаптации и колонизации кавказских иммигрантов в османском государстве после их вступления в подданство Порты в данной статье специально не затрагиваются.

² Перемещения жителей Черкесии и Дагестана в Османскую империю, вызванные неблагоприятным для горцев развитием событий на западном и восточном театрах Кавказской войны, отмечались начиная по крайней мере с 1820-х – 1830-х гг., однако они носили спорадический и немассовый характер [см. Чочиев 2023а; Чочиев 2023b].

³ Под Северо-Западным Кавказом понимается пространство в пределах созданной в 1860 г. Кубанской области, а под рассматриваемыми в следующем разделе центральной и восточной частями региона – территории образованных тогда же Терской и Дагестанской областей.

целом состоятельных слоев, надеявшиеся превентивным уходом из российских пределов спасти свою собственность, включавшую в себя в том числе крепостных и рабов, от надвигающегося военного разгрома и столь же неотвратимой крестьянской реформы [Берже 1882: 346; Гугов и др. 2000: 14; Касумов, Касумов 1992: 149]. В определенной степени вдохновителями миграции могли выступать и «турецкие эмиссары» российских официальных источников, в действительности представлявшие собой скорее местные туркофильски настроенные элементы, преимущественно из мусульманских священнослужителей и возвратившихся из османских земель хаджи, которые способствовали распространению среди соплеменников слухов о якобы заключенном между двумя державами после Крымской войны соглашении об обмене единоверным населением, готовности Порты к оказанию щедрого приема кавказцам и т.п. [АКАК 1904: 51; Касумов, Касумов 1992: 154]

Поскольку указанные выше адыгские и абазинские группы, включая не желающие изъявлять покорность Петербургу, формально считались вошедшими под державную руку царя, а российское законодательство не допускало свободного выезда за границу и смены подданства жителями империи, для придания легального и благовидного характера начавшемуся исходу горцев кавказской администрацией был выработан механизм их «временного отпуска» (сперва на 12, затем на 6 месяцев) в Османскую империю «на поклонение гробу Магомета»¹, призванный, с одной стороны, не дать европейской дипломатии оснований для обвинения России в изгнании коренного населения с захваченных земель, а с другой – лишить Порту аргументов для препятствования массовой иммиграции. Следует подчеркнуть в данной связи, что российские инстанции не только полностью отдавали себе отчет в том, что заграничные паспорта (или «увольнительные билеты»), выдаваемые ими отбывающим в Турцию «целыми семействами» и со всем движимым имуществом «паломникам», на деле являются билетами в один конец, но и в какой-то мере стимулировали этот процесс, например, негласно облегчая продажу переселенцами имеющейся у них на родине недвижимости [Озова 2015: 62-63; Хамицаева 2018: 172-173].

В 1858-1859 гг., по данным кавказского военного командования, на турецкую территорию ушло под видом паломничества до 30 тыс. «прикубанских мусульман», главным образом ногайцев [Гугов и др. 2000: 156; Кумыков 2003: 209]. Относительно доли адыгов и абазин в названном количестве в российских источниках сведений не обнаружено, однако известно, что только из черкесов Нижне-Прикубанского приставства в 1859 г. в Османскую империю было «отпущено» 533 семейства или 5211 чел. [Кумыков 2001: 84-85, 87]

Определенное представление о последовательности, обстоятельствах и размерах этих становящихся все более непрерывными миграций дают отчеты пристально наблюдавших за ними британских консулов в османских и россий-

¹ В инструкции командующего Кавказской армией местным служащим от 30 июля 1859 г. прямо указывалось, что горцы «должны проситься в отпуск, а не о переселении в Турцию; в последнем случае отказывать им, объясняя, что это не дозволяется государственными законами...» [Кумыков 2001: 85].

ских черноморских портах, в частности Трабзоне и Керчи¹. Еще в начале 1858 г. консул Стивенс сообщил о доставке в Трабзон на предназначенных для перевозки рабов судах² примерно 50 черкесов свободного статуса [TNA. FO 881/3065; Rosser-Owen 2007: 19], что, возможно, являлось замаскированной формой эмиграции. В октябре того же года консул Элдридж доносил из Керчи о прибытии в этот порт направляющихся в Мекку 57 семейств (около 400 чел. обоего пола), «в основном из провинции Верхняя Кубань» (то есть Верхне-Кубанского округа), заметив не без недоумения, что впервые стал свидетелем «столь значительного числа паломников, покидающих Кавказ совместно» [TNA. FO 881/3065]. Впрочем, уже в следующем месяце он докладывал об отплытии из Керчи в Стамбул на английском пароходе еще одной партии в 250 чел. и приближении к городу новых групп, пояснив на сей раз, что «так называемые паломники» представляют собой, в сущности, переселенцев, которых русские власти «побудили» оставить свои земли, чтобы «избавиться от полувраждебных племен на черкесской границе». В той же депеше содержалась и информация о недавней переправке из Сухум-кале в Трабзон на российском пароходе 400 черкесов – «большей частью, если не полностью, рабов» – под надзором лица в российской униформе [TNA. FO 881/3065]. Одновременно трабзонским консульством была зафиксирована высадка на местный берег 300 абазин (Abaziottes), которые сообщили о намерении последовать их примеру еще около 5 тыс. своих соплеменников, убежденных в готовности султана предоставить им земли и другие «преимущества» [TNA. FO 881/3065]. Наконец, в донесении Элдриджа от 15 июня 1859 г. констатировалось «почти ежедневное» прибытие в Керчь на пути в Стамбул крупных групп черкесов предположительной общей численностью в 3 тыс. семейств или не менее 15 тыс. чел. При этом причиной их исхода, по сведениям консула, было «сделанное им русским правительством предложение переместиться в глубь России с целью освобождения места для создания в их стране военных колоний, на что они, однако, не согласились, предпочтя эмигрировать в Турцию» [TNA. FO 881/3065]. Данный комментарий указывает на фактическую постановку российскими властями черкесов перед дилеммой переселения во внутренние районы империи или удаления в османские пределы задолго до утверждения депортационного постановления Кавказского комитета в мае 1862 г.³

Вышеприведенная хронология вполне соотносится с данными османских документов, в которых первое после Крымской войны упоминание о появлении в стране заметной группы выходцев с Северо-Западного Кавказа относится к

¹ В качестве пунктов отбытия из России горцев, направлявшихся в Османскую империю морским путем, в этот период были определены Керчь, Анапа и Сухум-кале [Кумыков 2001: 85-86]. Основной поток «увольняемых», однако, следовал через Керчь [Кумыков 2003: 66].

² Согласно свидетельствам, рабы перевозились с Кавказа в Анатолию на небольших, иногда не более 6-7 метров в длину, парусных шлюпках, обычно до предела заполнявшихся людьми. Плохая оснащённость этих судов делала путешествие на них, особенно при неблагоприятных погодных условиях, довольно рискованным предприятием [Toledano 1982: 41-42].

³ Это подкрепляется и свидетельством редактора стамбульской газеты «Левант геральд», имевшего, несомненно, возможность получать информацию непосредственно от прибывающих иммигрантов, о том, что начиная с середины 1859 г. жителям Закубанья предоставлялся «...выбор между перемещением в Сибирь и эмиграцией сюда» [Rosser-Owen 2007: 19].

началу декабря 1858 г. и связано с прибытием в Стамбул 1060 черкесов и ногайцев, заявивших о своем желании быть поселенными в «подходящих местностях» империи. Все они как «мусульмане и беженцы» были признаны Портой достойными гостеприимства и всемерной заботы и препоручены до наступления весны попечению столичных властей [BOA. İ.DH 420/27766]. В течение всего следующего года, но особенно интенсивно с середины лета регистрировался нарастающий приток переселенцев из кубанского региона, порой сотенными и даже тысячными партиями [см., напр., BOA. A.MKT.NZD 284/40, 297/26, 298/102, 302/28; BOA. İ.MMS 16/649]. По подсчетам стамбульских муниципальных служащих, с 18 ноября 1858 по 28 ноября 1859 г. в столицу, куда на данном этапе переправлялись практически все иммигрирующие морем северокавказцы для последующего распределения по районам колонизации в Анатолии и на Балканах, были доставлены 17003 чел. или 2552 семейства, в том числе 11309 ногайцев (1817 семейств) и 5694 черкеса (735 семейств) [BOA. Y.EE 34/53]¹. В датированном же 27 декабря 1859 г. представлении великого везира султану говорилось уже о примерно 26 тыс. иммигрантов, из которых 10 тыс. все еще находились в Стамбуле, а 16 тыс. были перемещены во внутренние области государства [BOA. İ.MMS 16/696]². В эти же дни в Синопе, Самсуне и Трабзоне находилось несколько тысяч западнокавказцев, в основном также подлежавших отправке в Стамбул в силу отсутствия в упомянутых портовых городах возможностей для длительного размещения значительных масс мухаджиров [BOA. A.MKT.NZD 297/26, 302/9, 302/28; Гугов и др. 2000: 14].

С учетом содержащихся в российских, британских и турецких источниках сведений можно предположить, что количество пересекших в 1858-1859 гг. османскую морскую границу черкесов выражалось цифрами около или чуть более 15 тыс. чел.

Необходимо отметить, что вследствие относительно организованного отправления ногайских и черкесских переселенцев конца 1850-х – начала 1860-х гг. из России их путешествие через Черное море характеризовалось в целом умеренным уровнем тягот и лишений. По свидетельству председателя османского Карантинного совета (*Меджлис-и тахаффуз*) французского врача А. Фовеля, иммигранты до и во время плавания не ввергались в тотальную нужду – «они не умирали от голода; они прибывали, как правило, на больших судах³, куда их, правда, набивали безо всякой меры, но где им было обеспечено пита-

¹ Для большинства черкесских групп в документе указана «племенная» принадлежность. Так, 328 чел. определены как алтыкесеки (*алтыкесек*), то есть абазины-тапантцы, 128 – бесленеевцы (*бесни*), 2192 – хатукаевцы (*хатугай*, *хабукахабле*), 360 – бжедуги (*бжедуг*), 696 – *енем/ним(?)*, 113 – *джетмал(?)*.

² Согласно «Левант геральд», однако, на начало января 1860 г. только в Стамбуле и его европейских и азиатских пригородах было «набито по сырым караван-сараям» 18-20 тыс. иммигрантов [Rosser-Owen 2007: 19].

³ Тот факт, что в этот период для перевозки иммигрантов использовались суда государственных или достаточно известных частных компаний (османских, российских, британских, греческих и др.), не мог, разумеется, служить гарантией безопасности от всех превратностей морского путешествия. Известно, например, что в октябре 1859 г. у берегов Анатолии в районе Инеболу потерпел крушение османский торговый парусник с 450 ногайцами на борту, из которых спастись удалось только 277 [BOA. A.MKT.NZD 294/3]. Зимой 1859-1860 гг. один из двух кораблей, перевозивших в общей сложности около 800 ногайцев, сел на мель и затонул близ городка Балчик на болгарском побережье, в результате чего погибли от 200 до 300 чел. [BOA. A.MKT.UM 403/30; BOA. A.MKT.NZD 311/5].

ние»; кроме того, «они не прибывали в непомерных количествах разом», благодаря чему удавалось избежать их экстремальных скоплений [Fauvel 1864: 50]. Тем не менее из-за скученности на борту кораблей многие переселенцы заболели тифом, холерой и другими инфекциями¹, которые лишь усугублялись в условиях не меньшей перенаселенности пунктов их временного содержания в Стамбуле [BOA. İ.MMS 18/762; Fauvel 1864: 50-51]. С другой стороны, из переписки османских чиновников явствует, что, несмотря на отсутствие фактов массового физического истощения среди членов прибывающих групп и наличие в них отдельных состоятельных лиц, подавляющая часть мухаджиров была представлена «бедными и нищими», зачастую неспособными без помощи государства расплатиться с владельцами доставивших их судов [BOA. İ.DH 420/27766]².

Неконтролируемый и непрогнозируемый въезд в страну все новых контингентов нуждающихся в немедленной материальной и санитарно-медицинской поддержке людей с неизбежностью вел к усилению нагрузки на имперскую казну и бюрократический аппарат и исчерпанию резервов продовольствия и жилья в местах пребывания иммигрантов, в первую очередь в стамбульском регионе³. Более того, распространение в ряде кварталов столицы привезенных переселенцами болезней и получившие огласку случаи их обращения к мелкому воровству и другим правонарушениям вызывали растущее беспокойство жителей города, в том числе его европейских кварталов, привлекая к себе внимание иностранных дипломатов, коммерсантов, журналистов и т.д., что немало тревожило Порту [Cuthell 2005: 167-168]. Не замедлили начать поступать в султанскую администрацию и донесения о задержках и недостатках в поселении черкесов и ногайцев в различных провинциях, бедственном положении ряда общин и порожденной этим напряженности на местах [BOA. A.MKT.MHM 188/53; BOA. İ.MMS 22/961, 22/962]. В данной связи следует иметь в виду, что иммиграционный поток в империю в рассматриваемый период далеко не ограничивался кавказцами и включал в себя более многочисленных крымских татар и

¹ В августе 1860 г. османское внешнеполитическое ведомство направило российской стороне ноту по поводу погрузки на перевозящие татарских иммигрантов корабли значительно превосходящего их вместимость количества пассажиров, потребовав строгого соблюдения всех санитарных норм для недопущения распространения инфекционных болезней [Коғ 2020 : 60-61].

² Очевидец событий официальный хронист Ахмед Лютфи-эфенди описывает высадившихся в конце 1859 г. на пристанях Золотого Рога иммигрантов эпитетами «нагие» (*чырлак-чыплак*) и «неприкаянные» (*перишан*) [Lütfi 1984: 155-156].

³ На первых порах черкесы и ногайцы расселялись властями главным образом в расположенных в центральной части Стамбула караван-сараях, мечетях (в том числе крупнейших – Айя-Софья, Султанахмед, Фатих и др.), медресе и прочих учебных заведениях (к примеру, в строящемся здании Стамбульского университета Дарульфонун) [BOA. İ.DH 437/28882]. В конце 1860 г. было принято решение о сооружении в несколько более удаленных от центра кварталах Енибахче и Топхане барачных и палаточных лагерей для мухаджиров, а также их размещении на азиатском берегу Босфора – в районах Ускюдар и Хайдарпаша [BOA. A.MKT.MHM 199/17; BOA. A.MKT.NZD 315/3, 318/71, 321/49, 330/4; BOA. İ.DH 463/30915].

ногайцев¹, часть которых также высаживалась в Стамбуле, хотя большинство направлялось в балканские порты².

Перед лицом наметившегося миграционного и гуманитарного кризиса правительство в начале сентября 1859 г. провело обсуждение создавшегося положения, в ходе которого по существу впервые было продемонстрировано официальное понимание отнюдь не разовой и не временной природы кавказского исхода, названного «способным, похоже, к продолжению»³, и констатирована потребность в «неком принципе» в данном вопросе. Наряду с этим беспокойство Порты вызвала некоторая двусмысленность формального статуса черкесов и ногайцев, прибывавших в качестве российских богомольцев-хаджи, а не иммигрантов, что, как опасались министры, могло быть при определенных обстоятельствах использовано Россией как повод для вмешательства в османские внутренние дела⁴. С учетом этого в ходе дискуссии были высказаны и оценены с морально-религиозной, правовой и прагматической точек зрения три потенциальных образа действий в отношении недавно прибывших и ожидаемых в ближайшем будущем северокавказцев, а именно: 1) выдворение обратно в Россию, 2) непризнание (игнорирование), 3) прием и поселение в стране. Первая альтернатива была сочтена «неподобающей высокой славе Государства, поскольку... упомянутые мухаджиры покинули свою родину и пожертвовали своим имуществом с целью укрыться под спасительным крылом Возвышенного Халифата». Второй вариант также был отвергнут, так как «высочайшее милосердие не может смириться с тем, чтобы они, будучи беспомощны и неспособны обеспечить себя средствами к существованию,... оказались предоставлены сами себе и впали в нищету». В результате было признано «вынужденной необходимостью» оказание въезжающим в страну с российскими паспортами кавказцам помощи в обустройстве в султанских владениях как переселенцев (мухаджиров) при условии их добровольного перехода в османское подданство. Связанный же с таким решением риск дальнейшего расстройства государственных финансов мог быть компенсирован «текущими и грядущими выгодами», которые сулило размещение в империи «подобного мусульманского населения» [BOA. İ.MMS 16/649; BOA. A.MKT.NZD 289/53].

Что же касается вопроса смены подданства, для его прояснения Стамбул запросил у Петербурга гарантии непредъявления в будущем претензий на покровительство в отношении переселенцев, каковые и были предоставлены в начале января 1860 г. через российского посланника А. Лобанова-Ростовского в устной, а затем, по настоянию османской стороны, также и в письменной фор-

¹ С 1856 по 1860 г. на османскую территорию прибыло не менее 100 тыс. чел. из Крыма, а в следующие несколько лет – еще более 200 тыс. [Karpat 1985: 66].

² Уже летом 1860 г. османскими чиновниками было высказано опасение, что известия о достаточно успешном поселении в предыдущие годы на Балканах крымцев могут достичь их родины и спровоцировать новые миграции, чреватые дальнейшим истощением ресурсов казны и населения [Karpat 1984-1985: 5].

³ Причины этого явления, однако, были весьма односторонне сведены к «распространившейся там [на Кавказе] молве о высочайших милостях, ранее пожалованных... крымским мухаджирам» [BOA. İ.MMS 16/649].

⁴ Эти опасения османского руководства, несомненно, проистекали из его предыдущего опыта взаимоотношений с европейскими державами, не раз нарушавшими юрисдикцию Порты под предлогом защиты своих подданных из числа местных христиан, и время от времени выдвигавшими претензии на «покровительство» над христианскими подданными самого султана.

ме. В поступившем из посольства письме в частности разъяснялось, что не вернувшиеся в срок на родину паломники, в соответствии со сделанным им перед отъездом и основанным на российском законодательстве уведомлением, автоматически утрачивают российское подданство и все свои права на Кавказе, равно как и у России после этого не может оставаться на них каких-либо прав [BOA. İ.HR 173/9438, 173/9453; Гугов и др. 2000: 15, 41]. Удовлетворившись в целом таким ответом, но желая, вероятно, исключить в перспективе восстановление легальных уз между мухаджирами и государством их происхождения, Порты одновременно приняла постановление, предусматривавшее изъятие российских паспортов у вступающих «под руку султана» кавказцев со взятием с них расписок о невыходе из нового подданства и готовности в противном случае отказаться в пользу казны от всего своего имущества (земли, жилья, скота и др.) – как полученного от властей при поселении, так и нажитого самостоятельно [BOA. İ.HR 173/9438, 173/9453; Sağlam 2020: 1540]¹.

Несмотря на урегулирование означенных базовых принципов северокавказской иммиграции, очевидная неподъемность для государства задачи адекватного материального и организационного обеспечения этого процесса в условиях его стремительного нарастания вынуждала османское руководство обращаться к российской стороне с просьбами о сдерживании исхода. В течение второй половины 1859 г. османское Министерство иностранных дел и великий везират неоднократно выражали Лобанову-Ростовскому свою обеспокоенность по поводу «чрезмерно усилившегося и обременяющего Порту» переселения кавказцев, настаивая на его приостановке или, по крайней мере, ограничении и совершении впредь лишь с «предварительного согласия обоих правительств» и «не разом, а малыми партиями» [Гугов и др. 2000: 15-16, 21; Берже 1882: 342]. Предположительно в начале декабря Порты в очередной раз ходатайствовала перед российским посольством об отсрочке переселения – ради предотвращения неоправданных страданий и гибели людей из-за тягот зимнего путешествия – до наступления весны, предложив, кроме того, предварять отправление с родины групп мигрантов посещением их представителями Османской империи для ознакомления с характером и объемом предназначенной им помощи и местами возможного поселения во избежание последующего недовольства [Saydam 1997: 87]. При этом, по утверждению Лобанова-Ростовского, министр иностранных дел Фуад-паша не сомневался в том, что «у турецкого правительства не будет недостатка в доказательствах для отклонения депутатов и их соотечественников от перехода в Турцию» [Гугов и др. 2000: 23].

Полученные посланником в начале весны из Петербурга инструкции, однако, не предполагали существенных уступок Порте в данном вопросе и сводились в основном к ссылкам на богомольческий характер переселения, запретить которое Россия, идя навстречу «внушенным религиозной убежденностью» желаниям горцев, «не хотела и не могла». Невозможность воспрепятствовать

¹ Подобная процедура практиковалась османскими властями и ранее. Так, в 1848 г. Порты затребовала расписки о невыходе из османского подданства у поселяемых в Сирии мухаджиров из оккупированного Францией Алжира во избежание потенциальных манипуляций со стороны Парижа, допуская в случае отклонения переселенцами этого условия их депортацию обратно на родину [Buzpinar 1997: 93-94].

«безотчетному стремлению кавказских уроженцев к переселению» аргументировалась также продолжающимся действием «на умы этих необразованных племен» распространяемых, как подразумевалось, тайными османскими агентами «несбыточных слухов и преувеличенных надежд» [Гугов и др. 2000: 15, 21, 41]¹. В то же время царская администрация согласилась в принципе с целесообразностью заблаговременного информирования противоположной стороны о готовящихся миграциях и направления до их начала в Стамбул уполномоченными своими общинами депутатов [Гугов и др. 2000: 21-22].

Впрочем, протесты османского правительства против неуклонно расширяющейся иммиграции, пусть и весьма сдержанные, по-видимому, серьезно встревожили петербургские и кавказские власти, негласно разрабатывавшие в этот период планы радикального демографического реформирования региона². Именно этим можно объяснить факт командирования в Стамбул в апреле 1860 г. представлявшего интересы кавказской администрации генерала М. Лорис-Меликова, которому надлежало оказывать содействие российскому посольству в преодолении противодействия султанских министров массовому переселению горцев [Гугов и др. 2000: 28; Берже 1882: 341]. Совместными усилиями Лорис-Меликову и Лобанову-Ростовскому удалось добиться от османских инстанций согласия на поэтапную иммиграцию 3 тыс. семейств из Терской и Дагестанской областей, якобы поставленных в безвыходное положение собственным решением распродать все свое имущество и не засеять полей на следующий год ради ухода в Турцию, что, несомненно, означало и принципиальную санкцию Порты на продолжение переселения кавказцев в целом. Кроме того, в ответ на готовность российских властей сделать несколько более упорядоченным и дозированным выпуск переселенческих партий со своей территории Порты приняла крайне важное для Петербурга условие о размещении мухаджиров «в значительном расстоянии» от межгосударственной границы [Гугов и др. 2000: 21-23; Берже 1882: 341-342; Turgay 1991: 202]. Хотя достигнутые в ре-

¹ Сущность этой весьма ухищренной позиции, направленной на оказание нажима на османские власти с целью обеспечения беспрепятственной эмиграции горцев, откровенно передана в письме исполняющего обязанности командующего Кавказской армией Г. Орбелиани командующему войсками Кубанской области Н. Евдокимову от 11 сентября 1862 г., которое заслуживает достаточно пространный цитирования: «...Начавшееся с 1858 г. переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порты не только никогда не изъявляла желания принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которые ставит ее прибытие их большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел, и к наместнику кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуска для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, турецкое правительство не станет возражать, запрещение подобных отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры...» [АКАК 1904: 1011].

Берже также отмечает, что Порты «никогда не изъявляла прямого согласия на переселение, хотя принимала горцев, уходивших с Кавказа под предлогом поклонения гробу Мухаммеда» [Берже 1882: 342].

² Еще в начале 1860 г. главнокомандующий Кавказской армией А. Барятинский докладывал Александру II о целесообразности выселения части горцев Западного Кавказа в Турцию. Предметное обсуждение этих планов состоялось во второй половине того же года на совещаниях «высшего кавказского начальства» во Владикавказе, на которых был поддержан предложенный Евдокимовым проект покорения Западного Кавказа путем вытеснения черкесов из гор на прикубанскую равнину или в Турцию и колонизации их земель русско-казачьим населением [Касумов, Касумов 1992: 146-148; Озова 2015: 64].

зультате этих переговоров договоренности, по всей видимости, не были оформлены в виде официального документа¹, они, тем не менее, впервые придали горской миграции вид до известной степени согласованного легитимного процесса, не нуждающегося в вуалировании под паломничество и т.п.

Примечательно, что приблизительно в этот же период османскими властями было принято решение об отказе от использования Стамбула как основного пункта приема мухаджиров из России и перенаправлении их потока в порты Северной Анатолии – Трабзон, Самсун и Синоп, где началось сооружение необходимой инфраструктуры для временного расселения прибывающих. Эта мера должна была оградить столицу от вызванных чрезмерным наплывом переселенцев экономических, санитарных и криминальных проблем, а заодно, как можно предположить, и скрыть от глаз европейских наблюдателей свидетельства неспособности государства султана-халифа предоставить достойное убежище всем просящим его мусульманам [Cuthell 2005: 169, 192; Nahiçoğlu 1993: 89]. В течение почти двух следующих десятилетий (вплоть до войны 1877-1878 гг.) Стамбул оставался преимущественно закрыт для вновь прибывающих иммигрантов, за исключением привилегированных лиц и семейств: представителей знати, духовенства, состоятельных городских слоев и т.п.²

Вне зависимости от содержания и статуса вышеупомянутого российско-османского соглашения переселение горцев из Кубанской области в Турцию в 1860 г. почти полностью приостановилось, сведясь в основном к уходу какого-то числа абазин, вытесненных из верховьев Урупа продвижением туда казачьей колонизации. Этот спад, по мнению администрации, был связан с распространением в области слухов о печальной судьбе ранее перебравшихся в султанские владения ногайцев [Гугов и др. 2000: 156-157, 171], небольшие группы которых вскоре начали легальным или нелегальным образом и, как правило, в чрезвычайно бедственном состоянии возвращаться на родину³. Замедлению миграционного движения в неменьшей мере способствовала, как представляется, и от-

¹ Видный специалист по истории и демографии поздней Османской империи К. Карпат полагал, что по итогам миссии Лорис-Меликова весной 1860 г. все же было подписано османо-российское соглашение о переселении «от 40 до 50 тыс. черкесов», однако не привел каких-либо подтверждений этого [Karpat 1985: 67]. Насколько нам известно, подобный документ не выявлен ни в российских, ни в турецких архивах (об отсутствии такого текста в османской дипломатической документации см. Saydam 1997: 100).

² Уже в мае 1860 г. некоему Бекмирзе, главе высадившегося в Трабзоне знатного семейства из 17 чел., пришлось обращаться к Порте со специальным прошением об их переправке на корабле в Стамбул. Власти, рассмотрев заявление, сочли возможным удовлетворить его, «так как это допустимо в отношении подобных им» [ВОА. А.МКТ.UM 408/67].

³ Бедствия ногайских мухаджиров в Османской империи особенно усугублялись размещением властями значительной их части в крайне неблагоприятных в климатическом отношении районах (на малярийной Аданской низменности и др.), что стало причиной их массовой гибели и отчаянных попыток найти более подходящие места поселения в Анатолии либо вернуться на Кавказ [см. Bayraktar 2008]. Реэмиграция ногайцев происходила и после 1860 г., о чем, несомненно, хорошо были осведомлены в западных адыгских обществах. Так, в ноябре 1861 г. отплывшую из Трабзона барку со 115 ногайцами прибило непогодой к черкесскому побережью у пристани Джубга, в связи с чем Сочинский меджлис обратился к трабзонскому губернатору с запросом о том, следует ли вернуть беглецов на османскую территорию или разрешить им продолжить путь в Россию [ВОА. А.МКТ.UM 515/49; ВОА. А.МКТ.NZD 379/58, 381/25]. О возвращении групп ногайцев в 1862 г. см. Дзидзария 1982: 207. На тот факт, что «плачевная участь татар... повернула вспять поток переселения [из Черкесии]», указывал и Т. Лапинский [Лапинский 1995: 424]. С другой стороны, вплоть до 1862 г. продолжали иметь место и отдельные факты эмиграции ногайцев с Кавказа в Анатолию [см., напр., ВОА. А.МКТ.UM 522/18].

носительная стабилизация на данном этапе линии военно-казачьего фронта в горах Северо-Западного Кавказа. Хотя османские источники сообщают о прибытии летом и осенью 1860 г. из крымских и кавказских портов (в частности Тамани) крупных партий мухаджиров [ВОА. А.МКТ.NZD 315/3, 315/97, 317/85, 318/71, 319/35, 321/49, 323/36; ВОА. А.МКТ.УМ 408/67, 425/8; ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46]¹, выходцы из названного региона явно составляли среди них несущественную долю.

Уже весной следующего года, однако, – с началом «систематического занятия предгорий за Кубанью казачьими станицами» [Милютин 2003: 453] – эмиграция из области вновь активизировалась, окончательно приобретая «беспрерывный... в больших или меньших размерах» характер [Гугов и др. 2000: 171]. В период до середины 1862 г. ею оказались затронуты весьма значительные группы адыгского и абазинского населения верховьев Зеленчуков, Большой и Малой Лабы, Ходзя и Белой, не пожелавшие перемещаться на низинные земли, указанные им русскими властями [Гугов и др. 2000: 40, 171-172; Кумыков 2001: 154-160]. В сущности, последние, по словам военного министра Д. Милютина, «не только не препятствовали [переселению], но даже поощряли, насколько от них зависело, дабы отделаться от строптивого и неудобоправимого населения» [Милютин 2003: 355]. Так, устанавливавшиеся армейским командованием правила отбытия с Кавказа различных общин включали в себя оказание им «всевозможного содействия в скорейшей распродаже» в ближайших станицах скота и иного имущества, беспрепятственное получение заграничных паспортов, прекращение в угоду горской знати признания свободными бежавших в русские владения крепостных и холопов из обязавшихся выселиться групп и т.п.; в то же время «изменившие долгу своей присяги на верноподданство» сообщества фактически принуждались к эмиграции даже в случае повторного изъявления покорности и согласия обосноваться на плоскости [Кумыков 2001: 154-155, 157-158].

Важные изменения были внесены и в порядок отпуска горцев за границу, осуществлявшегося, как было сказано выше, в форме их отправления «на богомолье». Власти, обеспокоенные участвовавшими случаями возвращения разочаровавшихся в османских реалиях кавказцев в Россию с непросроченными паспортами и, как следствие, законными правами на вселение в места прежнего проживания, в марте 1861 г. заменили эту чреватую «неудобствами» формулу на более простую процедуру, предусматривавшую «увольнение туземцев в Турцию прямо на переселение» с соответствующей пометкой в паспортах², чем в дальнейшем исключалась их легальная реэмиграция; нелегальные же возвра-

¹ В большинстве этих документов под черкесскими мухаджирами подразумеваются, несомненно, кабардинцы, а порой и представители других народов Центрального и Восточного Кавказа, также иммигрировавшие в этот период в основном морским путем (см. ниже). Показательна, например, конструкция «дагестанские черкесы» в ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46 и ВОА. А.МКТ.NZD 323/36.

² Тем не менее факты ухода горцев под предлогом хаджа в османские пределы на постоянное жительство продолжали иметь место в различных частях края и позже [Магомеддаев 2000].

щенцы подлежали ссылке во внутренние губернии империи «как бездомные пришельцы» [Дзагуров 1925: 147; Кумыков 2001: 118, 122-123]¹.

Судя по содержащимся в составленном по окончании Кавказской войны отчете Евдокимова приблизительным калькуляциям, всего в 1861 и, вероятно, первой половине 1862 г. из Закубанья выселилось более 50 тыс. адыгов и абазин [Кумыков 2003: 218]², что многократно превосходило объемы их эмиграции в предшествующие три года. В османских официальных документах отсутствуют отдельные сведения о числе иммигрировавших в указанный промежуток времени закубанцев, однако фиксируемый ими начиная с 1861 г. ощутимый рост интенсивности прибытия в страну крупных и мелких партий «черкесских мухаджиров»³ (под которыми, правда, в этот период могли скрываться выходцы не только из Кубанской области, но и более восточных районов) подтверждает резонность приведенной цифры. Общее же количество западнокавказских переселенцев 1858 – середины 1862 г. (без ногайцев) может быть уверенно оценено в не менее чем 65-70 тыс. чел.

Миграции с Центрального и Северо-Восточного Кавказа

В отличие от Северо-Западного Кавказа, где мухаджирство являлось результатом прямого имперского военного давления на как правило еще не покоренные горские общества, в центре и на восточном фланге региона – в Терской и Дагестанской областях – переселения происходили в условиях практически полной интегрированности местных народов в состав российского государства, насчитывавшей на указанном пространстве (за исключением бывшей территории Имамата Шамиля) уже несколько десятилетий.

Непосредственным импульсом к резкому усилению здесь на рубеже 1850-х – 1860-х гг. эмиграционных настроений стало, безусловно, падение Имамата и пленение его лидера русскими в 1859 г., чем были подорваны надежды всех тяготевшихся властью Петербурга групп традиционного общества на восстановление своего доколониального статуса. Как отмечал писатель и публицист И. Кануков, сам прошедший в детстве путь мухаджира из Осетии в Анатолию, «[с]о взятием в плен Шамиля все горцы Кавказа почувствовали словно тесноту на родине», ибо «...ясно увидели, что прежней свободе, которую они отстаивали так мужественно от неприятелей и покупали ценою своей крови и жизни, пришел конец» [Кануков 1876: 84].

Впрочем, недовольство значительной части коренного населения русским правлением имело более давние причины, связанные прежде всего с осуществлявшимися в период Кавказской войны принудительными локальными перемещениями горских общин и произвольными отчуждениями их земель для

¹ Еще в конце 1859 г. Барятинский указывал на «государственную пользу безусловного и открытого разрешения мусульманским племенам Северного Кавказа переселяться навсегда в Турцию», находя вместе с тем опасным возвращение горцев, «ибо они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России» [Гугов и др. 2000: 16; АКАК 1904: 51-52].

² Это число включает в себя, в частности, 30 тыс. абазин-ашхарцев, 4 тыс. бесленеевцев, 15 тыс. темиргоевцев, егерукаевцев и махашевцев и 2,5 тыс. бжедугов.

³ См., напр., ВОА. А.МКТ.МНМ 212/15, 212/18, 232/92; ВОА. А.МКТ.НЗД 345/49, 373/43, 382/69, 389/59; ВОА. А.МКТ.УМ 462/84, 522/18, 524/13, 540/63, 552/57, 556/34, 557/95.

нужд казачества, армии и казны [Северный Кавказ... 2007: 164; Абдулвахабова 2013: 553-554]. К этому добавлялось, особенно в достаточно феодализованных обществах – Кабарде, Осетии, Кумыкии и др., раздражение «мирной» и «замиренной» знати правительственными мерами по ослаблению ее экономического могущества и политического авторитета путем провоцирования – вольного или невольного – межсословных конфликтов внутри общин. С завершением же военных действий на востоке региона и переходом в практическую плоскость вопроса о проведении аграрных реформ на Тереке и в Дагестане «туземная» элита по существу оказалась перед выбором между перспективой дальнейшей утраты земельных владений и контроля над зависимыми сословиями на родине и скорейшим уходом вместе с оставшимися рабами и крепостными в османские пределы ради сохранения хотя бы части бывшего благосостояния и наследственных привилегий. При этом избравшим вторую альтернативу представителям аристократии и связанным с ними кругам духовенства зачастую удавалось вовлечь в мухаджирское движение также и немалое число свободных общинников, страдавших от малоземелья¹ и опасавшихся ущемления своих экономических и религиозных прав на послевоенном Кавказе [Северный Кавказ... 2007: 164-165; Тотоев 1948: 27-28; Касумов, Касумов 1992: 158]. С другой стороны, отдельные крестьянские коллективы, напротив, толкало к эмиграции стремление избавиться от владельческих притязаний своих феодалов [Хамицаева 2018: 173-177].

Нельзя при этом не заметить, что некоторые оппозиционные горские группы демонстрировали столь решительную настроенность на переселение, что были готовы пренебречь даже возможностью предварительного направления в Стамбул своих депутатов для изучения условий поселения во владениях султана [Кумыков 2001: 101-102; Грабовский 1876: 210], как то предусматривало русско-османское соглашение 1860 г. В равной мере бессильны удержать многих из желающих покинуть Кавказ членов традиционной элиты оказывались порой и предоставленные им престижные чины и выгодные должности в российских военных и управленческих структурах.

Власти в целом не препятствовали этой миграции, заботясь в первую очередь о том, чтобы край покинули «фанатики и все беспокойные», а «благонадежные» элементы остались на месте [Кумыков 2001: 95, 104-105; Тотоев 1948: 29]. Как и в Закубанье, переселенцы формально отпускались в хадж, причем с апреля 1860 г. им позволялось следовать исключительно через Тамань и далее в османские порты на судах Русского общества пароходства и торговли², на которые они должны были быть «принимаемы с их пожитками и скотом» [Кумыков 2001: 95, 129; Хамицаева 2018: 172-173]. Очевидно, однако, что на корабли могло быть погружено лишь ограниченное количество животных, большая же их часть наряду с недвижимым имуществом продавалась отъезжающими гор-

¹ Согласно докладной записке бывшего начальника Военно-Осетинского и Чеченского округов М. Кундухова начальнику главного штаба Кавказской армии А. Карцову от 25 августа 1863 г., установленные властями в регионе нормы земледеления были далеки от справедливости: если казакам отводилось по 30 десятин на душу, то горцам – не более 2-5 [Кундухов 2013: 80-81].

² На практике, впрочем, в перевозке северокавказцев из Тамани в Анатолию в этот период были задействованы и османские суда [ВОА. А.МКТ.МНМ 229/50; ВОА. А.МКТ.НЗД 361/86].

цами по доступной стоимости на родине. Заметим, что для самих жителей Центрального и Восточного Кавказа предпочтительным обычно являлось сухопутное путешествие через Закавказье в пограничный Карсский санджак как более короткое и безопасное по сравнению с морским («столь страшным», по словам начальника Кабардинского округа В. Орбелиани, для никогда не видевших моря горцев [Кумыков 2001: 96]), а главное – позволяющее перегнать большее количество скота и перевезти нажитый домашний скарб на новое место проживания.

По статистике кавказской администрации, в течение 1860-1861 гг. из Кабарды в Турцию ушло в общей сложности 941 семейство или 10343 чел. [Кумыков 2001: 115] Со своей стороны, османские документы этого периода также фиксируют въезд значительных групп «кабардинцев» (*кабартай*) или «черкесов кабардинского племени», при том что во многих случаях представители этого народа, несомненно, записывались иммиграционными служащими без уточнения субэтнической принадлежности просто как «черкесы». Судя по всему, наиболее ранним партиям кабардинских переселенцев удалось добраться до новой родины сухим путем. Известно, например, что в феврале 1860 г. границу в районе Карса пересекли 76 семейств (около 500 чел.), предводители которых сообщили османским властям о движении следом за ними еще примерно 500 семейств своих соплеменников [BOA. A.MKT.UM 417/66, 461/82] (сведений о прибытии последних, однако, не выявлено). После же введения русскими властями запрета на использование этого маршрута отмечены перемещения только по морю из Тамани первоначально в Стамбул, а в дальнейшем в Трабзон, Самсун и Синоп. Обнаружены, в частности, упоминания о прибытии 920 чел. в Стамбул в июле 1860 г. [BOA. A.MKT.NZD 319/1], 894 чел. в Стамбул в августе 1860 г. [BOA. A.MKT.NZD 323/36], 1435 чел. в Трабзон в октябре 1860 г. [BOA. A.MKT.NZD 328/8], 600 чел. в Синоп в ноябре 1860 г. [BOA. A.MKT.MHM 200/83], 250 чел. в Трабзон в декабре 1860 г. [BOA. A.MKT.MHM 201/42, 206/60], 1000 чел. в Самсун в июле 1861 г. [BOA. A.MKT.MHM 229/50; BOA. A.MKT.NZD 361/86], 700 чел. в Самсун в августе 1861 г. [BOA. A.MKT.NZD 361/86], 1011 чел. в Трабзон в октябре 1861 г. [BOA. A.MKT.UM], 135 чел. в Самсун в декабре 1861 г. [BOA. A.MKT.UM 523/88]

Из Осетии, согласно российским данным, в конце 1859 и в 1860 г. переселилось сухим и морским путем не менее 300-350 семейств или до 3 тыс. чел. [Тотоев 1948: 27-30; Кундухов 2013: 81], и несколько меньшее количество, по всей видимости, отбыло в следующие два года [Хамицаева 2018: 181-183; Кумыков 2003: 140]. При этом часть осетин предположительно регистрировалась османскими чиновниками как «черкесы» и потому трудно идентифицируема среди массы мухаджиров. Достоверно относящимися к осетинам являются сообщения об иммиграции сухопутьем зимой 1859-1860 гг. 160 семейств дигорцев (*дигор*) [BOA. A.MKT.NZD 398/7; BOA. A.MKT.UM 484/71] и прибытии в Трабзон в августе 1860 г. представителей двух привилегированных сословно-клановых групп – 98 баделиатов (*бадилан*) [BOA. A.MKT.UM 425/8] и неуточненного числа тагиатов (*таги*) [BOA. A.MKT.MHM 193/46], вероятно с каким-то количеством «подданных». Кроме того, в датированном сентябрем 1861 г.

документе упоминается находящаяся в течение определенного времени в Карсском санджаке община дигорцев численностью в 400 семейств [Nabiçoğlu 1993: 91], где под семейством/домом (*хане*) подразумевается малая нуклеарная семья в среднем в 5 чел., а не расширенное семейство-«двор» русских источников.

В 1860 г., на фоне попыток терского областного руководства осуществить насильственное перемещение жителей горной полосы Чечни на плоскость и вызванного этим народного возмущения [Ибрагимова 2006: 314-316], имела место миграция в Анатолию и нескольких тысяч чеченцев¹, выступающих в документах принимающей стороны, как правило, под собственным этнонимом, обычно также с локальной спецификацией. Так, летом и осенью указанного года зафиксировано прибытие в трабзонский порт несколькими партиями в совокупности около 2 тыс. большечеченцев (*чечен-и кюбра*) [ВОА. А.МКТ.МНМ 195/79; ВОА. А.МКТ.NZD 322/67, 323/12, 325/53, 327/23, 328/80] и не менее 500 малочеченцев (*чечен-и сугра*) [ВОА. А.МКТ.МНМ 193/46, 206/60].

Комплекс названных выше политических, социально-экономических и религиозных факторов способствовал ощутимому росту эмиграционных тенденций и в Дагестане, хотя областной администрацией, опасавшейся «опустошения края» в случае распространения подобного «брожения умов», были предприняты, похоже, довольно эффективные усилия по пресечению агитации в пользу переселения [Магомеддаев 2000: 49-51, 64-65]. Как утверждается в отчете начальника Дагестанской области от 1869 г., количество местных жителей, ушедших в Турцию с сентября 1859 по 1861 г., не превысило благодаря ограничительным мерам властей 702 чел. [Магомеддаев 2000: 49] Данные турецких архивов, однако, свидетельствуют о более значимом притоке определяемых как «дагестанцы» (*дагыстанлы*) или «кумыки» (*кумук*) мухаджиров, число которых в указанный период вполне могло достичь 2-3 тыс. чел. Из достаточно заметных групп могут быть упомянуты временно размещенные в июле 1860 г. во дворе мечети Султанакмед 117 чел. [ВОА. А.МКТ.NZD 318/59], доставленные в августе 1860 г. в Стамбул 80 чел. (в составе почти 3-тысячного контингента кавказцев и крымцев) [ВОА. А.МКТ.NZD 323/36], временно проживавшее в октябре 1860 г. в Дарульфюнуне 141 семейство (примерно 700-800 чел.) [ВОА. İ.MVL 439/19469], прибывшие в Стамбул в ноябре 1860 г. 50 семейств (не менее 500 чел.) «подданных шейха Шамиля» [ВОА. А.МКТ.UM 437/56], высадившиеся в декабре 1861 г. в Самсуне 529 чел. [ВОА. А.МКТ.UM 523/96] и др. Отмечено также прибытие целого ряда более мелких коллективов численностью от нескольких до нескольких десятков человек [см., напр., ВОА. А.МКТ.МНМ 196/103, 760/109; ВОА. А.МКТ.NZD 314/9, 314/10, 320/57, 383/89]. Кроме того, к дагестанским народам с высокой вероятностью принадлежали 146 «шекинских» и 15 «ширванских» мухаджиров, прибывших в октяб-

¹ Нельзя не обратить внимание на факт полной незамеченности данной иммиграции в отечественной историографии, в том числе в специально посвященных вайнахскому мухаджирству работам [Бадаев 2008; Абдулвахабова 2013], что, скорее всего, является следствием невыявленности или недоступности содержащих соответствующую информацию российских архивных документов. Между тем в османских источниках вполне адекватное отражение нашла не только сама чеченская иммиграция 1860 г., но и перипетии непростой адаптации этих переселенцев в Анатолии, в том числе их попытки возвращения на родину [см., напр., Чочиев 2021: 64-65, 67].

ре 1861 г. в Трабзон вместе с большой партией кабардинцев [BOA. A.MKT.UM 515/52].

С другой стороны, некоторые дагестанцы явно отправлялись в Османскую империю в рекогносцировочных целях для оценки условий поселения в стране, что не осталось незамеченным местными властями. Так, в письме губернатора Трабзонского вилайета Порте от 23 марта 1861 г. сообщалось, что, помимо «обычных» черкесских и дагестанских мухаджиров, въезжающих «с семьями и родственниками», с некоторого времени в портах и пристанях провинции начали появляться мужчины из Дагестана, прибывающие без семей по 3-5 человек «на пароходах и лодках» и больше напоминающие «путешественников и торговцев», но при этом требующие предоставления им положенной иммигрантам материальной помощи. В ответе из Стамбула губернатору было предписано, в соответствии с официальной иммиграционной политикой, не поддерживать таких лиц какими-либо выплатами во избежание составления этим примера и стимула для других «несемейных» элементов [BOA. A.MKT.UM 462/84].

В целом очевидно, что обозначившийся во второй половине 1859 г. всплеск миграции из центральных и восточных областей Северного Кавказа достиг своего пика в течение 1860-1861 гг. и почти полностью сошел на нет к 1862 г. Общее количество ушедших на данном этапе в Османскую империю уроженцев названных частей региона составило, по-видимому, около 20 тыс. чел., то есть фактически примерный подушный эквивалент 3 тыс. семейств, переселение которых санкционировалось османо-российскими договоренностями весны 1860 г.

Заключение

Подводя некоторый итог прослеженной выше миграционной активности, можно отметить, что с учетом содержащихся в доступных источниках сведений совокупная численность северокавказских (не считая ногайских) мухаджиров 1858 – середины 1862 г. вполне может приближаться к 100 тыс. чел. или даже превосходить, возможно существенно, эту цифру. Напомним в связи с этим, что петербургский Кавказский комитет в июле 1861 г. предполагал, что «в течение последних пяти или шести лет... под предлогом путешествия в Мекку для поклонения гробу Магомета вышли в Турцию с намерением там водвориться... свыше ста тысяч... жителей северной части Кавказа» [Гугов и др. 2000: 37]. Этому в принципе едва ли противоречит фигурирующая в поданной Порте в мае 1861 г. докладной записке Высшего совета по реформам (*Меджлис-и али-и танзимат*) приблизительная оценка количества прибывших в Османскую империю северокавказцев в 150 тыс. чел. [BOA. I.MMS 22/961], которая включала в себя как горцев, так и ногайцев, и в том числе, несомненно, какое-то число лиц, не учтенных по тем или иным причинам российскими инстанциями¹. Последняя оценка подтверждается и появившейся в октябре того же года в стам-

¹ Впрочем, количество таких незарегистрированных мигрантов на рассматриваемом этапе представляется сравнительно незначительным. Самостоятельные отправления многочисленных групп переселенцев и беженцев с кавказского побережья свидетельствуются источниками лишь для периода массового изгнания черкесов 1863-1864 гг.

бульской прессе информацией об иммиграции в страну 147 тыс. чел. «ногайского, черкесского и кумыкского племен», то есть северокавказцев в целом [Nabiçoğlu 1993: 71]. Вместе с тем следует иметь в виду, что измеряющееся по меньшей мере несколькими тысячами человек количество горских мигрантов этих лет, преимущественно выходцев из Терской и Дагестанской областей, уже вскоре после прибытия в османские пределы покинуло их и легально или нелегально вернулось на родину [Хамицаева 2018: 179, 184-186].

Социальный состав северокавказской эмиграции на рассматриваемом этапе характеризовался заметным удельным весом представителей сословных, экономических и религиозных элит региона, обычно обладавших высоким традиционным статусом и возможностями для перевозки на османскую территорию не только членов своих семей и кланов, но и значительной части имущества, включая – нередко под названием «домочадцев» – рабов и крепостных [Cuthell 2005: 129, 157; Покровский 1989: 302-303]. Группы переселенцев с Северо-Западного и Центрального Кавказа возглавлялись, как правило, представителями высшей феодальной знати (иногда носителями также российских офицерских званий [Кумыков 2001: 113-115; Хамицаева 2018: 181-183; ТНА. FO 881/3065]), упоминаемыми в османских документах с добавлением неофициального почетного титула «бей» (господин, владетель) или реже «ага» (хозяин, старшина). Дагестанские и чеченские же мухаджиры, в миграции которых более значимую роль играли исламские мотивы и лидеры, чаще прибывали в султанские владения под предводительством лиц с титулами «эфенди», «ходжа», «шейх» и т.п.

С точки зрения динамики процесса мухаджирства данный период характеризовался формированием устойчивого миграционного потока в Османскую империю практически из всех частей Северного Кавказа. Именно в конце 1850-х – начале 1860-х гг. переселение кавказцев в Османскую империю весьма стремительно приобрело никогда ранее не свойственные ему массовость и систематичность. При этом, если на западе региона эти тенденции были обусловлены в первую очередь действиями военно-колониальной администрации по насильственному вытеснению горцев из мест исконного проживания, то в центре и на востоке исход явился по преимуществу реакцией (в какой-то степени протестной, как обращалось внимание в историографии [Тотоев 1948: 33, 46; Дзидзария 1982: 8, 12]) некоторых сегментов традиционного феодально-патриархального общества на навязываемый в рамках российских аграрных реформ вариант социальной модернизации. В то же время, несмотря на явно зревший в эти годы в высшем кавказском и центральном военно-политическом руководстве консенсус о неизбежности решения задачи «умиротворения» края путем удаления из него крупных массивов «враждебного» («неблагонадежного», «непримиримого», «фанатичного» и т.п.) населения, реальная практика царских управленцев и генералов позволяет говорить все-таки не о целенаправленном изгнании неугодных подданных за пределы государства, а скорее о принципиальной готовности расстаться с не видящими для себя безопасного и достойного будущего на российском Кавказе и потому настроенными на спасительный уход/бегство во владения единовещного султана «туземными» группа-

ми, зачастую подталкивая их – силовым давлением или закулисными манипуляциями – к такому шагу. Что же касается позиции османской стороны, в ней не просматривается каких-либо признаков стимулирования – напрямую или через свою агентуру в регионе – кавказской иммиграции, но, напротив, хорошо заметны растущая озабоченность в связи с ее непредвиденной эскалацией и стремление к сдерживанию или замедлению притока мухаджиров, тем не менее неизменно и практически без ограничений принимаемых в страну прежде всего по морально-религиозным и политико-идеологическим соображениям. В равной мере отсутствуют свидетельства наличия у Порты сколько-нибудь конкретных предварительных расчетов по экономически, социально или политически мотивированному размещению («использованию») на своей территории данной категории переселенцев, что, впрочем, не исключает выработки в дальнейшем относительно рациональных проектов распоряжения спонтанно обретенным людским потенциалом в соответствии с интересами и потребностями государства. Указанные обстоятельства и характер имевших место в этот период дипломатических контактов между двумя империями по вопросу горских переселений достаточно определенно высвечивают иницилирующую и регулирующую роль российских официальных кругов в разворачивании рассматриваемого движения при очевидно «ведомом» положении османов, действия которых в основном сводились к более или менее своевременному и успешному реагированию на возникающие миграционные вызовы, а порой и свершившиеся факты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулвахабова 2013 – *Абдулвахабова Б.Б.-А.* Насильственное переселение чеченцев в Турцию во 2-й половине XIX в. как форма мирного решения государственных проблем // Дагестан в российском историческом процессе. Мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Э.М. Далгат. – Махачкала: Алеф, 2013. – С. 253-259.

АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. XII. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1904. – 1558 с.

Бадаев 2008 – *Бадаев С.-Э.С.* Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность. – Нальчик: Респ. полиграфкомб. им. Революции 1905 г., 2008. – 315 с.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Кн. II. – С. 337-363.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Исследования и материалы. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1876. – С. 112-212.

Гугов и др. 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX в.). Сб. док-тов и мат-лов / сост. Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 462 с.

Дзагуров 1925 – Переселение горцев в Турцию. Мат-лы по ист. горских народов / сост. Г.А. Дзагуров. – Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1925. – 202 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Ибрагимова 2006 – *Ибрагимова З.Х.* Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М.: Пробел-2000, 2006. – 756 с.

Кануков 1876 – *Кануков И.* Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IX. – Этнографические очерки. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника кавказского, 1876. – С. 84-112.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Кудаева 1998 – *Кудаева С.Г.* Огнем и железом. *Igni et Ferro*. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70-е гг. XIX в.). – Майкоп: МГТУ, 1998. – 134 с.

Кумыков 2001 – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сб. арх. док-тов / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Кумыков 2003 – Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874 гг.) / сост. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 413 с.

Кундухов 2013 – *Кундухов М.А.* Мемуары. – Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2013. – 91 с.

Кушхабиев 2009 – История адыгов в документах Османского государственного архива / сост. А.В. Кушхабиев. – Нальчик: Респ. полиграфкомб. им. Революции 1905 г., 2009. – 404 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т. (Тэффик-бей)*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 464 с.

Магомеддадаев 2000 – Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Сб. док-тов и мат-лов / сост. А. Магомеддадаев. – Кн. I. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 434 с.

Милютин 2003 – *Милютин Д.А.* Воспоминания (1863-1864 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2003. – 688 с.

Озова 2015 – *Озова Ф.А.* Депортация черкесов в 1856-1864 гг.: план и его реализация // Клио. – 2015. – № 5(101). – С. 59-70.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп: МГТУ, 2006. – 250 с.

Покровский 1989 – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в.: социально-экономические очерки. – Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1989. – 319 с.

Половинкина 2001 – *Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. – 224 с.

Северный Кавказ... 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Тотоев 1948 – *Тотоев М.С.* К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865 гг.) // Известия СОНИИ. – Т. XIII. – 1948. – Вып. I. – С. 24-46.

Хамицаева 2018 – Осетия в кавказской политике Российской империи (XIX в.). Сб. док-тов и мат-лов / сост. А.А. Хамицаева. – Владикавказ: Ир, 2018. – 272 с.

Чочиев 2021 – *Чочиев Г.В.* Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. – 2021. – № 6(1). – С. 61-84. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202106Statyi10.

Чочиев 2023a – *Чочиев Г.В.* Иммиграция дагестанцев в Османскую империю в период Кавказской войны (1820-е – 1850-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. – Т. XIX. – 2023. – № 1. – С. 55-66. – DOI: 10.32653/CH19155-66.

Чочиев 2023b – *Чочиев Г.В.* Иммиграция черкесов в Османскую империю в 1820-х – 1850-х гг. // Кавказология. – 2023. – № 1. – С. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. – EDN: AANHXY.

Bayraktar 2008 – *Bayraktar H.* Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaleti'ne Yapılan Nogay Göç ve İskânları (1859-1861) // Bilig. – 2008. – No 45. – S. 45-72.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Buzpinar 1997 – *Buzpinar Ş.T.* Suriye'ye Yerleşen Cezayirli Muhacirlerin Tâbiyeti Meselesi (1847-1900) // İslâm Araştırmaları Dergisi. – 1997. – No 1. – S. 91-106.

- Cuthell 2005 – *Cuthell D.C.* The ‘Muhacirin Komisyonu’: An Agent in the Transformation of Ottoman Anatolia (1860-1866). PhD dissertation. – N.Y.: Columbia University, 2005. – 280 p.
- Fauvel 1864 – *Fauvel A.* L’émigration circassienne en Turquie // *Gazette médicale d’Orient*. – T. VIII. – 1864. – No 4. – P. 49-60.
- Habiçoğlu 1993 – *Habiçoğlu B.* Kafkasya’dan Anadolu’ya Göçler. – İstanbul: Nart, 1993. – 187 s.
- Karpat 1984-1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Urbanism: The Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye (1856-1878) // *International Journal of Turkish Studies*. – Vol. III. – 1984-1985. – No 1. – P. 1-25.
- Karpat 1985 – *Karpat K.H.* Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. – Madison: The University of Wisconsin, 1985. – 242 p.
- Koğ 2020 – *Koğ Y.* Kırım Savaşı ve Kafkas Göçlerinde Salgın Hastalıklar (1853-1864). Yüksek Lisans Tezi. – Yozgat: Bozok Üniversitesi, 2020. – 134 s.
- Lütfî 1984 – *Ahmed Lütfî Efendi.* Vak'a-nüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / yay.: M. Aktepe. – C. IX. – İstanbul: İ.Ü. Edebiyat Fakültesi, 1984. – 342 s.
- Rosser-Owen 2007 – *Rosser-Owen S.I.* The First ‘Circassian Exodus’ to the Ottoman Empire (1858-1867), and the Ottoman Response. MA dissertation. – L.: University of London, 2007. – 73 p.
- Sağlam 2020 – *Sağlam N.* Arşiv Kaynaklarına Göre İstanbul’a Kırım ve Kafkas Göçleri (1858-1864) // *Tarih Okulu Dergisi*. – C. XIII. – 2020. – No 46. – S. 1525-1555. – DOI: <http://dx.doi.org/10.29228/Joh37326>.
- Saydam 1997 – *Saydam A.* Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876). – Ankara: TTK, 1997. – 235 s.
- TNA – United Kingdom. The National Archives.
- Toledano 1982 – *Toledano E.R.* The Ottoman Slave Trade and Its Suppression (1840-1890). – Princeton: Princeton University Press, 1982. – 307 p.
- Turgay 1991 – *Turgay A.Ü.* Circassian Immigration into the Ottoman Empire (1856-1878) // *Islamic Studies Presented to Charles J. Adams* / ed. by W.B. Hallaq & D.P. Little. – Leiden: Brill, 1991. – P. 193-217.

REFERENCES

- ABDULVAKHABOVA B.B.-A. *Nasil'stvennoe pereselenie chechentsev v Turtsiyu vo 2-i polovine XIX v. kak forma mirnogo resheniya gosudarstvennykh problem* [Forced Resettlement of Chechens to Turkey in the 2nd Half of the 19th c. as a Form of Peaceful Solution to State Problems]. – In: *Dagestan v rossiiskom istoricheskom protsesse. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Dagestan in the Russian Historical Process. Proceedings of the International Scientific Conference] / comp by E.M. Dalgat. – Makhachkala: Alef, 2013. – P. 253-259. (In Russ.).
- AHMED LÜTFÎ EFENDÎ. *Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi* / Publ. by M. Aktepe – Vol. 9. – İstanbul: İÜEF, 1984. – 342 p.
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. – Vol. 12. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1904. – 1558 p. (In Russ.).
- Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkessov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874 gg.)* [Archival Materials about the Caucasian War and the Eviction of the Circassians (Adygs) to Turkey (1848-1874)] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: El-Fa, 2003. – 413 p. (In Russ.).
- BADAEV S.-E. S. *Chechenskaya diaspora na Srednem i Blizhnem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Chechen Diaspora in the Middle East: History and Modernity]. – Nalchik: Republican 1905 Revolution Printing House, 2008. – 315 p. (In Russ.).
- BAYRAKTAR H. *Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaleti'ne Yapılan Nogay Göç ve İskânları (1859-1861)*. – In: *Bilig*. – 2008. – No 45. – P. 45-72.

- BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. – In: *Russkaya starina* [Russian antiquity]. – 1882. – Book 2. – P. 337-363. (In Russ.).
- BUZPINAR Ş.T. *Suriye'ye Yerleşen Cezayirli Muhacirlerin Tâbiyeti Meselesi (1847-1900)*. – In: *İslâm Araştırmaları Dergisi*. – 1997. – No 1. – P. 91-106.
- CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya cherkesov v Osmanskuyu imperiyu v 1820-kh – 1850-kh gg.* [Immigration of Circassians to the Ottoman Empire in the 1820s – 1850s]. – In: *Caucasology*. – 2023. – No 1. – P. 14-32. (In Russ.).
- CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu v period Kavkazskoi voyny (1820-e – 1850-e gg.)* [Immigration of Dagestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War (1820s-1850s)]. – In: *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. – Vol. 19. – 2023. – No 1. – P. 55-66. (In Russ.).
- CHOCHIEV G.V. *Problema “vozvrashcheniya na roдинu” v severokavkazskoi diaspole v Turtsii (osmanskii period)* [The Problem of “Return to the Homeland” in the North Caucasian Diaspora in Turkey (Ottoman Period)]. – In: *Voprosy Istorii*. – 2021. – No 6(1). – P. 61-84. (In Russ.).
- CUTHELL D.C. *The ‘Muhacirin Komisyonu’: An Agent in the Transformation of Ottoman Anatolia (1860-1866)*. PhD dissertation. – New York: Columbia University, 2005. – 280 p.
- DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhajirism and Problems of the History of Abkhazia in the 19th c.]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).
- Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu. Sbornik dokumentov i materialov* [Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire. Collection of Documents and Materials] / comp. by A. Magomeddadaev. – Book 1. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 2000. – 434 p. (In Russ.).
- FAUVEL A. *L’émigration circassienne en Turquie*. – In: *Gazette médicale d'Orient*. – Vol. 8. – 1864. – No 4. – P. 49-60.
- GRABOVSKII N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba ee za nezavisimost'* [The Annexation of Kabarda to Russia and Its Struggle for Independence]. – In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. – Iss. 9. – Issledovaniya i materialy [Studies and Materials]. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1876. – P. 112-212. (In Russ.).
- HABIÇOĞLU B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler*. – Istanbul: Nart, 1993. – 187 p.
- IBRAGIMOVA Z.Kh. *Chechenskii narod v Rossiiskoi imperii: adaptatsionnyi period* [Chechen People in the Russian Empire: Adaptation Period]. – Moscow: Probel-2000, 2006. – 756 p. (In Russ.).
- Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva* [History of the Adyghees in the Documents of the Ottoman State Archives] / comp. by A.V. Kushkhabiev. – Nal'chik: Republican 1905 Revolution Printing House, 2009. – 404 p. (In Russ.).
- KANUKOV I. *Gortsy-pereselentsy* [Highlander Migrants]. – In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. – Iss. 9. – Etnograficheskie ocherki [Ethnographic Essays]. – Tiflis: The Main Department of the Caucasian Governor, 1876. – P. 84-112. (In Russ.).
- KARPAT K.H. *Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics*. – Madison: University of Wisconsin, 1985. – 242 p.
- KARPAT K.H. *Ottoman Urbanism: The Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye (1856-1878)*. – In: *International Journal of Turkish Studies*. – Vol. 3. – 1984-1985. – No 1. – P. 1-25.
- KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adyghees. From the History of the Struggle of the Adyghees for Independence in the 19th c.]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).
- KOĞ Y. *Kırım Savaşı ve Kafkas Göçlerinde Salgın Hastalıklar (1853-1864)*. MA dissertation. – Yozgat: Bozok Üniversitesi, 2020. – 134 p.

KUDAEVA S.G. *Ognem i zhelezom. Igni et Ferro. Vynuzhdennoe pereselenie adygov v Osmanskuyu imperiyu (20-70-e gg. XIX v.)* [By Fire and Iron. Igni et Ferro. Forced Relocation of the Adyghe People to the Ottoman Empire (1820s-1870s)]. – Maykop: Maykop State Technological Institute, 1998. – 134 p. (In Russ.).

KUNDUKHOV M.A. *Memuary* [Memoirs]. – Vladikavkaz: V. Gassiev Printing House, 2013. – 91 p. (In Russ.).

LAPINSKII T. (TEFFIK-BEI). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Mountaineers of the Caucasus and Their Liberation Struggle against the Russians]. – Nalchik: El-Fa, 1995. – 464 p. (In Russ.).

MILYUTIN D.A. *Vospominaniya (1863-1864 gg.)* [Memories (1863-1864)] / ed. by L.G. Zakharova. – Moscow: ROSSPEN, 2003. – 688 p. (In Russ.).

Osetiya v kavkazskoi politike Rossiiskoi imperii (XIX v.). Sbornik dokumentov i materialov [Ossetia in the Caucasian Politics of the Russian Empire (19th c.). Collection of Documents and Materials] / comp. by A.A. Khamitsaeva. – Vladikavkaz: Ir, 2018. – 272 p. (In Russ.).

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

OZOVA F.A. *Deportatsiya cherkessov v 1856-1864 gg.: plan i ego realizatsiya* [Deportation of Circassians in 1856-1864: The Plan and Its Implementation]. – In: *Klio*. – 2015. – No 5(101). – P. 59-70. (In Russ.).

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the System of Interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamate in the 19th Century (until 1864)]. – Maykop, Maykop State Technological Institute, 2006. – 250 p. (In Russ.).

Pereselenie gortsev v Turtsiyu. Materialy po istorii gorskikh narodov [Relocation of the Highlanders to Turkey. Materials on the History of Mountain Peoples] / comp. by G.A. Dzagurov. – Rostov-on-Don: Sevknaznig, 1925. – 202 p. (In Russ.).

POKROVSKII M.V. *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the History of the Adyghees at the End of the 18th - First Half of the 19th c.: Socio-economic Essays]. – Krasnodar: Krasnodar Book Publishers, 1989. – 319 p. (In Russ.).

POLOVINKINA T.V. *Cherkesiya – bol' moya. Istoricheskii ocherk (drevneishee vremya – nachalo XX v.)* [Circassia – My Pain. Historical Essay (Ancient Times – Beginning of 20th Century)]. – Maykop: "Adygeya" Publishers, 2001. – 224 p. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkessov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th c.). Collection of Archival Documents] / comp. by T.Kh. Kumykov. – Nalchik: Elbrus, 2001. – 496 p. (In Russ.).

ROSSER-OWEN S.I. *The First 'Circassian Exodus' to the Ottoman Empire (1858-1867), and the Ottoman Response*. MA dissertation. – London: University of London, 2007. – 73 p.

SAĞLAM N. *Arşiv Kaynaklarına Göre İstanbul'a Kırım ve Kafkas Göçleri (1858-1864)*. – In: *Journal of History School*. – Vol. 13. – 2020. – No 46. – P. 1525-1555.

SAYDAM A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876)*. – Ankara: TTK, 1997. – 235 p.

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as a Part of the Russian Empire] / ed. by V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. – Moscow: New Literary Review, 2007. – 460 p. (In Russ.).

TOLEDANO E.R. *The Ottoman Slave Trade and Its Suppression (1840-1890)*. – Princeton: Princeton University, 1982. – 307 p.

TOTOEV M.S. *K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859-1865 gg.)* [On the Issue of Resettlement of Ossetians to Turkey (1859-1865)]. – In: *Proceedings of SONII*. – Vol. 13. – 1948. – Iss. 1. – P. 24-46. (In Russ.).

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Sbornik dokumentov i materialov [The Tragic Consequences of the Caucasian War for the

Circassians (Second Half of the 19th – Early 20th c.). Collection of Documents and Materials] / comp. by R.Kh. Gugov, Kh.A. Kasumov, D.V Shabaev. – Nalchik: El-Fa, 2000. – 462 p. (In Russ.).

TURGAY A.Ü. *Circassian Immigration into the Ottoman Empire (1856-1878)*. – In: *Islamic Studies Presented to Charles J. Adams* / ed. by W.B. Hallaq & D.P. Little. – Leiden: Brill, 1991. – P. 193-217.

United Kingdom. The National Archives.

Информация об авторе

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 29.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94(479.2)«18/19»:63
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-101-113
EDN: EERV CY

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТАБАКОВОДСТВА КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ОТРАСЛИ ТОРГОВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ГУБЕРНИЯХ ЮЖНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Алмаз Мусаевна Исмаилова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,
almaz.ismailova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3562-3032>

Аннотация. Статья посвящена периодам развития табаководства на Южном Кавказе в исследуемый период. Автор рассматривает развитие этой технической культуры во всех губерниях предоставленного региона. Дана информация о количестве земли, занятой под выращивание табака, его сортах, промышленных предприятиях и их владельцах, о производимой табачной продукции, а также о местах его сбыта. Автором рассмотрены различные причины изменения спроса на табачную продукцию в данном историческом периоде и неравномерного уровня производства табака.

В статье отмечаются благоприятные условия для развития табаководства на Южном Кавказе, которая постепенно превращалась в продукцию товарных отношений. Также в статье отмечена заинтересованность российского правительства в распространении данной культуры, так как она была основным сырьем для табачной промышленности. Правительство, содействуя колониальной эксплуатации края русской и иностранной буржуазией, и само извлекало немалый доход из того, что здесь расширилось возделывание технических и ценных культур.

Автор делает вывод, что табачная отрасль на Южном Кавказе развивалась, совершенствовалась и постепенно приобретала черты торгового земледелия, где внедрялись товарные отношения. Отмечается, что быстрое развитие торгового земледелия неразрывно связано с образованием капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Южный Кавказ, губернии, табаководство, листовой табак, торговое земледелие, трапезонд, сампсон, махорка, бакун, мадан, наемный труд, акциз.

Для цитирования: Исмаилова А.М. Из истории развития табаководства как важнейшей отрасли торгового земледелия в губерниях Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 101-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-101-113. EDN: EERV CY.

© Исмаилова А.М., 2024

Original article

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF TOBACCO FARMING AS THE MOST IMPORTANT BRANCH OF COMMERCIAL AGRICULTURE IN THE PROVINCES OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES

Almaz M. Ismailova

Dagestan State University, Russia, Makhachkala, almaz.ismailova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3562-3032>

Abstract. The article focuses on the evolution of tobacco cultivation in the South Caucasus over the research period. The author investigates the spread of this technological culture throughout all provinces in the specified region. Information is provided on the quantity of land occupied for tobacco cultivation, tobacco types, industrial firms and their owners, tobacco products produced, and tobacco sales locations. The author examines the many causes of the shift in demand for tobacco products over this historical time, as well as the unequal level of tobacco production.

The essay discusses the excellent conditions for the growth of tobacco production in the South Caucasus, which eventually became commodities. The report also underlined the Russian government's interest in spreading this crop, which was the primary raw material for the tobacco sector. The government, which contributed to the region's colonial exploitation by the Russian and foreign bourgeoisie, benefited financially from the expansion of the cultivation of technological and precious crops.

The author finds that the tobacco business in the South Caucasus evolved, improved, and gradually adopted the characteristics of commercial agriculture, which included commodity relations. It is emphasized that the quick expansion of commercial agriculture is closely tied to the emergence of capitalist relationships in agriculture.

Keywords: South Caucasus, provinces, tobacco farming, leaf tobacco, commercial agriculture, trapezond, sampson, shag, bakun, madan, wage labor, excise.

For citation: Ismailova A.M. From the history of the development of tobacco farming as the most important branch of commercial agriculture in the provinces of the South Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries. In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 101-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-101-113. EDN: EERV CY.

© Ismailova A.M., 2024

Введение

Табак возделывался на Южном Кавказе издавна. Наряду с другими сельскохозяйственными культурами начинали активно расширяться плантации табака.

Царское правительство поощряло развитие табаководства, так как эта техническая культура была необходимым сырьем для развития для такой отрасли легкой промышленности, как табачная промышленность. Российское правительство решило наложить акциз на многие виды сырья. Под акцизную политику попал и табак, так как он приносил высокие доходы.

Акциз на табак был утвержден 18 мая 1862 г. Уставом о табачном сборе [Высочайше утвержденный Устав об акцизе с табаку... 1861: 39]. Разведение турецкого табака высших сортов в Закавказье началось с 1873 г., с повышением таможенной пошлины на привозной табак.

Сбор табака в этих местностях достигал 300 т. пудов. Все местности, где сгруппировались табачные плантации, большей частью мелкими участками между другими посевами, лежали у подножия лесистых горных цепей. Почвенные и климатические условия края вполне благоприятствовали успешному производству ценных сортов турецкого табака; кроме того, не было нехватки опытных табаководов и рабочей силы из местного населения [Всеподданнейшая записка 1890: 45].

Казалось бы, что все названные условия должны благоприятствовать развитию табаководства в крае, а, между тем, скорее наблюдался упадок этой от-

расли промышленности, нежели ее развитие. Причины такого явления заключались в необходимости затрачивать капитал при начале предприятия, в некоторых стеснительных мерах акцизного надзора и в резких колебаниях в ценах на табак.

Этапы развития табаководства в губерниях Южного Кавказа

Табак выращивали во всех губерниях Южного Кавказа. Табаководство уже в 70-х гг. XIX в. являлось отраслью торгового земледелия. В Азербайджане было две губернии – Бакинская и Елизаветпольская. В Бакинской губернии табаководство развивалось в Кубинском уезде, а в Елизаветпольской губернии – в Нухинском уезде [Умаев 2002: 31].

Этот вид технической культуры приносил доход жителям этих уездов. Так, например, на одну десятину табачных плантаций расходовались деньги от 50 до 75 руб.; валовой расход – 180-200 руб., а если погода благоприятствовала, то и 250-275 руб.

Нухинский уезд был районом, где выращивался промышленный табак. Так, уже в середине 80-х гг. XIX в. плантации, находящиеся под табаком, достигали 70-80 дес. С этих земель собирали урожай в 6-7 тыс. пуд. Если взять конкретный год, то мы видим, что в 1887 г. табак выращивали в 50 селениях. Здесь было 311 плантаций, под которыми было занято 87 дес. [Щербачев 1889: 114].

В Нухе в основном, доминировали мелкие табаководческие хозяйства. Нухинский уезд давал 95 % всего табака в Елизаветпольской губернии. Часть собранного урожая табака (махорка) отправлялась в табачные фабрики на месте: в Нуху, Шемаху, Баку, а часть – в центральные города Российской империи [Присоединение Азербайджана к России 1955: 262].

Выращивали табак в Азербайджане и в начале XX в. Увеличились плантации под посевами табака. Так, в 1903-1905 гг. площадь, отведенная под табак достигала 350 дес., а валовый сбор табака – 32,5 тыс. пуд.

Соответственно, производство табака продолжало возрастать. В 1903-1913 гг. – 342 дес. и 34,5 тыс. пуд. Наибольшего развития табаководство достигло в 1914 г. Площади под эту техническую культуру возросли до 587 дес. [Умаев 2002: 33]. Особенностью табаководства в Азербайджане было то, что здесь она уже носила сформулированный товарный характер, то есть не только для собственного потребления, но и для продажи. Также возросла цена на валовую продукцию: в 1897-1907 гг. – 90 тыс. руб.; в 1908-1913 гг. – 140 тыс. руб. [Умаев 2002: 35].

Выращивали табак и в Эриванской губернии. Но особенность здесь заключалась в том, что в этой губернии не было развито выращивание промышленного табака, то есть для продажи. Они производили табак в основном для собственного потребления. Если изучить архивные материалы, здесь мы находим следующие сведения.

Акциз по табачной части за 1875 г. в Эриванской губернии (4 округ) был следующий: всего по 4 округу число фабрик – 3. Выбрано бандероля на сумму – 16 880 руб. 80 коп., папирос – 2 795 000 шт. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 74. Л.

3]. Табачного сбора поступило в 1887 г. 124 114 руб.; менее предшествовавшего года на 25 208 руб. 69 коп. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 1. Д.74. Л.9].

Табаководством в Эриванской губернии занимались в 144 селениях губернии. В отчете Эриванского губернатора за 1895 г. отмечалось, что с 1582 плантаций, занимавших пространство в 157 дес. 1.094 кв. саженей собрано махорки 8 800 пуд. 9 фунтов [ЦГИАГ. Ф. 12: оп.1. д.1639. Л. 14].

В отчете Эриванского губернатора за 1895 год были даны следующие цифровые данные: табачных доходов было на сумму – 15 115 руб. 14 коп. [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1639. Л. 22 об.]. Табаководов было 2204, собственников – 47, арендованных плантаций – 335 дес., из них – арендованных – 19 дес. [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1639. Л. 10].

Но, несмотря на неразвитость этой технической культуры в Эриванской губернии, все-таки табак здесь выращивали. Производство табака уходило на нисходящей: 1901 г. – урожайность табака составляла не более 598 пудов, 1903 г. – 327 пудов; 1904 г. – 313 пудов.

Обратим внимание на ситуацию в Грузии, т.к. в Тифлисской и Кутаисской выращивался промышленный табак – для собственного потребления, как сырье для табачной промышленности на Южном Кавказе, для вывоза в центральные губернии Российской империи.

В 1859 г. в Тифлисской губернии было собрано 11 772 пуда табака, а продано – 7 944 пуда. К этому времени в Тифлисской губернии разведением табака было занято более чем 1600 человек [ЦГИАГ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 1479. Л. 66].

Некоторые кахетинские помещики, пригласившие мастеров по табаководству, например, князя Андрониковы, убедились в отличных качествах получаемого здесь продукта. С того времени табаководство, однако, медленно здесь развивалось и производилось в самых ограниченных размерах, только для домашнего употребления, пока возвышение пошлин на привозной турецкий табак не дало этой промышленности толчок к быстрому развитию.

В Алазанскую долину, именно Кахетию, Лагодехи, переселилось множество предпринимателей и мастеров (из турецких греков, армян, имеретин и пр.), которые бросились арендовать земли у землевладельцев и крестьян под культуру табака. Владельцы земель с охотой отдавали свои земли за арендную плату, несколько высшую против нормальной, именно около 1 руб. 60 коп. за десятину, не подозревая, что разведение табака на одном и том же поле, в течение нескольких лет и без всякого удобрения, значительно уменьшает его производительность, а, следовательно, и цену этой земли.

Предприниматели же, продавая свой табак по 12-16 руб. за пуд., выручали до 600 руб. с десятины, считая по 60 пудов урожая табачных листьев.

Постепенно табаководство приняло здесь такие обширные размеры, что табачные плантации при селениях считались уже десятками десятин. «Табачная лихорадка» усилилась здесь особенно с увеличением спроса на табак по случаю войны с Турцией, откуда прекращен был привоз табака. Посев табака в 1877 г. произведен был в самых больших размерах, а потому цена на рабочих достигла на плантациях до 1 руб. 50 коп. в сутки.

Между тем к осени 1878 г. всякая опасность новой войны миновала и основные скупщики табака (армяне) решились воспользоваться возможностью поприжать табаководов, производительность которых стала превышать спрос. Скупщиками предложены были такие цены, которые не покрывали даже увеличившихся издержек производства, именно 6-8 руб. за пуд. Это значительно охладило «табачную лихорадку» в Алазанской долине, и в 1878 г. засеяно было несравненно меньше прошлогоднего, 1877 г.

Табачные плантации располагались в основном в двух локациях: на левом берегу Алазани – около селения Лагодехи, и это был правый берег – г. Сигнах.

Так, в середине 80-х гг. XIX в. средняя величина плантаций, находившихся в районе Лагодехи, равнялась 2,5 дес. и в районе г. Сигнах (Тифлисская губерния) – 2 дес. [Щербачев 1889: 101].

Именно Сигнах давал 72 % всего урожая табака Тифлисской губернии, а остальные 28 % собирали урожай в уездах: Борчалинском, Ахалцихском, Телавском [Щербачев 1889: 105]. Кроме того, Сигнах был районом, где активно выращивали табак, так уже к концу XIX в. это уезд дал более 92 % табака. В Сигнахском уезде продолжали выращивать промышленный табак и в начале XX в. Количество плантаций здесь увеличилось до 276 (320 дес. 630 кв. саж.)

И табака было собрано 24 560 пуд., исключительно высшего сорта. Высшие сорта табака продавались от 3-х до 9-ти руб. 50 коп. за пуд. Расход по обработке одной десятины табачной плантации, в среднем 250 руб. [Обзор Тифлисской губернии 1910: 19].

Площадь под табаком в Закатальском округе (он входил в состав Тифлисской губернии с 1893 по 1905 гг.) и сбор его сразу же стали так быстро расти, что через несколько лет обнаружился острый кризис сбыта [Отчет о ходе акцизного дела в Закавказском крае и Закаспийской области 1899: 92]. Особенностью производства табака в Закатальском округе было то, что в этой местности выращивали высшие сорта табака, а в остальных местах – обычная махорка (низкосортный табак).

Также, как и в Азербайджане, в Грузии, в частности, в Закатальском округе производство табака приняло товарный характер. В 90-х гг. XIX в. в Закатальском округе под табак в среднем отводилось до 45 дес. ежегодно, а сбор его равнялся почти 4 тыс. пуд. в год.

Средний размер плантаций в 1899 г. достигал 1,2 дес. [Отчет о ходе акцизного дела в Закавказском крае и Закаспийской области 1899: 102].

Главным образом развито было табаководство в сел. Ковачхель, отстоящем от Лагодехи на расстоянии 7 верст; из общего сбора табака высших сортов в округа (6,076 пуд.) в сел. Ковачхель собрано 4,33 пуд.; большая часть этого табака прямо с плантаций поступала в Лагодехи и здесь подвергалась дальнейшей обработке и сушке, так как сушке на месте мешали обильные росы. Из сбора табака и из остатков прежних лет в 1900 г. за пределы округа было выпущено 1,775 пуд., против 855 пуд. 1899 г.

Табак продавался по тем же ценам, как и лагодехский – по 2 руб. 60 коп. – 6 руб. 20 коп. за пуд. Махорки собрано было в округе в 1900 г. всего 94 пуда [Першке 1902: 112].

Количество приготовленных изделий в 1900 г. уменьшилось против 1899 г. на 1,202 пуда, или 1,2 %.

Табаководство в Закатальском округе мало по малу приобрело промышленный характер.

В 1902 г. в Тифлисской губернии табачных плантаций было – 3 374, собрано табака – 57 512 пудов [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 6. Д. 1046. Л. 8].

О табачных плантациях на срок до 1 февраля 1917 г. имеются следующие данные: число плантаций – 199; земли – 83 дес.; саженей – 1659; высших сортов табака – 2761 пуд; всего – 2761 папирос [ЦГИАГ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 749. Л. 2].

В достаточном количестве производили табак и в Кутаисской губернии. Здесь табаководством занимались более 1000 человек. Но в Имеретии и Гурии табак производили в основном для собственного потребления [ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 450. Л. 254].

Значимыми районами промышленного табаководства – в Западной Грузии являлись Артвинский, а затем Батумский округа. Эти территории раньше входили в состав Османской империи. Он и вошли в состав Российской империи после русско-турецкой войны (1877–1878 гг.).

В 1884 г. в Артвинском и Батумском округах под табаком уже было занято 80 дес. земли. С них был собран урожай около 4 тыс. пуд. табака [Щербачев 1889: 93], а в 1897 г. только в одном Артвинском округе табачные плантации занимали площадь в 362 дес., и давали урожай табака свыше 17 тыс. пуд.

Постепенно высшие сорта табака стали выращивать и в Кутаисской губернии. Во Всеподданнейшем отчете Кутаисского губернатора за 1895 г. было отмечено, что табак уже возделывали высших сортов.

Если в 1892 г. число плантаций было 5926, а в 1895 г. – 5677. Сбора табака в пудах было: в 1892 г. – 81 590, в 1895 г. – 124 300. Табак закупался фирмой «Багданов и К» [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1636. Л. 24].

Кроме Артвинского и Батумского округов, выращивали табак и в Озургетском округе (Гурия). Здесь большой упор делался на промышленный табак. В 80-е гг. XIX в. помещики все больше сдавали свои земли под аренду для выращивания табака. Тем самым они получали высокие прибыли от этой аренды. В 1887 г. в Озургетском уезде насчитывалось 327 плантаторов и 445 табачных плантаций, занимавших 221 дес. земли [Щербачев 1889: 125].

Увеличение урожая падало, главным образом, на промышленный приморский район, по преимуществу на северную и южную части его. Метеорологические условия отчетного года для этих местностей были особенно благоприятны: частые весенние дожди, незначительные колебания температуры в апреле и мае. В меру выпадавшие дожди и в последующие месяцы отразились не только на увеличении сбора табака, но заметно повысили и качество его. В восточной части приморского района, вследствие летней засухи, урожай табака, при хорошем его качестве, получился меньший.

В других табачных районах, при различии климата и в зависимости от атмосферических влажностей, а отчасти и от экономических мероприятий (напр., замены в наименее промышленных районах табаководства культурой более

ценною, как хлопководство), сбор табака получился довольно пестрый [Обзор отраслей промышленности 1914: 166].

Табаководство, как промысел, обусловленный благоприятным климатом и географическим положением Западного Закавказья (Сухумский, Батумский и Артвинский округа и Кутаисская губерния), существовало в приморском районе издавна, и табак этого района, благодаря своим качествам, являлся предметом спроса почти на все фабрики Закавказья и Империи (в 1913 г. вывезено 433 635 пуд. и в 1912 г. 365 571 пуд.), а также экспорта за границу (в 1913 г. – 75 307 пуд., и в 1912 г. – 68 433 пуд.).

На главный рынок желтых табаков – в Александрию из Сухума и Батума в 1913 г. было отправлено 52 074 пуд. (в 1912 г. – 63 369 пуд.). Кроме того, с 1912 г. на табачной фабрике Биниат-оглы в г. Батуме возник особый вид промышленности по приготовлению из листового табака (как сампсона, так и трапезонда) особого прессованного жевательного табака, употребляемого для жевания туземным населением Индии, Аравийского полуострова, Египта и Малой Азии.

В 1913 г. этого табака было вывезено в Александрию 885 пуд. (в 1912 г. 371 п.) [Обзор отраслей промышленности 1914: 167].

В среднем на одного плантатора приходилось $\frac{2}{3}$ дес. табачных плантаций, что указывает на преобладание здесь сравнительно крупного табаководства. Большие плантации, размером свыше 1 дес., обычно принадлежали помещикам, а мелкие – крестьянам.

Как отмечает П. Дзюбенко, что все мало-мальски пригодные места охотно занимались жителями под табачные плантации. Некоторые грузинские крестьяне сажали табак вместо кукурузы. Но выращивание табака не всегда было на высоком уровне. Так, уже к концу 80-х гг. XIX в. цены на табак снизились с 8–12 до 8–4 руб. за пуд. И интерес к выращиванию табака падал. Но уже в 90-х гг. XIX в. опять увеличился интерес к табаководству, так как этого требовала табачная промышленность [Дзюбенко 1888: 367].

Для характеристики размеров плантаций в это время рассмотрим сравнительно полные данные за 1899 г.

Из 4434 плантаций, имевшихся в указанном году, промышленных было 3243 и так называемых сельскохозяйственных – 1191 [Першке 1902: 117]. Площадь последних составляла только 9 дес., т.е. в среднем приходилось по 18 кв. саженей на одну плантацию.

Вывоз табака за пределы Управления составил в 1900 г., 24,5 % общей выработки собственно табака, а вывоз папирос 20 % общей выделки папирос причем фабрики Кутаисской губернии выпустили за пределы Управления, в % общего вывоза табака, фабрики Тифлисской — 33,1 % и фабрики Бакинской губ. – 55 % по вывозу же папирос на фабрики Кутаисской губернии падает 11,4 %, на Тифлискую – 17 % и на Бакинскую – 70,1 % [Гулишамбаров 1894: 129].

В 1913 г. вывоз желтых табаков за пределы края (в Империю и за границу) составил 529 491 пуд., более прошлогоднего на 82 838 пуд. (в 1912 г. 446 653 пуд.), или на 18,55 %. Из этого числа внутренний вывоз составил 448 855 пуд. против 375 758 пуд. в 1912 г., т.е. более на 73 097 пуд., или на 19,45 %; загра-

ничный – 80 636 пуд., против 70 895 пуд. в 1912 г., т.е. более на 9 741 пуд. или на 17,31 %.

Общая картина табаководства по Управлению представлялась в следующем виде [Обзор отраслей промышленности 1914: 167]:

Годы	Число плантаций.	Площадь в десятинах.	Сбор табака в пудах.	Средний сбор с десятины.
1909	17.530	8.288	565.983	68
1910	19.757	10.903	710.449	65
1911	19.188	10.019	640.693	64
1912	17.700	9.628	542.526	56
1913	17.444	10.140	590.209	58

В том числе:

А) Промышленных плантаций, каждая свыше в 50 кв. саженей

Годы	Число плантаций.	Площадь в десятинах.	Сбор табака в пудах.	Средний сбор с десятины.
1909	11.940	8.250	563.897	70
1910	14.601	10.871	708.144	65
1911	14.108	9.980	637.711	64
1912	13.808	9.598	540.398	56
1913	13.471	10.114	588.551	58

Б) Хозяйственных плантаций, каждая до 50 кв. саженей:

Годы	Число плантаций.	Площадь в десятинах.	Сбор табака в пудах.	Средний сбор с десятины.
1909	5.590	38,0	2.086	54
1910	5.156	32,3	2.305	71
1911	5.156	32,3	2.305	71
1912	3.892	29,5	2.128	72
1913	3.973	26,2	1.658	63

В 1913 г. плантации зарегистрированы при 928 селениях (в 1912 г. при 888 сел.) из общего числа 8 800 населенных мест в крае, за исключением городов; в том числе промышленные плантации значатся при 613 селениях и хозяйственные при 358 селениях).

Общий сбор табака, с распределением его на высшие сорта (из турецких семян) и низшие (махорка, бакун, мадан), был в пудах [Обзор отраслей промышленности 1914: 167].

Годы	Высших сортов	Низших сортов	Итого
1909	546.054	19.929	565.983
1910	682.766	27.683	710.449
1911	616.544	24.149	640.693
1912	518.163	24.363	542.526
1913	568.809	21.400	590.209

На территории Управления различаются три главных района табаководства: западный, или приморский (Сухумский округ, Батумская область и Кутаисская губерния), центральный (Тифлисская губерния и Закатальский округ) и восточный, или район производства махорки (Елизаветпольская и Бакинская губернии). Вне этих главных районов табаководство существует еще в Эриванской губернии и Карской области, но там оно не имеет промышленного значения.

Западный или приморский район

Благодаря свойствам климата и почвы, западный, или приморский район, является главным табаководным районом края.

В 1913 г. в районе Управления действовало 67 торговых оптовых складов табака:

В Тифлисской губернии: торговых – 4, льготных – 2, запасных – 1; в Бакинской губернии: льготных – 1, запасных – 2; в Елизаветпольской губернии: запасных – 1.

Из всего сбора табака в губернии и из остатков прошлых лет вывезено 214 835 пуд., в том числе 232 пуда за границу, в разные губернии Империи – 178 972 пуд. и в губернии Закавказского края – 17 591 пуд.

Главными пунктами вывоза были: С.-Петербургская губерния, получившая 76 914 п., Таврическая губерния – 42 197 пуд., Донская область – 32 450 пуд., Тифлисская г. – 15 042 пуд., Черноморская г. – 13 808 пуд., Харьковская – 4 365 пуд., Бакинская – 2 549 пуд., Невская – 3 080 пуд., Московская – 1 430 пуд. и разные губернии мелкими париями – всего 4 728 пуд.

Из общей суммы 196 563 пуд. вывезено непосредственно с плантаций 91 775 п., из оптовых складов – 95 058 п., из фабричных кладовых – 770 п. и из свалочных пунктов – 8 960 пуд., в 1899 г. вывезено было из губернии всего 174 024 п., т.е. вывоз 1900 г. возрос на 40 811 п., или на 23 % [Першке 1902: 110].

По вывозу же папирос на фабрики Кутаисской губернии падает 11,4 %, на Тифлисской – 17,9 % и на Бакинской – 70,7 % [Першке 1902: 118].

В начале XX в. во всем Закавказском крае было учтено 17 444 плантаций, общая площадь которых равнялась 10 140 дес., а урожай – 590 909 пуд. Из них промышленных плантаций было 13 461 площадью в 10 114 дес. и урожаем – 588 550 пуд. Что же касается плантаций, имевших хозяйственное значение, т.е. таких, площадь которых не превышала 50 квадратных саженей, то их было более 3 980 и, занимая всего 26,2 дес., они давали урожай 1 658 пудов. О табачных плантациях на срок до 1 февраля 1917 г. даются следующие сведения: число плантаций – 199, земли – 83 дес., саженей – 1 659, высших сортов – 2 761, всего – 2 761 папирос [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1639. Л. 2].

Больше всего выращивали табак в Грузии, в частности, в следующих округах: Сухумский, Артвинский и Батумский; уездах: Озургетский и Зугдидский в Западной Грузии, Сигнахский уезд в Восточной Грузии.

По-прежнему первое место по развитию табаководства занимает Кутаисская по данным 1900 г. площадь промышленных плантаций Кутаисской губернии составила 79 % общей площади промышленных плантаций всего Управления, а сбор табака с промышленных плантаций составил 84 % сбора табака тех же плантаций по всему Управлению.

Вообще в 1900 г. в Кутаисской губернии значительно увеличились и число плантаций того и другого вида, и сбор табака с них, хотя подесятинный сбор с промышленных плантаций понизился до 56, 9 пуд. с десятины, против 53,9 пуд. 1899 г. [Першке 1902: 108].

На втором месте – Нухинский уезд в Азербайджане. Если говорить об Эриванской губернии, то здесь развитие промышленного табаководства не получило развития, они в основном, выращивали табак для собственного потребления.

В 1913 г. общий сбор табака в крае дал 590 209 пуд., более против 1912 г. (542 526 пуд.) на 47 683 пуд., или на 8,77 %. На желтые табак в отчетном году пришлось 568 809 пуд. или 96,05 % общего сбора.

Увеличение урожая падало, главным образом, на промышленный приморский район, по преимуществу на северную и южную части его. Метеорологические условия отчетного года для этих местностей были особенно благоприятны: частые весенние дожди, незначительные колебания температуры в апреле и мае. В меру выпадавшие дожди и в последующие месяцы отразились не только на увеличении сбора табака, но заметно повысили и качество его.

В восточной части приморского района, вследствие летней засухи, урожай табака, при хорошем его качестве, получился меньший. В других табачных районах, при различии климата и в зависимости от атмосферических влияний, а отчасти и от экономических мероприятий (напр., замены в наименее промышленных районах табаководства культурой более ценною, как хлопководство), сбор табака получился довольно пестрый.

По районам этот сбор распределился так: на приморский район падает 507 408 пуд. (в 1912 г. – 463 933 пуд.), или 85,97 % общего сбора, при чем в северной части (Сухумский округ) собрано табака 442 830 пуд., против 1912 г. (408 589 пуд.) более на 34 241 п., или на 8,4 %; в южной (Батумская обл.) – 53 332 п., более 1912 г. (36 893 п.) на 16 439 пуд., или на 44,6 %; в восточной (Кутаисская губерния) получено 11 246 пуд., менее 1912 г. (18 451 п.) на 7 205 пуд., или на 39 %.

На центральный район приходится 62 112 пуд. табака (в 1912 г. – 55 720 пуд.), или 10,52 %; из этого количества в Тифлисской губ. собрано 48 073 п., менее 1912 г. (49 722 п.) на 1 649 п., или на 3,3 %; по Закатальскому округу – 14 039 пуд., против 1912 г. (5 999 пуд.) более на 8 040 п., или на 134 %.

В восточном районе собрано 14 946 пуд. (в 1912 г. – 17 545 пуд.), или 2,53 %; в частности, по Елизаветпольской губернии сбор дал 10 855 п., менее 1912 г.

(15 589 пуд.) на 4 734 п., или на 30,4 %, а по Бакинской губ. получено 4 091 пуд., более 1912 г. (1 956 пуд.) на 2 135 пуд., или на 109,2 %.

Наконец, на Эриванскую губернию и Карскую область, где табаководство совершенно не имеет промышленного характера, приходится 5 742 пуд. (в 1912 г. – 5 328 пуд.), или 0,97 % всего сбора [Першке 1902: 118].

Выводы

В начале XX в. было распределены районы на Южном Кавказе, где в основном выращивали промышленный турецкий табак. На Южном Кавказе, фактически, не только крестьянские хозяйства, но и многие помещики были вовлечены в торговое земледелие. Эти процессы мы наблюдаем на примере развития табаководства. Также, как и другие технические культуры, табаководство сыграло важную роль в развитии торгового земледелия на Южном Кавказе. Это говорит о том, что табаководство было не только важнейшей продукцией в сельском хозяйстве, не только обогащало местное население, но и было важнейшим сырьем для развития одной из отраслей легкой промышленности – табачной промышленности как на Южном Кавказе, так во всей Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Всеподданнейшая записка 1890 – *Всеподданнейшая записка Главногоначальствующего на Кавказе*. 1882-1890 гг. – Тифлис, 1890. – 115 с.

Высочайше утвержденный Устав об акцизе с табаку... 1861 – *Высочайше утвержденный Устав об акцизе с табаку*. Именной указ, данный Сенату 4 Июля 1861 года // Полное Собрание Законов Российской империи. – Т. XXXVI. – № 37196.

Гулишамбаров 1894 – *Гулишамбаров С.* Обзор фабрик и заводов Закавказского края. – Тифлис: тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1894. – 414 с.

Дзюбенко 1888 – *Дзюбенко П.* Табаководство в Кутаисской губернии // Труды Кавказского общества сельского хозяйства. – 1888. – № 7–8.

Обзор отраслей промышленности 1914 – *Обзор отраслей промышленности, служащих предметом косвенного обложения, и положение акцизного дела в Закавказском крае*: Отчет по Закавказ. акциз. упр. за 1913 год. – Тифлис: Электропечатня Тифлисской губернской тюрьмы, 1914. – 293 с.

Обзор Тифлисской губернии 1910 – *Обзор Тифлисской губернии за 1908 г.* Приложения к всеподданнейшему отчету Тифлиского губернатора 1910 год. – Тифлис: тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1889-1915. – 14 с.

Отчет о ходе акцизного дела в Закавказском крае и Закаспийской области 1899 – *Отчет о ходе акцизного дела в Закавказском крае и Закаспийской области за 1899 г.* – СПб., 1900.

Першке 1902 – *Першке Л.Л.* Отчет заведующего акцизными сборами Закавказского края о ходе акцизного дела в 1900 году. Л.Л. Першке / Гл. упр. неоклад. сборов и казен. продажи питей. – СПб.: Тип. СПб. АО Е. Евдокимов, 1902. – 151 с.

Присоединение Азербайджана к России 1955 – *Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики, культуры*. – Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1955. – 294 с.

Умаев 2002 – Умаев А.А. *Процессы капиталистического развития в сельском хозяйстве Азербайджана в конце XIX – начале XX вв.* – Баку: Элм, 2002. – 526 с.

ЦГИАГ. Ф. 12. – Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф. 12. Канцелярия главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе. Оп. 1. Д. 1639.

ЦГИАГ. Ф. 225. – Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф. 225.

ЦГИАГ. Ф. 370. – *Центральный Государственный Исторический Архив Грузии*. Ф. 370. Управление Акцизными сборами Закавказская края и Закаспийской области (1873-1918).

ЦГИАГ. Ф. 371. – *Центральный Государственный Исторический Архив Грузии*. Ф. 371. Управление 1-6 округов Акцизными сборами Кавказского края и Закаспийской области (1873-1918).

ЦГИАГ. Ф. 4. – *Центральный Государственный Исторический Архив Грузии*. Ф. 4.

Щербачев 1889 – *Щербачев В.С.* Обзор табаководства в России / В.С. Щербачев. Вып. 1-3. – Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1889-1894. 2 т.; 23. Бессарабия, Кубанская область, Закавказье, 1889. – 127 с.

REFERENCES

Vsepoddannejshaja zapiska Glavnonachal'stvujuwego na Kavkaze [The most comprehensive note of the Commander-in-Chief in the Caucasus. 1882-1890.]. 1882-1890 gg. Tiflis, 1890 – 115 p. (In Russ.).

Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ob akcize s tabaku. Imennoj ukaz, dannyj Senatu 4 Ijulya 1861 goda [The most highly approved Statute on tobacco excise duty. A nominal decree given to the Senate on July 4, 1861]. In: *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj imperii*. T. XXXVI. № 37196. (In Russ.).

GULISHAMBAROV S. *Obzor fabrik i zavodov Zakavkazskogo kraja* [Overview of factories and plants in the Transcaucasian region]. Tiflis: tip. Kanceljarii Glavnonachal'stvujuwego grazhd. chast'ju na Kavkaze, 1894. – 414 p. (In Russ.).

DZJUBENKO P. *Tabakovodstvo v Kuttaiskoj gubernii* [Tobacco farming in the Kutaisi province]. In: *Trudy Kavkazskogo obvestva sel'skogo hozjajstva*, 1888, № 7–8. (In Russ.).

Obzor otraslej promyshlennosti, sluzhawih predmetom kosvennogo oblozhenija, i polozhenie akciznogo dela v Zakavkazskom krae: Otchet po Zakavk. akciz. upr. za 1913 god [An overview of the industries that are the subject of indirect taxation, and the situation of excise business in the Transcaucasian Region: The Quark report. excise tax. upr. for 1913] – Tiflis: [b.i.], 1916 (Jel-ektropechatnja Tiflisskoj gubernskoj tjur'my)1914. – 293 p. (In Russ.).

Obzor Tiflisskoj gubernii za 1908g [Overview of the Tiflis province in 1908.]. *Prilozhenija k vsepoddannejšemu otchetu Tiflisskogo gubernatora 1910 god*. Tiflis: tip. Kanceljarii namestnika e. i. v. na Kavkaze, 1889-1915–14 p. (In Russ.).

Otchet o hode akciznogo dela v Zakavkazskom krae i Zakaspijskoj oblasti za 1899 g [Report on the progress of the excise business in the Transcaucasian territory and the Transcaspiian region for 1899]. SPb., 1900. (In Russ.).

PERSHKE, L.L. *Otchet zavedujuwego akciznymi sborami Zakavkazskogo kraja o hode akciznogo dela v 1900 godu*. L.L. Pershke [Report of the head of excise duties of the Transcaucasian territory on the progress of the excise business in 1900] / Gl. upr. neoklad. sborov i kazen. prodazhi pitej. – Spb.: Tip. Spb. AO E. Evdokimov, 1902. – 151 p. (In Russ.).

Prisoedinenie Azerbajdzhana k Rossii i ego progressivnye posledstvija v oblasti jekonomiki, kul'tury [Azerbaijan's accession to Russia and its progressive consequences in the field of economy and culture]. – Baku, 1955. – 294 p. (In Russ.).

UMAЕV A.A. *Processy kapitalisticheskogo razvitija v sel'skom hozjajstve Azerbajdzhana v konce XIX – nachale XX vv* [The processes of capitalist development in agriculture in Azerbaijan in the late XIX – early XX centuries]. – Baku: Jelm, 2002. – 526 p. (In Russ.).

Tsentrал'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Gruzii. F. 12. Kantselyariya glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze [Office of the chief civil unit in the Caucasus]. (In Russ.).

Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arkhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia. F. 225.]. F. 225. (In Russ.).

Tsentrал'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Gruzii. F.370. *Upravlenie Aktsiznymi sborami Zakavkazskaya kraja i Zakaspiiskoi oblasti (1873-1918)* [Excise tax management of Transcaucasian Territory and Trans-Caspian Region (1873-1918)]. (In Russ.).

Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Gruzii. F.371. Upravlenie 1-6 okrugov Akciznymi sborami Kavkazskogo kraja i Zakaspijskoj oblasti (1873-1918) [Central State Historical Archive of Georgia. F.371. Administration of Excise duties of the Caucasus Territory and Trans-caspian region 1-6 districts (1873-1918)]. (In Russ.).

Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Gruzii. F. 4. (In Russ.).

WERBACHEV V.S. *Obzor tabakovodstva v Rossii [Overview of tobacco farming in Russia]* / V.S. Werbachhev. Vyp. 1-3. – Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1889-1894. 2 t.; 23. Bessarabija, Kubanskaja oblast', Zakavkaz'e. – 1889. – 127 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

А.М. Исмаилова – кандидат исторических наук.

Information about the author:

A.M. Ismailova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 10.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 10.08.2024 approved after reviewing 10.09.2024 accepted for publication 25.09.2024

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-114-132
EDN: EGCHOR

ПОЛЬСКИЙ ДВОРЯНИН АРМЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ БЕССАРАБИИ ВО ГЛАВЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

**Виктор Завенович Акопян¹, Завен Викторович Акопян²,
Виктор Павлович Ермаков³**

^{1,2,3}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,

¹ zaven2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>

² zvakopyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>

³ ermakov@pgu.ru

Аннотация. Статья посвящена общественно-политической деятельности польского дворянина армянского происхождения из Бессарабии – действительного тайного советника Бронислава Мечиславовича Янушевича. Авторы статьи анализируют его деятельность в трех губерниях Российской империи: Бессарабской, Тамбовской и Ставропольской. Основное внимание обращается на деятельность Б.М. Янушевича на посту губернатора Ставропольской губернии. Авторы утверждают, что кадровая политика царского правительства учитывала не только сословную, конфессиональную, но и этническую принадлежность претендентов на руководящую должность в регионах. При этом от руководителя требовались такие качества, как компетентность и лояльность. При назначении губернаторов и начальников областей власти стремились не допустить родство руководителя с местным населением, что позволяло им проводить независимую политику на управляемой территории. В связи с этим на Кавказе значительное число руководителей территориями имели инонациональное (немецкое, польское и т.д.) происхождение. Во главе Ставропольской губернии Б.М. Янушевич показал себя «корректным администратором». За десятилетний период его губернаторства (1906–1915) центральная территория Северного Кавказа стала процветающей в экономическом отношении и политически стабильной губернией на Юге России.

Ключевые слова: Российская империя, Бессарабская губерния, Тамбовская губерния, Ставропольская губерния, Северный Кавказ, земское самоуправление

Для цитирования: Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П. Польский дворянин армянского происхождения из Бессарабии во главе Ставропольской губернии // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 114-132. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-114-132. EDN: EGCHOR.

© Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П., 2024

Original article

**POLISH NOBLEMAN OF ARMENIAN ORIGIN FROM BESSARABIA
AT THE HEAD OF THE STAVROPOL PROVINCE**

Victor Z. Akopyan¹, Zaven V. Akopyan², Victor P. Ermakov³^{1,2,3} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.¹ zaven2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>² zvakopyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>³ ermakov@pgu.ru

Abstract. The article is dedicated to the social and political activities of a Polish nobleman of Armenian descent from Bessarabia, namely the actual privy counselor Bronislav Mechislavovich Yanushkevich. The authors of the article examine his work in three provinces of the Russian Empire: Bessarabia, Tambov, and Stavropol. The primary focus is placed on his role as the governor of the Stavropol province. The authors contend that the personnel policy of the Tsarist government took into consideration not only the class, confessional, but also the ethnic background of applicants for leadership positions within the regions. At the same time, the leader needed to be competent and loyal. When choosing governors and heads of regions, the authorities aimed to avoid the head's kinship with the local populace, allowing them to follow their own policies in the governed territory. In this regard, in the Caucasus, a significant number of territorial leaders had non-national (German, Polish, etc.) origin. At the head of the Stavropol province, B.M. Yanushevich proved himself to be a «correct administrator». During the ten-year period of his governorship (1906-1915), the central territory of the North Caucasus became an economically prosperous and politically stable province in Southern Russia.

Key words: the Russian Empire, the Bessarabia province, the Tambov province, the Stavropol Province, the North Caucasus, zemstvo

For citation: Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P. Polish nobleman of Armenian origin from Bessarabia at the head of the Stavropol province. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 114-132. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-114-132. EDN: EGCHOR.

© Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P., 2024

*«В лице Б. М. [Бронислава Мечиславовича], послала вам судьба
губернатора – не сухого педанта – чиновника, буквоеда,
а общественного деятеля в самом чистом,
неприкрашенном смысле этого понятия».*

Тамбовские губернские ведомости. № 14. 1906. 18 янв.

Введение

Ставропольская губерния (область) с самого своего возникновения являлась и в статусе края в настоящее время является ключевым регионом на Юге России, усиливая в соседних территориях центростремительные тенденции. Находясь в окружении территорий, населенных горскими и степными (до середины XIX в. – кочевыми) народами, терскими, кубанскими и донскими казаками, этот русско-крестьянский регион объективно объединял разнородные в этноконфессиональном отношении регионы Северного Кавказа.

За двухвековой период существования губернии ею управляли генерал-губернаторы, военные губернаторы, начальники и, наконец, с 1847 г. – гражданские губернаторы. Ими были: А.А. Волоцкой, П.А. Брянчанинов, К.Л. Пашенко, Г.К. Властов, М.А. Остен-Сакен, В.А. Ден, К.Л. Зиссерман, Н.Е. Никифораки. В начале XX в. за неполные три года сменилось несколько губернаторов.

Янушевич Бронислав Мечиславович

Губернию возглавляли военные и политические деятели, одни из которых являлись сильными администраторами, способствовавшими социально-экономическому развитию Ставрополя, укреплявшими общественно-политическую стабильность во вверенной им территории, а также «временщики», не оставившие заметного следа в развитии региона.

К числу первых, несомненно, принадлежит предпоследний ставропольский губернатор Бронислав Адольф Мечиславович Янушевич (1861–1917), в десятилетний период правления которого (1906–1915) Ставропольская губерния стала самым стабильным регионом в Кавказском крае. Ему и посвящена данная статья.

Деятельности Бронислава Мечиславовича Янушевича на посту губернатора крупного южнороссийского региона в российской и ставропольской истории посвящено немало публикаций, в том числе: очерк краеведа Г.А. Беликова [Беликов 2017] и более обстоятельная статья Н.Д. Судавцова [Судавцов 2022], но, ни в одной из них не сообщается его этническое происхождение. Однако в документе Национального архива Республики Молдавии (НАРМ) и в исторической литературе указывается на его армянское происхождение. В капитальном исследовании молдавского историка В.В. Морозана «Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в.» [Морозан 2018] на основе архивных данных приводится родословная Янушевичей. Информация об армянских корнях Мечислава Яновича Янушевича – отца Б.М. Янушевича содержится в исследованиях кишиневского историка Эдуарда Михайловича Алхазова [Алхазов 2023: 117].

В труде В.В. Морозана об отце Бронислава Янушевича сообщается следующее: «Мечислав Янович Янушевич (ум. 1884) – подполковник, армянского происхождения, католического вероисповедания, из обер-офицерских детей. Поступил на службу в 1839 г. рядовым. В 1844 г. был произведен в прапорщики, а в 1855 г. – в майоры. Вышел в отставку в 1857 г. в чине подполковника. В браке был дважды: в первый раз с Анной Марковной, во второй раз с Филиппиной Людвиговной (урожденной Бродецкой). У Мечислава Яновича было четверо детей: мальчики – Бронислав Адольф и Мечислав и девочки – Аделия и Дионисия» [Морозан 2018: 467].

Старший сын Бронислав родился 5 сентября 1861 г. и был крещен по католическому обряду. В 1885 г. он окончил юридический факультет Киевского университета и в этом же году обратился к дворянскому собранию Бессарабской губернии с прошением о причислении Янушевичей к дворянству. В 1886 г., то есть через год после окончания им университета, Бессарабское дворянское депутатское собрание приняло такое решение, и в следующем году Департамент герольдии утвердил это решение с внесением Янушевичей во 2-ю часть родословной книги [Морозан 2018: 467].

В армянском происхождении Янушевичей ничего необычного не было. Десятки тысяч армян – адептов католической церкви, проживавших в средние века в Речи Посполитой (особенно в Подолии) и Бессарабии, – выходцы из разных областей исторической Армении и Крыма. Со временем они теряли свою национальную идентичность и ассимилировались с римско-католическим населением. Этому способствовала и конфессиональная политика польского правительства, ужесточившаяся в XVII в. Впрочем, и к началу XIX в. все еще оставались сотни семей, сохранявших армянское или двойственное самосознание. Известный историк XIX в. А.Ю. Ролле отмечает, что «в окрестностях Каменца не было такой дворянской семьи, в жилах которой не текла бы кровь армянина» [Григорян 1980: 97–98].

В настоящей статье, кроме выявления этнических корней Б.М. Янушевича, авторы поставили перед собой цель представить обобщающую биографию регионального руководителя на всех этапах его политической деятельности, причем, обратив особое внимание на ставропольский период.

Бессарабский период в деятельности Б.М. Янушевича

Польская фамилия чиновника армянского происхождения не только не препятствовала административной карьере, но даже в определенной степени благоприятствовала ей на окраинных территориях империи, например в Кавказском крае, куда входила Ставропольская губерния. Царское правительство в своей административной политике при назначении на руководящие должности в те или иные регионы учитывало национально-конфессиональное происхождение назначенца. Оно стремилось в национальных областях назначать администраторов некоренной национальности. Не составляли исключение казачьи и русские области и губернии [Волков 2016]. Не менее этнически разнообразным был состав руководителей уездов, округов, городов и других административных единиц.

Польско-армянское происхождение и конфессиональная принадлежность Бронислава Янушевича за пределами губерний Царства Польского и Бессарабии не могли препятствовать административной карьере, хотя и на родине дворянин, имевший юридическое образование, имел все шансы добиться успехов по специальности или в органах местного самоуправления.

В начале мая 1886 г. 24-летний Б.М. Янушевич избирается мировым судьей 6-го участка Оргеевского уезда¹. В 1892 г. он получает звание почетного мирового судьи Кишиневского и Бендерского округов Бессарабской губернии. В том же году Оргеевское уездное дворянство избирает его своим предводителем. В этом статусе он находился до своего отъезда из губернии в 1905 г. [Морозан 2018: 467]. Заведовавший сословными делами уездного дворянства и занимавший руководящие места в органах самоуправления, он пользовался уважением

¹ До 1828 г. Бессарабская область состояла из молдавских территориальных единиц – цинутов (с 1828 г. – уезды), разделенных на округа. Оргеевский цинут с центром в г. Кишиневе состоял из 13 округов. В 1836 г. из состава Оргеевского уезда выделился Кишиневский уезд. Центр оставшейся части уезда переносится в город Оргеев (Орхей). В 1873 г. Бессарабская область получила статус губернии. Оргеевский уезд располагался в средней части Бессарабской губернии на правом берегу Днестра. По переписи 1897 года в уезде проживало 213 тыс. человек [Халиппа 1907: 173].

как в местном обществе, так и у руководства губернии во главе с князем Сергеем Дмитриевичем Урусовым (1862–1937).

Деятельность Б.М. Янушевича в бессарабский период была высоко оценена, что нашло отражение в наградах: орденах Св. Станислава 2-й степени (1897), Св. Анны 2-й ст. (1901) и Св. Владимира 4-й ст. (1902) и в восхождении по Табели о рангах – он становится действительным тайным советником (что соответствовало военному званию генерал-майора) [Янушевич 1909].

Тамбовский период в деятельности Б.М. Янушевича

Между Б.М. Янушевичем и князем С.Д. Урусовым, почти ровесниками, несмотря на разницу в социальном статусе (последний принадлежал к великорусской аристократии православного исповедания), обнаружились общие взгляды на общественную систему России и ее будущее. Двум государственным деятелям, по меньшей мере, был присущ умеренный либерализм.

Это обстоятельство не могло не повлиять на дальнейшую судьбу Бронислава Янушевича. По предложению Урусова, в тот момент являвшегося заместителем министра внутренних дел в правительстве, сформированном премьер-министром С.Ю. Витте, император подписал указ о назначении действительного тайного советника Б.М. Янушевича на должность Тамбовского губернатора. В Тамбовской губернии (66,5 тыс. км²) проживало, около 3 млн. человек.

В период Первой русской революции губерния являлась одним из эпицентров крестьянских волнений и революционных выступлений, организованных левыми партиями, в первую очередь, боевой организацией эсеров. Террористические акции последних стали реакцией на политику тамбовского губернатора генерал-майора Владимира Федоровича фон дер Лауница – остзейского немца православного исповедания. Лауниц, руководивший Тамбовской губернией с 1902 по 1905 г., открыто поддерживал боевые отряды монархических организаций, действия которых способствовали еще большей активности антиправительственных сил. После назначения Лауница градоначальником столицы он продолжал действовать в привычном для него стиле, открыто поддерживая и финансируя боевиков «Союза русского народа» [Жертвы политического террора 2012: 205].

В разных слоях тамбовского общества царило неведение о том, что собой представляет новый губернатор, и какой политический курс он собирается осуществлять в губернии.

Только 18 января 1906 г. в «Тамбовских губернских ведомостях» появилась статья за подписью редактора С. Кишкина. В корреспонденции сообщалось: «До Тамбова уже, вероятно, дошло известие о том, что губернатором в Тамбовскую губернию назначен ореевский (Бессарабской губернии) уездный предводитель дворянства д.т.с. г. Бронислав Мечиславович Янушевич, и тамбовцам, конечно, любопытно узнать подробности о нем – кто и что он, какова его прошлая деятельность и каков он, как человек в частной жизни». И далее: «В лице Б. М. [Бронислава Мечиславовича], послала вам судьба губернатора – не сухого педанта – чиновника, буквоеда, а общественного деятеля в самом чистом, неприкрашенном смысле этого понятия. Б. М. с первых же шагов его дея-

тельности все время служил по выборам и только теперь принял должность по назначению» [Из Кишинева 1906: 4].

Автор подробно сообщает о деятельности Б.М. Янушевича в бессарабский период. Новоназначенный губернатор, отмечается в корреспонденции, «состоит почти двадцать лет деятельным гласным уездного и губернаторского земских собраний, в течение нескольких лет гласным кишиневской городской думы. Несколько раз настойчиво выдвигалась... его кандидатура в председатели губернской управы, но он уклонялся от платных должностей по земству» [Из Кишинева 1906: 4]. Данная информация была позитивно воспринята либеральной частью общества.

Аристократической части губернии должна была импонировать информация о том, что новый губернатор – «один из крупнейших землевладельцев в Бессарабии» [Из Кишинева 1906: 4]. Действительно у Янушевича был каменный дом в Кишиневе, расположенный по адресу: ул. Немецкая, 953 (впоследствии ул. С. Лазо). Земельные владения его включали вотчины Бургеля-Сочи и Редю-Маре в Бельцком уезде – 2212 десятин и вотчину Гетлова в Оргеевском уезде – 1108 десятин. Кроме того, приобретены были вотчины Тершицей и Печешты в Оргеевском уезде, а жена Бронислава Янушевича, Мария, в вотчине Тершицей приобрела еще 466 десятин земли [Алхазов 2023: 110].

Женская половина губернии не могла проигнорировать следующую его характеристику: «Б. М. еще сравнительно молодой человек – лет около 45, высокий, красивый мужчина, джентльмен и, в полном смысле слова, в высшей степени доступный и обходительный..., женат, имеет троих детей» [Из Кишинева 1906: 4].

Газетный материал завершается словами: «По человеколюбию, искренно поздравляем тамбовцев с таким губернатором. Бессарабцы вам завидуют» [Из Кишинева 1906: 4].

Б.М. Янушевич возглавлял Тамбовскую губернию с 1 января по 2 сентября 1906 г. За это время в крае утвердился правопорядок, достигнутый не только чрезвычайными мерами, но и с помощью конструктивного диалога властей с обществом.

Одна из главных задач, которая была поставлена перед новым тамбовским губернатором, – обеспечить проведение выборов в Госдуму первого созыва. Благодаря принятым мерам выборы прошли организованно и без серьезных конфликтов. В феврале – марте 1906 г. жители губернии, имевшие право голоса, в своих куриях (землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая) голосовали за своих представителей – выборщиков. 26 марта проведено губернское избирательное собрание, в котором участвовало 166 выборщиков из 186 (в т.ч. 92 от крестьянской курии). От Тамбовской губернии было избрано 10 крестьян, 1 рабочий и 1 священнослужитель [Козельцева].

В целом за короткое время губернаторства Б.М. Янушевича были созданы благоприятные условия для социально-экономического развития региона.

О хозяйственном положении в Тамбовской губернии за 1906 г. свидетельствуют данные содержащиеся в Приложении к Всеподданнейшему отчету о со-

стоянии губернии, ежегодно представляемому всеми губернаторами непосредственно на Высочайшее воззрение [Обзор Тамбовской губернии 1908].

Во главе Ставропольской губернии

Деятельность губернатора в Тамбове не могла не обратить на себя внимание со стороны Николая II и министерства внутренних дел.

Таковыми же методами, какими действовал Б.М. Янушевич в Тамбове, правительство было заинтересовано утвердить порядок и в Ставропольской губернии, которую летом 1906 г. охватили крупные крестьянские волнения, а в губернском центре – митинги, грабежи, столкновения с полицией.

Что представляла собой Ставропольская губерния, куда получил назначение Бронислав Мечиславович? До выделения из Кубанской области Черноморской губернии в 1896 г. она была единственной на Северном Кавказе губернией, разделенной на уезды и волости. На западе она граничила с Кубанской областью, на севере – с Землей Войска Донского и Астраханской губернией, на юге и востоке – с Терской областью.

К началу XX в. Ставропольская губерния (60,6 тыс. км²) включала Александровский, Благодарненский, Медвеженский, Святокрестовский, Ставропольский уезды и Туркменское приставство. Население губернии составляло около 1 млн. человек. В подавляющем большинстве это русские и украинцы (вместе около 90 %). Из других этнических групп здесь проживали армяне, греки, немцы, калмыки, ногайцы и тухмены (туркмены). В 1874 г. Пятигорский уезд, включавший курортные города, был отнесен к Терской области. В губернии было всего два города: Ставрополь – административный центр и город Святой Крест – нынешний Буденновск [Акопян 2009].

До назначения в губернию Бронислава Мечиславовича губернией управляли временщики. За два года сменилось несколько губернаторов: А.Н. Вельяминов, И.Н. Свечин, Е.Ф. Эльснер. И только с назначением в январе 1906 г. губернатором Б.М. Янушевича Ставропольская губерния обрела на долгое время постоянного руководителя.

Период правления Б.М. Янушевича является одним из самых успешных в истории Ставрополя. Десятилетнее губернаторство насыщено таким множеством событий и достижений, что они заслуживают отдельного исследования. Ограниченный объем данной статьи позволяет лишь обозначить основные вехи в управлении губернии накануне и в начальный период Первой мировой войны.

Перед губернатором стояли первоочередные задачи: во-первых, утвердить порядок и успокоение в регионе после русской революции 1905 года, во-вторых, обеспечить условия для проведения очередных выборов в законодательный орган, естественно, способствуя избранию делегатов от «конструктивных» сил общества.

Первая задача в русско-крестьянском регионе решалась с применением административных мер (8 августа 1906 г. губерния была объявлена на «положении чрезвычайной и усиленной охраны» с широкими полномочиями губернатора), но не в меньшей степени методами «корректной администрации» [Новое русское слово].

Что касается выборов в Госдуму, то Ставропольская губерния была изъята из управления Кавказского края и составила отдельный округ. Из-за низкого числа рабочих для избрания выборщиков проводилось три (а не четыре) съезда, т.к. рабочей курии не было. В съезде землевладельцев участвовали полноцензовые владельцы, управляющие и арендаторы, уполномоченные от мелких собственников, духовенства, владеющего церковной землей. Для Ставропольской губернии земельный ценз был установлен от 350 до 650 десятин в зависимости от уезда. В городском съезде участвовали служащие городских учреждений и железных дорог, владельцы недвижимости (не менее 1500 руб.), владельцы промышленных и торговых предприятий. Проходил также съезд уполномоченных от крестьян и от рабочих. Из 47 выборщиков в Ставропольской губернии 34 были крестьяне [Очерки истории 2014: 42–45].

Выборы в I Госдуму в губернии проходили в январе – марте 1906 г. Избранные ставропольские депутаты Я.В. Борисов и Ф.М. Оникко вошли в «трудовую группу», а волостной старшина З.С. Мишин числился как беспартийный. Ставропольские депутаты после роспуска I Госдумы приняли участие в знаменитом выборгском собрании.

Осенью 1906 г. началась избирательная кампания по выборам во II Госдуму. В Ставропольской губернии в результате выборов от 6 февраля 1907 г. в нее прошли трудовики И.А. Ефремов (крестьянин), С.И. Корелин (крестьянин) и эсер В.В. Небовидов (ветеринарный врач), который во время работы Госдумы выступил против введения столыпинского аграрного закона, считая разрушение крестьянской общины негативным фактом.

В III Госдуму депутатами были избраны ставропольский городской голова кадет Н.Т. Иванов, трудовики крестьянин Г.Е. Рожков и присяжный поверенный Н.Я. Ляхницкий. Последний некоторое время являлся руководителем, а затем заместителем руководителя фракции трудовиков.

На выборах в IV Госдуму, проходивших осенью 1912 г. от губернии были избраны учитель и журналист Д.Д. Старлычанов, землевладелец Т.Н. Ярыгин и трудовик Г.Д. Мирошниченко [Выборы на Ставрополье 2015: 54–57].

В целом, итоги выборов по Ставропольской губернии вполне удовлетворяли как класс собственников губернии, так и правительство.

Решение названных задач являлось условием для реализации в крестьянской губернии столыпинской реформы.

Губернатор лично возглавил губернскую землеустроительную комиссию, открытую в мае 1907 г. в Ставрополе. В 1910 г. были образованы уездные комиссии во всех пяти уездах губернии, а прежняя комиссия в Ставрополе была преобразована в губернскую. На 1 января 1915 г. в губернии были проведены землеустроительные работы для 43581 крестьянского двора на площади свыше 807 тысяч десятин, при этом было образовано 30,5 тысячи единоличных хозяйств. К 1 января 1916 г. на Ставрополье вышли из общин 43,5 тыс. домохозяев (34 %), укрепив за собой 19,1 % бывших общинных земель [Выборы на Ставрополье 2015: 54–57].

Развитию крестьянских хозяйств способствовали открытые в губернии отделения Крестьянского поземельного банка, выдававшие льготные кредиты и получившие право продажи удельных земель, находящихся в губернии.

Осуществление аграрной реформы создало благоприятные условия для динамичного развития рыночных отношений на селе. Ставропольские крестьяне становились классом, заинтересованным в стабильном развитии региона и страны. Столь же успешно завершался переход к оседлости кочевых туркмен и ногайцев, которыми руководили подотчетные губернатору приставы.

Власти поощряли новые методы хозяйствования, использование сельскохозяйственных орудий и машин, проводили сельскохозяйственные выставки. Так, например, в 1911 г. Б.М. Янушевич поддержал инициативу ставропольского сельскохозяйственного общества провести первую губернскую выставку животноводства, которая с успехом прошла 26 сентября. На выставке также работали сельскохозяйственный и промышленный отделы. Сам губернатор был избран почетным председателем выставки [Судавцов 2022: 373]. Накануне ее открытия в губернии была введена агрономическая служба.

Губернатор проводил активную политику «регионального протекционизма», оказывая содействие землевладельцам и торговцам в реализации сельхозпродукции в другие регионы империи. Однако главная статья русского экспорта – зерновые могла составить успешную конкуренцию при условии минимальных транспортных расходов. А это уже зависело от состояния железнодорожной сети в регионе.

После введения в эксплуатацию магистрали Ростов-на-Дону – Владикавказ в 1875 г., построенной акционерным обществом Владикавказская железная дорога (АО ВЖД), предстояло построить сотни и тысячи верст новых путей – ответвлений от центральной магистрали, в том числе в районах степного Предкавказья, где производилось первоклассное зерно, пользовавшееся большим спросом на мировых рынках. Построенная в 1897 г. линия Ставрополь – Кавказская по разным причинам не могла быть основой для дальнейшего развития транспортной сети в губернии.

Вполне закономерным стало появление в 1907 г. энергичного конкурента в лице общества Армавир-Туапсинской железной дороги (АО АТЖД). Новое общество, опираясь на поддержку ставропольского губернатора, предложило правительству построить дорогу Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное с продолжением ее в дальнейшем до Прикумья [Акопян 2009].

Окончательное решение начать строительство линии Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное (267 верст) было принято только в декабре 1911 г. на собрании акционеров общества АТЖД. На сооружение этой дороги, без расходов на предварительные изыскания, выделялось более 1,4 млн. руб. [Северокавказский край. 1911. 15 дек.; Забелин 2015: 64–66]. Однако в ходе обсуждения проекта выяснилось, что прокладку дороги до Прасковей и Святого Креста общество АТЖД откладывало на неопределенное будущее. В этой связи более опытное общество ВЖД предложило провести линию от Георгиевска до Святого Креста. Предварительно получив поддержку от губернатора и горожан Святого Креста, АО ВЖД в 1911 г. добилось от правительства одобрение свое-

го проекта. Железнодорожная линия Георгиевск – Святой Крест была сдана в эксплуатацию к началу Первой мировой войны. Через станцию Святого Креста из региона Прикумья на фронт отправлялись тысячи мобилизованных военно-служащих и необходимые для армии грузы.

Губернатор и его правление ориентировали развитие сельского хозяйства не только на вывоз произведенной продукции, но и на ее переработку внутри Ставропольской губернии. Для тяжелой промышленности не было подходящих условий, например наличия соответствующей сырьевой базы, поэтому упор делался на поощрение развития сельскохозяйственных предприятий, которые занимаются переработкой продуктов растениеводства и животноводства, а также созданию предприятий по изготовлению орудий труда и сельхозмашин. Так, к 1914 г. в губернии насчитывалось более 2,6 тыс. предприятий по выделке кож, переработке зерна, производству колбас и консервов, изготовлению сельхозорудий и механизмов [Беликов 2017: 314].

В 1912 г. Николай II подписал закон, принятый Госдумой, о распространении земских учреждений на Ставропольскую губернию. Опытный земский работник Б.М. Янушевич был полон надежд на развертывание земских учреждений, как важнейшее условие для участия общества в развитии своего региона. При активном содействии губернатора уже в следующем году развертывается деятельность земств в сфере здравоохранения, образования, культуры, агрономической службы, строительства дорог и мостов и др. По мнению Г.А. Беликова, с введением земства оно взяло на себя часть функций губернского правления, в том числе сбор различных платежей и выполнение повинностей, заботу о народном образовании, здравоохранении, содержании дорог, почтовых станций и т.д. [Беликов 2017: 314]. В ходе внедрения земского самоуправления приходилось преодолевать инерцию населения, особенно в уездах, где немало крестьян проявляло равнодушие к ним [Судаев 2022].

Губернатор создавал благоприятные условия для активизации земств. Уже в 1914 г. земством на Ставрополье было открыто около ста начальных школ, в два с половиной раза увеличилось число коек в больницах, вдвое возросло количество врачей, устраивались новые шоссе и дороги, строились мосты.

В условиях начавшейся в июле 1914 г. Первой мировой войны земства в Ставропольской губернии продемонстрировали способность взять на себя значительную роль по оказанию помощи раненым воинам, семьям мобилизованных, вести борьбу с ростом цен, спекуляцией, устанавливать предельные цены на товары первой необходимости, которые утверждались Б.М. Янушевичем [Выборы на Ставрополье 2015: 63–68].

Трудно перечислить достижения в сфере здравоохранения, образования и культуры как в губернском центре, так и в уездах, и в приставствах. В 1912 г. по инициативе Янушевича в Ставрополе был открыт учительский институт, а в 1914 г. – фельдшерско-акушерская школа. В Ставрополе благодаря губернатору было построено новое здание театра «Пассаж». Появляются и первые кинематографы. Предприниматель Б.Д. Бедросов в 1911 г. открыл первый на Северном Кавказе стационарный кинематограф «Биоскоп» (ныне к/т «Октябрь»). Губернская газета сообщала: «Сенсационная новость! Открыт жемчужный экран теат-

ра “Биоскоп”. Волшебно-чарующее зрелище! Спешите посмотреть...» [Беликов 2009: 39]. В том же году Бедросов на арендованной земле в районе Ярмарочной площади устроил аэродром, откуда впервые в губернии в воздух поднялся аэроплан [Беликов 2009: 39].

В 1906 г. в губернском центре приступили к изданию «Сборника сведений о Северном Кавказе», в котором публиковались научные труды, материалы губернского статистического комитета (всего 12 томов). В 1913 г. в Ставрополе открылась городская больница. В 1909 г. семья предпринимателя Арутюна Попова пожертвовала 100 тыс. руб. серебром на устройство соматической больницы (ныне филиал краевой клинической больницы № 1 по ул. Лермонтова, 208). При больнице находился первый в губернии родильный дом и 2-годичная фельдшерская школа [Судацков 2022: 376; Ованесов 2005: 36].

При Янушевиче на глазах изменялся облик губернской столицы. Она благоустраивалась, улучшалось ее санитарное состояние как в центре, так и на окраинах. Губернатор лично поощрял строительство частных и общественных зданий по проектам известных архитекторов. Росла численность и населения губернии и ее административного центра. За год до назначения Янушевича губернатором в Ставрополе проживало 49,1 тыс. жителей, а в 1916 г. – уже 65 тыс. [Статистический ежегодник 1912; План электрификации 1955]. За счет естественного прироста и переселения из русских и малороссийских губерний значительно выросло население губернии. По данным Всероссийской переписи 1897 г., Ставропольская губерния относилась к слабозаселенным губерниям Европейской России. В ней проживало около 873 тыс. жителей [Первая Всеобщая перепись 1897]. На 1 января 1914 г. численность населения составила уже более 1,3 млн. человек [Рашин 1956: 74].

Следует отметить, что социально-культурное и экономическое развитие губернии не затормозила даже начавшаяся Первая мировая война.

Особая роль в культурной жизни Ставрополя принадлежала «первой леди» – супруге губернатора Марии Ильиничне, в браке с которой у Бронислава Мечиславовича были дети: Николай, Елена (1888–1941) и Евгения (1888/1890–1941), родившиеся в Кишиневе [Морозан 2018: 467]. М.И. Янушевич активно занималась общественной деятельностью и возглавляла целый ряд благотворительных организаций и попечительских советов. В их числе попечительский совет Ставропольской женской гимназии Св. Александры.

Об общественно-политической позиции губернатора говорит особое почтение к памяти великого реформатора – Царя-Освободителя. В 1911 г., к 50-летию отмены крепостного права в России, на свои средства он купил в Москве бронзовый бюст императора Александра II и передал его в дар городу. Памятник был установлен 6 декабря против дома губернатора на городском бульваре. После установления советской власти бюст Александра II был сброшен с пьедестала, а впоследствии отправлен на переплавку. На сохранившемся пьедестале «побывали» Свердлов (до 1937 г.), Сталин, а ныне по соседству – бюсты Маркса и Ленина [Беликов 2009: 84–86].

Проявляя непримиримое отношение к сторонникам вооруженной борьбы против правительства, Янушевич достаточно лояльно относился к конструк-

тивной оппозиции, в том числе к печатной периодике разной политической направленности, включая социалистическую и либеральную. В губернии с абсолютным преобладанием крестьянского населения только с 1905 по 1907 г. издавалось 38 газет и 3 журнала [Малявина 2008].

Не имевший «русской крови» и будучи по вероисповеданию католиком, Б.М. Янушевич всячески способствовал укреплению православия в губернии. Архиепископ Кавказский и Ставропольский Агафадор (Преображенский) высоко оценивал роль губернатора в отношении РПЦ в губернии. В адресе, преподнесенном губернатору от его имени, говорилось: «С первых дней своей службы в Ставрополе и до настоящего времени Вы с неизменной благожелательностью, исключительным вниманием и предупредительностью всегда относились ко всякого рода нуждам православной церкви и духовенства в губернии. Дейтельно сочувствуя построению церквей в приходах губернии, Ваше превосходительство почти всегда лично присутствовали на праздниках освящения храмов, подчеркивая этим высокое положение православия в крае» [Северокавказский край. 1915. 7 окт.].

Следует отметить, что губернаторство Б.М. Янушевича совпало с пребыванием на посту Наместника Кавказа графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (26 февраля 1905 – 23 августа 1915 г.). Оба администратора являлись единомышленниками, и можно предположить, что упоминавшаяся выше рекомендация Урусова не могла не учитывать мнение наместника, сменившего ненавистного для всего края князя Г.С. Голицына. «Князь Голицын, – отмечал С.Ю. Витте, – стал ненавистен Кавказу потому, что... был первый, пожелавший русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насилем и полицейскими приемами, причиняя России...гораздо более вреда и бедствий, нежели пользы» [Витте 1991: 32]. «Наоборот, – продолжал Витте, – Воронцов-Дашков, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом. Граф Воронцов-Дашков... понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров и начальников этих солдат были туземцы...» [Витте 1991: 33].

В ставропольский период заслуги Б.М. Янушевича были отмечены российскими орденами Св. Владимира 3-й ст. (1908), Св. Станислава 1-й ст. (1911), Св. Анны 1-й ст. (1914), греческим орденом Спасителя 4-й ст. (1906) и Высочайшей благодарностью (1914) [Янушевич 1909: 646].

Последний период жизни и деятельности Бронислава Мечиславовича

Последний период деятельности Янушевича на посту губернатора пришелся на начальный период Первой мировой войны. В качестве главнокомандующего он в своем воззвании к жителям Ставропольской губернии объявил мобилизацию, режим чрезвычайной охраны и призвал все слои общества сплотиться для победы. Благодаря энергичным усилиям губернатора и земств

успешно проходила мобилизация, а экономика переводилась на военные рельсы. Всего за годы войны было мобилизовано 155 тыс. ставропольчан [Беликов 2017: 317].

Ставропольская губерния становилась госпитальной базой для воинов, получивших ранение на фронте. Значительная часть мобилизованных отправлялась на кавказский фронт, который проходил по территории турецкой части Армении, обезлюженной в результате тотального уничтожения коренного населения, подозреваемого в симпатиях к России. По инициативе губернатора из добровольцев была сформирована 585-я дружина.

Развернули свою деятельность благотворительные организации, в которых состояла супруга губернатора Мария Янушевич [Асланова 2020: 15–20].

В августе 1914 г. в Ставрополе был основан губернский земский комитет, занимающийся помощью больным и раненым военным. В центре губернии был основан Дамский комитет при Красном Кресте, председателем которого стала Мария Ильинична. В состав комитета входили видные представители интеллигенции, жены военных и служащих. Благодаря работе Дамского комитета, возглавляемого М.И. Янушевич, в армию отправлено 28,6 тыс. комплектов теплых вещей и белья, значительное количество чая, сахара и табака. При участии Марии Ильиничны в Ставрополе организованы курсы сестер милосердия и открылся временный комитет общества Красного Креста, собиравший пожертвования для раненых и больных, служивших помимо русско-турецкого и на других фронтах [Асланова 2020: 18–19].

На фронт отправились дети губернатора: сын Николай, выпускник юридического факультета Московского университета, и Елена, записавшаяся в санитарный фронтовой отряд.

Любопытную историю Николая Брониславовича рассказала в своих воспоминаниях ученый-биолог Ирина Крюкова. Мама последней, молодой врач Александра Петровна Крюкова, работала в санитарном поезде № 190. В районе Карса, Вана и Эрзерума, где действовал их санитарный отряд, Александра познакомилась с молодым офицером Николаем Янушевичем. Он сделал ей предложение и подарил золотой медальон на цепочке с изображением Мадонны. По словам Николая Брониславовича, ему медальон передал отец, когда отправлял на войну. Так как Александра уже была обручена, она отказала ему, но их фронтовая дружба продолжалась до конца 1917 г. Николай Янушевич скончался в румынском городе Сибиу в 1986 г. на 91-м году жизни [Крюкова 2007: 82–90].

Значительную роль в содействии армии оказывали армянские общины Ставрополя и Святого Креста. Сотни добровольцев отправились на фронт. В госпиталях и земских лечебных учреждениях в 1914 г. работало более 15 врачей-армян [Ованесов, Судаев 2000: 19].

Бронислав Мечиславович принимал личное участие в проводах бойцов на фронт, в траурных панихидах по погибшим и умершим от ран в госпиталях военным, посещал раненых в госпиталях.

Приведем только один пример. В ноябре 1914 г. ставропольчанка Римма Иванова, окончив краткосрочные курсы сестер милосердия, отправилась сестрой милосердия на фронт. 9 сентября 1915 г., когда весь офицерский состав по-

гиб в бою, она собрала оставшихся в живых солдат и повела их в атаку на окоп противника. Позиция была взята, однако смертельно раненная Римма скончалась. По решению императора за этот беспримерный подвиг Римма Иванова была посмертно награждена офицерским орденом Георгия IV степени. По просьбе Бронислава Мечиславовича командир 31-го армейского корпуса Юго-Западного фронта генерал Павел Иванович Мищенко дал разрешение похоронить девушку на родине. 24 сентября поезд с гробом героини прибыл в Ставрополь. Хоронить ее вышел весь город. За гробом во главе траурной процессии шли губернатор, духовенство, представители дворянства, интеллигенции, предприниматели, гимназисты и учащиеся семинарии, отряд войск со знаменем и духовой оркестр, многие горожане. Процессия двигалась под перезвон колоколов русских церквей, армянской церкви Св. Григория Просветителя и костела. В надгробной речи протоиерей Симеон сказал: «Франция имела свою Орлеанскую деву Жанну д'Арк. Россия имеет Ставропольскую деву – Римму Иванову» [Бондаренко 2013: 117–120].

На ухудшение здоровья М.И. Янушевича не могла не повлиять кипучая деятельность на посту губернатора. Это и стало основанием для обращения его к императору с прошением освободить от занимаемой должности. Своим указом от 29 сентября 1915 г. Николай II удовлетворил это прошение. Торжественные проводы Бронислава Мечиславовича, в которых приняли участие все слои общества, стали достойной оценкой его десятилетнего управления губернией. Газета «Северокавказский край» от 7 октября 1915 г. сообщала: «В воскресенье, 4 октября, отбывающий из нашей губернии бывший ставропольский губернатор Бронислав Мечиславович Янушевич прощался со всеми сослуживцами и сотрудниками по управлению губернией» [Северокавказский край. 1915. 7 окт.].

Нельзя не затронуть вопрос об отношении губернатора к армянским общинам Ставропольской губернии. В основном армяне проживали в губернском центре и в городе Святой Крест – втором городе в Ставропольской губернии, основанном в конце XVIII в. карабахскими армянами.

Несмотря на свою небольшую численность (2,1 % населения), армянская община г. Ставрополя являлась весьма влиятельной в общественном и в экономическом отношении. Например, общая стоимость недвижимого имущества г. Ставрополя в 1911 г. составляла более 9,1 млн. руб., в т.ч. в собственности армян около 1,2 млн. руб. Предприниматели-армяне способствовали экономическому процветанию губернии и ее центра, занимались благотворительной деятельностью [Ованесов 2005: 31].

Этнические корни губернатора никак не давали какие-либо особые преференции армянским (как и другим) общинам. Вообще абсолютное большинство чиновников нерусского происхождения, находившихся на русской службе, наверное, были больше русскими имперцами, чем многие их коллеги из числа великороссов. Янушевичу «полагалось» быть поляком на русской службе. В номенклатурной традиции имперского периода в русской части Кавказа нередко предпочтение отдавалось чиновникам немецкого и польского происхождения.

Что касается города Святой Крест, то в период правления Янушевича интенсивно изменил свой этнический облик, став русско-армянским. Губернатор,

исходя из экономических интересов, поддержал Святой Крест в его соперничестве с Прасковеей за статус уездного центра и содействовал строительству железнодорожной линии Георгиевск – Святой Крест. Благодарные горожане в 1911 г. избрали Б.М. Янушевича почетным гражданином Святого Креста [ГАСК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 394. Л. 7].

Такое же звание, утверждаемое императором, по ходатайству общественного управления города Ореева от 6 апреля 1916 г., было решено присвоить бывшему ореевскому уездному предводителю дворянства, Брониславу Янушевичу [Алхазов 2023:118].

Заключение

После отставки Б.М. Янушевич выехал для лечения в Кисловодск, а затем переехал в Одессу, в непосредственной близости от которой находилось его поместье в Бессарабии. В «Южной Пальмире», или в «Столице Юга», как нередко называли крупнейший город Российской империи на юге, завершилась жизнь Бронислава Янушевича. Газета «Новое русское слово» 6 февраля 1917 г. сообщала: «Вчера в Одессе скончался Бронислав Мечиславович Янушевич, бывший в течение 10-ти лет ставропольским губернатором. На административный пост выдвинул Б.М. Янушевича бессарабский губернатор кн. Урусов. Янушевич был в Бессарабии уездным предводителем дворянства. По представлению Урусова, Б.М. Янушевич был назначен тамбовским, а затем ставропольским губернатором, оставив по себе память, как о весьма корректном администраторе» [Новое русское слово].

Тело Бронислава Мечиславовича было перевезено в Ставрополь, где он и был похоронен в ограде католического костела, построенного ставропольским купцом Гавриилом Тамамшевым. В атеистическую эпоху могила Бронислава Янушевича была уничтожена. Но память о выдающемся администраторе из Бессарабии, польского дворянина армянского происхождения сохранилась. Его деятельность на посту руководителя Ставропольской губернии является своеобразным эталоном, на который, по мнению авторов статьи, следует равняться современным региональным руководителям. В этом и состоит актуальность данного исследования.

Таким образом, в настоящей статье внесено важное уточнение в бытовавшее до настоящего времени в кавказоведческой литературе ошибочное представление о польском происхождении известного государственного деятеля. Кроме того, рассмотрены все этапы политической деятельности Б.М. Янушевича, особенно на посту руководителя Ставропольской губернии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян 2009 – *Акопян В.З.* Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – 360 с.

Алхазов 2023 – *Алхазов Э.М.* Дворяне армянского происхождения в Бессарабии (XIX – начало XX века) // От Балтики до Чёрного моря: армяне в культурных, экономических и политических процессах. – М.: ИД «Арк Медиа», 2023. – С. 101–119.

Асланова 2020 – *Асланова Э.Р.* Общественная деятельность жён ставропольской элиты начала XX в. Мария Ильинична Янушевич // Цивилизационный образ будущего России: пути и средства достижения. – Ставрополь: АГРУС, 2020. – С. 15–20.

Беликов 2017 – *Беликов Г.А.* Польский шляхтич на службе у России // Главноначальствующие Кавказа. – М.: Надыршин А.Г., 2017. – С. 311–318.

Беликов 2009 – *Беликов Г.А.* Старый Ставрополь. Изд. Второе. – Ставрополь: без издательства, 2009. – 349 с.

Бондаренко 2013 – *Бондаренко В.* Герои Первой мировой. ЖЗЛ. Серия биографий. – М.: «Молодая гвардия», 2013. – 512 с.

Витте 1991 – *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.

Волков 2016 – *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 800 с.

Выборы на Ставрополье 2015 – *Выборы на Ставрополье: история и современность: [коллективная монография] / [Некрасов Е.Е. и др.; науч. ред. Невская Т.А.].* – Пятигорск: РИА-КМВ, 2015. – 507 с.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Григорян 1980 – *Григорян В.Р.* История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Отв. ред. Л.С. Хачикян, Я.Р. Дашкевич. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. – 291 с.

Жертвы политического террора 2012 – *Жертвы политического террора в России (1901–1912) // Исторический вестник. Терроризм в России в начале XX в. – Том 2 (149). – Декабрь. – 2012. – С. 190–215.*

Забелин 2015 – *Забелин А.В.* К проблеме развития железных дорог в Ставропольском крае // Исторические исследования. – Казань: Бук, 2015. – С. 64–66.

Из Кишинева 1906 – *Из Кишинева.* Новый тамбовский губернатор // Тамбовские губернские ведомости. – № 14. – 1906. – 18 янв.

Козельцева – *Козельцева Н.Е.* Представители Тамбовской губернии в I – IV Государственных думах Российской империи // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <https://www.calameo.com/books/0042836254b87291ba746> (дата обращения: 01.06.2024 г.)

Крюкова 2007 – *Крюкова И.* Романтическая сага (непридуманная история) // Наука и жизнь. – 2007. – № 9. – С. 82–90.

Малявина 2008 – *Малявина Г.И.* Становление и развитие периодической печати в Ставропольской губернии: XIX – начало XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008. – 236 с.

Морозан 2018 – *Морозан В.В.* Бессарабия и ее дворянство в XIX – начале XX в.: в 2 т. – Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 592 с.

Новое русское слово – *Новое русское слово.* – 1917. – 6 февр.

Обзор Тамбовской губернии 1908 – *Обзор Тамбовской губернии за 1906 год.* – Тамбов: Тип. Губ. правл., 1908. – 144 с.

Ованесов 2005 – *Ованесов Б.Т.* Армянская община города Ставрополя / науч. ред. В.З. Акопян. – Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. – 280 с.

Ованесов, Судацов 2000 – *Ованесов Б.Т., Судацов Н.Д.* Земская медицина в Ставропольской губернии // Авиценна. – Ставрополь, 2000. – № 10.

Очерки истории 2014 – *Очерки истории Северного Кавказа: XX век.* – Пятигорск-Ставрополь: ПГЛУ, 2014. – 354 с.

Первая Всеобщая перепись 1897 – *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии). Ставропольская губерния // Электронный ресурс. Режим доступа: PDF: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=67 (дата обращения: 01.06.2024 г.)*

План электрификации 1955 – План электрификации РСФСР (План ГОЭЛРО). Общий план электрификации Кавказа. III. Города и населенные центры. 2-е издание. – М.: Госполитиздат, 1955. – 667 с.

Рашин 1956 – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

Северокавказский край. – 1911. – 15 дек.

Северокавказский край. – 1915. – 7 окт.

Статистический ежегодник 1912 – Статистический ежегодник 1912 г. (Совета съездов представителей промышленности и торговли). 1885–1912. – СПб.: Типография «Экономия», 1912. – 445 с.

Судацков 2022 – *Судацков Н.Д.* Бронислав Мечиславович Янушевич, губернатор Ставропольской губернии (К 160-летию со дня рождения) // *Ставропольский хронограф*. 2022. – С. 371–380.

Халиппа 1907 – *Халиппа И.Н.* Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года // *Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии*. – Кишинёв: Типолитография Э. Шлиомовича, 1907. – Т. 3. – 596 с.

Янушевич 1909 – Янушевич Бронислав Мечиславович // *Список гражданским чинам IV класса*. Исправлен по 1-е сентября 1906 года / Инспекторский отд. собственной Е.И.В. канцелярии. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 1839 с.

REFERENCES

AKOPYAN V.Z. *Gorod Svyatoj Krest. Mezhdú prošly'm i nastoyashhim. 1799–2009* [The City of the Svyatoj Krest. Between the past and the present. 1799–2009]. Monograph. – Pyatigorsk: PGLU, 2009. – 360 p. (In Russ.).

ALXAZOV E.M. *Dvoryane armyanskogo proisxozhdeniya v Bessarabii (XIX – nachalo XX veka)* [Nobles of Armenian origin in Bessarabia (XIX – early XX century)]. In: *From the Baltic to the Black Sea: Armenians in cultural, economic and political processes*. – Moscow: Ark Media Publishing House, 2023. – P. 101–119. (In Russ.).

ASLANOVA E.R. *Obshchestvennaya deyatelnost' zhony stavgopol'skoj elity nachala XX v. Mariya Ilyinichna Yanushevich* [Public activity of the wives of the Stavropol elite at the beginning of the XX century. Maria Ilyinichna Yanushevich]. In: *Civilizationnyj obraz budushhego Rossii: puti i sredstva dostizheniya*. – Stavropol: AGRUS, 2020. P. 15–20. (In Russ.).

BELIKOV G.A. *Pol'skij shlyaxtych na sluzhbe v Rossii* [The Polish nobleman in the service of Russia]. In: *Glavnonachal'stvyushhie Kavkaza*. – Moscow: Nadyrshin A.G., 2017. – P. 311–318. (In Russ.).

BELIKOV G.A. *Staryj Stavropol' [Old Stavropol]*. Ed. Second. – Stavropol: without publishing house, 2009. – 349 p. (In Russ.).

BONDARENKO V. *Geroi Pervomirovoj. Zhizn' zamechatel'nyx lyudej. Seriya biografij* [Heroes of the First World War. The lives of wonderful people. A series of biographies]. – Moscow: «Molodaya gvardiya», 2013. – 512 p. (In Russ.).

VITTE S.YU. *Izbranny'e vospominaniya. 1849–1911 gg.* [Selected memoirs. 1849–1911]. – Moscow: My'sl', 1991. – 708 p. (In Russ.).

VOLKOV S.V. *Vysshee chinovничество Rossijskoj imperii. Kratkij slovar'* [The highest bureaucracy of the Russian Empire. A short dictionary]. – Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2016. – 800 p. (In Russ.).

Vy'bory na Stavropol'e: istoriya i sovremennost': [kollektivnaya monografiya] [Elections in Stavropol Territory: history and modernity: [collective monograph] / [Nekrasov E.E. i dr.; nauch. red. Nevskaya T.A.]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2015. – 507 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

GRIGORYAN V.R. *Istoriya armyanskix kolonij Ukrainy i Pol'shi (armyane v Podolii)* [The History of the Armenian colonies of Ukraine and Poland (Armenians in Podolia)]. Ed. L.S. Kha-

chikyan, J.R. Dashkevich. – Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1980. – 291 p. (In Russ.).

Zhertvy` politicheskogo terrora v Rossii (1901–1912) [Victims of political terror in Russia (1901–1912)]. In: *Istoricheskij vestnik. Terrorizm v Rossii v nachale XX v.* – Vol. 2 (149). – December. – 2012. – P. 190–215. (In Russ.).

ZABELIN A.V. *K probleme razvitiya zhelezny`x dorog v Stavropol`skom krae* [On the problem of railway development in the Stavropol Territory]. In: *Istoricheskie issledovaniya*. Kazan`: Buk, 2015. – P. 64–66. (In Russ.).

Iz Kishineva. Novy`j tambovskij gubernator [From Chisinau. The new Tambov governor]. In: *Tambovskie gubernskie vedomosti*. – № 14. – 1906. – January 18th. (In Russ.).

KOZEL`CEVA N.E. *Predstaviteli Tambovskoj gubernii v I – IV Gosudarstvenny`x dumax Rossijskoj imperii*. 2018. [Representatives of the Tambov province in the I–IV State Duma of the Russian Empire]. URL: <https://www.calameo.com/books/0042836254b87291ba746> (In Russ.).

KRYUKOVA I. *Romanticheskaya saga (nepridumannaya istoriya)* [The Romantic Saga (an unthinkable story)]. In: *Nauka i zhizn`*. – 2007. – № 9. – P. 82–90. (In Russ.).

MALYAVINA G.I. *Stanovlenie i razvitie periodicheskoy pechati v Stavropol`skoj gubernii: XIX – nachalo XX vv.* [Formation and development of periodicals in Stavropol province: XIX – early XX centuries]. Diss. ... kand. ist. nauk. – Stavropol, 2008. – 236 p. (In Russ.).

MOROZAN V.V. *Bessarabiya i ee dvoryanstvo v XIX – nachale XX v.* [Bessarabia and its nobility in the XIX – early XX centuries]. In 2 vols. – Vol. 2. – Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2018. – 592 p. (In Russ.).

Novoe russkoe slovo. – 1917. – February 6. (In Russ.).

Obzor Tambovskoj gubernii za 1906 god. [Review of the Tambov province for 1906]. – Tambov: Tip. Gub. pravl., 1908. – 144 p. (In Russ.).

OVANESOV B.T. *Armyanskaya obshhina goroda Stavropolya* [The Armenian community of Stavropol] / scientified. by V.Z. Akopyan. – Stavropol`: GUP SK «Stavropol`skaya kraevaya tipografiya», 2005. – 280 p. (In Russ.).

OVANESOV B.T., SUDAVCZOV N.D. *Zemskaya medicina v Stavropol`skoj gubernii* [Local government medicine in Stavropol]. In: *Avicenna*. – № 10. – Stavropol`, 2000. (In Russ.).

Ocherki istorii Severnogo Kavkaza: XX vek. [Essays on the history of the North Caucasus: The twentieth century]. – Pyatigorsk-Stavropol`: PGLU, 2014. – 354 p. (In Russ.).

Pervaya Vseobshhaya perepis` naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. Nalichnoe naselenie v guberniyax, uezdax, gorodax Rossijskoj Imperii (bez Finlyandii). Stavropol`skaya guberniya. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. The available population in the provinces, counties, and cities of the Russian Empire (excluding Finland). Stavropol province]. PDF: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=67 (In Russ.).

Plan e`lektrifikacii RSFSR (Plan GOE`LRO). Obshhij plan e`lektrifikacii Kavkaza. III. Goroda i naseledny`e centry` [Electrification Plan of the RSFSR (GOELRO Plan). The general plan of electrification of the Caucasus. III. Cities and population centers]. 2nd edition. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. – 667 p. (In Russ.).

RASHIN A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Stat. ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistics essays] / Ed. Academician S.G. Strumilina. – Moscow: Gosstatizdat, 1956. – 352 p. (In Russ.).

Severokavkazskij kraj. – 1911. – December 15th (In Russ.).

Severokavkazskij kraj. – 1915. – October 7 (In Russ.).

Statisticheskij ezhegodnik 1912 g. (Soveta s`ezdov predstavitelej promy`shlennosti i torgovli). 1885–1912 [Statistical Yearbook of 1912 (Council of Congresses of representatives of Industry and Trade). 1885–1912]. – Saint Petersburg: Economy Printing House, 1912. – 445 p. (In Russ.).

SUDAVCZOV N.D. *Bronislav Mechislavovich Yanushevich, gubernator Stavropol`skoj gubernii* [Bronislav Mechislavovich Yanushevich, Governor of Stavropol province]. In: *Stavropol`skij xronograf*. 2022. – P. 371–380. (In Russ.).

XALIPPA I.N. *Rospis` zemlevladieniya i soslovnogo stroya naseleniya Bessarabii po dannym perepisi 1817 goda* [Painting of land ownership and class structure of the population of Bessarabia according to the census of 1817]. In: *Trudy` Bessarabskoj gubernskoj uchenoj arxivnoj komissii*. – Chisinau: Tipolitografiya E`. Shliomovicha, 1907. – Vol. 3. – 596 p. (In Russ.).

Yanushevich Bronislav Mechislavovich [Yanushevich Bronislav Mechislavovich]. In: *Spisok grazhdanskim chinam IV klassa. Ispravlen po 1-e sentyabrya 1906 goda / Inspektorskij otd. sobstvennoj E.I.V. kancelarii*. – Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1906. 1839 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.З. Акопян – кандидат исторических наук.

В.П. Ермаков – кандидат исторических наук.

З.В. Акопян – аспирант.

Information about the authors

V.Z. Akopyan – Candidate of Science (History).

V.P. Ermakov – Candidate of Science (History).

Z.V. Akopyan – Graduate Student (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья

УДК 94(471.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-133-142

EDN: EVERPQ

НАЛЬЧИКСКИЙ ОКРУГ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917-1920 ГГ.): ХАОТИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Аннотация. В статье исследуется влияние революционной ситуации в Нальчикском округе на динамику и характер стихийного насилия, а также выявляются факторы, провоцировавшие его рост. Отмечается, что в условиях системного политического кризиса, находящиеся у власти режимы утрачивают монополию на насилие, к которому прибегают представители различных слоев социума для сведения счетов с «классовыми врагами». Кроме того, несанкционированные властью репрессивные практики часто использовали подчинявшиеся ей военизированные структуры: регулярные армейские части или же народные ополчения. Подчеркивается, что акты стихийного насилия провоцировались и самой властью, которая через пропаганду призывала народные массы к борьбе с политическими оппонентами и лояльными им социальными группами. В статье также рассматриваются попытки органов власти сдерживать рост стихийного насилия. Советская администрация Нальчикского округа в этих целях старалась обуздать чрезмерную ретивость командиров различных революционных отрядов и ограничить их действия рамками «социалистической законности». Белая власть, стремясь погасить социальную конфронтацию, возникшую на почве самовольных попыток пострадавших при большевиках жителей добиться возмещения ущерба, создала механизмы для удовлетворения их инициатив в правовом поле.

Ключевые слова: Нальчикский округ, Терская область, революция, советская власть, белая администрация, стихийное насилие, репрессивные практики.

Для цитирования: Жанситов О.А. Нальчикский округ в период российской революции (1917-1920 гг.): хаотизация насилия // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 133-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-133-142. EDN: EVERPQ.

© Жанситов О.А., 2024

Original article

THE NALCHIK DISTRICT DURING THE RUSSIAN REVOLUTION (1917-1920): THE CHAOTIZATION OF VIOLENCE

Osman A. Zhansitov

Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Abstract. This article explores the impact of the revolutionary situation in the Nalchik District on the dynamics and nature of spontaneous violence and identifies factors that provoked its growth. It notes that in conditions of systemic political crisis, regimes in power lose their monopoly on violence, which is then employed by representatives of various societal layers to settle scores with “class enemies.” Moreover, militarized structures subordinate to the authorities, such as regular army units or popular militias, often used unauthorized repressive practices. This paper emphasizes that acts of spontaneous violence were also provoked by the authorities themselves, who, through propaganda, encouraged the masses to fight against political opponents and social groups loyal to them. The article also discusses attempts by the authorities to contain the growth of spontaneous violence. The Soviet administration in the Nalchik District sought to curb the excessive zeal of commanders of various revolutionary units and to limit their actions within the framework of “socialist legality.” The White administration, aiming to extinguish the social confrontation that arose from the arbitrary attempts by residents harmed by the Bolsheviks to seek compensation, created mechanisms to satisfy their initiatives within the legal framework.

Keywords: Nalchik District, Tersk region, revolution, Soviet power, White administration, spontaneous violence, repressive practices.

For citation: Zhansitov O.A. The Nalchik District during the Russian Revolution (1917-1920): The Chaotization of Violence. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 133-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-133-142. EDN: EVERPQ.

© Zhansitov O.A., 2024

Крушение царского режима в 1917 г. и последовавшее за этим противоборство политических акторов создало ситуацию вакуума общепризнанной, твердой власти. Монополия на насилие, как важнейшая функция государственного регулирования, стала размываться и в условиях революционной смуты приобретала стихийный характер. Политические режимы, утверждавшие свое господство в различных регионах бывшей Российской империи, не всегда могли полностью узурпировать монополию на насилие, которое подхватывалось народными массами и приобретало как политический оттенок, направляясь против оппонентов действующей власти и (или), ее сторонников, так и отчетливо уголовный, проявляясь виде грабежей и разбоев.

Наиболее ощутимо ситуация общероссийского системного кризиса проявлялась в полиэтничных окраинах, где акты насилия провоцировались не только социально-политической конфронтацией, но и межнациональной напряженностью. Подобное положение сложилось в Терской области и, в частности, в Нальчикском округе, который в революционный период стал ареной борьбы противоборствующих сторон.

В советской историографии региона проблема насилия затрагивалась в контексте освещения деятельности антибольшевистских сил, которые, по оценкам советских авторов, широко применяли репрессивные практики для достижения политических целей [Гугов 1975: 359-369]. При этом внимание заострялось и на фактах стихийного или нелегитимного насилия, то есть осуществляемого вне правового поля как представителями силовых и гражданских структур белой администрации, так и «социально близкими» ей слоями населения [Улигов 1979: 224]. Редко упоминавшиеся подобные факты со стороны «сочувствующих» советской власти преподносились как проявление справедливой народ-

ной мести в отношении «эксплуататорских классов» [Улигов 1979: 139]. В постсоветских исследованиях периода революции и гражданской войны в регионе табу на освещение «нелицеприятных» сторон утверждения на политической сцене большевиков, заключавшихся в преследовании политических оппонентов и многочисленных актах насилия, затронувших нелояльные группы социума, было преодолено, что нашло отражение в ряде работ [Опрышко 1993; Дзидзоев 2000; Жанситов 2005].

Тем не менее, проблема стихийного насилия в Нальчикском округе не приобрела характер самостоятельной исследовательской темы. Однако в общероссийском масштабе эта проблема стала предметом научного осмысления. В этой связи можно выделить работу В. Булдакова, исследовавшего на богатом фактическом материале, затрагивающем, в том числе, и ситуацию в Нальчикском округе, процесс погружения страны в хаос революции и рассмотревшего насилие в контексте обострения межэтнических противоречий [Булдаков 2010].

Сформированной после Февраля 1917 г. в Нальчикском округе администрации – Окружному гражданскому исполнительному комитету удавалось в определенной мере поддерживать сложившийся к моменту революции социальный порядок, поскольку большинство населения с воодушевлением встретило провозглашение в стране демократических свобод, отмену национальных и религиозных ограничений [Музаев 2012: 10]. Однако появились надежды и на справедливое разрешение вопросов, связанных с распределением земельных участков, в том числе, и резонансного конфликта вокруг Зольских пастбищ [Прасолов 2023: 75-87]. В 1913 г. власти Нальчикского округа, сделав ставку на развитие коневодства, передали эти пастбища в пользование крупных коннозаводчиков, тем самым ущемив интересы множества скотоводов. На этой почве в регионе начались массовые протесты, которые удалось нейтрализовать с привлечением сосредоточенных в Терской области регулярных частей царской армии. Теперь же после свержения царизма пострадавшая сторона, не дожидаясь правового урегулирования ситуации, приступила к самовольному занятию пастбищных участков. Администрация Нальчикского округа, не сформировавшая еще в условиях революционных турбуленций организованные силовые структуры, что было характерно, в целом, и для всей Терской области, могла лишь взывать к благоразумию участвовавших в самоуправстве местных жителей. В обращении к населению округа (апрель 1917 г.) Гражданский исполнительный комитет призвал «кабардинские общества не допускать в отношении бывших арендаторов Зольских участков никаких насилий, не разорять и не ломать построек, дав им возможность без ущерба угнать табуны и скот, и, тем самым, устранить возможность возникновения враждебного одной части населения к другой, столь пагубного для всего народа в переживаемое время» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 41]. Увещевания властей не возымели должного действия, и в июне-июле 1917 г. в других районах Нальчикского округа, в частности, в Малой Кабарде были зафиксированы случаи захватов и погромов помещичьих имений и «кулацких» хуторов [Улигов 1979: 65].

Другим фактором дестабилизации общественной жизни в Терской области являлись дислоцированные здесь солдатские части дезорганизованной Импера-

торской армии. Ее служащие, оставшиеся без должного присмотра командования или же просто дезертировавшие, часто становились фигурантами как мелких бытовых конфликтов, так и вооруженных столкновений с местными жителями. Стоит отметить, что большевики, развернувшие активную борьбу за власть в регионе, стремились включить солдатские части в орбиту своего влияния и использовать производимый ими хаос для ослабления и дискредитации местной администрации, стоявшей на платформе Временного правительства.

Как замечает Т. Музаев, «обстановку еще более усугубляла революционная демагогия, которой буквально упивались бывшие прапорщики, конторские служащие, выбившиеся в «народные вожаки» местного масштаба. Социалисты, ставшие благодаря поддержке со стороны распропагандированных солдат господами положения в большинстве городов Кавказа, объявили дезертиров «цветом народных сил» и «защитниками завоеваний революции». Они всячески противились восстановлению дисциплины в армии, а робкие попытки привлечь к ответственности совершивших уголовные преступления солдат, тут же истерически объявляли «вылазками контрреволюции» [Музаев 2012: 103]. В административном центре Нальчикского округа – слободе Нальчик были дислоцированы 251-я Самарская дружина и артиллерийский дивизион. Служащие последнего, по словам современника и очевидца революционных событий в Кабарде К. Чхеидзе, «начали высказываться и действовать в духе большевизма. Ни в одном полку Дикой дивизии не было ничего подобного тем дикостям, которые совершались в частях разлагавшейся Русской армии. Солдаты-артиллеристы являлись грозой населения» [Чхеидзе 2008: 34].

В этой ситуации у властей Нальчикского округа уже появилась возможность оперативно отреагировать на акты стихийного насилия, поскольку под их контроль перешел вернувшийся на родину Кабардинский конный полк той самой «Дикой дивизии», официально именовавшейся Кавказским конным туземным корпусом, который не подвергся большевистской пропаганде и являлся одной из немногих частей Императорской армии, сохранявшей боеспособность и дисциплину.

В конце ноября 1917 г. офицеры Кабардинского полка разоружили солдатские части и выдворили их за пределы Нальчикского округа.

В начале 1918 г. большевистские деятели Терской области предприняли энергичные меры по расширению своего влияния и, в итоге, 4 марта на Съезде народов Терека, проходившем в Пятигорске, им удалось провозгласить советскую власть в регионе. В последующие дни советская власть была провозглашена и на местах, в том числе, 21 марта в Нальчикском округе. Сформированная здесь советская администрация – Нальчикский окружной народный совет – столкнулась с необходимостью использования силовых методов для «защиты завоеваний революции», что выразилось в аресте офицеров «старой» армии, а в дальнейшем – в подавлении протестов владельцев крупных земельных участков, чья собственность, согласно Декрету о национализации земли, подлежала конфискации.

В этих условиях нарастала социальная конфронтация. Пострадавшие от действий большевиков лица прибегали к актам спонтанного насилия. На одном

из заседаний Нальчикского окружного народного совета (9 апреля 1918 г.) обсуждался доклад его члена М. Фанзиева, в котором, в частности, говорилось о том, что «враги народной власти из граждан селений округа, побросав свои селения, отправились в Ингушетию и подговаривают порочный элемент к выступлениям против народной власти» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 8]. Наибольшую предприимчивость в этом деле проявил М. Хапцев, который при помощи группы ингушей нейтрализовал красноармейский отряд, посланный властями для конфискации его земельного участка [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 68].

Наиболее резонансным случаем противодействия советской власти стало убийство комиссара Нальчикского округа А. Сахарова. Это событие спровоцировало власти на усиление репрессивных мер, предполагавших не только преследование «явных контрреволюционеров», но и запугивание широких слоев населения. Как писал К. Чхеидзе, «у правого и виноватого отбирали оружие. Никто не был гарантирован от ареста, обыска. Началась усиленная агитация против имущих слоев населения. А так как в Кабарде почти все имущие, то науськиванием воспользовались абреки и деморализованные люди. То здесь, то там происходили грабежи. Большевики давали им политический оттенок» [Чхеидзе 2008: 54-55].

Интенсифицируя борьбу с «контрреволюцией» в Нальчикском округе, и посредством пропаганды вовлекая в нее «классово близкие» слои населения, советская власть в то же время теряла монополию на насилие. Наиболее явно это проявилось после вытеснения в середине ноября 1918 г. местных антибольшевистских сил, которые приняли участие в антисоветском казачьем восстании в Терской области (июнь-ноябрь 1918 г.) и в течение месяца господствовали в Нальчикском округе. В «Воззвании» к населению округа (21 ноября) лидер местных большевиков Б. Калмыков заявил: «Волею российского пролетариата контрреволюция в области подавлена. Очищайте свои ряды от контрреволюционеров. Арестовывайте и доставляйте их в Нальчик. Врагам народа нет места среди нас. Пусть в вашем сердце не горит жалость к ним» [УЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 17. Л. 3]. По сути, это «Воззвание» явилось санкцией на произвол в отношении не только политических противников режима, но и не лояльных ему социальных групп.

Особый размах этот произвол приобрел в ходе реализации проекта окружной власти «О взятии на учет и конфискации имущества контрреволюционеров» (26 декабря 1918 г.) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 154]. Мероприятия по конфискации имущества «врагов народа» вскоре утратили адресный характер и вылились в неконтролируемый властями стихийный процесс грабежей и разбоев, в которых участвовали революционные отряды и часть местного населения. Жертвами этих актов насилия помимо участников антибольшевистского движения стали совершенно непричастные к нему и далекие от политической борьбы многочисленные жители Нальчикского округа. Их хозяйства разорялись, имущество разворовывалось и уничтожалось. Офицер Кабардинского конного полка Б. Мамышев, ставший очевидцем этих событий, впоследствии вспоминал: «До, нас кабардинцев, доходили слухи, что не вполне

организованная и малосознательная масса и их слабо политически подготовленные вожди на своем пути сметают все, что попадется: сжигают дома, уничтожают хутора, гибнут в этом хаосе табуны и стада. ...Казалось, что все горит, и всякий спасайся, кто куда может. Слухи и опасения частью оправдались: все добро кабардинского народа, заключавшееся в стадах и табунах, в 1918 г. было уничтожено, хозяйство было разрушено» [Опрышко 1996: 96].

Вполне возможно предположить, что власти Нальчикского округа не ожидали такой стремительной хаотизации внутренней жизни, которая привела к осязательному подрыву экономики и поэтому стремились к обузданию «народного гнева» и возвращению борьбы с «контрреволюцией» в правовое поле. Однако если удавалось пресечь откровенно криминальные действия участвовавших в беспорядках местных жителей, то взять под контроль различные партизанские отряды, сформированные в период подавления антибольшевистского восстания в Терской области, было проблематично. И основная причина заключалась в том, что они представляли вооруженные ополчения соседних округов (ингушский отряд Х. Орцханова и осетинский – М. Хаджиева), то есть, не подчинялись распоряжениям администрации Нальчикского округа. О последствиях пребывания здесь этих отрядов можно судить по докладу представителя Кабарды Д. Абазова на Пленуме Кавбюро ЦК РКП (3 июня 1921 г.). Д. Абазов, в частности указал, что «когда в 1918 г. ингушские и осетинские части вступили в Нальчикский округ на борьбу с белыми, они здесь наделали больше зла, чем те белогвардейцы, которые стояли в округе. Все наши коровы, овцы и лошади в настоящее время находятся у них» [УЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 17. Л. 40].

Помимо национальных просоветских ополчений к практикам несанкционированного насилия в Терской области, в том числе, и в Нальчикском округе, прибегали и регулярные красноармейские части. Военное и гражданское руководство области пыталось избежать вызванных этой ситуацией волнений в горской среде. Это подтверждает, в частности, «Приказ по революционным войскам Северного Кавказа» (6 марта 1918 г.), предписывающий командирам частей усилить дисциплину и прекратить «недоразумения между жителями-горцами и революционными солдатами, которые вступая на завоеванные территории, производят над жителями насильственные действия» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 190]. Однако подобные эксцессы продолжали фиксироваться и становились предметом обсуждения во властных структурах Нальчикского округа. Так, на заседании Окружного исполнительного комитета в марте 1920 г. слушался доклад З. Мидова, в котором, в частности говорилось, что красноармейские отряды «перед вступлением в селения выпускают несколько залпов. Начальники отрядов ночью устраивают вечеринки, сгоняя десятками девушек и уничтожая араку. Вечеринки эти сопровождаются стрельбой и никакие увещевания местных властей и указания на недопустимость подобных безобразий не принимаются в расчет. Подобные явления происходят на глазах у народа и лица, облеченные властью беззаконят наравне с контрреволюционерами. Необходимо принять меры к прекращению бандитизма со стороны красноармейцев» [УЦГА КБР. Ф. 201. Оп. 1. Д. 14. Т. 2. Л. 481].

Часто превышали свои полномочия, то есть действовали без согласования с властью и местные революционные отряды. Генерал А. Шкуро, занявший в январе 1919 г., в ходе наступления Добровольческой армии Нальчик, в своих мемуарах отмечал: «население Нальчика, восторженно нас приветствовало. Назировцы (ударная советская шариатская колонна под руководством эфенди Назира Катханова – *О.Ж.*), потеряв прежний облик борцов за кабардинский пролетариат, все более обращались в простых разбойников, терроризировавших и грабивших население» [Шкуро 1991: 71]. В противоправных действиях был замечен и балкарский партизанский отряд, который, по словам члена Нальчикского окружного народного совета М. Мидова, «бесчинствовал и обирал не только контрреволюционный элемент» селения Кенделен, «но и трудовой народ, что подтверждается показаниями граждан» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 165].

В конце января 1919 г. территория Нальчикского округа, как и почти вся Терская область, перешли под контроль Добровольческой армии А. Деникина. Как и большевики, белая власть столкнулась с проблемой сохранения монополии на насилие. Это было связано, прежде всего, с обострившейся в условиях революционных турбуленций социальной конфронтацией. Возвращавшиеся в свои селения в арьергарде белой армии жители, бежавшие от преследований советской власти, стали добиваться компенсации разграбленного имущества. В своих мемуарах А. Деникин писал, что «из Кабарды не раз приходили жалобы на произвол старшин и самовольное взыскание узденями убытков, понесенных во время господства большевиков» [Деникин 1925: 176]. В служебной переписке белой администрации Нальчикского округа также фиксируются случаи, когда «князья и дворяне самолично, путем запугивания или тех или иных репрессий предъявляли жителям, принимавшем участие в разграблении имущества, всевозможного рода требования о возвращении такового, а то и просто забирали имущество таковых лиц» [УЦГА КБР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 11. Л. 17].

Опасаясь дальнейшего роста социальной напряженности, власть решила перевести вопрос о компенсациях за утерянное имущество в правовое поле. С этой целью при правителе Кабарды Т. Бековиче-Черкасском была создана «Комиссия по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками». Члены Комиссии разослали по селениям округа инструкции, в которых пострадавшим под угрозой ареста воспрещалось самовольно взыскивать с подозреваемых убытки. Это позволялось делать лишь после тщательного разбирательства со стороны уполномоченных лиц.

Деятельность Комиссии позволила стабилизировать ситуацию, но, тем не менее, периодически происходили эксцессы, когда пострадавшие жители, не удовлетворившись суммой компенсации или не дождавшись разбора своего иска, самостоятельно стремились его удовлетворить.

К несанкционированному насилию прибегали также регулярные части Добровольческой армии, дислоцированные в Нальчикском округе. Это имело место как во время проведения реквизиций у населения, когда командиры белогвардейских отрядов, не согласовывая свои действия с окружным интендантством, изымали продовольствие, телеги, сено, лошадей и т.д. сверх предписан-

ной нормы, а также, в ходе борьбы с большевистским подпольем. В селениях округа, где скрывались сторонники советской власти, проводились массовые обыски, аресты и расправы, порой самовольные. Один из резонансных случаев бессудных казней произошел в феврале 1920 г. в Нальчике, куда были доставлены пленные красноармейцы [Улигов 1979: 226]. К. Чхеидзе, ставший его свидетелем, писал: «расстрел нескольких юношей-горцев, произведенный в этот период в Нальчике, проведенный вопреки воле общественного мнения и чуть ли не в порядке самоуправства отдельных офицеров, – это одно из самых тяжелых событий того времени» [ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1г. Л. 7].

Рассмотренные в статье случаи стихийного насилия были вызваны рядом факторов. Во-первых, политический кризис и гражданская война в российских регионах делали проблематичным формирование стабильных властных структур, действующих в повсеместно признанном правовом поле и утрачивающих монополию на насилие. В этих условиях различные военизированные группировки, по факту лояльные этим структурам, часто руководствовались своими представлениями о нормах права и допустимых методах борьбы за выбранный политический курс. Во-вторых, несанкционированное насилие провоцировалось и самой властью, которая через пропаганду и прямые призывы подталкивала население к противостоянию с политическими и идеологическими оппонентами режима, которое, зачастую, не носило адресный характер и приобретало широкий размах, проявляясь в виде погромов, грабежей и бессудных расправ. В то же время, стихийное насилие подрывало авторитет власти и дискредитировало ее в глазах даже лояльных групп социума. Это вынуждало власть прибегать к мерам сдерживания. Так, советская администрация Нальчикского округа старалась взять под контроль карательные рейды красноармейских частей и призывала их командование действовать в рамках «революционной законности». Примером сдерживающих мер в период деникинского режима было создание Комиссии, для удовлетворения пострадавших при большевиках жителей округа, пытавшихся самовольно призвать к ответу своих обидчиков. В-третьих, проявлением нелегитимного насилия являлась подпольная борьба противников действующей власти, которые не имели руководящего центра, четко выраженной идеологии и претензий на политическое господство. Как правило, к этой категории можно отнести спонтанные народные выступления, носившие по большей части экономический подтекст: национализация земельных участков при большевиках и реквизиции продовольствия при белой власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Булдаков 2010 – *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917-1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ / Учреждение Рос. акад. наук Ин-т российской истории. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1096 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гугов 1975 – *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 495 с.

Деникин 1925 – Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Слово, 1925. – 244 с.

Дзидзоев 2000 – Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказа в 1917-1918 гг. – Владикавказ: «Алания», 2000. – 176 с.

Жанситов 2005 – Жанситов О.А. Противоправные действия советской власти в Кабарде и Балкарии в годы гражданской войны // Исторический вестник. – 2005. – Выпуск II. – С. 218-238.

Музаев 2012 – Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.

Опрышко 1993 – Опрышко О.Л. «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 224 с.

Опрышко 1996 – Опрышко О.Л. На изломе времени. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 349 с.

Прасолов 2023 – Прасолов Д.Н. Зольские события 1913 г. как кризис доверия в практиках общественно-государственного взаимодействия в Нальчикском округе // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 75-87.

Улигов 1979 – Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 356 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Чхеидзе 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. – 120 с.

Шкуро 1994 – Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Трагедия казачества. Воспоминания белых генералов. – М.: Молодая гвардия, 1994. – 606 с.

REFERENCES

Arkhir Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russ.).

BULDAKOV V.P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917-1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz [Chaos and ethnicity. Ethnic conflicts in Russia, 1917-1918. Conditions of occurrence, chronicle, commentary, analysis] / Uchrezhdenie Ros. akad. nauk In-t rossii-skoi istorii. – М.: Novyi khronograf, 2010. – 1096 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

GUGOV R.KH. Sovmestnaya bor'ba narodov Tereka za Sovetskuyu vlast' [The joint struggle of the Terek peoples for Soviet power]. – Nal'chik: El'-brus, 1975. – 495 p. (In Russ.).

DENIKIN A.I. Ocherki russkoi smuty. T. 4, 5. Vooruzhennye sily Yuga Rossii [Essays on the Russian troubles. Vol. 4, 5. Armed forces of the South of Russia]. – Berlin: Slovo, 1925. – 244 p. (In Russ.).

DZIDZOEV V.D. Belyi i krasnyi terror na Severnom Kavkaze v 1917-1918 gg. [The White and Red Terror in the North Caucasus in 1917-1918] – Vladikavkaz: «Alaniya», 2000. – 176 p. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. Protivopravnye deistviya sovetskoi vlasti v Kabarde i Balkarii v gody grazhdanskoi voiny [Illegal actions of the Soviet government in Kabarda and Balkaria during the Civil War]. In: Istoricheskii vestnik. – 2005. – Vypusk II. – P. 218-238. (In Russ.).

MUZAIEV T.M. Soyuz gortsev. Russkaya revolyutsiya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda [The Union of Highlanders. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2012. – 608 p. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. «Byvayut strannye sbližheniya...»: *Dokumental'noe povestvovanie* ["There are strange approaches...": Documentary narration]. – Nal'chik: El'brus, 1993. – 224 p. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Na izlome vremeni* [At the breaking point of time]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 349 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Zol'skie sobytiya 1913 g. kak krizis doveriya v praktikakh obshchestvenno-gosudarstvennogo vzaimodeistviya v Nal'chikskom okruge* [The Solsky events of 1913 as a crisis of trust in the practices of public-state interaction in the Nalchik district]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 4. – P. 75-87. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917-1937 gg.)* [The Socialist Revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1937)]. – Nal'chik: El'brus, 1979. – 356 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. (In Russ.).

CHKHEIDZE K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voyna v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2008. – 120 p. (In Russ.).

SHKURO A.G. *Zapiski belogo partizana* [Notes of a white partisan]. In: *Tragediya kazachestva. Vospominaniya belykh generalov*. – M.: Molodaya gvardiya, 1994. – 606 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 25.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-143-165
EDN: EBLNTG

ОТ ПОГРОМА ДО ОБРЕТЕНИЯ СОВЕТСКОЙ «ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ»: ДИСПЕРСНОСТЬ, МИГРАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИЯ ДЖЕГОНАССКИХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1917 г. – НАЧАЛО 1930-х гг.)

Владимир Игоревич Колесов¹, Дмитрий Владимирович Сень²

¹ Независимый исследователь, Краснодар, Россия, [vovakole-
sov1971@gmail.com](mailto:vovakole-
sov1971@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-1206-299X>

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, dsen1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

Аннотация. Статья посвящена установлению и характеристикам ключевых событий «миграционной истории» горских евреев селения Джегонаско-Еврейского. Заявленная тема рассмотрена на примере постреволюционной истории указанной группы – вплоть до начала 1930-х гг. Проанализированы дискуссионные вопросы судьбы разоренного селения джегонасских евреев в 1918 г. и в последующее время, их дальнейшего дисперсного расселения по территории, главным образом, Северного Кавказа. Установлены новые факты, подтверждающие проживание значительной части этой группы горских евреев в ст-це Невинномысской, их связи с другими группами горских евреев. Выявлены новые факты о попытках джегонасцев вернуться на земли своего старого селения в Карачаево-Черкесии в первой половине 1920-х гг. Показано, каким образом вопрос о землеустройстве джегонасских евреев оказался связан с регулярным сбором советскими, партийными и другими структурами разнообразной учетно-статистической и иной информации о них (так же, как о моздокских и грозненских горских евреях). Изучены формы и методы консолидации джегонасских евреев в условиях советской политики коренизации национальных меньшинств и организованного властями заселения горскими евреями Терского округа.

Ключевые слова. Горские евреи, Джегонаско-Еврейское селение, погром, землеустройство, Кубань, миграции, советская национальная политика, Северный Кавказ, Северо-Кавказский край.

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 23-28-00106, реализуемого в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Колесов В.И., Сень Д.В. От погрома до обретения советской «земли Обетованной»: дисперсность, миграции и консолидация джегонасских горских евреев на Северном Кавказе (1917 г. – начало 1930-х гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 143-165. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-143-165. EDN: EBLNTG.

© Колесов В.И., Сень Д.В., 2024

Original article

**FROM POGROM TO THE SOVIET PROMISED LAND:
THE DISPERSITY, MIGRATIONS AND CONSOLIDATION
OF THE DZHEGONAS MOUNTAIN JEWS AT THE NORTH CAUCASUS
(1917 – BEGINNING 1930s)**

Vladimir Ig. Kolesov¹, Dmitriy V. Sen'²

¹ Independent scholar, Krasnodar, Russia, vovakolesov1971@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-1206-299X>

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dsen1974@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5222-4685>

Abstract. The article devotes itself to establishing and describing the key events in the “migration history” of the Dzhegonassko-Evreyskoe Mountain Jews. The problem is discussed in the context of this group’s post-revolutionary history, up until the beginning of the 1930s. The article analyzes the debatable issues of the fate of the devastated settlement of the Dzhegonas Jews in 1918 and in the subsequent period, their further dispersion on the North Caucasus territory. Additional evidence has been uncovered that confirms the residency of a large portion of this group of Mountain Jews in the village of Nevinnomyskaya, as well as their links to other groups of Mountain Jews. Additional facts about the attempts of the Dzhegonas Jews to return to the lands of their old village in Karachay-Cherkessia in the first half of the 1920s have been revealed. It is shown how the question of land management of the Dzhegonas Jews turned out to be connected with the regular collection by the Soviet, Communist Party and other structures of a variety of accounting, statistical and other information about them (as well as about the Mozdok and Grozny mountain Jews). The forms and methods of consolidation of Dzhegonas Jews in the Soviet policy of indigenization of national minorities and the settlement of Terek District by mountain Jews organized by the authorities are studied.

Keywords: Mountain Jews, pogrom, Dzhegonassko-Evreyskoe village, land management, Kuban, migrations, soviet national policy, North Caucasus, North Caucasus region.

Acknowledgments: The article written as a part of grant project funding by Russian Scientific Fund (project № 23-28-00106). The scientific organization is the Southern Federal University (Rostov-on-Don).

For citation: Kolesov V.I., Sen' D.V. From *Pogrom* to The Soviet Promised Land: The Dispersity, Migrations and Consolidation of The Dzhegonas Mountain Jews at The North Caucasus (1917 – beginning 1930s). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 143-165. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-143-165. EDN: EBLNTG.

© Kolesov V.I., Sen' D.V., 2024

Вводная часть

Северный Кавказ, остававшийся в начале XIX в. ареной военно-политического противостояния Российской и Османской империй, представлял собой совокупность гетерогенных политических, полу-, и протогосударственных образований, зачастую без четких границ, с меняющимся подданством и относительной мобильностью как кочевого, так и оседлого населения. Экономическая ниша меновой торговли, как наименее престижная сфера деятельности, была специализацией еврейских, армянских, греческих мелких купцов-предпринимателей. Кроме того, эти же внесистемные группы могли заниматься

другими «грязными», непрестижными работами; например, горские евреи славились как кожевенники [Колесов 2020: 33–59]. Такая хозяйственно-экономическая сфера деятельности предопределяла мобильный образ жизни – ремесленный промысел способствовал перемещению вслед за кочевниками для скупки у них шкур и кож или обеспечению их уже готовыми кожевенными изделиями (сбруя, седла, сапоги); меновая торговля, как таковая, заключалась в постоянных миграциях – объездах горских поселений и скотоводческих стойбищ. Поэтому мобильность, присущая разнородным горско-еврейским семьям на Северном Кавказе, предстает явлением вполне закономерным и естественным. Кавказская война и колонизация региона Российской империей трансформировали его социокультурный ландшафт, приведя, в частности, к демографическим изменениям: мухаджирству части коренного кавказского населения и миграциям оставшегося, притоку новых славянских и иных этнических групп, к укрупнению общностей и населенных пунктов, к своеобразным процессам «этнизации» во второй половине XIX в.

Представленная статья продолжает серию авторских публикаций об истории и культуре джегонасских горских евреев [Колесов, Сень 2000: 199–211; Колесов, Сень 2009: 401–413; Сень 2007: 117–130; Колесов 2009: 34–38; Колесов 2023: 339–351]. Джегонасский еврейский поселок, объединивший, как минимум, две группы горских евреев (т.н. ногайских и абазинских), был юридически создан властями в 1863 г., оказавшись на земле, ранее выделенной казачьей ст-це Усть-Джегутинской, основанной в 1861 г. Впоследствии, на протяжении более чем 40 лет, в документах встречались прошения горских евреев (далее для удобства – джегонасцы), желающих приобрести «независимый» статус для своего поселка – в связи с невозможностью распоряжаться «казачьей» землей, а также из-за подчиненности станичному правлению и бытовой ксенофобии. Только в начале XX в. общество Джегонасского поселка получило новый земельный надел в верховьях р. Джегонас на государственных землях. Достижение самостоятельности Джегонасского поселка стало возможным после выхода постановления общего присутствия Кубанского областного правления в марте 1905 г. о создании «из евреев-горцев бывшего поселка Джегонасского» особого селения с наименованием его Джегонасско-Еврейским и учреждением в нем сельского управления на основании общего положения о крестьянах 1902 г. [Косяшников 2019: 55]. Таким образом, обретя фактически свой земельный надел, поселок получил второе «рождение», изменив юридический статус (став селением), и официально закрепив в наименовании прилагательное «Еврейский». Спустя несколько лет после этого события на новое место перебрались далеко не все жители Джегонасского поселка. Известный кубанский историк, статистик и демограф Л.В. Македонов отмечал в одной из своих работ: «Пока на этот участок (данные не позже 1907 г. – В.К., Д.С.) переселились 22 двора, которые за трехлетнее пребывание здесь, по исконному обычаю нагорного населения, успели истребить весь ценный лес, а ныне занимаются выделкой кож, продажей дров и "скоблят дубы", т.е. промышляют сбытом дубовой коры на кожевенные заводы. У десяти хозяев есть посевы кукурузы. Многие из семейных не живут здесь, занимаясь торговлей в окрестных станицах и в посел-

ках Карачая» [Македонов 1908: 32]. Со временем большая часть джегонасцев все же переехала на новое место жительства. Российский этнограф Г.Ф. Чурсин, изучавший карачаевцев, замечал: «В 15 верстах от Баталпашинска на самой дороге, на берегу горной речки Джеганас, расположено селение того же имени. Джеганас прежде был населен горскими евреями, но два года назад (т. е. около 1913 г. – *В.К., Д.С.*) большая их часть выселилась отсюда куда-то на казенные земли, а на их место поселены казаки из ст. Усть-Джегутинской, лежащей дальше по дороге, в двух верстах от Джегонаса, на притоке Кубани Джегуте» [Чурсин 1915: 241]. Таким образом, какой-то период сосуществовали два населенных пункта – «старый» Джегонаасский поселок на станичной земле и «новое» Джегонаасско-Еврейское селение на вновь выделенном наделе казенной, т.е. государственной земли.

Необходимо отметить, что еще ранее, на рубеже XIX–XX вв., состав населения поселка перестал быть «моноэтническим»: его разнородность обуславливалась как притоком горских евреев (например, выходцев из г. Грозного и Грозненского округа), так и проживанием с конца XIX в. в поселке казаков и русских иногородних (в т.ч. сектантов, скорее всего, субботников). Такое положение дел отмечал один из местных жителей, корреспондент областной газеты: «Поселок наш, в котором насчитывается более 100 дворов, населен наполовину горскими евреями, наполовину казаками и выходцами из внутренних губерний России» [ООО 1899: 1]. Об этом свидетельствовала и статистика: по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в поселке насчитывалось 685 чел., из которых евреев было 322 [Джегонаасский 1910: 153].

Заметим, что к началу XX в. горские евреи Баталпашинского отдела Кубанской области проживали не только на территории Джегонаасского поселка, но и в окрестных казачьих станицах и горских аулах. Документально подтверждено проживание их в административном центре отдела – ст-це Баталпашинской, а также в ст-цах Бекешевской, Кардоникской, Усть-Джегутинской [см., напр., ВДОСК 1909: 44, 67–68], что было обусловлено спецификой их хозяйственной деятельности, в т.ч. занятиями торговлей и кожевенным ремеслом. По этим же причинам они жили в горских карачаевских селениях – Учкулане, Карт-Джюрте, Хурзуке [ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1796. Л. 5], Тебердинском. Кроме того, известно, что семья горских евреев Хампулиевых, по крайней мере, в 1898 [ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605. Л. 15] – 1914¹ гг., проживала в абазинском а. Шахгиреевском.

Нами были определены «границы» группы джегонаасских (кубанских) горских евреев, дифференцирующие «своих» от «чужих» в результате многочисленных коммуникационных связей, отраженных на страницах документальных и иных исторических источников, выделены важнейшие такие коммуникации: а) взаимодействия горских евреев Джегонаасского еврейского поселка/селения с казачьими администрациями ст-цы Усть-Джегутинской, Баталпашинского отдела (к этому же типу коммуникаций мы относим и другие связи горских евре-

¹ Хампулиев Ханука Садыков. Карточка потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital20748965 (дата обращения: 29.06. 2024).

ев с российскими чиновниками на Кавказе по иерархической «лестнице»). В 1860-е – 1910-е гг. эти взаимоотношения в основном затрагивали проблемы подчинения джегонасцев Усть-Джегутинскому станичному правлению, их желания обрести собственный земельный надел и административную самостоятельность [Колесов, Сень 2000: 201–203]; б) взаимоотношения джегонасцев с представителями других локальных групп горских евреев (например, грозненцами (см. дело о конфликте джегонасцев с грозненцами Ш.М. Хампулиевым и Р.Р. Бесераевым [ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605. Л. 7–17]) и с горскими евреями – деятелями сионистского движения [Горец 1908: 25–27]; в) симбиотические связи с местным горским населением (ногайцы, абазины, карачаевцы) в культурном и экономическом плане; г) партнерские и конкурентные отношения с другими торговцами и ремесленниками (например, черкесогаями и норнахичеванскими армянами [ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1434. Л. 3; ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 799. Л. 2–6 об.]).

В то же время в истории Джегонасско-Еврейского селения и самих джегонасцев остается множество «белых пятен», часть из которых авторы предполагают заполнить в этой статье. Например, в историографии не была подробно раскрыта ситуация, повлекшая уничтожение/исчезновение (погром?) селения; не менее актуальной остается историографическая дискуссия о судьбе жителей селения после 1917 г. Так, в нескольких диссертациях, имеющих по проблематике/тематике отношение к прошлому джегонасских евреев [Марков 2007; Косышников 2023], соответствующие сюжеты практически не освещены.

Очевидно, что история джегонасских горских евреев «не заканчивается» разорением их селения в годы Гражданской войны. Локальные истории джегонасцев периода 1918 г. – второй половины 1920-х гг., благодаря новым архивным изысканиям и постановке новых задач, становятся органичной частью дальнейшего изучения и системного осмысления истории и культуры горских евреев Северного Кавказа 1920-х – 1930-х гг. Одному из соавторов уже приходилось писать о дисбалансе «в новейшей историографии, несмотря на имеющиеся достижения... в изучении прошлого горских евреев Северного Кавказа именно XX в.; лучше, по сравнению с 1920-ми и 1930-ми гг., исследован позднеимперский период и революционные события в жизни их общин, а также трагические события Холокоста» [Сень 2023: 294]. В частности, актуально исследовать: а) обстоятельства разгрома (погрома) Джегонасско-Еврейского селения в годы Гражданской войны и описания этих событий в различных исторических источниках (в т.ч. документальные источники и воспоминания очевидцев); б) миграционную историю джегонасских горских евреев именно в постреволюционный период (1918 г. – 1920-е гг.); в) стратегии самих джегонасцев по «встраиванию» в советскую национальную политику коренизации: а именно, в достижение ими национально-культурной автономии (землеустройство и концентрированное расселение по территории Северо-Кавказского края (СКК)); г) продолжение их взаимодействия и сетевых связей (от противопоставления до консолидации) с другими горско-еврейскими группами кавказского региона.

В представленном тексте перед авторами стоит следующая цель – установить и охарактеризовать разновекторные миграционные процессы в истории джегонасцев после 1917 г., объединение их семей (очередную консолидацию) после трагических революционных событий в новую советскую общность – национальный колхоз (процессы группообразования [Латур 2014: 42–56]). Эти процессы актуализировались в пространстве консолидации (соединение семей), в борьбе за управленческую автономию (самостоятельность) поселка, за обладание собственной землей. В этих взаимодействиях (коммуникациях) проявлялось определенное консолидационное самосознание, которое можно назвать «пространственной», «территориальной» идентичностью, базирующейся на владении земельным ресурсом и общности происхождения. Намерения и желания джегонасцев коррелировались (были обусловлены?) с советскими представлениями о формах развития национальных меньшинств, базирующимися на идеологеме «права народа на самоопределение... свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп...»¹.

Основная часть

Водоворот катаклизмов, начиная от Первой Мировой войны, революционных трансформаций Российской империи 1917 г. и последующих событий Гражданской войны, не могли не затронуть жителей Джегонаско-Еврейского селения.

Часть мужского населения селения была мобилизована на фронт в годы Первой Мировой войны, причем уже в 1914 г. По воспоминаниям джегонаско-го уроженца С.А. Инотаева, на службу в императорскую армию было призвано «около 90 молодых мужчин», часть из которых погибла, часть попала в плен, а часть – «вернулась к своим семьям. Среди них были мои родные дяди Инотаевы Игнат Борисович, Инотаев Якуб, Инотаев Федор (Нофтоли), Шаулов Арон, и многие другие...» [Инотаев 1990: 18]. В.И. Колесову удалось выявить в электронных базах данных несколько десятков документов о судьбах горских евреев (связанных с сел. Джегонаско-Еврейским) в контексте событий Первой Мировой войны [Колесов 2023: 339–351]. При этом была достигнута определенная детализация персональных данных, которая позволяет по-новому проникнуть в различные аспекты происхождения и повседневной социокультурной деятельности призванных на службу евреев-джегонасцев. Например, вышеуказанный Федор (Нофтоли) в «синей» карточке «на прибывших в лазарет нижних чинов» – Инатаев Навтосий Аврамович, рядовой 264-го Георгиевского полка, уроженец селения «Жагнарского Ботапского отд. Куб. обл.», болен *Scorbutus*² (т. е. цингой). Кроме того, при анализе материалов базы данных Первой Мировой войны получили подтверждение факты проживания горских евреев в ст-це Баталпашинской (Нахамио Розиилов³, Ешува Ребаев⁴), Усть-Джегутинской

¹ Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39–41.

² Инатаев Навтосий Аврамович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: <https://gwar.mil.ru/heroes/> (дата обращения: 26.06.2024)

³ Розиилов (Розигов) Нахалио Шимович. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital21133530 (дата обращения: 26.06.2024)

(Гемриил Амиранов¹, Завла Мотаев², Давид Мелихов³), появились новые факты о жизни евреев в ст-це Зеленчукской (Яков Матаев⁴).

Судя по всему, большинство членов общины встречало революционные события 1917 г. в своем *новом* селении, последними старшинами которого были, по данным С.А. Инотаева, Шим Кишеев и Писах Мелихов. Сама же старшинская должность существовала у джегонасцев намного раньше, еще со второй половины XIX в. [Колесов, Сень 2009]. Надо отметить, что упомянутый Писах Давидович Мелихов был избран сельским старшиной в ноябре 1913 г., уже будучи исполняющим старшинские обязанности [ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5703. Л. 271], а до этого он баллотировался на указанную должность в марте 1911 г., но проиграл выборы Х.М. Абрамову [ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5447. Л. 16, 2]. Сельским сходом также избирался сельский судья: к примеру, в 1911 г. Захар Матаев сменил в этой должности Янкеля Инотаева [КОВ 1911: 1; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5419. Л. 97].

Не исключено, что уже в том же 1917 г. в селении был образован революционный комитет (ревком), существование которого подтверждается документально. Возглавил его Арон Шаулов, судя по всему, тот самый, о котором упоминал в своих воспоминаниях С.А. Инотаев. По всей видимости, симпатии значительной части населения Джегонасско-Еврейского селения оказались на стороне советской власти. 1 декабря 1920 г. А. Шаулов, как уже бывший председатель Джегонасского ревкома, принял участие в совещании трудящихся горских евреев Терской и Кубанской областей в г. Пятигорске, созванном по инициативе Х. Бениаминова [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 49] – одного из наиболее активных горских евреев того времени (участник VIII Всероссийского съезда Советов и съезда народов Терской области как «делегат от Горских евреев Терской и Кубанской областей» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 48, 49]). К слову, значительная часть горских евреев Северного Кавказа (Нальчика, Хасав-Юрта и др.) приняла активное участие в защите своих жилищ именно в борьбе с «белым движением», хотя угрозы их жизням, помимо этого, исходили и от местных националистических сил [Горские евреи 1999: 72–75]. По данным С.А. Инотаева, его отец командовал в подразделении бывшего царского генерала Я.Ф. Балахонова, перешедшего на сторону советской власти, кавалерийской бригадой, позже преобразованной в кавэскадрон. Под началом его отца, утверждал С.А. Инотаев, служило более 45 мужчин, жителей Джегонасско-Еврейского поселка [Инотаев 1990: 20].

Погром. Среди важнейших исследовательских вопросов истории горских евреев Джегонасско-Еврейского селения – судьба населенного пункта и его жи-

⁴ Ребаев Ешува Табушев. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie11511002 (дата обращения: 26.06.2024).

¹ Амиранов Гемриил Инотаевич. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital123535 (дата обращения: 26.06.2024).

² Мотаев Завла. Именные списки потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie11621304 (дата обращения: 26.06.2024).

³ Мелихов Давид Шамилевич. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22316437 (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Матаев Яков Тарабаевич. Картотека потерь // Портал «Памяти героев Великой войны. 1914–1918». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital1462981 (дата обращения: 26.06.2024).

телей в годы Гражданской войны. Особый интерес представляет ответ на вопрос о причинах и инициаторах/исполнителях разорения селения. Судьба селения и джегонасцев в 1920-е гг. имеет дискуссионный характер в современной историографии [Соловьева 2016: 170–171; Хатуев 2016: 43; Сень 2023: 295–296]. Сформировавшийся в советское время «катастрофический» дискурс связывал исчезновение сел. Джегонасско-Еврейского с антисемитизмом и белогвардейским погромом. И.П. Павленко первым изложил в начале 1930-х гг. события в подобном русле, написав о погроме Джегонасского Еврейского «аула» (так автор называл селение Джегонасско-Еврейское. – *В.К., Д.С.*) в годы Гражданской войны белогвардейскими частями под командованием А.Г. Шкуро [Павленко 1933: 26]. В таком виде дискурс функционирует и до сих пор. И.В. Михайлов вторил ему, что «в 1918 г. аул был уничтожен белогвардейскими бандитами, которые дислоцировались в лесах Джагонаса» [Михайлов 2014: 35]. В книге под редакцией В.А. Дымшица приводятся сведения о том, что во время Гражданской войны «станция («Джегонаская», согласно терминологии автора – *В.К., Д.С.*) была разрушена, а евреи бежали в соседний Моздок» [Горские евреи 1999: 182]. В.Ю. Коваленко в своем диссертационном исследовании подчеркивал, что согласно большевистской точке зрения (отраженной в одном из документов того времени), джегонасские евреи «покинули место проживания вследствие набегов банд Шкуро на Карачаево-Черкессию, которые практически до основания разорили поселение». Излагая функционировавший дискурс о причастности подчиненных генерала А.Г. Шкуро и казаков – жителей соседних станций к изгнанию горских евреев из Джегонаса, В.Ю. Коваленко относится к нему скептически [Коваленко 2009: 138–140], видимо, посчитав идеологически ангажированным. Он выдвинул предположение, что главной причиной погрома джегонасцев стало желание заполучить их землю, указывая на причастность к этим событиям местных карачаевцев: «...изгнание народности (горско-еврейской. – *В.К., Д.С.*) с мест проживания было связано с активизировавшимся националистическим движением в среде мусульманского населения» [Коваленко 2009: 141]. Документальными источниками такие факты не подтверждаются, собственно, недоказуемым является тезис о связи между действиями «белобандитов» генерала А.Г. Шкуро и какими-то криминальными настроениями карачаевцев по отношению к евреям-джегонасцам. Но, действительно, покинутые джегонасцами земли оказались впоследствии заняты карачаевцами, жившими или рядом, или в самом селении с начала XX в.

В автобиографических текстах урожденного «джегонасца» С.А. Инотаева (1908 г.р.) «от первого лица» наиболее детально изложена история белогвардейского погрома селения. Он писал, что генералу А.Г. Шкуро стало известно об участии джегонасцев в рядах Красной армии – после чего он отдал команду «уничтожить... село». В августе 1918 г.¹ произошла трагедия: «...в наше село нагрянул большой отряд белобандитов и начал полный разгром села, расстрел невинных наших стариков, женщин и детей». Часть жителей селения сумела спастись, в т.ч. переправившись, как отметил С.А. Инотаев, на левый берег р. Дже-

¹ Год разорения селения – 1918 – подтверждается документально [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 12].

ганас. После разгрома выжившие жители вернулись обратно, застав селение сожженным и ограбленным [Инотаев 1990: 20–21]. С.А. Инотаев полагал, что из 117 семей (именно столько семей, или 500 чел., по его данным, насчитывала община к 1917 г. – В.К., Д.С.) в живых остались 64 семьи. В своей автобиографии С.А. Инотаев, как современник и очевидец многих описанных событий, уточнял, что среди подчиненных генерала А.Г. Шкуро нашелся человек, который, как и генерал, ненавидел евреев; он-то и информировал А.Г. Шкуро о том, что в селении «проживают горские евреи, большое число их мужиков находится в Красной Армии...». По приказу А.Г. Шкуро на село налетела сотня, которая «стала расстреливать всех, кто попадется под их пулю, грабить семьи и сжигать жилища. Кто мог успеть, спаслись тем, что бежали в кустарник ущелья, кто куда [Инотаев, б.г.: 2]. Автор утверждал, что в результате погрома «село Джеганас было полностью уничтожено». Причины и обстоятельства уничтожения сел. Джеганаско-Еврейского и трагические судьбы его жителей получили подтверждение в новых документальных данных, выявленных Д.В. Сенем в 2023 г. Действительно, карачаевцы не были причастны к этим злодеяниям, и ответственность лежала именно на «белогвардейцах» (в других документах конкретно указано на А.Г. Шкуро [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 12, 16]). Дискурс еврейской катастрофы транслировался в советских документах, став своего рода аргументом в дискуссиях о финансовой помощи переселенцам и о выделении им земель. Так, докладчик на съезде горско-еврейской бедноты Терской и Дагестанской областей (г. Дербент, 1920 г.) не стеснялся в выражениях, излагая обстоятельства случившегося. «Кошмарные кровавые события» для жителей поселка настали в 1918 г. в связи с действиями Добровольческой армии, а также казаков, впрочем, никаким образом не конкретизированных (не персонализированных) в тексте. От жителей селения якобы были истребованы 20 молодых людей, назад уже не вернувшиеся; казаки грабили и поджигали дома вместе с людьми, увезя с собой и казнив двух братьев-учителей и пр. Выжившие жители бежали в леса и в «другое селение», где на них обрушились новые беды, включая очередные издевательства со стороны казаков (выкалывание глаз старикам и пр.). Помощи от местных властей евреям не последовало: «...девайтесь куда хотите, помощи не можем дать» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 10]. Далее, судя по докладу, случилось следующее – казаки, чувствуя приближение советских войск, задумали поголовно уничтожить горских евреев «под первый день еврейской пасхи», но не успели [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.]. Этому помешало наступление Красной армии, причем советская власть якобы сама затем предложила евреям покинуть селение – из-за того, что оно находилось поблизости от лесов и гор, откуда подвергалось частым нападениям «банд белых». Обнаруженные нами аналитические выкладки от 17 января 1921 г., сформированные уже упоминавшимся Х. Бениаминовым (предназначенные для Еврейской компартии), тоже свидетельствуют о том, что «в 1919 г. и 1920 г. в Кубанской Области во время последнего нашествия бывш. генерала Шкуро и Врангеля все селения горских евреев земледельцев были уничтожены» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 48]. К сожалению, погромы не были редкостью в период Гражданской войны, в т.ч. на Юге бывшей Россий-

ской империи: их инициаторами являлись различные воинские формирования, «отличились» на этом поприще и части Добровольческой армии. Во всех исследованиях истории антисемитских выступлений за 1918–1922 гг., как в европейской части России [Книга погромов 2007], так и на Кавказе, разгром (погром) сел. Джегонаско-Еврейского Кубанской области не упомянут [История и культура горских евреев 2018: 63, 164–165]. Поэтому новые документальные данные, приводимые в нашей статье, не только раскрывают детали произошедшего злодеяния, но и дополняют скорбный перечень еврейских погромов.

Исход. Рассеяние семей джегонасцев, выживших в погроме, направления их миграций – еще одна существенная лакуна в истории данной локальной группы горских евреев Северного Кавказа. В.Ю. Коваленко обнаружил одним из первых в новейшей историографии документальные данные о переселении джегонасских евреев из своего разоренного селения в ст-цу Невинномысскую, причем «остатки селения Джегонасс были заняты карачаевским народом» [Коваленко 2009: 138]. На наш взгляд, данная находка носит принципиальный характер, позволив приступить к заполнению вышеназванной лакуны истории джегонасцев уже 1920-х гг. О причинах переселения джегонасских евреев именно в ст-цу Невинномысскую, как указывал этот же автор, наверняка неизвестно, с чем следует согласиться. Не исключено, что речь могла идти о ее торговом значении, а также о стремлении джегонасских евреев объединиться там с другими горскими евреями [Коваленко 2009: 142]. Как бы то ни было, уже в 1920 г. джегонасцы массово проживали в ст-це Невинномысской; более того, в источнике указано, что там находилось большинство джегонасцев [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 12 об.].

Джегонасцы, по воспоминаниям С.А. Инотаева, были вынуждены после погрома покинуть родные места и уехать в Моздок, Нальчик, Грозный, Хасав-Юрт, Махачкалу, Журавку, Александровку, Северный, Курсавку и Ставропольскую губернию [Инотаев 1990: 21]. Семья самого Инотаева (мать, Семен и три его сестры) сумели перебраться в ст-цу Невинномысскую, причем в июне 1921 г. мать скончалась там от тифа и голода. В автобиографии С.А. Инотаев уточнял, что «случайно оставшиеся в живых наши односельчане разбрелись по Северному Кавказу, кто в Ставропольский Край, кто в Гор. Моздок, Нальчик, Грозный, Осетию, Дагестан» [Инотаев, б.г.: 2]. В то же время не менее важны слова Инотаева о том, что «многие из наших селян имели своих родственников в гор. Нальчике, Грозном, Махачкале и т.д.» [Инотаев 1990: 21], демонстрирующие определенную закономерность выбора «джегонасцами» того или иного направления своего ухода (бегства). Х. Бениаминов в своей аналитике тоже указывал на ст-цу Невинномысскую как место пребывания спасшихся джегонасцев: «Теперь они влекут жалкое существование в станице Невыномыцкой (так в тексте. – В.К., Д.С.), где их осталось до 250 дворов» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 48]. Возвращаясь к вопросу о направлениях ухода (бегства) джегонасских горских евреев из родного селения, отметим, что это была не только ст-ца Невинномысская. В тексте доклада, адресованного съезду горско-еврейской бедноты Терской и Дагестанской областей (г. Дербент, 1920 г.) делегатом из г. Пятигорска [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–10 об.] содержались важные

данные еще об одном городе, отсутствующем в перечне С.А. Инотаева и в работах исследователей. Выступавший отмечал, что на момент составления доклада в г. Пятигорске насчитывалось 350 душ горских евреев-беженцев родом из Терской и Кубанской областей, а частью – из Дагестанской области, хотя до 1917 г. горские евреи в городе не проживали. В г. Пятигорск стали стекаться горские евреи из разоренных городов Терека и Дагестана, а в 1920 г. – беженцы разоренного Еврейско-Джегонасского селения Кубанской области, «которые находятся в настоящее время в очень критическом плачевном... положении» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 10]. Важно отметить, что, по данным докладчика, большинство джегонасских евреев оказалось в г. Пятигорске, причем привезенные ими туда кожаные товары были реквизированы, что ухудшило и без того их тяжелое жизненное положение [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.].

Джегонас после евреев. Селение джегонасских горских евреев все же не исчезло как населенный пункт – даже после учиненного разорения. Карачаевцы, воспользовавшись ситуацией, заняли после погрома земли ушедших горских евреев, соорудив там свои постройки [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 2]. В другом документе уточняется, что «б. пос. Джегонаско-еврейский в период революции полностью был заселен карачаевцами» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 21]. В записке крайземуправления от 26 февраля 1927 г., адресованной крайисполкому Северо-Кавказского края, указывалось, что брошенные горскими евреями (после их разгрома «белыми бандами») земли «были захвачены Карачаевцами, которые образовали там аул, каковой до 1925 г. был полностью заселен карачаевцами» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24]. *Существующее* в 1922 г. селение Джегонасское отошло в числе других населенных пунктов бывшего Баталпашинского отдела Кубанской области к территории Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО) [Азаренкова и др. 1986: 64] (учрежденной декретом ВЦИК от 12 января 1922 г.). Заметим, что исчезновение из устоявшегося топонима («Джегонаско-Еврейское») привычной, «этнически» маркированной, части, хотя и косвенно, но тоже свидетельствует о том, что к указанному времени горские евреи там не проживали. Также имеются сведения о том, что в х. Джегонас в 1920-е гг. проживало русскоязычное население. Например, по данным наградных листов периода Второй Мировой войны, в Джегонасе родились: в 1921 г. карачаевец Магомет Хаджанович Байраджов¹, в 1926 г. – Николай Иванович Поставничев² и т.д. В этом контексте можно предположить существование двух населенных пунктов с названием Джегонас – хутора, населенного русскими (казаками) в юрте ст-цы Усть-Джегутинской (бывший «старый» еврейский поселок) и карачаевского аула Джегонас (бывшее «новое» еврейское селение).

Стремление на Родину. После случившихся в 1918 г. трагических событий в сел. Джегонаско-Еврейском горские евреи попытались вернуться на территорию КЧАО, ходатайствуя от лица 117 семей (517 едоков) в 1925 г. о наделе-

¹ Байраджов Магомет Хаджанович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_ran62980333 (дата обращения: 23.06. 2024).

² Поставничев Николай Иванович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie41882272 (дата обращения: 23.06. 2024).

нии их там земель [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 18]. И так, сами джегонасы изъявляли желание вернуться туда, откуда ранее были вынуждены бежать – и это говорит о многом... Не исключено, что какая-то их часть попыталась снова осесть на ранее оставленном месте. На это, к примеру, указывают данные из военно-учетной карточки Г.С. Рабаева, горского еврея, 1924 г.р. Он показан уроженцем села «Джекана» Усть-Джегутинского р-на Орджоникидзевского края¹. Безусловно, это название является производным (искаженным) от топонима «Джего(-а)нас». В другом документе о Г.С. Рабаеве вариант названия места его рождения («с. Джаганаз»)² оказался еще ближе к интересующему нас «исходному» топониму. В ст-це Усть-Джегутинской и в окрестностях (например, в г. Карачаевске, основанном в 1926 г.) проживала большая семья Пенхасовых, представители которой, уроженцы станицы, были номенклатурными работниками: Семен Яковлевич Пенхасов в 1920-е – 1930-е гг. – сотрудником Карачаево-Черкесского обкома ВКП(б) [ЦДНИ ГАКЧР. Ф. №П-1. Оп. 1. Ед. хр. 862], а Семен Михайлович Пенхасов – Усть-Джегутинского райкома ВКП(б) [ЦДНИ ГАКЧР. Ф. № П-368. Оп. 4. Ед. хр. 93].

Власти новой автономной области некоторым образом попытались решить вопрос о новом местожительстве для джегонасцев на территории Карачаево-Черкесии – в т.ч. по их собственной просьбе; но разговор о конкретном месте вызвал конфликтные ситуации со стороны местного населения [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 18]. При этом выяснилось, что горские евреи не намерены были массово возвращаться в свой старый поселок, а желали осваивать новые земли (напр., т.н. Мамонтовский участок) [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 2; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 5–5 об., 6, 8, 9, 10, 11, 21]. Впрочем, власти автономии были не слишком активны по вопросу передачи джегонасцам старого юртового надела или наделения их другим участком, несмотря на попытки краевого земельного управления и других краевых структур вмешаться в решение проблемы. Решение в пользу джегонасцев так и не было принято [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 18, 24–24 об.] – вот почему на повестку дня вскоре был поставлен вопрос о выделении для них земельных участков в Степновском р-не Терского округа СКК – по соседству с т.н. моздокскими земельными «фондами», тоже предназначенными для других групп горских евреев [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 20, 21, 26]. При этом власти пришли к выводу о том, что свободных земельных участков для джегонасских евреев на территории Армавирского и Кубанского округов СКК не имеется. Надо отметить, что вышеупомянутому Х. Бениаминову принадлежит заслуга в информировании самых разных советских и партийных структур (включая Наркомнац и Наркомзем РСФСР), начиная с осени 1920 г., о насущных проблемах горских евреев-беженцев, включая рассмотрение вопроса о наделении их земель [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–40 об., 41–44, 45–46, 49–49 об.]. Пытался он оказать помощь и евреям-джегонасцам, совершив поездку на Кубань. Там, неподалеку от г. Арма-

¹ Рабаев Георгий Семенович // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp10578064 (дата обращения: 23.06. 2024)

² Учетная карточка Георгия Рабаева // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp10578063 (дата обращения: 26.06.2024 г.).

вира, даже был подыскан участок земли с постройками, на котором должны были поместиться все «горские евреи, пострадавшие от контр-революции в Куб. обл.» [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 49 об.]. Выезжал он и в ст-цу Невинномысскую, судя по телеграмме от 2 марта, вероятно, того же 1921 г. [ЦГА РД. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 55]. Возможно, Х. Бениаминов являлся родственником торговавшего мануфактурными товарами в ст-це Баталпашинской в первые десятилетия XX в. предпринимателя Я.А. Бениаминова, и таким образом, хорошо был знаком с джегонасскими горскими евреями, их бедами, чаяниями и надеждами.

Примечательно, что сами джегонассы, точнее, представители их группы, «не соглашаясь на переселение в Терокруг, настаивают на отводе им земли в Карачае, Черкессии и Кубани» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24 об.].

Поиск «земли Обетованной». Реализация в 1920-е гг. советской национальной политики коренизации в рамках создания социалистического федерализма подразумевала создание для каждой этнической группы (в т.ч. для национальных меньшинств) территориальных автономий и, соответственно, собственных управленческих национальных кадров и делопроизводства на национальном языке (а для их функционирования необходимы были национальный литературный язык и национальные учебные заведения). Следствием такой политики стало создание своеобразной иерархии автономий: от союзных республик до минимальных единиц – национальных сельсоветов и национальных колхозов (см., напр.: [Мартин 2011: 15]). В «еврейском» вопросе такая политика, кроме вышеуказанного, предполагала земледельческую колонизацию, для чего в 1924 г. при Совете национальностей ЦИК СССР был сформирован Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ), а в следующем 1925 г., в дополнение к этому государственному органу, аналогичная общественная структура – Общество землеустройства евреев трудящихся (ОЗЕТ), призванная осуществлять коммуникации с иностранными благотворительными организациями, типа АгроДжойнт. ОЗЕТ организовал разветвленную сеть своих филиалов и региональных отделений во всех местах проживания евреев СССР [Гительман 2008: 134–139]. Отделения ОЗЕТ и КомЗЕТ были созданы также на территории СКК [Акопян 2016: 53–54]. Поэтому положение джегонасских беженцев и вопросы наделения их земель находились в компетенции этих созданных советской властью организаций.

Летом 1927 г. СевкавказОЗЕТом был командирован в ст-цу Невинномысскую т. Шапиро именно «для обследования Джегонасских переселенцев» [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 9]. В той же сводке 1927 г. СевкавказОЗЕТа находим, что в связи с началом работ по переселению в Терский округ «Джегонасских горских евреев, проживающих в Невинномысской» Терским отделением ОЗЕТ, по согласованию с СевкавказОЗЕТом, было создано отделение ОЗЕТ как раз в ст-це Невинномысской [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 328. Л. 12]. События стали развиваться достаточно быстро, благодаря усилиям сразу нескольких организаций; причем группу джегонасских горских евреев, численностью «140 хозяйств до 600 едоков», предполагалось переселить из ст-цы Невинномысской уже в 1927/1928 хоз. году [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 326. Л. 10]. В из-

менившихся условиях джегонасцы просили наделить их землей, предполагая еще в 1926 г. положительное решение вопроса о земельном наделе в КЧАО. Примечательно, что два коммуниста – рабочие из г. Баку, оказавшиеся по случаю в ст-це Невинномысской, организовали и провели еще летом 1926 г. (с ведома местного райкома партии) собрание проживавших там горских евреев. Земельный вопрос оказался в центре этого не вполне обычного собрания, а одним из его итогов стало письмо указанных «поручителей» джегонасцев на имя «всесоюзного старосты» М.И. Калинина [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 12-13 об.], нашедшее определённый отклик у властей.

Концентрированное заселение территории Терского округа СКК горскими евреями успешно вписывалось в реализуемую советской властью политику коренизации национальных меньшинств. Так, в докладной записке из крайземуправления в северокавказский крайисполком (либо исходящий, либо входящий документа – № 969 от 27 февраля 1927 г.) прямо говорилось о том, что после заселения горскими евреями земельных фондов на территории Терского округа получится «почти единая территория, заселенная горскими евреями, что дает возможность организовать национальную административную единицу. Указанное выше предположение об устройстве горских евреев бывш. села Джагонас. Еврейское в Терокруге и смета необходимых... средств на их устройство на новых местах были согласованы» с КомЗЕТом [ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 203. Л. 24 об.]. В оперативных планах Терского отделения ОЗЕТ на вторую половину 1927 г. значился «перевод на землю 70 семейств Джегонасских горских евреев» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 2]. В целях их ин-структирования и проведения *регистрации* «в центр их места нахождения в станицу Невинномысскую» был командирован член правления Терского ОЗЕТ т. Большук [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 5]. Именно Терскому ОЗЕТу вышестоящие краевые органы поручили всю оперативную работу по «земельному устройству Джегонасских евреев». Исключительно важна фраза из того же документа о том, что «Джегонасские евреи проживают в ряде станиц и аулов!» – надо думать, того же Армавирского округа [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 5]; необходимую работу по их *выявлению* и регистрации предполагалось закончить в начале сентября 1927 г. К слову, из отчетного доклада Армавирской ячейки ОЗЕТ (за время от 24 июня 1926 г. по 1 июля 1928 г.) следовало, что в ней, помимо представителей других сообществ, состояло «горских евреев и субботников 56 чел.» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 43. Л. 26]. Определенная инициатива имела место со стороны самих джегонасцев, например, направивших письмо в Терское окружное правление ОЗЕТ в том же году [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 38]. К августу 1928 г. на Степновских земельных фондах обосновалось уже 20 семейств горских евреев (джегонасцев), желавших остаться на зиму и сумевших перевезти на эти земли свои семьи [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–11]. В дальнейшем джегонасцы стали разновременно переселяться на территорию Терского округа, но, по всей видимости, в первые годы существования х. Богдановка и х. Ганштаковка их большинство все же оставалось на территории Армавирского округа СКК.

Важно отметить еще одно важное обстоятельство – вопрос о землеустройстве джегонасских евреев привел к такому интересному последствию, как регулярный сбор о них (равно как о моздокских и грозненских евреях) властными и иными структурами разнообразной статистической, этнографической и иной информации. В числе элементов таких описаний – посемейные списки горских евреев из разных групп. Интересны актуальные для второй половины 1920-х гг. списки, например, грозненских горско-еврейских переселенцев [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 38. Л. 11–12, 15, 20 об.–21], необходимые для изучения их антропоники, семейно-брачных отношений и т.п. Эвристический потенциал аналогичных документов тех же лет [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–11] трудно переоценить – они позволяют ставить на повестку дня вопросы о внутригрупповых отношениях и половозрастном состоянии группы в 1920-е гг. Помимо же примеров с поездками на Кубань к джегонасцам тт. Шапиро и М.М. Большука, можно привести еще, как минимум, два примера. Согласно протоколу заседания президиума Терского ОЗЕТа (от 6 октября 1927 г.) «для проведения в жизнь постановления Президиума об организации Джегонасских переселенцев и оформления их в товарищества, а также по линии полного освещения перед Джегонасскими переселенцами о положении и ближайших работах по Степновску было решено командировать в станицу Невинномысскую т. Дикмана» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 42]. Кроме того, в докладе М.И. Ганштака на том же заседании было сказано «о джегонасских переселенцах», обустройству которых должна была подействовать передача им участка №72, принадлежавшего артели «Зернопродукт». 6 ноября 1928 г. на заседании Терского Комзет слушался вопрос «О передаче Джегонасским евреям участка артели "Зернопродукт" в связи с ликвидацией артели» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 30]. Вопрос решался положительно во взаимодействии с другими организациями в связи с ликвидацией артели и ввиду «предстоящего в ближайшие годы переселения остального количества Джегонасских евреев, проживающих на Северном Кавказе» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 30]. Признавалось необходимым «немедленно приступить к организации переселенцев Джегонасса, составить списки уже изъявивших переселиться», а также произвести заявку на 2000 дес. земли для 100 семейств этих переселенцев и поставить вопрос перед краевым ОЗЕТом о новых местах выхода переселенцев...» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 42]. По итогам заседания президиума Терского окружного правления ОЗЕТ от 5 мая 1928 г. один из сотрудников направлялся по запросу Невинномысского ОЗЕТ в эту станицу для обсуждения вопроса «о предстоящем переселении джегонасских евреев в Степновском районе» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 47]. Благодаря докладу «О результате изучения положения горских евреев Сев. Кавказа», составленного специалистами СевкавОЗЕТ (вероятно, в 1926 или 1927 г.) [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13], численность горских евреев Северного Кавказа (всего – 10300 чел.) оценивалась следующим образом:

1. Грозный – 4000 чел.
2. Нальчик – 3500 чел.
3. Моздок – 1000 чел.

4. Невинномысская – 800 чел.
5. Остальные города – 1000 чел. [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д.1. Л. 10].

Подчеркнем, что доклад формировался путем как выезда специалистов в города СКК (напр., Нальчик, Моздок), так и путем заслушивания докладов с мест. По результатам одной из подобных поездок (1927 г.) было получено согласие на переселение со стороны 70 семей (303 едоков) джегонасцев, обратившихся за помощью в приобретении им лошадей для переселения в Терский округ [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 35. Л. 55]. Итоги же поездки т. Дикмана «по линии Джегонасского переселения» были заслушаны на заседании президиума Терского ОЗЕТ 9 ноября 1927 г. В частности, было решено зарегистрировать «Кубано-Еврейское переселенческое товарищество» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д.35. Л. 109]. 1 февраля 1928 г. на заседании правления Терского ОЗЕТ было заслушано письмо «Кубано-Еврейского Товарищества Джегонасских горских евреев» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 104].

В ходе подобных и иных коммуникаций интенсифицировались и обратные связи – уже со стороны самих джегонасцев, активно подававших прошения, направлявших в край своих активных представителей и пр. Так, на заседании президиума Терского окружного правления ОЗЕТ от 18 июня 1928 г. присутствовали три представителя от джегонасских переселенцев (Мотаев, Мелихов, Позоров) и два (Матаев и Шубаев) – от грозненских евреев [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 38]. Одному из сотрудников Терского ОЗЕТ, т. Соловью, поручалось немедленно выехать в ст-цу Невинномысскую для отбора и перевозки джегонасских переселенцев «этого года», а другому сотруднику – в Грозный – для отбора и отправки на еврейские земельные фонды «грозненской группы» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 38]. Днем ранее, 17 июня 1928 г., представители нальчикских, моздокских, степновских (значит – джегонасских) и грозненских горских евреев в составе 4 чел. (Шаулов, Монаширова (?), Мелихов, Матаев) присутствовали на окружной конференции Терского ОЗЕТа [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 41 а]. А на заседании президиума Терского ОЗЕТ от 20 сентября 1928 г. были озвучены *письма* «переселенца Джегонасских евреев тов. Якубова» об удовлетворительном положении на Степновских фондах [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 21].

Власти и организации разного уровня планировали разместить на еврейских фондах Терского округа СКК несколько разных по происхождению и количеству групп горских евреев, причем далеко не всем планам удалось сбыться [Акопян 2016: 55–58]. Стоит обратить внимание на то, что из двух хуторов (Богдановка и Ганштаковка) первый был основан и стал заселяться с весны 1927 г., а второй – позже, вероятно, не ранее середины 1928 г. Только в х. Богдановке предполагалось поселить 350 семей. На заседании правления СевкавОЗЕТ от 29 января 1928 г. «вопросы оперативной работы» в Терском округе включали в себя такие расчеты по будущим переселенцам из числа горских евреев: 75 семей второй очереди «моздокских переселенцев», 70 семей джегонасских переселенцев и 65 семей грозненских переселенцев [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 32. Л. 10].

В своих воспоминаниях С.А. Инотаев изложил несколько иной взгляд на эти события, так сказать, «глазами самих джегонасцев», желавших воссоединиться «своей общиной» в одном месте. Главы семей собрались в сентябре 1928 г. в Грозном, где составили письмо председателю крайисполкома и секретарю крайкома ВКП(б) «с просьбой о наделе наших селян пахотной землей». С письмом в Ростов-на-Дону были делегированы дяди С.А. Инотаева – Игнат Инотаев и Софрон (Тукли) Израев. Прошение увенчалось успехом: в марте 1929 г. от крайкома и крайисполкома поступило письмо, что «нашей общине выделено 2000 га пахотной земли в Моздокском районе, недалеко от села Ара-рат, куда наши селяне могут переселяться и устраиваться». Далее С.А. Инотаев описывал процесс переселения, начиная с марта 1929 г., и освоение «новой родины» в 1931–1932 гг.: строительство жилищ, выбор названия селу в честь председателя крайисполкома Богданова, создание коллективного хозяйства «Дружба» [Инотаев 1990: 25–26].

Несмотря на скромные (по сравнению с запланированными) количественные показатели евреев-переселенцев, политика коренизации привела к созданию в х. Ганштаковка и х. Богдановка горско-еврейских сельских советов, образовательных учреждений – школ; в перспективе речь шла о создании горско-еврейского района. Показательны слова председателя Терского КомЗЕТа Окрисполкома т. Костенко, сказанные на заседании 6 сентября 1928 г.: «Констатировать удовлетворительное состояние на фондах Моздокского переселения, считая, что первая еврейская деревня на Северном Кавказе построена и привлекает к себе... внимание широкой советской еврейской и нееврейской общественности Терека» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 47. Л. 29].

Уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. среди жителей х. Ганштаковка и х. Богдановка появились и стали проживать евреи-ашкеназы и субботники [Акопян 2016: 57; Исход 2000: 157, 164]. К слову, в 1929 г. президиумом КрайОЗЕТ была критически оценена работа Армавирского отделения ОЗЕТ по переселению оттуда субботников (надо думать, на еврейские фонды Терского округа), которые «с одной стороны не подлежат переселению, а с другой стороны – не могут быть переселенцами по одному их только религиозному признаку, не принадлежа к евреям по национальным признакам» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 56. Л. 48]. Констатируем, что на территории Терского округа СКК объединялись не только горско-еврейские группы (определенно знакомые друг другу еще в досоветский период и сформировавшие тогда дружеские, родственные, торговые и иные связи). Авторы полагают, что в данном случае в новых условиях возрождался дореволюционный опыт коммуникации джегонасских евреев с теми же субботниками и ашкеназами, совместно проживавшими в пос. Джегонаско-Еврейском. Еще в начале 1930-х гг. в крае разрабатывались планы по дальнейшему освоению «Моздокских горско-еврейских переселенческих фондов» (напр., за счет горских евреев Дагестана), где уже имелись два «мощных» колхоза с населением до 200 семей. В будущем же признавалось возможным создание там горско-еврейского района вследствие концентрации еврейского переселения на эти фонды [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 84. Л. 63]. При этом в документе ссылались на решение краевого КомЗЕТ «о переселении горско-еврейской бедноты Края и Дагестана в одно место, а именно

Моздокские горско-еврейские переселенческие фонды» [ГАРО. Ф. Р-1484. Оп. 1. Д. 84. Л. 63].

Заключение

Таким образом, проанализированный в статье более чем 10-летний (1918 г. – начало 1930-х гг.) период истории небольшой локальной группы горских евреев Северного Кавказа (джегонасских, или кубанских) позволил ответить на некоторые проблемные историографические вопросы и выявить важные этносоциальные тенденции их «советской истории». Во-первых, с достаточной степенью уверенности можно говорить о разгроме в 1918 г. (или 1919 г.) сел. Джегонасско-Еврейского, классифицируя это чрезвычайное происшествие как погром в череде подобных злодеяний периода Гражданской войны. С большой долей уверенности можно говорить о причастности к погрому джегонассцев белогвардейских воинских подразделений (достоверно неизвестно – каких именно, хотя в исторической памяти, в народных представлениях, а также уже во многих выявленных документах раннесоветской эпохи эту трагедию связывают с именем генерала А.Г. Шкуро). Во-вторых, удалось проанализировать совокупность миграций джегонассцев, оставшихся без крова после разгрома своего селения. Первоначально беженцы сконцентрировались в ст-це Невинномысской (большая их часть), а также в других населенных пунктах Северного Кавказа (не только Кубани) и Ставрополя. Их намерения и попытки вернуться в родные места – на земли оставленного селения в Карачаево-Черкесии, продолжавшиеся вплоть до 1926 г., не увенчались успехом. На месте бывшего еврейского селения расположился карачаевский аул с аналогичным названием Джегонас, поэтому власти КЧАО отклонили прошения джегонасских горских евреев о возвращении в регион. Также не были воплощены в жизнь и другие проекты наделения земель горских евреев в КЧАО, вступавшие в определенное противоречие с конкретным региональным опытом советской национальной политики. В-третьих, удалось выяснить, что, оказавшись в сфере компетенции специально учрежденной организации по землеустройству евреев (ОЗЕТ), а также КомЗЕТ, джегонассцы были вынуждены согласиться с предложенным вариантом своей консолидации на земельных фондах Степновского р-на Терского округа в форме горско-еврейского национального колхоза, что, в принципе, соответствовало их идентификационным практикам сохранения группового единства «кубанских джегонасских горских евреев». Их переселение на новую родину – советскую «землю Обетованную», начавшееся в 1928 г., не стало одномоментным, растянувшись на несколько лет. По соседству друг с другом были основаны два горскоеврейских хутора – Ганштаковка и Богдановка, во втором из которых преобладали, судя по всему, джегонассцы. В начале 1930-х гг. джегонасские переселенцы х. Богдановки создали на месте своего проживания к-з «Дружба». Организация национальных еврейских колхозов в х. Богдановке и х. Ганштаковке, учреждение в них национальных школ предполагали дальнейшие шаги в русле советской политики коренизации и должны были привести к созданию национальных сельских советов и даже национального еврейского района, чего, впрочем, не произошло.

Это сложное десятилетие (1920-е гг.), время переживаемой потери своего родного селения, время скитаний и поисков лучшей доли в новых советских ре-

алиях, годы обретения для своей группы («нашего народа», по словам С.А. Инотаева) новой родины продемонстрировали определенную групповую устойчивость и, возможно, закрепили групповое самоназвание *гъубонигъо* (кубанские), сохраняющееся до сих пор. Дальнейшая архивная эвристика должна способствовать устранению лакун в истории джегонасских горских евреев 1930-х гг. — начала 1940-х гг. вплоть до трагических событий Холокоста 1942 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Азаренкова и др. 1986 — *Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С.* Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. — 395 с.

Акопян 2016 — *Акопян В.З.* К вопросу о земельном устройстве горскоеврейских беженцев на Юге России в 1920–30-е гг. // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: Сб. научных статей. — Ставрополь: СКФУ, 2016. — С. 55–58.

ВДОСК 1909 — *Вся Донская область и Северный Кавказ на 1909 год. Книга администрации, промышленности и торговли / Под ред. Д.С. Нейфельда.* — Ростов на/Д.: Издание А.И. Тер-Абрамиана, 1909. — 616 с.

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону).

Гительман 2008 — *Гительман Ц.* Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней / Авт. перевод с англ. А.Б. Каменского; науч. ред. О.В. Будницкий. — М.: НЛЮ, 2008. — 512 с.

Горец 1908 — *Горец. Баталпашинск (Кубанск. обл.) (От нашего корреспондента) // Рассвет.* — 1908. — 29 июня. — № 25. — С. 25–27.

Горские евреи 1999 — *Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и ред. В. Дымшиц; под общ. ред. И. Бегуна.* — М.: ДААТ/Знание, 1999. — 464 с.

Джегонасский 1910 — *Джегонасский // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. Том седьмой.* — СПб.: Издание Общества для Научных Еврейских Изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, 1910. — С. 153.

Инотаев 1990 — *Инотаев С.А.* Трагическая история еврейских общин на Кавказе. Краткий очерк. (Рукопись). 1990 / Личный архив О.С. Шауловой, 1931 г.р., уроженки с. Богдановка, супруги С.А. Инотаева // Цифровая копия в электронном архиве Еврейского музея и центра толерантности (Москва).

Инотаев, б.г. — *Инотаев С.А.* Автобиография участника войны, ветерана труда, инвалида 2-й группы Инотаева Семена Акимовича. (Рукопись). Б.г. // Подарена О.С. Шауловой (1931 г.р., уроженки с. Богдановка), супругой С.А. Инотаева в архив Еврейского музея и центра толерантности (Москва).

История и культура горских евреев 2018 — *История и культура горских евреев / науч. ред. Е.М. Назарова, И.Г. Семенов.* — М.: Производственно-полиграфический центр «ГБПринт», 2018. — 800 с.

Исход 2000 — *Исход горских евреев: разрушение гармонии миров / Сост. С.А. Данилова.* — Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000. — 216 с.

Книга погромов 2007 — *Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и в европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов / Отв. ред. Милякова Л.Б. Отв. сост.: Зюзина И.А., Милякова Л.Б. при участии В.Т. Середы, Розенблат Е.С., Еленской И.Э.* — М.: РОССПЭН, 2007. — 1017 с.

Коваленко 2009 — *Коваленко В.Ю.* Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX — первой трети XX веков (на материалах Ставрополя и Кубани): Дис. ... к.и.н. — Ставрополь, 2009. — 306 с.

Колесов 2009 – *Колесов В.И.* Дискуссионные вопросы появления, функционирования и исчезновения Джегонаско-еврейского поселка Кубанской области // История, историография и этнография горских евреев: Тезисы докладов региональной научной конференции. – Дербент, 2009. – С. 34–38.

Колесов 2020 – *Колесов В.И.* Горские евреи, урымы, черкесогаи: типология немусульманских групп Северо-Западного Кавказа середины XIX века // *Judaic-Slavic Journal*. – 2020. – № 2 (4). – С. 33–59.

Колесов 2023 – *Колесов В.И.* История и культура джегонаских горских евреев в современных цифровых архивах / базах данных (источниковедческий аспект) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 339–351.

Колесов, Сень 2000 – *Колесов В.И., Сень Д.В.* Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры: независимый научный журнал. – М.: ЗАО «Олита», 2000, № 3. – С. 199–211.

Колесов, Сень 2009 – *Колесов В.И., Сень Д.В.* Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Ч. 2. М., 2009. – С. 401–413.

Косяшников 2019 – *Косяшников С.А.* Иногородные поселения на территории современной Карачаево-Черкесии: возникновение, становление, развитие (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – Вып. 4(249). – 2019. – С. 51–59.

Косяшников 2023 – *Косяшников С.А.* Иногородное население на территории современной Карачаево-Черкесии: социальный, хозяйственный уклад и опыт управления (вторая половина XIX – начало XX века). Автореферат дис. ... к.и.н. – Майкоп, 2023. – 36 с.

КОВ 1911 – Кубанские областные ведомости, 1911. – 25 сентября. – С. 1.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Македонов 1908 – *Македонов Л.В.* В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. – Воронеж: Типо-Лит. Т-ва Н. Кравцова и К° (бывш. Исаева), 1908. – 323 с.

Марков 2007 – *Марков В.Н.* Евреи Кубанской области: вторая половина XIX – начало XX в.: Автореферат дис. ... к.и.н. – Майкоп, 2007. – 31 с.

Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. – М.: РОССПЭН, 2011. – 662 с.

Михайлов 2014 – *Михайлов И.В.* Карачаево-Черкесская Республика. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2014. – 000 с.

ООО 1899 – ООО. Еврейско-Джегонаский поселок // Кубанские областные ведомости. – 1899. – №226 (24 октября). – С. 1.

Павленко 1933 – *Павленко И.П.* Черкесская автономная область // Революция и горец. – Ростов-на-Дону: Партиздат, 1933. – № 9. – С. 22–28.

Сень 2007 – *Сень Д.В.* Новые материалы о горских евреях Кубанской области (Джегонаско-Еврейский поселок) // Фелицынские чтения (IX): Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар: ООО «А-Адамс», 2007. – С. 117–130.

Сень 2023 – *Сень Д.В.* История горских евреев Северо-Кавказского края 1920-х – 1930-х гг.: актуальные вопросы историографии и источниковедения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – №4. – С. 291–307.

Соловьева 2016 – *Соловьева Н.Г.* Из истории горских евреев северокавказского региона (посёлок Джегонаско-Еврейский, вторая половина XIX – первая половина XX вв.) // Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария. – Сухум: Дом печати, 2016. – С. 164–174.

Хатуев 2016 – *Хатуев Р.Т.* Евреи в Карачае. – Черкесск: Издательство Карачаевского НИИ, 2016. – 106 с.

Чурсин 1915 – *Чурсин Г.Ф.* Поездка в Карачай // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Т. XXIII. – № 3. – Тифлис, 1915. – С. 240–255.

ЦГА РД – Центральный государственный архив республики Дагестан (Махачкала).

ЦДНИ ГАКЧР – Центр документации новейшей истории – Филиал учреждения «Государственный архив Карачаево-Черкесской республики» (Черкесск).

REFERENCES

AKOPYAN V.Z. *K voprosu o zemel'nom ustroistve gorskoevрейskikh bezhentsv na Yuge Rossii v 1920–30-e gg.* [On the issue of the land arrangement of Mountain Jewish refugees in the South of Russia in the 1920s–30s.]. IN: *Regional'nyi narrativ imperskoi provintsii: sovremennye metodologicheskie podkhody i issledovatel'skie praktiki.* – Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2016. – P. 52–58. (In Russ.).

AZARENKOVA A.S., BONDAR' I.Yu., VERTYSHEVA N.S. *Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.)* [The Main Territorial and Administrative Transformations on Kuban Region (1793–1985s)]. – Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoy izdatel'stvo, 1986. – 395 p. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Poezdka v Karachay* [The Karachay Trip]. IN: *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo Obshchestva* [The Caucasian department of Russian Imperial Geographic Society News]. Т. XXIII. Vol. 3. – Tiflis, 1915. – P. 240–255. (In Russ.).

DANILOVA S.A. (ed.) *Iskhod gorskikh evreev: razrushenie garmonii mirov* [Exodus of Mountain Jews: destruction of the worlds' harmony]. – Nalchik: Poligrafservis i T Publ., 2000. – P. 5–8. (In Russ.).

DYMSHITS V. and I. BEGUN (ed.) *Gorskie evrei: Istoriia, etnografiia, kul'tura* [Mountain Jews: History, ethnography, culture]. – Moscow: DAAT/Znanie, 1999. – 644 p. (In Russ.).

Dzhegonasskiy [Dzhegonas settlement]. IN: *Evreyskaya entsiklopediya. Svod svedeniy o evreystve i ego kul'ture v proshlom nastoyashchem* [Jewish encyclopedia. Summary of information about Jewry and its Culture in Past and Present]. Edited by Ph.D. L. Katsenel'son and baron D.G. Gintsburg. Vol. 7. – SPb.: Izdanie Obshchestva dlya nauchnykh Evreyskikh Izdaniy i Izdatel'stva Brokgauz-Efron, 1910. – P. 153. (In Russ.).

GITELMAN Z. *A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present* / English transl. A.B. Kamenskiy; ed. O.V. Budnitskiy. – Moscow: NLO, 2008. – 512 p. (In Russ.).

GOSETS. *Batalpashinsk (Kubansk. obl.) (Ot nashego korrespondenta)* [Batalpashinsk settlement (Kuban region) (From our correspondent)]. IN: *Rassvet.* – 1908. – 29 June, №25. – P. 25–27. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of Krasnodar region]

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoy oblasti [State Archive of Rostov-on-Don region]

INOTAEV S.A. *Tragicheskaya istoriya evreyskikh obshchin na Kavkaze. Kratkiy ocherk* [Tragic History of Caucasian Jewish Societies. Short Essay]. (Manuscript). 1990 / O.S. Shaulova Personal Archive, S.A. Inotaev's wife // Digital Copy at Digital Archive of Jewish Museum and Tolerance center (Moscow). (In Russ.).

INOTAEV S.A. *Avtobiografiya uchastnuka voyny, veterana truda, invalida vtoroy gruppy Inotaeva Semena Akimovicha* [Autobiography of Semyon Akimovich Inotaev, War and Labour Veteran, disabled group 2] (Manuscript) // The O.S. Shaulova Gift to Archive of Jewish Museum and Tolerance center (Moscow). (In Russ.).

KHATUEV R.T. *Evrei v Karachae* [Jews in Karachay]. – Cherkessk: Izdatel'stvo Karachaevskogo NII, 2016. – 106 p. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Diskussionnye voprosy poyavleniya, funktsionirovaniya ischeznoeniya Dzhegonassko-evreyskogo poselka Kubanskoy oblasti* [The Discussion Questions of Jewish Dzhegonas Settlement Foundation, Functioning and Disappearance]. IN: *Istoriya, istoriografiya i*

etnografiya gorskikh evreev: Regional Scientific Conference Abstracts of Reports. – Derbent, 2009. – P. 34–38. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Gorskie evrei, urymy, cherkesogai: tipologiya nemusul'manskikh grupp Severo-Zapadnogo Kavkaza serediny XIX veka* [Mountain Jews, Uryms, Cherkesohays: the typology of non-Muslim groups in the Northwestern Caucasus in the middle of the 19th century]. IN: Judaic-Slavic Journal. – 2(4). – P. 33–59. (In Russ.).

KOLESOV V.I. *Istoriya i kultura dzhegonasskikh gorskikh evreev v sovremennykh tsifrovyykh arkhivakh / bazakh dannukh (istochnikovedcheskiy aspekt)* [Dzhegonas Mountain Jews History and Culture in the Modern Digital Archives / Databases (Source Study Aspect)]. IN: Electronic Journal “Caucasology”. – 2023. Vol. 4. – P. 339–351. (In Russ.).

KOLESOV V.I., SEN' D.V. *Nedolgaya istoriya gorskikh evreev Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Short History of the North-Western Caucasian Mountain Jews]. IN: *Diaspory*. – № 3. – P. 199–211. (In Russ.).

KOLESOV V.I., SEN' D.V. *Vybory, elity, identichnost' (sluchay gorskikh evreev Kubanskoj oblasti)* [The Election, Elites, Identity (case of Mountain Jews of Kuban region)]. IN: *Voprosy evreyskoj istorii: Materialy Shestnadtsatoy ezhegodnoj mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike*. Part 2. – Moscow, 2009. – P. 401–413. (In Russ.).

KOSYASHNIKOV S.A. *Inogodnie poseleniya na territorii sovremennoj Karachaevo-Cherkessii: vzniknovenie, stanovlenie, razvitie (vtoraya polovina 19-go – nachalo 20-go vv.)*. [Nonresident settlements in the territory on modern-day Karachay-Circassia: Emergence, formation and development (second half of the 19th and the beginning of the 20th century)]. IN: *Adygeian State University Bulletin*. Quarterly, peer reviewed, refereed journal. – Vol. 4 (249). 2019. – P. 51–59. (In Russ.).

KOSYASHNIKOV S.A. *Inogodnee naselenie na territorii sovremennoj Karachaevo-Cherkessii: sotsialnyi, khozyaistvennyi uklad i opyt upravleniya (vtoraya polovina 19-go – nachalo 20-go veka)* [Nonresident inhabitants at the territory on modern-day Karachay-Circassia: Social, Economic Structure and management experience (the second half of the 19th and the beginning of the 20th century)]. PhD diss. – Maykop: Adygeian State University, 2023. – 36 p. (In Russ.).

KOVALENKO V.Yu. *Evrei v khoziaistvennoi, politicheskoi i sotsial'noi zhizni rossijskoj provintsii v kontse XIX – pervoi treti XX vekov (na materialakh Stavropol'ia i Kubani)* [Jews in the economic, political and social life of the Russian provinces at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries (on the materials of Stavropol and Kuban)]. PhD diss. – Stavropol': Stavropol' State University, 2009. – 306 p. (In Russ.).

Kubanskije oblastnye vedomosti [Kuban Regional news]. – 1911, 25 September. – P. 1. (In Russ.).

LATUR B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling The Social: An Introduction to Actor-Network-Theory] / per. s angl. I. Polonskoi, pod red. S. Gavrilenko. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. – 384 p. (In Russ.).

MAKEDONOV L.V. *V gorakh Kubanskogo kraya. Byt i khozyaistvo zhiteley nagornoy polosy Kubanskoj oblasti* [At the mountains of Kuban region. Inhabitants Life and Economy of Kuban region Upland strip]. – Voronezh: Tipo-lit. N. Kravtsov Co. and C° (former Isaev), 1908. – P. 332. (In Russ.).

MARKOV V.N. *Evrei Kubanskoj oblasti: вторая половина 19-go – начало 20-go v.* [Jews of Kuban region: the second half of the 19th and the beginning of the 20th century]. PhD diss. – Maykop, 2007. – 31 p. (In Russ.).

MARTIN T. *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 855 p. (In Russ.).

MIKHAYLOV I.V. *Karachaevo-Cherkesskaia Respublika* [Karachay-Cherkess Republic]. – Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2014. – (In Russ.).

MILYAKOVA L.B. (ed.) *Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Belorussii i v evropeyskoj chasti Rossii v period Grazhdanskoy vojny. 1918–1922 gg.* [The Pogroms Book. Pogroms at the Ukraine, Belorussia and Russian European part during Civil War. 1918–1922s]: Documental

collection. Compiled by: I.A. Zyuzina, L.B. Milyakova with participation of V.T. Sereda, E.S. Rozenblat, I.E. Elenskaya. – Moscow: ROSSPEN, 2007. – 1017 p. (In Russ.).

NAZAROVA E.M. and I.G. SEMYONOV (eds.). *Istoriya i kul'tura gorskikh evreev* [Mountain Jews History and Culture]. – Moscow: Proizvodstvenno-poligraficheskiy tsentr «GBPrint», 2018. – 800 p. (In Russ.).

ООО. *Evreysko-Dzhegonasskiy poselok* [Jewish Dzhegonas Settlement]. IN: *Kubanskije oblastiye vedomosti*. – 1899. – № 226. 24 October. – P. 1. (In Russ.).

PAVLENKO I.P. *Cherkesskaya avtonomnaya oblast'* [Circassian autonomous region]. IN: *Revolutsiya i gorets*. – Rostov-on-Don: Partizdat. 1933. № 9. – P. 22–28. (In Russ.).

SEN' D.V. *Novye materialy o gorskikh evreyakh Kubanskoy oblasti (Dzhegonassko-Evreyskiy poselok)* [New Data about Mountain Jews Of Kuban region (Jewish Dzhegonas Settlement)]. IN: Felitsyn Readings (IX): Regional Scientific Conference materials. Krasnodar: "A-Adams", 2007. – P. 117–130. (In Russ.).

SEN' D.V. *Istoriya gorskikh evreev Severo-Kavkazskogo kraja 1920-kh – 1930-kh gg.: aktual'nye voprosy istoriografii i istochnikovedeniya* [History of mountain Jews of the North Caucasus region 1920s – 1930s current issues in historiography and sources]. IN: Electronic Journal "Caucasology". – 2023. – Vol. 4. – P. 291–307. (In Russ.).

SOLOV'EVA N.G. *Iz istorii gorskikh evreev severokavkazskogo regiona (poselok Dzhegonassko-Evreiskii, vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.)* [From the history of the Mountain Jews of the North Caucasian region (the village of Dzhegonasso-Jewish, the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries)]. IN: *Kavkaz na istoricheskikh perelomakh XIX–XX stoletii: problemy politicheskoi, sotsial'noi i intellektual'noi istorii*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Georgiia Alekseevicha Dzirariia. – Sukhum: Dom pechaty. 2016. – P. 164–174. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii – filial "Gosudarstvennyi Arkhiv Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki" [Center of Modern History Documentation – Department of State archive of Karachay-Circassia Republic].

Tsentr al'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Dagestan [Central State archive of Dagestan Republic].

Vsya Donskaya oblast' i Severnyi Kavkaz na 1909 god. Kniga administratsii, promyshlennosti i trgovli [The entire Don Region and the North Caucasus on 1909 year. Reference Book of Trade, Industry and Administration]. Ed. by D.S. Neyfel'd. Rostov-on-Don: Izdanie A.I. Ter-Abramiana, 1909. – 616 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Д.В. Сень – доктор исторических наук.

В.И. Колесов – независимый исследователь.

Information about the authors

D.V. Sen' – doctor of Sciences (History).

V.I. Kolesov – an independent researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94(471.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-166-180
EDN: GJIYEG

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ТЕНДЕНЦИИ

Касболат Фицевич Дзамихов¹, Артур Гусманович Кажаров²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем внутреннего административно-территориального переустройства Кабардино-Балкарской автономной области в 1920-е гг. В этот период шел активный процесс поиска эффективных форм организации власти, формирования системы советских автономий и укоренения нового Российского государства в регионе. В таких условиях советская власть определила одним из фундаментальных факторов государственной национальной политики учет интересов компактно проживающих в национальных автономиях не титульных народов – национальных меньшинств. В Кабардино-Балкарии к ним относились казаки, горские евреи, немцы, кумыки и др. Руководство Кабардино-Балкарской автономной области активно подключилось к решению вопросов их самоопределения. При этом отдельные формы самоопределения национальных меньшинств предусматривали прямое подчинение областным органам власти. Проведенные в 1920-е гг. административно-территориальные преобразования затронули основы национальной автономии кабардинского и балкарского народов, что выразилось в институциональной трансформации и вовлечении в ее структуру большинства народов, проживавших на территории Кабардино-Балкарии.

Вопросы самоопределения национальных меньшинств рассматривались в июле 1925 г. на пленуме Центрального исполнительного комитета Кабардино-Балкарской автономной области, стенограмма и протокол решения которого публикуются в качестве приложения к данной статье. Они имеют большое научное значение для понимания основных проблем, задач и тенденций развития административно-территориального развития Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, автономия, национальные меньшинства, самоопределение, область, округ.

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г. Развитие административно-территориального устройства Кабардино-Балкарии в 1920-е годы: проблемы, задачи, тенденции // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 166-180. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-166-180. EDN: GJIYEG.

© Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., 2024

Original article

THE DEVELOPMENT OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF KABARDINO-BALKARIA IN THE 1920S: PROBLEMS, TASKS, TRENDS

Kasbolat F. Dzamikhov¹, Artur G. Kazharov²

^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

Abstract. The article studies the problems of internal administrative and territorial reorganization of the Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast (Region) in the 1920s. During this period, there was an active process of searching for effective forms of power organization, the formation of a system of Soviet autonomies and the establishment of a new Russian state in the region. In such circumstances, the Soviet government identified one of the fundamental factors of state national policy as taking into account the interests of non-titular peoples living closely in national autonomies – national minorities. In Kabardino-Balkaria, those minorities included Cossacks, mountain Jews, Germans, Kumyks, etc. The governance of the Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast (Region) has actively joined in solving the issues of their self-determination. At the same time, certain forms of self-determination of national minorities provided for direct subordination to regional authorities. The administrative and territorial transformations carried out in the 1920s affected the foundations of the national autonomy of the Kabardian and Balkarian peoples, which was reflected in the institutional transformation and involvement in its structure of the majority of peoples living on the territory of Kabardino-Balkaria.

The issues of self-determination of national minorities were considered in July 1925 at the plenum of the Central Executive Committee of the Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast (Region), the transcript and protocol of the decision of which are published as an appendix to this article. They are of great scientific importance for understanding the main problems, tasks and trends in the development of the administrative and territorial development of Kabardino-Balkaria in the reviewed period.

Key words: Kabardino-Balkaria, autonomy, national minorities, self-determination, oblast (region), district.

For citation: Dzamikhov K.F., Kazharov A.G. The development of the administrative-territorial structure of Kabardino-Balkaria in the 1920s: problems, tasks, trends. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 166-180. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-166-180. EDN: GJIYEG.

© Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., 2024

Приход к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г. положил начало трансформации системы административного управления и территориальной организации бывшей Российской империи. Они ясно и четко представляли себе необходимость кардинальных преобразований в этой сфере [Административно-территориальное... 2003: 202], что было объективным и необходимым с точки зрения политической целесообразности фактором политического и идеологического укрепления их власти.

Важнейшими задачами государственной политики в этой сфере были создание условий для экономического развития разных территорий, формирова-

ние новых национальных элит, вовлечение через них в процессы советизации представителей народов нового Российского государства, а также выстраивание эффективных связей между центром и регионами.

Вопросы административно-территориального развития России, в том числе и Северного Кавказа, были предметом исследования не одного поколения историков. Большой вклад в их разработку внесли такие исследователи, как С.И. Сулькевич [Сулькевич 1926], Н.С. Нечипурнова [Нечипурнова 1968], А.В. Лужин [Лужин 1969], М.А. Шафир [Шафир 1983], И.Б. Дидигова [Дидигова 1994], А.Х. Карданова [Карданова 1995], Е.С. Тютюнина [Тютюнина 1995], А. Цуциев [Цуциев 2006], К.Ф. Дзамихов, Х.М. Думанов, Ж.А. Калмыков, А.Г. Кажаров [Дзамихов, Думанов, Калмыков, Кажаров 2010], Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012] и др.

В силу внутренне присущей полиэтничности и исторически сложившихся проблем в решении земельного вопроса административно-территориальное переустройство особенно было трудным и актуальным для Северного Кавказа. Характер национально-государственного строительства и предложенные советской властью механизмы решения земельного вопроса привели к выстраиванию новой конструкции этнических границ горских народов. Поэтому в условиях Северного Кавказа наблюдается объективное переплетение национально-государственных и административно-территориальных процессов. В связи с этим необходимо отметить и исследования, посвященные национально-государственному развитию горских народов, в которых затрагивались также административно-территориальные аспекты. Речь идет о работах Х.М. Бербекова [Бербеков 1961], А.Л. Летинова [Летинов 1972], Ю.И. Кониева [Кониев 1973], Е.А. Абуловой [Абулова 1984], Д.Х. Мекулова [Мекулов 2009], Н.Ф. Бугай [Бугай 2011], Ю.Ю. Карпова [Карпов 2015] и др.

Вопросы административно-территориального развития Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е гг. не стали предметом специального научного изучения. Они затрагивались вскользь в исследованиях проблем национально-государственного развития горских народов. Поэтому изучение проблемы административно-территориального переустройства Кабардино-Балкарии в 1920-е гг. представляет большой научный интерес, так как позволяет выявить основные факторы и тенденции развития национально-государственных процессов и механизмов укоренения Российского государства в регионе.

В первой половине 1920-х гг. государственная политика была направлена в первую очередь на поиск эффективных механизмов решения межнациональных проблем посредством национально-государственного обустройства, а во второй половине определяющее значение имел поиск баланса национальных интересов в многонациональных территориально-политических образованиях, в том числе и Северного Кавказа. Политика и идеология государства заключались в том, чтобы во взаимосвязанных национально-государственных и административно-территориальных процессах учесть фактор «национальных меньшинств» — национальных групп, как указывал Нарком по национальным делам И.В. Сталин, находящихся в определенных административно-территориальных структурах, в которых доминирует «иннонациональное компактное большинство»

[Сталин 1947: 26, 27]. Необходимо отметить, что советская власть уже в ходе Гражданской войны оперировала этим понятием, но в большей степени в политико-идеологической сфере, не затрагивая практические вопросы административно-территориального устройства национальных меньшинств.

В марте 1921 г. ВЦИК были утверждены «Основные положения о районировании», которые приносили конкретику в национальную политику советской власти. К этому времени стало очевидно, что с окончанием Гражданской войны и началом мирного советского строительства, центральная власть столкнулась с доставшимся от Российской империи трудным «наследством» в межнациональной сфере, в основе которой, в частности на Северном Кавказе, лежали земельно-территориальные проблемы, которые часто выливались в острые и открытые конфликты между народами. Весной 1921 г. руководители государства начали осознавать, что, например, Горская АССР, декретированная только в январе 1921 г., нежизнеспособна. Поэтому дали добро на инициирование политическим руководством Кабарды вопроса о выходе из ее состава. Национальный фактор становится одним из главных оснований, определяющих политику формирования административно-территориальной конструкции нового советского государства [Ансоков 1974: 136]. Перекройка административной системы и территориальной организации должна была способствовать социально-экономическому и культурному развитию народов России [Нечипурнова 1968]. Только учет экономического потенциала и перспектив развития создаваемых национально-территориальных структур во взаимосвязи с национальным фактором могло привести к достижению одной из целей национальной политики советской власти, которая заключалась в выравнивании социально-политического, экономического и культурного развития разных народов. Это была стратегическая цель советской власти. Вместе с тем, необходимы были эффективные решения по устранению текущих территориальных конфликтов и выстраиванию механизмов управления различными регионами из центра [Шихавцова 2005].

В начале 1920-х гг. органы власти Кабардино-Балкарии сами могли определять внутреннюю административно-территориальную структуру области без большой согласительной работы с вышестоящими властными инстанциями. Анализ действий руководства Кабардино-Балкарии показывает, что в это время наблюдается учет взаимосвязи между решением вопросов внешнего оформления этнотерриториальных границ автономной области и определением ее внутреннего административно-территориального деления.

Декретом ВЦИК от 1 сентября 1921 г. административно-территориальная структура Кабардинской автономной области была утверждена в составе 4 округов (Баксанского, Нальчикского, Урванского, Мало-Кабардинского).

Постановление ВЦИК от 16 января 1922 г. об образовании КБАО и Положение от 17 августа 1922 г., ставшее результатом этнополитического компромисса элит кабардинского и балкарского народов и фактически завершившее процесс объединения Кабарды и Балкарии, привели к формированию административно-территориальной структуры Кабардино-Балкарии в составе 5 окру-

гов: к существовавшим четырем добавился Балкарский округ [Документы... 1983: 720].

В 1923–1924 гг. руководство Кабардино-Балкарии приняло решение об образовании еще двух округов – Нагорного и Прималкинского [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 127. Л. 12, 17 об.], административными центрами которых были утверждены г. Пятигорск и ст. Прохладная, которые не входили в пределы границ Кабардино-Балкарии. Соответствующее согласие было получено от Терской губернии. Важнейшее значение имело то обстоятельство, что интересы и чаяния проживавшего в разных округах области русского населения учитывались на всех этапах национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. В частности, их представители были активными участниками на различных съездах, конференциях, собраниях, на которых обсуждались вопросы выхода Кабарды из состава Горской АССР. Они полностью поддерживали стремление кабардинского народа к обретению собственной автономии. В процессе ее формирования произошла консолидация усилий элит кабардинцев и русского населения Кабарды. Не случайно, что в ноябре 1924 г. в докладе на Пленуме Северо-Кавказского крайкома А.И. Микоян отмечал, что «в Кабарде жалоб русских на автономную власть никто из нас не слышал» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 18].

С середины 1920-х годов национальная политика советской власти обретает новые импульсы, связанные с политикой учета интересов национальных меньшинств в национально-территориальных образованиях, в которых они проживали. Политика Советского государства заключалась в том, чтобы на местах интересы нацменьшинств были защищены институциональными механизмами. На начальном этапе руководство Кабардино-Балкарии этот вопрос считало для области не имеющим принципиального значения [Административно-территориальные... 2000: 145].

Исторические процессы со времени периода революции 1917 г., а также Гражданская война способствовали повышению национального самосознания народов России. Данное обстоятельство и актуализация советской властью значимости этничности в своей политике объективно усиливали позиции национальных меньшинств. Сложность этнодемографического состава населения Кабардино-Балкарии, в котором были представлены как национальные меньшинства казаки, немцы, евреи, кумыки и другие [Всесоюзная перепись... 1928: 79], в таком широком контексте неизбежно ставила вопрос о необходимости существенной трансформации внутренней административно-территориальной структуры автономной области.

Об отношении советской власти к проблемам национальных меньшинств свидетельствует следующее обстоятельство. 5 октября 1925 г. Президиум ВЦИК в отсутствие его председателя М.И. Калинина, «ввиду того, что ... нередко поступают разного рода бумаги на языках национальных меньшинств», приняло постановление, в соответствии с которым любые документы, направляемые «с мест государственными органами и учреждениями, а также должностными лицами, должны быть либо составлены на русском языке, либо сопровождаться переводом на таковой».

В связи с этим Политбюро ЦК 17 октября поручило И.В. Сталину обратиться к М.И. Калинину с запиской, основная суть которой заключалась в том, что вышеизложенное решение Президиума ВЦИК должно быть отменено, «как противоречащее линии партии в национальном вопросе». И.В. Сталин подчеркивал, что необходимо «установить полную свободу поступления бумаг и заявлений в Президиум ВЦИКа на любом языке любой национальности РСФСР без всякого ограничения» [ЦК РКП (б) – ВКП (б)... 2005: 351].

В июле 1925 г. состоялся III пленум Кабардино-Балкарского Центрального исполнительного комитета, на котором обсуждался вопрос самоопределения национальных меньшинств, представители которых принимали активное участие в его работе. Материалы пленума имеют важное значение для понимания процессов внутреннего административно-территориального преобразования Кабардино-Балкарии.

С основным докладом на пленуме выступил Б.Э. Калмыков. Он отметил: «Как область, мы именуемся 2-мя именами, Кабардой и Балкарией. Мы хотим каждую национальность расширить, предоставить известную автономию». По его мнению, «самоопределение национальных меньшинств в нашей области даст толчок к поднятию области, политически и экономически укрепит ее» [ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 178]. В докладе разъяснялся смысл самоопределения национальных меньшинств – речь шла о предоставлении большего объема экономической и хозяйственной самостоятельности. Руководитель Кабардино-Балкарии считал важным, что «самоопределение нацменьшинств» даст возможность для выдвижения новых ответственных лиц [ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 179], которые эффективно могут решать хозяйственные вопросы.

Особое внимание и значение в своем докладе Б.Э. Калмыков уделил Балкарскому округу. Он отметил, что «неоднократно возникал вопрос о том, что Балкария не прочь была самоопределиваться». Он высказал свое мнение по этому вопросу: «Я лично ... не возражаю против самоопределения Балкарии, но для Балкарии будет это не выгодно, и Кабарде тоже, ибо они настолько экономически перепутаны, что если бы мы захотели бы это сделать, то месяца через 2–3 мы должны были вновь объединиться. Желает ли Балкария быть совершенно самостоятельной, желает ли быть автономией, это дело балкарского народа, балкарских работников... Ни для Кабарды, ни для Балкарии надобности в этом разделении нет. Но если балкарские работники захотят, я поддержу. Принесет это пользу или убыток – это убыток принесет, особенно для Балкарии, в меньшей части для Кабарды... мы коммунисты себя не рассматриваем представителями одной национальности, а представителями всех национальностей, где мы работаем, поэтому интересы всех национальностей для нас абсолютно равны» [ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 181, 187].

В ответ на это представитель Балкарского округа Х.А. Акаев ответил, что «от Кабарды мы не отделялись и желания отделиться нет, плохого мы от нее ничего не видели и не видим. Мы всегда вместе делили горе и радости и теперь от этого не откажемся» [ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 182].

Б.Э. Калмыков ратовал за экономическое и культурное развитие Балкарии, увеличение самостоятельности и ответственности руководителей Балкарского

округа: «Балкарию просвещать, культурно-просветительскую работу там вести, бюджет там расширить, дотации расширить, сделать Балкарию культурной и экономически сильной... Чтобы лучше справиться с этой экономикой, чтобы сделать хорошую политическую надстройку необходимо так поставить: балкарские работники в Балкарии хозяйничают, балкарский народ требует работы от своих работников, так поставить, чтобы для балкарских работников не было бы громоотвода, если гроза разразится, балкарские работники должны перед балкарским народом отвечать. Когда дело все хорошо идет, балкарские работники строчат, что хорошо делают, а как только плохо, то виноват ЦИК. А надо так сделать – хорошо, балкарские работники делают, плохо, балкарские работники отвечают. И мы, кабардинцы, и русские, в целом, мы поможем балкарским работникам» [ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 187, 188].

III Пленум ЦИК КБАО принял принципиальные решения по обсуждаемым вопросам в русле советской национальной политики в части учета фактора национальных меньшинств в системе власти и управления, а также в административно-территориальной структуре автономной области. Был создан Казачий район [Административно-территориальные... 2000: 147, 148] и Горско-еврейская колония [Нечипурнова 1968: 151, 152], которые были напрямую подчинены ЦИК КБАО, что являлось серьезным институциональным условием обеспечения интересов населения этих административно-территориальных единиц. Различные формы «самоопределения» получили также немецкие колонии, кумыки с. Кизлярского, а также с. Каменка, в которой проживало русское население [Административно-территориальные 2000: 147, 148].

Самоопределение национальных меньшинств в рамках различных национально-государственных образований способствовало вовлечению их в процессы государственного строительства, повышению эффективности функционирования системы власти и управления. Это также создавало объективные условия для развития культуры национальных меньшинств и укрепления политико-идеологических основ нового Советского государства в регионе.

Документы

Стенограмма 3-го Пленума ЦИК КБАО
26 июля 1925 года

КАЛМЫКОВ. Приступим к обсуждению вопросов, стоящих на повестке дня. Первый вопрос о самоопределении национальных меньшинств, входящих в состав Кабардино-Балкарской автономной области. Товарищи, наша Область именуется Кабардино-Балкарской областью. В нее входит еще ряд национальностей, но они в меньшинстве. Экономические условия и политический момент ставят нас в такие условия, что расширение, самоопределение национальных меньшинств в нашей области даст толчок к поднятию области, политически и экономически укрепит ее. Как область, мы именуемся 2-мя именами, Кабардой и Балкарией. Мы хотим каждую национальность расширить, предоставить известную автономию... Казачий район выделить в самостоятельный округ, с центром ... в Котляревской. Дальше, Еврейской колонии предоставить расширенные автономные права, дело в названии, какое мы дадим, автономной ли колонии или района – это будет видно дальше. В Малой Ка-

барде есть селение Бекович, состоящее исключительно из кумыков, их права надо тоже расширить в равной мере, как и Еврейской колонии.

Кроме того, в кабардинских округах мы имеем ряд русских населенных пунктов. Чтобы русские себя, среди кабардинцев, не чувствовали меньшинством, некоторые права надо было дать. Какого характера права? В первую очередь, необходимо меньшинствам дать бюджет, дать большие права, чем сельсоветам, в размере, приблизительно, районных прав. Здесь некоторой заминкой будет являться в связи с таким построением всей схемы нашего советского правительства, что некоторые сельсоветы захотят, через голову округа, иметь дела с областью. Но это будет зависеть от того, насколько окружной исполком будет идти впереди любого селения; насколько он жизненно будет подходить к вопросам, чтобы село в лице окружного округа, чувствовало его своим вожаком. Тогда самостоятельность у этих отдельных сел не проявится. А если, даже у некоторых сел, немножко, самостоятельность проявится, то это не вредно, ибо всякая самостоятельность в стороны, через голову, немножко расшевелит окружающих работников.

Товарищи, это последний предел автономности, дальше уже катиться некуда, ибо мир не знал еще того, чтобы автономность давать одному селу.

Некоторые остерегаются, не получится ли от этого разложения в области. Я, товарищи, считаю, никакого разложения не будет, будет укрепление. Лучше самоопределить каждую национальность, но на добровольных началах, на добровольном союзе установить это дело. Самоопределяя каждую национальность, мы даем возможность ей из своей среды выдвинуть таких людей, которые могут обслуживать ее район. Этим людям, которые будут выдвинуты, мы окажем широчайшее содействие, в том смысле, чтобы легче им было справиться с экономической и политической работой в районе. Верней, на работников на местах, этим мы перекладываем известную ответственность и заставим местных работников призадуматься, как строить жизнь района, который он возглавляет. При наличии того, что мы будем иметь много голов, думающих над жизнью, каждый своего района, если все это мы объединим под одну крышу, на началах добровольного союза, добровольного сотрудничества, когда мы дело двинем, будет неразрушимая сила, сила, перед которой никто и ничего не сможет устоять. А сила у нас, у советской власти, только в том, что мы верим в массы; мы без различия, и большим национальностям, и мелким, даем автономию, даем самоуправляться, даем проявлять максимум того, чем они располагают, – и потом, разумно их объединяя, создаем социалистическое государство. Этим самоопределением мы зависимость народа от народа устраняем. Самоопределяя на добровольных началах, мы объединяем, создаем одну равноправную, мощную семью. Что может быть сильнее этого? Сильнее этого ничего быть не может.

Если такое деление мы произведем, то что должно быть во главе? Должны ли мы остаться с наименованием автономной области, или должно быть что-нибудь другое? Должны ли мы остаться областью, или быть переименованы в Республику – этот вопрос имеет терпение. Пока мы должны остаться автономной областью, но совершенно безболезненно, можно поставить перед Ростовом и Москвой о переименовании в Республику. Переименовывая в Республику надо будет указать, что, исходя из количества населения нашей Области, и размера ее, надобности в двух-палатности, иметь ЦИК... и т.д. – нет, что переименовывая можно остаться с наличием того штата, которым сейчас мы располагаем. При этих условиях легче в Центральном Правительстве пройдет переименование в Республику. Но, если мы захотим поставить вопрос, переименовать и перестроить весь аппарат, из расчета Республики – исходя из большого дефицита нашего бюджета, из состояния Республиканского бюджета, одним их больших винтов, тормозом, как раз, может быть переименование в Республику. Поэтому в вопросе о двух-палатности, о штатах, нужно будет говорить твердо, чтобы оставить старый, но только название Область изменить в Республику. Я считаю, что такое ходатайство перед Краем и Москвой будет вполне мыслимо и правильно. И такое самоопределение, какое мы внутри себя хотим произвести – тоже будет принято. Вопросы о Казачьем округе, о Еврейской колонии, о Кизлярской, вопросы расширения прав немецкого, балкарского и русского населения – мы эти у себя, внутри здесь, можем решить. Вопросы о расши-

рении прав в Балкарии, Малой Кабарде и вопрос переименования области в Республику – надо будет поставить перед Ростовом и Москвой.

Я хотел бы несколько слов сказать о Балкарии. Неоднократно возникал вопрос о том, что Балкария не прочь была самоопределиваться и т.д. и т.д. Я лично, персонально, мнения других не знаю, не возражаю, против самоопределения Балкарии, но для Балкарии будет это не выгодно, и Кабарде тоже, ибо они настолько экономически перепутаны, что если бы мы захотели бы это сделать, то месяца через 2–3, мы должны были вновь объединиться. Желает ли Балкария быть совершенно самостоятельной, желает ли быть автономией, это дело балкарского народа, балкарских работников.

Мы выделим Казачий округ и если казачьи работники думают, что за их спиной только казачество стоит, то они глубоко ошибаются. Им надо знать, что за спиной советской власти, широчайшие массы крестьянства и рабочих, могущественный класс, состоящий из лучших сынов казаков, русских крестьян и др. национальностей, стоит авангард, передовой отряд мировой революции – коммунистическая партия...

КАРАШАЕВ. Для меня, для Малой Кабарды вопрос расширения прав совершенно неожиданный. Я об этом здесь только в первый раз слышу и не знаю, как к нему подойти, как его понять? Я боюсь того, что если права наши расширят, мы не сумеем ими воспользоваться, потому, что не имеем достаточно людей, для того, чтобы охватить всю свою работу без упреков со стороны области. Поэтому я нахожу, что особой надобности в расширении прав нет.

АКАЕВ. То, что говорил Карашаев, скажу и я. Как вам известно, у нас работников нет. От Кабарды мы не отделялись и желания отделиться нет, плохого мы от нее ничего не видели и не видим. Мы всегда вместе делили горе и радости и теперь от этого не откажемся...

КОЛОСОВ. Товарищи, я сам происхожу из граждан станицы Александровской. Я сам коренной казак, родился, вырос там и жил до сего времени. За последнее время слышно стало от граждан о самоопределении казачества. Я слышал от некоторых казаков, что вот они разбиты по разным автономным областям. Часть здесь, часть в Балкарии, в Осетии и Ингушетии, и не знают они, что делать? Когда у них спрашивают, почему они не запишутся в коммуну, они отвечают: «Как мы можем записаться, когда мы не имеем ничего своего», а своим они считают самоопределение. Один из казаков Никитенко, говорит: «Калмыков для нас сделал много хорошего и если он еще нам устроит самоопределение, то не только я, а все, от люльки до седой бороды, запишемся в коммуну».

Полагаю, что и в культурном отношении, казаки могли бы кое-что провести. Говорили о том, чтобы выделить казаков в самостоятельную область или округ. Я лично стою за то, чтобы выделить в округ, и, чтобы этот округ входил в состав Кабардино-Балкарской автономной области или Республики, как она будет называться.

КАЛЫМЫКОВ. Сейчас здесь выступали тов. Карашаев и 2 казака. Я думаю, не следует Карашаеву этого вопроса бояться. Мы Малую Кабарду от Большой Кабарды не отделяем совершенно. Малая Кабарда, как есть Малая Кабарда, так ей и останется. Но мы ей дадим собственный бюджет и поставим собственное хозяйство, она все-таки будет связана с областью. Повторяю, только права расширим, дадим бюджет, размер дефицита определим с таким расчетом, чтобы были некоторые изменения, после того, как она получит известную автономность, экономически надо будет эту автономность подкрепить. Сейчас надобности нет, чтобы их областью называть, можно будет их округами называть, будет достаточно. Мало-Кабардинский автономный округ.

На счет Балкарии. Конечно, полного разделения Кабарды и Балкарии, сделать никак нельзя. Если Осетия и Ингушетия разделились, они могли это сделать, потому что у них территориальной перепутанности нет. Осетия находится на одной стороне Терека, Ингушетия на другой. Нет у них принципиальных аграрных вопросов, из-за которых они могли бы спорить. Там совершенно иное хозяйство, иная экономика, иная политическая обстановка и вопрос национальный иначе совершенно стоит. Если бы Кабарда и Балкария захотели разделиться, то никак не разделишь: поляны находятся у балкарцев, лесной массив находится в

кабардино-балкарском пользовании. Взять, например, горные пастбища. Горно-пастбищные места кабардинские, 31 место сенокосных урочищ принадлежит балкарцам. Кроме этого, одно кабардинское селение своей юртовой землей вклинивается в Балкарию, а балкарская в Кабарду. Населенные пункты перепутаны и кабардино-балкарское хозяйство так построено, что если балкарец не пойдет в Кабарду, а кабардинец в Балкарию, то хозяйство построить нельзя. Если взять совершенно разделиться: Балкарии иметь свою милицию, Кабарде свою, Балкарии свою границу, Кабарде свою, Балкарии самоопределиваться и Кабарда самоопределиваться, то 90% нашей работы будет уходить на споры, возникающие в разных местах; от этого понизится работоспособность и рост экономический, как в Кабарде, так и Балкарии. Крестьянство посмотрит месяц, посмотрит следующий месяц, а потом скажет: «Идите к шутам, мы как раньше жили, так и дальше вместе жить хотим». Вот как масса обязательно должна заявить. Ни для Кабарды, ни для Балкарии надобности в этом разделении нет. Но если балкарские работники захотят, я поддержу. Принесет это пользу или убыток, – это убыток принесет, особенно для Балкарии, в меньшей части для Кабарды. Так как мы коммунисты себя не рассматриваем представителями одной национальности, а представителями всех национальностей, где мы работаем, поэтому интересы всех национальностей для нас абсолютно равны. Не разъединяя Кабарды и Балкарии, можно права Балкарии расширить. Дело не в вывеске, что будет написано, а дело в том, чтобы поднять экономику, дело в том, чтобы для Балкарии проложить дороги, построить сыроваренные, маслодельные заводы, чтобы балкарский скот улучшить, чтобы в Балкарии курорты устроить, приступить к обработке горных богатств, находящихся на балкарской территории – заложить некоторое начало для будущей промышленности. Балкарию просвещать, культурно-просветительскую работу там вести, бюджет там расширить, дотации расширить, сделать Балкарию культурной и экономически сильной, кабардинское хозяйство, наполовину скотоводческое, наполовину полеводческое, балкарское же на 99 % скотоводческое, 2 таких разъединенных хозяйства поднять, сделать в них равновесие – и когда будет равновесие, сам по себе аграрный вопрос разрешится.

Чтобы лучше справиться с этой экономикой, чтобы сделать хорошую политическую надстройку необходимо так поставить: балкарские работники в Балкарии хозяйничают, балкарский народ требует работы от своих работников, так поставить, чтобы для балкарских работников не было бы громоотвода, если гроза разразится, балкарские работники должны перед балкарским народом отвечать. Когда дело все хорошо идет, балкарские работники строчат, что хорошо делают, а как только плохо, то виноват ЦИК. А надо так сделать – хорошо, балкарские работники делают, плохо, балкарские работники отвечают. И мы кабардинцы, и русские, в целом, мы поможем балкарским работникам. Я считаю, что именоваться автономной областью сейчас Балкарии тоже не следует, сейчас можно поднять вопрос только об автономном округе, т.к. Балкария насчитывает меньшинство, как и Малая Кабарда...

Что касается Казачьего округа, сюда случайно попал товарищ, приехавший на профсоюзный съезд, который выступил и сказал довольно глубокую и содержательную речь. То, что я говорил вчера, не есть ли в действительности, то, что говорил он сегодня. Казаки гораздо культурней и казачий район культурного руководства требует. Этот культурный район надо выделить и помочь ему еще шире развиваться. Нам, областным работникам, следует подумать над казачьим районом...

Относительно Большой и Малой Кабарды. Один народ на 2 части разделил Терек, чтобы эта грань была еще больше, царское правительство вселило клином казачьи станицы. После царского правительства надо было этот клин уничтожить, но так как там нет князей, офицеров и генералов, а живут простые казаки, мы решили этих казаков оставить жить вместе с кабардинцами, и в данное время царский клин не является таковым, а есть частица нашей советской земли и казачество не является чужим народом, вклинившимся в наш, а есть частица нашей области...

Если мы Казачий округ выделим, если им дадим самоуправляться и ко всему этому мы еще им поможем, если они экономически окрепнут и политические условия хорошие будут – вряд ли они будут тянуться в Сунженский район, где им нельзя иметь ни одной лошадки, где

за станицу нельзя выглянуть. Вряд ли они потянутся и в Осетию, где казаки меньше наделов имеют, чем коренные осетины, ибо их обрезали, и вряд ли захотели очутиться на таком положении, как Змейская, Орховская – вряд ли за Малку, Терек, и др. губернии потянутся. Они скажут, раньше царь нас разъединил, генералы ... разъединяли, теперь их нет, есть советская власть. Она предоставляет нам право самоуправляться, экономически мы укрепим, а политически мы вполне приемлемы для советской власти. С кабардино-балкарским народом мы хорошо живем и дальше жить и процветать вместе с ними будем. Вот, что они скажут...

Надо будет организовать немедленно Казачий ревком и торжественно открыть Казачий округ на Котляревской. Дать им надо возможность самоуправляться и наряду с этим помочь им средствами. Пусть об этом нашем самостоятельном Казачьем округе по всему Северному Кавказу говорят, плохого здесь нет ничего.

Теперь о Еврейской колонии. Вы бы посмотрели, товарищи, кто пришел сюда. Голые, раздетые, разутые... Это не Балкария, это не Казачий округ, это не Малая Кабарда, это колония, которая расположена к вырождению, которая на себя серьезное внимание обращает. Давайте в вопросе удержания от вырождения еврейского населения на Кавказе... будем пионерами, расширим их права, укрепим экономически, пусть они 1) выдвинут людей своих, 2) мы отпустим определенные суммы, чтобы правильно это выделение провести. Надо построить баню, чтобы они могли обмываться, улицы, мостовые, больницу, надо школой помочь, в отношении письменности, надо земель наделить и в деле кооперации помочь. Конечно, сделать это в один год не удастся, но через полтора-два года эта колония совсем оздоровится. С нашей стороны это будет великое дело...

Такое же положение и с другими районами: с Котляровским селением, немцами, русскими, Каменкой. Вот Балкария, например, всегда говорит, что ее обижают, а почему Балкария сама не думает над Каменкой, а ведь следовало бы и ей возможность дать разграничиться. Балкария не располагает большими средствами, но что-нибудь, она Каменке дать могла бы.

Нам надо дать дотации, этими дотациями мы не располагаем, но центральное правительство в этом отношении нам идет на встречу.

Делая внутреннее такое переустройство, мы желаем переименовать себя в Республику – каково наше положение должно быть с краем. Ведь мы в край входим, как область. Должны ли мы, в связи с тем, что Осетия хочет от Северного Кавказа уйти в Грузию, должны ли мы отделиться? Я считал, что Кабардино-Балкарская область по пути своего экономического развития только с Северо-Кавказским краем может идти. Мы больше общего имеем с Терек-ом, с Доном, Кубанью и Ставрополем, ибо эти округа более культурны, более хозяйственно мощны.... Лично я категорически буду против отдельного объединения горцев. Кабардино-Балкарская область, будущая Республика, должна остаться в составе Северо-Кавказского края. Если мы экономически укрепим, укрепим другие районы, то сама жизнь скажет, что надо и дальше продолжать совместное сотрудничество с Северо-Кавказским краем и непосредственную связь с Москвой иметь, это через год-два-три сама жизнь скажет. Но данный экономический и культурный уровень Кабарды и Балкарии говорит за то, что нам надо еще остаться в Северо-Кавказском Крае.

Я считаю, что вопрос сотрудничества, вхождения в Северо-Кавказский Край, пока для нашей области остается незыблемым и твердым, и что с Москвой мы должны иметь дела через Ростов. Этого пункта в своем постановлении должен коснуться наш Пленум Центрального исполнительного комитета.

ЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 178-192

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абулова 1984 – Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг. – Ростов н/Д.: Ростовский ун-т, 1984. – 162 с.

- Административно-территориальное... 2003 – *Административно-территориальное устройство России. История и современность*. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 320 с.
- Административно-территориальные... 2000 – *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность*. Сборник документов. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 732 с.
- Ансоков 1974 – *Ансоков М.Т.* Образование и развитие национальной государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 211 с.
- Бербеков 1961 – *Бербеков Х.М.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 128 с.
- Бугай 2011 – *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М.: Гриф и К, 2011. – 440 с.
- Всесоюзная перепись... 1928 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – Т. 4. – 138 с.
- Дзамихов, Думанов, Калмыков, Кажаров 2010 – *Дзамихов К.Ф., Думанов Х.М., Калмыков Ж.А., Кажаров А.Г.* Энотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии // *Энотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии и проблемы реализации в КБР Федерального закона «Об общих принципах организации местного управления в Российской Федерации»*. – Нальчик, 2010. – С. 4–60.
- Дидигова 1994 – *Дидигова И.Б.* 20–30-е годы: проблемы административно-территориального устройства чеченского и ингушского народов // *Северный Кавказ: выбор пути национального развития*. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 140–158.
- Документы 1983 – *Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.)*. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.
- Карданова 1995 – *Карданова А.Х.* Создание национальной государственности народов Карачая и Черкесии // *Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.)*. – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 168–182.
- Карпов 2015 – *Карпов Ю.Ю.* Северный Кавказ: рубежи и грани советского строительства наций // *Горы и границы: этнография посттрадиционных обществ*. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 337–398.
- Кониев 1973 – *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 256 с.
- Летифов 1972 – *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1972. – 228 с.
- Лужин 1969 – *Лужин А.В.* Административно-территориальное устройство Советского государства. – М.: Юр. лит-ра, 1969. – 172 с.
- Мекулов 2009 – *Мекулов Д.Х.* Становление институтов власти на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX века: история, особенности, динамика // *Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН*. – 2009. – Вып. VIII. – С. 184–198.
- Нечипурнова 1968 – *Нечипурнова Н.С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 188 с.
- Сталин 1947 – *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП (б), утвержденные ЦК партии // *Сочинения*. – М., 1947. – Т. 5. – С. 15–29.
- Сулькевич 1926 – *Сулькевич С.И.* Административно-политическое строение СССР. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 297 с.
- Тютюнина 1995 – *Тютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // *Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.)*. – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 203–244.
- Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

Хмара 2006 – *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920–1930-е годы) // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 126–139.

ЦК РКП (б) – ВКП (б) 2005 – *ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг.* – М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.

Цуциев 2006 – *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2006. – 128 с.

Шафир 1983 – *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство Советского государства. – М.: Наука, 1983. – 176 с.

Шихавцова 2005 – *Шихавцова В.М.* Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в процессе национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2005. – 258 с.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики

ЦДНИ РО – Центр документации новейшей истории Ростовской области

REFERENCES

ABULOVA E.A. *Partiya vo glave natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza. 1917–1937 gg.* [The party at the head of national-state building of the peoples of the North Caucasus. 1917–1937]. – Rostov on Don: Rostovskii universitet, 1984. – 162 p. (In Russ.).

Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii. Istoriya i sovremennost' [Administrative and territorial structure of Russia. History and modern times]. – Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 320 p. (In Russ.).

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modern times. Collection of documents]. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 732 p. (In Russ.).

ANSOKOV M.T. *Obrazovanie i razvitie natsional'noi gosudarstvennosti narodov Kabardy i Balkarii (1917–1936)* [Education and development of national statehood of the peoples of Kabarda and Balkaria (1917–1936)]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 211 p. (In Russ.).

BERBEKOV Kh.M. *Sovetskaya avtonomiya Kabardy i Balkarii* [Soviet autonomy of Kabarda and Balkaria]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 128 p. (In Russ.).

BUGAI N.F. *Severnyi Kavkaz. Gosudarstvennoe stroitel'stvo i federativnye otnosheniya: proshloe v nastoyashchem* [North Caucasus. State building and federal relations: the past in the present]. – Moscow: Grif i K, 2011. – 440 p. (In Russ.).

DIDIGOVA I.B. *20–30-e gody: problemy administrativno-territorial'nogo ustroistva chechenskogo i ingushskogo narodov* [20–30s: problems of the administrative and territorial structure of the Chechen and Ingush peoples]. IN: *Severnyi Kavkaz: vybor puti natsional'nogo razvitiya* [North Caucasus: choosing the path for national development]. – Maikop: Meoty, 1994. – P. 140–158. (In Russ.).

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922)]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F., DUMANOV KH.M., KALMYKOV ZH.A., KAZHAROV A.G. *Etnoterritorial'naya i administrativno-territorial'naya struktura Kabardino-Balkarii* [Ethnoterritorial and administrative and territorial structure of Kabardino-Balkaria]. IN: *Etnoterritorial'naya i administrativno-territorial'naya struktura Kabardino-Balkarii i problemy realizatsii v KBR Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii"*. [The ethnoterritorial, administrative and territorial structure of Kabardino-Balkaria and the problems of implementation of the Federal Law "On General Principles of the organization of local Government in the Russian Federation" in the Kabardino-Balkarian Republic]. – Nalchik, 2010. – P. 4–60. (In Russ.).

KARDANOVA A.Kh. *Sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti narodov Karachaya i Cherkessii* [The creation of national statehood of the peoples of Karachay and Cherkessia]. IN: *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: Severnyi Kavkaz (1917–1941 gg.)* [National state building in the Russian Federation: The North Caucasus (1917–1941)]. – Maikop: Meoty, 1995. – P. 168–182. (In Russ.).

KARPOV Yu.Yu. *Severnyi Kavkaz: rubezhi i grani sovetskogo stroitel'stva natsii* [North Caucasus: frontiers and facets of Soviet nation–building]. IN: *Gory i granitsy: etnografiya posttraditsionnykh obshchestv* [Mountains and borders: ethnography of posttraditional societies]. – Saint Petersburg: *Muzey antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Rossiyskoy akademii nauk* [Russian Academy of Science's Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography], 2015. – P. 337–398. (In Russ.).

KHLYNINA T.P., KRINKO E.F., URUSHADZE A.T. *Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [The Russian North Caucasus: historical experience of governance and formation of regional borders]. – Rostov on Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2012. – 272 p. (In Russ.).

KHMARA N.I. *Iz opyta natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR (1920–1930-e gody)* [From the experience of national and state construction in the USSR (1920–1930s)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. – 2006. – No. 3. – P. 126–139. (In Russ.).

KONIEV Yu.I. *Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza* [Autonomy of the peoples of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: Ir, 1973. – 256 p. (In Russ.).

LETIFOV A.L. *Istoricheskii opyt natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze* [Historical experience of national and state construction in the North Caucasus]. – Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. – 228 p. (In Russ.).

LUZHIN A.V. *Administrativno-territorial'noe ustroistvo Sovetskogo gosudarstva* [The administrative and territorial structure of the Soviet state]. – Moscow: *Yuridicheskaya literatura* [Law literature], 1969. – 172 p. (In Russ.).

MEKULOV D.Kh. *Stanovlenie institutov vlasti na Severnom Kavkaze v 20–30-e gg. KhKh veka: istoriya, osobennosti, dinamika* [System of democratic institutes of the power in the North Caucasus: history and features (1918–1930s)] IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarii i Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Historical Bulletin of the Institute for the Humanities Studies of the Government of Kabardino-Balkaria and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. – 2009. – No. 8. – P. 184–198. (In Russ.).

NECHIPURNOVA N.S. *Partiinoye rukovodstvo opytным administrativno-khozyaistvennym raionirovaniem Severnogo Kavkaza* [Party leadership of the experienced administrative and economic zoning of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: Ir, 1968. – 188 p. (In Russ.).

SHAFIR M.A. *Administrativno-territorial'noe ustroistvo Sovetskogo gosudarstva* [Administrative and territorial structure of the Soviet state]. – Moscow: Nauka, 1983. – 176 p. (In Russ.).

SHIKHAVTSOVA V.M. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie na Severnom Kavkaze v protsesse natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. Nauk* [Interethnic interaction in the North Caucasus in the process of national and state building in the 1920s–1930s]. – Armavir, 2005. – 258 p. (In Russ.).

STALIN I.V. *Ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose: Tezisy k Kh s"ezdu RKP (b), utverzhdennye TsK partii* [On the next tasks of the party in the national topic: Theses for the 10th Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks), approved by the Central Committee of the Party]. IN: *Sochineniya* [Essays]. – Moscow, 1947. – Vol. 5. – P. 15–29. (In Russ.).

SUL'KEVICH S.I. *Administrativno-politicheskoe stroenie SSSR* [The administrative and political structure of the USSR]. – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 297 p. (In Russ.).

TSUTSIEV A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)]. – Moscow: Evropa, 2006. – 128 p. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Administrativno-territorial'noe stroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [Administrative-territorial construction in the North Caucasus]. IN: *Natsional'no-gosudarstvennoe*

stroitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: Severnyi Kavkaz (1917–1941 gg.) [National and state construction in the Russian Federation: The North Caucasus (1917–1941)]. – Maikop: Meoty, 1995. – P. 203–244. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [The All–Union census of 1928]. – Moscow: *Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Central Statistical Directorate of the Soviet Union], 1928. – Vol. 4. – 138 p. (In Russ.).

TsK RKP (b) – VKP (b) i natsional'nyi vopros [The Central Committee of the RCP (b) – the CPSU (b) and the national question]. Kn. 1. 1918–1933 gg. – M.: ROSSPEN, 2005. – 784 p. (In Russ.).

The Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic
Center for Documentation of the modern history of the Rostov region

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор.

А.Г. Кажаров – доктор исторических наук, доцент.

Information about the authors

K.F. Dзамikhov – Doctor of Science (History), Professor.

A.G. Kazharov – Doctor of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 30.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94(470)''1941/1945''(470.620)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-181-193
EDN: GLLJLO

**«ЗАВОЕВАТЬ И УНИЧТОЖИТЬ»:
ИДЕОЛОГИЯ ФАШИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА
НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(ИЮЛЬ 1942 г. – ОКТЯБРЬ 1943 г.)**

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. В статье исследуется немецкий оккупационный режим на территории Краснодарского края, установленный в период с лета 1942 г. по осень 1943 г. Фашисты сформировали гражданский и военный административный аппарат с целью экономического разграбления края и физического уничтожения мирного населения. Обращаясь к исследованию идеологии оккупационного режима, мы отмечаем его античеловеческую сущность. Непосредственными участниками преступлений против человечности, геноцида гражданского населения были военнослужащие вермахта, специальные подразделения Германской армии и предатели из числа местных жителей. На территории Краснодарского края, в состав которой входила Адыгейская автономная область, проводились массовые убийства мирного населения. Архивные документы подтверждают факты целенаправленного уничтожения населения, в том числе детей и женщин. Преступления вермахта зафиксированы в актах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, которые были составлены во всех районах и городах края. Многих участников преступлений настигло наказание уже в ходе войны, и оно продолжилось после её завершения.

Ключевые слова: вермахт, идеология, Краснодарский край, мирные жители, оккупация, преступление, СССР.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. «Завоевать и уничтожить»: идеология фашистского оккупационного режима на территории Краснодарского края (июль 1942 г. – октябрь 1943 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 181-193. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-181-193. EDN: GLLJLO.

© Яхутль Ю.А., 2024

Original article

**«CONQUER AND DESTROY»: THE IDEOLOGY OF THE FASCIST
OCCUPATION REGIME IN THE KRASNODAR TERRITORY
(JULY 1942 – OCTOBER 1943)**

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The article explores the German occupation rule in the Krasnodar Territory, which was formed between the summer of 1942 and the fall of 1943. The Fascists established a civil and military administrative machinery with the goal of financially looting the territory and physically destroying the civilian population. When we examine the occupying regime's ideology, we see that it is anti-human. Wehrmacht soldiers, special formations of the German Army, and traitors among local citizens were all direct participants in crimes against humanity and extermination of civilians. Mass executions of people occurred within the area of the Krasnodar area, which included the Adygea Autonomous Region. Archival sources reveal the reality of the population's planned elimination, which included children and women. The atrocities of the Wehrmacht are documented in the acts of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and their Companions, which were compiled in all districts and cities throughout the region. Many of those who committed crimes were punished during the war, and this practice persisted after it ended.

Keywords: Wehrmacht, ideology, Krasnodar territory, civilians, occupation, crime, USSR.

For citation: Yakhutl Y.A. «Conquer and destroy»: the ideology of the fascist occupation regime in the Krasnodar territory (july 1942 – october 1943). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 181-193. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-181-193. EDN: GLLJLO.

© Yakhutl Y.A., 2024

Введение

Вторая мировая война стала самой кровопролитной в истории человеческой цивилизации и явилась величайшей трагедией. Она продолжалась долгих шесть лет, охватив территории 40 государств. Всего же в боевых действиях принимали участие 61 государство с населением 1 700 млн чел., а 110 млн чел. были одеты в солдатские шинели [СССР в борьбе против фашистской агрессии... 1976: 324]. Великая Отечественная война советского народа стала составной частью этих трагических событий.

Цели Германии в войне против СССР были обозначены ещё за долго до начала боевых действий. Замысел врага предусматривал физическое уничтожение населения СССР, ликвидацию политической системы и государственности. Прикрываясь идеологическими лозунгами, руководство Германии с первых дней войны приступило к исполнению намеченных целей, которые были изложены в генеральном плане «Ост». Жертвами этих решений, в первую очередь, стали мирные жители городов и сел страны. Ещё в мае 1940 г. Г. Гиммлер сформулировал основные его цели, а летом 1941 г., после начала боевых действий против Советского Союза дал поручение разработать план колонизации захваченных территорий. Было подготовлено три варианта, но окончательный план мероприятий утвердили в конце 1942 г. Он состоял из трёх частей («А», «Б», «В», приложения, таблиц и разъяснения). В них были представлены конкретные мероприятия по освоению территории СССР, уничтожению экономики и физической ликвидации населения.

Экономическая политика Германии заключалась в подчинении основных отраслей промышленности и сельского хозяйства СССР интересам вермахта. Освоение территорий и заселение их колонистами из Германии означало принудительное переселение или физическое уничтожение местного населения. Все свои неправомерные, преступные действия против мирных граждан наци-

сты объясняли необходимостью переселения, выселения и «специальной обработки». Нацисты свои преднамеренные злодеяния прикрывали эвфемизмами, стараясь скрыть преднамеренные преступления.

Западная историография и мемуаристы, к сожалению, игнорируя и искажая объективные исторические факты, продолжают создавать легенды о непричастности вермахта к преступлениям, совершённым на территории СССР в годы войны. Для этой цели они активно используют «персонализацию» истории фашизма, выдвигая обвинения только в адрес военно-политического руководства Третьего рейха, и тем самым пытаются скрыть соучастие вермахта в злодеяниях нацизма. Однако документальные свидетельства вынуждают признать наличие таких преступлений со стороны немецких солдат и офицеров [Мюллер 1974; Война против Советского Союза 1941–1945... 1991; Мадиевский 2002; Кноп 2009]. Об этом свидетельствуют исследования, в том числе, немецких историков. Они подтверждают факт взаимодействия между политическим руководством Германии с Верховным командованием вермахта и частями СС для реализации плана «Ост», который предусматривал репрессии против мирного населения оккупированных территорий СССР

Следует признать, что отечественная историческая наука за последние тридцать лет подверглась значительному идеологическому воздействию либеральных идей. Поэтому для российского общества, особенно молодых людей, объективная оценка преступных действий немецких офицеров и солдат в годы Великой Отечественной войны имеет мировоззренческое значение, что способствует формированию объективной исторической картины, и юридического обоснования геноцида мирного населения нашей страны. Мы солидарны с точкой зрения, что Третий рейх – не только прошлое. Не поняв прошлое, нельзя строить будущее. Исторические параллели могут во многом помочь и понять происходящие события современности [Безыменский 1981: 5, 6]. Оценку этих событий мы можем найти в отечественной исторической литературе, посвящённой Великой Отечественной войне. Историография темы достаточно обширна, и исследователи условно делят её на два больших этапа по содержанию, подходам и идеологическим оценкам: советский и постсоветский. В свою очередь, советский период делят на три этапа: первый – от начала войны до середины 1950-х гг., второй – с середины 1950-х гг. до 1960-х гг. и третий – с 1960-х гг. до 1980-х гг. включительно [Дашичев 1973; Безыменский 1964; Безыменский 1973; Мельников, Чёрная 1987].

В современной исследовательской литературе в контексте изучения истории Великой Отечественной войны большой интерес учёные проявляют к вопросу оценки оккупационного режима и связанного с ним коллаборационизма [Семиряга 2000; Ковалев 2004; Пережогин 2004; Ковалев, Кулик 2020; Дробязко 2004]. Так, Е.Н. Яковлев в своей работе «Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа» [Яковлев 2022] утверждает, что руководство Германии согласовало план частичного уничтожения народов СССР, при этом предполагало использовать для этих целей различные методы и средства: голод, расстрелы, концентрационные лагеря и др.

Российские исследователи отмечают, что преступления против мирных граждан СССР совершали в основном сотрудники службы безопасности, СД и военнослужащие вермахта. Им активно помогали местные коллаборационисты.

Перед нами стоит цель не определить какое количество немецких солдат и офицеров совершили преступления, расстреливая советских граждан, а дать оценку этим действиям на основе архивных сведений и осудить человеконенавистническую идеологию нацизма, так как она сегодня по-прежнему представляет серьёзную опасность.

Идеология оккупационного режима

До начала войны против СССР в Германии были уже разработаны или находились в завершающей стадии уточнённые планы по освоению в будущем оккупированных территорий. Одновременно, политическое руководство Германии пыталось организовать взаимодействие между различными ведомствами с целью эффективного исполнения намеченных планов. Эти планы предполагали активное использование силовых, принудительных мер воздействия на мирное население. Для этих целей ещё в 1938 г. были созданы оперативно-тактические группы в структуре вермахта. Кроме того, действовали команды СС и СД. После начала войны в полосе боевого соприкосновения Красной армии и немецких войск располагались специальные группы – А, В, С и Д. Так, группе армии «Юг» были переданы боевые подразделения С и Д, и специальные команды 4а, 10а, 4б и 10б, находившиеся в подчинении командующего армии. Немецкое командование ставило перед ними задачу уничтожать всякое сопротивление со стороны населения, в том числе, партизан, и проводить расовые чистки. Российские исследователи приводят сведения, что в ходе карательных акций этих групп погибло на территории Украины 4,5 млн чел., а в Белоруссии – 2,2 млн чел. [Кольга 2010: 83].

Изначально вермахт стал средством достижения целей нацистов, в основе которой была идеология превосходства. Она позволяла немецким солдатам совершать преступления, получая правовую неприкосновенность. Участие солдат и офицеров в массовых расстрелах не подлежали уголовному преследованию на основании директивы от 13 мая 1941 г. Вместе с тем, эта же директива требовала применять решительные меры против советских мирных граждан, что означало расстрелы, пытки, насильственную отправку на принудительные работы в Германию и в концентрационные лагеря.

В соответствии с планом, оккупированные территории СССР были разделены на зоны, подчинявшиеся военным и гражданским органам. Зоны, в свою очередь, разделили на сектора в зависимости от того на каком расстоянии от боевого соприкосновения находилась территория. Третий сектор – это тыловой район, на который распространялась власть военной комендатуры. Здесь концентрировались структуры оккупационного режима для подавления сопротивления населения и хозяйственного грабежа. Тыловой район контролировали с помощью опорных пунктов и военных комендатур, с которыми активно сотрудничали коллаборационисты. Военную комендатуру возглавлял генеральный квартирмейстер верховного командования сухопутных войск, который од-

новременно командовал сухопутными войсками в тыловых областях. Ему подчинялись карательные службы и вспомогательные силы. Первичное звено военной администрации формировалось за счёт полевого коменданта и начальника гарнизона. Общее гражданское управление оккупированных территорий возложили на имперское министерство по делам оккупированных восточных областей под руководством А. Розенберга [Война против Советского Союза 1941–1945... 1991: 81].

По мнению отечественных и немецких исследователей, при всём желании организовать взаимодействие управленческих структур на оккупированных территориях как военных, так и гражданских успехом не увенчались. Но все эти структуры проводили «беспощадную политику» уничтожения. Из 50 млн погибших в годы второй мировой и Великой Отечественной войны 27 млн – это наши соотечественники. Карательный режим вермахта привёл к катастрофическим человеческим жертвам. Участниками этих деяний стали немецкие солдаты, офицеры и их пособники из числа граждан страны. Ни оправдывая предательство, как факт прямого и добровольного сотрудничества с врагом, следует признать, что оно было обусловлено содержанием той политики геноцида, которую проводила Германия на оккупированных территориях. Исследователи признают, что история не знала такого массового истребления мирных жителей, которую проводили немецкие солдаты. За период временной оккупации части территории Союза ССР погибло 13 684 692 мирных граждан, в том числе, целенаправленно истребили 7 420 379 чел., в условиях оккупационного режима из-за отсутствия медицинского обслуживания и голода – 4 100 000 чел. и на принудительных работах в Германии – 2 164 313 чел. [Орлов 2015: 140]

Политика уничтожения мирного населения, возлагалась на подразделения СС, полицию, отделы гражданской администрации и вермахт. Руководство Германии объективно оценивало свои людские и материальные возможности в ходе оккупации и не надеялось на установления полного контроля над территориями. Так, гражданское население принудительно ставилось на учёт. Составлялись списки «благонадёжных лиц», готовых сотрудничать с немецким командованием. Все эти мероприятия были направлены на установление всеобъемлющего контроля над территориями СССР. Вся идеология оккупационного режима была основана на репрессиях, акциях устрашения, с целью подавления протестных чувств советских граждан. Кроме этого, к сотрудничеству с оккупационными властями привлекались предатели, которые становились участниками преступлений.

Германия отказывалась нести ответственность за продовольственное снабжение и медицинское обслуживание мирного населения. В одном из своих выступлений осенью 1941 г. Г. Геринг признавал, что возможности Германии не позволяют обеспечить продовольствием местное население на оккупированных территориях. Такая позиция позволяла оккупационному режиму без применения открытых репрессий уничтожать советских граждан.

Но при этом, в приказах вермахта звучали призывы «твёрдыми методами» привлекать гражданское население к принудительным работам [Война против Советского Союза 1941–1945... 1991: 84, 85, 87]. Лозунг «крестовый поход

против большевизма» стал откровенной войной против мирного населения с целью его физического уничтожения.

Но сама идеология нацизма и план «Ост» предусматривали физическое уничтожение граждан СССР с активным применением насилия, а именно: массовых расстрелов и арестов. Действия военно-политического руководства Германии были направлены на физическое уничтожение «значительной части населения захваченной территории и не являлись следствием его сопротивления» [Мулукаев 2012: 76].

На Нюренбергском процессе были предоставлены неоспоримые факты о совершённых вермахтом преступлениях и непосредственных их участников, а также лиц, отдававших эти распоряжения. Вот одно из таких свидетельств немецкого офицера. «Мы расстреливаем в деревнях и населённых пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их группами на дороге, а эти факты не может понять население». На процессе был допрошен в качестве свидетеля Я.Г. Григорьев, житель деревни Кузнецова Псковской области. Он рассказал, как 28 октября 1943 г. немецкий карательный отряд уничтожил его деревню вместе с жителями, которые были обвинены в поддержке партизан. В числе 47 расстрелянных была женщина 108 лет и младенец в возрасте 4 месяцев [Нюренбергский процесс... 1954: 823, 825].

Подтверждением этих слов служат рассекреченные документы Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по делу генерал-майора Г. фон Эрдмансдорфа, размещённые на сайте 17 июля 2024 г.¹

Генерал, казнённый по приговору суда в 1946 г., признал преступный характер методов ведения войны и действий против мирного населения со стороны вермахта.

Можно с уверенностью утверждать, что уничтожение мирных советских граждан и военнопленных носили предумышленный характер. Действия солдат и офицеров вермахта, СС, СД и специальных отрядов отличались своими жестокими формами и методами, и характеризуются как преступления против человечности. Об этом было заявляло правительством СССР ещё в 1941–1942 гг. в нотах Министерства иностранных дел.

В ходе войны Советское правительство организовало учёт этих преступлений и дало им правовую оценку. 19 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников», который предусматривал высшую меру наказания или лишение свободы сроком от 15 до 20 лет [Указ... 1943: № 17]. Именно на основе этого Указа, проходил суд над военными преступниками и предателями в г. Краснодаре с 14 по 17 июля 1943 г.

¹ ФСБ России публикует протокол допроса генерал-майора вермахта, военного коменданта города Могилев Готтфрида фон Эрдмансдорфа // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440037%40fsbMessage.html> (дата обращения 20.06.2024).

Преступления оккупантов и их пособников на территории Краснодарского края

В июне 1942 г. после неудачного наступления частей Красной армии под Воронежем немецкое командование приступило к реализации плана по захвату южных регионов СССР. Операция по овладению нефтяными и продовольственными ресурсами Кавказа с дальнейшим продвижением частей Германской армии в направлении Английских колоний была конечной целью. Тяжёлые бои на территории Краснодарского края начались 28 июля. Части Красной армии под натиском врага вынуждены были 9 августа 1942 г. оставить административный центр Краснодарского края, 7 августа немецкие подразделения вошли в г. Армавир, 9 августа – в г. Майкоп, а 10 сентября был оккупирован г. Новороссийск.

Жители г. Краснодара с 9 августа 1942 г. по 12 февраля 1943 г. находились под оккупацией. «Новый порядок», установленный фашистами, просуществовал на территории края до октября 1943 г. Немецкое командование учитывало особенности казачьего и многонационального региона, а также его продовольственные возможности. С их стороны была предпринята попытка организовать работу гражданской администрации и взаимодействие с местными коллаборантами. Основные принципы, регулирующие взаимодействие с населением Кавказа, были изложены в известной «Зелёной книге» Г. Геринга. Но видимая лояльность со стороны оккупантов быстро изменилась в сторону ужесточения режима. На территории края прибыли специальные подразделения «Зондеркоманда СС 10–А», команда «СД–11», полиция СД с целью устрашения местного населения и подавления партизанского движения. В г. Краснодаре карательные акции и вербовку предателей осуществляли «Зондеркоманда СС 10–А», тайная и городская полиция. С первых дней оккупации начались массовые казни и тотальное разграбление местной промышленности и аграрного сектора экономики.

Традиционно немцы организовывали учёт населения и регистрацию евреев под предлогом переселения в отдельные кварталы или за город [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Т. 2. Л. 200]. Такие мероприятия были проведены в Краснодаре, Армавире, Майкопе и крупных районных центрах. В г. Краснодаре регистрация лиц еврейской национальности проходила по адресу ул. Орджоникидзе, дом 30. После регистрации их увозили в неизвестном направлении – все они погибли.

На территории края впервые массово были применены специальные грузовые автомобили, которые использовали выхлопной газ для уничтожения мирного населения и пленных солдат. Эти «машины смерти» выезжали на улицы города несколько раз в неделю. Их использовали в ходе «специальных операций». В таких машинах были умерщвлены более 300 больных городской больницы [Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... 2000: 460, 462]. Всего в газовых камерах грузовиков фашисты уничтожили на оккупированных территориях СССР около 750 тыс. граждан.

Одно из самых страшных злодеяний, совершенных на Кубани, было массовое убийство больных детей. В сентябре 1942 г. 320 больных Березанской лечебной колонии погибли в «машинах смерти» [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 214]. Такая же страшная участь постигла 42 пациентов детской краевой

больницы на хуторе Третья Речка Кочеты Усть-Лабинского района [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31. Л. 21 об.]. Эти преступления совершали представители самой «культурной нации», как они сами утверждали, англо-саксонского мира. Приходится только сожалеть, что наша историческая память иногда даёт сбой в угоду политической конъюнктуре.

Представители оккупационного режима и те, кто сотрудничали с ними, совершали преступления на всей территории края. 13 августа 1942 г. немецкие солдаты расстреляли 60 жителей ст-цы Славянской в возрасте от 15 до 60 лет. В список чудовищных преступлений вошла трагедия посёлка Михизеева Поляна, где 13 ноября 1942 г. немцами было расстреляно 207 чел., в том числе 115 детей, среди которых были эвакуированные из г. Ленинграда. Оккупанты использовали «душегубки» и в ст-це Гостагаевской, где погибло 161 чел. [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Л. 117, 334, 419].

На улицах Краснодара немцы специально проводили показательные казни советских граждан [ЦДНИ КК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 35. Л. 63]. Понимая, что терпят сокрушительное поражение, гитлеровцы усилили репрессии в отношении мирного населения. В ходе массовых облав, проведённых в г. Краснодаре 16 января 1943 г., было расстреляно до 800 чел. В ст-це Лабинской немецкие солдаты и офицеры зверски замучили до 2 500 жителей, среди них были дети в возрасте от 4 до 16 лет [Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... 2003: 30, 69]. Многочленные факты, свидетельствующие о планомерном уничтожении мирного населения, зафиксированы в актах краевой комиссии, хранящиеся в архивах Краснодарского края.

С целью расследования преступлений, совершенных на временно оккупированных территориях СССР и нанесённого материального ущерба, 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена Чрезвычайная Государственная Комиссия. Соответственно Краснодарский краевой комитет ВКП(б) 27 марта 1943 г. сформировал краевую комиссию, перед которой стояла задача организации учёта «злодейских преступлений немцев и пособников» [ЦДНИ КК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 533. Л. 16]. На территории края создали 10 300 городских и районных комиссий [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 65]. Акты комиссий, в которых содержались факты и результаты свидетельств участников событий, легли в основу обвинительных заключений, предъявленных немецким преступникам и их пособникам на Краснодарском судебном процессе в июле 1943 г. и в последующем на Нюрнбергском процессе.

Было установлено, что в период временной оккупации насильственно за пределы края вывезли 122 911 чел., в том числе 36 777 детей в возрасте моложе 16 лет [ЦДНИ КК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1936. Л. 2]. Погибло в душегубках и было расстреляно 61 540 чел. [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 6], только в г. Краснодаре целенаправленно немцы и их пособники уничтожили 11 472 мирных жителей, в том числе 2 178 детей [ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2443. Л. 23]. В актах краевой комиссии были указаны следующие «методы уничтожения советских граждан»: массовые расстрелы, повешение, отравление угарным газом в специальных автомобилях, а также ядами, которые часто применяли в отношении малолетних [ЦДНИ КК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 923. Л. 44].

Одно из циничных преступлений было совершено в Майкопском районе Адыгейской автономной области, где комендант «СД–11» Витенберг Вилли совместно с Кубяком Эрихом убили 40 детей, используя для этих целей синильную кислоту [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 31а. Л. 25]. Аналогичные случаи были выявлены на территории Краснодарского края.

В Старо-Щербиновском районе погибло 1 231 мирных граждан. Районная комиссия в ходе расследования установила, что перед расстрелом людей истязали и избивали. После эксгумации трупов и проведённых следственных мероприятий установили, что некоторые травмы, полученные до расстрела, были уже не совместимы с жизнью. Особенную жестокость проявляли в отношении коммунистов и советских работников, которых пытали, подвергали нечеловеческим испытаниям и издевательствам [ЦДНИ КК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 923. Л. 46]. При эксгумации трупов в ст-це Отрадной судебная медицинская экспертиза установила: смерть наступила в результате ударов тупым предметом по головам жертв [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2а. Л. 257]. Применение отравляющих ядов, зверские методы убийств свидетельствовали о человеконенавистнической сущности идеологии нацизма, которым руководствовался вермахт в период временной оккупации территорий Союза ССР.

Хроника оккупационного режима свидетельствует о прямой причастности солдат и офицеров вермахта к преступным деяниям, совершенным на территории Краснодарского края и Адыгейской автономной области. Методы, средства и массовый характер преступлений подтверждают целенаправленный их характер с целью физического уничтожения мирного населения.

Заключение

Первое судебное решение о признании геноцида в отношении мирных советских граждан было вынесено в октябре 2020 г. Солецким районным судом Новгородской области. Решение было принято на основании доказанных событий о массовом расстреле более 2 000 военнопленных и мирных жителей деревни Жестяная горка [Синицын 2021: 304]. Через два года Краснодарский краевой суд принял аналогичное решение в отношении действий немецких солдат¹.

Первый открытый судебный процесс над фашистскими преступниками и их пособниками прошёл летом 1943 г. в г. Краснодаре, где рассмотрели дела предателей и совершённые ими преступления против мирных советских граждан. В ходе расследования была установлена причастность 215 офицеров и солдат вермахта, а также 129 бывших казачьих атаманов, надевших полицейскую форму, к преступлениям против жителей Краснодарского края [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–4]. На скамье подсудимых оказались 11 изменников Родины причастных к этим событиям. Следствием было установлено, что «Зондеркоманда СС–10 А» в составе 200 чел. представляла собой карательную команду.

¹ Решением суда удовлетворены требования прокуратуры Краснодарского края, предъявленные по поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова, об установлении факта геноцида народов Советского Союза // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=75572657> (дата обращения: 20.06.2024).

Особую жестокость в отношении мирных советских граждан и военнопленных проявляли полковник Кристман – шеф Краснодарского гестапо и врач гестапо Герц. Доказано, что они непосредственные участники убийства детей и взрослых жителей г. Краснодара. Их действия носили безраздельно разнузданный произвол и представляли собой систему массового истребления советских людей. Это была система, основанная на идеологии нацизма. Правоохранительным и специальным службами СССР удалось установить личности всех причастных к преступлениям, совершенным на территории края. Была установлена вина командования 17 армии генерал-полковника Роуфа и его солдат.

Офицеры, солдаты вермахта и спецподразделения предпринимали отчаянные усилия по сокрытию совершённых преступлений. Они держали в тайне места массовых расстрелов. После расправы над советскими гражданами целенаправленно наносили увечья с тем, чтобы невозможно было их опознать. Такие захоронения были найдены у ст-цы Лабинской, где эксгумировали тела 600 жертв [ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 77]. Немецкие военные вместе с румынами, которые тоже участвовали в этих событиях, и их пособники осознанно шли на убийства мирных жителей, понимая, что совершают преступления. Это были умышленные массовые убийства, которые не имеет сроков давности по своему составу преступлений. Идеология фашизма, оправдывая превосходство одной расы над другой, игнорируя культурный код человеческой цивилизации, создала исторический прецедент.

В 128 млрд. долларов оценивается материальный ущерб, нанесённый Германией Союзу ССР. Но преступления против мирных жителей ничем не измерить и не оценить. Цинизм нацистов не имел объяснимых границ в своей жёсткости. Необходимо предотвратить попытки придать забвению преступления вермахта, представляя их как изолированное историческое событие. Вермахт не был «аполитичным», а был прямым средством реализации идеологии нацизма: «завоевать и уничтожить».

Историко-юридическая оценка этих преступлений, а именно геноцид советских граждан не вызывает сомнений. События последних лет лишь подтверждают опасность игнорирования исторического опыта Великой Отечественной войны и попытки предать забвению идеологию нацизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Безыменский 1964 – *Безыменский Л.А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. – М.: Мысль, 1964. – 533 с.
- Безыменский 1973 – *Безыменский Л.А.* Особая папка «Барбаросса». – М.: Новости, 1973. – 341 с.
- Безыменский 1981 – *Безыменский Л.А.* Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933–1941. – М.: Новости, 1981. – 277 с.
- Война против Советского Союза 1941–1945... 1991 – *Война против Советского Союза 1941–1945.* Документальная экспозиция. – Берлин: Аргон, 1991. – 287 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Дашичев 1973 – *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – 663 с.
- Дробязко 2004 – *Дробязко С.И.* Под знамёнами врага: антисоветские формирования в составе германских сил. 1941–1945. – Подольск: Эксмо, 2004. – 608 с.

- Кноп 2009 – *Кноп Г.* История вермахта. Итоги. – СПб.: Питер, 2009. – 272 с.
- Ковалев 2004 – *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. – М.: АСТ, 2004. – 483 с.
- Ковалев, Кулик 2020 – *Ковалев Б.Н., Кулик С.В.* Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941–1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области) // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 7 (32). – С. 1–5.
- Кольга 2010 – *Кольга Г.И.* Немецкие историки о преступлениях вермахта на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.) эволюция суждений // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 4. – С. 76–84.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... 2000 – *Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Книга 1* / отв. сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Советская Кубань, 2000. – 816 с.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... 2003 – *Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Книга 2* / отв. сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Советская Кубань, 2003. – 896 с.
- Мадиевский 2002 – *Мадиевский С.А.* Война на уничтожение: преступления вермахта в 1941–1944 годах // Свободная мысль. – 2002. – № 5. – С. 90–97.
- Мельников, Чёрная 1987 – *Мельников Д.Е., Чёрная Л.Б.* Империя смерти: аппарат насилия нацистской Германии. 1933–1945. – М.: Политиздат, 1987. – 414 с.
- Мулукаев 2012 – *Мулукаев Р.С.* Преступления немецко-фашистских захватчиков, совершенные на территории СССР, и их правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2 (22). – С. 76–79.
- Мюллер 1974 – *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). – М.: Воениздат, 1974. – 467 с.
- Нюрнбергский процесс... 1954 – *Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1.* Изд. второе, испр. и доп. / под. ред. К.П. Горшенина. – М.: Юридическая литература, 1954. – 936 с.
- Орлов 2015 – *Орлов В.В.* К вопросу о цене победы СССР в Великой Отечественной войне // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – № 1 (19). – С. 137–142.
- Пережогин 2004 – *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – С. 293–305.
- Семиряга 2000 – *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
- Синицын 2021 – *Синицын Ф.Л.* Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований – 2021. – № 2 (25) – С. 302–315.
- СССР в борьбе против фашистской агрессии... 1976 – *СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945.* / отв. ред. А.Л. Нарочницкий – М.: Наука, 1976. – 326 с.
- Указ... 1943 – *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 19 апреля 1943 г. № 39 // ВСНД СССР. 1943. № 17.
- ЦДНИ КК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.
- Яковлев 2022 – *Яковлев Е.Н.* Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. – СПб.: Питер, 2022. – 480 с.

REFERENCES

- BEZYMENSKIY L.A. *Germanskije generaly – s Gitlerom i bez nego* [German generals – with and without Hitler]. – Moscow: Mysl', 1964. – 533 p. (In Russ.).
- BEZYMENSKIY L.A. *Osobaja papka «Barbarossa»* [Special folder “Barbarossa”]. – Moscow: Novosti, 1973. – 341 p. (In Russ.).
- BEZYMENSKIY L.A. *Razgadannye zagadki Tret'ego rejha. 1933–1941* [Solved mysteries of the Third Reich. 1933–1941]. – Moscow: Novosti, 1981. – 277 p. (In Russ.).

Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

DASHICHEV V.I. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy*. Kn. 2. [The bankruptcy of the strategy of German fascism. Historical essays. Documents and materials. Book 2] – Moscow: Nauka, 1973. – 663 p. (In Russ.).

DROBJAZKO S.I. *Pod znamjonami vraga: antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih sil. 1941–1945* [Under the banner of the enemy: anti-Soviet formations within the German forces. 1941–1945]. – Podolsk: Jeksmo, 2004. – 608 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of the Krasnodar Territory].

JAKOVLEV E.N. *Vojna na unichtozhenie. Tretij rejh i genocid sovetskogo naroda* [War of destruction. The Third Reich and the genocide of the Soviet people]. – Saint Petersburg: Piter, 2022. – 480 p. (In Russ.).

KNOPP G. *Die Wehrmacht: eine Bilanz*. – Saint Petersburg: Piter, 2009. – 272 p.

KOL'GA G.I. *Nemeckie istoriki o prestuplenijah vermahta na okkupirovannyh territorijah SSSR (1941–1944 gg.) jevoljucija suzhdenij* [German historians about the crimes of the Wehrmacht in the occupied territories of the USSR (1941–1944) evolution of judgments] IN: *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. – 2010. – № 4. – P. 76–84. (In Russ.).

KOVALEV B. N. *Nacistskaja okkupacija i kollaboracionizm v Rossii, 1941–1944* [Nazi occupation and collaboration in Russia, 1941–1944]. – Moscow: AST, 2004. – 483 p. (In Russ.).

KOVALEV B.N., KULIK S.V. *Gitlerovskie prestuplenija s priznakami genocida 1941–1944 gg. (na primere Chudovskogo rajona Leningradskoj oblasti)* [Hitler's crimes with signs of genocide 1941–1944 (on the example of the Chudovsky district of the Leningrad region)] IN: *Uchjonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 7 (32). – P. 1–5. (In Russ.).

Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945: Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobytij. Kniga pervaja [Kuban during the Great Patriotic War 1941–1945: Declassified documents. Chronicle of events. Book 1] / Edited by A.M. Beljaev, I.Ju. Bondar'. – Krasnodar: Sovetskaja Kuban', 2000. – 816 p. (In Russ.).

Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945: Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobytij. Kniga 2 [Kuban during the Great Patriotic War 1941–1945: Declassified documents. Chronicle of events. Book 2] / Edited by A.M. Beljaev, I.Ju. Bondar'. – Krasnodar: Sovetskaja Kuban', 2003. – 896 p. (In Russ.).

MADIEVSKIJ S.A. *Vojna na unichtozhenie: prestuplenija vermahta v 1941–1944 godah* [War of extermination: crimes of the Wehrmacht in 1941–1944] IN: *Svobodnaja mysl'*. – 2002. – № 5. – P. 90–97. (In Russ.).

MEL'NIKOV D.E., CHJORNAJA L.B. *Imperija smerti: apparat nasilija nacistskoj Germanii. 1933–1945* [Empire of Death: The Violent Apparatus of Nazi Germany. 1933–1945]. – Moscow: Politizdat, 1987. – 414 p. (In Russ.).

MÜLLER N. *Wehrmacht und okkupation 1941–1944*. – Moscow: Voenizdat, 1974. – 467 p.

MULUKAEV R.S. *Prestuplenija nemecko-fashistskih zahvatchikov, sovershennye na territorii SSSR, i ih pravovaja ocenka* [Crimes of the Nazi invaders committed on the territory of the USSR, and their legal assessment] IN: *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii*. – 2012. – № 2 (22). – P. 76–79. (In Russ.).

Njurenbergsij process. Sbornik materialov. T. 1. / Edited by K.P. Gorshenina [Nuremberg trial. Collection of materials. T. 1]. – Moscow: Juridicheskaja literatura, 1954. – 936 s. (In Russ.).

ORLOV V.V. *K voprosu o cene pobedy SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne* [On the question of the cost of the USSR's victory in the Great Patriotic War] IN: *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*. – 2015. – № 1 (19). – P. 137–142. (In Russ.).

PEREZHOGIN V.A. *Voprosy kollaboracionizma* [Issues of collaboration] IN: *Vojna i obshchestvo. 1941–1945*. Kn. 2. – Moscow: Nauka, 2004. – P. 293–305. (In Russ.).

SEMIRJAGA M. I. *Kollaboracionizm. Priroda, tipologija i projavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Collaborationism. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. – Moscow: ROSSPJeN, 2000. – 863 p. (In Russ.).

SINICYN F.L. *Federal'nyj arhivnyj proekt «Prestuplenija nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naselenija SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.»* [Federal archival project “Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945”] IN: *Zhurnal Rossijskih i Vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*. – 2021. – № 2 (25) – P. 302–315. (In Russ.).

SSSR v bor'be protiv fashistkoj agressii 1933–1945 [USSR in the fight against fascist aggression... 1976 – USSR in the fight against fascist aggression 1933–1945] / Edited by A.L. Narochnickij. – Moscow: Nauka, 1976. – 326 p. (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 19, 1943 No. 39] IN: *VSND SSSR*. 1943. № 17. (In Russ.).

Vojna protiv Sovetskogo Sojuza 1941–1945. Dokumental'naja jekspozicija [War against the Soviet Union 1941–1945. Documentary exhibition]. – Berlin: Argon, 1991. – 287 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 26.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 26.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94(470.64)+332.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-194-212
EDN: GXKXCL

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. XX ВЕКА

Марина Викторовна Жанокова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, s.marisabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8043-0531>

Аннотация. Постсоветская Россия первой половины 90-х гг. XX в. характеризовалась масштабными трансформационными процессами государственного, социально-экономического и институционально-правового укладов, оказавших значительное влияние на все экономическое и правовое пространство страны и мира. Следствием произошедших трансформаций стал общий настрой на интеграцию в глобальный рынок, либерализацию комплекса общественных отношений, в том числе формирование определенной степени «независимости» субъектов страны в процессе принятия решений, предоставление последним больших прав и свобод во внешнеэкономической деятельности. Правительство КБР в сложившихся условиях предприняло попытку к установлению максимально большого числа контактов с рядом стран в сфере торгово-экономического сотрудничества, использовались любые возможности взаимодействия как с руководствами других государств, так и с представителями отдельных зарубежных фирм и деловых кругов. Это имело свои положительные результаты, так как в анализируемом периоде появился ряд совместных российско-иностранных компаний на территории КБР, в республику были привлечены иностранные инвестиции на развитие отдельных отраслей, КБР начала рассматриваться другими государствами в качестве привлекательного экономического партнера. Однако, исследование исторического и статистического материала внешнеэкономической деятельности КБР первой половины 90-х гг. XX в. позволило выявить барьеры и угрозы, которые, не дали в полной мере использовать внутренний потенциал и возможности республики, в том числе: несовершенство законодательной базы, таможенного и налогового регулирования, отсутствие развитой кредитно-финансовой системы, несогласованность действий федеральных и региональных властей по отдельным вопросам международного сотрудничества, неблагоприятная политическая ситуация на Северном Кавказе.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, иностранные предприятия, инвестиции, Кабардино-Балкарская Республика, кризисный период, зарубежные диаспоры

Для цитирования: Жанокова М.В. Международное сотрудничество Кабардино-Балкарской Республики в сфере экономики в первой половине 90-х гг. XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 194-212. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-194-212. EDN: GXKXCL.

© Жанокова М.В., 2024

Original article

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN THE FIELD OF ECONOMICS IN THE FIRST HALF OF THE 90S OF THE XX CENTURY

Marina V. Zhanokova

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, s.marisabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8043-0531>

Abstract. In the first half of the 1990s, post-Soviet Russia experienced large-scale transformations of state, socioeconomic, and institutional legal structures, which had a substantial impact on the country's and the world's entire economic and legal environment. Because of the transformations that took place, there was a general attitude towards integration into the global market, liberalization of the complex of public relations, including the formation of a certain degree of "independence" of the country's subjects in the decision-making process, granting the latter greater rights and freedoms in foreign economic activity. Under the current conditions, the Government of the Kabardino-Balkarian Republic attempted to establish as many contacts as possible with several countries in the field of trade and economic cooperation, using any opportunities for interaction with the leadership of other states, as well as with representatives of individual foreign firms and business circles. This had its positive results, since in the analyzed period several joint Russian-foreign companies appeared on the territory of the Kabardino-Balkarian Republic, foreign investments were attracted to the republic for the development of certain industries, and the states began to view the Kabardino-Balkarian Republic as a promising economic partner. However, the study of the historical and statistical material of the foreign economic activity of the Kabardino-Balkarian Republic in the first half of the 90s of the XX century made it possible to identify barriers and threats that did not allow the full use of the internal potential and capabilities of the republic, including: imperfection of the legislative framework, customs and tax regulation, lack of a developed credit and financial system, inconsistency of actions of federal and regional authorities on certain issues of international cooperation, unfavorable political situation on the North Caucasus.

Keywords: foreign economic activity, foreign enterprises, investments, Kabardino-Balkarian Republic, crisis period, foreign diasporas.

For citation: Zhanokova M.V. International cooperation of the Kabardino-Balkarian Republic in the field of economics in the first half of the 90s of the XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 194-212. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-194-212. EDN: GXKXCL.

© Zhanokova M.V., 2024

Введение

Актуальность исследования. В Российской Федерации в начале 1990-х гг. произошел ряд событий в геополитической и социально-экономической жизни страны, повлекших трансформации в системе государственного управления, которые привели к существенным изменениям и на уровне регионов. Институциональные реформы открыли для регионов страны новые возможности развития, межрегиональной и международной интеграции путем встраивания в мировое экономическое пространство. В сложившихся условиях важное значение приобрело создание в КБР эффективной системы управления внешнеэкономической деятельностью за счет использования собственного потенциала и предо-

ставляемых федеральным центром возможностей. Наряду с этим условия и тенденции, сформировавшиеся внутри и за пределами социально-экономического пространства КБР и страны в целом в первой половине 90-х гг. XX в., не позволили в полной мере реализовать поставленные руководством республики цели во внешнеэкономической деятельности. В современный период в сфере международного сотрудничества КБР сохранились прежние проблемы и многие негативные тенденции, характерные для первой половины 90-х гг. XX в., что ставит исследование исторического опыта работы республики в указанном направлении в разряд актуальной проблемы.

Цель работы – исследование международного сотрудничества Кабардино-Балкарской Республики в сфере экономики в первой половине 90-х гг. XX в.

Практическая значимость представленного исследования заключается в возможности выявления исторически обусловленной природы современных актуальных проблем развития внешнеэкономической деятельности КБР путем анализа, выстроенного в хронологической последовательности исторического материала, отражающего международное сотрудничество КБР в сфере экономики в первой половине 90-х гг. XX в. В таком формате исследование проблем внешнеэкономической деятельности КБР в начале 1990-х гг. ранее не проводилось.

Источниковая база работы. Статья подготовлена на основе анализа делопроизводственных документов Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР), Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР) и материалов периодической печати.

Основная часть

В начале постперестроечного периода КБР обладала определенным социально-демографическим и финансово-экономическим потенциалом. Прежде всего – это относительно благоприятные природно-климатические условия региона, позволяющие развивать такие направления народного хозяйства, как сельское хозяйство, туризм, перерабатывающая промышленность и др. Наличие крупных месторождений некоторых полезных ископаемых общероссийского и мирового значения, позволяло развивать в тот период добывающую промышленность. Республика обладала значительным потенциалом для развития и строительства гидроэлектростанций, а также нетрадиционных источников получения энергии. В сфере сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, в химической промышленности и машиностроении, в КБР был открыт ряд крупных компаний регионального и общероссийского значения. Кадровый потенциал региона позволял обеспечивать новые предприятия достаточным количеством специалистов, так как активно развивалась система среднего и высшего образования.

Однако, несмотря на перечисленные возможности, экономика КБР к началу 90-х гг. XX в. характеризовалась наличием ряда важнейших проблем:

- отсутствовали средства для развития новых наукоемких отраслей и использования инновационных технологий, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности;
- основные производственные фонды предприятий характеризовались моральным и физическим износом, и не было возможности для их обновления;

- отсутствовали возможности для получения новых знаний и стажировки специалистов в целях работы с передовыми технологиями;
- отсутствовали финансовые ресурсы для развития прежних и новых отраслей производства.

Структура народного хозяйства КБР в конце 1980-х гг. была нерациональной: наибольшее развитие получили отрасли промышленности, работающие преимущественно на привозном топливе, сырье, металле, комплектующих, а также вывозящие большую часть продукции за пределы региона. Это стало следствием экономического спада в процессе распада традиционно сформировавшихся социально-экономических контактов между территориями страны. В целом экономика республики характеризовалась стагнацией и нестабильностью развития, что требовало поиска альтернативных путей для выхода из состояния кризиса. В качестве одного из эффективных направлений экономического роста Правительство КБР выбрало курс на активное развитие внешнеэкономической деятельности, тем более что в стране радикальные преобразования способствовали реализации запланированных стратегических перспектив.

Начиная с 1990 г. Правительство страны проявило заинтересованность в интеграции российской экономики в международный рынок путем привлечения прямых иностранных инвестиций, в проведении либеральных и институциональных реформ, опираясь в данном вопросе на собственный и зарубежный опыт. Данная тенденция получила свое отражение и на уровне субъектов РФ, в том числе и в КБР.

Иностранные компании привлекали ресурсы и перспективы развития новой рыночной ниши. Однако, как в целом российский рынок, так и рынок КБР для них был неизвестным (с точки зрения культуры, языка, законодательного регулирования, в связи с неразвитостью и не совершенством институциональных основ, нормативно-правового обеспечения, наличием препятствий для вхождения на новый рынок).

Анализ состояния внешнеэкономической деятельности в республике и статистические данные за 1989-1990 гг. по экспортно-импортным поставкам позволяют сделать вывод о снижении общего объема торговых операций и уменьшении номенклатуры экспортной продукции её предприятий. Это было одной из основных проблем, над которой необходимо было работать [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 3. Л. 8].

Анализ отчетной документации Комитета внешних экономических связей КБР позволяет сделать вывод, что в республике практически отсутствовали в данном периоде фирмы, способные сотрудничать с иностранными партнерами. Исключение составили следующие компании: Терский завод алмазных инструментов, заводы «Севкавэлектроприбор» и Телемеханика, АО «Севкаврентген», АО «Каббалктурист», которые имели более или менее оформленные проекты для представления иностранным партнерам [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 3. Л. 10]. Фактически предприятия КБР не были подготовлены к совместной работе с иностранцами в части привлечения и использования зарубежного капитала, что требовало особого внимания со стороны Правительства республики для решения данного вопроса.

Отметим, что в начале 1990-х гг. к интеграции стремились преимущественно крупные иностранные компании путем поиска контактов с представителями региональной власти. Для органов региональной власти важнейшей задачей внешнеэкономического сотрудничества было не только аккумулирование на своей территории иностранных инвестиций и «оздоровление» экономики, но также получение навыков и знаний от иностранных партнеров относительно ноу-хау технологий, менеджмента и других вопросов предпринимательской деятельности, которые могли бы получить развитие в рамках местного бизнеса.

Начиная с 1991 г. Управление внешних экономических связей Министерства экономики Кабардино-Балкарской Республики принимало участие в подготовке постановлений Правительства КБССР по привлечению иностранных инвестиций через фонд «Интерприватизация». Были организованы встречи руководителей предприятий и организаций республики с экспертами фонда и разработана совместная Программа первоочередных мер по развитию экономики КБССР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 3. Л. 11].

В ноябре 1991 г. были начаты переговоры с представителем бельгийско-румынской фирмы Недалем Таефом по организации совместного производства прохладительных напитков, используя специальные концентраты из Бельгии. Бельгийская сторона должна была предоставить для производства технологическое оборудование, сырье, заготовки для бутылок, этикетки. Кабардино-Балкарская сторона должна была предоставить помещение, инфраструктуру и трудовые ресурсы для организации производственного цикла. Однако, сделка так и не состоялась в связи со сложностями реинвестирования валютных поступлений. Недадь Таеф предлагал приобретать лес за рубли и вывозить в страны Европы, где продавать его за валюту. Но этот вариант оказался невыполнимым, так как в республике отсутствовала квота на лес в требуемых объемах.

В начале 1992 г., в соответствии с Постановлением Правительства КБССР, на базе фирмы «Внешэкономсервис» была создана Кабардино-Балкарская Торгово-промышленная палата Северо-Кавказской палаты в системе Российской Торгово-промышленной палаты [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 6. Л. 4]. Основными функциями во внешнеэкономической деятельности Кабардино-Балкарской Торгово-промышленной палаты были:

- содействие развитию экспорта товаров, оказание помощи предприятиям в проведении операций на внешнем рынке;
- оказание консультационных услуг иностранным партнерам;
- содействие установлению производственного и научно-технического сотрудничества с компаниями иностранных государств;
- приглашение иностранных торгово-экономических делегаций;
- организация международных выставок;
- обеспечение обслуживания представительств иностранных фирм, банков и организаций на территории КБССР, включая предоставление им всего комплекса услуг, необходимого для коммерческой деятельности и т.д. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 6. Л. 8].

В соответствии с Постановлением КБССР от 01.04.1992 г. № 80 «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями» Кабинет Министров

КБССР постановил, что регистрация предприятий, объем иностранных инвестиций в которых не превышает 100 млн руб., осуществляется Министерством финансов КБР по результатам экспертного заключения Управления внешних экономических связей Министерства экономики Кабардино-Балкарской Республики. При этом предприятия с объемом иностранных инвестиций свыше 10 млн руб. должны регистрироваться с разрешения Кабинета Министров КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 6. Л. 19].

В марте 1992 г. вступил в силу «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами суверенных республик в составе Российской Федерации»¹, который наделил регионы РФ новыми правами и полномочиями, определенной «свободой» и самостоятельностью, в том числе и в сфере международных отношений. При этом их международная деятельность могла осуществляться исключительно в соответствии с Конституцией РФ и, несмотря на предоставляемые возможности и «свободы», под жестким контролем со стороны федеральных органов власти. Все действия необходимо было координировать с Центром.

В этот период международная и внешнеэкономическая деятельность субъектов РФ выдвинулась в качестве самостоятельного направления деятельности регионов в составе страны, что способствовало созданию на их территории соответствующих органов исполнительной власти, организующих и координирующих данное направление работы. В соответствии с Постановлением Верховного Совета КБР «О структуре Кабинета министров Кабардино-Балкарской Республики» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1191. Оп. 2. Д. 22. Л. 17] в апреле 1992 г. в регионе было создано Министерство внешних сношений и по делам национальностей КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 28. Л. 4]. Чуть позже в этом же году была утверждена Программа Министерства на ближайшие два года (рис. 1) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 2. Д. 4. Л. 6].

Правительство страны также продолжало взятый во внешнеэкономической деятельности курс, направленный на укрепление связей с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, путем создания новых и развития прежних ассоциаций в данной сфере. Так, в начале 1992 г. ассоциация по связям с соотечественниками «Родина» получила международный статус и стала называться Международной Ассоциацией «Родина», на которую возлагались новые права и обязанности, способствующие развитию внешнеэкономической деятельности регионов страны, в том числе и КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 10].

¹ Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/ (дата обращения: 08.05.2024).

*Рис. 1. – Основные направления работы Министерства внешних сношений и по делам национальностей КБР в сфере торгово-экономических отношений в 1992-1993 гг.
[УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 2]*

В целях обеспечения непрерывной работы с зарубежной черкесской и карачаево-балкарской диаспорами на международном уровне внутри Министерства внешних сношений и по делам национальностей КБР была создана Служба по связям с зарубежными соотечественниками [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1191. Оп. 2. Д. 225. Л. 44]. С этого периода, по официальному приглашению Кабардино-Балкарской стороны, начался период регулярных визитов представителей некоторых государств (Иордании, Сирии, Турции, ФРГ, США и др.), на территориях которых проживали черкесские и карачаево-балкарские диаспоры соотечественников, что способствовало их многостороннему сотрудничеству в перспективе [Кушхабиев 2022: 200].

Впервые в практике международных отношений КБР с зарубежными странами были направлены информативные письма послам государств со значительной черкесской диаспорой: Иордании, Сирии, Турции, Германии, США, а также Республики Северная Корея (в связи с проживанием на территории КБР многочисленной общины корейцев) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 7]. Ответом на эти письма стало официальное посещение несколькими зарубежными делегациями КБР.

Одним из итогов работы по привлечению иностранного капитала соотечественников в экономику республики, стало создание сирийской компании

«Эльбрус-Экспресс», занимающейся организацией экспресс-почты и производством товаров народного потребления.

В 1992 г. продолжалась активная работа между предприятиями республики и германской фирмой «Бабкок-БСХ» (начиная с 1989 г.), в области изготовления «чистых» производственных помещений.

В апреле 1992 г. было зарегистрировано совместное российско-германское предприятие «Техновент» в целях освоения по лицензии фирмы «Бабкок-БСХ» сушильной камеры «Фаворит», необходимой АПК КБР и РФ.

В июне 1992 г. республику посетили высокопоставленные представители Иорданского Хашимитского Королевства, что позволило согласовать ряд ранее разработанных направлений экономического сотрудничества, в том числе и по предприятию АО «Техноприбор», которое осуществляло тесное сотрудничество с иорданскими деловыми партнерами [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 7]. Во время ответного визита делегации КБР в Иорданское Хашимитское Королевство в сентябре 1992 г. был подписан Протокол о намерениях между членами Кабардино-Балкарской делегации и главой нескольких транснациональных корпораций шейхом Маджидом Ат-Тамими, предусматривавший крупные инвестиционные вложения в ключевые направления экономики КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 10].

В августе 1992 г. республику посетила официальная делегация из Саудовской Аравии, в октябре 1992 г. – делегация из Турецкой Республики. По результатам этих визитов был достигнут ряд договоренностей в сфере торгово-экономического сотрудничества на ближайшие годы, определены направления совместной деловой работы, высказана заинтересованность иностранных компаний в сотрудничестве с компаниями КБР.

Во время ответного визита делегации КБР в Иорданское Хашимитское Королевство в сентябре 1992 г. был подписан Протокол о намерениях между членами Кабардино-Балкарской делегации и главой нескольких транснациональных корпораций шейхом Маджидом Ат-Тамими, предусматривавший крупные инвестиционные вложения в ключевые направления экономики КБР.

В июле 1992 г. был подписан Контракт между республиканским центром МЖК (г. Нальчик, КБР) и универсальным магазином «Ду лэ» (г. Аньшань, Китайская Народная Республика) на обмен товарами в номенклатуре, объемах и количествах на сумму 25500 долл. США.

Министерство проводило работу по налаживанию контактов структур власти и управления КБР с зарубежными деловыми кругами. В рамках данного направления работы в мае 1992 г. состоялись переговоры с представителями деловых кругов США (П. Хендерсоном и др.), итогом которых стало подписание Протокола о намерениях по сотрудничеству между республикой и американской компанией «Сьерра-Кавказ» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 16].

В 1992 г. республике с участием иностранного партнера и ряда российских организаций было создано также совместное с итальянцами предприятие «НАЛЬМАС – бчз», основной деятельностью которого была добыча и переработка природного камня. Итальянские партнеры «Симек» и «Кориэс» обязывались в соответствии с контрактом осуществлять поставку оборудования из Ита-

лии на сумму 5 млн долл. США из требуемых для реализации контракта 6,2 млн долл. США. Остальные компании – участники контракта: МСХ КБР (26 % доля вклада), ОХМК – Орско-Халиловский металлургический комбинат (25 % доля вклада), алмазный завод (5 % доля вклада), ОПХ «Нартан» (3 % доля вклада), совхоз «Эльбрусский» (3 % доля вклада), КБпроектстрой (7,5 % доля вклада) должны были участвовать в формировании уставного фонда наличными денежными средствами, либо поставкой товаров собственного производства (например, ОХМК должен был поставлять на территорию Италии предельный чугун). Однако, компания на протяжении строительства сталкивалась с рядом трудностей, начиная со сложной кризисной ситуацией в регионе и отсутствием свободных денежных средств у учредителей, заканчивая резким ростом курса доллара по отношению к курсу рубля, что требовало привлечения кредитных средств от Правительства республики для выполнения своих обязательств перед иностранными партнерами, несмотря на то, что годовой доход комбината должен был составить 37800 тыс. руб. Многие договоренности с иностранными партнерами, в связи с указанными причинами, исполнялись, либо не в полной мере, либо не в установленный срок.

Выстраивалось активное сотрудничество между КБР и Венгерской Республикой. Осознавая важное значение торгово-экономических отношений и научно-технического сотрудничества; учитывая возможности промышленного и производственного потенциала; исходя из намерений содействовать дальнейшим экономическим реформам и приблизить их к процессам мирового хозяйства, практике и нормам мирового рынка; руководствуясь при осуществлении двусторонних связей общепринятыми принципами и нормами международного права, – было подписано двустороннее Соглашение между Правительством КБР и Правительством Венгерской Республики о содействии торговле и иным видам экономического сотрудничества между договаривающимися сторонами на взаимовыгодной и долгосрочной основе [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 30. Л. 42].

В сентябре 1992 г. было подписано первое в истории республики Соглашение и Протокол о торгово-экономическом сотрудничестве между КБР и Венгрией в целях расширения коммерческих связей между организациями и гражданами обеих сторон [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 225. Л. 16]. Управление внешних экономических связей КБР и Северо-Кавказское отделение торгового представительства Венгерской Республики договорились, исходя из ограниченности валютных средств, об установлении прямых связей для конструктивного сотрудничества по обмену товарами на сбалансированной основе, о содействии в изучении возможности кооперации между предприятиями сторон, а также о создании совместных предприятий.

В исследуемом периоде в качестве основных контрагентов выступали компании и представители Ближнего Востока путем создания малых совместных предприятий. Этот путь не дал возлагаемых на него результатов, так как деятельность совместных компаний, как правило, ограничивалась коммерческими сделками по торговле товарами и не была направлена на развитие производства продукции.

Несмотря на активность созданных различного рода общественных и неправительственных фондов в области привлечения иностранных инвестиций,

их деятельность носила хаотичный и неблагоприятный с точки зрения региональной «выгоды» характер, так как каждый фонд старался своими действиями получить эксклюзивные права на тот или иной вид деятельности, что ставило их в ранг монополистов, концентрирующих в своих руках отдельные народно-хозяйственные отрасли республики. Управляющие органы в данный процесс практически не вмешивались и не регулировали его должным образом, что давало преимущественное право таким фондам приватизировать жизненно важные для развития экономики КБР объекты и комплексы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 16]. В этой связи во внешнеэкономической деятельности республики требовалось разработать стратегию, которая позволяла бы учитывать в первую очередь интересы республики и ее населения.

Оценивая результаты внешнеэкономической деятельности КБР в период с 1990 по 1992 г., можно сказать, что, несмотря на позитивные сдвиги, работа велась неудовлетворительно и требовала более активных действий со стороны органов законодательной и исполнительной власти республики (рис. 2).

Рис. 2. – Актуальные «барьеры» развития внешнеэкономической деятельности в КБР в 1990-1992 гг. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]

С января 1993 г. делегации КБР с официальными визитами и по приглашению второй стороны регулярно посещали государства, в которых проживали черкесские диаспоры: Турцию, Сирию, Иорданию и др. страны. Они принимались первыми и высокопоставленными лицами зарубежных стран. С российской стороны, участниками встреч, наряду с делегациями из КБР, выступали также чрезвычайные и полномочные послы РФ в этих странах. Правительство КБР в этом же периоде организовало и провело ряд «ответных» мероприятий, приглашая и показывая представителям перечисленных стран республику, ее культуру, природный, экономический и институционально-правовой потенциал. Проведение таких мероприятий имело большое значение в связи с отсутствием у соотечественников, проживающих за рубежом, объективных данных об исторической

родине, ее социальном, экономическом и политическом положении. С точки зрения стратегической перспективы – это предоставило возможность для формирования дружественных связей с рядом стран, проявления их лояльности по отношению к РФ по ряду важнейших вопросов мирового масштаба, в связи с чем и федеральное правительство поддерживало данные мероприятия.

По результатам посещения официальной делегацией КБР Турецкой Республики в марте 1993 г., было подписано Соглашение о сотрудничестве с союзом торговых и промышленных палат Турции и Стамбульской торговой палаты [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 5. Л. 38]. В июле 1993 г. между Турецкой и Кабардино-Балкарской сторонами был подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве» в сферах экономики, культуры, здравоохранения, образования, спорта, туризма и альпинизма [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 28].

Предпринятые обеими сторонами меры позволили в последующем сотрудничать, в том числе в торгово-экономической сфере между двумя странами, способствовали открытию ряда совместных российско-турецких и турецких компаний на территории КБР.

В 1993 г., благодаря совместным усилиям Правительства КБР и представителей иностранных государств, в республике соотечественниками было создано 6 коммерческих компаний производственного назначения. В республику было завезено оборудование на сумму свыше 200 тыс. долл. США [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 30].

После опыта длительных переговоров с турецкой компанией «Орсан» Министерство внешних сношений КБР предложило Правительству КБР утвердить определенный порядок сотрудничества и регистрации совместных российско-иностранных компаний на территории региона (рис. 3).

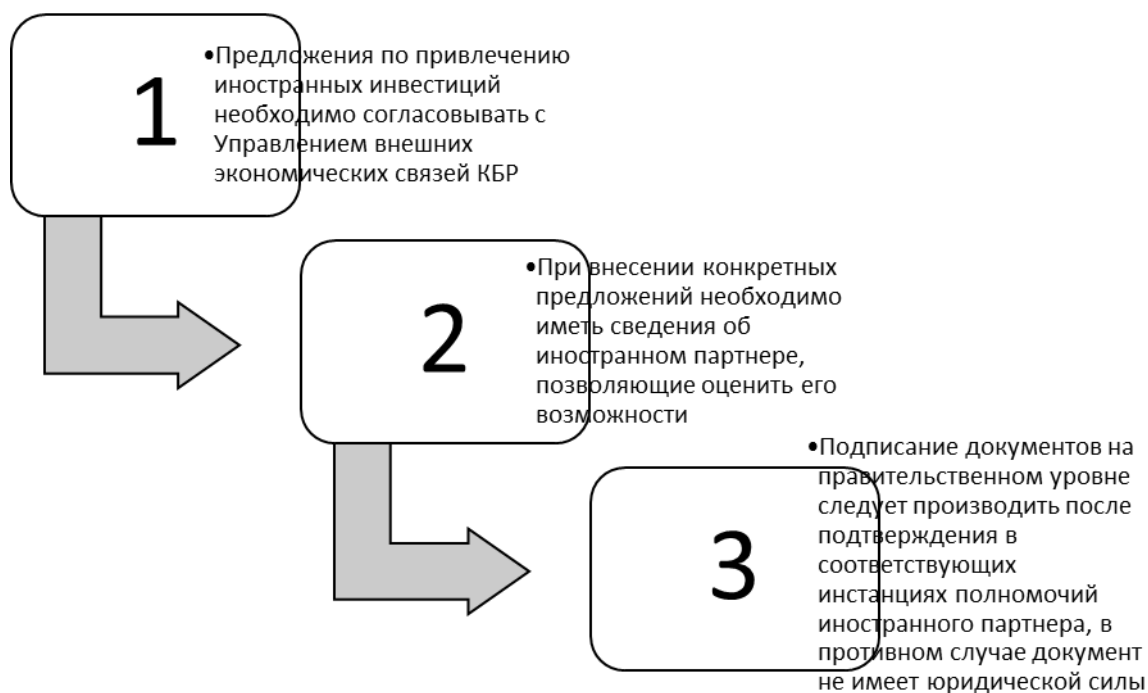

Рис. 3. – Порядок сотрудничества и регистрации совместных российско-иностранных компаний на территории КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 25. Л. 12]

По мнению представителей Министерства внешних сношений КБР, такой Порядок должен был решить ряд актуальных проблем в процессе регистрации совместных российско-иностранных компаний на территории КБР.

В апреле 1993 г. в КБР было упразднено Министерство внешних сношений и по делам национальностей КБР и создано Министерство иностранных дел КБР с утвержденной на 1993-1994 гг. программой мероприятий [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 24]. Основные функции преобразованного Министерства в сфере внешнеэкономической деятельности остались прежними [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 24].

Основной концепцией внешней политики Министерства иностранных дел КБР было создание «пояса добрососедства» вокруг КБР, что было особенно актуально в связи с нарастанием напряженности осетино-ингушского и абхазо-грузинского конфликтов.

В мае 1993 г. был создан Комитет внешних экономических связей КБР, Положение о котором было подписано в июне того же года [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 30. Л. 31]. Новый комитет стал разрабатывать и активно продвигать Стратегию КБР во внешнеэкономической деятельности.

С октября 1993 г. стали поддерживаться деловые связи между Комитетом внешних экономических связей КБР и Германским обществом «Новый Восток» (г. Мюнхен), в частности, его транснациональным агентством «Европерсонал» в целях взаимовыгодного внешнеэкономического сотрудничества, создания благоприятных и реальных условий для скорейшей интеграции экономики КБР в европейский инвестиционный рынок [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 28. Л. 5].

В ноябре 1993 г. на территории КБР было зарегистрировано российско-турецкое совместное предприятие «Босфор-Эльбрус» с объемом иностранных инвестиций в сумме 50 млн руб. и российско-турецкое совместное предприятие «Босфор-Нальчик» с объемом иностранных инвестиций в сумме 50 млн руб. В декабре было зарегистрировано российско-турецкое совместное предприятие «Флора» с объемом иностранных инвестиций в сумме 40 млн руб.

В июне 1993 г. началась активная работа по привлечению инвестиций в предприятия КБР из Канады путем многочисленных переговоров с Обществом друзей Канады. В этих целях в республику был приглашен член Правительства провинции Квебек Анри Дориан для ознакомления с КБР и изучения возможностей заключения двустороннего торгово-экономического соглашения между Квебеком и КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 34. Л. 5]. По итогам обсуждения сторонами вопросов, представляющих взаимный интерес, премьер-министром КБР и генеральным комиссаром по торговле, туризму и инвестициям провинции Альберта (Канада) было подписано Соглашение о совместном сотрудничестве в области внешнеэкономических связей, торгово-экономической деятельности, науки и туризма со всеми вытекающими из этого возможностями взаимовыгодного финансово-экономического сотрудничества для обеих сторон [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 34. Л. 6]. Следствием Соглашения стало создание в КБР Отделения общества друзей Канады – общественной, неправительственной, коммерческой организации, объединяющей на добровольной основе индивидуальных и коллективных членов в целях укрепления

дружбы и сотрудничества между КБР и Канадой, расширения и развития российско-канадских политических, экономических, научных, культурных и гуманитарных связей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 34. Л. 16].

В этом же году проводилась активная работа по внешнеэкономическому сотрудничеству КБР со странами СНГ, в частности, с Украиной. В ноябре 1993 г. результатом запланированных Правительством КБР мероприятий по сотрудничеству с Украиной стало подписание Постановления № 258 об учреждении постоянного торгово-экономического Представительства КБР на Украине [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 33. Л. 39].

В целом, по итогам внешнеэкономической деятельности 1993 г. в республике было зарегистрировано 30 совместных российско-иностранных компаний, однако, только 8 из них открыли собственное дело [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 78. Л. 51]. Остальные предприятия были заняты разработкой проектной документации, либо сконцентрировали внимание на купле-продаже. Наиболее успешными совместными компаниями стали: греческое предприятие по производству томатной пасты и итальянское предприятие по производству кожаного картона, полностью оснащенное итальянской компьютерной техникой (ООО «Налвес»).

Банковские возможности в КБР по-прежнему оставались на низком уровне. В республике действовал филиал КБ Инкомбанк, который занимался переводами на Запад. Другими двумя крупными банками в регионе были Бум-Банк и Сельскохозяйственный банк. Банковские проблемы в КБР были аналогичны тем же проблемам, что и в других регионах страны. Например, внутри региональный перевод денег занимал около двух недель, что значительно снижало привлекательность республики в качестве объекта для инвестирования.

В конце 1993 г. Прокуратурой КБР была проведена оценка работы Министерства финансов КБР, Министерства экономики КБР и Комитета внешнеэкономической деятельности КБР на предмет соблюдения легитимности при экспорте за рубеж, в том числе и в страны СНГ, сырья, материалов и продукции, по результатам которой был выявлен ряд серьезных нарушений, допускаемых перечисленными органами исполнительной власти в сфере внешнеэкономической деятельности КБР (рис. 4).

Перечисленные проблемы имели для КБР негативные последствия:

- значительно снижались потенциальные доходы от внешнеэкономической деятельности, которые шли в бюджет республики;
- иностранные партнеры выходили непосредственно на руководителей ведомств и предприятий и заключали контракты без предварительной экспертизы и учета интересов республики, проверки финансовой надежности, что приводило к стихийному развитию внешнеэкономической деятельности и не позволяло применять конкретные санкции к юридическим лицам, нарушающим законы КБР в этой области;
- филиалы и совместные предприятия КБР в других городах страны, использовали ресурсы республики, но при этом не являлись самостоятельными юридическими лицами, и финансово не были подотчетны КБР, не отчисляли налоги в её бюджет в процессе экспорта продукции в ближнее и дальнее зарубежье;

- отсутствие фактического валютного контроля привело к снижению пользы для республики от вывоза промышленной продукции отдельными предприятиями и неконтролируемой репатриации валютной выручки в КБР и РФ;
- упущения контролирующих органов стали следствием незаконного перемещения товаров и продукции из КБР в страны ближнего и дальнего зарубежья.

*Рис. 4. – Проблемы легитимности работы органов исполнительной власти КБР в сфере внешнеэкономической деятельности в 1993 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 2. Д. 30. Л. 67]*

Указанные проблемы наносили серьезный «урон» экономике и репутации республики и значительно снижали эффективность внешнеэкономической деятельности исследуемого периода.

1994 г. стал для Министерства иностранных дел КБР годом активных, прагматичных внешнеполитических акций, нацеленных на воплощение в жизнь новой концепции внешней политики республики [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241.

Оп. 2. Д. 30. Л. 40]. В связи с изменением приоритетов и специфичности задач, стоящих перед Министерством, была переработана Программа деятельности Министерства на 1994 г., пересмотрены планы работы его департаментов.

Во внешнеэкономической деятельности РФ 1994 г. значимым событием стало основание Консультативного совета по иностранным инвестициям совместно с представителями крупных иностранных компаний, инвестирующих в экономику страны, с целью повышения инвестиционного климата страны и ее регионов. В начале своего становления деятельность Консультативного совета носила формальный характер, однако этот факт предоставил новые возможности для российско-иностранного сотрудничества и в целом благоприятно отразился на внешнеэкономической деятельности РФ и ее регионов [Яковлев и др. 2017].

Параллельно с Консультативным советом по иностранным инвестициям в стране начали создаваться средним и малым иностранным бизнесом ассоциации иностранного бизнеса, как правило, объединяемые страновым признаком, в целях защиты и отстаивания собственных интересов, входящих в них членов на территории РФ [Яковлев и др. 2017]. В качестве основных направлений работы ассоциаций иностранного бизнеса того периода, осуществляемых как на платной, так и на бесплатной основах, можно назвать: лоббирование интересов членов ассоциаций; оказание услуг делового характера; допуск членов ассоциаций к необходимой информации; обмен опытом; налаживание контактов с представителями власти; создание коммуникационных сетей между российско-иностранными партнёрами; преодоление административных барьеров и т.д. Однако, несмотря на активность действий ассоциаций, данный институт также был достаточно слаб для преодоления большинства препятствий и решения актуальных вопросов в процессе российско-иностранного сотрудничества. [Яковлев и др. 2017].

Главным политическим событием на региональном уровне явилось подписание Договора РФ и КБР «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики»¹. Значимость данного Договора была существенной для республики. Правительство КБР на основании Договора о разграничении полномочий между РФ и КБР, выступая субъектом международного права и вытекающих из этого правоотношений, стремилось к самостоятельному стабильному выходу на мировой и западно-европейский рынок с целью взаимовыгодных контактов по удовлетворению потребностей населения в товарах народного потребления, а республики в целом - в новейших западных технологиях по подъему её экономики на должный уровень и в инвестициях. В связи с этим Правительство республики выступило инициатором открытия и регистрации на территории КБР различных торговых представительств иностранных стран и крупных транснациональных компаний, и также стало стремиться к открытию собственных тор-

¹ Договор РФ и КБР «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики», 01.06.1994 г. (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/165080/> (дата обращения: 20.05.2024 г.).

говых представительств на территории некоторых государств [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 76. Л. 20].

Продолжалось активное сотрудничество между КБР и Турецкой Республикой, чему способствует географическая близость Турции и России. В исследуемом году на территории КБР было открыто более 10 совместных российско-турецких компаний. Объем внешнеторгового оборота за первое полугодие 1994 г. составил 1,5 млрд руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1241. Оп. 1. Д. 25. Л. 21].

В августе 1994 г. между г. Амманом (столица Иордании) и г. Нальчиком (столица Кабардино-Балкарской Республики) был подписан Договор о сотрудничестве между этими городами в сферах экономики, образования, науки, культуры, здравоохранения и спорта. Также было подписано Соглашение о побратимстве городов [Договор... 1994: 2], что стало началом сотрудничества между компаниями двух стран, так как правительства данных стран стремились к их всесторонней поддержке и созданию условий для развития.

Значимым неблагоприятным событием данного периода было начало Первой Чеченской кампании, имевшей официальное название «Операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 2. Д. 4. Л. 412]. Данное событие крайне негативно отразилось на всей дальнейшей внешнеэкономической деятельности КБР в связи с территориальной близостью Чеченской Республики – значительно снизило привлекательность КБР для иностранного инвестора.

Оценивая результаты внешнеэкономической деятельности КБР в 1994 г., можно сказать, что, позитивные тренды тормозились наличием ряда сдерживающих развитие внешнеэкономической деятельности факторов, к числу которых можно отнести [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1262. Оп. 1. Д. 4. Л. 52]:

- кризис экономики России и банковского сектора;
- социально-политическая напряженность в Северо-Кавказском регионе, связанная с первой чеченской кампанией;
- деятельность отдельных национальных движений внутри республики, направленная на ее раздел;
- отсутствие необходимого уровня контроля за выполнением подписанных МИДом КБР документов.

Выводы

Экономика КБР в начале постперестроечного периода характеризовалась стагнацией и нестабильностью развития, что требовало поиска альтернативных путей для выхода из состояния кризиса. Правительство республики выдвинуло внешнеэкономическую деятельность в качестве одного из способов решения острых социально-экономических проблем, актуальных в начале 90-х гг. XX в. Для этого в КБР были созданы соответствующие органы исполнительной власти, организующие и координирующие данное направление работы: Министерство внешних сношений и по делам национальностей КБР, Министерство иностранных дел КБР, Комитет внешних экономических связей КБР.

Органы, регулирующие внешнеэкономическую деятельность в КБР, проводили работу по налаживанию контактов структур власти и управления рес-

публики с зарубежными деловыми кругами различных стран ближнего и дальнего зарубежья: США, Канады, Германии, Италии, Китая, Кипра, Венгрии, Румынии, Польши, Сирии, Турции, Иордании и др. С начала 1990-х гг. делегации из КБР с официальными визитами и по приглашению второй стороны непрерывно посещали государства, в которых проживали черкесские диаспоры: Турцию, Сирию, Иорданию и др. страны. Они принимались первыми и высокопоставленными лицами зарубежных стран. Правительством КБР также был организован ряд «ответных» мероприятий, проведение которых имело большое значение в связи с отсутствием у зарубежных соотечественников объективных данных об исторической родине, ее социальном, экономическом, культурном и политическом положении. Предпринятые сторонами меры позволили в последующем сотрудничать, в том числе в торгово-экономической сфере, способствовали открытию ряда совместных российско-иностранных и иностранных компаний на территории КБР.

Несмотря на ряд сложившихся благоприятных трендов, способствовавших развитию внешнеэкономической деятельности КБР в начале 90-х гг. XX в., были также и барьеры, исторически обусловленные и вновь появившиеся, которые значительно снижали эффективность результатов сотрудничества республики в сфере экономики с другими странами. В сложившейся законодательно-правовой среде исследуемого периода иностранный бизнес, имущество иностранных собственников и сами иностранные граждане не были защищены в достаточной мере, отсутствовала оперативность в решении возникающих в ходе сотрудничества проблем, формирующиеся связи носили неустойчивый характер. Банковские возможности в КБР по-прежнему оставались на низком уровне. Длительность внутри региональных переводов денег и других банковских операций, неразвитость банковских услуг и всей финансово-кредитной системы, значительно снижали привлекательность КБР в качестве объекта для инвестирования со стороны иностранных партнеров.

Международная экономическая деятельность КБР могла осуществляться в анализируемом периоде исключительно в соответствии с Конституцией РФ и, несмотря на предоставляемые возможности и «свободы», под жестким контролем со стороны федеральных органов власти, все действия должны были быть скоординированы с Центром.

Несмотря на активность созданных в КБР в начале 90-х гг. XX в. неправительственных фондов в области привлечения иностранных инвестиций, их деятельность носила хаотичный и не благоприятный с точки зрения региональной «выгоды» характер, так как каждый фонд старался своими действиями получить эксклюзивные права на тот или иной вид деятельности, что ставило их в ранг монополистов, концентрирующих в своих руках некоторые народнохозяйственные отрасли республики. Управляющие органы в данный процесс практически не вмешивались и не регулировали его должным образом, что давало преимущественное право таким фондам приватизировать жизненно важные для развития экономики КБР объекты и комплексы.

Еще одним негативным событием исследуемого периода стало обострение политической ситуации на Северном Кавказе (1994 г. – Первая чеченская кам-

пания), что привело к смещению акцентов в системе управления государством: экономические приоритеты ушли на второй план, выдвинув на первое место политические проблемы, следствием чего стало снижение эффективности используемых экономических механизмов и стимулов для взаимодействия КБР с иностранными партнерами.

Таким образом, систему управления внешнеэкономической деятельностью, сложившуюся в КБР в первые несколько лет 1990-х гг., сложно назвать эффективной и адаптивной по отношению к внешней среде, так как ряд внутри региональных проблем, проблем федерального масштаба и глобальных тенденций негативно отразился на результатах сотрудничества КБР с другими государствами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Договор... 1994 – *Договор о дружбе и сотрудничестве между городами Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация) и Амман (Иорданское Хашимитское Королевство)* // Кабардино-Балкарская правда. – 1994.23.08. – № 154 (18426), С. 2.

Кушхабиев 2022 – *Кушхабиев А.В.* Сотрудничество Кабардино-Балкарии с черкесской и карачаево-балкарской зарубежными диаспорами в конце XX – начале XXI века // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 200-220. – DOI: 10.31143/2542- 212X-2022-4-200-220. – EDN: INEPMT.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Яковлев и др. 2017 – *Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Ершова Н.В.* Коллективные действия иностранного бизнеса в России: основные организационные формы, этапы и факторы их развития. – М.: НИУ ВШЭ. Серия WP1 «Институциональные проблемы российской экономики», 2017. – Препринт WP1/2017/01.

REFERENCES

Dogovor o druzhbe i sotrudnichestve mezhduraznitsami Nal'chik (Kabardino-Balkarskaya Respublika, Rossiiskaya Federatsiya) i Amman (Iordanskoe Khashimitskoe Korolevstvo) [Treaty of Friendship and Cooperation between the cities of Nalchik (Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation) and Amman (Hashemite Kingdom of Jordan)]. In: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 1994.23.08. – № 154 (18426). – P. 2. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Sotrudnichestvo Kabardino-Balkarii s cherkesskoi i karachaevo-balkarskoi zarubezhnyimi diasporami v kontse XX – nachale XXI veka* [Cooperation of Kabardino-Balkaria with Circassian and Karachay-Balkarian foreign diasporas in the late XX – early XXI century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 200-220. – DOI: 10.31143/2542- 212X-2022-4-200-220. – EDN: INEPMT. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. (In Russ.).

YAKOVLEV A.A., FREINKMAN L.M., ERSHOVA N.V. *Kollektivnye deistviya inostrannogo biznesa v Rossii: osnovnye organizatsionnye formy, etapy i faktory ikh razvitiya* [Collective actions of foreign business in Russia: the main organizational forms, stages and factors of their development]. – М.: НИУ ВШЭ. Серия WP1 «Институциональные проблемы российской экономики», 2017. – Препринт WP1/2017/01. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Жанокова – кандидат экономических наук.

Information about the author

M.V. Zhanokova – Candidate of Sciences (Economy).

Статья поступила в редакцию 29.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья

УДК 39+316.346.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-213-227

EDN: HNOZHX

**ОТНОШЕНИЕ К ОРУЖИЮ И ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
У АДЫГСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ**

Мурат Юсуфович Донежук

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, donezhuk.murat@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6571-1642>

Аннотация. В статье рассматривается то, как современные адыги, проживающие в Республике Адыгея, относятся к вопросам ношения оружия, службе у армии, а также к элементам традиционной военной культуры. Полученные в результате двух этносоциологических исследований данные указывают на то, что современные адыги относятся к оружию примерно также, как и население Российской Федерации в целом, т.е. преимущественно выступают против легализации некоторых видов боевого оружия. Также, видно, что для респондентов традиционная военная культура утратила свою актуальность. Опрошенные считают, что мужчина воин, это скорее духовное состояние, в то время как в традиционной культуре считалось, что это определенный комплекс, в котором главную роль играет оружие. На подобные изменения повлиял целый комплекс причин, среди которых стандартизация системы воспитания молодежи, целенаправленная политика по обезоруживанию, установление относительного спокойствия в регионе в конце XIX в.

Ключевые слова: адыги, черкесы, Адыгея, военная культура, традиционная культура.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 3 «Этносоциальные отношения и конфликты: измерение этнокультурного разнообразия».

Для цитирования: Донежук М.Ю. Отношение к оружию и военной культуре у адыгского населения Республики Адыгея // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 213-227. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-213-227. EDN: HNOZHX.

© Донежук М.Ю., 2024

Original article

**ATTITUDE TO WEAPONS AND MILITARY CULTURE OF THE
ADYGHE POPULATION IN THE REPUBLIC OF ADYGEA**

Murat Yu. Donezhuk

Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, donezhuk.murat@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6571-1642>

Abstract. The article examines how modern Circassians living in the Republic of Adygea relate to the issues of carrying weapons, serving in the army, as well as elements of traditional military culture. The results acquired from two ethnosociological studies suggest that modern Circassians have nearly the same attitude toward weapons as the people of the Russian Federation as a whole, i.e. they mostly oppose the licensing of particular types of military weapons. It is also clear that, for respondents, traditional military culture has lost its relevance. The respondents believe that a man is a warrior, this is rather a spiritual state, while in traditional culture it was believed that this is a certain complex in which weapons play the crucial role. A whole range of reasons influenced such changes, including the standardization of the youth education system, a targeted disarmament policy, and the establishment of relative calm in the region at the end of the 19th century.

Keywords: adyghe, Circassians, Adygea, military culture, traditional culture.

Gratitude: The article was prepared within the framework of research project No. 3 “Ethnosocial relations and conflicts: measuring ethnocultural diversity.”

For citation: Donezhuk M.Yu. Attitude to weapons and military culture of the Adyghe population in the Republic of Adygea. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 213-227. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-213-227. EDN: HNOZHX.

© Donezhuk M.Yu., 2024

Введение

В адыгском обществе до сих пор можно встретить воспевание образа «воинственного черкеса», услышать, как друг другу рассказывают о мужестве и отваге «предков», а также, что «измельчали» современные адыги. Это достаточно популярный в современном адыгском обществе нарратив. Более того, даже в адыгских социальных сетях можно встретить подобные примеры: «Уже самоназвание черкеса – «адыг» – означает «воин». Весь уклад жизни адыгов был пронизан военным бытом»¹. Иногда делается акцент на религиозной нагрузке военизированного уклада жизни адыгов: «Военные походы для черкесов были частью их традиционного религиозного мировосприятия. Ведь только воин мог рассчитывать на уважение людей в этом мире и на покровительство Тха (Бога) в потустороннем. Но военные предприятия адыгов не ограничивались лишь конными походами. Их морские рейды известны с античных времен»². Более того, сами адыги воспроизводят представления о «присущей адыгам воинственности»: «Главные черты характера адыгов, которыми они славились и за пределами своей земли, – храбрость и воинское умение. Их в юных черкесах воспитывали с детства. Над колыбелью новорожденного мальчика бабушка пела песни о том, каким смелым и ловким он будет. Подросткового мальчика сажали на коня, учили метать нож, управляться с кинжалом, потом стрелять из лука»³. Также, на эту тему снимаются фильмы: «Съемочная группа из Рес-

¹ Черкесы: как воевали самые воинственные горцы Кавказа. Портал «МирТесен». URL: <https://myhistory.mirtesen.ru/blog/43655046571/CHerkesyi-kak-voevali-samyie-voinstvennyie-gortsyi-Kavkaza#:~:text=Уже%20самоназвание%20черкеса%20–%20«адыг»,-%2043655046571%20-%20Медиаплатформа%20МирТесен> (Дата обращения: 19.12.2020 г.).

² Морские набеги Черкесов. Группа «Адыги - Новости, история, культура и традиции» в ВКонтакте. URL: https://vk.com/adygiru?w=wall-2033613_17167 (Дата обращения: 14.03.2022 г.).

³ Главные черты характера адыгов. Сообщество «Типичная Адыгея» в ВКонтакте. URL: https://vk.com/typical01?w=wall-32771925_199777 (Дата обращения: 05.01.2022 г.).

публики Адыгея под руководством кинорежиссера, члена Союза кинематографистов России Аскарбия Нагаплева снимает документальный фильм «Черкесы – воины и мастера»¹. Рассказывается о подвигах воинов прошлого².

Но существует и иной нарратив, который шире и также связан с представлениями о «воинственности». Так, в СМИ часто можно встретить упоминания о «вооруженных» и «очень воинственных кавказцах». В оружейном сообществе и не только в нем обсуждается то, насколько «кавказский менталитет» и оружие являются неразрывно связанными понятиями³. Обсуждается, всегда ли кавказцы носят с собой оружие: «Кавказцы всегда вооружены, а нам, простым людям, ничего нельзя? ... Никаких различий либо ограничений, связанных с национальностью или местом жительства, не существует. Вы тоже можете получить разрешение и приобрести пистолет»⁴ и насколько оно доступно на Кавказе: «Вон на ютубе полно видео свадеб, где кавказцы спокойно достают свои калашники, пистолеты, даже ПУЛЕМЕТЫ и стреляют в воздух... Это что получает, у них там спокойно можно купить боевое оружие и ходить, и держать её у себя дома, как в США? Это вообще официально или как?»⁵. Более того, вопрос «агрессивного» или «чрезмерно воинственного поведения» кавказцев затрагивался даже в контексте службы в ВС РФ⁶. В последнем случае, предлагаются меры – приостановка военного призыва за неподобающее поведение военнослужащих, прибывших из нескольких северокавказских регионов⁷. Подобный информационный фон закрепляет в обществе представления о «воинственных кавказцах», у которых с собой постоянно есть как минимум холодное, а как максимум огнестрельное оружие и что это все часть «горского менталитета».

Можно заметить, что в адыгском обществе отдельные составляющие военной культуры, такие как культивирование образа воина, воспроизводство особого отношения к оружию (особенно к кинжалу как к «оружию чести»), рассказы о военной доблести адыгов как в прошлом, так и в настоящем до сих пор имеют место. Во многом, сохранение и пропаганда этих элементов производится в социальных сетях общественными активистами, а также в личном общении. При этом, в широком общероссийском контексте образ «выходца с Кавказа» связывается с агрессивным поведением, а также особым отношением к ору-

¹ Съёмочная группа из Республики Адыгея... Сообщество «Типичная Адыгея» в ВКонтакте. URL: https://vk.com/typical01?trackcode=2bc8893eNhUT8p7ZkASUyRkns7ZXsRb3spzueKjulbhDC7llfEuCdKkBPPr_6fYPPBAiiAuFyCJO2Ckuxgg_KPuFIB5hEd&w=wall-32771925_215730 (Дата обращения: 15.09.2023 г.).

² ХЪЫРЦЫЖЪЫКЪО АЛЭМ ИГЪЫБЗ. Сообщество «Адыги - Новости, история, культура и традиции» в ВКонтакте. URL: https://vk.com/adygiru?trackcode=eb7da45dkKeK2BzQWK1Jt-2qLcP4os0USXokz-2fNViQ3k-FtwBcyionCblhukGs4pkjyMuQ1yRHeDzM8YU1SZqBO-Q&w=wall-2033613_23055 (Дата обращения: 07.07.2023 г.).

³ Гражданское оружие и Кавказский менталитет. Портал «Охотники.ру». URL: <https://www.ohotniki.ru/weapon/smoothbore/article/2017/09/18/649296-grazhdanskoe-oruzhie-i-kavkazskiy-mentalitet.html> (Дата обращения: 24.06.2023 г.).

⁴ А что так было можно? Или вооруженный гражданин. Сайт: «Drive2.ru». URL: <https://www.drive2.ru/c/532916794382352503/> (Дата обращения: 29.06.2023 г.).

⁵ Правда ли то что на Кавказе разрешено носить оружие? Интернет служба: «Ответы Mail.ru». URL: <https://otvet.mail.ru/question/205771351> (Дата обращения: 29.12.2022 г.).

⁶ Кавказцы в армии. Портал: «Pikabu». URL: https://pikabu.ru/story/kavkaztsy_v_armii_4021464 (Дата обращения: 19.08.2023 г.).

⁷ В.В. Жириновский Прекратить межэтнические конфликты в армии реально! Видеохостинг: «Youtube». URL: https://www.youtube.com/watch?v=EhTtvFDN_LQ&t=56s (Дата обращения: 15.03.2023 г.).

жизни, которое «достается» различными путями и «постоянно сопровождает кавказца». В связи с этим, вопрос отношения к оружию и военной культуре у современных адыгов представляет определенный научный интерес. Насколько традиционные представления о мужчине воине, а также нарратив об особом «кавказском» отношении к оружию реальны в современных условиях? В настоящей работе эта тема будет рассмотрена на примере адыгов проживающих в Республике Адыгея.

Историография

Современное состояние и отношение к военным институтам среди адыгов изучено слабо. Но вопросы, касающиеся военной культуры адыгов, особенности ведения военных действий в прошлом изучены достаточно широко. К примеру, в монографии А.С. Марзея «Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.)» рассматривается организация и проведение военных походов адыгов в новое время [Марзей 2004]. В статье «Рыцарский идеал войны у черкесов: аристократии, фронтальная кавалерийская атака, вынос погибших под огнем» С.Х. Хотко, основной акцент смещен к исследованию идеала рыцарского отношения к войне, культурным и природно-географическим предпосылкам ее возникновения [Хотко 2020]. Целый ряд статей различных авторов посвящены производству и описанию снаряжения и вооружения адыгского воина в разные исторические периоды [Хотко 2017; Хагожеева 2021; Талантов 2021; Остахов 2011; Кушхабиев, Наков 2017; и др.]. Также, исследователи уделяют внимание теме, связанной с образом адыгского воина в фольклоре [Панеш 2023; Хагожеева 2017; Хагожеева 2019; и др.]. Важной работой в вопросе изучения военной культуры адыгов в прошлом является том «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» серии «Народы и культуры». В этом томе уделяется особое внимание тому, какое значение в адыгском обществе отводилось воину: «Статус воина в черкесском обществе был высоким. При жизни он пользовался особыми правами, а после смерти удостоивался особых почестей. Следует отметить, что черкесские князья и дворяне ставили рыцарскую мораль выше религиозной... Молодой князь, не участвовавший в походах, не был, по мнению черкесских феодалов, достоин княжеского звания» [Адыги 2022: 408, 413]. Отношение к оружию у адыгов на современном этапе остается крайне мало изученным.

Про исследование

Это исследование основано на данных пилотного этносоциологического опроса, который проводился в 2020 г., и массового анкетирования студентов в Майкопе в 2021 г.

В рамках пилотного исследования было опрошено 100 респондентов из Теучежского, Тахтамукайского районов, а также из городов Адыгейск и Майкоп. Массовое анкетирование проводилось весной 2021 г. в г. Майкоп среди студентов следующих учебных заведений: Адыгейский государственный университет, Майкопский государственный технологический университет, Майкопский государственный гуманитарно-технологический колледж, Адыгейский

педагогический колледж имени Х. Андрухаева. Всего было опрошено 320 представителей адыгского народа – из них, половина (50 %) родились в городе, еще 42 % – в сельской местности. Остальные не указали конкретное место рождения. Половое распределение следующее: женщины составили 56 %, мужчины – 44 %.

Основные результаты исследования

Как показывают итоги пилотного исследования, проведенного в 2020 г., 85 % респондентов посчитали, что мужчина должен служить в армии и только 4 % указали обратное. Основной опрос показал несколько иные результаты. Две трети респондентов разделяют идею об обязательности несения военной службы. Десятая часть опрошенных считает, что мужчина не должен служить в армии, столько же затруднилось ответить или указало другой ответ (См. Диаграмма № 1. Оценка того, должен ли мужчина служить в армии или нет). Если рассмотреть полученные данные пристальнее, становится заметной разница в ответах среди мужчин и женщин, а также среди городского и сельского населения. Мужчины и горожане реже указывали на необходимость службы в рядах ВС, а женщины и сельские жители на 10 процентных пунктов чаще называли службу обязательной для мужчины (См. Диаграмма № 1. Оценка того, должен ли мужчина служить в армии или нет). Также, мужчины по сравнению с женщинами чаще выбирали ответ «Нет» и «Другой ответ».

Также, важно заметить, что большая часть респондентов относится к службе в армии положительно. Как и в предыдущем случае, среди мужчин доля тех, кто относится к подобной постановке вопроса отрицательно, выше, чем среди женщин (См. Диаграмма № 2. Отношение респондентов к службе в армии). Если сравнить долю горожан и сельчан, не считающих обязательной службу в армии, а также отрицательно относящихся к службе как таковой, можно заметить отсутствие какой бы то ни было заметной разницы. Но, стоит учесть, что городские студенты в целом чаще выбирали вариант другой ответ или вовсе затруднялись с ответом. К этому можно добавить, что среди сельской молодежи настроенных на обязательность и считающих службу в армии чем-то положительным больше, чем среди горожан. Это может указывать на большую степень скрытого недовольства и неприятия военных институтов среди городской молодежи, по сравнению с сельской.

Среди респондентов, принявших участие в пилотном исследовании 2020 г. 37 % служили в армии. В 2021 г. доля таковых составила всего 5 % (см. Диаграмма № 3. Доля служивших респондентов). Такой низкий показатель объясняется тем, что опрашиваемые были студентами и не успели пройти службу в армии.

Отдельно был задан вопрос об отношении к гипотетическому законодательному разрешению на приобретение и ношение боевого огнестрельного оружия. Полученные результаты пилотного опроса показали, что против такой инициативы выступает порядка 63 % респондентов, поддерживают ее около трети. Среди женщин негативное отношение к гипотетической легализации боевого оружия выражено ярче. Основное исследование показало, что почти две

трети опрошенных выступают против подобной инициативы и только 14 % проявили свою положительную оценку. Заметна доля затруднившихся дать ответ, таковых около четверти (Диаграмма № 4. Отношение респондентов к потенциальной легализации боевого оружия). Если разбивка по месту рождения не показала заметных различий, то сравнение ответов мужчин и женщин указывает на большую поддержку подобной инициативы среди мужчин.

Диаграмма № 1. Оценка того, должен ли мужчина служить в армии или нет (в %)

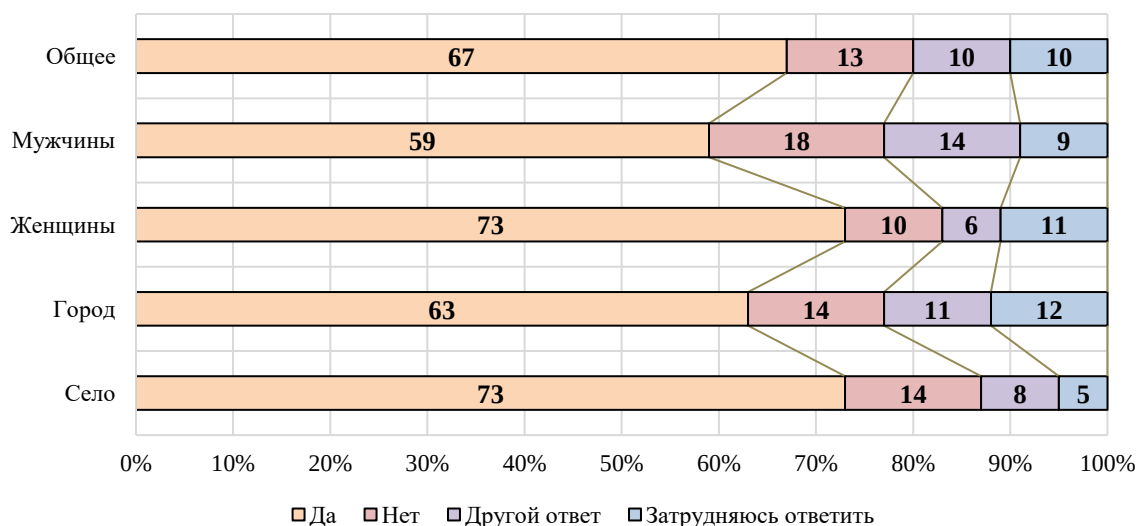

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Диаграмма № 2. Отношение респондентов к службе в армии (в %)

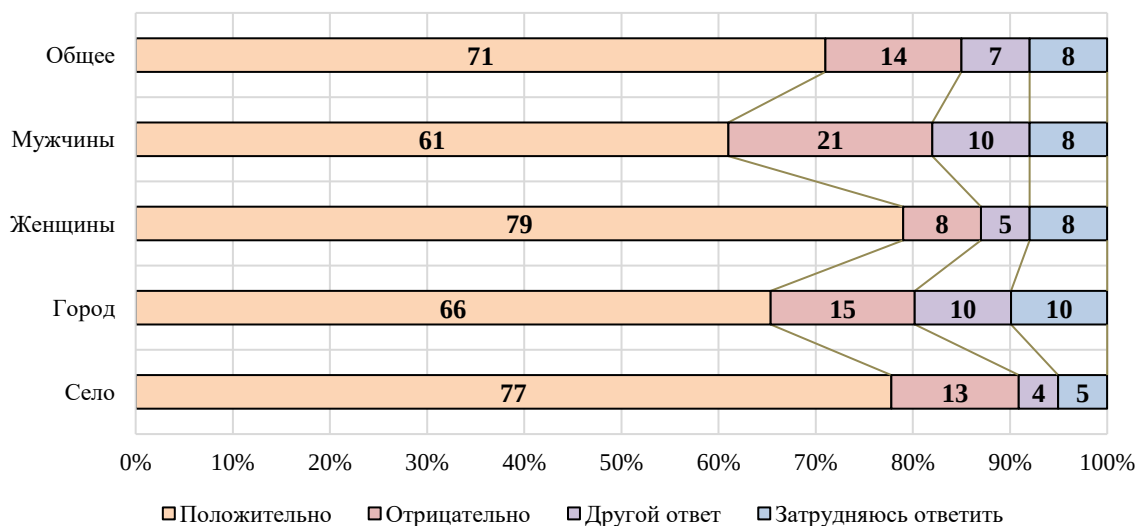

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Опрошенные, также имели возможность указать, готовы ли они в случае легализации боевого оружия его приобрести. Если в 2020 г. треть респондентов посчитали это возможным, а две трети не были готовы им обзавестись, то в 2021 г. только чуть более пятой части заявили, что купят его и столько же затруднились с ответом (См. Диаграмма № 5. Доля респондентов готовых купить

боевое оружие после потенциальной ее легализации). Половина опрошенных студентов заявила, что не будут его покупать. Как и в предыдущем случае, мужчины чаще давали положительный ответ. В результатах обоих опросов видно, что число сторонников легализации боевого огнестрельного оружия меньше, чем доля тех, кто готов его купить в случае законодательного разрешения подобной покупки. Эта разница объясняется самими респондентами: «Если у них есть, то да», «Я вынужден буду купить», «Чтобы защититься», «Для самообороны» или даже «Если у тебя внешность, из-за которой тебя могут избить». В целом, основной посыл респондентов заключался в том, что, если все начнут обзаводиться оружием, тогда для собственной самозащиты придется его приобрести.

Диаграмма № 3. Доля служивших респондентов (в %)

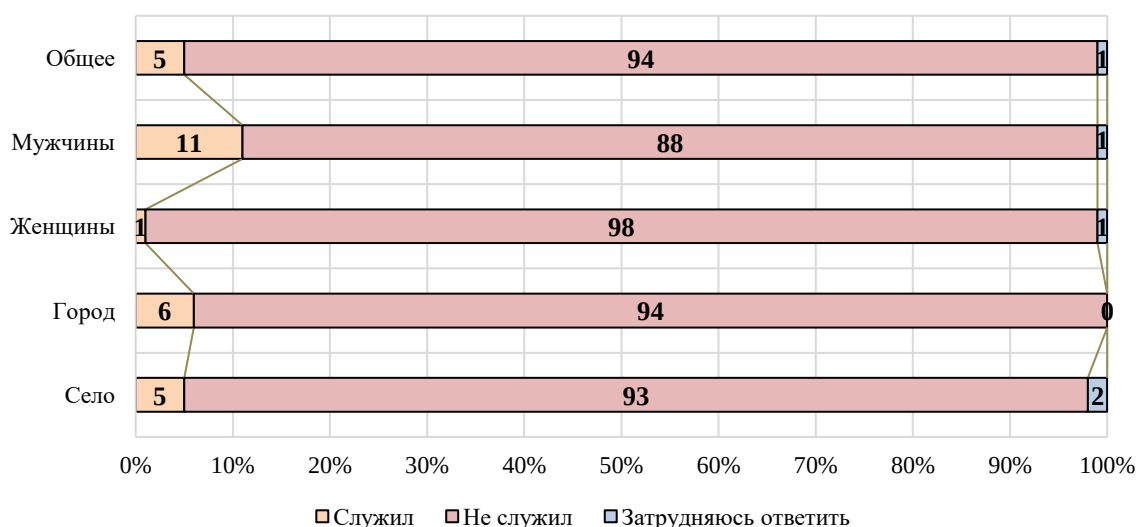

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Диаграмма № 4. Отношение респондентов к потенциальной легализации боевого оружия (в %)

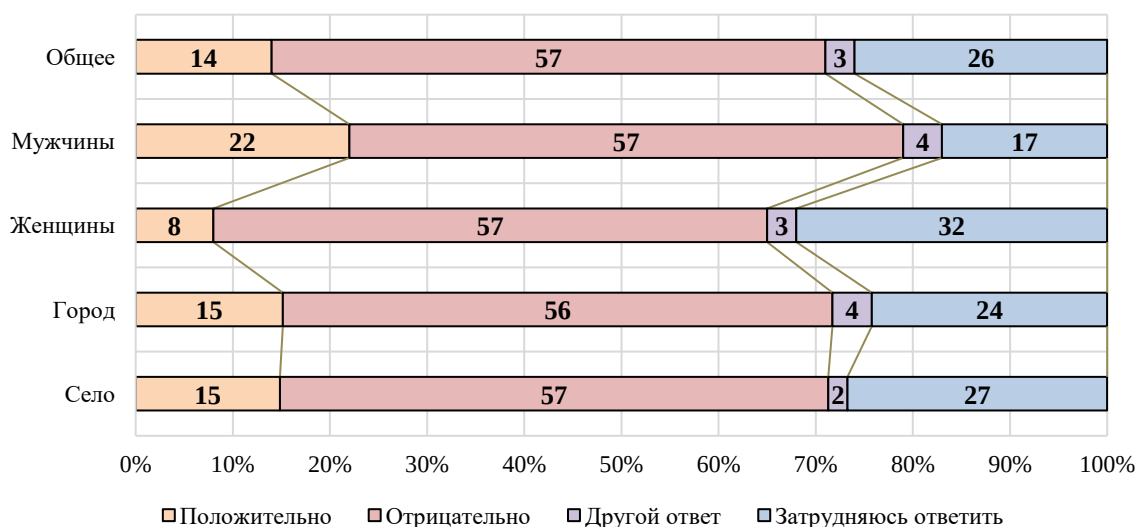

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Но оружие представлено не только его огнестрельными разновидностями. Немаловажное значение в традиционной культуре адыгов занимало ношение холодного оружия и его отдельный, во многом сакральный статус. Тем не менее, из результатов обоих исследований заметен сильный сдвиг в этих установках. Пилотный опрос показал, что только пятая часть респондентов считает допустимым ношение с собой холодного оружия, в то время как 70 % выступают против. Сходные результаты показало основное исследование (См. Диаграмма № 6. Можно ли носить с собой холодное оружие). Уже традиционно, в вопросах, связанных с оружием, женская часть студентов показывает меньшее одобрение к ношению любого его вида.

Таблица № 5. Доля респондентов готовых купить боевое оружие после потенциальной ее легализации (в %)

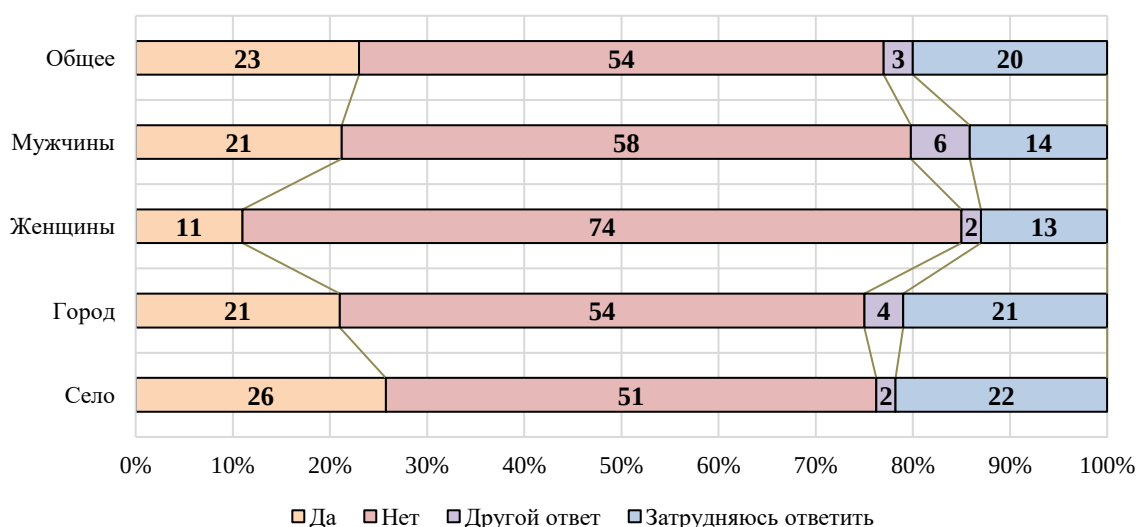

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Диаграмма № 6. Можно ли носить с собой холодное оружие (в %)

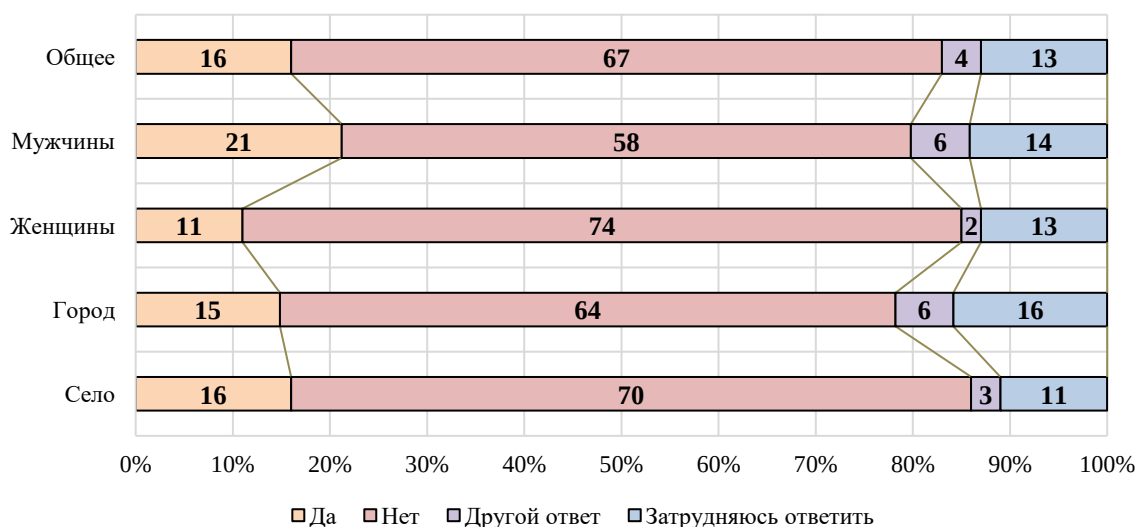

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Ответы респондентов на вопрос о том, может ли мужчина быть воином, в обоих исследованиях оказались очень схожи – 80 % опрошенных утверждают, что мужчина может быть воином даже без оружия. Если в 2020 г. 14 % респондентов посчитали оружие обязательным атрибутом, то в 2021 г. таковых оказалось менее десятой части (См. Диаграмма № 7. Доля респондентов считающих, что мужчина может быть воином без оружия). Сами опрошенные объясняли подобное отношением так: «Воин – это дух» или «Воин это в душе». Помимо этого, некоторые отмечали, что главное мужественность и вообще «эта тема не актуальна». Подобное отношение демонстрирует коренной сдвиг в традиционных представлениях адыгов, касаясь вопроса оружия.

Диаграмма № 7. Доля респондентов считающих, что мужчина может быть воином без оружия (в %)

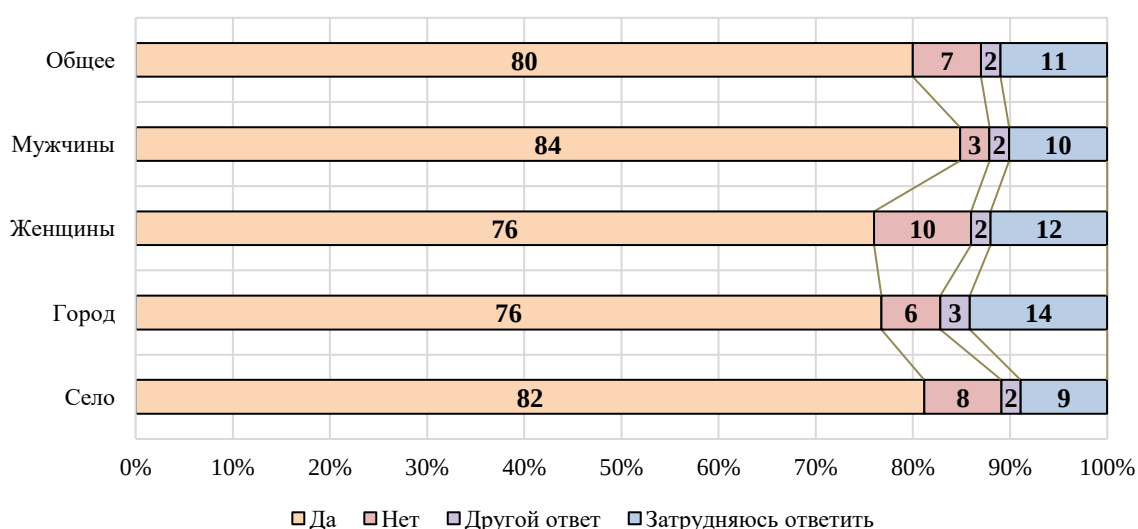

Таблица составлена по итогам этносоциологического в Адыгее в 2021 г.

Дискуссия

Сравнение полученных данных с результатами других исследователей показывает наличие общих закономерностей. Так, более 80 % в пилотном и чуть менее 70 % в основном исследовании посчитали, что служба в армии – это обязанность для мужчины. Не смотря на разницу в используемом инструментарии, результаты опроса Левада-Центра* в 2019 г. представляют интерес для сравнения: 60 % опрошенных Левада-Центром считают, что «Каждый настоящий мужчина должен пройти службу в армии», для 24 % «Служба в армии – долг, который нужно отдать государству, пусть даже это не отвечает Вашим интересам», для 12 % «Служба в армии – бессмысленное и опасное занятие, и нужно любыми средствами стараться избежать ее», а 4 % затруднились с ответом [Левада-Центр 2019].

По данным ВЦИОМ по состоянию на февраль 2020 г., среди граждан РФ прошла службу в рядах вооруженных сил только треть населения (29 %)

* В соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» 05.09.2016 в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, включена Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады».

[Навстречу 23 февраля 2020]. В проведенном пилотном опросе доля служивших в армии респондентов составила 37 %.

По результатам опроса населения в 2013 г., Левада-Центр заявляет, что 15 % респондентов поддерживают разрешение ношения оружия. Противников подобной «инициативы» оказалось больше – 81 %. 4 % респондентов затруднились дать ответ [Левада-Центр 2013]. Авторы исследования «Отношение россиян к легализации оружия: состояние и динамика» указали, что на сентябрь 2012 г., доля сторонников «лицензируемого приобретения короткоствольного огнестрельного оружия» в целом по России составила 74 %, а противников 22 %. Исследование в Адыгее выявило 57 % и 14 % сторонников и противников соответственно, а также 26 % затруднившихся. Т.к. в исследовании 2021 г. в Адыгее принимали участие молодые люди, то с учетом результатов работы группы «Циркон» выявившей, что: «Мужчины значимо чаще, чем женщины, поддерживают инициативу. Готовность к приобретению оружия сравнительно чаще декларируют молодые мужчины и состоятельные граждане» [Циркон 2012], можно сказать: отношение к легализации огнестрельного оружия выявленное в рамках исследований 2012 и 2013 гг. и опроса 2021 г. очень схожи.

Полученные в рамках опроса данные показывают, что четверть опрошенных в случае легализации боевого огнестрельного оружия готовы его приобрести, чуть более половины респондентов заявили, что не будут его покупать. Это схоже с результатами опроса группы «Циркон»: «Если в России будет принят закон о свободной продаже огнестрельного оружия, Вы лично купите или не купите оружие?». «Циркон» приводит данные, по которым 23 % респондентов заявили о намерении купить оружие при условии принятия соответствующего закона, в это же самое время, 72 % отметили, что покупать его не будут [Циркон 2012].

Установка, что для традиционной адыгской культуры «мужчина и кинжал вещи неразрывные», «воин – это мужчина с оружием» в современных реалиях оказалась недействительной. 80 % опрошенных посчитали, что мужчина может быть воином и без холодного оружия. Особенно это контрастирует с записями Султана Хан-Гирея, родившегося в среде адыгов, в первой половине XIX в.: «Это оружие (т.е. кинжал) можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следственно, он вечно вооружен» [Хан-Гирей 2009: 206].

Тем самым, можно сказать, что заметных отличий в отношении к оружию, среди современного адыгейского общества, в частности среди молодежи, в отличие от страны в целом, нет. Это отношение и в первом, и во втором случае можно охарактеризовать, как большей частью отрицательное. Тем не менее, вспомним, что адыгская культура традиционно называется очень военизированной, а этика – Адыгэ Хабзэ – считается производным от аналога рыцарской, т.е. военной, феодальной этики. Тогда встает вопрос: исследование, проведенное среди адыгейцев и, в частности, среди адыгейской молодежи, а также об-

щероссийские опросы населения указывают на схожее отношение к оружию, почему?

Как было указано выше, кинжал можно было считать частью мужского адыгского костюма [Хан-Гирей 2009: 206]. Тем не менее, тот же самый атрибут повседневного наряда в начале XX в. начал выходить из употребления: «С 1920 г. адыгейцы, как и казаки, перестали носить кинжалы, ставшие после этого лишь настенным украшением» [Лавров 1982: 13]. В дальнейшем кинжал и вовсе станет частью праздничного костюма и перестанет носиться в быту [Лавров 1982: 22]. Можно сказать, что такое резкое изменение в отношении очень важного атрибута мужского костюма, является индикатором серьезных изменений в адыгском обществе.

Отчасти, этот процесс был связан с политикой обезоруживания «горцев» в Российской империи: «...вопрос о ношении оружия является для кавказских горцев вопросом чести, и они смотрят на обезоруживание, как на обесчещение. Между тем, обезоружение туземцев является давнишнею целью деятельности кавказской администрации... Отобрание у туземца оружия в силу этого правила – явление заурядное, причем туземцам не возвращаются даже ножны и ручки кинжалов, не редко богато обделанные. Право обезоружения туземцев почему-то представлено и всем казакам, что ведет к постоянным стычкам и даже убийствам. Бывают случаи, когда даже казачки принимают на себя обязанности обезоруживать туземцев. При существующих у горцев понятиях о женщине и взгляде их на обезоружение, подобные случаи неминуемо всегда должны вести к катастрофам» [Абрамов 1927: 29]. Тем более, что в целом: «В адыгской системе ценностей культ оружия занимал важное место» [Адыги 2022: 377]. Помимо этого, сословные различия были сведены на нет. Адыгов и адыгейцев, в частности, все активнее встраивали в государственные отношения. Прекращение междоусобиц, полицейский и судебный контроль позволили пострадавшей стороне более не возлагать на себя обязанности по наказанию виновного. Помимо этого: «Великая Отечественная война унесла жизни многих мужчин, которые были воспитаны еще «традиционной» культурой, не успев передать ее подрастающей молодежи» [Донежук 2020: 219].

Еще одной из причин, которая могла повлиять на отношение к оружию в адыгской среде, можно назвать своеобразную стандартизацию воспитательного процесса, являвшееся следствием введения всеобщего образования и повлекшее за собой уменьшение роли семьи в воспитательном процессе [Козлова 2007: 104]. Процессы урбанизации, а также распада большой многопоколенной адыгской семьи усилили значение школы в воспитательном процессе, как и значение самих родителей: «Ныне ослабляется традиция проживания в одном доме, в одной семье нескольких поколений. По данным социологических исследований, все более возрастает число людей, предпочитающих жить отдельно от родителей, только со своими детьми» [Козлова 2007: 104]. Но, как описывают Б.П. Беретарь и Л.В. Гудакова, из-за низкого уровня доходов молодых семей приходится работать обоим супругам. Это приводит к ситуации, где и муж и жена не могут уделить достаточное внимание детям [Беретарь, Гудакова 2018: 133].

Как и было указано выше, важной частью адыгской культуры являлась военная составляющая, тесно переплетенная как с этикой, так и историей. На данный момент, воспроизводство военной культуры адыгов в том виде, в котором она существовала в XIX в. невозможно. За последние сто лет уклад жизни адыгов сильно изменился. Изменились, трансформировались или же исчезли некоторые механизмы передачи элементов традиционной культуры.

Выводы

Полученные результаты показывают, что отношение к оружию и военным институтам среди адыгов проживающих в Республике Адыгея является сходным с общероссийскими показателями. Так, две трети считают необходимым прохождение военной службы для мужчин, примерно столько же относятся к ней положительно. Несмотря на пietet к оружию в адыгской культуре, больше половины респондентов не одобряет потенциальную легализацию боевого огнестрельного оружия и не допускает его приобретения даже после возможной легализации. В обоих случаях около четверти затруднилось с ответом. Даже ношение холодного оружия, при условии, что кинжал является частью традиционного мужского костюма двумя третями опрошенных считается нежелательным и только менее пятой части считает его допустимым. Большая часть опрошенных указали: для мужчины не обязательно наличие оружия, чтобы считаться воином. Воспроизводящиеся же представления о военной культуре давно утратили свою реальную базу и актуальность, что позволяет говорить о присутствующей культурной инерции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов 1927 – *Абрамов Я.* Кавказские горцы. – Краснодар: Адыгчеркпромторг, 1927 – 36 с.
- Адыги 2022 – Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. – М.: Наука, 2022. – 870 с.
- Беретарь, Гудакова 2018 – *Беретарь Б.П., Гудакова Л.В.* Молодая семья в современной России на примере Республики Адыгея // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 6(23). – С. 131-134.
- Донежук 2020 – *Донежук М.Ю.* Уважение старших у адыгов: возникновение и трансформация традиции // Вестник антропологии. – 2020. – № 4(52). – С. 210-223.
- Козлова 2007 – *Козлова Н.Ш.* Механизм формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения в адыгейской семье // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 5. – С. 103-105.
- Кушхабиев, Наков 2017 – *Кушхабиев А.В., Наков Ф.Р.* К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII – начало XIX вв.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 4(209). – С. 111-118.
- Лавров 1982 – *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). – Ленинград: Наука, 1982. – 224 с.
- Левада-Центр 2013 – *Левада-Центр:* ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ И ТРАВМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ. 22.07.2013. URL: <https://www.levada.ru/2013/07/22/ognestrelnoe-i-travmaticheskoe-oruzhie/> (Дата обращения: 05.11.2020 г.).
- Левада-Центр 2019 – *Левада-Центр:* Российская армия. 18.06.2019 г. – <https://www.levada.ru/2019/06/18/rossijskaya-armiya-3/> (Дата обращения: 29.10.2020 г.).

Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество "ЗекІуэ" (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 304 с.

Навстречу 23 февраля 2020 – *Навстречу 23 февраля*: праздник военный, патриотический или гендерный? 20.02.2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-23-fevralya-prazdnik-voennyj-patrioticheskij-ili-gendernyj> (Дата обращения: 29.10.2020 г.).

Остахов 2011 – *Остахов А.А.* Адыгское стрелковое оружие XIII–XVI вв. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2011. – № 4(42). – С. 40-45.

Панеш 2023 – *Панеш А.Д.* Отражение архетипической природы воина в адыгской ментальности // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2023. – № 35(59). – С. 101-104.

Талантов 2021 – *Талантов С.В.* О производстве и украшении оружия кабардинскими мастерами в XVIII веке // Историческое оружиеведение. – 2021. – № 11. – С. 21-39.

Хагожеева 2017 – *Хагожеева Л.С.* Нравственное понимание мужества в адыгских историко-героических песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-2(77). – С. 36-39.

Хагожеева 2019 – *Хагожеева Л.С.* Этические представления о воинской чести в адыгских сказках // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-1(43). – С. 131-137.

Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*: Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Комплекс всаднического вооружения в Черкесии XIII-XVII веков: формообразование, стиль, экспорт // Клио. – 2017. – № 1(121). – С. 135-143.

Хотко 2020 – *Хотко С.Х.* Рыцарский идеал войны у черкесов: аристии, фронтальная кавалерийская атака, вынос погибших под огнем // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2020. – № 25(49). – С. 130-144.

Циркон 2012 – *Исследовательская группа «Циркон»* Отношение россиян к легализации оружия: состояние и динамика Пресс-релиз, 12.10.2012. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/288/PR_Oruzhie_16-10-12.pdf (Дата обращения: 05.11.2020 г.).

REFERENCES

23 fevralya: prazdnik voennyi, patrioticheskii ili gendernyi [February 23: military, patriotic or gender holiday]? 20.02.2020g. // VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-23-fevralya-prazdnik-voennyj-patrioticheskij-ili-gendernyj> (data obrashcheniya: 29.10.2020g.). (In Russ.).

ABRAMOV Ya. *Kavkazskie gortsy* [Caucasian highlanders]. – Krasnodar: Adygchekpromtorg, 1927 – 36 s. (In Russ.).

ADYGI: Adygejcy. Kabardincy. Cherkesy. Shapsugi [Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. – M.: Nauka, 2022. – 870 s. (In Russ.).

BERETAR" B.P., GUDAKOVA L.V. *Molodaya sem'ya v sovremennoi Rossii na primere Respubliki Adygeya* [A young family in modern Russia using the example of the Republic of Adygea]. IN: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. – 2018. – № 6(23). – S. 131-134. (In Russ.).

DONEZHUK M.Yu. *Uvazhenie starshikh u adygov: vzniknovenie i transformatsiya traditsii* [Respect for elders among the Circassians: the emergence and transformation of tradition]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2020. – № 4(52). – S. 210-223. (In Russ.).

Issledovatel'skaya gruppа «Tsirkon» Otnoshenie rossiyan k legalizatsii oruzhiya: sostoyanie i dinamika Press-reliz [Research group "Zircon" Russians' attitude to the legalization of weapons: status and dynamics Press release]. 12.10.2012. // Tsirkon. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/288/PR_Oruzhie_16-10-12.pdf (Data obrashcheniya: 05.11.2020 g.). (In Russ.).

KhAGOZhEEVA L.S. *Eticheskie predstavleniya o voinskoj chesti v adygskikh skazkakh* [Ethical ideas about military honor in Adyghe fairy tales]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii. – 2019. – № 4-1(43). – S. 131-137. (In Russ.).

KhAGOZhEEVA L.S. *Nravstvennoe ponimanie muzhestva v adygskikh istoriko-geroicheskikh pesnyakh* [Moral understanding of courage in Adyghe historical and heroic songs]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 11-2(77). – S. 36-39. (In Russ.).

KhOTKO S.Kh. *Kompleks vsadnicheskogo vooruzheniya v Cherkessii XIII-XVII vekov: formoobrazovanie, stil', eksport* [Complex of equestrian weapons in Circassia of the 13th-17th centuries: formation, style, export]. IN: Klio. – 2017. – № 1(121). – S. 135-143. (In Russ.).

KhOTKO S.Kh. *Rytsarskii ideal voiny u cherkessov: aristii, frontal'naya kavaleriiskaya ataka, vynos pogibshikh pod ognem* [The chivalrous ideal of war among the Circassians: aristia, frontal cavalry attack, removal of those killed under fire]. IN: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii imeni T.M. Kerasheva. – 2020. – № 25(49). – S. 130-144. (In Russ.).

KOZLOVA N.Sh. *Mekhanizm formirovaniya tsennostnykh orientatsii podrastayushchego pokoleniya v adygeiskoi sem'e* [The mechanism of formation of value orientations of the younger generation in the Adyghe family]. IN: Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2007. – № 5. – S. 103-105. (In Russ.).

KUSHKhABIEV A.V., NAKOV F.R. *K probleme perekhoda cherkesskikh feodal'nykh soslovii na kompleks vooruzheniya, sformirovavshegosya v krest'yanskoi srede (konets XVII - nachalo XIX vv.)* [On the problem of the transition of the Circassian feudal estates to a complex of weapons formed in the peasant environment (late 17th - early 19th centuries)]. IN: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2017. – № 4(209). – S. 111-118. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Etnografiya Kavkaza (po polevym materialam 1924-1978 gg.)* [Ethnography of the Caucasus (based on field materials 1924-1978)]. - Leningrad: Nauka, 1982. – 224 s. (In Russ.).

Levada-Tsentr: *OGNESTREL'NOE I TRAVMATICHESKOE ORUZHIE* [Levada-Center: FIREARMS AND TRAUMATIC WEAPONS]. 22.07.2013. // Levada-Tsentr. URL: <https://www.levada.ru/2013/07/22/ognestrelnoe-i-travmaticheskoe-oruzhie/> (data obrashcheniya: 05.11.2020 g.). (In Russ.).

Levada-Tsentr: *Rossiiskaya armiya* [Levada Center: Russian Army]. 18.06.2019 g. // Levada-Tsentr. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/18/rossijskaya-armiya-3/> (data obrashcheniya: 29.10.2020g.). (In Russ.).

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo "ZekIue" (Iz istorii voennogo byta cherkessov v XVIII - pervoi polovine XIX v.)* [Circassian horsemanship "ZekIue" (From the history of the military life of the Circassians in the 18th - first half of the 19th centuries)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 304 s. (In Russ.).

OSTAKhOV A.A. *Adygskoe strelkovoe oruzhie XIII - XVI vv.* [Adyghe small arms XIII - XVI centuries.]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2011. – № 4(42). – S. 40-45. (In Russ.).

PANESh A.D. *Otazhenie arkhetipicheskoi prirody voina v adygskoi mental'nosti* [Reflection of the archetypal nature of the warrior in the Adyghe mentality]. IN: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii imeni T.M. Kerasheva. – 2023. – № 35(59). – S. 101-104. (In Russ.).

Sultan Khan-Girei: Izbrannye trudy i dokumenty [Sultan Khan Giray: Selected works and documents]. – Maikop: OAO «Poligraf-Yug», 2009. – 672 s. (In Russ.).

TALANTOV S.V. *O proizvodstve i ukrashenii oruzhiya kabardinskimi masterami v XVIII veke* [On the production and decoration of weapons by Kabardian craftsmen in the 18th century]. IN: Istoricheskoe oruzhievedenie. – 2021. – № 11. – S. 21-39. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Ю. Донежук – кандидат исторических наук.

Information about the author

M.Yu. Donezhuk – candidate of sciences (History).

Статья поступила в редакцию 28.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

УДК 930(091)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-228-255

EDN: HRPRXC

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В ОТРАЖЕНИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

**Анзор Викторovich Кушхабиев¹, Анжела Ариковна Журтова²,
Динара Муратовна Алхасова³**

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук,
Нальчик, Россия

¹ anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

³ alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевых проблем политико-правовой интеграции народов Северного Кавказа в состав России по материалам опубликованных источников делопроизводственной документации. В частности, авторами рассмотрены проблемы утверждения российской административной и судебной-правовой системы в регионе, нормативные и организационные основания имперской политики на Северном Кавказе, выселение местных народов в Османскую империю в отражении опубликованных источников. Также в работе изучен процесс осмысления делопроизводственных материалов по проблеме политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в современной историографии.

Авторы приходят к выводу, что материалы опубликованных делопроизводственных источников играют большую роль в современных научных исследованиях по проблеме административно-политической и правовой интеграции северокавказских народов в состав России. Они составляют основу источниковой базы исследований по данной проблеме. В источниковедческом контексте авторы рассматривают делопроизводственные материалы по истории утверждения военно-административной и политико-правовой системы России на Северном Кавказе, а также процессов выселения местных народов в Османскую империю.

Ключевые слова: делопроизводство, делопроизводственная документация, источник, кавказоведение, политико-правовая интеграция, российское управление на Северном Кавказе.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Кушхабиев А.В., Журтова А.А., Алхасова Д.М. Проблемы политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в отражении делопроизводственной документации (по материалам опубликованных источников) // Электронный жур-

нал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 228-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-228-255. EDN: HRPRXC.

© Кушхабиев А.В., Журтова А.А., Алхасова Д.М., 2024

Original article

RUSSIAN POLICY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 19TH CENTURY AS REFLECTED BY OFFICIAL DOCUMENTATION (BASED ON PUBLISHED SOURCES)

Anzor V. Kushkhabiev¹, Anzhela A. Zhurtova², Dinara M. Alkhasova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, anzhelka28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

³ alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Abstract. The article is devoted to the study of the main problems of the political and legal integration of the peoples of the North Caucasus into Russia, materials from public sources of office documentation. In particular, the authors studied the problems of establishing the Russian administrative and judicial-legal system in the region, the normative and organizational foundations of the imperial policy in the North Caucasus, the emigration of local peoples to the Ottoman Empire as reflected in published sources. The authors also studied the process of understanding office documents on the problem of the political and legal integration of the North Caucasus into Russia in modern historiography.

The authors conclude that the materials of published office documents play a major role in modern scientific research on the problem of the administrative, political and legal integration of the North Caucasian peoples into Russia. They form the basis of the source base for research on this problem. In the context of source studies, the authors consider office documents on the history of the establishment of the military-administrative and political-legal system of Russia in the North Caucasus, as well as the processes of emigration of local peoples to the Ottoman Empire.

Keywords: office work, office work documentation, source, Caucasian studies, political and legal integration, Russian governance in the North Caucasus.

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Kushkhabiev A.V., Zhurtova A.A., Alkhasova D.M. Russian policy in the North Caucasus in the 19th century as reflected by official documentation (based on published sources). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 228-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-228-255. EDN: HRPRXC.

© Kushkhabiev A.V., Zhurtova A.A., Alkhasova D.M., 2024

Введение

Любые изменения в сфере государственного управления (реструктуризация и оптимизация деятельности органов власти и самоуправления, выстраи-

вание взаимодействия государства и региональных этноэлит, регулирование и контроль за миграционными процессами и т.п.) требуют теоретического осмысления и оказывают влияние на организационные и документальные основы взаимодействия органов власти. Прежде всего, это отражается на видовом многообразии, форме и содержании делопроизводственной документации. От ее качества, в свою очередь, зависит стабильное и эффективное функционирование госаппарата.

Особенную актуальность представляет, на наш взгляд, исследование эволюции регионального делопроизводства, в частности северокавказского, которое отражает основные этапы и содержание российской политики в регионе в XIX в., особенности исторической практики взаимодействия центра с новыми территориями. В указанный период закладывались основы российского государственного правления на Северном Кавказе. Исторический опыт формирования российских военно-административных и судебно-правовых институтов в регионе, а также связанных с ними делопроизводственных систем позволяет определить направления их дальнейшего развития. Накопленная документальная база свидетельствует о непрерывном поиске эффективных организационных форм и документальных основ для политико-правовой интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Все это усиливает значимость анализа опубликованных сборников документов, содержащих сведения по проблемам политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в конце XVIII – начале XX в., а также их учета и частоты использования в тематических исследовательских работах. Поскольку такой анализ дает возможность понять, какую информацию содержат в себе тематические сборники документов по вопросам исторического кавказоведения, как отбирались материалы для публикации, как реагирует академическое сообщество на них и как меняется исследовательский спрос на такую информацию с течением времени и т.п.

Научный анализ структуры и содержания кавказских делопроизводственных материалов позволяет выявить круг неизученных и малоизученных вопросов, определить проблемы, нуждающиеся в дополнительном источниковом изучении. Для этого считаем целесообразным осмыслить источники по проблеме политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в современной историографии; выявить проблемы взаимодействия российских судебно-административных учреждений с народами Центрального Кавказа в опубликованных сборниках документов, обозначить основные направления документирования вопросов выселения народов Северного Кавказа в Османскую империю во 2-й половине XIX – начале XX в. и формы их репрезентации в опубликованных документах российских и зарубежных архивов.

Осмысление источников по проблеме политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в современной историографии

Исторические источники являются основой любого исследования. Источниковая база проблемы политико-правовой интеграции народов Северного Кавказа в состав России опирается на разнообразный корпус источников. В их

числе нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, эмпирически зафиксированные нормы обычного права северокавказских народов, различные статистические, информационно-публицистические материалы, дореволюционная периодика и др.

Наиболее распространенными источниками в исследованиях по данной проблеме являются Акты Кавказской Археографической комиссии, материалы Ф.И. Леонтовича и Б.А. Гарданова по обычному праву народов Северного Кавказа, нормативно-правовые акты, документы и письма главнокомандующих, наместников и их администраций на Кавказе и др. [Акты 1866-1904; Леонтович 1882-1883; Гарданов 1956; Кавказ 2005; Народы 2005; Административная 2012; Документы 2011; Ермолов 2014; Административная интеграция... 2023а, Административная интеграция... 2023б].

Материалы, собранные Кавказской Археографической комиссией и изданные под руководством А.П. Берже, содержат в себе официальную документацию, извлеченную из архива Главного управления Кавказского наместника. Без «Акт» не обходится ни одно современное кавказоведческое исследование, в котором анализируется процесс российско-кавказского исторического взаимодействия. Документы, представленные в них, изучены в работах Г.Н. Малаховой, Ю.Ю. Клычникова, Б.В. Виноградова, Е.И. Кобахидзе, А.Х. Абазова и др. [Малахова 2001; Клычников 2004; Виноградов 2006; Кобахидзе 2010; Абазов 2017]. В их исследованиях Акты Кавказской Археографической комиссии служат одним из основных источников для осмысления имперской политики на Северном Кавказе, различных аспектов административно-политической, правовой и социально-экономической интеграции региона в состав России.

Часть авторов, в частности Н.О. Блейх, С.А. Айларова, М.Е. Колесникова, Т.А. Колосовская, А.Н. Максимчик и другие [Блейх 2009; Айларова 2003; Колесникова 2011; Колесникова 2014; Колосовская 2022а; Колосовская 2022б; Максимчик 2020], используют материалы «Акт» в рамках исследования истории северокавказской общественно-политической мысли, организационных и институциональных основ развития отечественного кавказоведения и др.

Акты Кавказской Археографической комиссии в качестве исторического источника изучены в работах Д.С. Ткаченко, Н.Д. Судавцова и др. [Ткаченко 2018; Судавцов 2017]. Они описывают внешние и внутренние характеристики «Акт», их общую концепцию, тематическое содержание и т.д.

К числу дореволюционных источников, анализируемых в современных исследованиях по проблеме интеграции Северного Кавказа в состав России, относятся работы Ф.И. Леонтовича, в которых зафиксированы адаты местных народов. В частности, Ф.Х. Гутнов, Б.М.-Г. Харсиев, В.А. Дмитриев, А.У. Рабаданова, А.С. Мирзоев и др. [Гутнов 2015; Харсиев 2015; Дмитриев 2021; Мирзоев 2015; Рабаданова 2015] ссылаются на материалы Ф.И. Леонтовича при анализе оснований и механизмов применения норм обычного права в общественных и семейных отношениях. Роль мусульманского права в системе управления и социального взаимодействия у северокавказских народов изучена А.Г. Мусаевой, З.А. Магомедовой и другими авторами [Мусаева 2014а; Магомедова 2020].

«Адаты» Ф.И. Леонтовича также используются в исследованиях А.Х. Абазова, Р.М. Бегеулова, Ч.А. Агакеримовой, А.М. Селимовой и др. [Абазов 2016; Бегеулов 2021; Агакеримова 2008; Селимова 2018], посвященных проблемам трансформации нормативно-правовой системы горцев в условиях вхождения в состав России, взаимодействия норм адата, шариата и российского законодательства.

Историографический характер носят работы Т.А. Колосовской, А.Г. Мусаевой и др. [Колосовская 2022а; Мусаева 2014b], в них анализируется научная деятельность представителей российской администрации в регионе по изучению и фиксации норм обычного и мусульманского права народов Северного Кавказа с целью их последующего использования в процессе управления регионом.

Материалы по обычному праву кабардинцев, собранные Б.А. Гардановым, также широко используются в современных историко-правовых исследованиях. Нормы адата и их влияние на правовые отношения между сословиями в период традиционного общества, а также в процессе их трансформации в условиях вхождения региона в состав Российской империи изучены в работах Ф.Х. Гутнова, Ф.Х. Крымшохаловой, Е.С. Шавлоховой, С.Ю. Ивазовой, А.С. Мирзоева и др. [Гутнов 2012; Крымшохалова 2007; Шавлохова 2014; Ивазова 2016; Мирзоев 2020].

Изменение политико-правового статуса крестьянства и общинной структуры Северного Кавказа с опорой на материалы Б.А. Гарданова проанализировано И.Л. Бабич, И.Л. Корнаковским и др. [Бабич 1999; Корнаковский 2018].

Гендерный подход в исследовании соционормативной культуры кабардинцев в XVIII–XIX вв. реализован в работах Л.Х. Сабанчиевой, А.Х. Абазова и др. [Сабанчиева 2005; Абазов 2013].

Широкой популярностью в современных научных исследованиях пользуется сборник материалов по истории российско-кавказских отношений в XIX – начале XX в., составленный Я.А. Гординым [Кавказ 2005]. В нем опубликовано большое количество разнообразных документов официального и неофициального происхождения, посвященных политике Российской империи на Северном Кавказе. Основную часть материалов составляют документы, извлеченные из фондов центральных российских архивов, а также малоизвестные публикации.

Данный сборник широко используется Э.А. Шеуджен, Д.А. Малаховым, Е.И. Кобахидзе, Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе, Н.И. Красняковым, Е.В. и Н.Н. Великими, А.М. Аджиговой, Д.Н. Прасоловым и др. [Шеуджен 2009; Малахов 2011; Кобахидзе 2012; Хлынина и др. 2012; Урушадзе 2015; Урушадзе и др. 2016; Красняков 2014, Великая 2015; Аджигова 2017; Прасолов 2020] в контексте исследования проблем Кавказской войны и выселения адыгов в Османскую империю, создания российских органов управления на Северном Кавказе (приставств, наместничеств и т.д.), административно-территориального деления региона, его политической, правовой и культурной модернизации. Авторы анализируют проекты и записки по организации управления Северным Кавказом, представленные П.Д. Цициановым, Н.С. Морд-

виновым, И.Ф. Паскевичем, М.Ф. Кудашевым, А.И. Барятинским, И.И. Воронцовым-Дашковым, великим князем Николаем Николаевичем и др.

При изучении проблем культурной модернизации Северного Кавказа в XIX – начале XX в., развития народного образования в горской среде, осуществления религиозной политики в регионе А.Б. Созаев, М.А. Волхонский, П.Г. Немашкалов, Е.А. Гурова и др. [Созаев 2009; Волхонский 2019; Немашкалов 2020; Гурова 2022] также опираются на материалы указанного сборника документов.

С историографической точки зрения проекты, идеи и записки представителей российской администрации на Северном Кавказе проанализированы А.Н. Максимчиком, А.А. Журтовой и другими авторами [Максимчик 2012; Журтова 2017; Zhurtova 2017].

Двухтомный сборник «Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века» под редакцией П.А. Кузьмина и Б.К. Мальбахова [Народы 2005] служит важным источником в исследованиях, посвященных истории реформ на Северном Кавказе, проблемам взаимодействия российской администрации с региональными элитами, трансформации их правового статуса, организации социокультурного пространства, жизни и быта горских обществ и т.д. [Гутнов 2014; Кузьминов 2017].

Источниковедческий анализ указанного двухтомника документов осуществлен Б.К. Мальбаховым, А.А. Журтовой и др. [Мальбахов 2005; Кузьминов 2016; Журтова и др. 2022]. Ими рассмотрены проекты различных комитетов и комиссий, составленные под руководством П.П. Нестерова, М.С. Ильинского, Г.Р. Эристова, А.П. Грамотина, М.А. Кундухова, В.В. Орбелиани, К.И. Красницкого, Д.С. Кодзокова и др., и направленных на эффективную реализацию на Северном Кавказе аграрных, социальных и административно-политических преобразований.

Широко в исследованиях представлен сборник документов по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в., составленный З.М. Кешевой [Документы 2011]. В нем содержится официальная делопроизводственная документация о политике Российской империи в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе в указанный период. К данному комплексу материалов обращаются К.Ф. Дзамихов, Д.В. Овсянников, Э.Дж. Эшба, Н.С. Степаненко, Е.А. Гурова, Д.М. Алхасова и др. [Дзамихов 2014; Овсянников 2018; Эшба 2016; Степаненко 2022; Гурова 2022; Алхасова 2022] в процессе исследования различных проблем Кавказской войны и истории политических событий в регионе в первой половине XIX века.

Подготовленный Е.И. Кобахидзе сборник материалов [Административная 2012] также популярен среди исследователей. При освещении вопросов имперской административной практики на Центральном Кавказе, связанной с созданием российских органов управления и суда в регионе, модернизацией северокавказских обществ в 60–70-х гг. XIX в., реализацией образовательной и религиозной политики, на документы указанного сборника опираются Е.И. Кобахидзе, З.Ж. Глашева, С.С.-А. Мутаев, Н.А. Ладонина и др. [Кобахидзе 2018; Глашева 2019; Глашева 2020; Мутаев 2020; Ладонина 2015].

Отдельное внимание современные исследователи уделяют материалам личного происхождения, воспоминаниям известных деятелей периода Кавказской войны, наместников и главнокомандующих на Кавказе. К числу наиболее популярных мемуарных источников относятся письма генерала А.П. Ермолова [Ермолов 2014]. Данный материал используется В.В. Трепавловым, С.С. Лазарян, О.А. Запорожцевой, Т.Х. Алоевым, З.Р. Усмановой и другими авторами [Трепавлов 2017; Лазарян 2017; Запорожцева 2018; Алоев 2020; Усманова 2021] при исследовании военно-административной деятельности российских чиновников на Северном Кавказе, механизмов взаимодействия имперских властей с местной элитой, процесса легитимации российской политики в регионе и т.д.

К числу ключевых проблем интеграции северокавказских обществ в состав России относятся вопросы утверждения российской администрации в регионе, создания местной судебно-правовой системы, нормативные и организационные основания имперской политики на Северном Кавказе, а также выселение местных народов в Османскую империю. В данном исследовании авторы представляют источниковедческий обзор материалов по указанным проблемам, основанный на опубликованных документах российских и зарубежных архивов.

***Проблема взаимодействия российских судебно-административных учреждений с народами Центрального Кавказа
в опубликованных сборниках документов***

Источники, иллюстрирующие разные аспекты взаимодействия российских судебно-административных учреждений с народами Центрального Кавказа, представлены в многочисленных сборниках документов, и, для удобства изучения, могут быть условно дифференцированы по различным признакам. Если в основу дифференциации положить принцип разных видов исторических источников, то могут быть выделены сборники документов, содержащие источники личного происхождения, делопроизводственные, нормативные и т.п.

При дифференциации сборников источников по хронологическому принципу можно выделить сборники документов, опубликованные в дореволюционный, советский и современный периоды.

Если в основу дифференциации положить различные методы и подходы комплектования сборников источников, то можно условно выделить сборники, составленные с опорой на следующие методы: 1) хронологический; 2) конкретно-проблемный; 3) проблемно-хронологический. Следует отметить, что эта дифференциация в большей степени применима к сборникам документов, опубликованным в советский и современный периоды.

В контексте изучения интеграции кавказских народов в политико-правовое пространство Российской империи, а также уточнения некоторых деталей иерархии должностных лиц и военно-административных учреждений на Кавказе, представляется полезным обращение к сборнику документов, составленному Я.А. Гординым [Ермолов 2014]. Сборник включает личную корреспонденцию генерала А.П. Ермолова как в период его службы на Кавказе, так и после него. Анализ переписки А.П. Ермолова с кавказским наместником М.С.

Воронцовым в 40-е гг. XIX в. позволяет составить представление о деталях политики Российской империи на Кавказе с позиции лиц, занимавших высшие военно-административные должности в регионе. Однако специфика писем, как источников личного происхождения, требует критического подхода при их использовании в исторических исследованиях. К этому сборнику в своих работах обращались Д.С. Ткаченко, Л.Д. Федосеева, С.В. Адриайнен и др. [Ткаченко 2020; Федосеева 2005; Адриайнен 2016].

Сборник материалов, подготовленный Е.И. Кобахидзе, содержит, преимущественно, нормативные документы, иллюстрирующие расширение российской администрации на Северном Кавказе [Административная 2012]. Они могут быть условно дифференцированы на две группы по принципу иерархии. В первую группу можно включить документы, утверждавшиеся на высочайшем уровне: рескрипты, именные указы, адресованные Коллегии иностранных дел и представителям высшего кавказского военного командования. Во вторую – локальные нормативные акты, которые разрабатывались и утверждались на уровне кавказской военной администрации: предписания, утверждения, отношения и др. В сборнике содержатся материалы, являющиеся фундаментальными для исследователей, специализирующихся на изучении истории кавказских военно-административных учреждений (например, к извлечению из «Высочайше утвержденного учреждения для управления Кавказской областью» от 1827 г.). К материалам сборника обращались в своих исследованиях П.А. Кузьминов, А.Х. Абазов, Е.И. Кобахидзе, Н.А. Ладонина, Л.Я. Арапханова и др. [Кузьминов 2015; Абазов 2016; Кобахидзе 2017; Арапханова 2018].

Сборник материалов обычного права кабардинцев, составленный В.К. Гардановым, содержит делопроизводственные документы, извлеченные из фондов УЦГА АС КБР: постановления и докладные записки Временного Кабардинского суда; приказы управления Центра Кавказской линии; ходатайства представителей как привилегированных, так и зависимых групп коренного населения региона в 40-х–50-х гг. XIX в. [Гарданов 1956]. Приведенные материалы иллюстрируют деятельность Временного Кабардинского суда и могут быть использованы для изучения широкого круга вопросов. Так, на основе этого сборника можно составить представление о сословных и межсословных отношениях кабардинцев в первой половине XIX в.; о порядке утверждения или оспаривания решений Суда вышестоящей инстанцией (управлением Центра Кавказской линии); об объеме полномочий Временного Кабардинского суда и особенностях их исполнения; о роли Суда и управления Центра Кавказской линии в интеграционных процессах, происходивших в регионе в 40–50-х гг. XIX в. На документы, содержащиеся в сборнике, опирались многие советские и современные исследователи, специализирующиеся на изучении социально-политической истории народов Центрального Кавказа: Ж.А. Калмыков, Е.Г. Муратова, П.А. Кузьминов, А.Х. Абазов и др. [Калмыков 2007; Муратова 2006; Кузьминов 2017; Абазов 2007; Абазов 2015; Абазов 2016; Абазов 2019а; Абазов 2019b; Абазов 2023].

Большой корпус источников, касающихся проблемы интеграции представителей коренного населения в политико-правовое пространство

Российской империи, представлен в сборнике, составленном З.М. Кешевой на основе материалов УЦГА АС КБР [Документы 2011]. В него включены делопроизводственные материалы, в том числе с элементами нормативного регулирования: рапорты, предписания, прошения, донесения, отношения, фрагменты межведомственных переписок, выписки из журналов Временного Кабардинского суда, именные списки и т.п. Представленные в сборнике документы отражают процесс адаптации восточных и западных адыгов к российскому администрированию. Обращение к сборнику открывает широкие перспективы для изучения деятельности российских военно-административных учреждений на Центральном и Северо-Западном Кавказе, военно-политической обстановки в регионе и переселенческой политики Российской империи в 20–50-х гг. XIX в. Информативный потенциал и отдача сборника в наибольшей степени раскрыты в работах исследователей, специализирующихся на изучении истории локальных военно-административных и судебно-административных учреждений, их взаимодействии с коренным населением. Так, например, на материалы, содержащиеся в нем, в своих исследованиях опирались А.Х. Абазов, Е.Г. Муратова, К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Д.Н. Прасолов, А.А. Урусов, С.Б. Манышев, В.М. Муханов и др. [Абазов 2016; Абазов 2019а; Абазов 2019b; Абазов 2023; Дзамихов 2014; Дзамихов и др. 2018; Прасолов 2023; Урусов 2015; Манышев 2023].

Проблемы выселения народов Северного Кавказа в Османскую империю в опубликованных документах российских и зарубежных архивов

Документы, в которых зафиксирована официальная информация о выселении народов Северного Кавказа в Османскую империю в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., содержатся в 12-м томе сборника «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее – АКАК) [Акты 1866-1904]. В основном это материалы делопроизводственной документации: отзывы, официальные письма и отношения военных чиновников; рапорты высших офицеров. В них сказано о выселении народов Северного Кавказа, в основном абазин, ногайцев и черкесов в Османскую империю и об их стремлении к возвращению на Северный Кавказ. В данных документах также содержится значительная информация о заселении территории Западной Черкесии казаками. В 12-м томе АКАК содержится Положение Комитета министров [Акты 1866-1904] (утвержденное императором), предназначенное для регулирования репатриации северокавказских иммигрантов из Османской империи.

Вышеуказанные документы АКАК использованы в работах российских (ранее советских) авторов, исследовавших проблемы выселения народов Северного Кавказа в Османскую империю: Г.А. Дзидзария, А.Х. и Х.А. Касумовых, С.Г. Кудоевой, А.М. Магомеддаева, А.Д. Панеш, А.В. Кушхабиева, М.Х.-Б. Кишмахова, А.А. Ганич, Э.Д. Эшба и др. [Дзидзария 1982; Касумов 1992; Кудоева 2014; Магомеддаев 2001; Панеш 2007; Кушхабиев 2013; Кушхабиев 2023; Кишмахов 2012; Ганич 2007; Эшба 2016].

В сборнике документов «Переселение горцев в Турцию», составленном Г.А. Дзагуровым [Дзагуров 1925], содержатся делопроизводственные докумен-

ты: докладные записки, отзывы, отношения, доклады, официальные письма военных чиновников, рапорты высших офицеров и др. В них зафиксирована информация о процессе переселения народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа – чеченцев, ингушей, кабардинцев и осетин в Османскую империю в период с 1860-х гг. до начала XX в. В документах также содержится информация о стремлении северокавказских иммигрантов к возвращению на родину и о негативном отношении царских властей к данному процессу. В сборнике содержится Приказ по Кабардинскому округу [Дзагуров 1925] (№ 46, от 10 октября 1869 г.), в котором сообщается, что в дальнейшем разрешения на отправку в Турцию для паломничества будут предоставляться только одиноким жителям округа.

Документы сборника, подготовленного Г.А. Дзагуровым, использовались в работах ряда исследователей, изучавших проблемы миграций народов Северного Кавказа в Османскую империю, в частности, в исследованиях Г.А. Дзидзария, С.Г. Кудачевой, А.М. Магомеддаева, А.В. Кушхабиева, З.М. Амировой и др. [Дзидзария 1982; Кудачева 2014; Магомеддаев 2001; Кушхабиев 2007; Амирова 2005].

Большой популярностью среди ученых-историков, исследующих проблемы войн на Кавказе в XIX в. и проблемы выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю во 2-й половине XIX – начале XX в., пользуются сборники документов и материалов: Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в.; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.); Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) [Трагические 2000; Проблемы 2001; Архивные 2003]. В этих сборниках содержатся документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар), Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А, г. Владикавказ), Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ, г. Тбилиси). Преобладающая часть документов и материалов данных сборников относится к делопроизводственной документации и нормативно-правовым актам. Документы делопроизводственной документации можно разделить на 2 группы, в зависимости от принадлежности тому или иному ведомству и выполняемых функций. Первую группу составляют документы дипломатической переписки: официальные письма, донесения и депеши российских послов в Османской империи министру иностранных дел Российской империи и российских консулов и вице-консулов в регионах Османской империи российским послам в Константинополе (Стамбуле); официальные письма и депеши российских консулов и вице-консулов начальнику Главного штаба Кавказской армии. В них зафиксирована информация о процессе иммиграции черкесов в Османскую империю и возник-

новении проблемы их репатриации. Ко второй группе следует отнести документы, составленные российскими военными чиновниками и офицерами на Кавказе: предписания Главного управления наместника Кавказа нижестоящим командирам подразделений, начальникам областей и краев; предписания главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края и др.; рапорты офицеров в вышестоящие инстанции, отношения между ведомствами империи, записки, отзывы и др. К нормативно-правовым актам следует отнести приказы по Кавказской армии (Российская императорская армия на Кавказе, преобразованная в 1857 г. из Отдельного Кавказского корпуса), в частности, приказ военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютин о формировании в Кубанском казачьем войске двух конных полков (от 12.09.1863) [Архивные 2003: 137-138]. Среди нормативно-правовых актов следует указать и Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев (09.1861) [Трагические 2000: 42-48], составленные начальником Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцовым и др. В указанных сборниках также содержатся статистические материалы (ведомости) о группах северокавказских эмигрантов, отрывки из статей и мемуаров участников и очевидцев событий (Д.А. Милютин, Р.А. Фадеев, М.И. Венюков) и др.

Документы указанных сборников использованы в исследованиях: С.Г. Кудасовой, А.В. Кушхабиева, А.Д. Панеш, М.Х.-Б. Кишмахова, Д.Н. Прасолова, А.А. Ганич и др. [Кудасова 2014; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2013; Панеш 2007; Кишмахов 2012; Прасолов 2022; Ганич 2007].

В сборник «История адыгов в документах Османского государственного архива» [История 2009] вошли документы, выявленные в фондах Османского государственного архива Турции (г. Стамбул) в 2007-2008 гг. В документах сборника зафиксирована информация о политических и военных событиях в Кабарде, Западной Черкесии и Абхазии в 1760-1897 гг., о формировании черкесской диаспоры в Османской империи в 1859-1903 гг. Значительная часть документов сборника относится к делопроизводственной документации: официальные письма, инструкции, донесения, обращения, предписания, запросы и докладные записки османских чиновников и др. В них отражены основные векторы османской политики на Кавказе в указанные периоды. В документах сборника также содержатся сведения о положении черкесских иммигрантов в регионах Османской империи.

Документы данного сборника анализируются исследователями, изучающими проблемы черкесской диаспоры в Османской империи, историю Северного Кавказа в системе международных отношений и т. п. Они использованы в исследованиях: А.В. Кушхабиева, В.В. Цибенко, А.П. Машуковой, Э.Д. Эшба, В.Н. Желобова [Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2013; Кушхабиев 2010а; Кушхабиев 2010б; Цибенко 2022; Машукова 2012; Эшба 2016; Желобов 2017] и др.

Заключение

Таким образом, большую роль в современных научных исследованиях по проблеме административно-политической и правовой интеграции северокавказ-

ских народов в состав России играют материалы опубликованных источников. Они используются в контексте изучения российской политики на Северном Кавказе в XIX в., процессов формирования имперских органов управления в регионе, трансформации политической и нормативно-правовой системы местных обществ в условиях вхождения в состав России, их социокультурной модернизации, выселения северокавказских народов в Османскую империю и др.

Среди сборников документов, отражающих процесс политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России, условно можно выделить материалы, содержащие нормативные акты, делопроизводственную документацию, источники личного происхождения и др. Делопроизводственные материалы, содержащиеся в изученных сборниках, представлены в виде докладных записок, отзывов, отношений, официальных писем, рапортов, рескриптов, приказов, донесений, постановлений, ходатайств и т.д.

Представленные в анализируемых сборниках документы отражают процесс включения северокавказских народов в российскую социокультурную и административно-правовую систему, и являются фундаментальными для исследователей, занимающихся изучением данной комплексной проблемы.

Вместе с тем, представляется перспективным формирование сборника материалов, подобранных в соответствии с темой: «Интеграция кавказских народов в социально-экономическое, культурное и политико-правовое пространство Российской империи». Предполагаемый сборник может быть составлен с опорой на проблемно-хронологический метод. Кроме того, все это позволит сформировать основу для последующего тематического моделирования корпуса таких источников во всем его многообразии и постепенно перейти к построению модели цифрового репозитория для дальнейшей систематизации различных видов источников и созданию баз больших цифровых данных по истории народов Северного Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2007 – *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Временного Кабардинского суда // Архивы и общество. – 2007. – № 3. – С. 50–57.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев (по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 87–98.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. Т. 9 (41). – Москва: МГИМО, 2015. – С. 150–170.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2019а – *Абазов А.Х.* Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793–1822 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 3. – С. 77–95.

Абазов 2019б – *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793–1822 гг. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 124 с.

Абазов 2023 – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Кабардинского Временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822–1858 гг. // Новое прошлое. – 2023. – № 1. – С. 48–63.

Агакеримова 2008 – *Агакеримова Ч.А.* Взаимодействие в Дагестане адата, шариата и законов Российской империи: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 42 с.

Аджигова 2017 – *Аджигова А.М.* Ингушетия в российском цивилизационном процессе во второй половине XIX – первой трети XX века: дис. ... канд. истор. наук. – Нальчик, 2017. – 217 с.

Административная интеграция... 2023a – Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сборник документов и материалов. Т. II. Ч. I. 2-е переработанное и дополненное / составитель и автор вводной статьи З.Ж. Глашева. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 816 с.

Административная интеграция... 2023b – Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сборник документов и материалов. Т. II. Ч. II. 2-е переработанное и дополненное / составитель и автор вводной статьи З.Ж. Глашева. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 800 с.

Административная 2012 – *Административная* практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахизде. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Адрияйнен 2016 – *Адрияйнен С.В.* Генерал Ермолов на Кавказе: война ради мира // Псковский военно-исторический вестник. – 2016. – Вып. 2. – С. 146–151.

Айларова 2003 – *Айларова С.А.* Общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа: XIX век: дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2003. – 500 с.

Акты 1866-1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904. – Т. 1–12.

Алоев 2020 – *Алоев Т.Х.* Маргъущей («Маргушевский аул») – Locus majoris Кабарды в период ермоловского наступления (1819-1822) // Вестник КБИГИ. – 2020. – № 4-2 (47). – С. 7–13.

Алхасова 2022 – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 30–47.

Амирова 2005 – *Амирова З.М.* Участие народов Северного Кавказа в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.). – Махачкала: Эпоха, 2005. – 187 с.

Арапханова 2018 – *Арапханова Л.Я., Долгиева М.Б.* Горская аристократия в системе российского администрирования на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8. – № 9 (37). – С. 490–497.

Архивные 2003 – *Архивные* материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Часть 2. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 415 с.

Бабич 1999 – *Бабич И.Л.* Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 2. – С. 17–30.

Бегеулов 2021 – *Бегеулов Р.М.* Проблемы интеграции Карачая в состав России: августовское восстание 1855 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 10 (108). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840016871-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016871-7.

Блейх 2009 – *Блейх Н.О.* Социокультурные аспекты развития просветительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2009. – 383 с.

Великая 2015 – *Великая Е.В., Великая Н.Н.* Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 252 с.

Виноградов 2006 – *Виноградов Б.В.* Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. – Армавир, 2006. – 578 с.

Волхонский 2019 – *Волхонский М.А.* Общество восстановления православного христианства на Кавказе: между миссионерством и цивилизаторством (1860–1885) // Российская история 2019. – Вып. 6. – С. 105–126. Режим доступа: <https://russian-history.ru/S086956870007390-0-1> (дата обращения: 29.05.2024). DOI: 10.31857/S086956870007390-0

Ганич 2007 – *Ганич А.А.* Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – М.: ИСАА МГУ, 2007. – 272 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.

Глашева 2019 – *Глашева З.Ж.* Основные направления политики Российской империи на Кавказе в конце XVIII в. // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 216–230.

Глашева 2020 – *Глашева З.Ж.* Первое Кавказское наместничество: особенности учреждения и функционирования // Современная научная мысль. – 2020. – № 1. – С. 16–20.

Гурова 2022 – *Гурова Е.А.* Имперская социокультурная практика в процессе присоединения и освоения иноэтничных окраин (на примере Северного Кавказа XIX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Армавир, 2022. – 21 с.

Гутнов 2012 – *Гутнов Ф.Х.* Обычное право осетин. Часть I. Адаты тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 167 с.

Гутнов 2014 – *Гутнов Ф.Х.* Функции знати Западной Осетии // Дарьял. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – 2014. – № 1. Режим доступа: http://www.darial-online.ru/material/2014_1-gutnov/ (дата обращения: 29.05.2024);

Гутнов 2015 – *Гутнов Ф.Х.* Нормы обычного права осетин. Часть II. Адаты обществ Западной Осетии. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. – 322 с.

Дзагуров 1925 – *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1925. – 211 с.

Дзамихов 2014 – *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война и её интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд» // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 37–46;

Дзамихов 2018 – *Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г., Боров А.Х., Варивода Н.В., Абазов А.Х., Прасолов Д.Н.* Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 266 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Дмитриев 2021 – *Дмитриев В.А.* Посредничество в разрешении бытовых конфликтов в культуре горцев Кавказа // Кунсткамера. – 2021. – 4(14). – С. 122–132. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-122-132.

Документы 2011 – *Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам УЦГА АС КБР) / сост. З.М. Кешева.* – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 202 с.

Ермолов 2014 – *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860 / Отв. ред. Я.А. Гордин. – СПб.: Звезда, 2014. – 834 с.

Желобов 2017 – *Желобов В.Н.* Кубанское казачье войско в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2017. – 227 с.

Журтова 2017 – *Журтова А.А.* Осмысление интеграции северокавказских народов в состав России в контексте национально-регионального исторического развития // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 4. – С. 95-115.

Журтова и др. 2022 – *Журтова А.А., Кумахова З.Х., Коновалов А.А.* Проблемы истории и историографии народов Северного Кавказа в исследованиях П.А. Кузьмина // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 6. – С. 9–23. DOI: 10.7256/2454-

0609.2022.6.39032 EDN: EDZHDO Режим доступа:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39032.

Запорожцева 2018 – *Запорожцева О.А.* Административная деятельность А.Ф. Реброва на Кавказе в период управления генералом А.П. Ермоловым // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 56–61.

Ивазова 2016 – *Ивазова С.Ю.* Некоторые аспекты обычного права в жизни кабардинцев в конце XIX – начале XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 5/2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obychnogo-prava-v-zhizni-kabardintsev-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 28.05.2024).

История 2009 – *История адыгов* в документах Османского государственного архива. Вып. 1. / Сост. А.В. Кушхабиев. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. – 404 с.

Кавказ 2005 – *Кавказ* и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. Кавказ и Российская империя / Сост. Я.А. Гордин. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 720 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. – Нальчик: Логос, 1992. – 200 с.

Кишмахов 2012 – *Кишмахов М.Х-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум Карачаевск: АБИГИ, 2012. – 832 с.

Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе: 1827-1840 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. – Пятигорск, 2004. – 636 с.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: дис. ... д-ра истор. наук. – Владикавказ, 2010. – 484 с.

Кобахидзе 2012 – *Кобахидзе Е.И.* От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. – 2012. – Вып. 8 (47). – С. 13–29.

Кобахидзе 2017 – *Кобахидзе Е.И.* Ладонина Н.А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. – Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А, 2017. – 321 с.

Кобахидзе 2018 – *Кобахидзе Е.И.* Начальная церковная школа в Осетии: между миссионерством и просвещением // Кавказ: перекресток культур. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – Вып. 2. – С. 53–79.

Колесникова 2011 – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 524 с.

Колесникова 2014 – *Колесникова М.Е.* Кавказская Археографическая комиссия (к 150-летию со дня основания) // Ставропольский хронограф на 2014 год. – Ставрополь, 2014. – С. 65–69.

Колосовская 2022а – *Колосовская Т.А.* К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 55–68.

Колосовская 2022б – *Колосовская Т.А.* Роль участников проекта по сбору адатов кавказских горцев в конструировании имперского знания о Северном Кавказе (1840-е гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 1 – С. 68–76.

Корнаковский 2018 – *Корнаковский И.Л.* К вопросу об источниках по истории крестьянства Северного Кавказа // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. – С. 68–76.

Красняков 2014 – *Красняков Н.И.* Регионально-наместническое правление в кавказских территориях Российской империи // Юридические исследования. – 2014. – № 3. – С. 40–69. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11032 Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11032.

Крымшокалова 2007 – *Крымшокалова Ф.Х.* Источники обычного права кабардинцев в XVIII – второй половине XIX веков: дис. ... канд. юрид. наук. – Нальчик, 2007. – 170 с.

Кудаева 2014 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – 388 с.

Кузьминов 2015 – *Кузьминов П.А., Урусова А.А.* Некоторые проблемы археографии и регионального источниковедения административной политики России на Кавказе (на материале работ Е.И. Кобахидзе) // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 4 (84). – С. 61–67.

Кузьминов 2016 – *Кузьминов П.А.* Проблемы открытия новых научных учреждений по истории народов Северного Кавказа в конце XX – начале XXI вв. // Вестник экспертного совета. – 2016. – № 1 (4). – С. 40–49.

Кузьминов 2017 – *Кузьминов П.А.* Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 4. – С. 64–83.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2010 – *Кушхабиев А.В.* Социально-политические аспекты адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи во второй половине XIX – начале XX в. По документам Османского государственного архива Турции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2010. – № 4 (36). – С. 122–128.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* История зарубежной черкесской диаспоры. Учебное пособие. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 248 с.

Ладонина 2015 – *Ладонина Н.А.* Реализация правительственной образовательной политики в Осетии в 60-х гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11 (61): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 95–98.

Лазарян 2017 – *Лазарян С.С.* А.П. Ермолов и М.С. Воронцов: стратегии покорения Кавказа в лексико-семантическом отражении // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 58. – С. 224–241. Режим доступа: <https://roii.ru/r/1/58.12> (дата обращения: 29.05.2024).

Леонтович 1882–1883 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1–2. – Одесса: тип. П.В. Зеленина, 1882–1883.

Магомеддадаев 2001 – *Магомеддадаев А.М.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.

Магомедова 2020 – *Магомедова З.А.* Вопросы мусульманского права в эпистолярных источниках дагестанского происхождения XIX – начала XX вв. // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 13–17.

Максимчик 2012 – *Максимчик А.Н.* Присоединение Кавказа к Российской империи: историографические итоги дореволюционного этапа // Российские и славянские исследования. – Минск: БГУ, 2012. – Вып. 7. – С. 285–294.

Максимчик 2020 – *Максимчик А.Н., Манышев С.Б.* «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 44–61.

Малахов 2011 – *Малахов Д.А.* Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века.: дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь, 2011. – 220 с.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: дис. ... д-ра истор. наук. – М., 2001. – 504 с.

Мальбахов 2005 – *Мальбахов Б.К.* Роль источника в исследовании региональной истории // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Режим доступа: <https://kvkz.ru/stati/2382-rol-istochnika-v-issledovanii-regionalnoj-istorii.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Манышев 2023 – *Манышев С.Б., Муханов В.М.* Французский взгляд на Северный Кавказ // Новое прошлое. 2023. № 1. С. 292–301.

Машукова 2012 – *Машукова А.П.* Северо-Западный Кавказ в годы Крымской войны (1853-1856): автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2012. – 23 с.

Мирзоев 2015 – *Мирзоев А.С.* Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века (на адыгском материале) // Адыги: история, культура, ментальность. – Майкоп, 2015. – С. 102–121.

Мирзоев 2020 – *Мирзоев А.С.* Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: факторы, механизмы, казусы // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 79–110.

Муратова 2006 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): дис. ... док. ист. наук. – Нальчик, 2006. – 567 с.

Мусаева 2014a – *Мусаева А.Г.* Адатно-шариатское управление в Дагестане // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15091> (дата обращения: 28.05.2024).

Мусаева 2014b – *Мусаева А.Г.* Вопросы формирования и развития системы права и общественных отношений народов Дагестана в работах российских ученых // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-8. – С. 1864–1868; Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35863> (дата обращения: 28.05.2024).

Мутаев 2020 – *Мутаев С.С.-А.* Народы Северо-Восточного Кавказа в «эпоху великих реформ» 60-70-х годов XIX века: региональные особенности и результаты модернизационных преобразований: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь, 2020. – 28 с.

Народы 2005 – *Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века.* Сборник документальных материалов / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. В 2-х т. – М.: Поматур, 2005. – Т. 1. – 368 с.; – Т. 2. – 392 с.;

Немашкалов 2020 – *Немашкалов П.Г.* Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60-е годы XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Ставрополь, 2020. – 40 с.

Овсянников 2018 – *Овсянников Д.В.* К вопросу о походе имама Шамиля в Кабарду 1846 г. // Былые годы. – 2018. – Т. 49 (3). – С. 1092–1100.

Панеш 2007 – *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и Имаматом Шамиля в XIX в. – Майкоп: МГТУ, 2007. – 240 с.

Прасолов 2020 – *Прасолов Д.Н.* Земский вопрос в общественно-государственном взаимодействии на Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 69–94.

Прасолов 2020 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 240 с.

Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Праздники как ресурс власти в политической культуре Центра Кавказской линии // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2023. – № 1 (56). – С. 30–37.

Проблемы 2001 – *Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.).* Сборник архивных документов / Составитель Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.

Рабаданова 2015 – *Рабаданова А.У.* Народы Северо-Восточного Кавказа в середине XVIII – начале XIX в. (проблемы социально-экономического развития и государственно-политического устройства): дис. ... канд. истор. наук. – Астрахань, 2015. – 209 с.

Сабанчиева 2005 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина. XVI – 60-е годы XIX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 245 с.

Селимова 2018 – *Селимова А.М.* Уголовно-правовые конфликты и способы их разрешения в Дагестане в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 177 с.

Созаев 2009 – *Созаев А.Б.* Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2009. – 26 с.

Степаненко 2022 – *Степаненко Н.С.* Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830–1860-е гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Пятигорск, 2022. – 30 с.

Судацков 2017 – *Судацков Н.Д.* Акты кавказской археографической комиссии как важный источник по истории Кавказа // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20-21 апреля 2017 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 113–116

Ткаченко 2018 – *Ткаченко Д.С.* Кавказская политика России по документам личного архива Г.В. Розена // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 1069-1080. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1069-1080.

Ткаченко 2020 – *Ткаченко Д.С.* Организация изучения сопредельных Кавказу земель А.П. Ермоловым в 1816-1823 гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 69–76.

Трагические 2000 – *Трагические* последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. / Сост.: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 463 с.

Трепавлов 2017 – *Трепавлов В.* Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 2. – С. 222–240.

Урусов 2015 – *Урусов А.А.* Последствия похода имама Шамиля на Кабарду в апреле 1846 г.: причины, обстоятельства, последствия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3 (61). – С. 161-165.

Урушадзе 2015 – *Урушадзе А.Т.* Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – С. 144–157.

Урушадзе и др. 2016 – *Урушадзе А.Т., Кринко Е.Ф., Челпанова Д.Д., Иосько А.А.* Протестные движения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начало XX вв.: причины, характер, значение. // Былые годы. – 2016. – Т. 42 (4). – С. 1198–1207.

Усманова 2021 – *Усманова З.Р.* Процесс внедрения российской военно-административной системы в Чечне и Дагестане в конце 1830-х – начале 1840-х гг. // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 661–668.

Федосеева 2005 – *Федосеева Л.Д.* Ермолов на Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 11–14.

Харсиев 2015 – *Харсиев Б.М.-Г.* Обычай семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века. – Магас: Пилигрим, 2015. – 140 с.

Хлынина и др. 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с.

Цибенко 2022 – *Цибенко В.В.* Фактор нациестроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2022. – 565 с.

Шавлохова 2014 – *Шавлохова Е.С.* Адаты и их влияние на социальную структуру, и правовые отношения в среде горских народов в конце XIX в. // Былые годы. – 2014. – № 4(2). – С. 252–256.

Шеуджен 2009 – *Шеуджен Э.А.* Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. – Майкоп: Изд. АГУ, 2009. – 42 с.

Эшба 2016 – *Эшба Э.Д.* Черкесский фактор в системе международных отношений на Кавказе в XIX – начале XXI вв.: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2016. – 202 с.

Zhurtova 2017 – *Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Kononov A.A., Muratova E.G.* The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries // *Bylye Gody*. – 2017. – Vol. 45. – Is. 3. – P. 776–784.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *K voprosu o deyatel'nosti Vremennogo Kabardinskogo suda* [On the issue of the activities of the Provisional Kabardian Court]. In: *Arkhivy i obshchestvo*. – 2007. – № 3. – P. 50–57. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gendernyi element sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev (po materialam Kabardinskogo vremennogo suda (1822–1858))* [The gender element of the socionormative culture of Kabardians (based on the materials of the Kabardian Provisional Court (1822-1858))]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. – 2013. – № 2. – С. 87–98. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian Provisional Court in the context of Kabarda's integration into the Russian Empire in the second quarter of the XIX century]. In: *Kavkazskii sbornik. T. 9 (41)*. – Moskva: MGIMO, 2015. – P. 150–170. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century] – Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Vzaimodeistvie uchrezhdenii lokal'nogo sudebno-administrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1793–1822 gg.* [Interaction of institutions of local judicial and administrative control in the Central Caucasus in 1793-1822]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – № 3. – P. 77–95. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Mozdokskii verkhniy pogranichnyi sud v politike Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze v 1793–1822 gg.* [Mozdok Upper Frontier Court in the politics of the Russian Empire in the North Caucasus in 1793-1822] – Nal'chik: Izdatel'skii otel IGI KBNTs RAN, 2019. – 124 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Deloproizvodstvennaya praktika Kabardinskogo Vremennogo suda: dokumental'noe izmerenie regional'noi integratsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 1822–1858 gg.* [The clerical practice of the Kabardian Provisional Court: a documentary dimension of the regional integration of the Peoples of the Central Caucasus in 1822-1858]. In: *Novoe proshloe*. – 2023. – № 1. – P. 48–63. (In Russ.).

AGAKERIMOVA CH.A. *Vzaimodeistvie v Dagestane adata, shariata i zakonov Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoi aspect* [Interaction of the Adat, Sharia and the Laws of the Russian Empire in Dagestan: historical and legal aspect]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2008. – 42 p. (In Russ.).

ADZHIGOVA A.M. *Ingushetiya v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX veka* [Ingushetia in the Russian civilizational process in the second half of the XIX – first third of the XX century]: dis. ... kand. istor. nauk. – Nal'chik, 2017. – 217 p. (In Russ.).

Administrativnaya integratsiya narodov Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii [Administrative integration of the peoples of the North-West and Central Caucasus into the Russian Empire]. *Sbornik dokumentov i materialov. T. II. Ch. I. 2-e*

pererabotannoe i dopolnennoe / sostavitel' i avtor vvodnoi stat'i Z.Zh. Glasheva. – Nal'chik: Print Tsentr, 2023. – 816 p. (In Russ.).

Administrativnaya integratsiya narodov Severo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii [Administrative integration of the peoples of the North-West and Central Caucasus into the Russian Empire]. Sbornik dokumentov i materialov. T. II. Ch. II. 2-e pererabotannoe i dopolnennoe / sostavitel' i avtor vvodnoi stat'i Z.Zh. Glasheva. – Nal'chik: Print Tsentr, 2023. – 800 p. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII do 1870 g. (na materialakh Osetii) [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870 (based on materials from Ossetia): collection of documents]: sbornik dokumentov / sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhizde. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

ADRIAINEN S.V. *General Ermolov na Kavkaze: voina radi mira* [General Ermolov in the Caucasus: war for peace]. In: Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik. – 2016. – Vyp. 2. – P. 146–151. (In Russ.).

AILAROVA S.A. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' narodov Severnogo Kavkaza: XIX vek* [Socio-political thought of the peoples of the North Caucasus: the XIX century]: dis. ... d-ra istor. nauk. – Vladikavkaz, 2003. – 500 p. (In Russ.).

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission] / Pod red. A.P. Berzhe. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1866–1904. – T. 1–12. (In Russ.).

ALOEV T.KH. *Marg"ushchei («Margushevskii aul»)* – Locus majoris Kabardy v period ermolovskogo nastupleniya (1819–1822) [Margushchy ("Margushevsky aul") – Locus majoris of Kabarda during the Yermolov offensive (1819–1822)]. In: Vestnik KBIGI. – 2020. – № 4-2 (47). – P. 7–13. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya upravleniya Tsentra Kavkazskoi linii v 30–50-kh gg. XIX v.* [Office documentation of the management of the Center of the Caucasian line in the 30–50s of the XIX century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 1. – P. 30–47. (In Russ.).

AMIROVA Z.M. *Uchastie narodov Severnogo Kavkaza v Russko-turetskoi voine (1877–1878 gg.)* [Participation of the peoples of the North Caucasus in the Russo-Turkish War (1877–1878)]. – Makhachkala: Epokha, 2005. – 187 p. (In Russ.).

ARAPKHANOVA L.YA., DOLGIEVA M.B. *Gorskaya aristokratiya v sisteme rossiiskogo administrirovaniya na Severnom Kavkaze v XVIII–XIX vv.* [The Mountain aristocracy in the system of Russian administration in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. In: Voprosy politologii. – 2018. – T. 8. – № 9 (37). – P. 490–497. (In Russ.).

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkessov (adygov) v Turtsiyu (1848–1874). Chast' 2 [Archival materials on the Caucasian War and the expulsion of Circassians (Adygs) to Turkey (1848–1874)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 415 p. (In Russ.).

BABICH I.L. *Sudebnaya reforma i obychnoe pravo v adygskoi obshchine* [Judicial reform and customary law in the Adyghe community]. In: Etnograficheskoe obozrenie. – 1999. – № 2. – P. 17–30. (In Russ.).

BEGEULOV R.M. *Problemy integratsii Karachaya v sostav Rossii: avgustovskoe vosstanie 1855 g.* [Problems of Karachai's integration into Russia: The August Uprising of 1855]. In: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». – 2021. – T. 12. – Vypusk 10 (108). Rezhim dostupa: <https://history.jes.su/s207987840016871-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840016871-7. (In Russ.).

BLEIKH N.O. *Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.)* [Socio-cultural aspects of the development of enlightenment in the North Caucasus (the second half of the XVIII – early XX centuries)]: dis. ... d-ra istor. nauk. – Vladikavkaz, 2009. – 383 p. (In Russ.).

VELIKAYA E.V., VELIKAYA N.N. *Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.)* [Peaceful forms of integration of the North-Eastern Caucasus into the Russian Empire (1801–1859) Specifics of]. – Armavir: RIO AGPU, 2015. – 252 p. (In Russ.).

VINOGRADOV B.V. *Spetsifika rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg.* [Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816]: dis. ... d-ra istor. nauk. – Armavir, 2006. – 578 p. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. *Obshchestvo vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze: mezhdru missionerstvom i tsivilizatorstvom (1860–1885)* [The Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus: between Missionary Work and Civilisation (1860–1885)]. In: Rossiiskaya istoriya 2019. – Vyp. 6. – С. 105–126. Rezhim dostupa: <https://russian-history.ru/S086956870007390-0-1> (data obrashcheniya: 29.05.2024). DOI: 10.31857/S086956870007390-0 (In Russ.).

GANICH A.A. *Cherkesy v Iordanii: osobennosti istoricheskogo i etnokul'turnogo razvitiya* [Circassians in Jordan: features of historical and ethnocultural development]. – M.: ISAA MGU, 2007. – 272 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of Kabardians. The first half of the XIX century] – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 427 p. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Osnovnye napravleniya politiki Rossiiskoi imperii na Kavkaze v kontse XVIII v.* [The main directions of the policy of the Russian Empire in the Caucasus at the end of the XVIII century]. In: Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. – 2019. – T. 11. – № 3. – P. 216–230. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Pervoe Kavkazskoe namestnichestvo: osobennosti uchrezhdeniya i funktsionirovaniya* [The First Caucasian Viceroyalty: features of its establishment and functioning]. In: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2020. – № 1. – P. 16–20. (In Russ.).

GUROVA E.A. *Imperskaya sotsiokul'turnaya praktika v protsesse prisoedineniya i osvoeniya inoetnichnykh okrain (na primere Severnogo Kavkaza XIX veka)* [Imperial socio-cultural practice in the process of annexation and development of non-ethnic suburbs (on the example of the North Caucasus of the XIX century)]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Armavir, 2022. – 21 p. (In Russ.).

GUTNOV F.KH. *Obychnoe pravo osetin. Chast' I. Adaty tagaurskogo obshchestva (spisok Nordenstrenga. 1844 g.)* [The customary law of the Ossetians. Part I. The adats of the Tagaur Society (Nordenstrang's list. 1844)]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 167 p. (In Russ.).

GUTNOV F.KH. *Funktsii znati Zapadnoi Osetii* [The functions of the nobility of Western Ossetia]. In: Dar'yal. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal. – 2014. – № 1. Rezhim dostupa: http://www.darial-online.ru/material/2014_1-gutnov/ (data obrashcheniya: 29.05.2024); (In Russ.).

GUTNOV F.KH. *Normy obychnogo prava osetin. Chast' II. Adaty obshchestv Zapadnoi Osetii* [Norms of Ossetian customary law. Part II. Adats of the societies of Western Ossetia]. – Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 2015. – 322 p. (In Russ.).

DZAGUROV G.A. *Pereselenie gortsev v Turtsiyu. Materialy po istorii gorskikh narodov* [The resettlement of the highlanders to Turkey. Materials on the history of the mountain peoples]. – Rostov-na-Donu: Sevkavkniga, 1925. – 211 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Kavkazskaya voyna i ee interpretatsiya v otechestvennoi istoriografii i obshchestvennom soznanii: «cherkesskii vzglyad»* [The Caucasian War and its interpretation in Russian Historiography and public Consciousness: "Circassian view"]. In: Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. – 2014. – № 1. – P. 37–46. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F., MURATOVA E.G., BOROV A.KH., VARIVODA N.V., ABAZOV A.KH., PRASOLOV D.N. *Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu* [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and Political Unity]. – Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2018. – 266 p. (In Russ.).

DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Mahadjirism and problems of the history of Abkhazia of the XIX century]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Posrednichestvo v razreshenii bytovykh konfliktov v kul'ture gortsev Kavkaza* [Mediation in the resolution of domestic conflicts in the culture of the highlanders of the Caucasus]. In: *Kunstkamera*. – 2021. – 4(14). – P. 122–132. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-122-132. (In Russ.).

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh gg. XIX v. (po materialam UTsGA AS KBR) [Documents on the history of the Adygs of the 20-50s of the XIX century (based on the materials of the UCGA AS KBR)] / sost. Z.M. Kesheva. – Nal'chik: Izdatel'skii otel KBIGI, 2011. – 202 p. (In Russ.).

ERMOLOV A.P. *Kavkazskie pis'ma 1816–1860* [Caucasian Letters 1816-1860] / Otv. red. Ya.A. Gordin. – SPb.: Zvezda, 2014. – 834 p. (In Russ.).

ZHELOBOV V.N. *Kubanskoe kazach'e voisko v Russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.* [Kuban Cossack army in the Russian-Turkish War of 1877-1878]: dis. ... kand. ist. nauk. – Krasnodar, 2017. – 227 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A. *Osmyslenie integratsii severokavkazskikh narodov v sostav Rossii v kontekste natsional'no-regional'nogo istoricheskogo razvitiya* [Understanding the integration of the North Caucasian peoples into Russia in the context of national and regional historical development]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – № 4. – P. 95-115. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., KUMAKHOVA Z.KH., KONOVALOV A.A. *Problemy istorii i istoriografii narodov Severnogo Kavkaza v issledovaniyakh P.A. Kuz'minova* [Problems of history and historiography of the peoples of the North Caucasus in the research of P.A. Kuzminov]. In: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2022. – № 6. – P. 9–23. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39032 EDN: EDZHDO Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39032. (In Russ.).

ZAPOROZHTSEVA O.A. *Administrativnaya deyatel'nost' A.F. Rebrova na Kavkaze v period upravleniya generalom A.P. Ermolovym* [A.F. Rebrov's administrative activity in the Caucasus during the administration of General A.P. Ermolov]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. – 2018. – № 4. – P. 56–61. (In Russ.).

IVAZOVA S.YU. *Nekotorye aspekty obychnogo prava v zhizni kabardintsev v kontse XIX – nachale XX v.* [Some aspects of customary law in the life of Kabardians in the late XIX – early XX centuries]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2016. – Tom 8. – № 5/2. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-obychnogo-prava-v-zhizni-kabardintsev-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (data obrashcheniya: 28.05.2024). (In Russ.).

Istoriya adygov v dokumentakh Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva [The history of the Adygs in the documents of the Ottoman State Archive]. Vyp. 1. / Sost. A.V. Kushkhabiev. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2009. – 404 p. (In Russ.).

Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early XIX – early XX centuries. The Caucasus and the Russian Empire] / Sost. Ya.A. Gordin. – SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. – 720 p. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the All-Russian management system (the second half of the XVIII - early XX century)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov* [The Genocide of the Adygs]. – Nal'chik: Logos, 1992. – 200 p. (In Russ.).

KISHMAKHOV M.KH-B. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury ubykhov* [Problems of ethnic history and culture of the Ubykhs]. – Sukhum Karachaevsk: AbIGI, 2012. – 832 p. (In Russ.).

KLYCHNIKOV YU.YU. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze: 1827-1840 gg.* [Russian Policy in the North Caucasus: 1827-1840]: dis. ... d-ra istor. nauk. – Pyatigorsk, 2004. – 636 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeystviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya* [Ossetia of the late XVIII – early XX centuries: the experience of historical interaction between traditional and public administration]: dis. ... d-ra istor. nauk. – Vladikavkaz, 2010. – 484 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Ot samoupravleniya k imperskomu poryadku: opyt sozdaniya nizovykh upravlencheskikh struktur na Tsentral'nom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [From self-government to the Imperial order: the experience of creating grassroots management structures in the Central Caucasus (second half of the XIX - early XX century)]. In: *Izvestiya SOIGSI*. – 2012. – Vyp. 8 (47). – P. 13–29. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. Ladonina N.A. *Razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Osetii vo vtoroi polovine XIX veka* [The development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century]. – Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN i Pravitel'stva RSO-A, 2017. – 321 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Nachal'naya tserkovnaya shkola v Osetii: mezhdru missionerstvom i prosveshcheniem* [Primary Church School in Ossetia: between missionary work and education]. In: *Kavkaz: perekrestok kul'tur*. – SPb.: MAE RAN, 2018. – Vyp. 2. – P. 53–79. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [The North Caucasian historiographical tradition: the second half of the XVIII – early XX century]. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. – 524 p. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E. *Kavkazskaya Arkheograficheskaya komissiya (k 150-letiyu so dnya osnovaniya)* [Caucasian Archaeographic Commission (on the 150th anniversary of its foundation)]. In: *Stavropol'skii khronograf na 2014 god*. – Stavropol', 2014. – P. 65–69. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *K probleme institutsional'nogo oformleniya kavkazovedeniya v imperatorskoi Rossii* [On the problem of the Institutional design of Caucasian Studies in Imperial Russia]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – № 2. – P. 55–68. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. *Rol' uchastnikov proekta po sboru adatov kavkazskikh gortsev v konstruirovanii imperskogo znaniya o Severnom Kavkaze (1840-e gg.)* [The role of the participants in the project to collect the adats of the Caucasian Highlanders in the construction of imperial knowledge about the North Caucasus (1840s)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2022. – № 1 – P. 68–76. (In Russ.).

KORNAKOVSKII I.L. *K voprosu ob istochnikakh po istorii krest'yanstva Severnogo Kavkaza* [On the issue of sources on the history of the peasantry of the North Caucasus]. In: *Rossiiskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo v kontekste regional'noi istorii. Materialy VII Vserossiiskoi (XV regional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya*. – Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – P. 68–76. (In Russ.).

KRASNYAKOV N.I. *Regional'no-namestnicheskoe pravlenie v kavkazskikh territoriyakh Rossiiskoi imperii* [Regional viceroyalty in the Caucasian territories of the Russian Empire]. In: *Yuridicheskie issledovaniya*. – 2014. – № 3. – P. 40–69. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11032 Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11032. (In Russ.).

KRYMSHOKALOVA F.KH. *Istochniki obychnogo prava kabardintsev v XVIII – vtoroi polovine XIX vekov* [Sources of Kabardian customary law in the XVIII – second half of the XIX centuries]: dis. ... kand. yurid. nauk. – Nal'chik, 2007. – 170 p. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [The Adygs (Circassians) of the Northwestern Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society]. – Maikop: Magarin O.G., 2014. – 388 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., URUSOVA A.A. *Nekotorye problemy arkheografii i regional'nogo istochnikovedeniya administrativnoi politiki Rossii na Kavkaze (na materiale rabot E.I. Kobakhidze)* [Some problems of archaeography and regional Source studies of Russia's Administrative Policy in the Caucasus (based on the works of E.I. Kobakhidze)]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2015. – № 4 (84). – P. 61–67. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Problemy otkrytiya novykh nauchnykh uchrezhdenii po istorii narodov Severnogo Kavkaza v kontse XX – nachale XXI vv.* [The problems of opening new scientific institutions on the history of the peoples of the North Caucasus in the late XX – early XXI centuries]. In: Vestnik ekspertnogo soveta. – 2016. – № 1 (4). – P. 40–49. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Rossiia i gorskie narody Severnogo Kavkaza v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: al'ternativnye formy vzaimodeistviya* [Russia and the mountain peoples of the North Caucasus at the end of the XVIII – first half of the XIX century: alternative forms of interaction]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2017. – № 4. – P. 64–83. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspory* [Essays on the history of the Circassian Diaspora abroad]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Sotsial'no-politicheskie aspekty adaptatsii cherkesskikh immigrantov v Osmanskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Po dokumentam Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva Turtsii* [Socio-political aspects of the adaptation of Circassian immigrants to the Ottoman Empire in the second half of the XIX – early XX century. According to the documents of the Ottoman State Archive of Turkey]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2010. – № 4 (36). – P. 122–128. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nal'chik: Izd-vo KBNTs RAN, 2013. – 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Istoriya zarubezhnoi cherkesskoi diaspory* [The history of the Circassian Diaspora abroad]. Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, pererab. i dop. – Nal'chik: KBNTs RAN, 2023. – 248 p. (In Russ.).

LADONINA N.A. *Realizatsiya pravitel'stvennoi obrazovatel'noi politiki v Osetii v 60-kh gg. XIX v.* [The implementation of government educational policy in Ossetia in the 60s of the XIX century]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. – № 11 (61): v 3-kh ch. – Ch. I. – C. 95–98. (In Russ.).

LAZARYAN S.S. A.P. *Ermolov i M.S. Vorontsov: strategii pokoreniya Kavkaza v leksiko-semanticheskom otrazhenii* [A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov: strategies for conquering the Caucasus in lexical and semantic reflection]. In: Dialog so vremenem. – 2017. – Vyp. 58. – P. 224–241. Rezhim dostupa: <https://roii.ru/r/1/58.12> (data obrashcheniya: 29.05.2024). (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [The adats of the Caucasian highlanders. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Vyp. 1–2. – Odessa: tip. P.V. Zelenina, 1882–1883. (In Russ.).

MAGOMEDDADAIEV A.M. *Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu* []. – Makhachkala: DNTs RAN, 2001. – 212 p. (In Russ.).

MAGOMEDOVA Z.A. *Voprosy musul'manskogo prava v epistolyarnykh istochnikakh dagestanskogo proiskhozhdeniya XIX – nachala XX vv.* [Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire]. In: ACTA HISTORICA: trudy po istoricheskim i obshchestvovedcheskim naukam. – 2020. – T. 3. – № 2. – P. 13–17. (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N. *Prisoedinenie Kavkaza k Rossiiskoi imperii: istoriograficheskie itogo dorevolyutsionnogo etapa* [Questions of Muslim law in epistolary sources of Dagestan origin of the XIX – early XX centuries]. In: Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya. – Minsk: BGU, 2012. – Vyp. 7. – C. 285–294. (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N., MANYSHEV S.B. «...Sobrat' iz arkhivov glavneishie akty i svedeniya...» (*Kavkazskaya arkheograficheskaya komissiya i arkhivnoe delo na Kavkaze vo vtoroi polovine XIX v.*) [The Annexation of the Caucasus to the Russian Empire: historiographical totals of the pre-revolutionary stage]. In: Novoe proshloe. – 2020. – № 2. – P. 44–61. (In Russ.).

MALAKHOV D.A. *Namestnichestvo kak faktor vnutrennei i vneshnei politiki Rossii na Severnom Kavkaze v XVIII – nachale XX veka.* ["... To collect the most important acts and information from the archives..." (The Caucasian Archeographic Commission and Archival affairs

in the Caucasus in the second half of the XIX century)]]: dis. ... kand. istor. nauk. – Stavropol', 2011. – 220 p. (In Russ.).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v XVIII–XIX vv.* [Viceroyalty as a factor of Russia's domestic and foreign policy in the North Caucasus in the XVIII – early XX century]: dis. ... d-ra istor. nauk. – M., 2001. – 504 p. (In Russ.).

MAL'BAKHOV B.K. *Rol' istochnika v issledovanii regional'noi istorii* [Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. In: *Kavkazovedenie: opyt issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Vladikavkaz, 13-14 oktyabrya 2005 g.). Rezhim dostupa: <https://kvkz.ru/stati/2382-rol-istochnika-v-issledovanii-regionalnoj-istorii.html> (data obrashcheniya: 29.05.2024). (In Russ.).

MANYSHEV S.B., MUKHANOV V.M. *Frantsuzskii vzglyad na Severnyi Kavkaz* [The role of the source in the study of regional history]. In: *Novoe proshloe*. – 2023. – № 1. – P. 292–301. (In Russ.).

MASHUKOVA A.P. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v gody Krymskoi voyny (1853-1856)* [French view of the North Caucasus]: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. – Nal'chik: KBGU, 2012. – 23 p. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Institut abrechestva i ego transformatsiya na Tsentral'nom i Severo-Zapadnom Kavkaze v period s XVIII po 30-e gody XX veka (na adygskom materiale)* [The North-Western Caucasus during the Crimean War (1853-1856)]. In: *Adygi: istoriya, kul'tura, mental'nost'*. – Maikop, 2015. – P. 102–121. (In Russ.).

MIRZOEV A.S. *Transformatsiya instituta krovnnoi mesti u narodov Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: faktory, mekhanizmy, kazusy* [The Institution of the Priesthood and its transformation in the Central and North-Western Caucasus in the period from the XVIII to the 30s of the XX century (based on the Adyghe material)]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 3. – P. 79–110. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva v kontekste rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze (XVII – nachalo XX veka)* [Balkarian Societies in the Context of Russian Politics in the North Caucasus (XVII – early XX century)]: dis. ... dok. ist. nauk. – Nal'chik, 2006. – 567 p. (In Russ.).

MUSAEVA A.G. *Adatno-shariatskoe upravlenie v Dagestane* [Adat-Sharia governance in Dagestan]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2014. – № 5. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15091> (data obrashcheniya: 28.05.2024). (In Russ.).

MUSAEVA A.G. *Voprosy formirovaniya i razvitiya sistemy prava i obshchestvennykh otnoshenii narodov Dagestana v rabotakh rossiiskikh uchenykh* [Issues of formation and development of the system of law and public relations of the peoples of Dagestan in the works of Russian scientists]. In: *Fundamental'nye issledovaniya*. – 2014. – № 11-8. – S. 1864–1868; Rezhim dostupa: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35863> (data obrashcheniya: 28.05.2024). (In Russ.).

MUTAEV S.S.-A. *Narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v «epokhu velikikh reform» 60-70-kh godov XIX veka: regional'nye osobennosti i rezul'taty modernizatsionnykh preobrazovaniy* [The peoples of the North-Eastern Caucasus in the "era of great reforms" of the 60-70s of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Stavropol', 2020. – 28 p. (In Russ.).

Narody Tsentral'nogo Kavkaza v 40-kh – nachale 60-kh godov XIX veka. Sbornik dokumental'nykh materialov [The peoples of the Central Caucasus in the 40s – early 60s of the XIX century] / Sost. P.A. Kuz'minov, B.K. Mal'bakhov. V 2-kh t. – M.: Pomatur, 2005. – T. 1. – 368 p.; – T. 2. – 392 p. (In Russ.).

NEMASHKALOV P.G. *Stanovlenie i funktsionirovanie eparkhial'noi sistemy upravleniya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na Severnom Kavkaze (konets XVIII – 60-e gody XIX vv.)* [Formation and functioning of the diocesan system of government of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus (late XVIII – 60s of the XIX century)]: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. – Stavropol', 2020. – 40 p. (In Russ.).

OVSYANNIKOV D.V. *K voprosu o pokhode imama Shamilya v Kabardu 1846 g.* [On the issue of Imam Shamil's campaign in Kabarda in 1846]. In: *Bylye gody*. – 2018. – T. 49 (3). – P. 1092–1100. (In Russ.).

PANESH A.D. *Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Angliei i Imatom Shamilya v XIX v.* [Western Circassia in the system of interaction between Russia and Turkey, England and the Imamate of Shamil in the XIX century]. – Maikop: MGTU, 2007. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Zemskii vopros v obshchestvenno-gosudarstvennom vzaimodeistvii na Kavkaze v kontse XIX – nachale XX v.* [The Zemstvo question in public-state interaction in the Caucasus at the end of the XIX – beginning of the XX century]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 4. – P. 69–94. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in political culture]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2022. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Prazdniki kak resurs vlasti v politicheskoi kul'ture Tsentra Kavkazskoi linii* [Holidays as a resource of power in the political culture of the Center of the Caucasian Line]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnykh issledovaniy*. – 2023. – № 1 (56). – P. 30–37. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.) [The problems of the Caucasian War and the eviction of Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the XIX century.)]. *Sbornik arkhivnykh dokumentov / Sostavitel' T.Kh. Kумыков*. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 496 p. (In Russ.).

RABADANOVA A.U. *Narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v seredine XVIII – nachale XIX v. (problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i gosudarstvenno-politicheskogo ustroystva)* [Peoples of the North-Eastern Caucasus in the middle of the XVIII – early XIX century. (problems of socio-economic development and state-political structure)]: dis. ... kand. istor. nauk. – Astrakhan', 2015. – 209 p. (In Russ.).

SABANCHIEVA L.KH. *Gendernyi faktor traditsionnoi kul'tury kabardintsev (vtoraya polovina. XVI – 60-e gody XIX veka)* [The gender factor of the Kabardian traditional culture (the second half. XVI – 60s of the XIX century)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2005. – 245 p. (In Russ.).

SELIMOVA A.M. *Ugolovno-pravovye konflikty i sposoby ikh razresheniya v Dagestane v XIX – nachale XX vv.* [Criminal law conflicts and ways to resolve them in Dagestan in the nineteenth and early twentieth centuries]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2018. – 177 p. (In Russ.).

SOZAEV A.B. *Narodnoe obrazovanie v Terskoi oblasti v 60-kh gg. XIX v. – 1917 g.* [Public education in the Tersk region in the 60s of the XIX century. – 1917]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Vladikavkaz, 2009. – 26 p. (In Russ.).

STEPANENKO N.S. *Lokal'nye pereseleniya na Severo-Zapadnom Kavkaze v usloviyakh integratsii regiona v sostav Rossiiskoi imperii (1830–1860-e gg.)* [Local migrations in the Northwestern Caucasus in the context of the region's integration into the Russian Empire (1830s–1860s)]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Pyatigorsk, 2022. – 30 p. (In Russ.).

SUDAVTSOV N.D. *Akty kavkazskoi arkheograficheskoi komissii kak vazhnyi istochnik po istorii Kavkaza* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission as an important source on the history of the Caucasus]. In: *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburskogo prava, Vitebsk, 20-21 aprelya 2017 g.* – Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2017. – P. 113–116. (In Russ.).

TKACHENKO D.S. *Kavkazskaya politika Rossii po dokumentam lichnogo arkhiva G.V. Rozena* [The Caucasian policy of Russia according to the documents of the personal archive of G.V. Rosen]. In: *Vestnik arkhivista*. – 2018. – № 4. – P. 1069–1080. doi 10.28995/2073-0101-2018-4-1069-1080. (In Russ.).

TKACHENKO D.S. *Organizatsiya izucheniya sopredel'nykh Kavkazu zemel' A.P. Ermolovym v 1816-1823 gg.* [Organization of the study of the lands adjacent to the Caucasus by A.P. Ermolov in 1816-1823]. In: Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 2. – P. 69–76. (In Russ.).

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [The tragic consequences of the Caucasian War for the Adygs. The second half of the XIX – the beginning of the XX century] / Sost.: R.Kh. Gugov, Kh.A. Kasumov, D.V. Shabaev. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 463 p. (In Russ.).

TREPAVLOV V. *Russkii tsar' v nekhristianskikh kul'takh Rossiiskoi imperii* [The Russian Tsar in the Non-Christian Cults of the Russian Empire]. In: Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. – 2017. – № 2. – P. 222–240. (In Russ.).

URUSOV A.A. *Posledstviya pokhoda imama Shamilya na Kabardu v aprele 1846 g.: prichiny, obstoyatel'stva, posledstviya* [The consequences of Imam Shamil's march on Kabarda in April 1846: causes, circumstances, consequences]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 11-3 (61). – P. 161-165. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *Kavkaz v kontse XIX – nachale XX v.: problemy upravleniya i modernizatsii na yuzhnoi okraine Rossiiskoi imperii* [The Caucasus in the late XIX – early XX centuries: problems of management and modernization in the southern outskirts of the Russian Empire]. In: Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – P. 144–157. (In Russ.).

URUSHADZE A.T., KRINKO E.F., CHELPANOVA D.D., IOS'KO A.A. *Protestnye dvizheniya na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachalo XX vv.: prichiny, kharakter, znachenie* [Protest movements in the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries: causes, nature, significance]. In: Bylye gody. – 2016. – T. 42 (4). – P. 1198–1207. (In Russ.).

USMANOVA Z.R. *Protsess vnedreniya rossiiskoi voenno-administrativnoi sistemy v Chechne i Dagestane v kontse 1830-kh – nachale 1840-kh gg.* [The process of introducing the Russian military-administrative system in Chechnya and Dagestan in the late 1830s and early 1840s.]. In: Bylye gody. – 2021. – № 16 (2). – P. 661–668. (In Russ.).

FEDOSEEVA L.D. *Ermolov na Kavkaze* [Ermolov in the Caucasus]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 4. – P. 11–14. (In Russ.).

KHARSIEV B.M.-G. *Obychai sem'i i semeinogo byta gortsev Kavkaza s kontsa XIX do serediny XX veka* [Customs of the family and family life of the mountaineers of the Caucasus from the end of the XIX to the middle of the XX century]. – Magas: Pilgrim, 2015. – 140 p. (In Russ.).

KHLYNINA T.P., KRINKO E.F., URUSHADZE A.T. *Rossiiskii Severnyi Kavkaz: istoricheskii opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona* [The Russian North Caucasus: the historical experience of managing and shaping the borders of the region]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 272 p. (In Russ.).

TSIBENKO V.V. *Faktor natsiestroitel'stva v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na primere deyatel'nosti cherkesskikh organizatsii v Turtsii (XIX–XXI vv.)* [The factor of nation-building in the system of international relations on the example of the activities of Circassian organizations in Turkey (XIX–XXI centuries)]: dis. ... d-ra ist. nauk. – M., 2022. – 565 p. (In Russ.).

SHAVLOKHOVA E.S. *Adaty i ikh vliyanie na sotsial'nuyu strukturu, i pravovye otnosheniya v srede gorskikh narodov v kontse XIX v.* [The Adats and their influence on the social structure and legal relations among the mountain peoples at the end of the XIX century]. In: Bylye gody. – 2014. – № 4(2). – P. 252–256. (In Russ.).

SHEUDZHEN E.A. *Kavkazskaya voyna v prostranstve istoricheskoi pamyati. K 145-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voyny* [The Caucasian War in the space of historical memory. On the 145th anniversary of the end of the Caucasian War]. – Maikop: Izd. AGU, 2009. – 42 p. (In Russ.).

ESHBA E.D. *Cherkesskii faktor v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na Kavkaze v XIX – nachale XXI vv.* [The Circassian factor in the system of international relations in the Caucasus in the XIX – early XXI centuries]: dis. ... kand. istor. nauk. – M., 2016. – 202 p. (In Russ.).

ZHURTOVA A.A., KUZ'MINOV P.A., KONOVALOV A.A., MURATOVA E.G. The problem of Russian-Caucasian historical interaction in the domestic liberal historiography of the late XVIII – XIX centuries // *Bylye Gody*. – 2017. – Vol. 45. – Is. 3. – P. 776–784. (In Eng.).

Информация об авторах

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук, доцент.

А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент.

Д.М. Алхасова – младший научный сотрудник.

Information about the authors

A.V. Kushkhabiev – doctor of sciences (History), associate professor.

A.A. Zhurtova – candidate of sciences (History), associate professor.

D.M. Alkhasova – junior researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. А.А. Журтова – «Осмысление источников по проблеме политико-правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в современной историографии», заключение; Д.М. Алхасова – «Проблема взаимодействия российских судебно-административных учреждений с народами Центрального Кавказа в опубликованных сборниках документов»; А.В. Кушхабиев – «Проблемы выселения народов Северного Кавказа в Османскую империю в опубликованных документах российских и зарубежных архивов», заключение. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. A.A. Zhurtova – "Understanding the sources on the problem of political and legal integration of the North Caucasus into Russia in modern historiography," conclusion; D.M. Alkhasova – "The problem of interaction of Russian judicial and administrative institutions with the peoples of the Central Caucasus in published collections of documents"; A.V. Kushkhabiev – "Problems of emigration of the peoples of the North Caucasus to the Ottoman Empire in published documents of Russian and foreign archives," conclusion. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-256-277
EDN: IDQGYM

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БАЛКАРЦЕВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Проведен обзор основных статистических источников по истории балкарцев последней трети XIX – начала XX в. Источниковую базу составили как изданные Терским областным статистическим комитетом сборники, так и архивные материалы демографической статистики балкарцев. Показаны высокий информационный потенциал этого вида исторических источников и возможность применения количественных методов их анализа. Впервые введены в научный оборот первичные материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. – списки населенных мест, имеющие отношение к балкарскому населению Нальчикского округа Терской области, извлеченные из фонда 1290 (Центральный статистический комитет) Российского государственного исторического архива. Сделан вывод о значимости данного источника для моделирования поселенческой сети Балкарии конца XIX – начала XX в. и для изучения истории образования различных населенных пунктов.

Ключевые слова: статистические источники, Списки населенных мест, Посемейные списки, балкарцы, Первая всеобщая перепись населения 1897 г., переписные листы, источниковедческий анализ, статистико-математические методы, вторая половина XIX – начало XX века.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Статистические источники по истории балкарцев последней трети XIX – начала XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 256-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-256-277. EDN: IDQGYM.

© Муратова Е.Г., 2024

Original article

STATISTICAL SOURCES ON THE HISTORY OF THE BALKARIANS OF THE LAST THIRD OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. A review of the primary statistical sources on the history of the Balkars in the final part of the last third of the 19th and early 20th centuries is conducted. The source base included collections issued by the Terek Regional Statistical Committee as well as archival Balkar demographic statistics sources. This sort of historical material has a great information potential and may be analyzed quantitatively. The primary materials of the First General Population Census of 1897 were introduced into scientific circulation for the first time: lists of settlements related to the Balkarian population of the Nalchik district of the Terek region, extracted from the Russian State Historical Archive's 1290 fund (Central Statistical Committee). The conclusion is made about the importance of this source for modeling the settlement network of Balkaria in the late 19th – early 20th centuries and for studying the history of the formation of various settlements

Keywords: statistical sources, Lists of populated places, Family lists, Balkars, First General Census of 1897, census forms, source analysis, statistical and mathematical methods, second half of the 19th – early 20th centuries.

For citation: Muratova E.G. Statistical sources on the history of the Balkarians of the last third of the 19th – early 20th centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 256-277. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-256-277. EDN: IDQGYM.

© Muratova E.G., 2024

Среди разнообразного корпуса источников по истории и этнографии балкарцев последней трети XIX – начала XX в. специального внимания заслуживают статистические источники. По определению, выработанному отечественными источниковедами, «статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные, целенаправленно собираемые для принятия обоснованных управленческих решений». Поскольку статистические источники возникают в процессе сбора, обработки, анализа и публикации информации, они включают разноплановые документы, начиная с формуляров текущего учета и программ специальных статистических обследований и заканчивая первичными учетными документами, такими как карточки, бланки, анкеты, ведомости, отчеты и сводки первичных статистических данных [Голиков, Круглова 2012: 308]. Как правило, обработка данных заканчивается публикацией статистических сборников.

В современном отечественном источниковедении материалы статистики заняли отдельное место в видовой классификации исторических источников. При этом, по заключению И.Д. Ковальченко, статистические источники наряду с другими видами документации относятся к «массовым историческим источникам», которые способны «отражать сущность и взаимодействие массовых объектов», а «следовательно, строение, свойства и состояние» изучаемых общественных систем [Массовые источники 1979: 6]. Следовательно, они не только допускают, но и требуют применения количественных методов анализа.

На примере кавказской статистики хорошо прослеживается, как в последней трети XIX в. произошел переход от экономико-географических и статистических описаний к комплексным статистическим исследованиям, дающим количественную характеристику основным явлениям исторической действительности. Большую роль в этом сыграл Терский областной статистический коми-

тет, образованный в 1872 г. Однако только в 1878 г. им был издан первый «Сборник сведений о Терской области». По мнению редакции сборника, «разнообразность племен, населяющих область и сохраняющих до сих пор все свои оригинальные бытовые черты и самобытную культуру» наряду с другими факторами «представляет громаднейший интерес и требует тщательной научной разработки, которая обещает дать весьма важные результаты не только для края, но и для науки вообще» [Сборник сведений 1878: 5]. Своей целью редакция видела «собрать имеющиеся наличные сведения о Терской области, по возможности проверить их, привести в систематический порядок и составить таким образом справочную книгу о Терской области» [Сборник сведений 1878: 6]. Основным материалом для составления книги послужили официальные сведения за 1876 г. Предполагалось, что сборник будет иметь не только научное, но и прикладное значение, представляя собой справочник для местной администрации. Что касается балкарцев, то в сборнике приводятся лишь общие сведения о том, что они образовывали пять «горских обществ: Урусбиевское, Чегемское, Балкарское, Безенгиевское и Хуламское, занимающих ущелья рек: Баксана, Чегема, Урвана и Черека», население которых составляло «4765 муж. и 4594 жен. и всего 9359 душ или 6 %» населения Пятигорского округа Терской области на 1 января 1877 г. [Сборник сведений 1878: 105].

К предыстории собственно демографической статистики можно отнести составление «Списков населенных мест Российской империи». Список населенных мест Терской области по сведениям 1874 г. был проверен секретарем Терского областного статистического комитета Н.А. Благовещенским и издан в Тифлисе Кавказским статистическим комитетом при главном управлении наместника Кавказского в 1878 г. [Списки населенных мест 1878]. Выборка населенных мест балкарцев из этого издания представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Список населенных мест Балкарии по сведениям 1874 г.

№	Название населенных мест	Положение	Число домов	Число жителей		Народность жителей	Вероисповедание жителей	Церкви и молитвенные здания, учебные и благотворительные заведения, почтовые станции, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т.п.
				м.п.	ж.п.			
				.	.			
Пятигорский округ (бывший, до мая 1874 года, Георгиевский)								
I участок								
79 1	Балкарское общество	На верховьях р. Черека и ее притоков	226	222 2	228 2	ттр. *)	сунн.	

79 2	Хуламское общ.	на притоках р. Черка, Черек-хаго	71	711	656	ттр.	сунн.	Мечеть
79 3	Безенгиевское общ.	На лев. Берегу притока Черка, Черек-хаго	66	507	482	ттр.	сунн.	Мечеть
II участок								
81 2	Урусбиевское общ.	в горах, в Баксанском ущелье, на р. Баксан, под Эльбрусом	233	160 3	144 7	ттр.	сунн.	Мечеть
82 3	Чегемское общество	В горах, в Чегемском ущелье, на р. Чегем, под главным перевалом в Сванетию	395	178 0	191 5	ттр.	сунн.	Мечеть
*) Под названием «кабардинских горцев», администрация подразумевает татар, родственников, кажется, карачаевцам в Кубанской области и крымским. Мы их обозначаем буквами <i>ттр.</i>								
Источник: [Списки населенных мест 1878]								

В 1882-1883 гг. по распоряжению начальника Терской области Е.К. Юрковского был составлен новый подробный список населенных мест, что дало возможность сравнения и анализа движения населения в области за десятилетие. Особенность этого списка заключается в том, что благодаря содействию управляющего Межевой частью М.З. Кипиани, кроме общепринятых сведений о положении населенных мест, числе дворов, жителей, народности и примечательностей каждого селения, в списки включены также сведения об их земельных наделах [Список населенных мест 1885]. Выборка населенных мест балкарцев по сведениям 1883 г. представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Список населенных мест Балкарии по сведениям 1883 г.

№	Название населенных мест	Положение	Число дворов	Население		Земельный надел		Народность жителей	Примечательности
				м.п.	ж.п.	Десят.	Са ж.		
Нальчикский округ									
1-й участок Горские общества									
22	Балкарское	На верх. р. Череха и ее притоках	475	2459	2251	81909		татары	13 мечетей
23	Хуламское	На прит. Р. Череха	185	645	468	52042		татары	2 мечети
24	Безенгиевское	На р. Черек-тахо	150	523	478			татары	3 мечети
25	Поселок Кашкатау	На р. Черек	61	169	152	800		татары	1 мечеть
2-й участок									
45	Гунделенова	На р. Гунделен	134	492	421	3200			2 мечети, правление
Горские общества									
49	Чегемское	На р. Чегеме	334	1687	1692	85212		татары	2 меч., правление
50	Урусбиевское	На р. Баксан	150	1051	1046	112707		татары	1 меч., правление
51	Поселок Этезовский	На р. Ксанте	26	136	114	-		татары	1 мечеть
Источник: [Список населенных мест 1885]									

В 1915 г. Терский статистический комитет опубликовал «Список населенных мест Терской области по данным к 1 июля 1914 г.» в расширенном форму-

ляре с указанием в разделе «землевладение» не только общей площади надела населенного места, но и количества удобной земли и леса; в разделе «народонаселение» – определение таких позиций как коренные и пришлые (в том числе оседлые или временно проживающие); для каждого населенного места описаны: округ благочиния, призывной участок, податный участок, акцизный округ, ветеринарный участок, судебно-следственный участок, судебно-мировой округ, почтовый адрес, расстояние от г. Владикавказа, от управления, отдела или округа и от ближайшей ж/д станции. Существенно, что в этих списках уже зафиксированы все поселки и населенные места, образующие отдельное балкарское общество, а также новые горские поселения, появившиеся в ходе земельной и сословной реформы в Терской области [Список населенных мест 1915].

В 1889 г. председатель Терского статистического комитета генерал-лейтенант А.М. Смекалов поручил секретарю комитета Е.Д. Максимова разработать программу сбора статистических сведений о населенных местах области. Была составлена программа обследования Терской области, которая включала сбор следующих данных: 1) число населенных мест, с отметками о правительственных учреждениях, 2) число дворов и жителей мужского и женского пола, с отметкой об их вероисповедании и национальности, 3) экономическая производительность населения, 4) платежеспособность. Таким образом, очевидно, что к демографическому обследованию были добавлены ключевые экономические показатели о количестве земли, численности скота, торговых и ремесленных заведений и др. Собранные количественные данные были опубликованы в семи выпусках «Статистических таблиц населенных мест Терской области» [Статистические таблицы 1890-1891]. Каждый выпуск содержал сведения в границах одной административной единицы, на которые делилась область по положению 1888 г. (Пятигорский, Сунженский, Кизлярский отделы, Владикавказский, Нальчикский, Грозненский, Хасав-Юртовский округа). Пятый выпуск включал статистические таблицы населенных мест Нальчикского округа и был помещен во II томе [Статистические таблицы 1890]. Таблицы планировались как основа для статистико-экономического описания Терской области. В результате разработки этих материалов появилась серия очерков, публиковавшихся в специальном издании статистического комитета – «Терском сборнике». Очерки строились на материалах об отдельных народах, проживавших в Терской области, хотя административное деление и соответствующие ему статистические таблицы не вполне учитывали национальный состав населения. В частности, очерк о балкарцах по неизвестным причинам не был даже запланирован, хотя соответствующие материалы в статистических таблицах имелись [Тютюнина 1990: 82].

С точки зрения официальной статистики большую источниковую ценность представляют «Терские календари», публиковавшиеся Терским областным статистическим комитетом с 1890 по 1915 годы. В них погодно изложены данные о населении, числе прибывших, количестве иногородних, отчеты о ежегодном состоянии области в экономике, здравоохранении, образовании, судебной части, занятиях населения и т.д. [Терский календарь 1890-1915]. Большинство статистических показателей в Терских календарях дается в обобщенном виде, в

разреze округов и отделов. Тем не менее могут быть извлечены и некоторые демографические сведения о балкарском населении. Для примера см. Таблицу 3, составленную на основе сведений об административно-полицейском делении Терской области на 1891 г.

Таблица 3. Сведения о населенных местах балкарцев по данным местной администрации за 1887-1890 гг.

Названия административных делений и главных населенных мест, с указанием расстояния от ближайшего города, примечательностей и народности жителей	Число остальных ближайших поселений	Число дворов			Общее число заведений			Общее число душ		
		В названном поселении	В остальных поселениях	Всего	Питейных	Торговых	промышленных	мужчин	Женщин	Всего
Селение Гунделен, от Нальчика 50 верст, сельское правление, 2 мечети, горцы		194		194				694	623	1317
Урусбиевское общество. От Нальчика 101 верста, сельское правление.	17	104	268	372		4	25	1422	1324	2746
Балкарское общество. Поселок Чегет-Эль. От Нальчика 60 верст, сельское правление, 1 (16) мечеть, 1 школа, горцы	18	33	621	654			81	2954	2656	5610
Чегемское общество. Пос. Чегемский. От Нальчика 100 верст, сельское правление, 1(11) мечеть, 1(7) школа, горцы	22	106	433	539		8	39	1845	1681	3526
Хуламское общество. Поселок Хуламский. От Нальчика 45 верст, 2(3) мечети, сельское правление, горцы	4	113	108	221			10	1073	1013	2086

Безингиевское общество. Поселок Безингиевский. От Нальчика 50 верст, сельское правление, 1 (1) мечеть, горцы	1	93	72	165			14	677	633	1310
Источник: [Терский календарь 1890: 112-113]										

Статистико-математический анализ демографической и социально-экономической структуры балкарских обществ последней четверти XIX – начала XX в. весьма продуктивно может быть осуществлен на основе посемейных списков, впервые составленных в 1886 г. с целью обложения мусульманского населения Терской области воинской повинностью. Подворные описи производились полицейскими чинами и подписывались доверенными от сельских обществ, а также старшиной и кадием. Документы, касающиеся балкарских населенных мест, отложились в фонде Нальчикского окружного полицейского управления Центрального государственного архива КБР [УЦГА АС КБР. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 13, 21, 33, 34]. Полностью сохранились посемейные списки Безингиевского, Хуламского, Урусбиевского и Чегемского обществ. Фрагменты предварительных списков самого крупного, Балкарского общества, встречаются в других фондах. Этот статистический источник представляет собой заполненные от руки бланки табличной формы, отпечатанные типографским способом и соединенные в объемные книги по несколько сот страниц. Формуляр переписного бланка состоит из 19 граф и включает: порядковый номер семьи, фамилию и имя главы семьи, его возраст, вероисповедание, грамотность, образование и место его получения, сословную принадлежность, состав семьи с указанием родственных отношений по отношению к главе семьи, суммарно количество женщин в семье, имущество с указанием всех видов скота, земельных угодий и недвижимого имущества (сакля, мельница, лавка, пасека), знание ремесла и наличие духовного сана и отметки о прибытии лиц после составления списка. Посемейные списки также содержат сведения о том, какие повинности и в каком размере несла каждая семья по раскладке общества, приводится величина казенной подати и средств на общественные потребности. Автором данной статьи осуществлено несколько исследовательских проектов, основанных на количественном анализе посемейных списков балкарских обществ за 1886 и 1905 гг. [Муратова 2013; Муратова 2023].

Сводные данные из посемейных списков балкарских обществ за 1905 г. были положены в основу трудов Комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области и хорошо сопоставимы с данными посемейных списков 1886 г. [Труды комиссии 1908: 61-77]. Архивисты и исследователи осуществили публикацию посемейных списков балкарских населенных мест последней четверти XIX – начала XX в. [Посемейные списки 2008; Посемейные списки 2009; Жангуразов 2013a; Жангуразов 2013b; Жангуразов 2013c], однако зачастую изменяя форму-

ляр первоисточников из-за отсутствия сведений в отдельных графах или обобщая однотипную информацию.

К концу XIX в. административно-полицейский учет населения уже не соответствовал потребностям государства. 28 января 1897 г. была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Использовались три формы переписных листов: для крестьянских хозяйств, для владельческих хозяйств и для городского населения. Программа переписи включала следующие вопросы: имя и фамилия, пол, возраст, отношение к главе семьи и к главе хозяйства, семейное положение, сословие, состояние или звание, место рождения, место приписки, обыкновенное место жительства, отметка о временном отсутствии или временном пребывании, вероисповедание, грамотность и образование, род занятий – ремесло, промысел, служба, при этом отмечалось главное или вспомогательное занятия [Гозулов 1936: 189-191]. Обработка и публикация результатов Первой всеобщей переписи населения растянулась до 1905 г. В 68 томе были опубликованы ее агрегированные результаты по Терской области [Первая всеобщая 1905]. Таким образом, Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. дала уникальный по разнообразию массив информации о населении страны, в том числе и важные социально-демографические характеристики балкарского населения (см. Таблицы 4, 5, 6). Всего же по переписи 1897 г. численность балкарского населения составляла 23184 человека [Первая всеобщая 1905: 60].

Таблица 4. Распределение балкарского населения по половозрастным группам в 1897 г.

Возрастные группы	Всего (чел.)		Доля в возрастной группе (%)	
	М	Ж	М	Ж
0-1	275	282	49.37	50.63
1-9	3429	3599	48.79	51.21
10-19	2358	2243	51.25	48.75
20-29	1701	1475	53.56	46.44
30-39	1452	1315	52.48	47.52
40-49	1107	1021	52.02	47.98
50-59	752	560	57.32	42.68
старше 60	822	783	51.22	48.78
неизвестный возраст	6	4		
итого	11902	11282	51.34	48.66
Источник: [Первая всеобщая 1905: 94-97]				

*Таблица 5. Половозрастная структура балкарцев
по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (%) **

дети мо- ложе 1 года		1-9 лет		10-19 лет		20-29 лет		30-39 лет		40-49 лет		50-59 лет		60 лет и старше	
м	ж	М	Ж	м	ж	М	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
2,3 1	2,5 0	28,8 1	31,9 0	19,8 1	19,8 8	14,2 9	13,0 7	12,2 0	11,6 6	9,3 0	9,0 5	6,3 2	4,9 6	6,9 1	6,9 4

Источник: [Первая всеобщая 1905: 94-97].
 * Данные рассчитаны на основе показателей для жителей Нальчикского округа, считавшим своим родным языком татарский, абсолютное большинство которых являлось балкарцами.

*Таблица 6. Распределение балкарского населения
по возрастным группам и грамотности (1897 г.)*

Возрастные группы	Всех		грамотных по- русски		грамотных на других языках		получивших об- разование выше начального	
	м	ж	М	ж	м	ж	м	ж
0-1	275	282						
1-9	3429	3599	4		6	5		
10-19	2358	2243	16	6	53	15		
20-29	1701	1475	24	2	59	5	2	
30-39	1452	1315	9	2	45	4	1	
40-49	1107	1021	4	1	39	5	2	
50-59	752	560	2		12			
старше 60	822	783	1		14	1	1	
неизвестный возраст	6	4						
итого	11902	11282	60	11	228	35	6	

Источник: [Первая всеобщая 1905: 94-97]

Однако для конкретно-исторических исследований наибольший интерес представляют первичные материалы переписи 1897 г., отложившиеся в фонде Ф. 1290 (Центральный статистический комитет) Российского государственного исторического архива. Интересующие нас материалы переписи относятся к Нальчикскому округу Терской области и являются тремя формами переписных листов: 1) сведения о населенных местах, 2) ведомости подсчета населения, 3) ведомости распределения населения по вероисповеданиям [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384-2386]. Эти документы представляют собой формы первичной статистики, первые из которых предшествовали всеобщей переписи, вторые – заполнялись уездными и губернскими комиссиями после сбора всех переписных листов, а третьи – заполнялись в Центральном статистическом комитете.

Остановимся более подробно на Сведениях о населенных местах, сбор которых являлся одним из подготовительных этапов организации переписи. Для ориентации на местности руководителей переписи и самих переписчиков была проделана большая работа по составлению списков всех населенных мест Рос-

сийской империи, на основании которых в дальнейшем и проводилось распределение переписных и счетных участков.

В феврале 1896 г. губернаторы и областные начальники получили от министра внутренних дел И.Л. Горемыкина циркулярную инструкцию, Наставление для собирания сведений о населенных местах и образцы форм, утвержденных Центральным статистическим комитетом [Воропаева 2012: 224]. Первоначально велась работа по заполнению вопросных листов. Сведения в вопросные листы заносили волостные старшины, чины полиции или владельцы населенных мест. После заполнения листы собирались, и на их основе составлялись полные списки всех населенных мест по всему участку. Эти учетные документы составлялись в табличной форме, содержащей следующие графы: порядковый номер, название поселения, какого рода поселение, к какому обществу принадлежит поселение, количество дворовых мест, число жителей (мужчин, женщин), примечательности населенного места. Единообразие форм для всех губерний Российской империи позволило скоординировать деятельность всех структур, участвовавших в составлении списков и облегчить их дальнейшую обработку [Воропаева 2012: 226].

В Таблице 7 представлен список населенных мест Балкарии, извлеченный из первичных документов «Сведений о населенных местах», собранных Центральным статистическим комитетом в 1896 г. для организации и проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Названия населенных мест и географических объектов приводятся в том виде, как они зафиксированы в первоисточнике. В отдельных случаях в круглых скобках для идентификации объектов дается их современное звучание.

Таблица 7. Список населенных мест Балкарии по сведениям 1896 г.

№	Название населенных мест	К какому обществу принадлежит	Положение	Число дворовых мест	Число жителей			Церкви и молитвенные здания, учебные и благотворительные заведения, почтовые станции, ярмарки, базары, пристани, фабрики и заводы и т.п.
					м.п.	ж.п.	все-го	
1	Селение Хасаут	Самостоятельное селение	На общественной сельской земле	186	636	624	1260	Не смежен с другими населенными пунктами, одна мечеть и одно правление, мануфактурная и мелочная лавки

2	Поселок Хабаз	Причислен к селению Кармовскому. Составляет горское общество из переселившихся балкарцев	Находится на участке земли, определенном для безземельных горцев	42	179	155	334	Не смежен с другими населенными пунктами
3	Поселок Жабоев	Составляет отдельный поселок общества Хуламского 2-го участка Нальчикского округа	Находится на землях частных собственников, населяющих оный на реке Урвань	14	74	73	147	Одна мечеть
4	Поселок Озень	Составляет отдельный поселок общества Хуламского 2-го участка Нальчикского округа	Находится на землях частных собственников, населяющих оное, в ущелье, на реке Урвань	25	107	106	213	Мечеть, до сельского правления 2,5 версты
5	Поселок Хулам	Поселение это составляет один из отдельных как и другие, главный и самый большой поселок общества Хуламского 2-го участка Нальчикского округа Терской области	Находится на землях частных собственников	138	585	556	1141	Имеются 2 мечети, сельское правление Хуламского общества, мелочная лавка и 3 временных мануфактурных. Старшина Чабдаров
6	Поселок Тотур	Поселение составляет отдельный поселок общества Хуламского	на землях частных собственников	87	266	251	517	Мечеть, до правления 1 верста
7	Поселок Боппу	Чегемского общества 2-го участка Нальчикского округа	При р. Кекташ	6	18	17	35	
8	Поселок Кала	Чегемского общества 2-го участка Нальчикского округа		5	19	16	35	

9	Поселок Беттургу	Чегемского общества		13	57	57	114	
10	Поселок Актопрак	Чегемского общества	При р. Кек-таш	19	63	66	129	
11	Поселок Кочкарташ	Чегемского общества	На р. Кочхар-таш	20	56	56	112	
12	Поселок Тызги	Чегемского общества 2 участка		8	19	29	48	
13	Поселок Джаралги	Чегемского общества	При р. Кардан	3	9	16	25	
14	Поселок Сосузлар (Суусузлар – Е.М.)	Чегемского общества	При р. Чегем	12	39	44	83	
15	Поселок Кям (Кам – Е.М.)	Чегемского общества	При р. Чегем	18	52	63	115	
16	Поселок Орсундак	Чегемского общества		36	122	109	231	
17	Поселок Дыгунгу (Жуунгу – Е.М.)	Чегемского общества	На р. Дыгунгу-су (Жуунгу-су – Е.М.)	25	88	77	165	Мечеть
18	Поселок Быкмылги	Чегемского общества		21	80	73	153	
19	Поселок Тузулгу	Чегемского общества		5	16	13	29	
20	Поселок Гюдурги	Чегемского общества	При р. Шегудан	19	75	64	139	
21	Поселок Озроково	Чегемского общества	При р. Баксан	38	143	169	312	Мечеть
22	Поселок Дигора	Чегемского общества	При р. Дигора-су	9	24	29	53	
23	Поселок Геграев	Чегемского общества	При р. Шегудан	3	14	11	25	
24	Поселок Ачи	Чегемского общества	При р. Шегудан	21	82	58	140	Мечеть. Помощник старшины Чегемского общества Мирзоев
25	Поселок Усхур	Отдельный поселок общества Хуламского	Находится на землях частных собственников, населяющих оный и причислен к обществу Хуламскому, на р. Урвань	32	149	135	284	мечеть

26	Поселок Кек-таш	Чегемского общества	При р. Кек-таш	32	88	111	229	Мечеть
27	Хутор Догуат	Балкарского общества	На земле принадлежащей обществу, при роднике Догуат, на площадке между растущего леса	6	25	20	45	Молитвенный дом
28	Поселок Кошкатав (Кашхатау – Е.М.)	Поселок причислен в административном порядке к обществу Балкарскому	Поселок находится на земле принадлежащей как отведенный начальством, при р.Черек	85	310	300	610	Мечеть
29	Поселок Зелги (Зылги – Е.М.)	Балкарского общества	На земле Балкарского общества	55	267	234	506	
30	Поселок Верхний Кунюм	Балкарского общества	На его земле, на р.Черек	51	256	213	469	Мечеть. Балкарский сельский старшина А.Айдебулов
31	Поселок Сауту	Балкарского общества	На его землях, при р. Шкарты (Ишкырты – Е.М.)	42	179	159	338	Мечеть
32	Поселок Верхний Чегет	Балкарского общества	На его землях, при р. Хышки-су	15	93	62	155	Мечеть
33	Поселок Нижний Чегет	Балкарского общества	На его землях, при р. Хишки-су	22	94	68	162	Мечеть
34	Поселок Нижний Кунюм	Балкарского общества	На его землях, при р. Черек	34	177	146	323	Смежен Верхнему Кунюму, мечеть
35	Поселок Тура-Хабла	Балкарского общества	При р. Черек на плоскости	51	198	216	414	Мечеть
36	Поселок Чегет-эль	Балкарского общества	При р. Черек	36	146	144	290	Смежен с Фардыком, мечеть
37	Поселок Фардык	Балкарского общества	На землях общества, при р. Черек на плоскости	34	162	158	320	Смежен Чегет-эль, мечеть

38	Поселок Верхний Шканды	Балкарского общества	На его землях, при р. Шкирты (Ишкырты – Е.М.) на возвышенности горы	43	178	162	340	Смежен Нижнему Шканды, мечеть
39	Поселок Нижний Шканды	Балкарского общества	На землях общества, при р. Шкирты (Ишкырты – Е.М.)	32	156	129	285	
40	Поселок Тубен-эль	Балкарского общества	На землях общества	21	100	114	214	Смежен с пос. Мухол, мечеть
41	Поселок Мухол	Балкарского общества	На р. Цайнашки	77	334	328	662	Мечеть
42	Поселок Курноят	Балкарского общества	На р. Наргы	16	74	62	136	Мечеть
43	Поселок Куспорты (Коспарты – Е.М.)	Балкарского общества	При роднике Алаузынь	56	290	288	578	
44	Поселок Галашев (Глашев – Е.М.)	Балкарского общества		8	39	38	77	Мечеть
45	Поселок Мукуш	Балкарского общества	При роднике Таудан при подошве гор	16	114	66	182	
46	Поселок Зарашки	Балкарского общества	При роднике Таурдан	8	45	41	86	
47	Поселок Шаурдат	Балкарского общества		38	188	177	365	
48	Поселение Шики, особого названия не имеет	Безенгиевское общество	Поселение на землях кр. общества не находится, в верховьях ущелья реки Черек	83	306	287	593	
49	Поселение называется Безенгиевское сельское общество и особого названия не имеет	Одно сельское общество с поселком Ши-ки	Поселение на землях кр. общества не находится, в верховьях Черка	87	354	349	703	

50	Селение Гунделен	2-го участка Нальчикского округа	На землях принадлежащего селению, отведенной областным правлением и составляет одно сельское общество	311	1030	883	1913	4 сельские мечети и одно сельское правление, 4 лавки: 3 мануфактурных и одна мелочная, И.Д. старшины селения Гунделен Атмурзаев
51	Поселок Урусбиевский	На спорной земле между казною и Урусбиевыми	на притоках р. Баксан	81	269	245	514	Мечеть и сельское правление, 3 лавки с мануфактурой
52	Поселок Ит-Кол	На владельческой земле Урусбиевых	при р. Баксан	3	5	13	18	
53	Поселение Кой-Сурилген (Сюрюлген – Е.М.)	На владельческих землях Урусбиевых	при р. Баксан	7	34	38	72	Старшина таубий Урусбиев
54	Поселение Тегенекли	Поселение на владельческих землях Урусбиевых и спорной земле между казною и Урусбиевыми	на притоках р. Баксан	13	72	62	134	
55	Поселок Гагиш	на владельческих землях Урусбиевых	на притоках р. Баксан	17	55	71	126	
56	Поселок Джапыр-Тала	На спорной земле между казною и Урусбиевыми	, при р. Баксан	27	95	75	170	
57	Поселок Губасанты	на владельческой земле Урусбиевых и на спорной земле между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	19	61	68	129	
58	Поселок Кизген	на спорной земле между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	21	86	80	166	
59	Курму	на владельческих землях Урусбиевых	на притоках р. Баксан	16	65	63	128	

60	Киртык	На владельческих землях Урусбиевых и на спорной	на притоках р. Баксан	15	57	68	125	
61	Камыш	на спорной земле между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	5	29	26	55	
62	Кильды (Кылды – Е.М.)	на спорной земле между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	27	105	106	211	
63	Чилмас	На владельческих Урусбиевых и на спорной между казною и Урусбиевыми		43	161	197	308	
64	Кизил-Кез	на спорной между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	9	35	31	66	
65	Тютю	на спорной между казною и Урусбиевыми	на притоках Баксана	7	17	21	38	
66	Мукулан	на спорной между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	7	27	24	51	
67	Эль-Журту	на спорной между казною и Урусбиевыми	при р. Баксан	14	42	40	82	
68	Уллу-Камык	Находится на владельческой земле Урусбиевых	на притоках Баксана	8	23	22	45	
69	Терс-Кол	На владельческих землях Урусбиевых	при притоках р. Баксана	2	10	15	25	
70	Кичи-Камык	На владельческих землях Урусбиевых	при притоках Баксана	4	20	26	46	
71	Гижгит	На владельческих землях Урусбиевых	при притоках р. Баксан	12	46	28	74	
72	Шашбоат	Находится на владельческой земле Ахматовых	при р. Баксан	4	6	4	10	

73	Хутор Каменский	На арендованной земле у жителей Чегемского общества	при горной р. Шалушке	31	92	77	169	
74	Чижок-Кабак	На землях Чегемского общества 2 участка Нальчикского округа	При р. Чегем	78	240	238	478	Помощник старшины Чегемского общества Д. Мурзаев
75	Поселок Булунгу	На землях Чегемского общества	При р. Булунгу-су	102	344	306	650	Одна мечеть
76	Чегем	Чегемского общества		103	315	326	691	Мечеть, 6 мануфактур и 2 мелочных лавки
77	п.Нумалы (Нумала – Е.М.)	Чегемского общества	При р. Кирдан (Кардан – Е.М.)	81	325	295	620	1 мечеть, 1 мелочная лавка
78	Поселок Темирхановский (Ташлы-Тала)	На собственной земле, но земля формально не отмежевана и ни за кем не закреплена	При горной речке Хызы-дон	7	22	21	43	Старшина С.Абаев
79	Владельческая усадьба Исаха Мулаева	На землях частного собственника Исаха Мулаева	В ущельях р. Б.Шалушка	2	13	3	16	
80	Хутор Каменский № 2 (Кашхатауский)	На арендуемой у жителей поселка Кашкатау земле		15	48	41	89	
Источник: [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 34-212а.]								

С источниковедческой точки зрения важно подчеркнуть, что архивные фонды статистических комитетов (ЦСК, губернских, областных) и весь корпус их изданий представляют собой единый источниковый комплекс, который уже достаточно хорошо изучен в отечественной историографии и представлен в электронных библиотеках. Архивные фонды сформировались в основном на материалах, присланных в статкомитеты для подготовки издания годовых губернаторских отчетов и статистических обзоров, для составления на их основе таких справочных изданий, как «Памятные книжки», «Календари», «Сборники сведений», «Списки населенных мест», «Статистические таблицы», а также в результате масштабных статистических обследований, каким, например, была Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. В рамках ре-

ализации научного проекта (руководитель – Е.А. Брюханова) был создан специальный сайт, обеспечивающий on-line репрезентацию сведений об опубликованных и архивных материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года*.

Подводя итог характеристики статистических источников и прежде всего Списков населенных мест, нельзя не отметить значимость этого вида источников для моделирования поселенческой сети Балкарии середины XIX – начала XX в., и для изучения истории образования различных населенных пунктов балкарцев. Статистическая и визуальная информация о населенных местах дает возможность составить интерактивные карты с актуальными данными о составе и численности населения, количестве поселков в отдельном обществе, размере земельных участков, отведенных под хозяйственную деятельность, а также проследить динамику демографических процессов в изучаемых локусах.

Уже имеются удачные примеры Интернет-проектов**, которые могут стать агрегатором комплексной информации о статистических источниках по самым разнообразным аспектам истории Балкарии второй половины XIX – начала XX в. и полноценным инструментом региональных исследований. Создание информационных ресурсов по исторической статистике региона – одно из перспективных направлений развития цифровой гуманитаристики. Такого рода комплексы могут содержать не только хорошо известные оцифрованные статистические издания, но и впервые введенные в научный оборот материалы со статистическими данными из архивов, музеев и рукописных собраний библиотек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воропаева 2012 – *Воропаева С.С.* Порядок составления списков населенных мест для Первой всеобщей переписи населения 1897 года // Документ: история, теория, практика: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Томск, 27-28 октября 2011 г.). – Томск: Изд-во Томского университета, 2012. – С. 224-226.

Гозулов 1936 – *Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран: (Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). – Москва: Тип. им. «Коминтерна», 1936. – 588 с.

Голиков, Круглова 2012 – *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "История" и направлению подготовки "История". 5-е издание, исправленное. – Москва: Академия, 2012. – 464 с.

Жангуразов 2013а – *Жангуразов М.Х.-М.* Посемейные списки 9 населенных пунктов Нальчикского округа Терской области. – Вып. 1. – Нальчик, 2013. – 272 с.

Жангуразов 2013б – *Жангуразов М.Х.-М.* Хуламское общество. Документы 1906 года. – Вып. 2. – Нальчик, 2013. – 440 с.

Жангуразов 2013с – *Жангуразов М.Х.-М.* Чегемское общество. Документы 1906 года. – Вып. 3. – Нальчик, 2013. – 736 с.

Массовые источники 1979 – *Массовые источники* по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. – Москва: Наука, 1979. – 415 с.

* Сайт «Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» URL: <https://arch1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения 25.07.2024).

** Официальный сайт Фонда «АССИЯ» URL: <http://assia.info/home/target.html> (дата обращения 25.07.2024).

Муратова 2013 – *Муратова Е.Г.* Посемейные списки северокавказских обществ за 1886 год и перспективы их дальнейшего использования в кавказоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1 (35). – С. 109-113. – EDN QYNOUR.

Муратова 2023 – *Муратова Е.Г.* Социально-экономические характеристики балкарского общества второй половины XIX – начала XX в. (на основе посемейных списков 1886 и 1905 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 497-510. – DOI 10.31143/2542-212X-2023-4-497-510. – EDN XXDWKO.

Первая всеобщая 1905 – *Первая всеобщая* перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. 68. – СПб., 1905. – 236 с.

Посемейные списки 2008 – *Посемейные списки* населенных пунктов Нальчикского округа 1886 г. – Т. 4. – Ч. 1. – Нальчик: Эль-фа, 2008. – 564 с.

Посемейные списки 2009 – *Посемейные списки* населенных пунктов Нальчикского округа 1886 г. – Т. 4. – Ч. 2. – Нальчик: Эль-фа, 2009. – 636 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сборник сведений 1878 – *Сборник сведений* о Терской области: Вып. 1 / Терск. обл. Стат. ком.; под ред. Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1878. – 382 с.

Списки населенных мест 1878 – *Списки населенных мест* Кавказского края. – Вып. 1. Терская область: список населенных мест по сведениям 1874 года / Сост. Н. Зейдлицем. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 83 с.

Список населенных мест 1915 – *Список населенных мест* Терской области: (По данным к 1-му июля 1914 года) / Под ред. С.П. Гортинского. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1915. – 459 с.

Список населенных мест 1885 – *Список населенных мест* Терской области: По сведениям к 1 янв. 1883 г. / Под ред. Н. Благовещенского. – Владикавказ: тип. Терского обл. правления, 1885. – 58 с.

Статистические таблицы 1890-1891 – *Статистические таблицы* населенных мест Терской области / Под ред. Евг. Максимова. – Владикавказ: Тип. областного правления Терской области, 1890-1891. – Т. I-II. Вып. I-VII.

Статистические таблицы 1890 – *Статистические таблицы* населенных мест Терской области. Т. II. Вып. V: Нальчикский округ / Под ред. Евг. Максимова. – Владикавказ: Тип. областного правления Терской области, 1890. – 69 с.

Терский календарь 1890-1915 – *Терский календарь* / изд. Терского обл. стат. ком. – Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1890-1915. – Вып. 1-24.

Терский календарь 1890 – *Терский календарь* на 1891 год / Под ред. П.Ф. Стефановского. – Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1890. – XV, 52, 258, 48, 104 с.

Труды комиссии 1908 – *Труды комиссии* по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электротпечатня Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тютюнина 1990 – *Тютюнина Е.С.* К вопросу о демократическом направлении в русском кавказоведении XIX в. (По материалам «Терского сборника» 1890-1893 гг.) // Россия и Северный Кавказ (Проблемы историко-культурного единства). – Грозный, 1990. – С. 81-95.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

GOLIKOV A.G., KRUGLOVA T.A. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Istoriya" i napravleniyu podgotovki "Istoriya"* [Source study of Russian history: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "History" and the field of study "History"]. 5-e izd. – Moscow: Akademiya, 2012. – 464 p. (In Russ.).

GOZULOV A.I. *Perepisi naseleniya SSSR i kapitalisticheskikh stran: (Opyt istoriko-metodologich. kharakteristiki proizvodstva perepisei naseleniya)* [Population censuses of the USSR and capitalist countries: (Experience of historical and methodological characteristics of the production of population censuses)]. – Moscow: Tip. imeni. «Komintern», 1936. – 588 p. (In Russ.).

Massovye istochniki po sotsial'no-ehkonomicheskoi istorii Rossii perioda kapitalizma / Otv. red. I.D. Koval'chenko [Mass sources on the socio-economic history of Russia during the period of capitalism / Rep. ed. I.D. Kovalchenko]. – Moscow: Nauka, 1979. – 415 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Posemeinye spiski severokavkazskikh obshchestv za 1886 god i perspektivy ikh dal'neishego ispol'zovaniya v kavkazovedcheskikh issledovaniyakh* [Family lists of North Caucasian societies for 1886 and prospects for their further use in Caucasian studies]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal*. – 2013. – No 9-1 (35). – P. 109-113. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-ehkonomicheskie kharakteristiki balkarskogo obshchestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (na osnove posemeinykh spiskov 1886 i 1905 gg.)* [Socio-economic characteristics of Balkar society in the second half of the 19th – early 20th centuries. (based on family lists of 1886 and 1905)]. IN: *Ehlektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 4. – P. 497-510. (In Russ.).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Terskaya oblast' / Pod red. N.A. Troitskogo [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Terek Region. Ed. by N.A. Troitsky]. – Saint Petersburg, 1905. – Vol. 68. – 236 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naselennykh punktov Nal'chikskogo okruga 1886 g. [Family lists of settlements in the Nalchik district, 1886]. – Vol. 4. P. 1. – Nal'chik: El'-Fa, 2008. – 564 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naselennykh punktov Nal'chikskogo okruga 1886 g. [Family lists of settlements in the Nalchik district, 1886]. – Vol. 4. P. 2. – Nal'chik: El'-Fa, 2008. – 636 p. (In Russ.).

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [the Russian State Historical Archive]. (In Russ.).

Sbornik svedenii o Terskoi oblasti: Vyp. 1 / Tersk. obl. Stat. kom.; pod red. N. Blagoveshchenskogo [Collection of information about the Terek region: Vol. 1 / Tersk. region Stat. com.; edited by N. Blagoveshchensky]. – Vladikavkaz, 1878. – 382 p. (In Russ.).

Spiski naselennykh mest Kavkazskogo kraia. V. 1. Terskaya oblast': spisok naselennykh mest po svedeniyam 1874 goda / Sost. N. Zeidlits [Lists of settlements of the Caucasus region. Vol. 1. Terek region: a list of settlements according to 1874. Comp. N. Seidlitz]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 83 p. (In Russ.).

Spisok naselennykh mest Terskoi oblasti: (Po dannym k 1-mu iyulya 1914 goda) / Pod red. S.P. Gortinskogo [List of populated places in the Terek region: (According to data as of July 1, 1914) / Ed. S.P. Gortynsky]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1915. – 459 p. (In Russ.).

Spisok naselennykh mest Terskoi oblasti: Po svedeniyam k 1 yanv. 1883 g. / Pod red. N. Blagoveshchenskogo [List of populated places in the Terek region: According to information as of January 1. 1883 / Ed. N. Blagoveshchensky]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1885. – 58 p. (In Russ.).

Statisticheskie tablitsy naselennykh mest Terskoi oblasti. T. II. Vyp. V: Nal'chikskii okrug / Pod red. Evg. Maksimova [Statistical tables of populated areas of the Terek region. T. II. Vol. V: Nalchik district / Ed. Evg. Maksimova] – Vladikavkaz: Tip. oblastnogo pravleniya Terskoi oblasti, 1890. – 69 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' / izd. Terskogo obl. stat. kom. [Terek calendar / ed. Terek region stat. com.] – Vladikavkaz: Tip. Terskogo oblastnogo pravleniya, 1890-1915. – Vol. 1-24. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1891 god / Pod red. P.F. Stefanovskogo [Terek calendar for 1891 / Ed. P.F. Stefanovsky]. – Vladikavkaz: Tip. Terskogo oblastnogo pravleniya, 1890. – XV, 52, 258, 48, 104 p. (In Russ.).

Trudy komissii po issledovaniju sovremennogo polozhenija zemlevladienija i zemlepol'zovani-ja v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz, 1908. – 372 p. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *K voprosu o demokraticheskom napravlenii v russkom kavkazovedenii KHIKH v. (Po materialam «Terskogo sbornika» 1890-1893 gg.)* [On the question of the democratic direction in Russian Caucasian studies of the 19th century. (Based on materials from the “Terek collection” of 1890-1893)]. IN: *Rossiya i Severnyi Kavkaz (Problemy istoriko-kul'turnogo edinstva)* [Russia and the North Caucasus (Problems of historical and cultural unity)]. – Grozny, 1990. – P. 81-95. (In Russ.).

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

VOROPAEVA S.S. *Poryadok sostavleniya spiskov naselennykh mest dlya Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda* [The procedure for compiling lists of populated places for the First General Census of 1897]. IN: *Dokument: istoriya, teoriya, praktika: Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Tomsk, 27-28 oktyabrya 2011 g.)* [Document: history, theory, practice: Collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation (Tomsk, October 27-28, 2011)]. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. – P. 224-226. (In Russ.).

ZHANGURAZOV M. KH.-M. *Posemeinye spiski 9 naselennykh punktov Nal'chikskogo okruga Terskoj oblasti* [Family lists of 9 settlements of the Nalchik district of the Terek region]. – Is. 1. – Nal'chik, 2013. – 272 p. (In Russ.).

ZHANGURAZOV M.KH.-M. *Khulamskoe obshchestvo. Dokumenty 1906 goda* [Khulam Society. Documents from 1906]. – Is. 2. Nal'chik, 2013. – 440 p. (In Russ.).

ZHANGURAZOV M.KH.-M. *Chegemskoe obshchestvo. Dokumenty 1906 goda* [Chegem Society. Documents from 1906]. – Is. 3. Nal'chik, 2013. – 736 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 930(091)+94
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-278-297
EDN: HVYW XD

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Якуб Тахирович Ольмезов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, yakub.bayzik@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX в. Рассматривается делопроизводственная документация учреждений власти и самоуправления, на которые возлагались финансовые функции (окружное и участковые правления, Казначейства, в том числе и Нальчикское, Ставропольская казенная палата, Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ, Кабардинская общественная сумма и ее казначей, сельские правления, сельские общественные кассы). Определена информативная отдача для исследования различных направлений экономической истории кабардинского и балкарского населения округа таких делопроизводственных документов, как предписания, постановления, рапорты, отношения, расписки жителей селений, счета от различных учреждений казначею Кабардинской общественной суммы и начальнику Нальчикского округа, ведомости, квитанции, удостоверения и т.п. Обращается внимание, что обмен информацией между субъектами финансовых отношений осуществлялся посредством телеграмм и извещений, приведено их описание. Сделан вывод, что делопроизводственная документация учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в сфере финансовой деятельности содержит информацию о том, каким образом, в какой форме и по каким вопросам они взаимодействовали друг с другом и с другими нефинансовыми учреждениями, как выглядела иерархия финансовых учреждений Нальчикского округа в исследуемый период; а также отражали информацию о составе работников финансовых учреждений, органов власти и самоуправления и их работников, в том числе и из представителей кабардинского и балкарского населения.

Ключевые слова: Нальчикский округ, Терская область, исторический источник, делопроизводство, делопроизводственная документация, финансовая деятельность

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Ольмезов Я.Т. Некоторые особенности документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 278-297. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-278-297. EDN: HVYW XD.

© Ольмезов Я.Т., 2024

Original article

SOME PECULIARITIES OF DOCUMENTING FINANCIAL ACTIVITIES OF INSTITUTIONS OF POWER AND SELF-GOVERNMENT OF NALCHIK DISTRICT IN THE EARLY XX CENTURIES

Yakub T. Olmezov

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, yakub.bayzik@mail.ru

Abstract. The article focuses on studying some features of documenting the financial activities of government and self-government institutions of the Nalchik district in the early twentieth century. The paper considers the records of government and local government institutions that were entrusted with financial functions (district and district boards, Treasuries, including Nalchik, Stavropol Treasury Chamber, Congress of Trusted Rural Societies of Greater and Lesser Kabarda and Five Mountain Societies, Kabardian public Sum and its treasurer, rural boards, rural public funds). The informative impact of such clerical documents as prescriptions, resolutions, reports, relations, receipts from residents of villages, bills from various institutions to the treasurer of the Kabardian public sum and the head of the Nalchik district, statements, receipts, certificates, etc. is determined for the study of various areas of the economic history of the Kabardian and Balkarian population of the district. The exchange of information between the subjects of financial relations occurred through telegrams and notices, and their description is given. It is concluded that the records of the institutions of government and self-government of the Nalchik district in financial activity contain information about how, in what form and on what issues they interacted with each other and with other non-financial institutions, what the hierarchy of financial institutions of the Nalchik District looked like during the period under study; and also reflected information on the composition of employees of financial institutions, authorities and self-government and their employees, including representatives of the Kabardian and Balkarian population.

Key words: Nalchik District, Terek Region, historical source, office work, business and production documentation, financial activities

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Olmezov Ya.T. Some peculiarities of documenting financial activities of institutions of power and self-government of Nalchik district in the early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 278-297. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-278-297. EDN: HVYWXD.

© Olmezov Ya.T., 2024

Введение

Исследование вопросов документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления в Нальчикском округе Терской области в начале XX в. направлено на более детальное изучение особенностей их функционирования во взаимодействии с российским аппаратом власти и вовлечение в его финансово-экономическую систему представителей кабардинского и балкарского населения региона. В это время нальчикское окружное и участковые правления и некоторые (в том числе и финансовые) институты самоуправления (например, Кабардинская общественная сумма, далее – КОС) выступали носи-

телями целого ряда финансовых полномочий и напрямую или косвенно взаимодействовали с базовыми органами финансовой системы Российской империи в северокавказском регионе – Ставропольской казенной палатой, казначейскими учреждениями, а также с правлением Терской области (отвечавшим в этой сфере за учет и контроль государственных доходов от сбора казенных налогов, распределение повинностей между подведомственными органами местной власти и т.п.). До 1910 г., времени учреждения Нальчикского казначейства, движение финансовых средств по Нальчикскому округу попеременно аккумулировалось казначейскими учреждениями Моздока, Пятигорска, Владикавказа. А с появлением в 1910 г. в Нальчикском округе своего казначейства произошло перераспределение финансовых и надзорных полномочий между органами власти в регионе, по-новому стали направляться потоки финансовых средств, модернизировались делопроизводственные практики в этой сфере и т.п. Поэтому выявление особенностей документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления в регионе является актуальной исследовательской задачей современного кавказоведения, т.к. финансовая документация содержит значительный пласт информации о расширении российского аппарата государства на южной его окраине, включении местного населения в российскую систему налогов и денежных повинностей, товарообороте и предпринимательских практиках и т.п.

Финансовая деятельность учреждений власти и самоуправления в Нальчикской округе Терской области в конце XIX – начале XX в. отчасти затрагивалась в трудах Е. Максимова [Максимов 1892; Максимов, Вертепов 1892], Г. Баева [Баев 1905; Баев 1908], В.П. Пожидаева и С.И. Месяца [Пожидаев 1925; Месяц 1926; Месяц 1928], В.П. Крикунова [Крикунов 1953], А.А. Белоусова [Белоусов 1956], Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 1961], Е.О. Крикуновой [Крикунова 1960], М.Х. Ацканова [Ацканов 1967], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1965], Т.А. Жекомихова [Жакомихов 1965], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2001; Прасолов 2017; Прасолов 2019; Прасолов 2022; Прасолов 2023], А.Х. Абазова [Абазов 2016; Абазов 2017; Абазов 2019; Абазов 2022; Абазов 2023], И.С. Пазова [Пазов 2018; Пазов 2019; Пазов 2021], М.Х. Бербековой [Бербекова 2022; Бербекова 2023а; Бербекова 2023б], Ф.А. Кяровой [Кярова 2022; Кярова 2023а; Кярова 2023б], некоторых обобщающих исследованиях [Века совместной истории... 2017; Россия и народы Северного Кавказа... 2018; Адыги... 2022] и др. Вместе с тем авторы этих работ не ставили целью исследование особенностей документирования финансовой деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX в. Тогда как такое исследование возможно с опорой на делопроизводственные документы Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (г. Нальчик), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия–Алания (г. Владикавказ), Государственного архива Ставропольского края (г. Ставрополь) и других архивохранилищ. Настоящее исследование опирается в основном на документальную базу учреждений областной и окружной властей региона (Ставропольская казенная палата, Терское областное правление, Нальчикское окружное правление, Нальчикское казначейство, участковые правления Нальчикского округа) и

самоуправления (Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ (Далее. – Съезд доверенных), Кабардинская общественная сумма, сельские правления, сельские общественные кассы и сельские казначеи). Для этого проанализированы источники, которые позволяют восстановить систему взаимодействия органов власти с казначейскими учреждениями по финансовой части (например, УЦГА АС КБР. Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа Терской области», Ф. И-26 «Кабардинская общественная сумма» и т.п.).

Основная часть

В начале XX в. в системе органов власти и самоуправления сложилась иерархия учреждений, наделенных финансовыми полномочиями. Так, например, начальник Нальчикского округа по финансовой части отвечал за движение денежных средств по региону, сборы налогов и податей с местного населения, предписывал Нальчикскому казначейству (с 1910 г.) и КОС, участковым начальникам и старшинам сельских правлений вести отчетность по доходам и расходам денежных средств в пределах своей подведомственности, выносил распоряжения о выделении денежных сумм на определённые цели и т.п. По всей поступающей ему в установленном порядке финансовой отчетности подведомственных Начальник округа, в свою очередь, отчитывался начальнику Терской области.

Основная нагрузка по организации, учету и контролю движения денежных средств по региону возлагалась на Нальчикское казначейство (с 1910 г.) и отчасти КОС. В обязанности Нальчикского казначейства входило получение и хранение всех доходов, принадлежащих казне, распоряжение и контроль за расходами, перечисление сумм из доходов в казну, выпуск различных ценных бумаг, открытие текущих счетов, выплата купонного процента, денежные переводы и т.п. КОС взаимодействовала с администрацией Терской области опосредованно через управление Нальчикским округом. С 1910 г. КОС функционировала параллельно с Нальчикским казначейством, в пределах своей компетенции вела доходы и расходы денежных средств, препровождала предписания начальников Нальчикского округа и Терской области нижестоящим учреждениям и должностным лицам (начальникам участков, старшинам сельских правлений), докладывала в рапортах об успехах денежных взысканий недоимок казенных сборов и т.п. Примечательно, что в рассматриваемый период в Терской области не существовало своей казенной палаты, поэтому вся отчетность казначейств и других учреждений по финансовой деятельности отправлялась в соседнюю Ставропольскую губернию, а точнее в Ставропольскую казенную палату, которая напрямую взаимодействовала по финансовым вопросам с начальником Терской области.

К 1913 г. в состав Нальчикского округа входило 48 сельских правлений, каждое сельское правление возглавлял старшина. Старшина сельского правления заведовал мирскими суммами через посредство сельского казначея, выполнял распоряжения и предписания начальника Нальчикского округа и рапортовал об успехах выполненных распоряжений, вел финансовую отчетность. При

каждом сельском правлении существовала и функционировала сельская общественная касса (иногда одна общественная касса могла быть объединенной для нескольких сельских обществ), которая занималась сбором мирских податей и других источников доходов местного уровня [Абазов, Бербекова, Дышеков 2023: 352-365]. Сельские общественные кассы финансировали решение локальных задач, в основном на уровне своего сельского общества.

Финансовая деятельность учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа в начале XX в. осуществлялась с опорой на такие делопроизводственные документы, как предписания, постановления, рапорты, отношения, расписки жителей селений, счета от различных учреждений казначею КОС и начальнику Нальчикского округа, ведомости, квитанции, удостоверения и т.п. Обмен информацией между субъектами финансовых отношений осуществлялся посредством телеграмм и извещений. Далее определим информативную отдачу этих документов для исследования различных вопросов экономической истории кабардинского и балкарского населения округа.

Предписания – это вид делопроизводственных документов, которые представляли собой письменные распоряжения вышестоящего в иерархии власти должностного лица нижестоящему с просьбой (требованием) выполнить взятые на себя обязательства, отчитаться о ходе выполнения тех или иных поручений. В предписаниях начальника Терской области или начальника Нальчикского округа (в том числе и по финансовым вопросам) содержались данные о точной дате их отправления, какими должностными лицами они были отправлены, помещалась информация о получателях и должностных лицах, которым они направлялись, а также само содержание предписаний и подписи отправителей.

В большинстве своем отправителями предписаний являлись должностные лица, к подведомственности которых относились общие или профильные организации или должностные лица: начальники управления областей, округов, а получателями – учреждения, находящиеся в их непосредственном подчинении. Анализ делопроизводственных документов показывает, что в финансовой системе Нальчикского округа большинство предписаний исходило от нальчикского окружного начальника в адрес Нальчикского казначейства, казначея КОС и начальников участков, а от них – старшинам селений. Например, в конце XIX – начале XX в. такие предписания исходили от начальника Нальчикского округа в адрес казначея КОС о недоимках денежных средств по воинскому налогу. Далее предписания казначея КОС направлялись по иерархии в адрес старшин селений округа. Они, в свою очередь, были обязательными для исполнения получателями и содержали сведения о том, от какого учреждения или должностного лица было оно отправлено, в какое учреждение и кому они были адресованы, отражались так же число, месяц и год отправления, приводились печати учреждений отправителя и получателя и само содержание предписания. Предписания подписывались их отправителями. Анализ предписаний должностных лиц Ставропольской казенной палаты, Нальчикского казначейства (с 1910 г.), правления Нальчикского округа, казначея КОС дает возможность установить иерархию и взаимосвязь финансовых учреждений региона с органами государ-

ственной власти и определить особенности организации их деятельности по разным направлениям экономических отношений.

В финансовой практике учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа встречались предписания, которые содержали распоряжения об ассигновании денежных средств на строго определенные цели: оплата работ, услуг связи (например, в предписаниях начальника Нальчикского округа казначею КОС содержались распоряжения о выделении денежных средств на расходы по отправке телеграмм и писем [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 348], оплате услуг сторожей (в том числе, сторожа Атажукинского сада) в большинстве с указанием источников поступления средств, за счет которых они погашались [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 293]; подготовке и проведению верстовой съемки и изготовлении пятиверстовой карты Кавказа Военно-Топографическим Отделом Окружного Штаба [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 93]; оплате услуг телеграфии терского областного правления [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 253-253 об.]; оплате жалования представителям местного населения за службу конными стражниками при ветеринарном враче [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 106]; актуализации вопросов борьбы с недоимками по налогам и сборам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 108-108 об.]; наложении дисциплинарных взысканий на должностных лиц за недобросовестное и некачественное исполнение обязательств по сбору с населения недоимок по казенным налогам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 108-108 об.]; оплате лечения стационарных больных, состоящих Кабардинском приемном покое [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 295] и т.п.).

В некоторых случаях в предписаниях устанавливались обязательства получателей документировать дальнейшее движение денежных средств и направлять отчеты (или уведомления) об исполнении поручений. Например, в предписании начальника Нальчикского округа от 24 мая 1914 г. казначею КОС вменялось в обязанность отразить в особой долговой ведомости сведения о деньгах, израсходованных по счету Л-о за изготовленный им столик для портрета императора и знамени Кабардинского народа на конкретную сумму [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 91].

После 1910 г. значительная часть денежных средств по государственным доходам аккумулировались в Нальчикском казначействе, в обязанности которого входил сбор, хранение и ревизия государственных денежных сумм, а также – сбор налогов и денежных повинностей вплоть до принудительного взыскания недоимок. Нальчикское казначейство взаимодействовало с КОС и с казначейскими учреждениями Терской области по финансовым вопросам. Это отражалось и в различных предписаниях начальника Нальчикского округа. Государственные доходы Нальчикского казначейства составляли денежные средства, поступающие из других финансовых учреждений: например, из КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 93].

В свою очередь анализ предписаний позволяет представить иерархию финансовых и административных учреждений по решению некоторых финансовых вопросов следующим образом: Ставропольская казенная палата направляла

предписания в адрес начальника Нальчикского округа (в том числе и через посредство начальника Терской области), а тот, в свою очередь, в адрес Нальчикского казначейства. Такие предписания направляясь, например, по вопросам предоставления периодической финансовой отчетности.

В случае, когда распоряжения начальства распространялись на группу должностных лиц одного иерархического административного уровня, они могли оформляться в виде *циркулярных* предписаний. Анализ делопроизводственной документации нальчикского окружного правления показывает, что большинство таких циркулярных предписаний было направлено начальником округа в сельские правления (через посредство участковых начальников) по вопросам взимания недоимок по казенным налогам и сборам [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 109-109 об.]; принятия мер дисциплинарного характера в должным лицам, некачественно исполнявшим свои обязанности по этому вопросу [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 115]; и, наоборот, трансляции позитивных практик одних селений в отношении других, поощрение успешных исполнителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 115] и т.п.

Иногда в делопроизводственной практике учреждений власти и самоуправления в Нальчикском округе по финансовым вопросам принимались специальные коллективные *постановления* (например, специализированных комиссий при Съезде доверенных) в целях разрешения поставленных перед ними задач. Т.к. одной из сфер деятельности КОС, помимо прочего, было оказание финансовой помощи в виде стипендий и пособий учащимся жителям округа [Прасолов 2019]. В таких постановлениях указывалась точная дата их принятия (число, месяц, год), помещалась содержательная часть и непосредственные решения, постановления скреплялись подписями членов комиссий и т.п. Например, такие постановления часто принимала функционировавшая при Съезде доверенных комиссия по распределению пособий и стипендий между воспитанниками высших учебных заведений страны – уроженцев Нальчикского округа. В ее функции помимо прочего входило принятие постановлений о выделении денежных средств в виде пособий и стипендий представителям кабардинского и балкарского населения региона для получения образования в учебных заведениях за пределами Нальчикского округа. Комиссия заслушивала заявления жителей Нальчикского округа, обучавшихся за его пределами, относительно вопросов назначения им стипендий и в случае положительного решения постановление утверждалось и направлялось в КОС, из средств которой впоследствии погашались расходы на стипендии обучающихся.

Анализ копии постановления комиссии от 26 сентября 1914 г. показывает, что количество таковых стипендий было ограничено. В 1914 г. было выделено 10 стипендий уроженцам Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 321-321 об.].

Рапорты – это вид делопроизводственных документов, которые представляли собой донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему, служебное сообщение, доклад о выполнении взятых на себя обязательств, отчет о полученных денежных средствах за выполненную работу или понесенную

службу. В рапортах, как и в предписаниях содержались данные о точных датах их отправления, какими служащими или должностными лицами они были отправлены, об учреждении получателя и должностном лице, само содержание рапорта и подпись отправителя, а также (в некоторых случаях) могли закреплялись гербовыми марками. Рапорты начинались с указанием адресата и наименования его должности. В конце документа под основным содержанием текста располагалась подпись, и, как правило, в правом верхнем углу – номер, дата, место составления.

Анализ делопроизводственной документации Нальчикского округа показывает, что рапорты должностных лиц, как правило, отправлялись из нижестоящих учреждений или должностных лиц вышестоящим в ответ на запросы о представлении определенной информации. Часто рапорты служащих сопровождалась отчетами или содержали отчетную информацию о проделанной работе по поручениям руководства [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 107]. Например, Нальчикское казначейство направляло рапорта с отчетами в правление Нальчикского округа по вопросам взимания государственной оборочной подати и государственного поземельного налога с населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 1].

Рапорты позволяют определить календарные циклы служебной деятельности как должностных лиц, так и финансовых учреждений Нальчикского округа в целом. Так, например, в рапорте Начальнику 4 участка Нальчикского округа от старшины селения Хапцево от 27 марта 1915 г. видно, что по окладному листу Ставропольской казённой палаты 1914 г. № 54 подлежало взысканию с подведомственного ему населения недоимок в размере 1 110 руб., оклада оборочной подати на сумму 3 522 руб., и воинского налога в размере 148 руб. 85 коп. (всего – 4780 руб. 85 коп.) [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 7-7 об.]. В рапорте отмечены сведения о суммах, поэтапно собранных и сданных старшиной селения в Нальчикское казначейство по квитанциям [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 7-7 об.].

Большая часть проанализированных в ходе исследования рапортов отражала процесс и результат исполнения распоряжений, предписаний, поставленных задач вышестоящими учреждениями перед подчиненными финансовыми учреждениями. Рапорты содержат в себе большой объем информации по вопросам обеспечения профессиональной деятельности учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа, дают возможность реконструировать практически каждодневную практику начальников финансовых учреждений и их подчиненных по следующим направлениям деятельности: о представлении отчетных ведомостей; о движении, расходах и доходах денежных средств, выделенных на различные нужды; о задержке прогонных денег; о недоимках государственной оборочной подати; о подтверждении получения предписаний руководства; о требованиях отчетности по ведомостям недоимок денежных средств; о переездах, командировках и о возвращении на рабочее место; о стационарных больных, числящихся в кабардинском приемном покое; о своевременной оплате труда наемных служащих [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 8, 8 об.] и др.

Помимо рапортов старшин селений с прилагаемыми отчетными ведомостями в архивных материалах встречаются рапорты должностных лиц Нальчикского округа, адресованные в Ставропольскую казенную палату (например, рапорт начальника Нальчикского округа в управление Ставропольской казенной палаты от 5 ноября 1915 г. за № 23075, в котором сообщалось том, что в ответ на отношения управляющего Палатой о представлении сведений о размере недоимок по казенным налогам в округе начальником Нальчикского округа было направлено циркулярное предписание начальникам участков и старшинам селений о взыскании недоимок в кратчайший срок [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 47]).

Старшины селений в свою очередь в рапортах участковому начальству отчитывались об успехах взыскания налогов и денежных сборов с населения подведомственных им аулов. В ходе исследования были, например, проанализированы такие рапорты правления селения Атажукино 1-го участка Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 21], старшины селения Мисостовского [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 33], старшины селения Коголкинского [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 34], старшины селения Хасаутского [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 17] за 1910–1917 гг. и др.

Отношения – это документы, посредством которых осуществлялось взаимодействие должностных лиц и учреждений, не состоявших между собой в иерархической связи. Отношения отражали просьбы, уведомления о выполнении определенных действий в обозначенный срок и подготавливались по установленной форме. В левом верхнем углу документа, как правило, располагалось наименование учреждения отправителя, день, месяц, год и номер отправления, в центральной верхней части располагалось наименование учреждения (или должностного лица) – получателя отношения. Под основной частью – содержанием проставлялась подпись отправителя. Так, например, в отношении начальника войскового штаба казачьего войска к начальнику Нальчикского округа содержалась просьба распорядиться по подведомственности о сдаче в местное казначейство для зачисления в доход казны обозначенную сумму денег за посланные начальником войскового штаба телеграммы в июне 1914 г. Иногда отношения сопровождались справками, в которых указывались ссылки на правоустанавливающие документы – основания для обращений [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 242, 242 об.].

Окладные ведомости и листы Ставропольской казённой палаты представляли собой сводные налоговые документы, утверждаемые ею ежегодно. Ставропольская казённая палата по предписанию Департамента окладных сборов готовила документы, которые чаще всего назывались окладными: окладные ведомости и частные окладные листы для каждого землевладельца, окружных и сельских обществ, которые рассматривались и утверждались на заседаниях общего присутствия Ставропольской казённой палаты. Окладные ведомости и листы оформлялись в виде таблиц, в которых отражались данные о недоимках и объеме оклада оборочной подати, воинского налога, окладных сборов с населе-

ния. Окладные листы также служили в качестве извещения налогоплательщиков о начислении налогов.

Счета от различных учреждений казначею КОС и начальнику Нальчикского округа представляли собой документы, которые выставлялись заказчикам за проданные товары, выполненные работы или оказанные услуги. Счета содержали информацию о том, какими учреждениями и какими датами они были выставлены, каким организациям и должностным лицам и на каком основании адресованы. Сумма счета описывалась за каждую позицию проданных товаров, выполненных работ и оказанных услуг отдельно, а в конце документа подводилась итоговая сумма счета. В случаях, когда исполнителями работ и услуг оказывались учреждения, зачастую счет выставлялся на специальном бланке, в шапке которого указывалось наименование учреждения, его точный адрес, характер финансово-экономической деятельности, дата выставления счета. В правом верхнем углу, над грифом учреждения, отражалась дата выставления счета, а под ней наименование учреждения-заказчика товаров, работ и услуг. Зачастую суммы выставленных счетов отражались таблицами, в столбцах которых отражались наименования товаров, работ, услуг; суммы каждой позиции в рублях и копейках, в конце таблиц подводились итоги и выводились итоговые суммы. Под таблицами или основным содержанием счетов ставились подписи должностных лиц с фирменными печатями учреждений (при наличии).

Анализ документов показывает, что такие счета, как правило, выставлялись казначею КОС после санкционирования начальником Нальчикского округа от различных субъектов, начиная от нанятых на работу жителей и заканчивая различными учреждениями, в том числе находящимися за пределами Нальчикского округа. Основанием для выставления счета являлись работы и услуги, оказанные жителями округа по потребностям и запросам власти и самоуправления. Например, в 1914 г. житель округа Л-о за сделанный им столик для портрета императора и знамени кабардинского народа, а также за реставрацию шкатулки для хранения Высочайшей грамоты кабардинскому народу [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 92]; в том же году Л-е за устройство обеда по случаю формирования Кабардинского конного полка для участия в боевых действиях Первой мировой войны по счету из КОС получил 240 руб. (по 6 руб. на персону, всего на 40 персон) [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 363], позже был выставлен аналогичный счет за устройство обеда по случаю проводов Кабардинского полка на сумму 432 руб. (по 8 руб. за персону на 54 персон) и 47 руб. за встречу этого полка в ауле Тыжево [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 364].

Еще раз обратим внимание на то, что счета для оплаты в адрес КОС могли выставляться, как и отдельными лицами, так и учреждениями. Например, в 1913 г. такие счета поступали казначею КОС от писчебумажного магазина и переплетной мастерской «Работникъ», функционировавшей в то время в слободе Нальчик области, за переплет книг для производства записей по аренде земель, записок горных хуторских пастбищ, полей и садов и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 391], на оплату канцелярских товаров и принадлежностей для обеспечения деятельности КОС и специализированных ко-

миссий Съезда доверенных [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 68-68 об.].

Отдельную группу делопроизводственных документов учреждений власти и самоуправления в Нальчикском округе в сфере их финансовой деятельности составляли *ведомости*, которые представляли собой учетно-отчетную документацию (особая долговая ведомость финансовых учреждений; отчетные ведомости о поступлении окладных оборотов; ведомости недоимок денежных средств; ведомости об успехах взыскания денежных средств с населения; ведомости о движении взносов окладных сборов; ведомости по долгам за разными лицами и учреждениями и т.п.).

Большинство таких документов составлялись в Нальчикском казначействе и казначеем КОС. Т.к. по роду деятельности Нальчикское казначейство отвечало за сбор казенных налогов с населения, учет доходов и расходов казенных денег и распределение их между казной и населением; а КОС вела учет ведомостей доходов и расходов денег поступающих или убывающих из КОС по различным статьям, занималась ведением долговых ведомостей по заемным средствам, ведомостей о взыскании недоимок окладных оборотов. Казначейство и КОС отчитывались о ведении ведомостей перед начальником Нальчикского округа.

В отдельной группе учетных ведомостей – долговых ведомостях – отражались сведения об учреждениях и жителях округа, задолжавших в КОС заемные средства. В таких документах отложились данные о том, в каком году была осуществлена выдача денежных средств займа, кому и на каком основании, и на какие цели. Их анализ показывает, что выдача денежных средств из КОС осуществлялось по предписаниям (распоряжениям) начальника Нальчикского округа и (в некоторых случаях) Терского областного правления на основании приговоров Съезда доверенных [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 396]. Такие ведомости, как правило, составлялись и подписывались казначеем КОС [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 396].

В некоторых сельских правлениях в специальных ведомостях оформлялись сведения о состоянии (по терминологии того времени, об успехах денежных взысканий) сборов налогов и податей за отчетный период (например, ведомость сельского правления Догужоковского селения Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 15]). К примеру, ведомости о состоянии сельских общественных капиталов составлялись согласно установленному формуляру, подписывались старшиной селения и его писарем, и направлялись начальнику участка для передачи в окружное правление [Абазов, Бербекова, Дышеков 2023]. Как правило, это ведомости представляли собой таблицы с данными о собранных целевых денежных суммах или недоимках за отчетный период, и о сведениях, внесенных по этой части в соответствующее казначейство [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 15]. Аналогичные ведомости в сельских правлениях других населенных пунктов Нальчикского округа составлялись по схожей схеме [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 25].

Помимо них составлением ведомостей об успехах взысканий денежных средств с населения в пределах своей компетенции и территориальной подведомственности занимались и начальники участков Нальчикского округа, сельские старшины, которые в свою очередь направляли эту информацию, собственно, казначею КОС и в Нальчикское казначейство. Анализ делопроизводственной документации учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа на примере движения учетно-отчетных ведомостей позволяет уточнить иерархию учреждений власти и самоуправления в 1910–1917 гг. в сфере их финансовой деятельности: старшины сельских правлений – начальники участков Нальчикского округа – КОС и Нальчикское казначейство – начальник Нальчикского округа – начальник Терской области – управляющий Ставропольской казенной палатой.

Применявшиеся в деятельности учреждений власти и самоуправления в Нальчикском округе для документирования и учета оборота денежных средств *квитанции* оформлялись для фактов принятия ими денежных средств по целевым статьям. Квитанции, как правило, выдавались после приема денег от учреждений, казначеев или уполномоченных должностных лиц. Сведения о выданных квитанциях заносилась в специальный журнал. Квитанционный лист представлял собой документ, отражающий сведения об отправителе, получателе, о сумме полученных денег, на какой предмет и на каком основании она поступила. Например, в Нальчикском округе в 10-е гг. XX в. обеспеченные соответствующими квитанциями Нальчикского казначейства денежные средства поступали в государственные доходы из различных учреждений и должностных лиц (КОС, начальников участков и сельских старший и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 94-95; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 31 и т.п.]).

Удостоверения – это вид делопроизводственных документов, которые в финансовой практике учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа подтверждали, например, факты наймов работников на временную службу и выполнение ими взятых на себя обязанностей (такие документы выдавалось ветеринарным врачом жителям, нанимаемым на временную службу). В удостоверениях отражались должность нанятых служащих, сроки и характер работы, сумма жалования, личные данные нанятых жителей селений. удостоверения подписывались нанимателем и закреплялись казенной печатью (при наличии). Удостоверения являлись основанием для обращения их получателей к казначею КОС для получения полагавшегося жалования за проделанную работу. Например, такие удостоверения выдавались ветеринарным врачом 26 участка Нальчикского округа жителям селения Ашабова П-ву, Е-ву, нанятым на службу конными стражниками при ветеринарном враче за прогон скота в селение Ашабова сроком на 3 месяца [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 108, 113]; жителю того же селения Ш-ву за службу сторожем на скотогонной дороге сроком [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 108, 113] и т.п. В данном случае удостоверения выдавались ветеринарным врачом только после выполненных жителями обязательств, далее документы предъявлялись держателями старшинам селений, которые направляли их начальнику

Нальчикского округа, а тот, в свою очередь, сопроводив их соответствующим предписанием – казначею КОС для отчисления денежных сумм в указанных в них размерах.

Извещения – это вид документов, посредством которых происходил обмен информацией между финансовыми учреждениями (например, Ставропольской казенной палатой, областным и окружным правлениями, казначейскими учреждениями и т.п.). По сути извещения содержали в себе информацию о недоимках государственной оборочной подати, государственного поземельного налога, воинского налога. К этой группе документов относились и извещения Нальчикского казначейства в адрес сельских старшин о недоимках с населения по налогам и сборам на подведомственной им территории. Форма извещения была единой: в верхней части указывался получатель, в левом нижнем углу ставилась печать Нальчикского казначейства, а под содержательной частью извещения расписывались казначей и бухгалтер. Извещения препровождались казначеем в управление Нальчикского округа для дальнейшего отправления по подведомственности. Далее начальник округа препровождал извещения казначею КОС с просьбой приступить к взысканию с упомянутых в них жителей недоимок, вести ведомость по их взысканию и сдать взысканные суммы в Нальчикское казначейство. Казначей КОС уведомлял начальников участков Нальчикского округа о недоимках, числящихся за жителями конкретных населенных пунктов, а те в свою очередь препровождали извещения Нальчикского казначейства старшинам сельских правлений с предписанием о немедленном взыскании недоимок с вверенных им обществ [см., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 929. Т. 1. Л. 6-6 об., 11-11 об.]. Извещения, как правило, сопровождались предписаниями начальника Нальчикского округа старшинам селений с требованием немедленно взыскать с населения указанные недоимки, сдать их в казначейство и отчитаться об исполнении. В качестве реакции на извещения Нальчикского казначейства старшины селений направляли рапорты начальникам участков об успехах взысканий недоимок, которые в итоге доходили по иерархии до начальника Нальчикского округа с ведомостями о взыскании с населения соответствующих денежных средств.

В начале XX в. в делопроизводственной практике учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа широко использовались *телеграммы* как информационно-справочные документы, с помощью которых в значительной степени упрощался и ускорялся обмен важной информацией по срочным вопросам между двумя или несколькими учреждениями или должностными лицами. Телеграммы отражали краткое содержание сути решаемого вопроса, в них указывалось место назначения (адресант), число слов и лицо-получатель телеграммы (адресат), подписывались телеграммы отправителем. В это время на территории Нальчикского округа в слободе Нальчик функционировала почтово-телеграфная контора, которая занималась отправкой телеграмм. В делопроизводственной практике встречались телеграммы между учреждениями, иерархически не связанными друг с другом. Телеграммы отправлялись должностными лицами правлений области и округа, должностными лицами учре-

ждений, в том числе финансовых [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 158, 168, 172, 176, 181, 184, 230, 232 и т.п.].

Расписки жителей селений по долговым обязательствам – это документы, подтверждающие возникновение или исполнение долговых обязательств между двумя учреждениями, либо учреждением и его служащими, наемными работниками и т.п. На материалах учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа такие расписки представляли собой документ, как правило, без строгого следования установленному формуляру, но в большинстве случаев содержательная часть которых содержала типологически схожую информацию: указывалось число, месяц и год их составления, кем она составлялась, сумма долга или оплаты вознаграждения за проделанную работу, понесенную службу, оказанные услуги и т.п.

Анализ делопроизводственных документов показывает, что в начале XX в. такие расписки по-прежнему направлялись от жителей селений Нальчикского округа казначею КОС. В расписках указывались виды работ, на основании которых из КОС выделялись денежные средства на их оплату. К примеру, анализ расписок показывает, что в 1914 г. житель Нальчикского округа Ж. за оказание услуг получил из КОС 12 руб. на фотоснимки А-ва в 3 экз. и фотоснимки кабардинских лошадей в 6 экз. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 345]; жителю с. Хапцево Х-ву за проданный им клинок для поднесения начальнику мусульманской конной дивизии Великому Князю Михаилу Александровичу в размере 400 руб. и за проданную лошадь на подарок от общества графу Воронцову-Дашкову – 800 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 2. Л. 373]; жителю округа Д-ву в адрес казначея КОС о том, что им было получено жалование в размере 50 руб. за июнь и июль 1914 г. за службу сторожем Атажукинского сада [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 294]; И. К-ва в адрес казначея КОС от 21 декабря 1913 г. от за доставку в канцелярию хозяйственной комиссии дюжины стульев из магазина Зипалова денежной суммы в установленном размере [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Ед. хр. 40. Т. 1. Л. 144] и т.п.

Заключение

Таким образом, в начале XX в. документирование деятельности финансовых учреждений власти и самоуправления Нальчикского округа осуществлялось с применением делопроизводственных документов, содержащих в себе финансовую, хозяйственную, информационно-справочную и отчетную информацию. В делопроизводственном обороте финансовых учреждений и органов власти и самоуправления в сфере финансовой деятельности применялись предписания начальников Нальчикского округа, Терской области, т.е. вышестоящего по иерархии власти должностного лица или учреждения нижестоящему; постановления, применяемые органами коллегиального управления; рапорты старшин селений округа по исполнению предписаний, требований и распоряжений; отношения – документы отражающие в себе просьбы, уведомления между учреждениями, которые не находились в иерархической зависимости друг от друга; расписки жителей селений о полученных жалованиях за выпол-

ненную работу или понесенную службу; счета от различных учреждений казначею КОС и начальнику Нальчикского округа за поставленные товары, работы и услуги; ведомости о движении денежных средств, о взыскании недоимок окладной оборочной подати, воинского налога и иных сборов и т.п.; квитанции казначейств Терского округа подтверждающие поступление денежных сумм в казну казначейства; удостоверения, предоставляемые ветеринарным врачом нанятым на службу жителям селений, для оплаты жалования за счет средств КОС; телеграммы и извещения, обеспечивавшие обмен информацией между субъектами финансовых отношений.

В совокупности делопроизводственная документация финансовых учреждений Нальчикского округа хранит в себе информацию о том, каким образом, в какой форме и по каким вопросам они взаимодействовали друг с другом и с другими нефинансовыми учреждениями региона, как выглядела иерархия финансовых учреждений Нальчикского округа в исследуемый период; а также содержали сведения о составе работников финансовых учреждений, органов власти и самоуправления, в том числе из представителей кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа. Проведенное исследование особенностей формирования документального массива во взаимодействии органов государственной власти Центрального Кавказа с финансовыми учреждениями и местным самоуправлением Нальчикского округа, обеспечивавшего и сопровождавшего деятельность институтов власти и финансовых учреждений в регионе отрывает дополнительные перспективы для исследования вопросов включения представителей кабардинского и балкарского населения региона в финансово-экономическую систему дореволюционной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: Общество с ограниченной ответственностью «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в. Дисс. д-ра ист. н-к. – Нальчик: КБГУ, 2017. – 505 с.

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Финансовый аспект административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-1 (43). – С. 36-42.

Абазов 2023 – *Абазов А.Х.* Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 239-255.

Абазов, Бербекова, Дышеков 2023 – *Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В.* Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 352-365.

Адыги 2022 – *Адыги:* Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. (Серия «Народы и культуры»).

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. – 131 с.

Баев 1905 – *Баев Г.* Присоединение Малой Кабарды к Большой. Общественные учреждения Кабарды. Народные сборы. Общественные земли. Кабардинская сумма // Пятигорский листок. – 1905. – № 336, 337, 342.

Баев 1908 – *Баев Г.В.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Белоусов 1956 – *Белоусов А.А.* Экономическое развитие Кабарды 1867–1953 гг. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 154 с.

Бербекова 2022 – *Бербекова М.Х.* К вопросу о деятельности кабардинской общественной Суммы в 50-е гг. XIX в. // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3(111). – С. 73-78.

Бербекова 2023а – *Бербекова М.Х.* Правовой статус и объем полномочий казначея Кабардинской общественной суммы в условиях интеграции народов Кавказа в экономическую систему России во второй половине XIX века // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 1(113). – С. 88-93.

Бербекова 2023b – *Бербекова М.Х.* Доходы и расходы Кабардинской общественной суммы в 50-х – начале 60-х гг. XIX в. по материалам учетных книг // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 1(111). – С. 63-70.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.).* – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Жакомыхов 1965 – *Жакомыхов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Часть 1. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 208 с.

Крикунов 1953 – *Крикунов В.П.* К истории социально-экономического развития Кабарды в период первой мировой империалистической войны // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Т. VIII. – 1953. – С. 19-47.

Крикунова 1960 – *Крикунова Е.О.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Т. 17. – 1960. – С. 123–147.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 425 с.

Кярова 2022 – *Кярова Ф.А.* Пошлина взамен отбывания натуральной подводной повинности в Нальчикском округе как механизм инкорпорации народов Центрального Кавказа в финансово-экономическую систему России в последней трети XIX века // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 4(112). – С. 86-91.

Кярова 2023а – *Кярова Ф.А.* Некоторые особенности и проблемы сбора государственных (казенных) податей с жителей Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 1(111). – С. 71-79.

Кярова 2023b – *Кярова Ф.А.* Некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей населения Нальчикского округа в последней четверти XIX в. (по данным ведомостей о состоянии общественных сборов за 1888 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 93-107.

Максимов 1892 – *Максимов Е.* Кабардинцы. Статистико-экономический очерк // Терский сборник: приложение к Терскому календарю на 1892 г. – Кн. 2. – Владикавказ: Издательство Терского областного статистического комитета, 1892. – Отд. I. – С. 139–180.

Максимов, Вертепов 1892 – *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Выпуск первый. Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892 год. – Владикавказ: типография Областного правления Терской области, 1892. – 189 с.

Мамбетов 1961 – *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. – Вып. IX. – Нальчик: Эльбрус, 1961. – С. 110–148.

- Месяц 1926 – *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. – Воронеж: Областной исполнительный комитет Кабардино-Балкарской автономной области, 1926. – 191 с.
- Месяц 1928 – *Месяц С.И.* Пастбищное хозяйство Кабарды. – Воронеж: б/и, 1928. – 106 с.
- Пазов 2018 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905-1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 42-64.
- Пазов 2019 – *Пазов И.С.* Общественный капитал Нальчикского округа в начале XX века // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 170-190.
- Пазов 2021 – *Пазов И.С.* Структура и функции органов власти Нальчикского округа Терской области в 1888-1917 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 4 (102). – С. 55-61.
- Пожидаев 1925 – *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. – Воронеж: б/и, 1925. – 68 с.
- Прасолов 2001 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская сельская община во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик: КБГУ, 2001. – 222 с.
- Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2017. – 136 с.
- Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.
- Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: ОНР, 2022. – 240 с.
- Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Кабардинская общественная сумма в политических практиках местного самоуправления в кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 39-52.
- Россия и народы Северного Кавказа... 2018 – *Россия и народы Северного Кавказа* в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

REFERENCES

- ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nal'chik: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).
- ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi imperii: sudebnye preobrazovaniya kontsa XVIII – nachala XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the Political and legal space of the Russian Empire: judicial transformations of the late XVIII – early XX centuries]. Diss. d-ra ist. n-k. – Nal'chik: KBGU, 2017. – 505 p. (In Russ.).
- ABAZOV A.KH. *Finansovyi aspekt administrativno-territorial'nykh preobrazovaniy na Severnom Kavkaze na rubezhe 50-kh – 60-kh gg. XIX vv.* [The financial aspect of administrative and territorial transformations in the North Caucasus at the turn of the 50s – 60s of the XIX centuries]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2019. – № 4-1 (43). – P. 36-42. (In Russ.).
- ABAZOV A.KH. *Dokumentirovanie deyatel'nosti Nal'chikskogo gorskogo slovesnogo su-da: deloproizvodstvo i obespechenie vneshnei kommunikatsii* [Documenting the activities of the Nalchik Mountain Verbal Court: case management and provision of external communication]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 239-255. (In Russ.).
- ABAZOV A.KH., BERBEKOVA M.KH., DYSHEKOV M.V. *Sel'skie obshchestvennyye kassy v sisteme finansovykh otnoshenii Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale XX vekov*

[Rural public funds in the system of financial relations of the Nalchik district in the last third of the XIX – early XX centuries]. In: Nauchnyi dialog. – 2023. – T. 12, № 4. – P. 352-365. (In Russ.).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy [Adygs: The Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugi]. Shapsugi / ot red. A.Kh. Abazov, A.V. Kushkhabiev [i dr.]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 p. (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ.).

ATSKANOV M.KH. *Ekonomicheskie otnosheniya i ekonomicheskie vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860–1917 gg.)* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 131 p. (In Russ.).

BAEV G. *Prisoedinenie Maloi Kabardy k Bol'shoi. Obshchestvennye uchrezhdeniya Kabardy. Narodnye sbory. Obshchestvennye zemli. Kabardinskaya summa* [The annexation of Little Kabarda to Big Kabarda. Public institutions of Kabarda. People's fees. Public lands. Kabardian sum]. In: Pyatigorskii li-stok. – 1905. – № 336, 337, 342. (In Russ.).

BAEV G.V. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's credit in the Tersk region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russ.).

BELOUSOV A.A. *Ekonomicheskoe razvitiye Kabardy 1867–1953 gg.* [The economic development of Kabarda in 1867-1953.]. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 154 p. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *K voprosu o deyatelnosti kabardinskoi obshchestvennoi Summy v 50-e gg. XIX v.* [On the issue of the activities of the Kabardian public Association in the 50s of the XIX century]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2022. – № 3(111). – P. 73-78. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Pravovoi status i ob'em polnomochii kaznacheya Kabardinskoi obshche-stvennoi summy v usloviyakh integratsii narodov Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu Ros-sii vo vtoroi polovine XIX veka* [The legal status and scope of powers of the Treasurer of the Kabardian Public Sum in the context of the integration of the peoples of the Caucasus into the economic system of Russia in the second half of the XIX century]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 1(113). – P. 88-93. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Dokhody i raskhody Kabardinskoi obshchestvennoi summy v 50-kh - nachale 60-kh gg. XIX v. po materialam uchetykh knig* [Incomes and expenses of the Kabardian public sum in the 50s - early 60s of the XIX century. based on the materials of accounting books]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2023. – № 1(111). – P. 63-70. (In Russ.).

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsi-onnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian Civilizational Process (1557-1917)]. – Nal'chik: izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [The history of the national economy of Kabardino-Balkaria]. Chast' 1. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 208 p. (In Russ.).

KRIKUNOV V.P. *K istorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kabardy v period pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny* [On the history of the socio-economic development of Kabarda during the First World Imperialist War]. In: Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – T. VIII. – 1953. – P. 19-47. (In Russ.).

KRIKUNOVA E.O. *Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Balkarii v poreformennyi period* [Some issues of the socio-economic development of Balkaria in the post-reform period]. In: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – T. 17. – 1960. – P. 123–147. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 425 p. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Poshlina vzamen otbyvaniya natural'noi podvodnoi povinnosti v Nal'chikskom okruge kak mekhanizm inkorporatsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza v fi-nansovo-ekonomicheskuyu sistemu Rossii v poslednei treti XIX veka* [The duty in return for serving natural

underwater service in the Nalchik district as a mechanism for the incorporation of the peoples of the Central Caucasus into the financial and economic system of Russia in the last third of the XIX century]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2022. – № 4(112). – P. 86-91. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Nekotorye osobennosti i problemy sbora gosudarstvennykh (kazennykh) podatei s zhitel'ei Nal'chikskogo okruga v poslednei treti XIX – nachale XX veka* [Some features and problems of collecting state (state) taxes from residents of Nalchik district in the last third of the XIX – early XX century]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2023. – № 1(111). – P. 71-79. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Nekotorye osobennosti sbora i ucheta denezhnykh povinnostei nasele-niya Nal'chikskogo okruga v poslednei chetverti XIX V. (po dannym vedomostei o sostoya-nii obshchestvennykh sborov za 1888 g.)* [Some features of the collection and accounting of monetary duties of the population of the Nalchik district in the last quarter of the XIX Century. (according to the statements on the state of public fees for 1888)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 3. – P. 93-107. (In Russ.).

MAKSIMOV E. *Kabardinty. Statistiko-ekonomicheskii ocherk* [Kabardians. Statistical and economic essay]. In: Terskii sbornik: prilozenie k Terskomu kalendaryu na 1892 g. – Kn. 2. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo Ter-skogo oblastnogo statisticheskogo komiteta, 1892. – Otd. I. – P. 139–180. (In Russ.).

MAKSIMOV E., VERTEPOV G. *Tuzemtsy Severnogo Kavkaza. Istoriko-statisticheskie ocherki. Vypusk pervyi. Osetiny, ingushi, kabardinty. 1892 god* [The natives of the North Caucasus. Historical and statistical essays. The first issue. Ossetians, Ingush, Kabardians. The year 1892]. – Vladikavkaz: tipo-grafiya Oblastnogo pravleniya Terskoi oblasti, 1892. – 189 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.X. *K voprosu o proniknovenii kapitalisticheskikh otnoshenii v ekono-miku Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [On the issue of the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: Sbornik statei po istorii Kabardino-Balkarii. – Vyp. IX. – Nal'chik: El'brus, 1961. – P. 110–148. (In Russ.).

MESYATS S.I. *Naselenie i zemlepol'zovanie Kabardy* [Population and land use of Kabarda]. – Voronezh: Oblastnoi ispol-nitel'nyi komitet Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti, 1926. – 191 p. (In Russ.).

MESYATS S.I. *Pastbishchnoe khozyaistvo Kabardy* [Kabarda pasture farm]. – Voronezh: b/i, 1928. – 106 p. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905-1917 gg.)* [Finance and economy of Nalchik district at the beginning of the XX century (1905-1917)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – № 4. – P. 42-64. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Obshchestvennyi kapital Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka* [Public capital of Nalchik district at the beginning of the XX century]. In: Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. – 2019. – T. 11, № 3. – P. 170-190. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Struktura i funktsii organov vlasti Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti v 1888-1917 gg.* [The structure and functions of the authorities of the Nalchik district of the Tersk region in 1888-1917]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2021. – № 4 (102). – P. 55-61. (In Russ.).

POZHIDAEV V.P. *Khozyaistvennyi byt Kabardy: istoriko-etnograficheskii ocherk* [The economic life of Kabarda: a historical and ethnographic essay]. – Voronezh: b/i, 1925. – 68 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya sel'skaya obshchina vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Kabardian rural community in the second half of the XIX – early XX century]. Diss. kand. ist. n. k. – Nal'chik: KBGU, 2001. – 222 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2017. – 136 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in the practices of local self-government in the second half of the XIX - early XX century]. – Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congresses of Kabardians and Balkars trusted in political culture]. – Nal'chik: OPR, 2022. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Kabardinskaya obshchestvennaya summa v politicheskikh praktikakh mestnogo samoupravleniya v kabardinskom (Nal'chikskom) okruge vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Kabardian public sum in the political practices of local self-government in Kabardian (Nalchik) district in the second half of the XIX – early XX century]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2023. – № 2. – P. 39-52. (In Russ.).

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and Political Unity]. – Nal'chik: Izdatel'-skii otдел IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (g. Nal'chik) [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (Nalchik)]. (In Russ.).

Информация об авторе

Я.Т. Ольмезов – аспирант.

Information about the author

Ya.T. Olmezov – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 20.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 20.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94«1918»
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-298-306
EDN: IXWEFF

ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКИЙ РЕГИОН ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 ГГ. В «ОЧЕРКАХ РУССКОЙ СМУТЫ» ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА

Владимир Борисович Лобанов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия, Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Аннотация. В статье затрагивается тематика, связанная с событиями Гражданской войны на Северном Кавказе летом-осенью 1918 г. в изложении генерала А.И. Деникина в 12-ой главе 4-го тома «Очерков русской смуты». Автор рассматривает ситуацию в терско-дагестанском регионе на рубеже 1917-1918 гг., накануне и в ходе Терского восстания 1918 г. Делается анализ степени вовлеченности каждого народа Терской советской республики в ход восстания. Автор настаивает на неизбежности вооруженного выступления терского казачества и части кабардинцев и осетин, приводя причины возмущения восставших. А.И. Деникин полагал, что на Северном Кавказе Советская власть не имела массовой опоры по причине отсутствия крупных городов и как следствие местного пролетариата, поэтому большевики использовали межнациональные трения местных народов для закрепления своего положения в регионе. В этой связи власти Терской советской республики пошли на союз с горскими народами против терского казачества, используя их малоземелье в своих интересах. По мнению Деникина, для уничтожения военной и экономической мощи казачества на 3-ем съезде народов Терека в мае 1918 г. была принята постановление о переселении 4-х казачьих станиц, что спровоцировало первоначально благожелательное к большевикам казачество на вооруженное выступление. Четко выражено отрицательное мнение А.И. Деникина по поводу руководства восставших во главе с Г.Ф. Бичераховым, которое выступало фактически не против Советской власти, а только против эксцессов на местах, заключавшихся в разоружении и лишении части земли казачества. «Правительство» постоянно искало компромисс с советским руководством, которое не шло на уступки восставшим. В противовес «правительству» существовало «командование» восставшими, которое возглавляли генерал Э.А. Мистулов, полковник Н.К. Федюшкин, генерал И.Н. Колесников. Условно его можно назвать «проденикинским». Оно выступало за создание регулярной армии, дисциплину в частях, бескомпромиссную вооруженную борьбу с большевиками. Именно в разобщенности восставших генерал А.И. Деникин видел главную причину поражения восстания.

Ключевые слова: Терек, Дагестан, терское казачество, горцы, Добровольческая армия, Деникин, Бичерахов, Горская республика

Для цитирования: Лобанов В.Б. Терско-Дагестанский регион летом-осенью 1918 гг. в «Очерках русской смуты» генерала А.И. Деникина // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 298-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-298-306. EDN: IXWEFF.

© Лобанов В.Б., 2024

Original article

**THE TEREK-DAGESTAN REGION IN THE SUMMER-AUTUMN
OF 1918 IN THE "ESSAYS OF THE RUSSIAN TROUBLES"
BY GENERAL A.I. DENIKIN**

Vladimir B. Lobanov

North-West Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Abstract. The article touches upon the topics related to the events of the Civil War in the North Caucasus in the summer-autumn of 1918 as presented by General A. I. Denikin in Chapter 12 of Volume 4 of the “Essays on the Russian Troubles”. The author examines the situation in the Terek-Dagestan region at the turn of 1917-1918, on the eve of and during the Terek Uprising of 1918. The extent to which each Terek Soviet Republic citizen participated in the revolt was examined. The author insists on the inevitability of an armed uprising of the Terek Cossacks and some Kabardians and Ossetians, citing the reasons for the indignation of the rebels. Denikin believed that in the North Caucasus, Soviet power did not have mass support because of the absence of large cities and, as a result, a local proletariat, so the Bolsheviks used the interethnic friction of local peoples to consolidate their position in the region. In this regard, the powers of the Terek Soviet Republic entered into an alliance with the mountain peoples against the Terek Cossacks, using their land shortage in their own interests. According to Denikin, in order to destroy the military and economic power of the Cossacks, a resolution was adopted at the 3rd Congress of the People of the Terek in May 1918 on the resettlement of 4 Cossack villages, which provoked the initially well-disposed Cossacks to an armed uprising. A.I. Denikin’s negative opinion regarding the leadership of the rebels led by G.F. Bicherakhov, which did not actually oppose Soviet power, but only the excesses at the local level, which consisted of Cossacks disarmament and the deprivation of part of the land. The “government” was constantly looking for a compromise with the Soviet leadership, which did not make concessions to the rebels. In opposition to the “government”, there was a “command” of the rebels, headed by General E.A. Mistulov, Colonel N.K. Fedyushkin, General I.N. Kolesnikov. It can be conditionally called “pro-Denikin”. It advocated the creation of a regular army, discipline in the units, and an uncompromising armed struggle against the Bolsheviks. General A.I. Denikin saw the main reason for the defeat of the uprising in the disunity of the rebels.

Keywords: Terek, Dagestan, Terek Cossacks, highlanders, Volunteer Army, Denikin, Bicherakhov, Mountain Republic.

For citation: Lobanov V.B. The Terek-Dagestan region in the summer-autumn of 1918 in the "Essays of the Russian troubles" by general A. I. Denikin. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 298-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-298-306. EDN: IXWEFF.

© Lobanov V.B., 2024

Следует отметить, что статья является продолжением разбора событий Гражданской войны на Северном Кавказе в описании генерала А.И. Деникина, чему частично посвящен 2-ой том «Очерков русской смуты» [Лобанов 2024: 248-256]. Дабы не повторять полностью разбор в предыдущем номере «Кавказологии», следует лишь отметить, что тематика Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе и непосредственное участие в ней Добровольческой армии и ее командующего генерала А.И. Деникина активно изучается рядом современных отечественных авторов, среди которых стоит особо отметить А.Г. Кажарова [Кажаров, Цолоев 2017; Кажаров 2018], О.А. Жанситова [Жанситов 2017; Жанситов 2022], А.М. Камбиева [Камбиев 2022а; Камбиев 2022b], А.С. Пученкова [Пученков 2016], Г.М. Ипполитова [Ипполитов 2006], Т.Х. Матиева [Матиев 2020], А.Х. Даудова [Даудов, Месхидзе 2009] и др.

Летне-осенний период 1918 г. анализируется генералом в 12-ой главе 4-го тома. В это время Добровольческая армия во главе с А.И. Деникиным в ходе 2-го Кубанского похода июня-августа 1918 г. захватила северную и западную части Кубанской области, Черноморскую губернию, с боями пробивалась к Ставропольской губернии [Михайлов, Лобанов 2011: 148]. Поздней осенью белогвардейцы подошли к Терской области. Организационно эти территории с июля 1918 г. входили в состав Северо-Кавказской Советской Республики [Даудов, Месхидзе 2009: 54], созданной большевиками из Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской советских республик для борьбы с Добровольческой армией и казачьими восстаниями в регионе. Весь Северный Кавказ (за исключением Дагестана, захваченного в августе 1918 г. силами Л.Ф. Бичерахова и Н.-Б. Тарковского) стал единым советским лагерем для борьбы с контрреволюцией. Вызвано это было, в том числе, из-за оторванности региона от центральной части РСФСР. Уже поздней весной 1918 г., после донского казачьего восстания, Северный Кавказ был отрезан с севера, одновременно в это же время, конец мая 1918 г., большевики были отрезаны от Советской России новосозданными Грузинской и Азербайджанской демократическими республиками с юга. Сухопутная связь с РСФСР осуществлялась только через пустыни и полупустыни Астраханской губернии.

Немаловажным фактом является то, что генерал А.И. Деникин при написании 4-го тома и анализа событий на Северном Кавказе имел возможность использовать гораздо больший пласт материалов, чем во время создания 2-го тома. Во введении к нему генерал уточняет, что «при составлении последних томов... я получил возможность пользоваться официальными и частными материалами... это обстоятельство расширяет осведомленность... по сравнению с той, которою я обладал в качестве главнокомандующего [Добровольческой армии]...» [Деникин 1925: 2].

В начале 12-ой главы генерал А.И. Деникин дал краткую оценку обстановки на Северном Кавказе на рубеже 1917-1918 гг. [Кажаров, Цоглоев 2017: 51], совершенно верно отметив, что именно отсутствие сильной центральной власти и начавшаяся «внутриплеменная рознь» [Деникин 2002: 175] привели к тому, что слабая советская власть утвердилась в регионе [Лобанов 2012: 47]. Более спорными являются краткие характеристики народов региона и степень их вовлеченности в революционные события лета-осени 1918 г.

Прежде всего, генерал считал именно ингушей самым вовлеченным в революционный процесс народом. Это легко объяснялось крайним малоземельем, даже по сравнению с соседними горскими народами. Как раз малоземельем и объяснялись те занятия, за счет, по мнению А.И. Деникина, которых жила основная масса народа – скотоводство и грабеж [Деникин 2002: 175]. Именно оно, малоземелье, и привело к тому, что сам генерал обозначает ингушей как «ландскнехов» советской власти [Деникин 2002: 175]. Правда, он тут же оговаривает, что во внутреннюю жизнь ингуши советские порядки не допускали [Деникин 2002: 175-176].

Осетины, по оценке А.И. Деникина, были разделены прежде всего религиозными предпочтениями, что толкало осетин-мусульман на союз с ингушами и

с Советской властью, а осетины-православные относились в массе своей пассивно к большевикам или частично примкнули в ходе Терского восстания к казачкам в отрядах Я.В. Хабаева и С.А. Кибирова [Деникин 2002: 176]. Также, по мнению генерала, осетины не были склонны к «крайним формам национальной независимости» [Деникин 2002: 177]. Под этой формулировкой Антон Иванович подразумевал активное участие в создании и деятельности Горской республики [Деникин 2002: 177], хотя именно осетин Ахмед Цаликов был одним из ее активных создателей и функционеров.

Кабарда в описываемый период разделилась на большевизированную Малую Кабарду и примкнувшую к восставшим терцам Большую Кабарду. Повстанцев возглавил ротмистр З.А. Даутоков-Серебряков, им противостояли кабардинские большевики во главе с Н. Катхановым (у Деникина фамилия звучит как Катоханов – авт.) [Деникин 2002: 177; Жанситов 2017: 115].

Чеченцы также раскололись на два противостоящих лагеря – большевиков, подчинявшихся решениям Гойтинского съезда (Грозненский округ), и блокировавшихся с Ингушетией, и тех, кто подчинялся решениям Атагинского съезда (Веденской округ) и взаимодействовал с антибольшевистским движением в Дагестане. Последние получали помощь, начиная с осени 1918 г., от турок и горских деятелей [Камбиев 2022а: 22; Камбиев 2022б: 25], которые в этот период начали движение из Азербайджана на территорию Дагестана.

Дагестан, по мнению А.И. Деникина, был самым антибольшевистским регионом Северного Кавказа. Советская власть была установлена в Дагестане в апреле 1918 г., однако имела влияние только в ее центрах – Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте [Деникин 2002: 177-178]. Началось исламистское партизанское движение, которое возглавил Н. Гоцинский (у А.И. Деникина фамилия упомянута как Гойтинский – авт.) [Деникин 2002: 179; Матиев 2020: 172]. На протяжении лета-осени 1918 г. Дагестан пережил смену ряда властей: в августе большевики были выбиты из области силами Л.Ф. Бичерахова и Н.-Б. Тарковского, в октябре в область вторглись турецко-горские силы, приведшие в ноябре к власти деятелей Горской республики, обосновавшихся в Темир-Хан-Шуре, в этом же месяце турки покинули Дагестан, которых чуть позже сменили британцы.

Однако центральная часть 12-ой главы посвящена ситуации, сложившейся на Тереке накануне и непосредственно в ходе Терского восстания июня-ноября 1918 г. Генерал совершенно точно отметил, что Советская власть на Тереке в марте 1918 г. была установлена после практически добровольного самоустранения деятелей Временного Терско-Дагестанского правительства [Лобанов, Михайлов 2016: 33]. Этому способствовала пассивная позиция казачества, которое устало от продолжительной Мировой войны и хотело в новых, революционных условиях всего лишь сохранить то, что имело на момент свержения самодержавия. Однако новые революционные реалии быстро развеяли надежды казачества [Религиозный... 2024: 221]. Первоначально оно было склонно к компромиссу с Советской властью, более того, надеялось опереться на нее в борьбе с чеченцами и ингушами. В свою очередь, региональная Советская власть, не имея многочисленного пролетариата, придя к власти во многом благодаря благожелательному отношению казачества, решило в своей политике опереться на малоземельных горцев, прежде всего тех же чеченцев и ингушей.

Начавшееся рассказывание, по мнению А.И. Деникина, превратило бывших «угнетателей» в самую угнетенную группу населения Терека [Деникин 2002: 182]. С точки зрения генерала, восстание терского казачества и русского офицерства, спровоцированное деятельностью местных органов Советской власти, было неизбежно. Оно готовилось деятелями казачьей фракции Терского народного совета с конца мая в городах Минераловодской группы, Кизляре, Моздоке, Владикавказе. Начать его планировалось в августе, после полевых работ, однако захват партизанами полковника А.Г. Шкуро Кисловодска в середине июня ускорил его начало. Центром восстания стал Моздок, где на съезде 20 июня 1918 г. в качестве руководящего органа восстания был выбран Казачье-крестьянский совет во главе с Г.Ф. Бичераховым [Морозова, Николаев 2021: 86]. Во главе вооруженных повстанцев стал полковник Н.К. Федюшкин, назначенный вместо раненого генерала Э.А. Мистулова.

Главное, на что совершенно точно обратил внимание генерал А.И. Деникин, заключалось в том, что ряды восставших изначально не были едины [Деникин 2002: 185-186]. Политически они делились на правых социалистов, группировавшихся в Моздоке вокруг Г.Ф. Бичерахова, и на «проденикинское» крыло, объединенное вокруг командующего повстанцами полковника Н.К. Федюшкина, деникинского генерала Д.Ф. Левшина, бывшего председателя Войскового круга П.Д. Губарева. Первые были склонны к компромиссу с региональной Советской властью, признавая ее легитимность, настаивая лишь на устранении перегибов на местах, ориентировались на порядки и построение армии периода Временного правительства, на союз и военную поддержку со стороны сил под командованием Л.Ф. Бичерахова, закрепившихся в Дагестане и создавших там Каспийско-Кавказское правительство. Вторые стояли за непримиримую борьбу с большевиками, создание дисциплинированной армии, всеобщую мобилизацию, полковую организации вооруженных сил, введение жесткой дисциплины. У А.И. Деникина это было описано как конфликт «правительства» и «командования», который невозможно было разрешить [Деникин 2002: 186-187]. Более того, по словам генерала А.С. Мадритова в изложении А.И. Деникина, Л.Ф. Бичерахов не исключал в перспективе вооруженного конфликта с пробивавшейся к Тереку Добровольческой армией генерала А.И. Деникина [Деникин 2002: 187].

Самое главное, на чем делал особый акцент генерал, было то, что у восставших не было полноценной армии. Существовало несколько участков-«фронтов», «...бились отдельные отряды, чисто ополченческого характера. Казаки служили посменно, появлялись на фронте на основании «сознательной дисциплины», на одну... две недели... «Родные хаты» – стимул большого морального значения, но почти всегда губительный для стратегии» [Деникин 2002: 188]. Нередки были случаи перехода казаков на сторону большевиков. Больше всего А.И. Деникина удивляло то, что при падении дисциплины, отсутствии регулярной армии и какого-либо тыла, нехватке вооружения и боеприпасов казакам удавалось пять с половиной месяцев сражаться с большевиками [Деникин 2002: 188]. Ответ заключался в том, что силы большевиков в терском регионе также были немногочисленными, мало дисциплинированными, обе стороны

конфликта проходили через стадию добровольчества, когда регулярная Красная армия на Северном Кавказе только начала строиться, а у казачьих повстанцев так и не появилось подобия регулярной армии до самого поражения восстания.

Если обратиться к цифрам, то по мнению генерала, силы повстанцев на пике восстания составляли до 12 тысяч человек при 40 орудиях, и к осени 1918 г. занимали несколько уже упоминавшихся «фронтов» между Прохладной и Кизляром. Лучшими частями, с точки зрения Антона Ивановича, были силы под командованием полковника К.К. Агоева у станицы Зольской, недалеко от Пятигорска, и силы под командованием полковника Г.А. Вдовенко, будущего генерала и терского атамана с начала 1919 г., располагавшиеся к юго-востоку от Георгиевска, который оставил собственные информативные воспоминания о Терском восстании [Деникин 2002: 189; Вдовенко 2001: 448-454]. Казачьи силы воевали у станиц Курской и Котляревской, у Грозного и Кизляра. В Кабарде и Осетии восставших казаков поддерживали силы во главе с З.А. Даутоковым-Серебряковым [Жанситов 2022: 132], С.А. Кибировым и Я.В. Хабаевым.

Генерал А.И. Деникин считал, что восстание было подавлено в том числе из-за того, что Добровольческая армия, которой он тогда командовал, неминуемо должна была разгромить красные вооруженные силы, базировавшиеся на территории Северо-Кавказской советской республики, в связи с чем красные имели только одну возможность пробиться на соединение с силами, базировавшимися в Астраханском крае – захватить железную дорогу, и далее пробиваться по Астраханскому тракту, для чего необходимо было разгромить терских повстанцев, контролировавших этот район [Деникин 2002: 189]. В этой связи большевики нанесли удары от Георгиевска на Моздок и от Пятигорска на Прохладную. В октябре-ноябре пали Зольская, Прохладная, Грозный, была снята осада Кизляра. Восставшие предприняли отчаянную попытку переломить ситуацию, на объединенном заседании Казачье-крестьянского совета и Временного правительства Терского края было решено объявить всеобщую мобилизацию. Однако время было упущено, генерал Э.А. Мистулов, назначенный во главе восставших вместо полковника Н.К. Федюшкина, застрелился, понимая, что восстание терпит поражение. Лучшие командиры повстанцев уже не могли командовать – полковник К.К. Агоев был ранен, а полковник Г.А. Вдовенко заболел.

После самоубийства генерала Э.А. Мистулова во главе повстанческой армии был назначен генерал И.Н. Колесников. Неразрешимые противоречия, приведшие к поражению восстания, привели к тому, что остатки восставших разделились. Часть, примерно до 4 тысяч человек, во главе с Б.Н. Литвиновым, К.К. Аговым, З.А. Даутоковым-Серебряковым и С.А. Кибировым, отступили на запад и в районе Баталпашинска вышли на соединение с частями Добровольческой армии. Меньшая часть повстанцев, до 2 тысяч человек, во главе с генералом И.Н. Колесниковым и правительством повстанцев отошла в сторону Дагестана, где в конце 1918 г. заключила военно-политический союз с Горской республикой. Терская советская республика была очищена от антибольшевистских повстанцев, Советская власть торжествовала победу.

Подводя краткие выводы, следует отметить, что 12-ая глава 4-го тома «Очерков русской смуты» генерала А.И. Деникина является крайне информа-

тивным источником для изучения Гражданской войны на Северном Кавказе летом-осенью 1918 г. Этому способствовал тот факт, что генерал А.И. Деникин в тот период непосредственно руководил Добровольческой армией, т.е. был не только главой самой могущественной вооруженной силы антибольшевистского движения на юге России в 1918 г., но и был верховным гражданским руководителем территории, отбитой у большевиков на Северном Кавказе. Также, по его утверждению, он создавал 4-ый и 5-ый тома «Очерков...», имея гораздо больше официальных и частных материалов для их написания, чем при написании того же 2-ого тома, где отражена ситуация на Северном Кавказе на рубеже 1917-1918 гг. Прослеживается как авторское неприятие пассивного поведения терского казачества на рубеже 1917-1918 гг., так и разочарование в упущенных возможностях восстания из-за раскола на «правительство» во главе с Г.Ф. Бичераховым и «командование» во главе с Н.К. Федюшкиным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

- Вдовенко 2001 – *Вдовенко Г.А.* Борьба терских казаков с большевиками в 1918 году // Сопrotивление большевизму. 1917-1918 гг. – М.: Центрополиграф, 2001. – С. 448-454.
- Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.
- Деникин 1925 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Слово, 1925. – 244 с.
- Деникин 2002 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – Минск: Харвест, 2002. – 560 с.
- Добрякова, Камбиев 2021 – *Добрякова Н.А., Камбиев А.М.* К вопросу о горском национальном движении на Тереке и в Дагестане в 1917-1921 гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 88-91.
- Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.
- Жанситов 2022 – *Жанситов О.А.* Смена власти в Кабарде в период революционных потрясений 1917-1918 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 129-138.
- Ипполитов 2006 – *Ипполитов Г.М.* Деникин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 665 с.
- Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.
- Кажаров, Цолоев 2017 – *Кажаров А.Г., Цолоев Т.С.* Общественно-политическая деятельность горской интеллигенции на Северном Кавказе в условиях русской революции 1917 г. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 47-53.
- Камбиев 2022a – *Камбиев А.М.* Абдул-Меджид Чермоев - первый глава Горской республики в годы Гражданской войны на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 21-23.
- Камбиев 2022b – *Камбиев А.М.* Пшемахо Коцев – один из лидеров движения горцев Северного Кавказа за независимость в период Революции и Гражданской войны // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-1. – С. 23-26.
- Лобанов 2024 – *Лобанов В.Б.* Терек и Дагестан на рубеже 1917-1918 гг. в описании генерала А.И. Деникина // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 248-256.
- Лобанов 2012 – *Лобанов В.Б.* Терское антибольшевистское восстание (июнь-ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 47-51.

Лобанов, Михайлов 2016 – Лобанов В.Б., Михайлов В.В. Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 32-37.

Матиев 2020 – Матиев Т.Х. Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Михайлов, Лобанов 2011 – Михайлов В.Б., Лобанов В.Б. «Объединить весь Северный Кавказ на основе единства России». Доклад генерал-майора Б.Н. Лазарева главнокомандующему Добровольческой армии генерал-лейтенанту А.И. Деникину. 1918 г. // Исторический архив. – 2011. – № 2. – С. 148-164.

Морозова, Николаев 2021 – Морозова В.О., Николаев А.В. К вопросу о военно-политической активности терского казачества в годы революции и Гражданской войны // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 85-88.

Пученков 2016 – Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). – М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

Религиозный... 2024 – Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / под ред. А.С. Пученкова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. – 572 с.

REFERENCE

VDOVENKO G.A. *Bor'ba terskih kazakov s bol'shevikami v 1918 godu* // *Soprotivlenie bol'shevizmu. 1917-1918 gg.* [The struggle of the Terek Cossacks with the Bolsheviks in 1918 // Resistance to Bolshevism. 1917-1918]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2001. – Pp. 448-454. (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 p. (In Russ.).

DENIKIN A.I. *Ocherki russkoj smuty. T. 4. Vooruzhennye sily Yuga Rossii* [Essays on the Russian troubles. Vol. 4. The Armed forces of the South of Russia.]- Berlin: Slovo, 1925. – 244 p. (In Russ.).

DENIKIN A.I. *Ocherki russkoj smuty: Vooruzhennye sily yuga Rossii. Raspad Rossijskoj imperii. Oktyabr' 1918 – yanvar' 1919* [Essays on the Russian Troubles: The Armed Forces of Southern Russia. The collapse of the Russian Empire. October 1918 – January 1919]. – Minsk: Harvest, 2002. – 560 s.

DOBRYAKOVA N.A., KAMBIEV A.M. *K voprosu o gorskom nacional'nom dvizhenii na Tereke i v Dagestane v 1917-1921 gg.* [On the question of the Mountain national movement on the Terek and in Dagestan in 1917-1921]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – № 6. – P. 88-91. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Revolucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN.* – 2017. – № 2 (76). – P. 113-118. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Smena vlasti v Kabarde v period revolyucionnyh potryasenij 1917-1918 godov* [The change of power in Kabarda during the revolutionary upheavals of 1917-1918]. IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2022. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 129-138. (In Russ.).

IPPOLITOV G.M. *Denikin* [Denikin]. – М.: Molodaya gvardiya, 2006. – 665 p. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob'edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: *Vestnik AGU.* – 2018. – № 1(214). – P. 28-38. (In Russ.).

KAZHAROV A.G., TSOLOEV T.S. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' gorskoj intelligencii na Severnom Kavkaze v usloviyah russkoj revolyucii 1917 g.* [Socio-political activity of the mountain intelligentsia in the North Caucasus in the conditions of the Russian Revolution of 1917]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya.* – 2017. – No. 4. – Pp. 47-53. (In Russ.).

KAMBIIEV A.M. *Abdul-Medzhid Chermoev – pervyj glava Gorskoj respubliki v gody Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [Abdul-Medjid Chermoyev – the first head of the Mountain Republic during the Civil War in the North Caucasus]. IN: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2022. – № 81-1. – P. 21-23. (In Russ.).

KAMBIIEV A.M. *Pshemaho Kocev – odin iz liderov dvizheniya gorcev Severnogo Kavkaza za nezavisimost' v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Pshemakho Kotsev – one of the leaders of the movement of the highlanders of the North Caucasus for independence during the Revolution and Civil War]. IN: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2022. – № 81-1. – P. 23-26. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Terek i Dagestan na rubezhe 1917-1918 gg. v opisanii generala A.I. Denikina* [Terek and Dagestan at the turn of 1917-1918. in the description of General A.I. Denikin]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2024. – № 2. – P. 248-256.

LOBANOV V.B. *Terskoe antibol'shevistskoe vosstanie (iyun'-noyabr' 1918 goda): sovremennyy vzglyad* [Tersk anti-Bolshevik uprising (June-November 1918): a modern look]. IN: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. – 2012. – Vol. 18. – No. 4. – Pp. 47-51. (In Russ.).

LOBANOV V.B., MIKHAILOV V.V. *Periodizaciya bor'by za vlast' na Severnom Kavkaze v 1917-1920 gg.* [Periodization of the struggle for power in the North Caucasus in 1917-1920]. IN: *Voenno-istoricheskij zhurnal*. – 2016. – № 9. – P. 32-37. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Kep», 2020. – 402 p. (In Russ.).

MIKHAILOV V.V., LOBANOV V.B. *«Objedenit ves Severnij Kavkaz na osnove edinstva Rossii». Doklad general-majora B.N. Lazareva glavnokomandujushemy Dobrovolcheskoj armii general-leitenantu A.I. Denikinu. 1918* ["Unite the entire North Caucasus on the basis of the unity of Russia". Report of Major General B.N. Lazarev to the Commander-in-Chief of the Volunteer Army, Lieutenant General A.I. Denikin. 1918]. IN: *Istoricheskij Archive*. – 2011. – No. 2. – Pp. 148-164. (In Russ.).

MOROZOVA V.O., NIKOLAEV A.V. *K voprosu o voenno-politicheskoj aktivnosti terskogo kazachestva v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [On the issue of military and political activity of the Terek Cossacks during the Revolution and Civil War]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – № 6. – P. 85-88. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. – M.: Scientific and Political book, 2016. – 399 p. (In Russ.).

Religioznyj faktor v gody grazhdanskoj vojny v Rossii: fenomen, znachenie, regional'naya specifika / pod red. A.S. Puchenkova [The religious factor during the Civil War in Russia: phenomenon, significance, regional specificity / ed. by A.S. Puchenkova]. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2024. – 572 p.

Информация об авторе

В.Б. Лобанов – кандидат исторических наук.

Information about the author

V.B. Lobanov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации **(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821-35

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-307-321

EDN: IZETBL

ТВОРЧЕСТВО М. ОЛЬМЕЗОВА В СВЕТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ РУБЕЖА ВЕКОВ (XX–XXI)

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Статья имеет целью обзорно и вместе с тем целостно осветить многоаспектное, разножанровое художественное творчество Мурадина Ольмезова – одного из востребованных и авторитетных авторов современной балкарской литературы. В работе очерчен ряд вопросов, касающихся выявления ведущих стилевых тенденций, широкий круг осваиваемых тематических направлений и актуальной проблематики, комплекс образных конструкций, констант, доминирующих поэтических формул. Параллельно определены основные этапы творческой эволюции поэта и драматурга. В ходе исследования рассматривается ценностное содержание значимых произведений М. Ольмезова, раскрываются различные трактовки философских концепций в отражении национальной картины мира. В качестве основополагающих черт авторской манеры определяются искренность в раскрытии эмоционально-сенситивной составляющей личностного мировосприятия, достоверность изображаемых событий, историческая ориентированность лиро-эпических текстов, выраженный драматизм сценических произведений. Разноплановость творческих интересов позволяет сделать вывод об уровне художественного мастерства поэта, во всей полноте реализовавшего свое дарование. Ведущим направлением в творчестве анализируемого автора, безусловно, является детская поэзия. Плодотворным видится его опыт в обогащении репертуара национального театра и развитии современной балкарской драматургии. Отдельного внимания заслуживает переводческая деятельность. Весомые результаты достигнуты им в расширении возможностей поэтики, освоении новых форм, таких как верлибр (свободный стих), способствуя привнесению свежих идей в национальное стихосложение. Как результат – поэзия М. Ольмезова занимает достойное место в балкарской литературе последних десятилетий. Руководствуясь обозначенными критериями, в статье дана объективно-целостная оценка индивидуальным творческим находкам и достижениям автора в свете художественных исканий рубежа XX–XXI веков.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, жанровые формы, лирика, верлибр, поэма, драма, детская поэзия.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Творчество М. Ольмезова в свете художественных исканий рубежа веков (XX–XXI) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 307-321. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-307-321. EDN: IZETBL.

Original article

THE WORK OF M. OLMEZOV IN THE LIGHT OF THE ARTISTIC QUEST OF THE TURN OF THE CENTURY (XX–XXI)

Asiyat D. Atabieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

Abstract. The article aims to review and at the same time holistically highlight the multidimensional, multi-genre artistic work of Muradin Olmezov, one of the sought-after and authoritative authors of modern Balkar literature. The work outlines several issues related to the identification of leading stylistic trends, a wide range of mastered thematic areas and topical issues, a complex of figurative structures, constants, and dominant poetic formulas. In parallel, the main stages of the creative evolution of the poet and playwright are determined. The study examines the value content of the significant works of M. Olmezov, reveals various interpretations of philosophical concepts in reflecting the national picture of the world. The fundamental features of the author's manner are sincerity in revealing the emotionally sensitive component of the personal worldview, the authenticity of the depicted events, the historical orientation of lyric-epic texts, and the pronounced drama of stage works. The diversity of creative interests allows us to conclude about the level of artistic skill of the poet, who fully realized his talent. The leading direction in the work of the analyzed author, of course, is children's poetry. His experience in enriching the repertoire of the national theatre and developing modern Balkar drama is seen as fruitful. Translation activities deserve special attention. He has achieved significant results in expanding the possibilities of poetics, mastering new forms such as *verlieb* (free verse), introducing fresh ideas into the national versification. As a result, M. Olmezov's poetry occupies a worthy place in the Balkar literature of recent decades. Guided by the above criteria, the article provides an objective and holistic assessment of the author's individual creative findings and achievements in the light of artistic developments at the turn of the XX–XXI centuries.

Keywords: creative individuality, genre forms, lyrics, *verliebre*, poem, drama, children's poetry.

For citation: Atabieva A.D. The work of M. Olmezov in the light of the artistic quest of the turn of the century (XX–XXI). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – С. 307-321. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-307-321. EDN: IZETBL.

© Atabieva A.D., 2024

Личность любого художника, к какой бы области литературного творчества ни был направлен ее интерес, требует вдумчивой, объективной оценки, исходя из качества и концептуальной завершенности созданных им произведений, четко оформленной мировоззренческой позиции автора, степени художественного освоения действительности посредством слова. Существенным в этой связи видится осмысление самой специфики творчества, как процесса непрерывного познания и отражения мира. Из этих важных звеньев складывается целостное представление о творческой индивидуальности поэта или писателя, за которыми закреплено соответствующее жанрово-стилевое амплуа. В особенности, если творчество анализируемого автора настолько многоаспектно, что удивляет прозорливостью художественного зрения создающего.

Надо сказать, что художественное наследие Мурадина Мусаевича Ольмезова не обделено вниманием критики. Некоторые направления его литературной деятельности избирательно рассматривались Ф. Урусбиевой, Ж. Кулиевой, Т. Толгуровым, А. Сарбашевой, Е. Жабоевой-Тетуевой, А. Сараккуевой и другими исследователями. Вместе с тем очевидна необходимость целостного рассмотрения творчества автора в свете художественных исканий рубежа веков, с выявлением важных эволюционных этапов, определением жанрово-тематического диапазона созданных им произведений, комплексной оценкой возможностей поэтики, индивидуальных стилистических решений, идейной и структурно-содержательной составляющих авторского текста.

М. Ольмезов – балкарский поэт, драматург, прозаик, переводчик, автор внушительного числа детских произведений. Родился в 1949 г. в селении Эрназар Талды-Курганской области Казахской Автономной республики. Депортированная в Среднюю Азию семья поэта после реабилитации вернулась в Кабардино-Балкарию. В 1968 г. окончил среднюю школу, через пять лет поступил в Литературный институт им. Горького, учебу в котором завершил в 1978 г. Некоторое время работал в сфере туризма. С 1986 г. задействован в журнале «Минги Тау» («Эльбрус») в должности редактора отдела поэзии, а затем ответственного секретаря. С 1988 г. принят в Союз писателей СССР.

Литературная деятельность М. Ольмезова весьма плодотворна и многообразна в жанровом соотношении. За несколько десятилетий опубликованы стихотворные сборники, книги детской поэзии, издания лиро-эпических и драматургических произведений: «Жугъутур ызла» («Турьи следы» – Нальчик, 1977) [Ольмезов 1977], «Гыллыу-гыллыу гыллыуча» («Летят, летят качели» – стихи, сказки, загадки. Нальчик, 1977), «Кюн – кьол аязы тангымы» («Солнце – ладонь моего рассвета» – Нальчик, 1983), «Кишиучукъ» («Котенок» – Нальчик, 1984), «Черепаха и дождик» (стихи для детей в переводах Я. Акима – Нальчик, 1986), «Эрирей» (первая книга стихов, изданная на русском языке – Нальчик, 1986), «Билляча» («Знайка» – Нальчик, 1989), «Жашырын тала» («Тайная поляна» – Нальчик, 1991), «Акъ жугъутур» («Белый тур» – Нальчик, 1999), «Гошых бийче» («Княгиня Гошых» – трагедии. Нальчик, 2003), «Бош, бош, бош алай» («Просто, просто, просто так» – Нальчик, 2005), «Юзмез сагъат» («Песочные часы» – Нальчик, 2009), «Камни и птицы» (стихи в переводах Г. Яропольского – Нальчик, 2014), «Учхан айрыкамны хангошасы» («Принцесса летучего острова» – роман-сказка, повести. Нальчик, 2015); «Тужур» («Резьба» – Нальчик, 2019).

Внушительен список регалий и наград поэта: Лауреат премии Госкомиздата КБАССР по детской литературе (1991), Лауреат Государственной премии КБР по литературе (2000), Лауреат премии журнала «Литературная Кабардино-Балкария» (2009), Лауреат Eurodram (Европейская сеть театрального перевода) за 2014 год, Лауреат Международного поэтического марафона «45-я параллель» (2016), Финалист Всероссийской общенациональной литературной премии «За верность Слову и Отечеству» (2012). В 2008 г. пьеса «Кровь и пепел» в переводе на французский язык издана в Париже. Пьеса «Тахир и Зухра» признана лучшей на 2 фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ». Пьеса «Шошлукъну чюйреси» («Изнанка тишины») вошла в список

победителей Eurodram-2014 и получила Всероссийский грант на фестивале театров Юга России, где была признана лучшей национальной пьесой 2017 г.

Творческий путь М. Ольмезова берет начало со второй половины 70-х гг. XX в. Первый сборник стихов «Жугъутур ызла» («Турьи следы») издан в 1977 г. Содержащиеся в нем глубокие по смыслу стихи возвестили о появлении на литературной арене талантливого поэта. Отмеченная эпоха характеризуется освобождением всех сфер общественной жизни от идеологических пут. Сдержанность литературы предыдущих десятилетий сменяется манифестацией внутренней свободы и творческого раскрепощения. Прежде художники (весьма талантливые, обладавшие большим потенциалом) творили с оглядкой на цензуру и иные социально-политические факторы, не позволявшие открыто отстаивать индивидуальную позицию. В этом отношении 70-е гг. XX в. – особое время, когда сбивались прежние ориентиры, появилась осознанная потребность в объективном отражении действительности без уклончивых, нейтральных нот. Идеологическая завеса постепенно спадала, не было необходимости в ретушированных образах, долгое время создававших идеализированное представление о существующей системе. Обнажились назревшие до той поры проблемы, о которых следовало говорить, определив тем самым новое направление литературного творчества. Основной упор в деятельности национальных поэтов и писателей означенного периода сделан на внутренней гармонизации реальности, выражении индивидуального голоса, напоминании об этнической идентичности. Усиление данной проблематики послужило толчком для последующего развития всех литературных жанров и направлений отмеченных лет. М. Ольмезов стал одним из тех, кто активно раскручивал этот немаловажный аспект – сохранение аутентичности. Вот как описываемое время характеризуется литературной критикой: «К середине 70-х годов прошлого века балкарская поэзия оказалась в весьма необычном эволюционном положении. Статус ее в глазах союзного читателя определялся творчеством Кайсына Кулиева – одного из сильнейших авторов второй половины XX столетия. Но на самом деле к этому моменту полноценно национальная поэтическая традиция представлялась текстами сразу нескольких человек, чьи одаренность и профессионализм были если не равны, то вполне сравнимы с кулиевскими» [Толгуров 2019: 73].

На этапе становления в поэзии М. Ольмезова определяется влияние традиций иноязычных литератур (стихи-подражания Омару Хайяму, как пример). В поэтических сборниках автора представлены также трехстишия, структурированные в соответствии с традиционными формами японской поэзии («Басё», «Бусон»). Некоторые тексты концептуально перекликаются с поэзией И. Бабаева («Таш тирмен» – «Каменные жернова», «Жар эрнинде ёседи тал терек» – «Ива, растущая на обрыве»). Собрату по перу посвящены стихотворения «Ибрагим», «Ташны жюреги» («Сердце камня»). Уроки И. Бабаева очевидны в выстраивании образной системы (*дерево, жернова, камень, буран, молния*) с внесением новых смысловых оттенков в их трактовку (о дереве – «Жашау бла ёлюм бирлигинде, // Къара, къалай сабыр жашнайды ол!» – «В единстве жизни и смерти, // Смотри, как сдержанно цветет оно!») [Ольмезов 1991: 28]. Однако М. Ольмезов успешно избежал подражательства в привычном понимании.

Названия книг в полной мере позволяют судить о смыслах, вкладываемых поэтом в творчество, а также о том, чем продиктован выбор именно этого пути. Поэтические строки формируются в единстве слова, идеи, чувства, рифмы и ритма, побуждая читателя к размышлениям. Стихотворения «Сабийлик жыр» («Песня детства») и «Таш кёпюр» («Каменный мост») – тому подтверждение. Некоторые произведения схожи с традиционными формами «ийнаров» (песен о любви – «Турнала» – «Журавли», «Сен» – «Ты», Сакълайма сени» – «Жду тебя») или «кюй» (песен драматической тональности – «Алты кюй» – «Шесть плачей», «Желни тарыгыуу» – «Жалоба ветра» и т.п.). Немало в творчестве поэта овеванных печалью строк с оговоркой, вселяющей надежду: «*Жарсыма аны ючюн, ол да озар!*» («Не печалься об этом, и это пройдет!»). В подчеркнутом русле развивается сюжет стихотворений «Мудак кюнюмде...» («В грустный день»), «Жарсыма, кюн тиер...» («Не печалься, выйдет солнце»), («Жашау бла ёлюм» – «Жизнь и смерть»).

Особое место в творчестве М. Ольмезова отведено пейзажной лирике, ей посвящен целый раздел под названием «Акъ къайынчыкъ» («Белая березка»). В стихах автора природа неизменно одухотворена, в ней превалирует белый цвет («*чиммакъ чакъгъан балли бутакъ*» – «в белом цветении ветка вишни»). Язык произведений сказочно метафоричен: солнце смеется как Сатанай, улыбается осень – золотая дочь солнца, тополь танцует на ветру девочкой-цыганкой, в небе пасется облако.

Немало в поэзии Мурадина строк, звучащих как призыв народа к единению, они служат важным напоминанием о необходимости возвращения к этническим истокам («Азат назму» – «Стих свободы»), в поэтическом тексте звучат рефренные строки: «Биз да миллет болайыкъ!» («Будем и мы этносом!»), «Биз да адам болайыкъ!» («Станем и мы людьми!»). Тот же лейтмотив реализуется и в стихотворении «Ёрге тур! Малкъарым!» («Встань, моя Балкария!»), «Кёзюбюз бар!» («Глаза у нас есть!»).

Кёзюбюз бар! –
Некбиз сокъур?!
Сёзюбюз бар! –
Некбиз тилсиз?!
Къаныбыз бар! –
Некбиз ётсюз?!
Жерибиз бар! –
Некбиз ёксюз?!

[Ольмезов 2009: 76]

Глаза у нас есть! –
Почему же мы слепы?!
Слово у нас есть! –
Почему же мы немые?!
Есть в нас кровь! –
Почему мы без стержня?!
Есть и земля!
Почему мы сироты?!

(Подстр. перевод здесь и далее – А.А.)

Поэт призывает читателя помнить о своих корнях, не забывать «аманат Минги Тау» – вверенную предками культуру. В этом смысле примерами мужества служат имена героев Карчи, нартов-богатырей Ёрюзмека, Сосурука и Ачемеца. Восславление родины – идейная основа стихотворения «Тейри Тау» («Гора Тейри»), его двуглавые вершины выступают олицетворением Балкарии и братского Карачая, потомков славного племени нартов. Минги Тау (Эльбрус) воспринимается как залог счастья и символ благополучия народа. Подобных

автологических определений в поэзии М. Ольмезова немало, причем, все образы и явления несут вполне определенный смысл. В высказываниях об «эмоциональной матрице» поэта критикой отмечается «однозначность эмотивного наполнения» стиха и «точность попадания в поле авторских переживаний» (Толгуров Т.).

Впечатляющей силой обладает лиро-эпическая поэма «Къара сабан» («Черная пашня»), посвященная теме геноцида, судьбе народа-изгнанника. В ней содержится вся правда о событиях периода войны и депортации. Существует и другое название произведения – «Малкъар» («Балкария»). Автором представлен дополненный, расширенный вариант первоначального текста. Художественное повествование сопровождается подлинными историческими и архивными документами, хрониками, воспоминаниями очевидцев. В произведении освещены бесправное положение выселенцев, издевательства комендантов, голод и непосильный труд. Автор повествует о казахском селении Эрназар, куда привезли семью Махмута и Айсаны, в то время как их сын Аскер сражался на фронте. Суровые годы на чужбине описываются следующим образом: «Сууукъ, къарангы эдинг нечик, / Он юч жылгъа созулгъан кече!» («Какой холодной, темной оказалась ты, / На тринадцать лет растянувшаяся ночь!») [Ольмезов 1991: 152]. Проникновенны строки, в которых подчеркнута сила человеческого духа, не сломившегося под напором трагических обстоятельств:

Базман этип эсин, акъылын,
Бир Аллахха базды, ийнанды.
Шукур! Кёралды ташын, къарын,
Тыпыр оту жангыдан жанды! [Ольмезов 1991: 381]
Весами сделав сознание и ум,
На Аллаха единого уповал и верил.
Хвала! Увидел камни родные, снега,
Очаг родной вновь зажегся!

Автор завершает свое произведение перечислением стертых и невозстановленных селений Баксанского ущелья. Этот трагический эпизод этнической истории чаще всего умалчивается, поэтому текст не лишен эмоционально-оценочных моментов.

Настоящий поэт несет бремя своего таланта и тяжесть собственных мыслей, стремящихся вырваться на свободу, быть оформленными не только на листе бумаги, но и зажечь пламя в умах людей. Сказанное применимо к сборнику стихов и поэм «Жашырын тала» («Тайная поляна», 1991). Во вступительном слове к данной книге И. Бабаев не случайно проводит параллели с поэзией Ф.Г. Лорки, обращая внимание на идейную общность творчества обоих художников. Он называет поэзию могуществом над словом и действительностью, и именно эта сила присутствует в произведениях М. Ольмезова. В них отчетливо проступает осознание несовершенства современной реальности, отражается неравнодушие поэта к любому явлению или событию в окружающем мире, искренность чувств и эмоций. Патриотические мотивы транслируют неподдельную тревогу автора за будущее своего народа. Размышления художника находят

отклик в сердце читателей разных поколений, поскольку выражают их сокровенные чаяния и надежды.

Философия жизни сконцентрирована в стихотворениях «Ыз» («След»), «Таш тирмен» («Каменные жернова»), «Заман – суратчы» («Время – художник»), «Юзmez сагъат» («Песочные часы»), «Аякъ тюпде гыржын бурхула» («Крошки хлеба под ногами»), «Жашау бла ёлюм» («Жизнь и смерть»), «Ётмекни багъасы» («Цена хлеба»), «Жылла тузу чачымы агъартханлы...» («Соль долгих лет обелила сединой...»), «Бушуу» («Горе»), «Шошлукъ» («Тишина»), «Заман» («Время»), «Алты кюй» («Шесть плачей»), «Къама жазула» («Стихи-кинжалы» – лаконичные четверостишья на заданную тему). В их содержании превалируют трагические ноты, наблюдается тяготение М. Ольмезова к рефлексии.

Жизнь многолика, каждую минуту в разных концах света одновременно происходят как радостные, так и печальные события, на них мгновенно отзывается сердце поэта («Ингир терезеле» – «Вечерние окна», «Жилямукъ» – «Слеза», «Кюзгю» – «Зеркало», «Элгеннген аяз» – «Вздвогнувший ветерок»). Его ранят страдания ребенка, чья жизнь обрывается, и сказка неминуемо заканчивается; он чувствует боль матери, чья душа обливается кровью из-за былых потерь; знает цену горсти зерна и ломтю хлеба, спасавшим жизни в голодные годы. Опыт и память рождают мысли, которые не подвластны воле сердца. Поэт пишет:

Кирши туман...
Толмагъан умутларымы от жагъасында,
Жюзжыллыкъ къартлай,
Олтурады ауур сагъышым,
Эсгериуле отун ышыра... [Ольмезов 1999: 91]

Морозящий туман...
У очага несбывшихся надежд моих,
Столетним стариком
Сидит тяжелое раздумье,
Воспоминаний раздувая пламя...

Автор настолько отягощен размышлениями о жизни, что порой не выдерживает их давления («Ауурду бюгюн кёз жашым // Ауурду... тобукъландырырча» – «Тяжелы сегодня слезы мои, // Тяжелы так, что сгибаются колени»). Вот другой отрывок из стихотворения:

Бирде бушуу келип къалады,
Таш юзюлгенча къаядан.
Адам а – амалсыз болады –
Сорады: Нек? Къалай? Къайдан? [Ольмезов 1999: 154]

Порой беда приходит внезапно,
Как камень, со скалы сорвавшийся.
А человек – растерян от бессилия –
Вопрошает: Зачем? Как так? Откуда?

И следом звучат жизнеутверждающие мотивы: «Жарсыма, кюн тиер» – «Не печалься, солнце будет светить», «Сабийлигими жыры» – «Песня моего детства», «Эрирей» и прочие.

Одной из значимых линий в творчестве Мурадина Ольмезова является любовная лирика. В книгах «Тайная поляна» (1991), «Песочные часы» (2009) представлена серия таких произведений («Ариуса сен, къарап тоймазча» – «Прекрасна ты, что ненасытен взгляд», «Кече жазылгъан назму» – «Стихотворение, написанное ночью», «Жыягъынгда батыучукъ» – «Ямочка на твоей щеке», «Жарыгъынгдан къаналмайма» – «Не могу насытиться твоим светом», «Ахыр жауун» – «Последний дождь» и др.). Любимую поэт уподобляет деревцу, дрожащему на ветру («Кеч суймеклик» – «Поздняя любовь»). В стихотворении «Гюлле» («Цветы») запечатлен весь жизненный цикл героини: *девочка – девушка – женщина – старушка*, одновременно фиксируя важные детали, отражая различные грани характера и психологического состояния, отношение к миру и то, как безжалостно время к красоте. Немного иначе подаются стадии человеческой жизни в стихотворении «Юч терек» («Три дерева»). Гибкое *деревце* возле реки представляется детством, упругая, сильная *сосна* олицетворяет юность, иссушенный *дуб* – символ старости. Впечатляют метафоры, которыми активно насыщается поэтический текст. Влюбленное сердце испытывает жажду, огонь чувств горит зеленым пламенем, расставание видится распутием двух дорог. Ушедшая любовь оборачивается маленьким ребенком, тянет руки и просит о помощи. Иногда два близких человека становятся чужими, слова упрека вонзаются штыками, доверие становится врагом для человека, разлад в семье делит мир на две части, словно чувство незаметно обокрало душу. Вначале любовь кажется лирическому герою недостижимой звездой, затем *«судьба в лохмотьях нищенки смеется»*. Яркую, светлую часть общих воспоминаний, где поют птицы, орлы парят, лирический герой отдает любимой, однако тень с поселившимися в ней горечью, сомнениями и страданиями, он готов оставить себе, проявляя тем самым пример безусловной любви: *«Жарыкъ жаны – ма, сени болсун, // Ауанасын а кесиме къояма» («Светлая сторона – вот, твоей пусть будет, // Тень же оставляю себе»)*.

Гимном любимой женщине звучит лирическая поэма «Стихотворение-молитва». Поэт благодарит женские руки, что вылечивают раны, растят детей, пекут хлеб, хранят домашний очаг. Лирический герой сравнивает любимую с княгиней Гошах, чей грустный голос звучит из глубины веков. В тексте проявляется развитое ассоциативное мышление автора: бездумная юность в понимании художника как золото, серебро же, как седина, по-мужски степенно. Жизнь двойственна, *«порой она малины слаще, а иногда крапивой жжёт»*. Пятнадцать лет совместной жизни переплавлены в столько же стихов-посвящений. М. Ольмезов называет эти годы покорением горы, морями, переплываемыми вместе. Он чувствует свою силу перед ветрами судьбы, пока любовь продолжает освещать ему дорогу.

Угъай! Ол сынасын мени,
Урсун, туйсюн кёлю кенгерча.

Къайда анга мени женгерча
Къарыу?! Сакълайды сюйгеним [Ольмезов 2009: 76].

Нет! Пусть испытает он меня,
Пусть бьет, пока не ощутит удовольствия.
Куда ему меня прогнать или одолеть,
Откуда сила?! Любимая ждет меня.

Удачна стихотворная подборка, вошедшая в книгу «Юзmez сагъат» («Песочные часы»), издание которой приурочено к 60-летию поэта. Афористичность языка рождает цветовые контрасты, ритмические комбинации, причудливые образы и сравнения: «Ёле эди кюз акъырын...» («Осень медленно умирала...»), «Къар элейди булут, къар элейди» («Облако просеивает снег...»). Воображение художника визуализирует картины природы в неожиданном ракурсе – *«луна, запуталась в кроне дерева и сломалась, словно выпавшая из рук стеклянная тарелка», «облако цвета золы», «ночи черная смола разлилась на поверхность земли»* [Ольмезов 2009: 19]. Такая «многоярусная «укладка» смыслов... позволяла увеличить суггестивный потенциал художественного слова, расширить диапазон его ассоциативных адресаций» [Толгуров 2019: 73].

Драматургия – одно из плодотворных направлений творчества М. Ольмезова. Им созданы две полноценные трагедии, написанные в стихах («Княгиня Гошayah», «Тахир и Зухра» – переложения сюжетов из восточной литературы и фольклора). Также он является автором детской пьесы «Урланган жырчыкъ» («Украденная песенка»).

В трагедии «Княгиня Гошayah» за основу взят адаптированный сюжет известной народной песни, хотя композиция произведения выстроена с расчетом на сценическое воспроизведение. Надо сказать, драма отнюдь не дублирует устно-поэтический текст, М. Ольмезов по возможности стремился расширить рамки повествования, главным образом с идейной точки зрения. В трагедии нет классового разделения героев, их противостояние и основной конфликт сосредоточены на области чувств и межличностных взаимоотношений. Почти все герои драмы (Бекмырза, его сыновья Камгут, Элбуздук и Каншаубий, друг семьи Гюргок, кровник Шаз и сама Гошayah) принадлежат к высшему сословию горского общества. Объединяющей чертой действующих лиц является соблюдение принятых в народе обычаев и традиций, стремление соответствовать представлениям о горском кодексе чести.

Автор старался раскрыть особенности человеческих характеров, противоречивый внутренний мир героев. Духовный потенциал личности проявляется и реализуется через отношение к любви, на этой теме и выстроен основной конфликт драмы. М. Ольмезов характеризует персонажей через двойственное восприятие этого чувства, акцентируя внимание на противоречии чистой любви (между Каншаубием и Гошayah) и на процессе ее подмены эгоизмом, тщеславием, потребностью в достижении желаемого (на примере образов Камгута, Шаза, Гюргока, Куны). Герои драмы позволяют гордыне взять верх над разумом и благими побуждениями, в итоге их жизнь обрывается. Такова безответная любовь Куны к Каншаубию, ставшая причиной мести, унижения и гибели героини.

ни. Камгут, плененный красотой княжны, желал утвердить свое превосходство над пленницей, за что и был наказан. В тринадцатилетнем возрасте Гошаях – единственную дочь таубия и нареченную невесту Шаза выкрали из родительского дома и привезли в стан Бекмырзы. Результатом мщения стало убийство Камгута, затем и Каншаубия. Таким образом, трагические судьбы персонажей тесно сплетены вокруг единой драматической коллизии.

Особого внимания заслуживает трагедия «Къан бла кюл» («Кровь и пепел»). Произведение содержит свидетельства и воспоминания очевидцев, в подтверждение автором приводятся подлинные архивные материалы. Действие происходит непосредственно в ноябре-декабре 1942 г. – события, известные как «Черекская трагедия», когда произошло массовое истребление мирных жителей горных сел в результате трехдневной карательной операции. Отрядами НКВД под началом генерал-майора Ф. Захарова были уничтожены сотни человек (в том числе дети до 16 лет), сожжены и разрушены несколько балкарских селений (Сауту, Глашево, Верхний Чегет и др.). Подробные сведения о данном факте, признанном как акт геноцида, опубликованы Х. Тетуевым на портале Про-за.ру. [Тетуев 2023].

Анализ «драматургического блока» произведений М. Ольмезова следует дополнить характеристикой пьесы «Шошлукъну чюйреси» («Изнанка тишины»). Сценические постановки драмы осуществлялись в разное время в кабардинском государственном театре им. Али Шогенцукова (режиссер – Руслан Фиров), карачаевском драматическом театре им. Ш.М. Алиева (режиссер – Магомед Атмурзаев). Спектакль «Где я ошибся?» по пьесе «Изнанка тишины» успешно дебютировал и на калмыкской сцене в адаптированном переводе Сергея Мучиряева, режиссер-постановщик – Алисултан Батыров.

Действие драмы разворачивается в высокогорном балкарском селе. Содержательное ядро произведения составил конфликт поколений. На примере взаимоотношений в отдельной семье автор затронул немаловажную в современных реалиях тему отчужденности молодежи от родовых связей и традиций этноса. Драматург ориентирован на создание различных психологических типов, осмысление причин и мотиваций поступков действующих лиц. В контексте пьесы актуализируются проблемы социального характера: пьянство, наркомания, бесцельное прожигание жизни (через образы Кылипа – он же Азнаур, Ахила и Инессы). Механизм поведения главных героев обусловлен трагическим несоответствием взаимным ожиданиям, различием мировоззрений и ценностных установок. Автор стремился донести мысль об ответственности родителей за воспитание детей, о необходимости почитания старших, важности сочувствия ближнему, заботы о немощных. В этой связи на передний план выдвигается проблема одинокой старости. В словах Ачана: *«Почему народ, переживший несравнимо более трудные времена, так очерствел, стал настолько бездушен?»* отражены следствия безучастности, равнодушия и эгоизма, присущих современному обществу. Стремление молодых людей (Тебо и Маро) убедить родителей перебраться в город с намерением обустроить собственный быт противоречит желанию стариков (Ачана и Назифы) остаться в родном селе, что неминуемо вносит разлад во взаимоотношения отцов и детей. Глава семьи, вы-

нужденный продать добротный сельский дом, чтобы помочь внуку Ахилу выбраться из долговой ямы, лишается нажитого имущества и оказывается в доме престарелых.

Автор оперирует приемом иносказания для более глубокого раскрытия главной идеи. Предвестником грядущих несчастий служит видение Кыдена (сельского «дурачка»), взору которого доступно то, что сокрыто от обычных людей, герой наблюдает за тем, как на крыше дома черный дракон борется с красным, и все вокруг начинает полыхать. Таким образом, художник фокусируется на внутреннем противоборстве человека, которому предстоит в жизни столкнуться с собственным драконом, победить его или быть поверженным. Легко поддаться искушению, сбиться с истинного пути, но тем тягостнее осознание ошибок. Другая емкая метафора – *стая журавлей* – знаковый образ в контексте пьесы, олицетворяющий благую весть. Присутствие птиц ощущается как катализатор чувств и эмотивных реакций персонажей. Символичен эпизод, когда старик Ачан, услышав курлыканье летящей стаи журавлей, опираясь на *посох* (атрибут путника, скитальца), удаляется со словами: «...*Говорят, даже у муравьев перед смертью вырастают крылья, а я – не муравей, я – человек! О, Аллах Всемогуций, дай мне пару крыльев! Дай мне взлететь над этими горами! Я хочу умереть не в казенном доме, где люди унижены, где воздух отравлен злобой, упреками, горем! Я хочу умереть в полете, как орел, наслаждаясь чистым воздухом! Я – горец! Мне нужна свобода! Даже в смерти! Забери меня с собой, журавль-вожак!*». В финале пьесы покинутый дом обрушивается, подчеркивая тем самым крушение родовых устоев.

Весомым пластом творчества М. Ольмезова является поэзия для детей. В копилке автора десятки книг детского и юношеского адресата, в том числе и роман-сказка «Учхан айрыкамны хангошасы» («Принцесса летучего острова»). Он является одним из значительных детских поэтов своего поколения, при всем том, что в идейном отношении его творчество далеко не детское. И все же в данной области литературного творчества он чувствует себя, поистине, в своей стихии, транслируя исключительно духовные ценности и заряжая позитивной энергетикой. Таков был Кязим, в мягкой улыбке которого соединялись мудрость старца и чистый лик ребенка; таков был Кайсын, возвращающийся в детство верхом на ослике и деревянном коне; таков и Мурадин, сажающийся на сани, несущийся навстречу новому опыту и знаниям. «Произведения для детей пишут многие авторы. Однако мало кто из них отдает себя этому делу целиком. Примером такого служения является творчество М. Ольмезова. Многие произведения автора вошли в школьную программу и довольно широко используются в преподавании балкарской литературы в младших классах» [Атабиева 2010: 129].

Специфичность детской психологии как нельзя более точно подмечена Ольмезовым: «Тёгерегим «некди», «некди», // «Некте» менден не керекди?» («Вокруг меня все «почему», // Что нужно от меня ему?»). Впечатления ребенка от окружающей действительности проиллюстрированы в приведенном отрывке. Стремление маленького человека к познанию мира, его врожденная любознательность, радостное мироощущение, ожидание чуда отличают детскую поэзию М. Ольмезова, она насыщена причудливыми ассоциативными образами и

метафорами, играя воображением юного читателя. Удачным художественным обретением стала авторская «Азбука-загадка», рассчитанная для ребят младшего школьного возраста. Игровой элемент позволяет им с легкостью усвоить учебный материал:

Къап-къара булут атчыкъ
Къой Жолда чаба кетди,
Акъ туягында алтын
Налчыгын ол тас этди.
Аны кече тапды,
Жулдуз чнойге такъды.
(жангы ай)
[Ольмезов 1989: 2]

Черная лошадка-тучка
Бежала по Млечному пути,
С белого копытца потеряла
Свою золотую подкову.
Только ночью ее нашла,
И повесила на гвоздь звезды.
(молодой месяц)

В творческом активе поэта внушительное число детских стихов, сказок («Бюрче бла гумулжук» – «Блоха и муравей», «Багуш ханны киппе-кирли къыралында» – «В грязном царстве мусорного хана», «Вечерняя сказка, или Нухчук-Ростом-с Ноготок и его Конь-Пчела в стране Паука-Бурдюка, в Государстве Сплошной Неразберихи»), загадок, пьес, роман-сказка в стихах «Учхан айрыкамны хангошасы» («Принцесса летучего острова»), а также ряд прозаических произведений, в числе которых – повести трагического содержания «Чыкъ, кюнюм, чыкъ!» («Взойди, солнце, взойди!»), «Къанаты сыннган агъач атчыкъ» («Деревянная лошадка со сломанным крылом», на примере судьбы мальчика Хакима осмыслено загубленное детство в период сталинских репрессий). Таким образом, М. Ольмезов внес значительную лепту в разработку новых форм современной детской литературы.

В процессе структурирования текстов, художником плодотворно задействованы игровые элементы, замысловатый сказочный сюжет, смешение поэтической формы изложения и прозаического повествования, смысловые перевертыши, требующие расшифровки. «С каждым новым поэтическим сборником автор утверждает свой индивидуальный стиль, свою интонацию. Книги «Знай-ка», «Черепаша и дождик», «Просто, просто, просто так!», «Качели» являются одними из самых востребованных в числе современных детских изданий. Они закономерно вошли в «золотой фонд» национальной литературы для детей» [Атабиева 2010: 133]. Искренность чувств, эмоций, сердечная теплота, достоверность интонации создают психологически комфортную атмосферу для увлеченного чтения. Детям предложено все многообразие из богатой художественной палитры тем и образов.

Говоря о творческих предпочтениях М. Ольмезова, следует сказать и о внимании поэта к переводческой деятельности (в частности, к наследию Омара Хайама, Генриха Гейне, Мацуо Басё и Ёса Бусона).

Новаторскими явились и художественные искания поэта в освоении жанровой формы верлибра – свободного стиха без четкого следования ритмике и рифме. В связи с чем поэт и переводчик Г. Яропольский пишет: «Наивно думать, что писать стихи с рифмами и выдержанными метрами труднее, нежели без них. Работа в верлибре лишает тебя опоры и выставляет на всеобщее обо-

зрение все огрехи поэтической мысли. ...Однако, ознакомившись с подстрочниками верлибров Мурадина Ольмезова, убедился, что походка свободного стиха может и без метрики быть ровной и плавной... Верлибр, пришел я к выводу, никак не может быть свободен ни от поэтической мысли (слава Богу!), ни от ритмической, хотя и более свободной, организации» [Яропольский 2011].

Анализируя верлибры М. Ольмезова, Г. Яропольский отмечает свободу формы и мысли, одновременно подчеркивая ту самую «детскость мышления», выражающуюся как в восприятии, так и в отражении окружающего мира без привычной «зашоренности взрослого» взгляда. В качестве основания подобному выводу приводится отрывок из переводимого текста: *«Свесив ноги, сидит над обрывом // молчаливый, задумчивый ветер»*. М. Ольмезова небезосновательно называют «лирическим диалектиком», имея в виду вдумчивость философа и наивысшую степень эмпатичности поэта: *«Этот мир стал немым и холодным, стал глухим он – и серым – и сирым, как замерзшее зимнее небо, отраженное в стылом пруду»* или *«Я свирель разломал свою ныне – в этом мире убили любовь»* [Яропольский 2011].

Произведения, написанные поэтом в технике верлибра, исследователь Л. Мурашова определяет следующим образом: «Верлибры Мурадина Ольмезова, прочитанные мною по-русски, свободны отнюдь не от всяких ограничений, это не самодурное своеволие, а взгляд мудрого, внутренне свободного человека, обладающего безграничной фантазией ребенка, еще не знающего, что вечный двигатель изобрести невозможно. Их гармония основана на неожиданных и точных поэтических образах, на неповторимой авторской интонации» [Мурашова 2012]. При этом приводит слова Бориса Слуцкого, констатирующего, что «В нерифмованном стихе формальных ухищрений меньше, и пустота обнаруживается скорее». По утверждению исследователя, М. Ольмезов сумел каким-то непостижимым образом объединить реальность с метафизическим планом, с вневременным, внепространственным миром, в особенности, когда произведение автобиографично [Мурашова 2012]. Это и тема депортации, и мотив сиротства, и различные исторические катаклизмы, существенно повлиявшие на судьбу народа в долгосрочной перспективе. Небезынтересны в поэзии автора космогонические мотивы: камень, к примеру, воспринимается художником как *«время, сжатое в точку»*. Это выражение включает в себе квинтэссенцию этнического опыта. Аналитический склад ума, несомненно, накладывает отпечаток на поэтических формулах М. Ольмезова, однако это влияние умеренно, если учесть, что лиризм в высшей его степени проявлен в стихотворениях поэта, и сводится он естественным образом к свободному и искреннему «изъявлению чувств».

За последние десятилетия издано несколько стихотворных сборников автора «Тужур» («Резьба» – 2019, на балкарском языке), «Скалолазы» (2019, издание на русском языке), а также книга авторских поэтических загадок «Элберле китабы» («Книга загадок» – 2014). На страницах литературно-художественного журнала «Минги Тау» («Эльбрус») в 2000–2005 годы публиковались отрывки из нового произведения под названием «Батырас», написанного по мотивам национального фольклора (с полным текстом можно ознакомиться на сайте «Библиотека Эльбрусоида»).

В настоящее время М. Ольмезов прилагает много усилий к подготовке и публикации многотомного издания собственных произведений (опубликовано несколько частей, в которых отдельно собраны стихи и детские произведения поэта [Ольмезов 2022a; Ольмезов 2022b]).

В целом поэзия Мурадина Ольмезова являет собой пример органичной «интеграции в общемировое пространство при сохранении этнической аутентичности» [Толгуров 2019: 81]. Оснащая стихотворную строку рифмой, подстраивая ее под соответствующую ритмику, и ограничившись лишь формальными атрибутами, сложно вложить в поэтические строки глубокое содержание. Без идейного наполнения слово теряет свою ценность. М. Ольмезов, вдохновляемый устно-поэтическим наследием народа, преломляет в своем творчестве его многовековую мудрость. Поэт всецело посвящает себя служению интересам следующих поколений, их наставлению в русле восприятия нравственно-этического идеала, развитию духовно ориентированной личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атабиева 2010 – *Атабиева А.Д.* Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития) – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 180 с.

Мурашова 2012 – *Мурашова Л.* Мурадин Ольмезов. «Зеркало к зеркалу». Таганрог: Ньюанс, 2012 // Дети Ра. – 2013. – № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2013/4/muradin-olmezov-zerkalo-k-zerkalu.html>

Ольмезов 1977 – *Ольмезов М.* Жугътур ызла (Турьи следы) – Нальчик: Эльбрус, 1977. – 60 с.

Ольмезов 1989 – *Ольмезов М.* Билляча (Знайка). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 16 с.

Ольмезов 1991 – *Ольмезов М.* Жашырын тала (Тайная поляна). – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 200 с.

Ольмезов 1999 – *Ольмезов М.* Акъ жугътур (Белый тур). – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 456 с.

Ольмезов 2003 – *Ольмезов М.* Гошаях бийче (Княгиня Гошаях). Трагедии. Нальчик: Эльбрус, 2003. – 328 с.

Ольмезов 2009 – *Ольмезов М.* Юзмез сагъат (Песочные часы) – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 280 с.

Ольмезов 2022a – *Ольмезов М.* Собрание сочинений в 10-ти томах, на балкарском языке. Том I. Стихи. Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 628 с.

Ольмезов 2022b – *Ольмезов М.* Том II. Произведения для детей. Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 620 с.

Тетуев 2023 – *Тетуев Х.* Черекская трагедия 27 ноября 1942 года // Проза.ру. – 2023. URL: <https://proza.ru/2023/11/27/1481>. Дата обращения: 7.09.2024.

Толгуров 2019 – *Толгуров Т.* Эмоциональная матрица Мурадина Ольмезова // ЛКБ. – 2019. – № 2. – С. 73-81.

Яропольский 2011 – *Яропольский Г.* В поисках свободы (о верлибрах Мурадина Ольмезова) // 45 параллель. – 2011. – №13 (181).

REFERENCES

ATABIEVA A.D. *E`volyuciya balkarskoj detskoj literatury` (problemy` zhanrovogo razvitiya)* [The evolution of Balkarian children's literature (problems of genre development)]. – Nal`chik: Izdatel`skij otdel KBIGI, 2010. – 180 p. (In Russ.).

MURASHOVA L. *Muradin Ol'mezov. «Zerkalo k zerkalu»* [Muradin Olmezov. "Mirror to mirror"]. – Taganrog: Nyuans, 2012. – In: Deti Ra, № 4, 2013. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2013/4/muradin-olmezov-zerkalo-k-zerkalu.html> (In Russ.).

- OL'MEZOV M. *Zhug"utur yzla (Tur'i sledy)* [Footprints of tour] – Nal'chik: El'brus, 1977. – 60 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Billyacha (Znajka)* [Knowledgeable]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 16 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Zhashyryn tala (Tajnaya polyana)* [The Secret Glade]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 200 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Ak" zhug"utur (Belyj tur)* [The white Tour]. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 456 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Goshayah bijche (Knyaginya Goshayah)* [Princess Goshayah]. Tragedii. Nal'chik: El'brus, 2003. – 328 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Yuzmez sag"at (Pesochnye chasy)* [Hourglass] – Nal'chik: El'brus, 2009. – 280 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Sobranie sochinenij v 10-ti tomah, na balkarskom yazyke*. [Collected works in 10 volumes, in the Balkar language]. Volume I. Poems. Nal'chik: Print-Centr, 2022. – 628 p. (In Balkarian).
- OL'MEZOV M. *Proizvedeniya dlya detej* [Works for children]. Volume II. – Nal'chik: Print-Centr, 2022. – 620 p. (In Balkarian).
- TETUEV X. *Cherekskaya tragediya 27 noyabrya 1942 goda* [The Cherek tragedy on November 27, 1942]. – In: Proza.ru. – 2023. URL: <https://proza.ru/2023/11/27/1481>. Date of application: 7.09.2024. (In Russ.).
- TOLGUROV T. *Emocional'naya matrica Muradina Ol'mezova* [The emotional matrix of Muradin Olmezov]. – In: LKB. – 2019. – №2. – P. 73-81. (In Russ.).
- YAROPOL'SKIJ G. *V poiskah svobody (o verlibrah Muradina Ol'mezova)* [In search of Freedom (about Muradin Olmezov's verliebres)]. – In: 45 parallel'. – 2011. – №13 (181). (In Russ.).

Информация об авторе

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the author

A.D. Atabieva – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 25.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-322-336
EDN: LEULEC

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЫТИЯ В ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В работе рассматриваются особенности построения пространства и роли отдельных его деталей на разных этапах поэтического творчества Инны Кашежевой. Ввиду закрепившихся в отечественном литературоведении представлений исследовано «пространственно-этическое поле» поэтического «я» И. Кашежевой. Указана определяющая роль в ее творчестве зрительных впечатлений. Выявлены нюансы восприятия географии Кавказа; установлены экспрессивные характеристики изображаемых ею пространственных картин: звук, свет, движение, а также отслежены их трансформации на разных временных отрезках и влияние времени на семантику пространства. Проанализированы эпизоды, в которых задействовано пейзажное и интерьерное пространство, акцентированы пространственные детали, вовлеченные в интимно-личностные переживания поэтического «я». Продемонстрирована роль образа тишины, активно проявившейся в зрелом творчестве. Сделаны выводы о типе пространства, наиболее органичном мироощущению поэтического «я» И. Кашежевой.

Ключевые слова: Инна Кашежева, поэтическое «я», пространство, время пейзаж, интерьер.

Для цитирования: Кажарова И.А. Пространственное измерение бытия в поэзии Инны Кашежевой // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 322-336. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-322-336. EDN: LEULEC.

© Кажарова И.А., 2024

Original article

THE SPATIAL DIMENSION OF BEING IN THE POETRY OF INNA KASHEZHEVA

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia,
barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The work examines the features of the construction of space and the role of its individual details at different stages of Inna Kashezheva's poetic creativity. In view of the ideas that have become entrenched in Russian literary criticism, the "spatial-ethical field" of the poetic "I". Kashezheva's poetic "I" has been explored. The importance of visual perceptions in her work is highlighted. Nuances of perception of Caucasian geography are exposed, as are the expressive features of the spatial pictures she depicts: sound, light, movement, and their modifications throughout time, as

well as the influence of time on the semantics of space. Landscape and interior space-related episodes are examined, and spatial aspects associated with the intimate and personal experiences of the poetic "I" are highlighted. The image of silence plays an active role in adult creativity. Conclusions are formed about the type of space that best fits the worldview of I. Kashezheva's lyrical "I".

Keywords: Inna Kashezheva, poetic "I", space, time, landscape, interior.

For citation: Kazharova I.A. The spatial dimension of being in the poetry of Inna Kashezheva. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 322-336. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-322-336. EDN: LEULEC.

© Kazharova I.A., 2024

Хорошо известно, что время и пространство, попадающие в художественный текст, являют собой не только параметры отраженной реальности, но и способы ее литературоведческого прочтения.

В литературоведческом прочтении времени и пространства улавливаются собственные акценты: так, речь может идти о некоем времени-пространстве, т.е. хронотопе, как у М.М. Бахтина, однако доминантой будет выступать время. М. Бахтин сам же подчеркивал, что «ведущим началом в хронотопе является время», что «пространство осмысливается и определяется временем» [Бахтин 1975: 235]. Тем не менее, вести речь отдельно о пространстве тоже допустимо, и это доказывают работы Ю.М. Лотмана [Лотман 1988: 251-292; Лотман 2010: 297-333] и В.Н. Топорова [Топоров 1983; Топоров 1995].

Учитывая разные акценты в исследовании художественного пространства и времени, наблюдая разные подходы, приходишь к тому, что наиболее подходящий ракурс для наблюдений подсказывает сам художник, вернее его творчество. Есть резон задаться вопросом: что именно оказывается им высказано в наибольшей степени – пространство или время? – и насколько тяготение к тому или другому постоянно на разных стадиях творческой истории.

В поэтическом мире Инны Кашежевой пространство обращает на себя внимание прежде, чем время. Может быть, такой эффект возникает благодаря зримости, чуть ли не кинематографичности, к которой тяготеет вся ее образность. Причем эта склонность ею самой уловлена и отрефлексирована, она прекрасно осознает ее власть над собой:

О, эта зрительная память!

Зачем и кем она дана?

<...>

О, эта зрительная память!

Мне навязала не она ль

неразрушимый свой овал:

не отменить и не поправить («О, эта зрительная память!», 1971) [Кашежева 1973: 156].

Ю. Лотман, говоря о том, что есть свойственное герою пространство, и есть его сюжетное движение в этом пространстве, вводит понятие «пространственно-этическое поле персонажа». Примеряя эти суждения к поэзии, можно рассматривать пространственно-этическое поле поэтического «я». В случае Инны Кашеже-

вой именно поэтического «я», а не персонажа, поскольку персонажность (как и активность ролевых ипостасей) не особо характерна для ее творчества, отчего ее поэтическое «я» воспринимается в прямой связи с ее реальной личностью, и отсюда почти неколебимое убеждение читателей и исследователей [Алоева 2014] в автобиографизме всех составляющих ее творчества. Характерно, что уже первый ее сборник «Вольный аул» воспринимается как «поэтический дневник» (Р. Кучмезова). Разумеется, в таком ракурсе ее пространство – это развернутая метафора ее жизни и в каком-то смысле ее автопортрет.

Жизнь пространства, его движение отслеживаются через сравнение того, что воплощалось на разных этапах творческой истории, а это требует опоры на периодизацию. С оглядкой на искусственность и приблизительность, которая всегда вкрадывается в периодизацию творчества, можно исходить из трех условных этапов поэзии Инны Кашежевой: ранний, т. е. от юношеских стихотворений до сборника 1973 г. «Кавказ надо мною», зрелый – от сборника «Всегда» 1975 г. до сборника 1987 г. «Кони времени», и последний период – поэзия 90-х годов (сборник «Старинное дело», 1994).

Наверное, стоит начать с того, что попытаться уловить общий характер взаимоотношений лирического «я» с пространством. Как мы уже сказали, художественный мир Инны Кашежевой – прежде остального мир зримых образов. И даже когда ее образы поражают своей новизной, неожиданностью (как, скажем, здесь: «Снег укрыл, как подругу, крышу / Лебединым своим крылом...» [Кашежева 2014: 22]), их зримость никогда не тяготеет к усложненной символике, она всегда конкретна и узнаваема. Что касается времени, то здесь, на раннем этапе, оно пока что присутствует в фоновой роли, пока не так осязаемо, пока еще нет болезненного осознания человеком себя между «тогда» и «теперь», жизнь сосредоточена в настоящем и будущем – «только бы вечно маячило / То, что еще впереди» [Кашежева 1973: 32]. Прошрое ей интересно, но не столько в интимно-личностном, сколько в историческом измерении. Убеждают в этом ее поэтические размышления об отце и минувшей войне, о судьбах ее любимых поэтов.

Есть пространство внешнее. Есть пространство внутреннее, камерное, и его контуры для Кашежевой так же ясны, как и контуры внешнего.

Внешнее пространство для Инны Кашежевой складывается из отчетливых и чаще всего хорошо знакомых составляющих. Этому пространству в ее творчестве свойственна географическая и топографическая определенность. На каждом этапе ее поэзии география имеет замечательное свойство расширять материальные пределы и даже складываться в некую культурологическую мозаику. Самое заметное в запечатленном ею географическом ряду, это особый смысл, которым наделены родные для нее места: Москва, Кавказ. Причем мерилом высших ценностей с большим перевесом оказывается Кавказ: «Я обращаю мысленные взоры / к тебе, Кавказ, чистилище мое, / к вам, мои судьбы, к вам, родные горы!» [Кашежева 2014: 59]; «ношу я в сердце снежные вершины, / как в древности носили амулет» [Кашежева 2014: 71]. Этот перевес замечательно характеризует Л.Х. Алоева: «Инна Кашежева как поэт создала некую новую традицию в российской поэзии, основанную на пантеизме Кавказской земли как основы мироздания, которая своим мировосприятием не только образует

многослойную структуру идей, но и составляет суть и соль этой земли, а в конечном счете и вероисповедание кавказского человека» [Алоева 2014: 18]. Между тем, в ее восприятии Кавказа имеет место любопытная трансформация целого и части, которая укореняется в ее поэзии настолько органично, что не сразу и заметишь: Кабардино-Балкария – всего лишь часть Кавказа, откуда берутся истоки Инны Кашежевой, и эта вот часть, составляя целый универсум, словно замещает собой весь Кавказ. Она с особым упоением и любованием уходит в детализацию своей географической сокровищницы: Кабарда, Балкария, Каменноост, Приэльбрусье, Баксан, Нальчик, Хабаз, Терскол, Куркужин, Нартан, Гунделен, Чегем, Малка, Урух, Жемтала, Золка, улица Кабардинская, Кашежева, Ногмова... и это далеко не полный ряд имен, то теснящихся в одном произведении, то воспеваемых по отдельности.

На раннем этапе творческой истории она проявляет себя по отношению к пространству, и не только кавказскому, чаще всего активным действием, движением, нередко направленным вперед или ввысь: «Пройдено два перевала, / главный еще впереди» [Кашежева 2014: 93], «Иду я, безымянная, / жить, драться, побеждать» [Кашежева 1973: 42], «А я иду, я растворяюсь в снеге, / В огнях, в прищуре дремлющих домов...» [Кашежева 2014: 52], «И вот кружу я медленно по парку, / Как жало потерявшая оса» [Кашежева 2014: 32].

О том, что родная топография в ее самых вознесенных точках имеет для И. Кашежевой сакральный статус, уже сказано. Н. А. Смирнова определяет это как «горное измерение бытия»: «...это лаконичное и всеобъемлющее **над**, вбирающее в себя вознесенность, высоту как противоположность всему косному, статичному, инертному, лежащему» [Инна... 2010: 53]. Стоит заметить, что ее пребывание в состоянии, как выражается сама Кашежева, эскиза, наброска того пространства, что несет для нее особый смысл («я – эмблема, «котангенсы гор, / незажженные свечи березок» [Кашежева 1973: 12]), весьма недолго, почти мимолетно. Продвигаясь по хронологии ее ранней поэзии можно видеть, как ее мечтательные «хочу» и «надо» по отношению к сакральному пространству («Дотронуться до солнца / Рукой своей *хочу*» [Кашежева 2014: 14]; *Надо* так высоко парить, / Чтобы вам целовать вершины» [Кашежева 2014: 1961] довольно быстро сменяются уверенными «мне» «мой», «мое», «моя»: «Кабарда! Отдала *мне* ты / И мечту, и простор, и пыланье / В половине своей смуглоты» [Кашежева 2014: 46]; «но *мне* дарована не даром с детства / целительная ваша чистота» [Кашежева 2014: 60]; «Сегодня наградит Кавказ / *меня* высокою любовью» [Кашежева 1973: 159]. Квинтэссенцией этих взаимоотношений стоит назвать стихотворение «И я – Кавказ...» (1971):

И я – Кавказ. И я оттуда,
Где пахнет ледником роса,
Где мне дарованы два чуда –
на мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребенок – детство,
лишь свистнешь – и примчит тотчас,
где так естественно соседство
долин и гор... И я – Кавказ.

Я продолжение той легенды,
какой не может быть конца.
И я – Кавказ. Мне вписан в гены
лик этот волею отца.
И я – Кавказ. И я оттуда,
в нем до конца растворена,
а он во мне... Мы два сосуда,
в которых кровь течет одна. [Кашежева 1973: 7].

Примечательно, что в этом стихотворении пространственно-материальный Кавказ, т. е. ледники, пахнувшие росой, долины, соседствующие с горами, и Кавказ как ментальные координаты, т. е. продолжение легенды, гены, кровь приведен в абсолютное равновесие как на смысловом, так и на композиционном уровне: восемь строк произведения о первом и восемь о втором. И местопребывание поэтического «Я» вот здесь, в этом равновесии.

Останавливаясь на том, что горная топография становится для нее метафорой творческого восхождения, мы не будем, заметим лишь, что во взаимоотношения Инны Кашежевой с вершиной в ее творческой ипостаси (здесь она символизирует Парнас) помимо естественных восторга и трепета прорывается доля здоровой иронии и самоиронии, как в «Балладе о первом восхождении» (1966):

Мне так хотелось на ее вершину!
Встать рядом с солнцем в знойной тишине,
чтобы привить себя ей, как вакцину
от непонятной нелюбви ко мне.
И вот, когда на гребень я взбежала,
взбежала без дыхания, без сил,
собой гордясь, – гора не возражала,
ее мой вид победный не бесил.
Она в меня камнями не кидалась,
а покорила просто и легко,
и не такой высокой оказалась,
да и до солнца было далеко [Кашежева 1973: 34].

Безотносительно к силе смыслового акцентирования вертикали с его противоположением верха и низа постоянно одно: горное пространство раскрывается как широкий простор, какой бы стороной оно ни представало поэтическому «Я»: своей природной красотой, величиим морально-этического посыла или же как метафорический путь, увлекающий поэтическое «Я» к Парнасу, к эмпириям. И еще: на нем всегда есть свет, или обещание света: «И кажется, сейчас душа коснется / язычески ликующего солнца» [Кашежева 2014: 72]; «и я губами с небосвода / попробую на вкус арбуз / в снегах рожденного восхода» [1973: 159].

Впечатления иной природы порождает внутреннее пространство, и это естественно. Особенно интересно проявляется его смысловая контрастность с внешним, когда оно «оформляет» все ту же тему – творческого восхождения.

Уже в юношеском стихотворении «Равнодушие» (1960) Инна Кашежева раскрывает эту тему в интерьере квартирника:

Тяну я каждою строкою,
Как песнь бурлацкую: «Люб-лю...»
Своей недетскою тоскою
Я ваши лестницы стелю [Кашежева 2014: 11].

Понятно, что и здесь явлен нелегкий путь наверх, но поэтическое «Я», человек восходящий, пребывает в каком-то пригнутом, даже униженном положении. Это восхождение имеет мало общего с чувством преодоления перевалов. И в этом пространстве нет ничего хотя бы отдаленно напоминающего белизну и свет:

Ступени бесконечно тянутся.
Вот дверь и надпись с буквой «ять».
Войду я, а стихи останутся
На черной лестнице стоять [Кашежева 2014: 11].

Интригующее «ять» на двери квартиры, куда ей предстоит войти, тоже дополняет мотив униженности. Не надо лишний раз пояснять, что черная лестница – самая мрачная, самая неприютная часть дома. Через много лет, черная лестница повторится в одном из последних ее стихотворений – «...Тогда была моя пора...» (1994), в нем она предстанет как черный ход:

Мы пробивались сквозь табу,
Искали черный ход,
чтоб превратить ее, толпу,
опять в родной народ.
мы поднимались в небеса,
парили в облаках...
Остались наши голоса
навек в Лужниках [Кашежева 2014: 300].

Черная лестница, черный ход – пространство, направленное в обход привычного, но у Инны Кашежевой выводящее наверх, к небесам.

Несколько слов о пространстве в его связи с миром интимно-личностных переживаний. Казалось бы, в этом пласте бытия само понятие «пространство» тяготеет к переносному смыслу, ведь когда заходит речь о мире чувств, любую материальность можно свободно миновать. Но Инна Кашежева говоря о чувствах, не обходится без пространственных образов, пространство служит ей опорой. Это и пространство как некая протяженность, и как то, что ее заполняет. Это могут быть пейзажные или интерьерные детали, но пространство так или иначе всегда задействовано, всегда активно. Вот один из примеров, в котором чувство проявлено через пейзажное пространство:

Врастаю глазами в эту синь,
листаю руками эту высь...
и если бы бог явился – сгинь!
А если бы ты – явись!
Явись на этот скалистый уступ
с тысячелетями мха,

чтоб стало так близко до твоих губ,
как далеко до греха. («Врастаю глазами в эту синь...», 1972) [Кашежева 1973: 152].

Но гораздо чаще встречаются образцы, в которых чувства говорят о себе на языке пространства более заземленного. Улица, дорога, город, дом и детали быта оказываются необходимы тогда не только как фон лирического переживания, как удачное сравнение или метафора, но как некая точка опоры. Чаще всего именно точка, небольшая деталь из домашнего мира. Звук лифта; проталинка на морозном окне; звук ступеней под ногами; стук дождя по стойке – примеров множество:

*Я иду туда, где лифт грохочет,
И тоска ресницы мне щекочет* («Равнодушие», 1959) [Кашежева 2014: 7];

*Дождь звенит монетами по стойке,
Дождь нисколько не похож на плач...
И кричу я вслед тебе: «Постой-ка!
И тебе несу себя, как плащ.* («Дождь звенит монетами по стойке...», 1963) [Кашежева 2014: 51].

*Я уйду. Ты не кричишь: «Постой!»
Я уйду, ступенями звеня.
Я знаю, ты расплатишься мечтой
За то, что остаешься без меня.* («Я уйду, ты говоришь: «Прощай!», 1961) [Кашежева 2014: 25].

*Вечера, как кувшины винные:
тишина, глубина...
мы их видели, мы их выпили
все до дна.*

*В этих улицах глухо, глиняно прозвучали шаги...
Берегись меня! Береги меня.
Береги...* («Вечера, как кувшины винные», 1969) [Кашежева 1973: 150].

Опять же – она в движениях: бег, шаги, жест. И еще по этим отрывкам можно заметить, что для нее важна не только зримость пространственной детали, но и звучность ее:

*Заиграла мелодия пошлая,
Под круженье нейлоновых вьюг
Мне припомнилось давнее, прошлое,
Мне припомнились смех твой и Юг.* («Заиграла мелодия пошлая» 1961) [Кашежева 2014: 29].

Пшлая мелодия, нейлоновые вьюги – обобщенные детали со смазанными контурами, но они отчетливо воскрешают пространство и связанные с ним переживания, и это пространство недвусмысленно намекает на сомнительную

ценность припомнившихся чувств. Кроме того, невозможно не уловить переключку с есенинским:

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг («Сукин сын», 1924) [Есенин 1999: 159].

В обоих случаях – история о том, как разошлись пути двоих. Пошлую мелодию можно бы трактовать как ценностный антипод шуму ромашкового луга, но это слишком явно, а менее явно то, что название есенинского стихотворения, к которому этими строчками отсылает Кашежева, заставляет читателя невольно улыбнуться, возможно, поняв то, что ею не проговорено.

Отдельный интерес имеют случаи отождествления себя с определенным пространством, здесь семантически значимы как способы его организации, так и настроение, которым оно овеяно. Вот каков «пространственный автопортрет» семнадцатилетней Инны:

Глаза мои – орлиные.
Отливают глаза серебром.
Слезы льются летними ливнями,
Смех грохочет, как вешний гром.
Полюблю – как южное солнце,
Обожгу, обогрею, спалю!
С горным эхом сольется
Откровенное: «Я люблю»!
Полюблю, – как река плотину,
Обовью, широка, длинна...
Разлюблю же когда –
застыну,
Как северная луна. («Глаза мои – орлиные», 1961) [Кашежева 2014: 1961].

Много света разных оттенков – от слепящих до холодных, много движения – внезапного и непредсказуемого, много звуков – громких, резонирующих. Портрет, набросанный в едином страстном порыве, на одном дыхании, и даже композиция вторит цельности настроения – никакого разделения на строфы.

А вот, для сравнения, «зрелый автопортрет», написанный пятнадцать лет спустя:

Не привыкай к моим рукам!
Так не привыкли –
столетье, миг ли –
седые горы к облакам

Не привыкай к моим глазам!
Так дождь на стеклах
в потоках стольких! –
запутан сам.

Не привыкай к моим губам!
Пойми, ненужно:
так равнодушна
в лесу кукушка
к чужим годам... («Не привыкай к моим рукам!...», 1977) [Кашежева 2014: 113].

Не свет, а цвет – седой и белый. Если и есть движение, то спутанное, ограниченное. Если и есть звук, то неявный, причем не самый радостный – пение кукушки. От дерзкого, единого, все объемлющего порыва не осталось и следа. Вместо этого – отстраненность, разъятость.

Стихотворение «Сумерки внезапно наступили...», последнее в сборнике «Кавказ надо мною», читается как завершение первого этапа ее поэзии и переход к зрелости. То, что она неожиданно обнаруживает себя в сумеречном пространстве и времени, словно символически предвосхищает превосходство времени над пространством, которое будет только нарастать на последующем этапе ее творчества:

Сумерки внезапно наступили.
Думаю легко в предтемноте,
Что меня в мой день уже любили,
Пусть не так и, может быть, не те.

День. Не полдень. И совсем не утро.
Но еще не вечер. Просто день.
И стихи написаны кому-то,
и виски слегка болят от дел.

Размышления у окрашенного сумерками окна. Остановка, пусть вызванная внезапным угасанием дня, зато сулящаяся спокойствие. Осознание уходящего времени привходит мягко, сквозь отсвет убывающего дня, а тьма пока что маячит в неопределенном времени:

Сумерки. Счастливая усталость –
мягкий отсвет прожитого дня...
Сколько их осталось у меня
до того, как ночь придет и старость?

Много. Или мало. Все при мне.
Сумерки окно подголубили
и спокойно светятся в окне,
как и мысли эти вот во мне,
что меня в мой день уже любили. («Сумерки внезапно наступили...», 1971) [Кашежева 1973: 172].

В зрелом творчестве, безусловно, присутствует многое из того, что стало характерным на раннем этапе. Продолжает шириться география (Греция, Италия, Франция), по-прежнему самым верным остается «горное измерение» бытия, все так же активны зримые и звучные детали. Но теперь сквозь простран-

ство, пейзажное ли, интерьерное, все настойчивей проглядывает время – ушедшее, прошедшее:

Приметами весенними
грачи вросли в межу,
*а я в прошедшем времени
про молодость пишу.*
Как всякое ушедшее,
она болит в душе,
Смешная, сумасшедшая,
нездешняя уже. («Приметами весенними», 1978) [Кашежева 2014: 111].

Отныне пребывание поэтического «Я» между «тогда» и «теперь» становится неотвязным, напряженным и пространственные образы все чаще сопрягаются с мотивами душевной и физической боли:

О сладостный труд восхождения,
когда все еще впереди!..
Но выросли в годы мгновенья
и чаще встают на пути.
Рукою отмечена слева
все чаще щемящая боль. («И снова над нами колдует...», 1985) [Кашежева 2014: 213].

Теперь не менее значимо, чем звук, воспринимается тишина. Это беззвучие с отрицательным знаком: тишина и молчание как отсутствие присутствия, как знак одиночества:

Щелочь лет разъела амальгаму
зеркала той жизни, что прошла.
Тишина... Ни шуму и ни гаму,
дремлет память, и молчит душа.
Только ветер молодости крутит
самый первый пожелтевший лист...
Пауза. А что за нею будет?
Звук воспоминаний,
вспышка лиц. («Щелочь лет разъела амальгаму...», 1987) [Кашежева 2014: 228].

В этой миниатюре узнаются те же пространственные координаты, что и раньше, но главное «действующее лицо» теперь – время. Оно метафоризируется через интерьерную и пейзажную деталь – зеркало с поврежденной амальгамой и осенний лист. Вроде намечается движение, но тут же останавливается, да к тому же оно не связано с поэтическим «я» (то вообще осталось за кадром). А звук и свет переходят в призрачное измерение.

В поэзии этого периода особой семантикой наделяется соседство звука и тишины. В стихотворении «Дом просыпается внезапно» (1985) И. Кашежева словно закликает звуки пробуждающегося пространства не уступать места тишине:

О, утренняя суэта!
Ты – воскрешение из мертвых,
вся в новорожденных заботах
моих бессонниц маета...
И голуби полны азарта,
бормочут что-то у окон...
Дом просыпается внезапно.

О, только б просыпался он! [Кашежева 2014: 217].

Сродни этому призыв, которым завершается стихотворение «Молчит телефон ровно год» (1985):

Мой омут надзвездной любви,
мой дом, побегу – позови:
явлюсь я по первому знаку! [Кашежева 2014: 218].

Ее слух обостренно внемлет тишине, побеждающей звук в пространстве дома. Она запечатлевает разные оттенки мучительного безмолвия, которое царит в ее квартире. Напряженность тишины с каждым разом нарастает, из безмолвия она переходит в болезненность (пространства и человека), а затем превращается в ад:

Молчит телефон ровно год,
как будто никто не живет
в моей – в бытность шумной – квартире,
как будто зачумлен порог,
как будто – о, не дал бы Бог! –
лишь я в этом маленьком мире.
Ко мне телеграмм не несут...
Уж лучше б позвали на суд,
собрали б суровое вече,
сказали б: «За нрав твой шальной
накажем тебя тишиной».
Клянусь, стало сразу бы легче.
Но *гулко безмолвствует дом*.
Его узнаю я с трудом:
ни смеха, ни плача, ни гнева...
И только в *затишье больном*
беззвучно стучит метроном
(и все об одном!) тот, что слева.
Как жить в *онемевшем аду*?
Пластинку сейчас заведу,
как Бунин когда-то собаку... [Кашежева 2014: 218].

Предвкушение звука в последней строке тоже тонет в одиночестве, ведь упоминание о Бунине и собаке – это отсылка к его стихотворению «Одиночество» (1903): «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить...» [Бунин 2018: 223].

В зрелом творчестве интерьерное пространство как выражение душевного состояния поэтического «я» обретает особую экспрессию.

В противоположность тому, с чего все начиналось, в отношении последнего этапа поэзии Инны Кашежевой можно говорить, что время заявляет о себе прежде пространства: «Мой век, мой отчим, мой отец...»; «Вернула времени машина туда мгновением одним...», «Мне казалось: вот-вот все начнется...», «Оттремели наши танго...», «...Тогда была моя пора...» и еще многое в этом духе. Безусловно, ценностный перевес на стороне прошлого. Вот как рассуждает она о прошлом, времени и пространстве в 1996 г., «Прошлое – это одушевленная генетика, спираль ДНК, как ниточка вольфрама, светящаяся глазами ушедших... Прошлое – упакованное навечно время. А время сразу же ассоциируется с пространством» [Инна... 2010: 149].

Возможно, из того, что обретено пространством в стихотворениях последних лет – это предполагаемое участие в нем Бога. Конечно, Бог упоминался и в более ранних стихотворениях, но теперь он проявляется в своем взаимодействии с пространством и жизнью человека:

Мир умыт, как ребенок поутру,
после дождика снова согрет...
Улыбается ласково в бороду
тот Господь, которого нет.
Ах, как радостна жизнь июльская,
облака ее вдаль несут.
Только вкраплена жилка тусклая
боли в этот светлый сосуд. («Мир умыт, как ребенок поутру», 1994) [Кашежева 2014: 276].

Жизнь – одуванчик,
мы – пушинки,
дунь, и кого-то нет уже...
А если дунут по ошибке,
куда лететь моей душе?
Не знаю мира я иного,
любя земные рубежи...
Душа к полету не готова.
Поосторожнее дыши! («Жизнь – одуванчик...», 1994) [Кашежева 2014: 284].

В первом примере почти пасторальный образ присутствия Бога равнозначен отсутствию, во втором – предполагается в том неопределенном лице, к которому обращено восклицание. И в обоих случаях задействовано пейзажное пространство, обаяние которого ретроспективно приглушается нотками тревоги и боли.

В поэзии 90-х наравне с пространством былого, как в стихотворениях «Вновь память говорит: когда-то...», «...Тогда была моя пора» прослеживается тенденция к неприютности, ограниченности пространства, к его сопряженности с болью. Боль и сама предстает как неуютное пространство:

В свою беду другого не возьмешь:
там все углы из боли для тебя лишь.

Под самый острый справедливый нож чужое сердце не подставишь («В свою беду другого не возьмешь...», 1994). [Кашежева 2014: 275].

Казалось бы, все лучшее сосредоточено в былом: и вечная молодость, и свет, и цвет, и радость, однако «определение», которое И. Кашежева находит для этого пространства – каземат (пусть и добрый), начисто лишает его уюта:

Прошлое – добрый мой каземат:
все остаются пожизненно в нем.
Лампочка в сто ностальгических ватт
мигает над каждым прожитым днем.
В том каземате молоды все,
в том каземате старости нет.
Не увядают цветы в росе, не угасает солнечный свет.
Даже луна не идет на ущерб
не за решеткой, а в ясном окне. («Прошлое – добрый мой каземат...», 288) [Кашежева 2014: 288].

Как средоточие мотивов бесприютности, боли, сжатия времени и человека в одной пространственной точке воспринимается одно из последних стихотворений И. Кашежевой:

В одиночестве или в толпе
время душу сжимает до хруста.
И себя не приложишь к судьбе,
как к проклятому ложу Прокруста.
Отсекаемое болит, то, что втиснуто, кровоточит...
Что подделаешь? Время велит,
а ему ли не знать, чего хочет?
<...>
Кучно пули в мишень легли,
кровь застыла темно и густо...
Где друзья мои, где враги?
Все они на ложе Прокруста.
И у нас на последней тропе
сыпью скорби покроется кожа.
Не приложишь себя к себе
никогда без этого ложа. («В одиночестве или в толпе», 1994) [Кашежева: 312].

Подходя к итогу наших наблюдений, важно сказать, что какие бы трансформации ни переживало пространство в поэзии Инны Кашежевой, попытки определить «пространственно-этическое поле» ее поэтического «я» будут настойчиво отсылать исследователя к раннему периоду ее творчества, туда, где звучность, свет, движение, высь, преодоление. Пространственно-этическое поле, наделенное этими признаками, видится нам наиболее верным хотя бы по той причине, что резонирует ее природе, делает ее счастливой. Все остальное, что появилось позже, когда в полной мере заявило о себе время, становится преодолением (более или менее удачным) диссонанса между Инной Кашежевой и миром. Если в зрелости она, обнаруживая себя между «тогда» и «теперь»,

пусть и с грустью, но воспринимает это «теперь» как время настоящее, то на последнем этапе творчества «теперь» имеет тенденцию истолковываться не как время настоящее, а как время чуждое. Нет, оно не делает чуждым пространство, последнее просто проживает под его бременем свою грустную жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

- Алоева 2014 – *Алоева Л.Х.* Незаходящее солнце Инны Кашежевой. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2014. – 135 с.
- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
- Бунин 2018 – *Бунин И.А.* Полное собрание стихотворений, романов и повестей в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1181 с.
- Есенин 1999 – *Есенин С.А.* Я, Есенин Сергей: Поэзия и проза. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 576 с.
- Инна... 2010 – *Инна Кашежева: Кавказ надо мною* / Сост. М.М. Хафицэ. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 176 с.
- Кашежева 1973 – *Кашежева И.И.* Кавказ надо мною. Стихи. – Нальчик, 1973. – 175 с.
- Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное. Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.
- Лотман 1988 – *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
- Лотман 2010 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2010. – С. 150–391.
- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст. // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
- Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – «Культура, 1995. – 624 с.

REFERENCES

- ALOEVA L.Kh. *Nezakhodyashchee solntse Inny Kashezhevoi* [The non-setting sun of Inna Kashezheva]. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2014. – 135 p. (In Russ.).
- BAKHTIN M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 p. (In Russ.).
- BUNIN I.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy, romanov i povestei v odnom tome* [The complete collection of poems, novels and novellas in one volume]. – Moscow: AL"FA-KNIGA, 2018. – 1181 p. (In Russ.).
- ESENIN S.A. *Ya, Esenin Sergei: Poeziya i proza* [I, Yesenin Sergey: Poetry and prose]. – Moscow: EKSMO-Press, 1999. – 576 p. (In Russ.).
- Inna Kashezheva: Kavkaz nado mnoyu* [Inna Kashezheva: The Caucasus above me] / Edited by M.M. Khafitse. – Nalchik: El'brus, 2010. – 176 p. (In Russ.).
- KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe. Stikhotvoreniya* [Favorites. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2014. – 320 p. (In Russ.).
- KASHEZHEVA I.I. *Kavkaz nado mnoyu. Stikhi* [The Caucasus above me. Poems]. – Nalchik, 1973. – 175 p. (In Russ.).
- LOTMAN Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. – Moscow: Prosveshchenie, 1988. – 352 p. (In Russ.).
- LOTMAN Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside thinking worlds]. IN: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo – SPb, 2010. – P. 150 – 391. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoeic: Favorites]. – Moscow: Progress – Kul'tura, 1995. – 624 p. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. IN: *Tekst: Semantika i struktura* [Text: Semantics and structure]. Moscow: Nauka, 1983. – P. 227 – 284. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 03.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-337-361
EDN: LOWDPJ

РИФМА И СТРОФА В АБАЗИНСКОМ СТИХЕ КОНЦА 1940 – 50-Х ГОДОВ

Пётр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. В статье прослеживается формирование рифмы и строфики в абазинской поэзии послевоенного времени. Представлено движение от безрифменного стиха к стихам с эпизодическими вкраплениями однородных (преимущественно глагольных) рифм, а затем – к появлению первых полностью зарифмованных стихотворений. Исследуется развитие типов рифмовки от парной – к перекрестной и кольцевой, от концевой – к внутренней, стыковой, составной, их различных сочетаний. На конкретных примерах демонстрируются сложности овладения рифменной техникой. Анализ строфики открывается количественным соотношением астрофических и строфических композиций, после чего выявляется наличие восьми основных типов строф, внутри которых образуются различные вариации: двустишия, трехстишия (2 варианта), четверостишия (7 вариантов), пятистишия (4 варианта), шестистишия (8 вариантов), восьмистишия, десятистишия, двенадцатистишия. Все выводы строятся на материале анализа произведений литературной эпохи.

Ключевые слова: рифма, парная, перекрестная, концевая, внутренняя, строфа, четверостишия.

Для цитирования: Чекалов П.К. Рифма и строфа в абазинском стихе конца 1940–50-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 337-361. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-337-361. EDN: LOWDPJ.

© Чекалов П.К., 2024

Original article

RHYME AND STANZA OF THE ABAZA VERSE OF THE LATE 1940S – 50S.

Petr K. Chekalov

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract. The article examines the emergence of rhyme and stanza in postwar Abaza poetry. The transition from rhymeless verse to poems with infrequent interspersed homogenous (mostly verbal) rhymes is described, followed by the appearance of the first completely rhymed poems. The progression of rhyming kinds from paired to cross and ring, terminal to internal, butt, compound, and their numerous combinations is investigated. Specific instances highlight the difficulty in mas-

tering the rhyming approach. The analysis of stanzas begins with a quantitative ratio of astrophysical and strophic compositions, followed by the discovery of eight major types of stanzas, each with its own set of variations: couplets, three-line verses (2 variants), quatrains (7 variants), pentameters (4 variants), six-lines (8 variants), eight-lines, ten-lines, and twelve-lines. All findings are based on the examination of works from the literary age.

Keywords: rhyme, paired, cross, end, inner, stanza, quatrains.

For citation: Chekalov P.K. Rhyme and stanza of the Abaza verse of the late 1940s – 50s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 337-361. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-337-361. EDN: LOWDPJ.

© Chekalov P.K., 2024

Рифма понимается как «созвучие концов стихов или полустий, отмечающее их границы и связывающее их между собой» [Литературная энциклопедия терминов... 2001: 878].

Понимая рифму «широко», В. Маяковский иронизировал над ее академическим определением: «Обыкновенно рифмой называют созвучие последних слов в двух строках, когда один и тот же ударный гласный и следующие за ним звуки приблизительно совпадают».

Так говорят все, и тем не менее это ерунда.

Концевое созвучие, рифма – это только один из бесконечных способов связывать строки, кстати сказать, самый простой и грубый» [Маяковский 1978: 259].

И далее поэт приводил примеры самых причудливых комбинаций звуковых соответствий. Замечания и наблюдения Маяковского верны не только по отношению к русскому, но и к другим национальным стихам.

Все абазинские стихотворные публикации 1948-го, 1949-го, начала 1950-го года (всего около 60 произведений) не имели рифмы. Первые проблески созвучий наблюдаются со второй половины 1949 г. в стихотворениях Ш. Физикова «Сенокос» (2.07.49)¹, «Богатый урожай зерна» (21.07.49), «Наша гордость» (21.12.49). Так, например, первое из упомянутых произведений открывается четверостишием с парной рифмовкой:

Атшбыг глахв, уГасыдзхъагыл,
АхIвра бажв багъбата уГалагыл,
Ласыта ари гIачвхIуIанI,
Арахв рыхъаз йаквхIуIанI².
[Физиков 1949с].

Но затем на протяжении 24 последующих строк рифма снова обнаруживает себя лишь в двух строчках:

Анхара рыцIа ймайрахатI,
АуагIа рыцIа йбайахатI.

¹ Цифры в скобках указывают на дату публикации произведения в национальной газете.

² В связи с тем, что в статье рассматриваются не содержательные, а формальные признаки стиха, мы ограничиваемся только оригинальным текстом без подстрочника.

И во втором 20-строчном стихотворении также проявляется 6 рифменных пар:

ХIыщта хайырта **йылагIгатI**,
 ХIгвадз бажв ахра **хIалагатI**,
 ЙнахIырхьапI *хIкъальан*,
 ЙахънахIырхIвапI *хIплан*.
 [Физиков 1949d].

Заметим, рифмы все однородные: глаголы сочетаются с глаголами, существительные – с существительными, прилагательные – с прилагательными. Из них чаще встречались глагольные рифмы.

В следующем стихотворении «Наша гордость» встречается уже 9 пар. Но и здесь рифма парная: «абар – хабар», «ласыта – хайырта», «гышлум – гъхъвум», «хъарата – цкъата», «йпсгIтI – йцитI»...

Эпизодически рифма выступает и в стихотворении Б. Тхайцухова «Сталин – наше солнце» (21.12.49). В качестве примера приведем две характерные для того времени строки:

Сталин – ауи ауагIа бзи **йбитI**,
 Ауи Кремль апны **дынхитI**.
 [Тхайцухов 1949].

Лишь в апреле 1950 года появилось первое почти полностью зарифмованное произведение. И это был перевод «Песни о Щорсе» М. Голодного (переводчик не указан). Воспроизведем его целиком:

Хъара йгIатыцIыз агвып адзы атшпыла **йцун**,
 Абаракъ къапщ йхъадзгылата рунашвачпагIв **дцун**.
 Ауи йхъа шIахIван, щагIвацан *ймыгъра*,
 Аща ащта йалсуан йайдзаркIваз *ахIвра*.
 Ей! ЙайдзаркIваз ахIвра.

«ЧIкIвыныргIа, швызууда, швырцауада **айсра**,
 Абаракъ зхъадзгылу ахвы швйыгIвзума **швара?**»
 «Амамыр шIыц хIагIвзапI, арыцхIаква хIырчIвыпI,
 ЙхъадзгылапI абаракъ къапщ аунашвачпагIв Щорс.
 Ей! АунашвачпагIв Щорс.

Амли ахъти дрылата ауи йынцIра **цатI**,
 Ауаса пIачIва хвыдаъа йща **гъкIайымчватI**:
 ХIагъа чвгъа хIшIыпIаква *дыркъвырцатI*,
 ЙтлапIапI хIтшырдура, хIышчIкIвыныз *хIбагъахатI*.
 Ей! ЙтлапIапI хIтшырдура».

ЙтосынхатI адзы атшпы, йашIасхтI **абыжъква**,
 ЦIахъыла йыхъкъытI амара, йгIанахIвитI **пстIа**.
 ЩкIвадза атшчва мгIвайситI, рыщта быжъгъи *гитI*,
 Щорс йбаракъ къапщ апша апны *йхIвачвитI*.
 Ей! Апша апны йхIвачвитI.

[Голодный 1950].

Но с публикацией «Песни о Щорсе» звуковое сочетание в абазинской поэзии не установилось: основная масса печатаемой на протяжении всех 1950-х гг. стихотворной продукции оставалась безрифменной. Так продолжают писать К. Братов, Дж. Лагучев, Ш. Физиков, М. Физиков, П. Цеков и другие. В этом плане позитивно отличалась поэзия К. Джегутанова. Если в стихотворениях «Великий вождь» (22.04.50) и «Советская армия – победительница» (7.11.50) рифма проявлялась лишь фрагментарно, то уже в «Нашем счастье» (15.02.51), «Наших женщинах» (1.04.51), «Моем крае» (1.04.51) она покрывает почти все стихотворное пространство. Приведем фрагмент из последнего стихотворения:

Октябрь Ду айгайра **йгГалцЫн**,
Ухъахыла йгГаунаштГІ пхата нур.
Абайа бгІажв йгІазаб **угГацЦЫн**,
УыквылтГІ хвйтта мГІва сабыр.
ЙуызгІайтГІ датша мара **хъагІа** –
Йцат датшата ужвы *усурат*.
ЙыгъракІвхым ужвы йацы **ууагІа**,
ЙпсаххатГІ пшдзата йгы *усифат*.
Абар йкъагІитГІ уырхъа, **уыбна**,
Йгы зымГІва усоветска *къраль*.
Насыпта йуыму йгъамам **гІвына** –
УагІвапІ йдуу Русь *хІалъаль*.
[Джегутанов 1951].

В коллективный сборник «Пламя гор» (1959) Тхайцухов ввел одну поэму и несколько стихотворений. Так вот, в поэме «Синеглазый» все 159 строф имеют отчетливую перекрестную рифмовку; в первой части стихотворения «Сон поэта» использована парная рифмовка, а в превосходной миниатюре «Ее глаза» – снова перекрестная.

АхъазгІваца **йгырымхІвузтІ**:
«Тшырчвыхча лыла *хврышква*».
Сара закІгьи **гьсмагІузтІ**,
ЙызхІвуз – йырзысчпун *гврышхІва*.
Абар бдзыргІвуа **бгІаспшын**,
Сгвы рхвытІ ба бгІвылакІ *рнурква*.
Уа, сбыхІвахитІ: **сбымблын**,
ЙгІасахІв йзырбзихуш *схвырта*.
[Тхайцухов 1959а].

В то же время восьмистрочное стихотворение того же поэта «Ребенок» лишь в самом конце обретает одну рифменную пару, а в «Моей красивой» из четырех строф концевым созвучием обладает лишь первая.

Казалось бы, одна только поэма «Синеглазый» с 636 зарифмованными строками является убедительным доказательством овладения Тхайцуховым рифменной техникой. И тем не менее последние примеры говорят, что поэту не всегда хватало терпения и умения, чтобы сладить с задачами подобного рода.

Переход от безрифменного стиха к рифменному в абазинской поэзии свершился не в один год, а продолжался долго. И в отдельных случаях, чтобы формально «усовершенствовать» свои произведения, стихотворцы прибегали к использованию бедной рифмы. В этом плане типичным выступает «Моя мать» (7.12.57) Р. Кенжева, где на протяжении всего стихотворения созвучию подвергается лишь один конечный звук:

Сан, сыла, спсы,
ЙбылапI йдуу мчы.
Йаушту сара сгвы
Хвитта, хъагIата бпны,
Йгьалуашым зынгы
ЙтыцIуашта сгвы, –
ЙаститI йалкIгIу хвы
Бара бгIапсара спны.
[Кенжев 1957].

И тем не менее проблема осваивалась мало-помалу, общими усилиями находились интересные фонические решения. Так, в 1956 г. К. Джегутанов в автоэпиграфе к третьему разделу сборника «Тебя пою, отчизна», помимо концевой рифмы («йшамкIуаш – йшамтIуаш»), использовал и внутреннюю («ашвала – ашвква»):

ЙшпакIву бзибара ауи йшамкIуаш,
Ашвала анасып ашвква ауи йшамтIуаш.
[Джегутанов 1956: 35].

Попутно обратим внимание и на богатую музыкальную инструментовку: в двух строчках звук «а» звучит 15 раз (ассонанс), а согласный «ш» – 5 раз (аллитерация).

В следующем году данная новинка была подхвачена И. Табуловым в песне «Моя светлая» (5.05.57):

БгIвылакI збижьтари, бажваква згIижьтари.
[Табулов 1957];

а затем П. Цековым в стихотворении «В поисках красивого слова» (5.04.58):

Ажвлаква шалырхуа апшта,
ЙалысхитI ажва цкъа гвып;
[Цеков 1958с];

М. Чикатуевым в стихотворении «Мчащийся кувыркоч ручей» (16.09.58):

Адзы хъала-гвыла йгылуа;
[Чикатуев 1958b];

К. Братовым в стихотворении «Мой язык»:

Асквшкв наудасуан йыбачва ухъата,
Уыбыз шIахIвата, сыбызшва при.
[Братов 1959a].

В стихотворении «Поддай свой голос» Чикатуев также продемонстрировал удачное сочетание концевой и внутренней рифм:

Абыхъвхъа сыквчIвапI йсхъазадзжвыкIта.
Аква гIасыквчIвитI, йсызниуаш дзжвыквта.
[Чикатуев 1958: 21].

Здесь, помимо концов двух строк «йсхъазадзжвыкIта – дзжвыквта», созвучны еще второе слово первой строки со вторым словом второй: «сыквчIвапI – гIасыквчIвитI».

Этот же автор впервые применил *составную рифму* в стихотворении «Первая любовь» (23.10.56):

Лыбра гъхъышым сыпшда – дыгъKIаKIанам,
Къайдыхв лапшта лымачв KИKIара гъалам.
[Чикатуев 1958: 19].

Еще более оригинальные сочетания концевой, внутренней и составной рифм обнаруживаем в стихотворении того же Чикатуева «Какане» (18.02.58):

ДнашхыйапI ачымазагIв:
ЙсыхытI сгвы... йгIачыма, йсахIв...»
БыхъшитI ауи, йыбтитI хъшвы.
ДгвыргъытI йаргы: «СбзипI ужвы».
БхIакъымпI. ЙазгылтI бъазара
АзгIвадара багъязлара.
Дугъи чIкIвынгъи гвыргъачIвитI –
БрайъазитI ауат, бырхъшитI.
Сара задзжыкI сбрычмазагIвтI,
Ауаса сгынабцIгIум: «Сгвы чыма, йсахIв...»
[Чикатуев 1958с].

По выделенным концам строк можно составить представление о том, что 10-строчное стихотворение скреплено пятью парами концевых рифм. Если возьмем вторую («хъшвы – ужвы») и четвертую («гвыргъачIвитI – бырхъшитI») пары, то они выглядят достаточно бедно: сочетаются между собой лишь последние слоги. На этом фоне третья пара («бъазара – багъязлара») смотрится значительно богаче: здесь созвучием охватываются целые слова, причем, если в первом 3 слога, то во втором – 4. Но интереснее всего первая

пара («ачымазагIв – йгIачыма, йсахIв»), повторяющаяся и в конце в несколько измененном виде («сбрычмазагIвтI – сгвы чыма, йсахIв») демонстрирующая глубокую составную рифму: первое трехсложное слово в одном случае сочетается с двумя самостоятельными словами, а в другом, – с тремя. Это первый случай применения столь причудливой составной рифмы в абазинской поэзии.

Выделим второе двустишие:

БыхьшитI **ауи**, йыбитI хъшвы.
ДгвыргъытI **йаргыи**: «СбзипI ужвы».
[Чикатуев 1958с].

Помимо концевой рифмы («хъшвы – ужвы»), здесь обнаруживается и *внутренняя*: «ауи – йаргыи».

Примечательно и следующее двустишие:

БхIакъымI. ЙазгылтI бъазара
АзгIвадара багъязлара.
[Чикатуев 1958с].

Что мы здесь находим? Сочетаются не только концевые слова («бъазара – багъязлара»), но одновременно и конец одной строки с началом другой: «бъазара – азгIвадара» – *стыковая рифма*. А помимо того, рифмуются следующие друг за другом слова: «азгIвадара багъязлара». Другими словами, в этом фрагменте 3 слова («бъазара – азгIвадара – багъязлара») сливаются в единое рифменное созвучие. С такой свободой в абазинской поэзии до Чикатуева рифмой никто не оперировал. Здесь молодой поэт продемонстрировал виртуозное владение техникой рифмы.

Обратим внимание и на следующий частный факт: обретшую впоследствии популярность рифменную пару «абазара – абазаргIа» (жизнь – абазины) впервые использовал К. Джегутанов в «Песне счастья» (2.11.57):

ХIпсадгъыл апны **абазара**,
Абазара гвлахIарапI;
ЙалапI ауи **абазаргIа**,
ЙалапI айщчва ртгIачва,
Насып ашва рхIвауа.
[Джегутанов 1957].

С развитием рифмы сопряжено и становление строфики, так как они находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

В «Литературном энциклопедическом словаре» приводится определение строфы М.Л. Гаспарова: «Группа стихов, объединенных каким-либо формальным признаком, периодически повторяющимся из строфы в строфу» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 425]. Данная формулировка повторяется и в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [Литературная энциклопедия терминов... 2001: 1041]. В качестве главных повторяющихся признаков обычно выступают количество строк и тип рифмовки. На письме, как правило, одна строфа от другой отделяется пробельной строкой (пропуском

строки) или сдвигом, как в шахматных клетках. В абазинских стихотворениях 1950-х годов применялись оба способа.

Таким образом, упорядоченные группировки строк называются *строфическими*, а неупорядоченные – *астрофическими* [Литературный энциклопедический словарь 1987: 425] (не соблюдающими членения на строфы). Строфические же произведения подразделяются на множество разновидностей. Их формы будут рассмотрены ниже, а сейчас попытаемся представить соотношение строфических и астрофических композиций 1950-х гг. на материале коллективных сборников. Например, в «Голосе молодых» (1953) было всего 3 астрофических стихотворения и одна поэма, тогда как на строфические приходилось 56 произведений. В «Слове горцев» (1954) наличествовало 7 астрофических и 27 строфических; в «Песне жизни» (1955) – 10 и 16; в «Ручейки текут к морю» (1957) – 10 и 21; в «Лучах» (1958) – 17 и 21; в «Цветенье весны» и «Пламени гор» (1959) – 58 и 32. То есть к концу десятилетия доля нестрофических форм стала заметно увеличиваться.

Если свести воедино показатели отдельных коллективных сборников, сложится такая общая картина: астрофическими стихами написано 92 стихотворения и 4 поэмы, а строфическими – 172. В процентном выражении это будет выглядеть так: 35,8 % и 64,2 % в пользу строфических.

Подчеркнем: строфичность – не причуда, не каприз, она выполняет свою важную функцию: «придает стихотворному произведению композиционную целостность, внутреннюю тематическую законченность и метрическое единство» [Квятковский 1966: 289].

Из газетных публикаций послевоенных лет астрофическими стихами были написаны «Наши поля» (2.07.49) М. Тукова, «Ученик» (2.07.49), «Радостный день» (1.05.50) А. Тамбиева, «Сенокос» (2.07.49), «Песня всадников-партизан» (1.05.50) Ш. Физикова, «Летом у нас» (2.07.49) З. Маматовой и многие другие. Но неизмеримо больше было строфических произведений, и, как правило, среди них своей многочисленностью выделялись четырехстрочные. Так, например, все первые послевоенные стихотворения «Живем дружно» (6.05.48), «Тракторист» (6.05.48), «Уборка зерна» (22.07.48), «Солдатская могила» (22.07.48), «Доблестный комсомол» (27.11.48) И. Табулова, «Настало время первостепенных задач» (22.05.48), «Добьемся успехов» (22.07.48) Х. Жирова, «Май» (1.05.49), «Смерть поэта» (21.05.49) Ш. Физикова, «Великий поэт» (21.05.49) А. Тамбиева, «Майский вечер» (21.05.49) М. Физикова имели одну и ту же форму катрена. Рассмотрим подробнее некоторые из бытовавших в конце сороковых и на протяжении пятидесятых годов типы четырехстрочных строф, начиная с последнего из только что перечисленных:

1	Амыз лашарата йгIацIцIтI,	Светлая луна взошла,
2	АйачIваква хIагIата йкIкIитI,	звезды горят высоко,
3	Ахындырлазква гIашIыхахтI,	майские жуки проснулись снова,
4	Адаква цIыруа йалагатI.	лягушки начали квакать.
5	АдзыгIвква быжь ду рхьыцIуа	Как реки с большим шумом
6	Атенгъыз йшазыгIайззауа апшта,	стекаются к морю,

7 ЧкІвыныргІа уарад рхІвауа
8 Аурамква рпны йгІайззитІ.

так и юноши, распевая песни,
собираются на улицах.
[Физиков 1949а].

Пробел между четвертой и пятой строками обозначает границу между двумя строками. Количество строк двух фрагментов определяет форму строфы: четверостишие. Рифма не участвует в ее образовании по причине отсутствия. Впоследствии, когда рифма стала устанавливаться в абазинской поэзии, появлялись и другие виды катренов. И самыми популярными среди них были четверостишия с перекрестной рифмовкой, как, например, в стихотворении Б. Тхайцухова «Серебряная шапка»:

1 Сквшы зыкъ щарда **цІуата**
2 ЙгылапІ *УрышвиxъымгІва*.
3 Зынгы **йахъымцуата**
4 ЙахъапІ *рызна хъылпа*.

Много тысячелетий
стоит Эльбрус.
Не сбиваемая ничем,
Надета на него серебряная шапка.

5 АпстхІваква **йгІахъасуа**
6 Йахъыржвара *ргвыгъапІ*,
7 Апша мычкава **йгІасуа**
8 Йджвыквыргара *ргвыгъапІ*.

Тучи набегали,
надеялись сорвать,
бури налетали,
пытались унести.

[Тхайцухов 1958: 23–24].

По количеству строк в строфах и по чередующимся через одну строку рифмам можно удостовериться, что перед нами четырехстрочная строфа с перекрестной рифмовкой (схема ABAB CDCD). Именно такой тип строфы был наиболее употребителен в 1950-е годы и во все последующие десятилетия.

Значительно меньше встречается катрен с парной рифмовкой. Рассмотрим его форму на примере стихотворения К. Джегутанова «Весенняя пора» (30.03.54):

1 Агъны тлащдзата **тшабун**:
2 Асквш апны йхъадата **ахІвун**.
3 Тшдрычвгъун амшква *рыцІа*,
4 Алыгажв хъта йщшуан *йыпцІа*.

Зима самой себе казалась сильной:
говорила, что она главная в году.
Дни становились злее,
Дед Мороз поглаживал свои усы.

5 ЙгІадзатІ абах **ахъычуа**,
6 Акъахв дауыш **ахъыцІуа**,
7 ЙырчІву псы зхъу *зымгІва*,
8 ХІа хІыгІамта *хъагІа*.

Но вот примчалась под теплым паром,
издавая веселья звуки,
любимая всеми живыми
наша сладкая пора.

[Джегутанов 1956: 32–33].

В данном случае строфа создается одним и тем же количеством строк и парной рифмовкой рядом стоящих строк (схема AABV CCDD).

Очень редкая для поэзии 1950-х годов форма строфы использована М. Чикатуевым в стихотворении «Скала смерти» (22.03.56):

1 Йрыман абаза **уагІа**
2 Апхъала *хабзажвкІ*:
3 Апа йаба *шлажв*
4 ДкІницІун абыхъв **хІагІа**.

Имели абазины
в давние времена старый обычай:
сын седого отца
сбрасывал с высокой скалы.

5 ...Йдучвам ащхъа кыт анны	...В небольшом горском ауле
6 ЙхИитІ бахсыма <i>фгІвы</i> :	разносится запах бузы:
7 Зхъа шкІвокІвахаз <i>агІвы</i>	седовласому старику
8 ЙдырбуштІ «джъанат – гІанны ».	покажут «весенний рай».
- [Чикатуев 1956].

И здесь в построении строфы принимают участие и объем строк, и способ *кольцевой рифмовки*, когда первая строка фонически перекликается с четвертой, а располагающиеся между ними вторая и третья – друг с другом (схема АВВА CDDC). Заметим, что это *единственный случай катрена с кольцевой рифмовкой, обнаруженный в пределах рассматриваемого периода*.

Чикатуев выступил автором и других интересных модификаций. Одна из них реализована в стихотворении «Поддай свой голос»:

Абыхъвхъа сыквчІвапІ **йсхъазаджвыкІта**.
 Аква гІасыквчІвитІ, йсызниуаш **джвыквта**.
 Сыла закІ гыгІацІалуам хъантаракІ **сыквта** –
 Ох, сара сыпшдза, быбжы гІарга.

Амари адгылы лахыгІва **йацаситІ**,
 ТшкъачІвахыртата апстхІваква **рбжыситІ**.
 Сыла закІ гыгІацІалуам, снурквагы **щгІаситІ**, –
 Ох, сара сыпшдза, быбжы гІарга.

[Чикатуев 1958: 21–22].

(Одиноко сию на вершине. Дождь обливает меня, а случай в дороге. Ничего не замечаю, будто тяжесть на мне – ох, моя красивая, подай свой голос. Земля и солнце играют в прятки, и укрытием для них являются тучи. Ничего не замечаю, и лучи мои падают, – ох, моя красивая, подай свой голос).

В этих четверостишиях использована трехкомпонентная рифма, включающая в себя концы первых трех строк, а четвертая, холостая, рефреном проходит через все произведение (схема АААХ АААХ). И такая структура сохраняется во всех пяти строфах.

В несколько измененном виде данная форма Чикатуевым употреблена в стихотворении «Рите» (22.03.56):

1 Былаква йачІвата йблитІ ,	Глаза твои горят звездами,
2 Рита хъышчІкІвын, бзи бызбитІ ;	рыженькая Рита, я тебя люблю;
3 Бхъыччацагы са йсагІитІ	я слышу твой голос,
4 Щхъа дзыхъ шкІвокІва <i>бжъыта</i> .	звнящий белым горным ручьем.

5 Слакта бгвыргъара йаркІкІитІ ,	Лицо мое освещается от твоей улыбки,
6 Бажва цхахвшата йызбитІ ,	медом кажутся твои слова,
7 БыкІас гъра са сгвы йагитІ –	сердце уносится за твоим ярким платком –
8 СапшлитІ ауи <i>хъагІата</i> .	наблюдаю за ним со сладостью.

[Чикатуев 1958: 21].

Здесь сохранена тройная рифма, а четвертая строка первой строфы уже соотносится с четвертой строкой второй строфы (схема АААВ СССРВ).

Представим еще одну малоупотребительную не только для абазинской, но и русской поэзии, модификацию строфы, разработанную тем же автором. «Мчащийся кувыркком ручей» (16.09.58):

1	АдзыгІв хъала-гвыла йгылуа,	Мчащийся кувыркком ручей
2	ТшауацІнахуа, тшаднакІылуа,	то расширяется, то сужается,
3	Адзаквтштшараква аквгылуа,	нагоняет волну на волну,
4	Аслъан хъвдачва йгІанаргылуа,	поднимает их львиною гривой,
5	ЙауацІвритІта абна чвыцІа,	протекает сквозь чашу лесную,
6	Йхъахсылуа, быжь ду ахъыцІуа,	громко шумя, будто выстреливая,
7	ЙадпалитІ ауи абыхъв чІвыца –	бьется он об скалу,
8	Сабата йархЧІныс апхыцІанІ.	желая стереть ее в порошок.
- [Чикатуев 1958b].

Данное стихотворение состоит из четырех катренов, и каждый из них обладает сквозной рифмой – одной на всю строфу (схема АААА ВВВВ).

Итак, мы обнаружили 7 разновидностей четырехстрочных строф в абазинской поэзии конца 1940-х – 50-х годов. Самой популярной из них была форма с перекрестной рифмовкой, значительно реже встречались строфы с парной рифмовкой, а последние четыре, рассмотренные на материале произведений М. Чикатуева («Скала смерти», «Поддай свой голос», «Рите», «Мчащийся кувыркком ручей»), не просто редки, а единичны, и в творчестве других авторов не встречаются.

В мае 1949 года М. Физиков напечатал в газете стихотворение «Край, в котором я родился» (21.05.49): с шестистрочной архитектоникой. Для наглядности воспроизведем первые две его строфы:

1	СгІайхитІ айсра амштахъ	Возвращаюсь после войны
2	Сызтадриыйыз хІара хІкыт.	в родной аул, где я родился.
3	Абар щарда цІуата йзымбахыз –	Вот наши холмы, скалы, аул,
4	ХІытобаква, хІыбыхъвква, хІкыт,	которых я давно не видел;
5	Уыла йгІацІанамкІуа хІырхъаква,	необъятные глазом поля,
6	Рызната йкІазкІазуа хІдзыгІв.	серебром сверкающая река.
7	Абан АшІапхара ду –	Вон Большая Шапхара,
8	Уаса ъасхчуз сЧІкІвынта.	где пас я овец в молодости.
9	Абан ЧыликІвар ахІатшпква,	Вон пещеры в балке Чили,
10	ХІызцІахъвмаруаз чІкІвыныргІа,	в которых мы играли в детстве,
11	Абан апразникква рагІангы	вон места, где в праздники
12	ЙъагІахІрыгІвуаз хІколхоз тшква.	устраивали мы скачки на колхозных ко-
- нях.
[Физиков 1949b].

Стихотворение безрифменное, поэтому в образовании строф тут принимает участие лишь повторение равного количества строк. Деление текста на строфы диктуется содержанием, когда одна микротема, развиваясь на протяжении 6 строк, сменяется другой.

По такому же принципу построено и стихотворение К. Братова «Моя любимая», но оно имеет свои отличительные свойства:

1	Тынчта абыхъв анычвуа,	Когда горы спят спокойным сном,
2	Сыла, спсы йапшу,	глазу, душе моей подобная,
3	Суасаква хIвра хъгIала йтхаджитI, уай.	мои овцы наслаждаются сладкой травой, уай.
4	Са скIыжкIыж буарад гIазтыцIуа,	Изливающая твою песню дудка,
5	Сыла, спсы йапшу,	глазу, душе моей подобная,
6	Апсабара гIанаршIыцхитI, уай.	обновляет природу, уай.
7	Швферма снайта хIанйарыквын,	Когда встречаю тебя на ферме,
8	Сыла, спсы йапшу,	глазу, душе моей подобная,
9	Ла хъагIала бгIаспшитIи, уай.	сладким взглядом смотришь на меня, уай.
10	Ба бгIахъысхуа щарда схIвушын,	Я бы сказал тебе много приятных слов,
11	Сыла, спсы йапшу,	глазу, душе моей подобная,
12	АгIаджыквцIара сгъазычпам, уай.	но не знаю, с чего начать, уай.

[Братов 1959: 32–33].

Стихотворение построено в виде обращения чабана к любимой, и отношение к ней лирического героя в каждой строфе подчеркивается дважды сравнительным оборотом «глазу, душе моей подобная».

В абазинской разговорной речи часто употребительными являются два фразеологизма: «сыла йапшу» (глазу моему подобный/ая), «спсы йапшу» (душе моей подобный/ая). Они сходны по своей семантике и обозначают высшую степень расположенности, близости к адресату. Чтобы усилить звучание привязанности к девушке, лирический герой объединяет два самостоятельных сравнительных оборота в один, и в каждой строфе дважды (во второй и пятой строках) повторяет ее. Высказывание обретает устойчивый характер и постоянное месторасположение.

Другим постоянным признаком со своим определенным местом в конце 3-й и 6-й строк выступает редиф «уай». «Уай» – многозначное междометие, в зависимости от контекста выражающее различные эмоции. В данном случае восклицание привлекает внимание собеседника на предмете разговора. И оба эти признака (сравнительный оборот и редиф) повторяются в каждой строфе на одних и тех же местах.

Из шестистиший состоит еще одно стихотворение того же К. Братова «Приходи, посмотри на наши успехи» (1.05.56):

1	АцIис чIкIвынква йапшым бжыла	Птички разными голосами
2	Ашахв апны ашва <i>рхIвумI</i> .	поют песни на рассвете.
3	Дугъи чIкIвынгъи хIацIагыла	И взрослые, и дети вместе
4	Ащажь апхъа <i>хIацIагылтI</i> ,	встали раньше утренней зари
5	ХIазгIашыкъта, къахвра хIыла	и бодро, весело
6	ХIымш тлапIа, Май, <i>хIупылтI</i> .	пошли навстречу дорогому Маю.

[Братов 1956].

Завершенная мысль укладывается в отведенную для нее строфическую рамку. Текст, как и предыдущие примеры, не имеет определенной метрики, но здесь уже строки внутри строфы скреплены двумя тройными рифмами: «бжыла – хIацIагыла – хIыла» и «рхIвумI – хIацIагылтI – хIупылтI» (схема АВАВАВ).

Таким образом, в данном случае количество строк в строфах обусловлено уже не только смысловой цельностью, интонационной завершенностью, но и рифмовкой. В последующих строфах рифма исчезает, но первые два фактора (содержание и интонация) остаются и определяют такое же количество строк, что и в первой.

Выдержанную композицию строф, до конца определяемую содержанием, интонацией и рифмой, мы находим в стихотворении К. Джегутанова «Утро в горах» (11.11.55). Оно состоит из 7 шестистрочных строф с идентичной структурой: к первым четырем строчкам с перекрестной рифмовкой присоединяется двустилие с парной рифмой:

1	Адуней анпшдзу йазхитI убзибара ,	Когда мир красив, увеличивается любовь к нему,
2	Убзазара духитI, <i>йчвиmI</i> ;	жизнь ширится, становится полной;
3	ЙгIаудахIвныс уаргвыгьитI угвтара ,	мечта обещает свершиться,
4	Уакъыльгы къахвта <i>йынхитI</i> .	и мысль твоя работает воодушевленно.
5	Ауи асхъан уазхъвыщныс <u>майрапI</u>	Тогда легко представляется,
6	ХъацIара алата уыс <u>уырхъйара</u> .	что дело свое можно завершить мужественно.
7	ПшдзадзапI гъагъата апсабара ,	Прекрасна природа вокруг.
8	ЩымтахъапI, йгъаъам <i>пстхIва</i> ;	Раннее утро, нет облаков.
9	ЙгIаталырныс ауашт мыш шуара –	Возможно, день будет жарким, –
10	АхIауа цкъадзапI, <i>йхъгIанI</i> .	воздух чист, сладостен.
11	Ауахъ чвца йгIанагыз <u>апстIагъи</u>	Выпавшая ясной ночью роса
12	Рызнашва йрыквпI хIврагъи <u>быгъгы</u> .	серебром лежит на травах и листьях.

[Джегутанов 1956: 29–30].

Рифмовка здесь реализуется по схеме ABABCC DEDEFF.

П. Цеков внес небольшое видоизменение в данную форму: в стихотворении «Кошара в долине» он применил шестистрочную строфу с перекрестной рифмовкой в начальных четырех строках и безрифменным заключительным двустилием. В результате схема рифмовки обрела такую последовательность: ABABXX CDCDXX:

1	АкIвар йтагылу ауасархIарта	От находящейся в долине кошары
2	ЙгIахъычитI йгвлахIару <i>абах</i> .	исходит приятный пар.
3	ЙызбитI, асараква зтаз ртакIырта	Вижу: выскочившие из загона ягнята
4	ЙгIатыцIын йхъвмаритI <i>апахъ</i> .	резвятся на свободе.
5	Ауат йгIардасуа агIапын акIвпIта,	Они приветствуют весну,
6	СчхIара намхъахуа сазпшитI.	которую я жду с нетерпением.
7	ЙтахъвмаритI аферма апшцIа тыбгIа	Играются в просторном дворе ферме
8	Рхъапахъква тшвадза <i>ахIвысхва</i> .	узколобые телята.
9	Ауат апхъаныгIвитI, йгвыргъыитI зымгIва ,	Они устраивают скачки, радуются все,
10	Адгъыл дырхъвыхитI рщапI <i>шIыцхва</i> .	пробуют землю новыми ногами.
11	Ауат йгIардасуа агIапын акIвпIта,	Они приветствуют весну,
12	СчхIара намхъахуа сазпшитI.	которую я жду с нетерпением.

[Цеков 1959: 5–6].

Обратим внимание: последние две холостые строки, как рефрен, повторяются в конце каждой строфы.

Формы шестистиший имеют еще стихотворения К. Братова «То, что я люблю» и «Она мужественна», И. Табулова «Засыпай любимый мой ребенок», Б. Тхайцухова «Моя родина». Но все они построены по той же конструкции, что и рассмотренное выше «Край, в котором я родился» М. Физикова. Отличной от них и рассмотренных выше форм выступает «Рая» М. Чикатуева:

1	Раиса, Раиса ,	Раиса, Раиса –
2	Бакъыль майысапI –	острый ум.
3	СапхъатI йгIабгIвыз <i>аписьмо</i> .	прочитал я твое письмо.
4	Йгвы цкъамкIва <u>гIвычIвгIвыскIгъи</u> –	Ни один человек с нечистым сердцем,
5	ХъацIагъи <u>пхIвысгъи</u> –	будь то мужчина или женщина, –
6	Араса йгъызыгIврым. <i>Момо!</i>	не сумел бы написать такое. Нет!
7	Швабыж сыбзыразпI .	Очень благодарен тебе.
8	ЙбыцшитI бхъазыракI .	Разделяю твое одиночество.
9	Ауаса йгъсызхIвум « <i>сахъца</i> ». –	Но не могу сказать «сестра».
10	ХIчIкIвыныркIвапI <u>хIгIвыджъгъи</u> ,	Мы еще молоды.
11	ХIыгкIва <u>анйарыгъи</u> ,	Если даже сердца наши встретятся,
12	Бара йыгъгIасабхIврым « <i>саца</i> ».	вряд ли ты скажешь мне «брат».
		[Чикатуев 1958: 24].

В данных строфах вначале следует двустишие с парной рифмовкой, а затем уже четверостишие с кольцевой (схема рифмовки AABCCB DDEFFE). За весь рассмотренный период стихотворение с таким типом строфы встретилось единственный раз.

Другую модификацию шестистрочника находим у того же Чикатуева в стихотворении «Песня-гимн» (20.06.59):

1	Амыз хъара гвлахъвы аназдхIыргауа	Когда мы передаем луне долю соседа,
2	Азаман ду хIтапI хIара <i>уахъчIва!</i>	в великое время мы живем сегодня!
3	Абаза бжыла хIдуней тшауыргIауа ,	Знакомя мир с абазинской речью,
4	ХIкъраль тлаш ауыс дуква уыргауа ,	разнося повсюду весть о больших делах страны,
5	УпсегIа сашва! ЙущардапI уа <i>гIвзачва!</i>	лети, моя песня! Много у тебя друзей!
6	Йгъуымам уа чIвара, Йгъуымам уа <i>чвара!</i>	Не можешь ты сидеть, Не можешь ты заснуть!
7	ХIа хIбаракъ Къапщ амара апны йанпсегIауа	Когда наше Красное знамя летит к солнцу,
8	Азаман ду хIтапI хIара <i>уахъчIва!</i>	в великое время мы живем сегодня!
9	ХIынхагIв фыр йгвы йту гIаухIвауа ,	Повествуя о том, что лежит на сердце героя-труженика,
10	ХIджыхIва багъи хIхщрып цIари уыртшхъвауа ,	расхваливая наш крепкий молот и острый серп,
11	УпсегIа сашва! ЙущардапI уа <i>гIвзачва!</i>	лети, моя песня! Много у тебя друзей!
12	Йгъуымам уа чIвара, Йгъуымам уа <i>чвара!</i>	Не можешь ты сидеть, Не можешь ты заснуть!
		[Чикатуев 1959a].

Снова по выделенным концовкам строк можно установить, что в этом случае рифмуются между собой 1-я, 3-я, 4-я строки и 2-я, 5-я, 6-я (схема АВААВВ CDCCDD).

Итак, стихотворений с шестистрочной строфой в абазинской поэзии конца 1940-х – 50-х годов выявлено 14. Часть из них сходна по композиции, а 8 имеют свои структурные особенности, сводящиеся в основном к различиям по способу рифмовки.

Другой вид строфы в абазинской поэзии объявился 1 января 1950 г. И это было стихотворение Ш. Физикова «Год новых свершений». Оно состояло из 18 разбитых на двустихия строк. Рифма не всегда выдерживалась, но по характерному пробелу можно безошибочно определить структуру строф:

1 Асквш шЫц цІла апхъачва акІвшитІ,	Вокруг новогодней елки школьники ведут
2 Уарад шЫцгЫ азырхІвитІ.	хоровод,
	распевая новые песни.
3 Москва асахІат быжь йазпшитІ,	Дождаясь боя московских курантов,
4 Асквш шЫц агІадасра йапылитІ.	они встречают Новый год.
5 Абар Москва адауыш	Но вот играют куранты Москвы,
6 ЙІадрайгвитІ йІаталуа асквш...	приветствуя наступающий год...
	[Физиков 1950].

Это единственный пример двустрочной строфы за весь изученный 13-летний период.

Следующая строфическая форма вышла из-под пера старейшего абазинского писателя – Т.З. Табулова. И это было пятистишием, реализованным в стихотворении «Радостная жизнь» (8.09.51):

1 Архъатш джырка,	Стальные кони полей,
2 ХІадгЫл квайчІва	нашу черную землю,
3 Псыла гьвгъвара	жирную равнину,
4 Ахъдрышвтуамца,	переворачивая,
5 ЙымгІвайситІ.	движутся.
6 Архъа хъвыхІква,	Степные корабли,
7 ТшыгІвра бажкква	богатый урожай
8 ГацІаргумца,	добывая,
9 ХІырхъа хъапцква	наши золотые поля
10 ГамырдитІ.	обходят.
	[Табулов 1951].

Безрифменное стихотворение состоит из 10 пятистиший. Каждое из них представляет собой одно законченное предложение, в конце которого отдельной строкой с отступом приводится заключительный глагол. Таким образом автор акцентирует внимание на действии, на тех позитивных событиях, что свершаются в улах и в стране в целом.

Наиболее продуктивно данный вид строфы разрабатывал Б. Тхайцухов. Первый свой опыт он продемонстрировал в подборке, озаглавленной «Любовные частушки» (30.07.55). В сборник «Искра любви» они вошли под названием «Если любовь сильна»:

1	Мчызтын апхын шуара ,	Если сильна летняя жара,
2	Мчызтын апхын шуара ,	если сильна летняя жара,
3	Адгьыл <i>гIанаршитI</i> ;	нагревается земля;
4	Мчызтын абзибара	если сильна любовь,
5	Ухъа <i>танаршитI</i> .	она кружит голову.
6	Амара уапшырквын ,	Если посмотреть на солнце,
7	Амара уапшырквын	если посмотреть на солнце,
8	Уыла <i>гIанакхитI</i> ;	оно слепит глаза;
9	Уыпшдза дубарыквын	когда же видишь свою красивую,
10	Уыла <i>цIарахитI</i> .	глаза становятся зорче.

[Тхайцухов 1958: 16–17].

В сущности, строфы здесь четырехстрочные, только вследствие того, что первая строка повторяется дважды, они формально переходят в разряд пятистиший (схема AABAB CCDCD).

Следующее повествовательное стихотворение «Песня всадника» (24.07.56) Тхайцухов также членит по пять строк:

1	СтшыгIвта архъала сшымгIвайсуаз	Когда я ехал по полю на коне,
2	XIaгIата сгвпы <i>тигIацтIнахтI</i> .	высоко поднялась моя грудь.
3	Сыпшдза Пагва, сгвы бгIанагын	Мое сердце вспомнило красавицу Паго,
4	Ашва шIыц, зынгьи йсымхIвасыз ,	и ни разу не исполненная новая песня
5	ХъагIата спыкв <i>йгIаквххтI</i> .	сладко набежала на мои губы.
6	Ажва гвапаква мерата	Приятные слова легко
7	ЙгIатыпсгIитI сгвы йцкьадзу .	Вылетают из чистого моего сердца.
8	Сбжъы гьбымгIума, пхIвыспа <i>пагъа?</i>	Разве ты не слышишь мой голос, гордая де- вушка?
9	Сгвы шкшауа гьбымгIума, <i>Пагва?</i>	Разве ты не слышишь, как бьется мое серд- це, Паго?
10	Ба бакIвпI йызсуысаз ашва ду.	Это я для тебя сочинил свою песню.

[Тхайцухов 1958: 17–18].

Рифма в данном случае проявляет себя своеобразно: в первой строфе сочетаются концы 1-й и 4-й, 2-й и 5-й, а 3-я остается холостой; во второй строфе холостой выступает 1-я строка, 2-я рифмуется с 5-й, а 3-я – с 4-й. Схема: ABXAB XCDDC.

«Кто остался обманутым?...» (21.05.57) того же автора также структурировано пятистишиями:

1	Ашвахъа ахъмарра схънахын ,	В понедельник я увлекся играми
2	Сдерс сампхъауа <i>сгIанхатI</i> .	и остался с невыученными заданиями.
3	АрыпхъагIвгьи ари атшын	Учитель в этот день
4	Сара <i>дыгъгIасымцIгIатI</i> ,	меня не спросил,

5	Ох, дыгъгIасымцIгIамI!	ох, не спросил!
6	АгIваша сдерсква срыпхъан ,	Во вторник я подготовил уроки
7	СнапIгъи гIащтIысхын <i>счIванI</i> ,	и сидел с поднятой рукой.
8	Ауаса хIа хIарыпхъагIв	Но наш учитель
9	Сара <i>дыгъгIасымцIгIамI</i> .	меня не спросил.
10	Эх, йыгъсызшам зынгъи.	Эх, не везет мне никогда.
- [Тхайцухов 1958: 44].

Здесь каждая строфа в первых четырех повествовательных строках представляет одно завершенное действие, а заключительная строка отводится под эмоциональное восприятие лирическим героем сложившейся ситуации. И так на протяжении всего произведения. Выстраивание строф сопряжено с логикой развертывания авторской мысли, и пять строк оказываются самым оптимальным архитектурным решением. Схема: ABABB CDCDX.

В стихотворении «У моря» (19.03.59) именно рифма придает пятистишной строфе своеобразный облик:

1	Атолкъвын шлаквa гвыжвкIуа ,	Седые волны, свирепствуя,
2	Йаквгылуа <i>йгIатрыситI</i> ,	набегая одна на другую,
3	АхIахъв быхъвквa <i>йрыситI</i> ,	бьются о каменные скалы,
4	ЙтхъитIта, хвырчвхIва <i>йгIаргвыквсхитI</i>	отступают и нападают снова
5	Асквышзкъквa зхъыцIхъу атшпыжвквa .	на старые тысячелетние берега.
6	Атолкъвын шлаквa дрылшвтуа	Рассекая седые волны,
7	ДыркуацIситI <i>ахъацIа</i> ,	проплывает мужчина,
8	ДтаныхъвитI адзы <i>ацIахъ</i> ,	опускается на дно,
9	ЙгIайдыритI адзы <i>алахъ</i> ,	распознает судьбу воды,
10	Ймурадла дымгIвайситI	движется по намеченному маршруту.
- [Тхайцухов 1959b].

Тут созвучием скрепляются начальная и заключительная строчки (1-я и 5-я) и располагающаяся между ними тройная рифма (схема ABVBBA CDDDC). Такой формы строфы до Тхайцухова ни у кого из абазинских авторов не было.

Пятистрочная строфа была употреблена Тхайцуховым еще дважды: в пятой части поэмы «Мир станет мирным» (2.02.52) и в стихотворении «Когда увидел тебя впервые...» (12.08.58). Но к сказанному они ничего нового не прибавляют.

Как показывает рассмотренный материал, в освоении пятистишия Б. Тхайцухов сыграл исключительную роль: из 8 обнаруженных произведений данной формы 6 принадлежали ему. А что касается трехстиший, то все три выявленных стихотворения подобной структуры принадлежат ему же. Рассмотрим «В пасмурный день»:

1	Амш апсыцхIа ангIанащти ,	Когда день грустно вздохнул,
2	АпстхIва аладз сса йгIатнащтыз	выпущенная облаком слеза
3	ЙаджвджвитI адгъыл <i>ауIахъа</i> .	омыла лицо земли.

4	Уапшырныс джьащахъвадзата ,	Удивительно наблюдать за тем,
5	Апша дзгIашв анапI мадзала	как влажный ветер невидимой рукой
6	ЙагъычитI ацIлаквa <i>рбыгъьква</i> .	скрадывает листья у деревьев.
- [Тхайцухов 1958: 20].

Первые две строки строф сочетаются парной рифмовкой, а третья строка первой строфы рифмуется с третьей строкой следующей строфы (схема ААВ ССВ). Такая же структура сохранена и в стихотворении «Бездельник»:

1	Гъныта, хъта чъгъадзата	Зимой, в лютую стужу,
2	Муса йыгвла Бата	Муса с соседом Батой
3	Дйыцта абна <i>йцатI</i> .	пошли в лес.
4	Бата дхвамышвдзата	Пока слабосильный Бата
5	Дшгылаз кIвтIу багIдзата	стоял мокрой курицей,
6	Муса йуыс <i>далгатI</i> .	Муса завершил свои дела.
- [Тхайцухов 1958: 46–47].

Простое сопоставление двух произведений устанавливает их идентичную композицию. Помимо жанра и тематики, разница между ними заключается в ритмике: «В пасмурный день» создан 4-стопным хореем, а «Бездельник» – 3-стопным хореем.

Есть у Тхайцухова еще одно стихотворение «Осенняя картина» (1.10.59) с трехстишной строфой:

1	Апхын апстхIва жвпIара йыладзтI.	Лето исчезло в густом тумане.
2	АхIвраква йкIазкIауа рыладзква гIахъххылтI.	У трав, сверкая, выступили слезы.
3	Адз гIахIвытI.	Выпал иней.
4	Абна напI мадзакI ахъыкIвшитI	Лес обходит невидимая рука,
5	Абыгъьква ашвыга зигIвала йашвуа,	разрисовывая листья
6	ЙкIанарпIлауа.	в разноцветные краски,
		роняя их.
7	Архъаква йыршву ачгIвыча – атшыгIвра –	Одежду полей – урожай,
8	АнхагIвы йыршвимхкIва дгътынчуам. –	не снимет работник, не
		успокаивается.
9	Дзын мышхатI.	Стал осенним день.
- [Тхайцухов 1959с].

Рифма стихотворения довольно бедная: рифмуются между собой вторая и третья строки: «гIахъххылтI – гIахIвытI»; пятая и шестая: «йашвуа – йкIанарпIлауа»; седьмая и девятая: «атшыгIвра – мышхатI». Таким образом, холостыми остаются первая, четвертая и восьмая. Но в то же время здесь обнаруживается внутренняя переключка конца первой строки «йыладзтI» с серединой второй – «рыладзква». Помимо того, проявляется аллитерационное созвучие начала третьей строки «адз» и середины четвертой – «мадзакI».

Стихотворение П. Цекова «Лодырь» появилось в печати 11 ноября 1955 г. Затем оно вошло в коллективный сборник «Ручейки текут к морю» и в автор-

скую книгу «Подвиг комсомольца». И во всех случаях произведение отчетливо разбивается на восьмистишия:

1	Нына Къвапа лпазаджвыкІ	Мама Капа единственного сына-
2	ГІащарби длыргІащІвитІ:	лодыря балует:
3	ЙгылыргІум ауи ажвакІ,	не скажет ему ни одного слова,
4	Йгвампахушта йгы йтахъымкІва.	что ему не понравится.
5	Ачварта дъалугъи дйыдзхъачІва,	Она присаживается на кровать,
6	Дылщцуа ауи йгвы лхвгІитІ.	гладит его, ублажает.
7	РыщІа йагъу йчвапщу ачІва	Лучшее розовое яблоко
8	ЙагІвлырситІ, йылырфитІ.	разрезает и дает ему есть.
9	ГІащарби дхъащыта дГІайхтІ,	Лодырь мрачным вернулся
10	Апхъарта дГІатыщІын.	из школы.
11	Йхъылпа ачІвара йыквырышвтІ,	Кинул шапку на стул,
12	ДгвыжвкІуа йГІайхъижван.	недовольно сорвав с головы.
13	Къвапа дгвжважвитІ, дйыдзхъаххитІ,	Капа торопливо подбегает,
14	ЛыГІвнапІыкІгъи щтІылхын:	вознося руки вверх:
15	«Йучпа ачІвыйа, сгвы алаххитІ;	«Что случилось? Сердце скручивается.
16	ЙГІасахІв, спа, саквумщын!»	Скажи, сынок, не терзай меня!»
		[Цеков 1958: 25–27].

Стих ритмически не урегулирован, лишен рифмы. Как можно судить по первым двум фрагментам, строфы образуются сообразно с микротемами, раскрывающимися в пределах восьми строк. И это единственное стихотворение подобной строфической композиции, обнаруженное за весь рассматриваемый период.

Также единична и десятистрочная строфа, использованная М. Чикатуевым в стихотворении «Там, где я родился» (21.11.59):

1	АщхъатІазква ажвГІванд йнадзауата,
2	Ауат рхъахъгъи ащІашвква кІкІауата,
3	Ауат ргвытшы адзыГІвмчка гІакІажжауата,
4	РщапІквагъи бнажвпІа хГІаала йхъГІвата,
5	Рбжъарагъи уасахІвыча рбжъата,
6	Ауасахча ацырнащ йцрахІвата,
7	ДГІасырквынгъи – тшузымкІхуа угІайырхІвуата,
8	Йынийарагъи анцІрала угвы йГІатахауата –
9	Абарауатква ъажвбауа ахагІагв,
10	Чакъ гІажвымгын! – съатадрийыз ъакІвпІ!
11	АщІашвы адзыГІвква ъаднарбцІылуа,
12	Хътачвгъадзата апша гІанарышвшвуа,
13	Асыхаква ушІахъа йГІакІыншвылуа,
14	Йуыкхъвлата уацара уымдыруа,
15	Уызтанагаз акыт хвыщгъи уымдыруа,
16	Апхъа уъадсылуагъи рычкІвынкІ йапш унаржъылуа,
17	Дугъи хвыщгъи гвыргъауа йГІаупылуа,
18	Йагъу ачварталагъи удыршышуа –
19	Абараса швъарбауа ахагІагв –
20	Чакъ гІажвымгын! – съатадрийыз ъакІвпІ!

[Чикатуев 1959b].

(Где неба достигают большие горы, над ними сверкают льды, по груди стекают быстрые речки, основания покрыты высокими лесами, между ними пасутся отары овец, у чабана свирель, как заиграет, – неудержимо тянет танцевать, встреча с ним навсегда остается в сердце, – тот край, где вы увидели такое, – не сомневайтесь! – там родился я! Где речки сжимаются ледниками, свистят студеные ветра, снежинки примерзают к щекам, не знаешь, куда прийтись, когда стемнеет, и маленький аул, в котором ты оказался, тебе не знаком, но куда бы ты ни постучался, принимают как своего, и стар, и млад радостно идут тебе навстречу, обогревают в лучшей постели, – тот край, где встречают так, – не сомневайтесь! – там родился я!)

В стихотворении 8 строф, и все они выдержаны по одному и тому же строфическому и синтаксическому образцу. Каждая строфа представляет собой самостоятельное предложение, внутри себя распадающееся на цепь деепричастных оборотов¹. И таковыми являются первые 8 строк, скрепленные одной и той же грамматически однородной суффиксально-флексивной рифмой. Заключительное двустиишие служит своеобразным итогом из сказанного выше и образует свою рифменную пару (схема АААААААВВ ССССССССDD). Таким образом, идентичными здесь выглядят не только общие конструкции строф, но и структуры синтаксических единиц.

Самая крупная строфическая форма в абазинской поэзии 1950-х гг. – это двенадцатистишие. Им написаны стихотворение П. Цекова «Будь приятной, песня моя...» (24.02.55) и поэма Дж. Лагучева «Молодая доярка Сима». Представим их первыми строфами:

1	Йбагъу чIвырхъала, йлашару мIвала	Крепкой поступью, светлой дорогой
2	ХIара хIкъралыгIва коммунизм йазцитI.	Наша страна к коммунизму идет.
3	Йдуу насыпла, йпшдзадзу бжыла	Исполненный счастьем, красивым голосом
4	ЙцIабыргу ашвакIа хIуагIа йырхIвитI.	Правдивые песни народ наш поет.
5	ЙцIабыргу ашва абыжъгIа гIапапI –	Правдивая песня звучит приятно –
6	УгIапаптI, сара сашва, ушдзата уга!	Будь приятной, песня моя, звучи красиво!
7	ПхынцIыгIа уштIахуа уара <i>унссгIа</i> ,	Лети, поднимаемая крыльями,
8	УнссгIа, уырзынадза йгIа <i>тидрагIа!</i>	лети, доберись, чтобы тебя услышали!
9	Атенгъыз хъчIвачIа ацхIашвы йыквчIву,	К тем, кто на льдине в Ледовитом оке- ане,
10	ХIдырра зырбагIауа рпынгIа <i>унадза!</i>	к тем, кто углубляет наши знания!
11	АжвIгIанд агIвихуа апстхIавакIа йрылу	С рассекающим небо среди облаков
12	ХIлетчик уйыпссгIауа уара <i>тширагIа!</i>	летчиком лети вместе, чтобы он тебя услышал!

[Цеков 1958: 10–11].

Рифма в стихотворении проявляется локальными островками и не принимает участия в создании структуры строфы: она образуется путем механического членения текста на фрагменты определенного объема. С таким же успехом

¹ При подготовке подстрочного перевода ради сохранения сути произведения мы осознанно придали деепричастным оборотам форму придаточных предложений.

(как и восьмистрочную строфу «Лодыря») данное произведение можно было разделить и на 4-, 6-, 8-строчные куски. То же самое, думается, можно сказать и о поэме Дж. Лагучева «Молодая доярка Сима», также структурированная строфами из 12 строк:

1	Луырт гыштыыхым –	Не высокая ростом –
2	Дысса-мыссапI;	мелкая-премелкая;
3	Лныбыжь гьдууым –	и лет не много –
4	ДпхIвыспа шIапI;	молодая девушка;
5	Уыс харала,	но при исполнении дела,
6	Жвы хьарала	в дойке коров,
7	Сима дьазапI,	Сима – мастерица,
8	ЛгIатгара бзипI,	у нее хорошие достижения,
9	ЙылхIваз ажва	сказанное слово ее
10	Хьйара ачпIT;	сбывается;
11	Ауи лашва	ее песня
12	Угвы йахьвитI.	радует сердце.

[Лагучев 1957: 25–29].

Данное произведение с цековским роднит тоническая основа, эпизодическая рифма, двенадцатистрочная строфа. Главное формальное отличие заключается в длине строк: у Лагучева она в два раза короче, чем у Цекова.

В первые послевоенные годы абазинская поэзия не знала рифмы, но затем под влиянием традиций русского стиха эпизодически стали проявляться созвучия, и эта тенденция получила постепенное развитие. Вначале осваивались наиболее простые однородные (преимущественно глагольные) рифмы, а затем изредка стали возникать примеры внутренних, стыковых, составных рифм. В освоение рифмы большой вклад внесли К. Джегутанов, Б. Тхайцухов, особенно М. Чикатуев. Установление рифмы как постоянного атрибута национального стиха свершилось уже в 1960-е годы.

С первых лет возрождения национальная поэзия осваивала строфические и нестрофические формы, причем второй тип количественно заметно отставал от первого. Их соотношение в процентах выражалось как 64,2 % : 35,8 %.

Из строфических композиций абазинская поэзия конца сороковых – пятидесятых годов прошлого столетия представляла двустистию, трехстишию (2 варианта), четверостишию (7 вариантов), пятистишию (4 варианта), шестистишию (8 вариантов), восьмистишию, десятистишию и двенадцатистишию. Строфических групп с четным количеством строк было гораздо больше, чем с нечетным. Такое соотношение характерно не только для абазинской, но и для других литератур.

При кажущемся разнообразии видов строф (8 основных типов, не считая вариации) на практике оказывалось, что абсолютное большинство произведений создавалось на четырехстрочной основе, и из них больше и чаще всего – с перекрестной рифмовкой. Остальные разновидности катренов и строф использовались редко.

Двустрочная строфа была реализована в единственном стихотворении Ш. Физикова «Год новых свершений». В освоении трех- и пятистрочной строф ре-

шающую роль сыграл Б. Тхайцухов. В разработке четырехстрочной строфы приняли участие многие стихотворцы, но наиболее интересные формы представил М. Чикатуев. С шестистрочной строфой работали М. Физиков, К. Братов, К. Джегутанов, Б. Тхайцухов, П. Цеков, И. Табулов, М. Чикатуев. Восьми- и десятистрочная строфы были реализованы в единичных произведениях П. Цекова и М. Чикатуева; двенадцатистрочной строфой написаны одно стихотворение П. Цекова и поэма Дж. Лагучева «Молодая доярка Сима».

Пристрастие абазинских авторов к тем или иным разновидностям строф наглядно демонстрирует анализ авторских поэтических сборников. Так, в книге К. Джегутанова «Тебя пою, отчизна» (1956) обнаруживаем 3 астрофических и 18 строфических стихотворений. Среди последних на строфы катрена приходится 14, то есть абсолютное большинство. В сборнике П. Цекова «Подвиг комсомольца» астрофическими являются 4 стихотворения и одна поэма, строфическими – 13 стихотворений и 1 поэма. И тут четырехстрочными строфами создано 11 стихотворений и 1 поэма. То есть – подавляющая часть. У Б. Тхайцухова в «Искре любви» (1958) на 6 астрофических стихотворений приходится 27 строфических стихотворений и 2 поэмы. И тут ведущее положение снова занимают четверостишия: 12 стихотворений и 2 поэмы. Преимущественное положение катрена еще отчетливее выражено в сборнике Дж. Лагучева «На берегу Кубани» (1958): 27 стихотворений и 1 поэма, тогда как на все остальные разновидности строфических и астрофических приходится лишь 6 произведений. Показатели сборника М. Чикатуева «Беру апхиарцу (1958) резко отличаются от складывавшейся выше картины: на 40 помещенных в его книгу стихотворений 28 (70 %) являются нестрофическими и лишь 12 (30 %) – строфическими. Из них четырехстрочные строфы занимали меньше половины: 5 из 12.

Показатели свидетельствуют о том, что в своем творчестве абазинские авторы (за исключением Чикатуева) астрофические стихи используют гораздо реже, чем строфические композиции, и на первое место у них выходят четверостишия с перекрестной рифмовкой.

Наибольшее многообразие строфических форм обнаруживается у Б. Тхайцухова: 6 астрофических, 2 трехстишных, 19 четверостишных, 3 пятистишных, 2 шестистишных, 2 нетождественных и 1 разноразмерное. Итого – 7 различных форм. Менее всех разнообразен Дж. Лагучев: 5 астрофических, 28 четверостишных и 1 поэма, написанная двенадцатистишными строфами. К. Джегутанов представляет 5 форм, П. Цеков – 4, М. Чикатуев – 5. Но в отличие от предыдущих поэтов, последний, как было указано выше, отдавал предпочтение астрофическим стихам, и четверостишия у него в приоритете не были.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Братов 1953 – *Братов К.* То, что я люблю // Голос молодых / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. – С. 186–187.

Братов 1956 – *Братов К.* Приходи, посмотри на наши успехи // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 1 мая.

Братов 1958 – *Братов К.* Она мужественна // Лучи / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – С. 54.

- Братов 1959a – *Братов К.* Мой язык // Пламя гор / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – С. 64.
- Братов 1959b – *Братов К.* Моя любимая // Цветение весны / Сост. П. Цеков. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959 – С. 32–33.
- Голодный 1950 – *Голодный М.* Песня о Щорсе // Красная Черкессия. – 1950. – 8 апреля.
- Джегутанов 1951 – *Джегутанов К.* Мой край // Красная Черкессия. – 1951. – 1 апреля.
- Джегутанов 1956 – *Джегутанов К.* Тебя пою, отчизна. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1956. – 76 с.
- Джегутанов 1957 – *Джегутанов К.* Песня счастья // Социалистическая Черкессия. – 1957. – 2 ноября.
- Квятковский 1966 – *Квятковский А.* Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
- Кенжев 1957 – *Кенжев Р.* Моя мать // Социалистическая Черкессия. – 1957. – 12 декабря.
- Лагучев 1957 – *Лагучев Дж.* Молодая доярка Сима // Ручейки текут к морю / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. – С. 25–29.
- Литературная энциклопедия терминов... 2001 – *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Главный редактор и составитель А.Н. Николюкин. – М.: НПК Интелвак, 2003. – 1600 стб.
- Литературный энциклопедический словарь 1987 – *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
- Маяковский 1978 – *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. – М.: Правда, 1978. – 415 с.
- Табулов 1951 – *Табулов Т.* Радостная жизнь // Красная Черкессия. – 1951. – 8 сентября.
- Табулов 1954 – *Табулов И.* Засыпай любимый мой ребенок // Слово горцев / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1954. – С. 31 – 32.
- Табулов 1957 – *Табулов И.* Моя светлая // Социалистическая Черкессия. – 1957. – 5 мая.
- Тхайцухов 1949 – *Тхайцухов Б.* Сталин – наше солнце // Красная Черкессия. – 1949. – 21 декабря.
- Тхайцухов 1958 – *Тхайцухов Б.* Искра любви. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 52 с.
- Тхайцухов 1959a – *Тхайцухов Б.* Ее глаза // Пламя гор / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – С. 59.
- Тхайцухов 1959b – *Тхайцухов Б.* У моря // Свет коммунизма. – 1959. – 19 марта.
- Тхайцухов 1959c – *Тхайцухов Б.* Осенняя картина // Свет коммунизма. – 1959. – 1 октября.
- Физиков 1949a – *Физиков М.* Майский вечер // Красная Черкессия. – 1949. – 21 мая.
- Физиков 1949b – *Физиков М.* Край, в котором я родился // Красная Черкессия. – 1949. – 21 мая.
- Физиков 1949c – *Физиков Ш.* Сенокос // Красная Черкессия. – 1949. – 2 июля.
- Физиков 1949d – *Физиков Ш.* Богатый урожай зерна // Красная Черкессия. – 1949. – 21 июля.
- Физиков 1950 – *Физиков Ш.* Год новых свершений // Красная Черкессия. – 1950. – 1 января.
- Цеков 1957 – *Цеков П.* Лодырь // Ручейки текут к морю / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. – С. 14 – 16.
- Цеков 1958a – *Цеков П.* Подвиг комсомольца. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 37 с.
- Цеков 1958b – *Цеков П.* Кошара в долине // Пламя гор / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – С. 5 – 6.

- Цеков 1958с – *Цеков П.* В поисках красивого слова // Свет Коммунизма. – 1958. – 5 апреля.
- Чикатуев 1956 – *Чикатуев М.* Скала смерти // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 22 марта.
- Чикатуев 1958а – *Чикатуев М.* Беру апхиарцу. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 45 с.
- Чикатуев 1958b – *Чикатуев М.* Мчащийся кувыркком ручей // Свет Коммунизма. – 1958. – 16 сентября.
- Чикатуев 1958с – *Чикатуев М.* Какане // Социалистическая Черкесия. – 1958. – 18 февраля.
- Чикатуев 1959а – *Чикатуев М.* Песня-гимн // Свет Коммунизма. – 1959. – 20 июня.
- Чикатуев 1959b – *Чикатуев М.* Там, где я родился // Свет Коммунизма. – 1959. – 21 ноября.

REFERENCES

- BRATOV K. *To, chto ya lyublyu* [What I love] // Voice of the young / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Cherkessk book publishing house, 1953. – P. 186 – 187. (In Russ.).
- BRATOV K. *Prikhodi, posmotri na nashi uspekhi* [Come and see our successes] // Socialist Circassia. – 1956. – May 1. (In Russ.).
- BRATOV K. *Ona muzhestvenna* [She is courageous] // Rays / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Karachay-Cherkessk book publishing house, 1958. – P. 54. (In Russ.).
- BRATOV K. *Moy yazyk* [My language] // Flame of the mountains / Compiled by B. Thaytsukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkessk book publishing house, 1959. – P. 64. (In Russ.).
- BRATOV K. *Moya lyubimaya* [My beloved] // Blooming of spring / Compiled by B. P. Tsekov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – P. 32 – 33. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Moy kray* [My land] // Red Circassia. – 1951. – April 1. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Tebya poyu, otchizna* [I sing you, fatherland]. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1956. – 76 p. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Pesnya schast'ya* [Song of happiness] // Socialist Circassia. – 1957. – November 2. (In Russ.).
- KVYATKOVSKIY A. *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. – M.: Soviet Encyclopedia, 1966. – 376 p. (In Russ.).
- KENZHEV R. *Moya mat'* [My mother] // Socialist Circassia. – 1957. – December 12. (In Russ.).
- LAGUCHEV DZH. *Molodaya doyarka Sima* [Young Milkmaid Sima] // Streams Flow to the Sea / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1957. – P. 25–29. (In Russ.).
- Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts] / Glavnyy redaktor i sostavitel' A.N. Nikolyukin. – M.: NPK Intelvak, 2001. – 1600 p. (In Russ.).
- Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* 1987 – [Literary encyclopedic dictionary] / General. ed. V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. – M.: Soviet Encyclopedia, 1987. – 752 p. (In Russ.).
- MAYAKOVSKIY V.V. *Sobraniye sochineniy v 12 t. T. 11.* [Collected works in 12 volumes. T. 11.]. – M.: Pravda, 1978. – 415 p. (In Russ.).
- TABULOV T. *Radostnaya zhizn'* [Joyful life] // Red Circassia. – 1951. – September 8. (In Russ.).
- TABULOV I. *Zasypay lyubimyy moy rebenok* [Fall asleep, my beloved child] // Word of the Highlanders / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Circassian book publishing house, 1954. – P. 31 – 32. (In Russ.).
- TABULOV I. *Moya svetlaya* [My bright] // Socialist Circassia. – 1957. – May 5. (In Russ.).
- THAITSUKHOV B. *Stalin – nashe solntse* [Stalin – our sun] // Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – December 21. (In Russ.).

THAYTSUKHOV B. *Iskra lyubvi* [The Spark of love]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 52 p. (In Russ.)

TKHAYTSUKHOV B. *Yeye glaza* [Her eyes] // Flame of the mountains / Compiled by B.Thaitsukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1959. – P. 59. (In Russ.).

THAITSUKHOV B. *U morya* [By the sea] // Light of communism. – 1959. – March 19. (In Russ.).

THAITSUKHOV B. *Osenniyaya kartina* [Autumn picture] // Light of communism. – 1959. – October 1. (In Russ.).

FIZIKOV M. *Mayskiy vecher* [May evening] // Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – May 21. (In Russ.).

FIZIKOV M. *Kray, v kotorom ya rodilsya* [The land where I was born] // Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – May 21. (In Russ.).

FIZIKOV SH. *Senokos* [Haymaking] // Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – July 2. (In Russ.).

FIZIKOV SH. *Bogatyy urozhay zerna* [A Rich Grain Harvest] // Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – July 21. (In Russ.).

FIZIKOV SH. *God novykh sversheniy* [A Year of New Achievements] // Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – January 1. (In Russ.).

TSEKOV P. *Lodyr'* [Loafer] // Streams flow to the sea / Compiled by H. Zhiron. – Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1957. – P. 14 – 16. (In Russ.).

TSEKOV P. *Podvig komsomol'tsa* [The feat of a Komsomol member]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 37 p. (In Russ.).

TSEKOV P. *Koshara v doline* [Koshara v dolina] // Flame of the mountains / Compiled by B. Thaysukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1959. – P. 5–6. (In Russ.).

TSEKOV P. *V poiskakh krasivogo slova* [In Search of a Beautiful Word] // Light of Communism. – 1958. – April 5. (In Russ.).

CHIKATUYEV M. *Skala smerti* [The Rock of Death] // Socialist Circassia. – 1956. – March 22. (In Russ.).

CHIKATUEV M. *Beru apkhartsu* [I take apkhartsu]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 45 p. (In Russ.).

CHIKATUYEV M. *Mchashchiysya kuvyrkom ruchey* [A Somersaulting Stream] // Light of Communism. – 1958. – September 16. (In Russ.).

CHIKATUYEV M. *Kakane* [Kakane] // Socialist Circassia. – 1958. – February 18. (In Russ.).

CHIKATUEV M. *Pesnya-gimn* [Song-hymn] // Light of Communism. – 1959. – June 20. (In Russ.).

CHIKATUEV M. *Tam, gde ya rodilsya* [Where I was born] // Light of Communism. – 1959. – November 21. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 30.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья

УДК.398.221

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373

EDN: MLXHRP

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАСТАНА
И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
«СКАЗАНИЯ О ДОЧЕРИ ШАНА» МИКАИЛЯ БАШТУ)**

Империят Арсланбековна Халипаева¹,

Бурхан Абуясуфович Берберов², Адам Мухамедович Гутов³

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Расула Гамзатова, Махачкала, Россия, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются образы мифологических персонажей и с точки зрения фольклористики интерпретируется текст дастана «Сказание о дочери Шана», автором которого считается древнебулгарский поэт и просветитель Микаиль Башту. Сверхзадачу своего дастана – обращение язычника в мусульманскую веру – автор решает с помощью ряда художественных приемов, среди которых важное место занимает сновидение, что в равной мере свойственно и архаическому фольклору, и древней восточной литературе. Силы добра и зла, любви и неприятия, продолжения рода, выраженные концептом «женщина» указывают на древнейшие пласты традиционной бытовой культуры тюрков, а трансформация этих образов в божественные силы исламского толка позволяет проследить, каким образом тюркские народы переходили из одной религиозной ипостаси в другую. Жанровая дефиниция произведения определяется посредством анализа его поэтики. В частности, рассматриваются особенности сюжетосложения и художественного языка.

Ключевые слова: мифологическое сказание, сюжет, дастан, персонажи, метафора, авторский стиль, интерпретация.

Для цитирования: Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М. Особенности интерпретации дастана и мифологические отступления (на материале «Сказания о дочери Шана» Микаиля Башту) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 362-373. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373. EDN: MLXHRP.

© Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М., 2024

Original article

**FEATURES OF THE INTERPRETATION OF DASTAN
AND MYTHOLOGICAL DIGRESSIONS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE "LEGEND
OF THE DAUGHTER OF SHAN" BY MIKAIL BASHTU)**

Imperiyat A. Khalipaeva¹, Burkhan A. Berberov², Adam M. Gutov³

¹ Dagestan State Pedagogical University named after Rasula Gamzatova, Makhachkala, Russia, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Abstract. This article examines the images of mythological characters and interprets the text of the dastan “The Tale of Shan’s Daughter” from the point of view of folklore studies. The author of the dastan is considered being the ancient Bulgarian poet and educator Mikail Bashtu. The author solves the super-task of his dastan - the conversion of a pagan to the Muslim faith - with the help of several artistic techniques, among which an important place is occupied by a dream, which is equally characteristic of archaic folklore and ancient Eastern literature. Forces of good and evil, love and rejection, procreation, expressed by the concept of “woman” point to the most ancient layers of traditional everyday culture of the Turks, and the transformation of these images into divine forces of the Islamic persuasion allows us to trace how the Turkic peoples passed from one religious hypostasis to another. The genre definition of the work is determined through the analysis of its poetics. In particular, the features of the plot structure and artistic language are considered.

Keywords: mythological tale, story, dastan, characters, metaphor, author's style of interpretation.

For citation: Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M. Features of the interpretation of dastan and mythological digressions (based on the material of the "Legend of the Daughter of Shan" by Mikail Bashtu). In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 362-373. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373. EDN: MLXHRP.

© Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M., 2024

Введение

Как известно, отношения содержания и формы является одной из ключевых проблем литературоведения. Можно определить три наиболее распространенные исходные позиции, выбираемые разными исследователями для ее решения. Одна исходит из представления о приоритетности содержания относительно формы. Вторая интерпретирует соотношение данных категорий противоположным образом, акцентируя внимание на форме. Третий подход вовсе предлагает воздерживаться от употребления самих терминов «форма» и «содержание» в плане их корреляции. Предпосылкой для такого теоретического воззрения является общепhilosophical тезис о единстве содержания и формы. Поскольку такое единство констатируется как аксиома, постольку как бы отпадает сама собою и потребность в использовании названных понятий и, следовательно, дифференцированного рассмотрения вопроса об их взаимоотношениях. В данной работе мы не ставим себе целью внести лепту в решение этой сложной теоретической проблемы, однако в анализе конкретного текста считаем возможным выбрать своим ориентиром идею о нераздельности сути этих двух понятий.

Основная часть

Вопросы, связанные с характером отношений между содержанием самих данных терминов, проявляются с наибольшей очевидностью в сюжетно-

композиционных особенностях классических произведений, в том числе в восточной поэтике, где еще в Средние века художественные поэтические стили достигли достаточно высокой степени своего совершенства. В этой связи уместно будет заметить, что, согласно канонам жанра, сюжет, фабула и композиция дастана обычно во многом совпадают, то есть форма и содержание находятся в полной гармонии, а хронологически ход излагаемых событий их актуализация соответствуют естественному течению художественного времени почти на всем протяжении повествования. Однако при этом внутри самого сюжета нет особых препятствий для проявления признаков авторского своеобразия, если, разумеется, это не разрушает принятых канонов жанра и не разрушает стройности всего произведения. Поэтому здесь можно встретить в виде вставок такие художественные приемы как сознательно используемый анахронизм, авторское отступление, которые сами по себе являются композиционно относительно завершенными, а вместе с тем порою заимствованными в готовом виде из других источников – хронографических, религиозных или литературных. Очевидно, что каждое из этих отклонений от основного сюжета может иметь свое, свойственное только ему, художественное ядро, иногда даже резко отличающееся от главной сюжетной канвы. Однако при этом гармония между отдельными частями произведения не нарушается, композиционные элементы сохраняют гармонию между собою.

Как часто случается, с принятием новой, монотеистической, религии прежние мифологические объяснения происхождения явлений действительности вытесняются библейско-коранической интерпретацией. Так, например, природные катаклизмы могут интерпретироваться не иначе, как возмездие за те или иные прегрешения, за нарушение предписанных Создателем нравственно-этических норм жизни. В дошедших до нас фрагментах мифологических сюжетов, сохранившихся в тексте дастана, находятся старательно затушеванные отголоски представлений, широко распространенных в доисламские времена и, что естественно, связанных с древнейшими языческими поверьями, культами, символами. В них отражаются также и основные формы хозяйственного уклада, и идеологические воззрения древнего человека.

Хорошо известно, что мифологические, космогонические предания и легенды, в свое время подвергшиеся значительному переосмыслению под влиянием ислама, сохранялись в фольклоре народов Дагестана до второй половины XX в., хотя чаще всего – только в памяти старшего поколения. В результате изустного бытования и эволюции общественного сознания многие из таких преданий потеряли свои первоначальные функции, их сюжеты и мотивы в трансформированном виде секуляризовались и отчасти проникли в жанры фольклорной прозы, причем сказочной и несказочной. На этом фоне тем более ценен болгарский памятник Раннего Средневековья – дастан «Сказание о Шанкызы» (дочери Шана) Микаила Башту, потому что именно в данном произведении с особой очевидностью сочетаются бережное отношение к сюжетам, рожденным верованиями доисламской древности и отношение к единобожию как единственно верному пути.

При первом знакомстве с текстом не сразу становится очевидным, что перед нами – древнебулгарский эпос, подлинно литературное произведение или нечто третье. По тому факту, что имя автора обозначено, то есть уже налицо авторское сознание как фактор, это действительно надо признать литературным произведением, но по содержанию и стилю изложения можно говорить о нем, как и о героическом эпосе, и историческом сказании, и о произведении клерикального плана. Но, несомненно, одно – это завершенное, сюжетно стройное произведение, одной из основополагающих тем которого можно считать тему любви. Иное дело – какую интерпретацию этой темы предлагает автор. Помимо того, важно иметь в виду, что использование фольклорного сюжета, в частности сюжета эпического, это одна из родовых особенностей дастана как явления литературы.

Достойно быть отмеченным, что в самом названии произведения заявлена тема истории о дочери Шана, что типично для литературной поэтики как Востока, так и Запада. Между тем «Сказание» начинается в стиле устно-поэтической традиции, как это принято в фольклорных произведениях эпического характера: традиционный зачин-экспозиция, где содержится популярный прием обращения сказителя (здесь – автора) к слушателю или читателю. Там же во главу угла выдвигается тема, которая на первый взгляд, будто бы далека от обозначенного названия, и только далее все расставляется по своим местам:

... удивительный дастан

Про трех эльбиров

... как они образовали

Великий народ булгар

(здесь и далее цитаты из дастана по изданию «Микаиль Башту. Сказание о дочери Шана. Древнебулгарский эпос. Махачкала, 2003) [Микаиль Башту 2003].

Сюжет первой части построен, что очевидно, на мифах древних булгар, рассказывающих о тенгрианском пантеоне богов, об их функциях и взаимодействии в тех или иных конкретных случаях. Так, примечательны отголоски мифов о сотворении первых людей. Далее в главах первой части излагается мофольклорная информация о происхождении тюрков как родоначальников булгар, об их языческих верованиях, о святынях, землях, божественном происхождении. Все это изложено без углубления в детали. В то же время оно пока еще довольно далеко от основного пафоса дастана – утверждения идеи единобожия. После небольшого зачина, в экспозиции, дается более развернутая характеристика древнетюркских языческих представлений о системе мироустройства, согласно которой до появления первых людей на земле жили боги и алпы. Здесь напрашиваются типологические параллели с более древними культурами, в их числе с древнегреческой и древнеиранской. Во всяком случае, такие ассоциации вполне закономерны, если не сказать, что многие сходства очевидны. Вообще космогоническое начало древней мифологии – это неперенный атрибут всякой цивилизации. Дело в том, что древним людям любого места обитания и любой этноязыковой принадлежности необходимо было как-то аргументировать происхождение земли, светил, окружающей среды и жизни вообще. Поз-

же, когда древние цивилизации вступили в стадию общинно-родовых отношений, религиозные представления различных этноязыковых сообществ стали более разнообразными.

Согласно дошедшим до нас сведениям, Микаиль Башту начал писать поэму предположительно в 881 г., как можно предположить, по мотивам не дошедшего до нас старобулгарского народного устного героического эпоса. Что в основе сюжета лежат мотивы именно эпические, очевидно из многих конкретных деталей, разбросанных по тексту, а также по некоторым личным именам и отголоскам языческих верований.

Рассмотрим некоторые авторские отступления, органично вписывающиеся в сюжет, но при этом композиционно самостоятельные, разделив их на тематические группы.

К первой тематической группе мы бы отнесли мифологические нарративы и их интерпретацию в тексте. Это, пожалуй, самый древний пласт, в котором отражены фрагменты некогда более стройной системы мировосприятия ранних тюрок. Ко второй – историко-религиозные отступления, порою опирающиеся на известные исторические или же религиозные (языческие и монотеистические) источники. Третья группа – это собственно авторские отступления как выражение позиции самого поэта. Все они связаны между собой довольно тесно и, переплетаясь, в совокупности образуют основную канву сюжета. Каждая из этих тематических групп характеризуется внутренней сюжетно-композиционной завершенностью. Уже часть первая дастана [Абдулатипов, 22] включает в себя примеры всех трех выделенных нами групп. И хотя она называется «Деяния алпов и джинов», в ней содержится много другой информации, то есть не только мифологической, как можно понимать из самого названия части. Из двенадцати глав первой части – две, восьмая и одиннадцатая, – не содержат апелляций к тюркской мифологии, не имеют ни отношения к языческой проблематике, ни типологических сюжетных параллелей, проявленных в повествовании или упоминаемых ритуалах. Они выступают как сугубо религиозное (панисламское, 8 глава) и квазиисторическое (авторская интерпретация появления народа хонов) толкование явлений. Десять глав, за исключением двух вышеупомянутых составляют основную сюжетную линию, то есть ту, которая вынесена в название первой части, однако в каждой из них есть свои отступления мифологического плана, выступающие как своеобразные «биографии» значимых персонажей.

Такова, например, характеристика Алпа Хурсы: «Его (оружие) сделал для них (для алпов, которые стали враждовать из-за тесноты) // Сын Солнца (старший алп, первый, которого создал Тангра, верховное божество тюрко-монгольских языческих верований) Алп Хурса // Был отменным кузнецом, // Исходил всю Землю // В поисках руды // Для своей кузницы [Кадыраджиев, 78-79].

Авторское отступление использовано здесь для того, чтобы объяснить появление оружия, и в этом случае не обходится без апелляции к этиологическому мифу. То же относится и к Куропатке – основательнице всего рода человеческого, алпу Бояну, от потомков которого, согласно древним верованиям, пошла земля болгарская; все, что связано в дастане с образом Бояна можно соот-

нести с лирическим отступлением автора, который не жалеет эпитетов, описывая рождение и жизнь названного алпа. И это неслучайно, потому что эльбиры, главные герои дастана, его прямые потомки, да и само понятие эльбир – это не просто синоним слова богатырь: за данным понятием имеется в виду новое в номенклатуре персонажей восточной поэтики, нечто среднее между языческими богами и обычными «земными» людьми. Типологически напрашивается параллель между эльбирами и древнегреческими мифологическими героями. Как известно, в греческой мифологии герои – создания своего рода медиальные между бессмертными небожителями и обычными людьми, поскольку считается, что они рождены от связи богов с людьми, поэтому в них соединены родовые особенности тех и других.

Эпическая «биография» Бой-Терека представляет его персонажем именно такого типа: он выступает в защиту простых людей, предупреждает их об опасности, поддерживает тех, кто попал в трудное положение, любит творить добро. Аналогичную характеристику героя нетрудно найти в эпических памятниках многих народов мира, и это еще раз свидетельствует о вероятных фольклорных истоках дастана.

Заметим, что персонаж Бой-Терек – мифическое существо, почитаемое в тюркской культуре фактически до настоящего времени. Подробно останавливаясь на образах алпов, автор преследует определенную цель. Все эти мифические персонажи продолжают активно действовать и тогда, когда в сюжет будут введены главные герои – эльбиры, совершающие подвиги во имя своей страны. Данный штрих примечателен тем, что идея защиты своей территории – признак типологически более позднего происхождения ее носителя. Алпы также будут активно действовать, однако это персонажи более древнего происхождения, они не имеют столь явной определенности в своих приоритетах и могут выбирать позицию произвольно: кто-то из них окажется на стороне эльбир, а кто-то – на противоположной. Это активное взаимодействие – уникальный художественный прием, использованный Микаилом Башту для усиления динамики сюжета.

Автор «Сказания о дочери Шана», Микаиль Башту, является первым по этому, который обратился к интерпретации мифопоэтического творчества тюрков в контексте ислама, при этом не отвергая полностью элементов системы доисламских представлений своего этноса, а адаптируя их по мере возможности к идеологической системе новой для этнической массы монотеистической религии. Помимо прочего, «Сказание» интересно еще и тем, что оно стало литературным источником более поздних произведений тюркских авторов: Низами, Навои и др. Правда, свидетельств его прямого влияния нет ни в каких источниках, однако многие косвенные признаки, в частности, представляется довольно очевидной преемственность идейно-нравственного и духовного, а также изобразительно-выразительного плана.

Здесь древнетюркские мифы трансформировались в поэтическую эпопею, базирующуюся на идее единобожия и сыгравшую свою важную роль в деле исламизации значительной части языческого Востока. Плоды деятельности Микаила Башту отражены во многих древнетюркских и арабских летописях. Как

явствует из содержания дастана, Микаиль Башту обладал не только незаурядным поэтическим дарованием, но и тонким знатоком человеческой психологии. Благодаря этой способности он поступательно и с большим тактом подводит читателя к мысли, что единственная истина и единственная ипостась любви – это любовь к Аллаху. От нее проистекает все остальное. Сверхзадачу своего дастана – обращение язычника в мусульманскую веру – поэт решает внушением этой идеи в сознание и конкретного лица, и через это – всей аудитории. Достигается это с помощью целого ряда художественных приемов, среди которых важное место отведено сновидению.

Так, уставший Ат заснул и увидел сон, который явил ему Гали – «Лев Аллаха» (в приводимом фрагменте очень важна роль тропов, но в связи с тем, что в разноструктурных языках не всегда удастся в переводе сохранить тот же прием, что и в источнике, мы вынуждены пояснять это в скобках):

Во сне тот,
Кто с благословения Творца
Приходит на помощь гибнущим –
Лев Аллаха (*сравнение*) Гали –
Явил Аудану
Чудесное видение (*эпитет*).
И Ат увидел
Ту самую деву.
Она была необычайно красива (*гиперболический эпитет*).
Нет слов, с помощью которых (*гипербола*)
Можно было бы верно
Описать ее черты.
Ее тело
Дышало чистотой (*метафора*),
Глаза ее лучились (*метафора*),
Сладостное томление (*метафорический эпитет*).
Губы ее источали (*метафора*)
Медовый аромат (*метафорический эпитет*),
Волосы ее блестели,
Словно кристаллы льда (*сравнение*).
Теперь он знал,
Что дева есть.
Теперь радость
Разрывала его сердце (*гипербола*).
Тяжелая кручина (*метафора*),
Иссушавшая душу (*метафора*),
Уступила место любви,
Пробудившей огненные силы (*метафора*).
Тулпару прибавилось работы.
Ат вновь,
Как молодой волк (*сравнение*)
За своей добычей,
Кинулся на поиски
Дороги к той,
Которую жаждала
Его пылающая душа (*метафора*).

С точки зрения авторского стиля данный фрагмент предполагает различие двух факторов: материализованного предметного мира и «внематериальной» глубины, достигаемой не чем иным, а путем собственной интерпретации мифологического материала (своего рода индивидуальное авторское мифотворчество). Прежде всего акцентируется внимание на тесной взаимосвязи между традиционными представлениями и их авторской интерпретацией, своеобразной авторской систематизацией. При этом, естественно, традиционный устнопоэтический стиль претерпевает определенную трансформацию, поскольку он должен соответствовать личностной концепции поэта, создающего письменный текст. Но при такой творческой переориентации стиля не может не возникнуть некоторых противоречий. Помимо того, и автор письменного произведения вынужден учитывать, что его текст будет не только прочитываться «про себя», а будет оглашаться перед определенной аудиторией. Противоречия обнаруживаются поэтому вне реального текста – в так называемом втором сюжетном плане, в прямо не называемых, но легко подразумеваемых из самого контекста эпизодах, взаимоотношениях между героем и персонифицированной высшей силой, с одной стороны, и противостоящим ему антагонистом – с другой.

Стиль Микаила Башту, таким образом, это органическое сочетание простого подражания зримому и известному (в данном случае, народным преданиям и мифологическим нарративам) и личностного творчества самого поэта, при котором улавливается этиология конкретных предметов в культурном пространстве человека. А.Ф. Лосев так определяет его: «Собственно словесный стиль (отношение автора к языку) есть только отражение на данной природе материала его художественного стиля (отношения к жизни и миру жизни и обусловленного этим отношением способа обработки человека и его мира)» [Лосев 1960, 114].

Еще один эпизод, связанный с Боз-би, также воспроизводится путем использования приема сновидений. И на этот раз увидел Ат во сне Боз-би, и это предопределило его поступки в реальном мире. Но тот сон – особенный, потому что на пути к возлюбленной Ат встретил уже двух мусульман, и второй из них, Хасан, чуть было не обратил Ата в ислам, вернее, почти обратил. Однако это «почти» делает действие не решающим шагом, а лишь первым движением в нужном направлении. Таким образом, автор использует прием ретардации и тем самым позволяет читателю представить всю глубину духовных исканий героя: сославшись на то, что у него нет времени, Ат отказывается сказать сакральное «нет бога, кроме Аллаха» и отправляется в путь, так пока и не став окончательно правоверным. Все же духовное движение уже началось, и зерно истины Хасан все же заронил в душу молодого эльбира. И вот когда после кораблекрушения Ат Аудан, оставшийся один в живых, засыпает на берегу, а перед этим он вспомнил Хасана и Аллаха, ему и снится сон о Боз-би. Здесь уже откровенный намек автора на то, что без веры в Аллаха Аудану не суждено найти возлюбленную и не познать подлинную любовь. Однако и она тоже язычница. И поэтому сон Ата пока еще не идиллический, а скорее кошмарный:

Заснул от усталости.
Перед тем, как заснуть,

Невольно вспомнил о Тарвиле и Хасане,
Подумал об Аллахе –
И увидел во сне Боз-бию.
Она мылась в бане в клубах пара
И была совершенно нагой.
Сквозь тонкую кожу ее
Видны были трепещущие сердце и жилы.
Она мазала белое тело
Соком сладких ягод и медом,
Издавала благоухание,
Пьянящее голову.
Не выдержал Ат –
Нежно позвал ее во сне.
Как будто слышала она –
Закрыла свою наготу.
Закрыла золотыми волосами –
Они были ей по колена,
Распространяли вокруг
Волшебное сияние...
...Побрела Боз-би,
Рыдая от горя,
Куда глаза глядят –
Прочь от родного дома.
В пути схватила ее
Безобразная див-Мышь
И уволокла в подземелье
Рвущуюся и кричащую деву.
Страшно вскричал Ат
И тут же проснулся.

Итак, к началу третьей части «Путь к дому Шана» автор дастана уже не скрывает своего намерения, своей сверхзадачи, поставленной в произведении, а именно – намерения обратить массу язычников, в данном случае – тенгрианцев, в ислам. И действительно, Аудан не мог найти и спасти Боз-би, пока сам не примет ислам, что произошло благодаря Хасану и его жене Фатиме. А когда он нашел возлюбленную, то и она отбросила последние сомнения и приняла ислам.

Семантическое поле эпизода, посвященного этому событию, – ключевой момент всей поэмы, потому что именно здесь читатель наконец-то понимает, что любовь всех персонажей неразрывно связана с вероисповеданием, ибо нет земной любви без любви к Единому Богу. Это и есть та стержневая идея, которую стремиться со всей убедительностью внушить поэт в сознание читателя и всей массы единоплеменников. Помимо того, путь к истинной вере не может быть ровной дорогой: чтобы обрести ее и уверовать в истинное учение пророка, надо преодолеть многие сомнения и препятствия, надо очистить свою душу и наполнить ее подлинной любовью. Отсюда и приемы замедления действия, усложнения сюжета, использования вставок, поэтических отступлений. Только тогда, когда человек, преодолевая препятствия, разрешая сомнения, обнаружит истину, по мнению автора, красота духовная по-настоящему облагораживает красоту земную, как и облик самого человека.

Постигнув это, становится понятным, почему первые люди были уродливы, почему Боян-Имэн и Бойгала были несчастливы, а Аудан Дуло и Боз-би наконец-то обрели истинное счастье. Автор убеждает, что только принятие ислама и любовь к Аллаху могут наполнить счастьем человеческую любовь. Таким образом, любовь земная трактуется как отражение духовного единения с Аллахом, с любовью к Нему. Это – авторское кредо, его мировоззрение, его позиция, интерпретируемая как сверхзадача дастана. Таким образом, художественный стиль произведения, традиционный в своей основе, приобретает новое для своего времени идеологическое наполнение и тем самым обретает подлинное совершенство, достигаемое идеальным сочетанием содержания и формы.

Еще один мифо-фольклорный и исторический персонаж привлекает внимание в дастане, это – образ Фатимы. Согласно исламскому преданию, она дочь самого пророка Мухаммеда. Ее роль в поэме о Шан-кызы очень важна по той причине, что именно благодаря ей вчерашние язычники-эльбиры и сама Боз-би окончательно прозревают и принимают ислам, тем самым обретая истинную любовь.

Женские образы, присутствующие в тюркской мифологии, вообще традиционно имеют особое социокультурное значение в формировании общественной модели представлений о жизни всего коллектива. Силы добра, зла, любви, продолжения рода, выраженные в едином концепте «женщина» указывают на древнейшие культурные пласты верований тюрков. С принятием же новой религии эти идеи не отвергаются, трансформация образов из ранних верований в божественные силы исламского толка обретает свое новое содержание. Это помогает проследить в рельефных поэтических образах, как тюркские народы переходили из одной религиозной ипостаси в другую, при этом не утрачивая своего этнокультурного кода и в то же время всецело принимая каноны новой для себя монотеистической веры. С утверждением мусульманской идеологии среди тюркских народов изменился характер содержания и трактовки многих легенд: прежнее мифологическое объяснение происхождения явлений природы вытесняется мусульманско-религиозной интерпретацией, а затем и вовсе переходит в разряд литературной трактовки текстов. Поэтому, женские образы мифологии превращаются из культовых в художественные, из сферы сакральных представлений в секулярные, что дает нам основание для их характеристики концептуально в рамках литературоведческого анализа.

Заключение

Как автор определил жанр своего творения, «Сказание о дочери Шана» – это дастан (или поэма). Современные исследователи не оспаривают этого, поскольку все родовые признаки дастана в данном случае налицо. Однако всякое произведение призвано иметь и свои собственные особенности, укладывающиеся в каноны традиционной системы дефиниций, но вместе с тем обозначающие его неповторимость и своеобразие. Мы полагаем, что одним из важных обстоятельств данного плана надо признать отраженный судьбоносный этап в истории тюрков – отказ от традиционного языческого многобожия и принятие ислама вместе со всей его мировоззренческой системой. Более того, дастан и сам

является идеологическим проводником новой религии. Примечательно, что ни в описаниях событий, ни в авторских отступлениях, внимание не заостряется на антагонистических противоречиях между двумя идеологическими системами. Напротив, поэт вплетает в повествование примеры аккумуляции древнетюркских мифологических образов и представлений новой, «надэтнической» религиозной системой. Это как бы еще одна грань проявления вселенской любви, начинающейся с признания единого божества. бесспорным достоинством автора, свидетельством его высокого мастерства является то, что события глобального масштаба (распространение ислама в огромной этноязыковой массе, имеющей собственную историю и культурные достижения) и истории конкретных личностей органически сочетаются в поэтическом тексте, образуя единое, художественно завершенное целое. Это происходит благодаря тому, что все события и перипетии судеб отдельных героев, нередко с описаниями историй конкретных лиц, образующими множественные сюжетные ответвления, переплетаясь, образуют единое эпическое повествование, стержнем которого является основная идея – принятие ислама как веры и как воплощения вселенской любви – к Аллаху, а через это признание всей монотеистической мировоззренческой системы, в основе которой лежит любовь ко всем его созданиям.

Изложенное позволяет признать справедливость суждения, изложенного проф. З.Н. Акавовым о том, что, во первых, «Сказание о дочери Шана» имеет выраженные признаки эпоса, а во вторых – оно заслуживает быть признанным как один из шедевров мировой культуры, достойный того, чтобы войти в орбиту внимания ученых разных профилей [Акавов 2003, 6-7]. Это особенно актуально в переломные периоды эволюции человеческого сообщества, когда всякая историко-культурная ценность особенно значима для дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллатипов 2004 – *Абдуллатипов А.К.-Ю.* Древнебулгарский памятник. «Сказание о дочери Шана» Микайля Башту как свидетельство древнейших связей народов Евразии и их словесной культуры // Вестник ДГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2004. – № 4. – С. 20-25.

Акавов 2003 – *Акавов З.Н.* «Сказание о дочери Шана». Поэма // Раннесредневековый художественно-литературный памятник и исторический памятник народов Древней (Киевской) Руси и Северного Кавказа. Предисловие к изданию. – Махачкала: б/и, 2003, – С. 45–50.

Кадыраджиев 2003 – *Кадыраджиев К.С.* Древнекумыкский теоним Хорс // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2003. – С. 75-80.

Микаиль Башту 2003 – *Микаиль Башту.* Сказание о дочери Шана. Древнебулгарский эпос. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2003. – 260 с.

Лосев 1960 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. – М.: Искусство, 1960. – 624 с.

Халипаева 1994 – *Халипаева И.А.* Мифологическая проза кумыков. Исследования и тексты. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 1994. – 212 с.

REFERENCES

ABDULLATIPOV A.K-YU. *Drevnebulgarskii pamyatnik. «Skazanie o docheri Shana» Mikailya Bashtu kak svidetel'stvo drevneishikh svyazei narodov Evrazii i ikh slovesnoi kul'tury* [The ancient Bulgarian monument. "The Tale of the Daughter of Shan" by Mikail Bashtu as a witness to the ancient ties of the peoples of Eurasia and their verbal culture]. In: Vestnik DGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2004. – № 4. – P. 20-25. (In Russ.).

AKAVOV Z.N. «*Skazanie o docheri Shana*». *Poema* ["The Tale of the Daughter of Shan." The poem]. In: Rannesrednevekovi khudozhe-stvenno-literaturnyi pamyatnik i istoricheskii pamyatnik narodov Drevnei (Kievskoi) Rusi i Severnogo Kavkaza. Predislovie k izdaniyu. – Makhachkala: b/i, 2003. – P. 45–50. (In Russ.).

KADYRADZHIEV K.S. *Drevnekumyjskii teonim Khors* [The ancient Kumyk theonym Horse]. In: Vesti Kumyjskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva. – Makhachkala, 2003. – P. 75-80. (In Russ.).

Mikhail' Bashtu. *Skazanie o docheri Shana. Drevnebulgarskii epos* [The legend of the daughter of Shan. The Ancient Bulgarian epic]. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003. – 260 p. (In Russ.).

LOSEV A.F. *Istoriya antichnoi estetiki* [The history of ancient aesthetics]. – M.: Iskusstvo, 1960. – 624 p. (In Russ.).

KHALIPAeva I.A. *Mifologicheskaya proza kumykov. Issledovaniya i teksty* [The mythological prose of the Kumyks. Research and texts]. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1994. – 212 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И.А. Халипаева – доктор филологических наук, профессор.

Б.А. Берберов – доктор филологических наук.

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

I.A. Khalipaeva – Doctor of Philology, Professor.

B.A. Berberov – Doctor of Philology.

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication, the authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Языки народов Российской Федерации **(языки народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-374-386

EDN: MQGKWW

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА БАУУР В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Мариям Ахматовна Ахматова¹, Асланбий Мажирович Кучмезов²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² kuchmезov1995@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2128-4276>

Аннотация. В статье рассматривается концепт *БАУУР* (*Печень*) в карачаево-балкарской языковой картине мира. Данный концепт охватывает собой довольно широкий спектр метафорических образов, в том числе и на уровне фразеологии. Предметом исследования стали антропоморфные метафорические признаки, которые составляют образное содержание концепта *БАУУР*, и средства их языковой вербализации. При изучении данного концепта были выявлены некоторые его универсальные особенности, представляющие собой источник этнического своеобразия в мировосприятии мира. Выявлено также, что фразеологизмы с компонентом *БАУУР* в карачаево-балкарском языке широко используются для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений. В карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, печень является одним из духовно-ментальных центров человека. Она способна коррелировать с душой и сердцем, а в некоторых случаях использоваться в значении *грудь* «кёкюрек» для выражения различных экспрессий. В результате проведенного анализа выявлены основные типы метафорических признаков, входящих в образное содержание данного концепта.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, картина мира, концепт, метафора, фразеологизм.

Благодарности и финансирование: «Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (Договор № 13)».

Для цитирования: Ахматова М.А., Кучмезов А.М. Особенности репрезентации концепта *бауур* в карачаево-балкарской языковой картине мира // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 374-386. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-374-386. EDN: MQGKWW.

© Ахматова М.А., Кучмезов А.М., 2024

Original article

FEATURES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT BAUUR IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Mariam A. Akhmatova¹, Aslanbiy M. Kuchmezov²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Kuchmezov1995@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2128-4276>

Annotation. The article examines the concept of *BAUUR* (*Liver*) in the Karachay-Balkarian linguistic picture of the world. This concept covers a fairly wide range of metaphorical images, including at the level of phraseology. The subject of the study was the anthropomorphic metaphorical features that make up the figurative content of the *BAUUR* concept, and the means of their linguistic verbalization. When studying this concept, researchers identified some of its universal features, which contribute to the ethnic uniqueness in the worldview. It was also revealed that phraseological units with the *BAUUR* component in the Karachay-Balkar language are widely used to express various emotional and expressive meanings. In the Karachay-Balkar language, as in many Turkic languages, the liver is one of the spiritual and mental centers of a person. The liver can correlate with the soul and heart, and in some cases, people can use it to express various expressions, such as the meaning of *breast* “*kyokurek*”. As a result of the analysis, the main types of metaphorical features included in the figurative content of this concept were identified.

Key words: Karachay-Balkar language; picture of the world; concept; metaphor; phraseological unit.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU (Agreement no. 13).

For citation: Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M. Features of representation of the concept *bauur* in the Karachay-Balkarian language picture of the world. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 374-386. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-374-386. EDN: MQGKWW.

© Akhmatova M.A., Kuchmezov A.M., 2024

Введение

Одной из актуальных задач современной лингвистической науки является изучение национально-культурной специфики народа и ценностного восприятия окружающей действительности, отраженных в языке. В этом отношении особая роль отводится такому феномену, как концепт, который традиционно интерпретируется в качестве сгустка «культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 40, 41].

Картина мира этноса, главным образом, получает свое выражение в его языковой системе. Вследствие того, что язык представляет собой средство передачи информации, языковая картина мира может быть вербализована через различные концепты, репрезентирующие те или иные элементы, образы действительности. В зависимости от внеязыковых факторов, таких, как история развития народа, этические и нравственные особенности, ареал проживания, каждый этнос создает свой, отличный от других, но в то же время имеющий сходные с ними черты, образ мира.

Концепт *ПЕЧЕНЬ* занимает одно из основных мест в национальной системе концептов любого народа. Следует также отметить, что ментальная составляющая данного концепта представляет собой некоторые ценностные ориентиры народа. Особенность репрезентации концепта *БАУУР* заключается в антропологическом и психологическом его характере, так как данная лексема указывает на особенности характера, психические состояния и переживания человека.

В карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, лексема *бауур* (печень), кроме прямого значения (орган человеческого тела) обладает и переносными значениями. В своем прямом значении, с медицинской точки зрения, печень – один из основных органов человека, служащий своего рода фильтром, преобразующим поступающую из желудка пищу в чистую кровь, которая снабжает организм энергией, также она способна к восстановлению (регенерации).

Проблема репрезентации концепта *БАУУР* в тюркских языках до сих пор остается малоизученной. Некоторые вопросы, связанные с данной проблематикой, в различных родственных языках прямо или косвенно затронуты в статьях [Сабитова 2011; Саньярова 2008; Пачаи 2022; Тагаев и др. 2023; Чертыкова 2014; Чертыкова 2019; Шарип 2019 и др.].

В данной статье мы постараемся рассмотреть различные способы представления знаний о мире с позиции национально-культурного мировоззрения этноса через концепт *БАУУР*, а также универсальные особенности данного концепта в карачаево-балкарской лингвокультуре. Подобные научные изыскания особенно актуальны и для карачаево-балкарского языкознания, в котором этот вопрос еще не был объектом специального исследования, чем и определяется новизна данной работы.

Основная цель работы – выявить и описать смысловые значения и аксиологические составляющие концепта *БАУУР* с функционально-семантических и когнитивных позиций проявления путем описания этнокультурных образов, возникающих в сознании носителя карачаево-балкарской культуры через призму концепта *БАУУР* и значений различных устойчивых выражений, в том числе и фразеологизмов с компонентом *бауур*. Некоторые культурные смыслы в семантике языковых единиц возможно вывести только в результате историко-этимологического, лингвокультурологического анализа, так как их первоначальные значения могут быть не ясны без комплексного изучения истории, языка и культуры этноса.

Материал, методы, обзор

Как известно, язык не может существовать вне культуры, он является частью культуры, равно как и культура не способна существовать без языка, являющегося выразителем особенностей национальной ментальности. Лишь всестороннее изучение единиц языка даст возможность выявить культурную значимость слова. Как пишет З.К. Сабитова: «В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Однако она есть и «работает» на уровне подсознания» [Сабитова 2011: 22].

Изучение языковой картины мира этноса способствует углубленному пониманию многих вопросов, причастных к ценностному мировосприятию носителей языка. Важной частью языковой картины мира является аксиологическая семантика, способствующая выявлению приоритетных ценностей, определяющих национальный характер этноса, так как в любой культуре «определяется круг лексем и лингвокультурных кодов, несущих культуроносные и аксиологически важные смыслы, присущие культурно-семантическому пространству этноса» [Чинлода 2024: 594]. Таким образом, в языковой картине мира национальный менталитет актуализируется в ключевых концептах, составляющих основу национальной культуры.

Язык, в свою очередь, непосредственно выражает национальные особенности мировоззрения и склад мышления этноса, т.е. язык и образ мышления взаимосвязаны: «С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слова, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом отношении слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка» [Шмелев 2002: 295–296].

В концептосфере любого языка базовым является концепт «Человек», без исследования которого невозможно раскрыть и описать культурную составляющую этноса. Как пишет Р.Р. Саньярова, «бесплотная душа противопоставляется материальному телу, сближая человека с миром других живых существ, но в то же время констатируется уникальность, исключительность человека в ряду других живых существ. <...> С этих позиций изучение концептов, описывающих внутренний мир человека, представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить не только особенности антропоцентризма того или иного языка, но, прежде всего, универсальные закономерности отражения в наивной картине мира разных аспектов человеческого сознания» [Саньярова 2008: 1012]. Согласно архетипическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, печень является весьма значимым органом человека, способствующим успешной его жизнедеятельности. Этим и детерминируется функционально-семантический потенциал соматизма *бауур* «печень» в плане отражения значимых аксиологических и иных характеристик лица.

Для поливекторного отражения специфики рассматриваемого феномена важным представляется использование некоторых значимых методов и приемов анализа, получивших широкое распространение в науке о языке. Собственно лингвистический анализ дает нам возможность осветить лексико-семантические и словообразовательные интенции слова *бауур* в системе карачаево-балкарского языка. При когнитивном анализе актуализируются образы, вызываемые концептом *БАУУР* в сознании носителей данного языка. Метод же лингвокогнитивного моделирования позволяет выявить и описать семантические свойства рассматриваемого концепта и его образное содержание. Культур-

рологический анализ предусматривает интерпретацию концепта *БАУУР* в карачаево-балкарской лингвокультуре.

Фактическим материалом для анализа послужили словарные статьи анализируемой лексемы из лексикографических источников и иллюстративные тексты из карачаево-балкарских художественных произведений.

Основная часть

По данным Древнетюркского словаря слово *baŷiŷ* имеет следующие значения: 1) «печень»; 2) «живот, брюхо (по отношению к живым существам)»; 3) перен. «сердце»; 4) перен. «родственник кровный» [Древнетюркский... 1969: 78], а также производные от *baŷiŷ* слова имеют значения: *baŷiŷsaq* «добрый, мягкосердечный, жалостливый», *baŷiŷsaqlıq* «преданность», *baŷiŷsiz* «недобрый», *baŷiŷ ber* «быть сердечным», *baŷiŷ böŷŷk* «родственники по двустороннему браку» [Древнетюркский... 1969: 78]. В Толковом словаре карачаево-балкарского языка *бауур* имеет значения: 1) печень, 2) грудь, 3) поверхность (напр., земли), склон (напр., горы), стена (напр., скалы) [Толковый... 1996: 356]; Карачаево-балкарско-русского словаря – 1) печень, 2) грудь; живот [Карачаево... 1989: 122]. Лексема *бауур* в различных фонетических вариациях выступает в большинстве тюркских языков, например: (кар.-балк. *бауур*, кум. *бавур*, тат. *бавыр*, башк. *бауыр*, каз. *бауыр*, кыргыз. *боор*, каракалпак. *бауыр*, хакас. *паар*, тув. *баар*, шор. *паар*, алт. *буур*, туркмен. *багыр*, якут. *быар*, чув. *невер*; уйгур. *бегир*, азерб. *багыр*).

Как и во многих национальных культурах концепт *БАУУР* в карачаево-балкарском языке, как и сердце, символизирует биологический, эмоционально-духовный центр человека, а также лексема *бауур* (печень), подобно *жюрек* (сердце) и *жан* (душа) является своеобразным индикатором различных эмоций, чувств человека, например, *жюрегине тюию* «понравился (-ась) (букв. впало в сердце)» – (здесь и далее перевод наш – М.А.), *жюреги кюеди* «переживает (букв. сердце горит)», *жаны чыкъды* «испугался (букв. душа выскочила)», *бауурун къусду* «высказался, выплеснул всю желчь (букв. выблевал печень)», *баууруна къысды* «в значении признать родство (букв. прижал к печени)» и др.

Переносное значение лексемы *бауур* возникло в результате метафорического переноса, другими словами, в тесной ассоциативной связи между анатомической печенью и переживаемыми эмоциями.

Довольно обширную группу в карачаево-балкарском языке составляют названия фитонимов и флоронимов с компонентом *бауур*: *бёрюбауур* «бирючина (букв. волчья печень)», *бауур балхам* «тысячелистник агератумный (букв. печеночный бальзам)», *бауур гокка* «белозер болотный или печеночная трава (букв. печеночный цветок)», *бауур дарман* «посконник коноплевидный (букв. лекарство для печени)», *бауур от* «маршанция многообразная (букв. печеночный огонь)», *бауур тамыр* «печеночный корень», *бауур ханс* «дымянка аптечная (букв. печеночная трава)», *бауур къурт* «печёночный червь» и др. Лексема *бауур* присутствует и в образовании сложного слова *къуртбауур* «лямблиозная (напр., овца)».

Во многих тюркских языках встречается понятие «печень-сердце», обладающее конкретным и переносным значением, обозначающее, например, в хакасском языке *паар-чүрек* «собир. легкое, сердце, печень; ливер; перен. *паар-чүрее соох кизи* черствый, бессердечный человек «букв. печень-сердце его – холодный человек»; *паары-чүрее чагын кизилер* родственники «букв. печень-сердце его близкие люди» [Хакасско... 2006: 334], в башкирском – *йәрак-бауыр* «печень и сердце (животного); перен. душа (внутренний психический мир человека)» [Башкирско... 1996: 237]. В карачаево-балкарском языке актуализируется дескрипция *бауур-ёпке* (печень-лёгкие), функционирующая лишь в прямом конкретном значении – «внутренности (органы грудной полости животного)» [Толковый... 1996: 730], например, *душман тос болмаз, ёпке-бауур аш болмаз* (посл.) (*враг не станет другом, внутренности (животного) – не еда*).

Следует также отметить, что *бауур* является одним из символов антропоморфизации живой природы в лингвокультуре. Антропоморфная метафора основана «на сравнении, соотнесении <...> неодушевленных объектов с человеком так же, как и олицетворение» [Юрков 2012: 35]. Обращение к метафорам «связано с их исключительной исторически сложившейся ролью в формировании особенностей национального языкового менталитета» [Там же 2012: 35]. Предки карачаевцев и балкарцев окружающую их реальность сопоставляли с собственным телом, внутренними органами человека, например, *кёк баууру*, *тау баууру* и т.д. Ф. Б. Саньяров в башкирском языке приводит такие идиомы – *кул бауыры* «приозерье»; *тау бауыры* «пригорье»; *Урал бауыры* «Приуралье»; *йэй бауыры* «летний сезон»; *кыш бауыры* «зимний период» [Саньяров 2012: 1521]. Лексема *бауур* в таких дескрипциях как *суу баууру*, *кёк баууру*, *жер баууру*, *ёзенни баууру* указывает на относительно ровную поверхность природных объектов, т.е. *сууну баууру* «поверхность воды (букв. печень воды)», *кёкню баууру* «небосвод (букв. печень неба)», *жерни баууру* «поверхность земли (букв. печень земли)», *ёзенни баууру* «поверхность земли (букв. печень ущелья, долины)»: *Ёзенни бауурун эки бёлюб, тюз арасы бла суу, кьуруда барычусуча, сюзюлюб барады* [Кагиева 1988: 412] «Разделив поверхность долины на два, вода, как обычно, течет струясь»; *Танг аласы бла анда-санда кёкню бауурун шибиля кьылыч бир джырса да, табигъат уюб кьалгъанча, дыфсыз болду* [Кагиева 1988: 101] «Иногда под утро, если молния и распорит небесную гладь своим мечом, природа остается спокойной, бесшумной»; *Битеу дуня империалист урушну тирмени адам жанын, ырысхы, мал, топ, окъ тапханын да жаркъмалайды, кюл этеди, элени, шахарланы кёмюрге бурады, жерни бауурун жарады, адам къаны бла сугъарады* [Шаваева 1988: 238] «Мельница всемирной империалистической войны перемалывает души человеческие, богатства, скот, бомбы, пули, все, что находит превращает в золу, села, города – в уголь, раскалывает поверхность земли, кровью орошает землю». *Сюргю жер бауурун жан-саннга юлешип, бир жаннга ненча сажна жетеригин бир билсек, андан арысы уа кьыйын туююлду* [Гуртуев 1970: 141] «Разделив пахотную землю на доли, если узнаем, сколько саженой достанется на душу, то дальше будет не трудно».

Фразеологизмы *бауурун жерге салып* «букв. положив печень на землю», *бауурун жерге берип* «букв. отдав печень земле», *бауурун ташлагъа уруп* «букв.

ударив печень об камни», *бауурланып сюзюльорге* «букв. наклонившись стелиться», относятся как к человеку, так и к природным объектам, например: *Кём-кёк сюзюлюп, кьубулуп баргъан Басхан суу бауурун таишлагъа урса, кюмюш чапыра, инжи ырхыз кьозлай, эки жанындан да жаныу суулань кьучагъына жсыя, шууулдап Турна Ауузгъа жетгенлейине, бираз ырахатланады* [Кагиева 1988: 31] «Спокойно текущая река Баксан, ударяясь об камни, брызгая серебром и жемчужными икринками, собирая все мелкие речушки, как только добирается до Турна Аууза, немного успокаивается». *Къалын туман акъырын баргъан партизанланы букъдурургъа кюрешгенча, бауурун жерге салып тохтагъанды* [Кучинаев 1991: 239] «Густой туман, будто бы стараясь спрятать медленно идущих партизан, застелил землю». *Бауурун жерге бергенди туман, Жер бетли болуп келеди Къобан. Кюн ачылмайды эрттенли жаууп, Терек чапыракъла тёгюп жилимукъ* [Хубиев 1976: 43] «Туман застелил землю, Течет, помутневшая, Кубань, День не проясняется, с утра льет дождь, С листьев на деревьях капаят слезы». *Жел урса, терекле ийилип, чапыракъла къалтырамаймыдыла, кырдык бауурланып сюзюлмеймиди?* [Толгуров 1993: 228] «Когда дует ветер, разве деревья не гнутся, листья не шелестят, трава не стелится?». В предложениях подобного типа, как отмечает Б.А. Серебренников, «необходимо всегда иметь в виду известное качественное различие между мышлением и языком, как средством коммуникации. <...> осуществлена явная персонификация предметов неживой природы» [Серебренников 1977: 157–158].

Дескрипция *чегет бауур* указывает на северную (теневую) сторону леса: *Жылтыраб тийген кюн, бу къара зорлукъну кёргенинден, титиреб, къачыб букгъанча, таякълары бла чегет бауурну джарыта, тауну артына таишайды* [Аппаев 1986: 312] «Увидев такой произвол, сверкающее солнце, вздрогнув, как бы пытаясь убежать, освещая лучами теневую сторону леса, спряталось за горой».

В карачаево-балкарском языке встречаются и такие дескрипции – *ата бауур* «букв. печень отца», *ана бауур* «букв. печень матери», в которых лексема *бауур* в сочетании со словами *ата* «отец» и *ана* «мать» метафорически обозначает Родину: *Азны да, кёбнюча, ана баууру барды – Туугъан джурту. Аны ючюн ол да хазырды ёльорге...* [Кагиева 1988: 412] «У меньшинства, как и большинства, есть печень матери – Родина. За нее он готов умереть...»; *Сейирди, сейир ана бауурум – Нарт Къарачай!* [Кагиева 1988: 213] «Удивительна печень матери – Нарт Карачай!»; *Бу сёзлени ол (Адурхай) биреу джерде таймаздан эшитиб тура эди, кьуру джюрегини теренинде эшите эди. Бюгюн а адам ауузундан эшитди. Сора юйюндеди. Ана тыбырында, ата бауурунда* [Кагиева 1988: 615] «Эти слова он (Адурхай) часто слышал на чужой земле, слышал в глубине своего сердца. А сегодня услышал от людей. Значит (он) дома. На Родине».

Как известно, анатомически орган *бауур* «печень» представляет собой железу, куда стекается вся кровь, отсюда – «средоточие чувств» – метафорическое его значение, в результате чего возникло и переносное значение лексемы *бауур*. В представлениях карачаевцев и балкарцев, как и у многих тюркских народов, *бауур* «печень» символизирует близких родственников, родственные отношения, является средоточием души, кровного родства «благодаря тому, что в этот орган стекается вся кровь, становится символом и обретает ценностное звуча-

ние, так как это средоточие родственных чувств и отношений» [Тагаев и др. 2023: 113]. В исследуемом языке встречается сочетание *юйюр-бауур* «домочадцы, родня (букв. семья-печень)»: *Арбазда куртмула бошалгъанлай, юйюр-бауур юйге тийишди* [Гуртуев 1970: 144] «Как только во дворе закончились хлопоты, домочадцы зашли в дом»; *Заман жассы ууахтыдан атлады. Энди юйюр-бауур жукълайды* [Гуртуев 1970: 73] «Наступил поздний вечер (ночь). Уже домочадцы спят». *Жанларына кьоркьгъандан, арбазда бири кёрюнмегенди. Къууанчда, тойда юйюр-бауур, кыйылыкъда – кьоян – къамишге, тюлкю – тешикге* [Толгуров 1993: 259] «Испугавшись за себя, во дворе никто не появился. В радости – родня, в беде – заяц – в камыши, лиса – в нору».

В карачаево-балкарской языке для выражения кровного родства используют выражение *бауурдан туугъан* «букв. родившийся из печени». В данном случае печень можно рассматривать как орган репродуктивной деятельности: *бауурдан туугъан – татлы* «родившийся из печени – сладок».

Фразеологизм *бауурдан юзюлген* «букв. оторвавшийся от печени» обозначает отделившегося от родни человека: *Баласына къарагъанча къарайды, алай а ол Окъа бийчени бауурундан юзюлгенди деб, кёб кюйсунеди* [Кагиева 1988: 97] «Смотрит как за своим ребенком, но злится за то, что он отделился от Ока бийче».

У некоторых тюркских народов, например, у казахов к самому близкому человеку обращаются – *баурым!* «мое сердце (букв. печень моя!)». В карачаево-балкарском языке подобное обращение к человеку довольно редко встречается и данное обращение имеет такую же семантику, что и в других тюркских языках: *бауурум!* «родимый мой! родненький! душа моя! сердце мое!» [КБРС 1989: 122]: – *О бауурум, акъ сютюмю хакъы ючюн, кёзюнгю бир ач, бетиме бир къара, бал ауузунга кьор болайым, – деб, эки этегин эки кьолу бла ёрге этиб, мийик босагъадан атлаб, юйге Алхазны эмилдеши кирди* [Кагиева 1988: 26] «– О моя душа, ради всего святого, открой глаза, посмотри (мне) в лицо, стану жертвой медовым (твоим) устам, – сказав так, подняв подол, перешагнув через высокий порог, в дом вошел молочный брат Алхаза». Также в языке встречается выражение *баууруму баууру* «букв. печень (моей) печени», которое используется для обращения к самому дорогому для души человеку: – *Эй! Баууруму баууру! Къайдаса? – деб кыычырды Будуйан, – Бери кел, бери кел! Адурхай, атын аны таба буруб джоргъалата, Бабушну къатында тюшдю* [Кагиева 1988: 409] «Эй! Самый дорогой, родной (мой)! Ты где? – крикнул Будуйан, – Иди сюда, иди сюда! Адурхай направив (своего) коня в ее сторону, сошел (с коня) возле Бабуш».

Признание родства с человеком в языке дефинируется фразеологизмом *бауургъа кыысаргъа* «прижать к груди», например, *Туугъан тыбырынг да, ким биледи, эрлай огъуна сезиб, баууруна кыысыб, ахлу болгъанынгы сездиралса, алай болмай, ол къадар заманны термилиб тургъан джюрегинги ангыламасала, сен кюсегенни сенича багъаламасала, кёлюнг джер бла тенг болуб къалыр* [Кагиева 1988: 366] «Кто знает, если родные (твои), сразу распознав, признают в тебе родственника, но если так не случится и не поймут измучившуюся твою душу, если не оценят твои желания, то сильно расстроишься».

Во всех культурах одной из высших ценностей являются дети. Так, в карачаево-балкарском языке известна пословица *сабий – ананы бауур эти* «букв.

ребенок – печеночное мясо матери (ребенок – душа матери)». Следует отметить, что в данной пословице *бауур* выступает как репрезентант души. Для сравнения приведем несколько примеров из тюркских языков: в казах. языке *бала – адамның бауыр еті* «букв. ребенок – желчь печени человека (ребенок – душа человека)», в киргиз. языке *бала боор этин менен тең* «букв. ребенок равен печени (дитя дорого сердцу)», в башк. *бала – бауыр ите, ир – йөрәк ите* «дитя – кусочек печени твоей (родной, дорогой), муж – кусочек сердца твоего», в крымскотатар. языке *бала – бавур эти, акъай – балдыр эти* «ребенок – частичка души (букв. мясо печени), мужчина – частичка ноги (букв. мясо ноги)».

При анализе концепта *БАУУР* следует обратить внимание и на зооморфный код культуры. Так как основным родом занятия у народа было скотоводство, то каждый представитель народа с детства знал, что анатомически печень имеет ровную гладкую поверхность, и, именно этот признак лег в основу метафорического переноса в некоторых дескрипциях.

Как было выше сказано, печень имеет гладкую форму и покрыта пленкой, которая придает ей блеск. В карачаево-балкарской этнокультуре имеет место уподобление красоты глаз цвету и блеску печени – *бауурча жылтырауукъ* «блестящий, как печень»: *Бауур бетли жылтырауукъ, суюдюмлю кёзлери тегерек бетине кьууат береди* [Шаваева 1988: 85] «Подобные печени, блестящие, красивые глаза придают (ее) круглому лицу привлекательность».

Семантика концепта *БАУУР* в карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, распространяется и на топонимы, эксплицируя определенное место. Компонент *бауур* встречается в составе некоторых карачаево-балкарских топонимов, например: *Къасайланы баууру*, местн. в бас. р. Кичи-Балык; *Къасайлары* – фам., *бауур* – «склон» [Хапаев 2013: 244]: *Биймурзаланы баууру*, уроч. в бас. р. Кичи-Балык; *Биймурза* – и. собствен.; *бауур* «склон», «пригрев» [Хапаев 2013: 133].

В рамках ценностных ориентаций народа значимым выступает и колоратив, представляющий собой «семиотический феномен, обладающий постоянно развивающимся полем смыслов в результате расширения ассоциативного мира человека и увеличения сферы контекстуальных связей» [Жаркынбекова 2021: 248], а также он служит для создания смыслового единства «не столько определяя цветовые свойства предмета, сколько в своих переносных метафорических значениях характеризует основные их черты» [Жаркынбекова 2021: 250], например: кар.-балк. *къарабауур* (злой, жестокий человек (букв. черная печень)), ср. с башкир. *кара бауыр* (злой человек) (букв. черная печень): *Кишиликлери болган, керти адамла аладыла... Биз а, биз? Бокъ тебе, къамиш бёрюле... Дагыда биз алагъа не айтмайбыз: къарабауурла, итле, хайыуанла, мытырла, аткъарынла...* [Шаваева 1988: 50] (– Они действительно мужественные люди... А мы? Куча навоза, шакалы... Еще мы им что только не говорим: жестокие, собаки, животные, лентяи, ненасытные...). Эквивалентом *къарабауур* в карачаево-балкарском языке используется и сложное слово *ташбауур* в значении «жестокий».

Заключение

Таким образом, можно отметить, что национально-культурное своеобразие концепта *БАУУР* и его ценностные коннотации определяют его особое место в

культурно-смысловом пространстве карачаево-балкарского языка. В карачаево-балкарском языке *бауур* «печень», представляя собой источник концептуализации как внутреннего, так и внешнего мира человека, используется для обозначения эмоционально-психических, ментальных и физических характеристик. При анализе данного концепта в карачаево-балкарском языке наблюдается осознание *печени* как жизненно важного внутреннего органа, а также её возможности влияния на регуляцию эмоционально-нравственной сферы. На особенности мировоззрения, ценностных ориентаций и этнического менталитета накладывают свой отпечаток ареал, обычаи и традиции, уклад жизни этноса.

Следует отметить, что в карачаево-балкарской лингвокультуре *бауур* выступает одним из символов персонификации живой природы. Древние карачаевцы и балкарцы окружающую их действительность сопоставляли с собственным телом, внутренними органами человека, как *кёк баууру* (небесная гладь), *тау баууру* (поверхность горы), *суу баууру* (поверхность воды), *жерни баууру* (поверхность земли) и др. Слово *бауур* участвует в образовании фитонимов, флоронимов, топонимов (*бауур тамыр* (печеночный корень); *бауур къурт* (печёночный червь); *Къасайланы баууру* (Касаевых склон), а также в сочетаниях, выражающих родственные отношения, родную землю, обращение к дорогому сердцу человеку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппаев 1986 – *Аппаев Х.А. Къара кюбюр /Черный сундук/*. – Черкесск, 1986. – 323 с.
- Башкирско... 1996 – *Башкирско-русский словарь* / под ред. З. Г. Ураксина. – Москва: Дигора, Русский язык, 1996. – 881 с.
- Гуртуев 1970 – *Гуртуев Б. Жангы талисман /Новый талисман/*. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 448 с.
- Древнетюркский... 1969 – *Древнетюркский словарь* / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
- Жаркынбекова 2021 – *Жаркынбекова Ш. К. Отражение кодов культуры в тюркской языковой картине мира // Актуальные проблемы исследования и преподавания тюркских языков и литератур*. – Сумгаит, 2021. – Т. 4. – С. 242–252.
- Кагиева 1988 – *Кагиева Н. Тейри жарыкъ /Свет Тейри/*. – Черкесск, 1988. – 432 с.
- Кучинаев 1991 – *Кучинаев А. Жашауну шорхасы /Водовороты жизни/*. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
- Пачаи 2022 – *Пачаи И. Соматизмы во фразеологии европейских и восточных языков // Turkic Studies Journal*. – 2022. – Т. 4. – № 4. – С. 99–112. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-99-112>
- Сабитова 2011 – *Сабитова З.К. Лингвокультурологические аспекты изучения взаимоотношения языка и культуры // Вестник КазНУ. Серия филологическая*. – № 2 (132). – 2011. – С. 20–23.
- Саньяров 2012 – *Саньяров Ф.Б. Концепты «Наивной анатомии» в системе эмоциональной концептосферы башкирского языка // Вестник Башкирского университета*. – 2012. – Т. 17. – № 3 (I). – С. 1520–1522.
- Саньярова 2008 – *Саньярова Р.Р. Концепты внутреннего мира человека в башкирской языковой картине мира (на материале трилогии З. Биишевой «К свету»)* // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 1012–1015.
- Серебренников 1977 – *Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы)*. – Москва: Наука, 1977. – С. 147–206.

- Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Школа. Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – ISBN: 5-8291-0007-х
- Тагаев и др. 2023 – *Тагаев М.Дж.* Национально-культурные образы мира через призму концепта “печень” / М. Дж. Тагаев, М. С. Чинлода // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 3. – С. 111–117.
- Толгуров 1993 – *Толгуров З.Х.* Кёк гелеу /Голубой типчак/. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 392 с.
- Толковый... 1996 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка*: В 3 т. / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН / Ред.: Ж.М. Гузеев и др. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. А-Ж. – 1016 с.
- Хакаско... 2006 – *Хакаско-русский словарь* / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, М.Д. Чертыкова и др. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
- Хапаев 2013 – *Хапаев С. А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – Москва, 2013. – 576 с.
- Хубиев 1976 – *Хубиев О.* Туугъан жерим /Родная земля/. – Черкесск, 1976. – 87 с.
- Чертыкова 2014 – *Чертыкова М.Д.* Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3-2 (33). – С. 195–200.
- Чертыкова 2019 – *Чертыкова М.Д.* Хакасская лексема чўрек «сердце» и его лексические параллели в других тюркских языках // *Türkologia*. – 2019. – № 1 (93). – С. 26–43.
- Чинлода 2024 – *Чинлода М.С.* Национально-культурное содержание концепта «сердце» в аксиологической составляющей картины мира // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 589–596.
- Шаваева 1988 – *Шаваева М.* Тейри жарыгъы /Северное сияние/. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 305 с.
- Шарип 2019 – *Шарип А.Ж.* Концепт бауїг ‘печень’ в тюркской картине мира // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Алтайское языкознание: проблемы и исследования» / Отв. ред. А.Н. Майзина. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 234–240.
- Шмелев 2002 – *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. ISBN 5-94457-074-1
- Юрков 2012 – *Юрков Е.Е.* Метафора в аспекте лингвокультурологии. Монография. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Мир русского слова», 2012. – 254 с. ISBN 978-5-91395-078-9

REFERENCES

- APPAEV H.A. *Kara kjubjur /Chernyj sunduk/*. [Black chest]. – Cherkessk, 1986. – 323 p. (In Kar.-balk.)
- Bashkirsko-russkij slovar'* [Bashkir-Russian dictionary] / red. Z. G.Uraksina. – Moscow: Digora, Russian language, 1996. – 881 p. (In Russ.)
- GURTUEV B. *Zhangy talisman /Novyj talisman/*. [New mascot]. – Nalchik: Elbrus, 1970. – 448 p. (In Kar.-balk.)
- Drevnetyurkskii slovar'*. [Ancient Turkic dictionary] / red. V.M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p. (In Russ.).
- ZHARKYNBEKOVA SH.K. *Otrazhenie kodov kul'tury v tjurkskoj jazykovej kartine mira* [Reflection of cultural codes in the Turkic linguistic picture of the world]. IN: *Aktual'nye problemy issledovaniya i prepodavaniya tjurkskih jazykov i literatur*. – Sumgait, 2021. – Т. 4. – Р. 242–252. (In Russ.)
- KAGIEVA N. *Tejri zharyk# /Svet Tejri/* [Light of Tairi]. – Cherkessk, 1988. – 432 p. (In Kar.-balk.)

KUCHINAEV A. Zhashaunu shorhasy / Vodovoroty zhizni/ [Whirlpools of life]. – Nalchik: Elbrus, 1991. – 256 p. (In Kar.-balk.)

PACHAI I. Somatizmy vo frazeologii evropejskih i vostochnyh jazykov [Somatisms in the phraseology of European and Eastern languages]. IN: *Turkic Studies Journal*. – 2022 – T. 4 – №4. – S. 99–112. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-99-112> (In Russ.)

SABITOVA Z.K. Lingvokul'turologicheskie aspekty izuchenija vzaimootnoshenija jazyka i kul'tury [Linguistic and cultural aspects of studying the relationship between language and culture]. IN: *Vestnik KazNU. Serija filologicheskaja*. – № 2 (132). – 2011. – P. 20–23. (In Russ.)

SAN'JAROV F.B. *Koncepty «Naivnoj anatomii» v sisteme jemocional'noj konceptosfery bashkirskogo jazyka* [Concepts of “Naive Anatomy” in the system of the emotional conceptual sphere of the Bashkir language]. IN: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2012. – T. 17. – No. 3 (I). – P. 1520–1522. (In Russ.)

SAN'JAROVA R.R. *Koncepty vnutrennego mira cheloveka v bashkirskoj jazykovoj kartine mira (na materiale trilogii Z. Biishevoj «K svetu»)* [Concepts of the inner world of man in the Bashkir linguistic picture of the world (based on the trilogy of Z. Biisheva “Towards the Light”)]. IN: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2008. – T. 13. – No. 4. – P. 1012–1015. (In Russ.)

SEREBRENNIKOV B.A. *Nominacija i problema vybora* [Nomination and the problem of choice]. IN: *Jazykovaja nominacija (Obshhie voprosy)*. – Moscow: Nauka, 1977. – P. 147–206. (In Russ.)

STEPANOV JU.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience] – Moscow: School. Languages of Russian culture, 1997. – 824 p. – ISBN: 5-8291-0007-h (In Russ.)

TAGAEV M. DZH. *Nacional'no-kul'turnye obrazy mira cherez prizmu koncepta “pechen”* [National and cultural images of the world through the prism of the concept “liver”] / M. Dzh. Tagaev, M. S. Chinloda. IN: *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. – 2023. – No. 3. – P. 111–117. DOI 10.18522/2072-0181-2023-115-111-117 (In Russ.)

TOLGUROV Z.H. *Kjok geleu /Goluboj tipchak/*. [Blue fescue]. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 392 p. (In Kar.-balk.)

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]: V 3 t. / In-t gumanitar. issled. Pravitel'stva KBR i KBNC RAN / Red.: Zh.M. Guzeev i dr. – Nal'chik: Jel'-Fa, 1996. T. 1. A-Zh. – 1016 s. (In Russ.)

Hakassko-russkij slovar' [Khakass-Russian dictionary] / O. P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M. I. Borgojakov, A. I. Inkizheкова-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, M. D. Chertykova i dr. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 p. (In Russ.)

HAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvanija Karachaja i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – Moscow, 2013. – 576 p. (In Russ.)

HUBIEV O. *Tuug#an zherim /Rodnaja zemlja/* [Motherland]. – Cherkessk, 1976. – 87 p. (In Kar.-balk.)

CHERTYKOVA M.D. *Jemotivnye frazeosochetaniya s somatizmami v hakasskoj jazykovoj kartine mira* [Emotive phrase combinations with somatisms in the Khakass language picture of the world]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2014. – No. 3-2 (33). – P. 195–200. (In Russ.)

CHERTYKOVA M.D. *Hakasskaja leksema chÿrek «serdce» i ego leksicheskie paralleli v drugih tjurkskih jazykah* [Khakass lexeme chÿrek “heart” and its lexical parallels in other Turkic languages]. IN: *Türkologia*. – 2019. – No. 1(93). – P. 26–43. (In Russ.)

CHINLODA M.S. *Nacional'no-kul'turnoe sodержание koncepta «serdce» v aksiologicheskoy sostavljajushhej kartiny mira* [National and cultural content of the concept “heart” in the axiological component of the picture of the world]. IN: *Bjulleten' nauki i praktiki*. – 2024. – T. 10. – No. 2. – P. 589–596. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/99> (In Russ.)

SHAVAEVA M. *Tejri zharyg#y /Severnoe sijanie/* [Northern lights]. – Nalchik: Elbrus, 1988. – 305 p. (In Kar.-balk.)

SHARIP A.ZH. *Koncept bayır ‘pechen’ v tjurkskoj kartine mira*. [The concept of bayır ‘liver’ in the Turkic picture of the world]. IN: *Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Altajskoe jazykoznanie: problemy i issledovanija»* / Otv. red. A.N. Majzina. – Gorno-Altajsk, 2019. – P. 234–240. (In Russ.)

SHMELEV A.D. *Russkij jazyk i vnejazikovaja dejstvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. – 496 p. ISBN 5-94457-074-1 (In Russ.)

JURKOV E.E. *Metafora v aspekte lingvokul'turologii. Monografija* [Metaphor in the aspect of linguoculturology]. – St. Petersburg: Publishing house “World of Russian Word”, 2012. – 254 p. ISBN 978-5-91395-078-9 (In Russ.)

Информация об авторах

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

А.М. Кучмезов – магистрант.

Information about the authors

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

A.M. Kuchmezov – a graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 81.373.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-387-396
EDN: NVUVZS

МНОГОЗНАЧНЫЕ СЛОВА И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Фатима Хасановна Ахматова

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева,
Карачаевск, Россия, ahmatova123@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0964-7488>

Аннотация. Статья посвящена проблеме многозначности слов в карачаево-балкарском языке. Посредством полисемии в языке появляются новые значения слов без изменения или с незначительным изменением звукового выражения этих понятий. В основе развития полисемии лежит переносное значение или одного из значений существующего слова на новое понятие по ассоциативной связи сходных с ними представлений. Поэтому безусловным условием развития полисемии является устойчивость фонетического слова, обусловленная в свою очередь выражаемого им понятия. Полисемию следует рассматривать как один из важных способов развития лексики, прежде всего ядро новых слов – корневое слово. Основная сложность выявления и определения новых значений у слов заключается в том, что новое значение может возникнуть и через определенное, достаточно короткое время исчезнуть, а некоторые значения возникая, прочно входят в языковой словарь, сохраняя частотность употребления в речи. Однако все эти изменения не всегда фиксируются в словарных статьях, и это явление в современном языке является одной из основных проблем и требует выявления способов ее решения.

Ключевые слова: полисемия, ядро, составлять, понятие, выражать, многозначность.

Для цитирования: Ахматова Ф.Х. Многозначные слова и их значения в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 387-396. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-387-396. EDN: NVUVZS.

© Ахматова Ф.Х., 2024

Original article

MULTI-SECONIC WORDS AND THEIR MEANINGS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Fatima Kh. Akhmatova

Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaeusk, Russia, ahmatova123@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0964-7488>

Abstract. The article focuses on the subject of polysemy in the Karachay-Balkar language. Through polysemy, new concepts appear in a language without changing or with a slight change in the sound expression of these concepts. The development of polysemy is based on the figurative meaning or one meaning of an existing word to a new concept through the associative connection of ideas similar to them. Therefore, an unconditional condition for the development of polysemy is the stability of the phonetic word, which in turn is determined by the concept it expresses. Polysemy

should be recognized as an important method of expanding vocabulary, particularly the root word. The main obstacle to detect and define new meanings of words stems from the fact that a new meaning might emerge and disappear in a relatively short period, while other meanings emerge and firmly enter the language lexicon, preserving word frequency. However, all these changes are not always recorded in dictionary entries and this phenomenon in the modern language is one of the key problems and requires identifying ways to solve it.

Keywords: polysemy, core, compose, concept, express, polysemous words.

For citation: Akhmatova F.Kh. Multi-seconic words and their meanings in the Karachay-Balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 387-396. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-387-396. EDN: NVUVZS.

© Akhmatova F.Kh., 2024

Богатство и степень развития языка измеряется и количественно оценивается не только большим количеством слов в словарном запасе, но и их смысловым богатством в нем. Точнее, степень роста языка измеряется как количеством, так и качеством (множественностью) слов в словарном запасе. Одним из показателей качественного развития слова является множественность (многозначность) слова. С точки зрения современного состояния языка, значения слов можно разделить на два типа: одно – буквальное значение, другое – переносное (или переменное) значение [Гузев 2001: 31].

Носители языка используют в речи существующие слова, исходя из связи между понятиями, не называя их новыми словами. Многозначность избавляет говорящих на каждом языке от необходимости запоминания огромного количество понятий. Одно слово выражает множество значений посредством разных комбинаций, в таком случае соблюдается и принцип языковой экономии.

Многозначность – одна из основных проблем семантики, где она иногда рассматривается как двусмысленность. Однако вопрос кажется простым: все знают, что слово может иметь несколько значений. Но эта простота обманчива. Лексикографы знают, как трудно сказать, какое значение имеет слово, каковы эти значения, где заканчивается одно значение и начинается другое. Фактически, на эти вопросы можно было бы ответить только в том случае, если бы мы пришли к единому мнению о том, что такое «значение» и «понятие», в чем заключается их сходство и различие.

У многозначных слов имеются как свободные, так и несвободные значения, к которым относится и метафорический перенос, реализующийся в сфере семантики заимствований, например, *жаныуар* «животное, зверь, живое существо, тварь» и «грубый, жестокий человек», *маймул* «обезьяна» и «очень некрасивый человек», *мал* «скот, скотина, домашнее животное» и «недалекий человек» [Аппоев, Кетенчиев 2021: 317].

Современная лексическая семантика проявляет большой интерес к многозначности. Она перестала рассматривать его как аномалию и теперь рассматривает его как фундаментальную черту любого языка, необходимую для его функционирования. Одна из ключевых целей этого исследования – представить исчерпывающую подборку аргументов, подтверждающих недавнее мнение о том, что лексическая неоднозначность и особенно полисемия являются много-

гранными, гетерогенными явлениями, которые должны быть отражены в моделях и теориях, предлагаемых для объяснения их представления и обработки. Кроме того, многозначность приобрела дополнительное значение в контексте.

Целью данного исследования является попытка выявления общих тенденций возникновения вторичных значений слова в речи и определить особенности их употребления. Также нами предпринята попытка определить какие факторы влияют на возникновение значений слова и определить их место в системе языка. В современном мире наряду с развитием технологий в различных сферах жизненной деятельности происходят некоторые изменения в языковой среде и наша задача изучить эти изменения и определить отношения между значением слова и его понятием. Например, слово «къарангы» в карачаево-балкарском языке означает «темно, то есть ничего не видно» – буквальное значение. Значение «необразованный, неграмотный» – переносное значение, также глухой, захолустный: *къарангы джер* – захолустье, темное место в зависимости от контекста. Рассмотрим примеры в рамках текста:

Джулдузну атасы бла анасы, джууукьну, тенгни да болушдуруб, кече джатмай, кюндюз тынчлыкь табмай, аны эрге берирге кызыб айланган заманда, Темирджанны андан хапары болмай бир къарангы джерге кириб сагышиланды. Мать с отцом Джулдуз, попросив помощи у родственников и друзей, без сна и отдыха готовились к свадебным гуляньям, надеясь на скорую свадьбу, Темирджан не зная об этом укрывшись в темном месте размышлял об этом [Коркмазов 1974: 211]. В данном примере слово *къарангы* употреблено в своем первичном значении. Но в следующем примере уже мы можем в контексте увидеть его производное значение. Например: *Бу къарангы джерде къалай джашаргъа боллукьду, не тюкен, не школ джокь.* – Как можно жить в таком захолустье, где нет ни школы, ни магазинов.

Природа различных значений в слове неодинакова. Языкознание обладает способностью рассматривать значения слов с разных точек зрения и соответственно дифференцировать, группируя их по-разному. Исторически значения слов делятся на два типа: первичное значение и производное значение. Возьмем для наглядного рассмотрения значение слова *эркиши* – мужчина:

1. Значение *мужчина* – исходное основное значение.

2. *Муж* и *герой* – производные значения, появившиеся позднее в ходе семантического развития слова.

Например: ...Сора, джаназындан къайтыб келе, Смаил Асланкир бла Герийге малны ким ёсдюргенин а бек арюу англады. Сени уа энди къолуна джыялса, керти да эркиши этеригеди. Алай болгъанлыкьгъа, Темирджан, быланы арюу сезлерине не кесек да ийнаныр къарыуум къалмагъанды... ...Тогда, возвращаясь с похорон, Смаил Асланкир с Герием отчетливо понимал, кто вырастил домашний скот. Если бы он взялся за твое воспитание, из тебя бы получился отважный и мужественный человек. Но, несмотря на это, Темирджан, верить их красноречивым словам нет сил больше... [Коркмазов 1974: 211].

В карачаево-балкарско-русском словаре даются следующие значения данного слова: *эркиши* 1) мужчина, мужской; *эркиши тёречиси* – как подобает мужчине; *эркиши ауаз* – мужской голос; *къатыны тос джюрютген* – рогоно-

сец 1) муж, супруг; *эркишим юйде джокьду* – мужа дома нет; 3) мужественность, храбрость *эркиши хали* – отважный характер.

В отличие от прямого значения вторичные значения этого слова метафоричны и создаются на основе определенного сходства с первоначальным замыслом. Когда слово имеет два или более значений, это явление имеет название – полисемия. Характеристика слов в словарном запасе основана на множественности значений слова. Ведь это корневые слова, которые живут уже много лет и пытаются создать в языке новые значения [Кузнецова 1983: 59].

В результате словарный запас корневых слов, как по количеству, так и по качеству хорошо развит и устойчив. Вот почему они имеют много значений. Видно, что слова в словаре имели мало значений, когда они впервые появились [Курилович 1962: 82].

Позже, по истечении многих лет, они добавили одно или несколько дополнительных производных значений поверх своего первоначального. Например, слово *къанат* (крыло) в карачаево-балкарском языке изначально означало часть тела птицы и насекомого, с помощью которой они летают или приземляются, эки *къанатлы* къапы (двустворчатая дверь), (*къанатлы* прилагательное). В советское время к слову «*къанат*» добавились два новых значения – крыло самолета и левое и правое крылья противника.

Например: ...*сени суйюб, малын сенден кьызгъанмагъан атангы айтгъанын этмесенг, харам этерин билирге уа керексе. Адамны бек суйгенинден къанат ёсгенча да келю бек къалады...* ... твой отец очень сильно тебя любит и не жалеет свой скот для тебя. Однако. Тебе следовало бы знать, что, если слушаешься его, он проклянет тебя. Любовь как окрыляет, так и может привести к огромной душевной обиде [Коркмазов 1974: 211].

Таким образом, первичное, прямое значение слова *къанат* – это крыло как часть тела: *къуш къанат къагъады* – орел машет крыльями, переносное значение окрылять, вдохновлять, воодушевлять: *къууанч бизге къанат салды* – радость нас окрылила. Также необходимо отметить, что помимо этих значений *къанат*, может означать часть одежды: пола, край (например платка): *джаулу-къну къанаты* – край платка, *джамчыны къанаты* – пола бурки.

Новое значение, придаваемое слову, приходит с различных сфер жизнедеятельности человека и не исчезает само собой. Каждое новое значение представляется отличительной особенностью от значения корневого слова, завуалированным характером. Слово не может полностью описать предмет и явление со всеми его особенностями. Если бы слово суммировало обозначаемое им понятие со всеми его признаками и выразило его сразу, то оно не обладало бы переходным смыслом [Курилович 1955: 92].

Человек не сразу познает действительность, а постепенно, с течением времени. Знание особенностей объекта, абстрагирует понятие, пока эти особенности не изучены и освоены, обиходные в языке слова не используются как взаимозаменяемые. Когда человек видит что-то впервые, он сначала знакомится с его внешними свойствами. Эти качества каким-то образом оставляют след в его сознании. Восприятие увиденного объекта сравнивается с другим, похожим на него предметом [Лепшокова 2020а: 143].

В результате между этими двумя объектами существует общее сходство либо по их качеству, либо по их функциям. Основываясь на этом сходстве, люди продолжают называть две или более похожие вещи одним и тем же именем. Например, когда человек видит колодец, он в первую очередь смотрит на его дно, таким образом, он знает, глубоко оно или мелко. После этого человек абстрагировал изображение дна колодца, сравнивая его с другим объектом, и называл дном множество подобных объектов. В результате этого слово стало многозначным [Лепшокова 2020b: 54].

Корень слова *тюб* имеет следующие значения в современном карачаево – балкарском языке.

1. Дно предмета (*челекни тюбю* – дно ведра).
2. Часть растения, уходящая в землю (*терекни тюбю* – корень дерева).
3. Пространственная грань (*Джолну тюбюнде* – в конце дороги).
4. Происхождение человека, предыстория (Сени аны *тюбюне* къара – зри в корень).
5. Наследство после смерти человека (негативное понятие – *ёлгенни тюбюн джыйгъан*).

Например: *Тюзюн айтсам, бу джерлеге мен да хазна келюучю адам тюлме. Бек амалсыз болмасам, ачыкъ джерледе джюрюрге асыры сюймейме. Алан, билемисе, джалан сыртда шоккуну окъун тюбюне тынч тюшюб къаллыкъса. По правде говоря, я в эти места практически не хожу. Без особой нужды я не люблю. Друг мой, ты знаешь в открытом пространстве легко поймать пулю* [Коркмазов 1974: 211].

В рассматриваемом примере многозначное слово *тюб* употреблено в качестве составной части существительного *окъ тюб*, где буквальный перевод будет означать под пулей, а смысловой перевод попасть под выстрелы ружья. Таким образом, первичное значение слова *тюб* – низ, дно привело к появлению новых значений слова при комбинировании с различными существительными. Это подтверждается также дополнительными примерами: *терезе тюбюне тереклени тюблерине ууакъ урлукъ салдыкъ* – под окном, под деревьями мы посадили зелень; *кёз тюблери кёбгендиле* – у него мешки под глазами; также многозначное слово *тюб* используется для выражения понятия нижней части чего-либо *гардошну тюбю* – клубни картофеля; *терекни тюбю* – корни дерева; *тюб хуна* – фундамент; *этек тюбюнде* – под полой (одежды). Также слово *тюб* с развитием общества приобретает новое значение приданое – *тюб баи*; *къызына тюб баи джыяды* – она собирает дочери приданое. Таким образом, мы можем предположить, что вторичные значения возникают исходя от первичных значений.

Основной смысл слова создается на основе общеисторической практики, связанной с определенной реальностью. Производные дополнительные значения слова появляются после употребления на основе языковых фактов, основанных на умении мыслить. Каждому признанному понятию в жизни нужно новое имя. Сначала одно слово использовалось для выражения только одного понятия или явления, затем оно использовалось для выражения нескольких понятий [Прохорова 1980: 56].

На это, во-первых, влияет глубокое осознание, знание и чувство человеческой природы, а во-вторых, ее первый буквальный смысл является основой ее смыслового развития. Например, орган зрения человека и животных мы называем глазом *кѣз*. В то же время мы используем его как игольное ушко *ийнени кѣзю*, сглаз *кѣз* тийген, чистые родники *кѣзлеу сууула*. Первое номинативное (свободное) значение слова обусловило их семантическое увеличение.

Например: *Бир джолда сюрюу да джайылыб отлай, мен да таягыма таяныб, кезюм джыракъ бара тургъанлай, тешикден чычгъанчыкъ чыкъды*. Однажды стадо разбрелось по всему пастбищу, я оперившись на посох начал засыпать, как вдруг из норки выбежала мышь [Коркмазов 1974: 110].

В данном примере существительное *кѣз* употреблено как составляющая часть глагола: *кѣзюм чыракъгъа кетиб* – перевод на русский можно сделать двояко: 1) задремать от усталости, 2) задуматься о чем-нибудь в ожидании чего-либо или кого-либо или уставиться в одну точку.

Чем сложнее и богаче семантическая структура слова, тем сильнее будет его функция в языке (многозначность слов). Особенно большое влияние на увеличение синонимов в словарном запасе языка оказывают многозначные слова.

Однако в ходе исследования мы столкнулись с проблемой выявления различий между многозначностью слов и омонимией. Необходимо различать полисемию и омонимы. Проблема их отличия друг от друга считается очень сложной проблемой в языкознании [Туркина 1977: 29]. Так как грань различия между ними зачастую узкая и требует более детального рассмотрения. Слова, которые звучат одинаково, но имеют разное значение, называются омонимами.

Помимо различия различных параллельных значений слова в ряде исследований также изучались изменения лексической семантики с течением времени. Считается, что лексические семантические изменения тесно связаны с полисемией, так, например, можно предположить, что полисемия является синхронным, наблюдаемым результатом лексических семантических изменений.

Традиционно явления лексической неоднозначности далее подразделяются на омонимию и полисемию, отделяя множественность значений от множественности смыслов. В попытке лучше разграничить эти два отметим, что омонимия наблюдается в лексических единицах, которые случайно несут два различных и не связанных между собой значения. Это представление о том, что двум вещам “случайно” присваивается одна и та же единица языка.

Например:

1. *Минг* – тысяча (числительное).
2. В карачаево-балкарском языке *Минги*-Тау (гора Эльбрус) олицетворяет понятие мудрости и сознания (существительное – топоним).
3. *Минги* – вечный (прилагательное).

Приведем еще один пример: *къач* – имеет несколько значений, которые не взаимосвязаны между собой и не все значения этого слова широко используются в речи: первое значение – это крест, икона, образ (религиозное) *Археологла тауну онг джанында бурун къабырлада талай къач тапхандыла* – Во время раскопок с левой стороны горы археологи в древних захоронениях нашли несколько крестов; следующее значение связано с временем года и означает

осень: *къач бачха ишле кёб боладыла, адамланы заманлары аз болады* – осенью бывает много работы на огородах и у людей мало времени; третье значение – это честь, уважение: *тамаданы къачы* – уважение к старшему, *сени къачынгы кёрюб, мен аны бла арюу селешдим* – из-за уважения к тебе, я с ним вежливо поговорила. Также со временем появилось еще одно производное значение в сочетании со словом *юй* – *юй къач* – свадебные подарки, как уважение к породнившейся семье со стороны невесты семье жениха.

Например, не подлежит сомнению, концепт «кёк» – небо и слово «кёк», означающее «голубой цвет» что являются омонимами. Поскольку они являются очевидными омонимами, их легко отличить от многозначных слов. Сложность проблемы разграничения многозначности и омонимов связана с омонимами, сочетающимися многозначность со словами. Например, назовем ли мы слово *ай* – луна, означающее «разновидность небесного тела», и слово *ай*, означающее «одна из двенадцати месяцев года», многозначными словами или омонимичными словами?

Чтобы ответить на вопрос «Есть ли связь между значениями или нет?», прежде всего, необходимо определить, если связь между значениями, сохранена и доступна ли их содержание. Если так, то такие значения признаются разными значениями одного многозначного слова, а если смысловая связь между значениями нарушена, если такая связь не понята, то данные значения не имеют значения одного слова. Они признаются значениями разных слов, то есть одноименных слов [Шмелев 2008: 58].

При различении полисемии и омонимии разрушение или отсутствие смысловой связи между значениями не может быть основным критерием.

Например, в карачаево-балкарском языке подобные омонимы:

- 1) той (свадьба или другое праздничное мероприятие – существительное);
- 2) той (наестся – форма глагола в повелительном наклонении от глагола *тойгъан*).

Например: Темирджан, кесинг бла атланыб шагъырей болмасам да, тойда сени танымагъан хазна адам болмаз Темирджан, даже если мы не закадычные друзья, но на свадьбе, наверное, нет человека, который не был бы с тобой знаком [Коркмазов 1974: 211].

Во втором примере уже слово *той* будет употреблено в другом значении и в предложении будет играть роль глагола.

Биз санга къыз болгъанса деб турабыз. Сен а алкъын сабийликден айырмагъан керейек, къарнынгы тойдуруб джумушгъа къара Мы думали ты уже взрослая. Однако, ты ведешь себя как маленький ребенок, плотно поешь и начинай делать свою работу [Коркмазов 1974: 211].

Рассмотрим другие примеры: *джарыкъ* 1) свет, сияние: Кюндюзча *джарыкъ бир кече Асхат Айнуру ишинден юйюне дери ашырды* Однажды светлой ночью Асхат проводил Айнур с работы до дому; *терезеден джарыкъ урады* – свет падает с окна; *джарыкъ кюн* – яркое солнце; 2) светлый: *джырыкъ адам* – светлый (приятный) человек; *джарыкъ ай* – светлая луна; *джарыкъ къумач* – светлая ткань; *Мен нёгерлеримле джарыкъ заманда тубедим, бираз ушакъ да этдик*. Я встретился с друзьями в светлое время суток, и мы немного поговори-

ли. 3) веселый, оживленный: джарыкъ той – веселая свадьба, джарыкъ джашау – веселая жизнь.

Эти омонимы не отличаются друг от друга по лексическому значению именной формы и формы глагола в каждом из них обладают семантической однородностью и единством. Основная причина рассмотрения их как омонимов состоит в том, что слова, входящие в омонимический ряд, относятся к разным классам слов (одно – существительное, другое – глагол). Слово имеет категориальное значение помимо своего собственно лексического значения, и преобразуется в формы, характерные для родственного класса слов [Юлдашев 1972: 89].

Некоторые омонимы в карачаево-балкарском языке образуются путем добавления к словам омонимичных суффиксов. Производные слова с омонимическими суффиксами по значению относятся к разным классам слов. Под ними понимаются слова, и каждое из них приводится в словаре как отдельная лексическая единица.

Существуют особые виды омонимов. Это омофоны и омографы, омофоры и паронимы. При их рассмотрении среди явления омонимов учитывается соотношение орфографической (письменной) и фонетической (произнесенной) сторон слов и некоторых словосочетаний. Особую роль в обогащении словарного запаса играют полисемичные слова и производные омонимы. При добавлении к слову омонимичных аффиксов создаются сразу два слова (омонимичные слова), а создание таких производных омонимов обогащает словарный запас языка.

Омонимия и полисемия считаются типами двусмысленности, а не расплывчатости, то есть потенциальные интерпретации многозначных или омонимичных выражений образуют дискретный набор, а не непрерывный переход. Неопределенность, однако, также играет центральную роль в теоретическом осмыслении этих явлений и их определений: когда два значения слова настолько различаются, что их можно считать различными интерпретациями.

Таким образом, слово приобретает производные значения, отличные от его основного значения, и имеет тенденцию использоваться в разных значениях. Слово, имеющее разные значения, называется многозначным словом. Полисемия существует во всех тюркских языках. При исследовании словарных статей разных языков мира обнаруживается большое количество многозначных слов.

Многозначность – это тип лексической двусмысленности, при котором слово имеет множество различных, но взаимосвязанных толкований. За последнее десятилетие она стала предметом множества исследований в различных дисциплинах, включая лингвистику, психологию, компьютерную лингвистику, которые показали, что сложность многозначности исключает простые и универсальные ответы, особенно в отношении представления и обработки многозначных слов.

Хотя в настоящее время различие между омонимией и многозначностью уже не является четким, провести границу между ними стало еще сложнее, это ставит многозначность в уникальное положение, подчеркивая сложность явления и важность целенаправленных исследований в соответствии со строгими определениями и тщательной методологией. Большинство современных исследователей полисемии считают полезным, по крайней мере, проводить различие

между метафорическими и метонимическими расширениями смысла при категоризации своих материалов, в то время как другие исследователи даже явно указывают на конкретное исследуемое чередование слов, чтобы обеспечить возможность точных наблюдений. Однако ограничение объема исследования также ограничивает возможности обобщения его результатов, и в результате литература по многозначности часто колеблется между попытками широкого охвата ограниченным количеством материалов и подробными исследованиями очень специфических аспектов.

В данной работе мы придерживаемся той точки зрения, что произвольность языкового знака является относительной. Подтверждением тому служит, что с развитием общества и технологий меняются значения слов и эти изменения присутствуют в любом языке.

В данном случае означающее достаточно жестко определяется своим означаемым. Впоследствии, под влиянием различных языковых и лингвистических факторов, первоначальная мотивированность слова может постепенно стираться; в некоторых случаях, напротив, изначально немотивированные слова могут приобретать мотивацию в ходе их развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аппоев, Кетенчиев 2021 – *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Основные семасиологические характеристики арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарском языке // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 1 (34). – С. 316-320. – EDN: [TAVQRE](#).

Гузеев 2001 – *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 197 с.

Коркмазов 1974 – *Коркмазов К.* Горда бычакъ. – Ставрополь: Карачай-Черкес бёлюмю, 1974. – 246 с.

Кузнецова 1983 – *Кузнецова Э.В.* О структуре слова // Исследования по семантике. – Уфа, 1983. – 108 с.

Курилович 1962 – *Курилович Е.Р.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. – М.: ВУЗ: МГГУ, 1962. – 238 с.

Курилович 1955 – *Курилович Е.Р.* Заметки о значении слов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – 128 с.

Лепшокова 2020а – *Лепшокова С.М.* Язык как носитель национальной культуры // Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI Кирилло-Мефодиевские чтения). – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – 340 с. – EDN: [EUTVJY](#).

Лепшокова 2020b – *Лепшокова С.М.* Сверхфразовое единство как самостоятельная единица языка // Клычевские чтения: материалы научно-практической конференции с международным участием. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – 348 с. – EDN: [AWMBAN](#).

Прохорова 1980 – *Прохорова В.Н.* Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. – М.: изд-во МГУ, 1980. – 88 с.

Туркина 1977 – *Туркина Р.В.* Семантическая структура слова: учеб. пособие. – Калинин, Калининский гос. ун-т., 1977. – 300 с.

Шмелев 2008 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 278 с.

Юлдашев 1972 – *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 380 с.

REFERENCES

- APPOEV A.K., KETENCHIEV M.B. *Osnovnye semasiologicheskie kharakteristiki arabskikh i persidskikh zaимstvovaniy v karachaevo-balkarskom yazyke* [Main semasiological characteristics of Arabic and Persian borrowings in the Karachay-Balkar language]. In: Baltic Humanitarian Journal. – 2021. – Vol. 10. – No. 1 (34). – P. 316-320. (In Russ.)
- GUZEEV ZH.M. *Semanticheskaya razrabotka slova v tolkovy`h slovaryah tyurkskikh yazy`kov* [Semantic development of a word in explanatory dictionaries of Turkic languages]. – Nalchik: El`brus, 2001. – 197 p. (In Russ.)
- KORKMAZOV K. *Gorda by`chak`*. [Gorda bychak]. – Stavropol: Karachai-Cherkess belyumu, 1974. – 246 p. (In Karach.-Balk.)
- KUZNECZOVA E`.V. *O strukture slova* [On the structure of the word]. In: Research on semantics. – Ufa, 1983. – 108 p. (In Russ.)
- KURILOVICH E.R. *Derivaciya leksicheskaya i derivaciya sintaksicheskaya* [Lexical derivation and syntactic derivation]. In: Essays on linguistics. – Moscow: UNIVERSITY: MGSU, 1962. – 238 p. (In Russ.)
- KURILOVICH E.R. *Zametki o znachenii slov* [Notes on the meaning of words]. In: Questions of linguistics. – 1955. – No. 3. – 128 p. (In Russ.)
- LEPSHOKOVA S.M. *Yazy`k kak nositel` nacional`noj kul`tury`* [Language as a carrier of national culture]. In: Russian language and literature in the multilingual world: issues of study and teaching (XVI Cyril and Methodius readings). – Karachayevsk: Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, 2020. – 340 p. – EDN: EUTVJY. (In Russ.)
- LEPSHOKOVA S.M. *Sverxfrazovoe edinstvo kak samostoyatel`naya edinicza yazy`ka* [Super-phrasal unity as an independent unit of language]. In: Klychev readings: materials of a scientific and practical conference with international participation. – Karachayevsk: Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, 2020. – 348 p. – EDN: EUTVJY. (In Russ.)
- PROHOROVA V.N. *Polisemiya i leksiko-semanticheskij sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazy`ke* [Polysemy and lexico-semantic way of word formation in modern Russian]. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1980. – 88 p. (In Russ.)
- TURKINA R.V. *Semanticheskaya struktura slova: ucheb. Posobie* [Semantic structure of the word: textbook. Stipend]. – Kalinin: Kalininsky State University, 1977. – 300 p. (In Russ.)
- SHMELEV D.N. *Problemy` semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. – M.: Publishing House of LKI, 2008. – 278 p. (In Russ.)
- YULDASHEV A.A. *Principy` sostavleniya tyurksko-russkix slovarej* [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. – M.: Nauka, 1972. – 380 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Х. Ахматова – старший преподаватель.

Information about the author

F.Kh. Akhmatova – a senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 15.06.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ЩІэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-397-409
EDN: QQSZOS

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭР УЖЬЫХЫНЫМКІЭ, КІУЭДЫЖЫПЭНЫМКІЭ ШЫНАГЪУЭ ЗЫПЫЛЬ ІУЭХУГЪУЭ ЩХЬЭХУЭХЭР

Къэмбэчокъуэ Іэдэм Муштэхьид и къуэ

Бэрбэч Хь.М. и цІэр зезыхъэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет,
Налшык, Урысей, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Аннотацэ. Лэжыгъэр теухуаш къэбэрдей-шэрджэсыбзэкІэ дызэджэу лъэпкъым Іурыль бзэм и нобэрей щытыкІэм, къэгъэсэбэпыкІэм, джыкІэм, пщІэуэ иІэж хъуам ехьэлІа Іуэхугъуэ мытыншхэр зэхэгъэкІыным. Къэхутэныгъэр шедгъэкІуэкІым тегъэщІапІэ тщІа материалхэм ящыщ бзэ и лъэныкъуэкІэ къэралым иригъэкІуэкІ политикэр зэрызригъакІуэ нормативно-правовой актхэр, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэм къыщыдэкІ «Адыгэ псалъэ» газетым тет тхыгъэхэр, республикэм и нэгъуэщІ хыбарегъащІэ ІэнатІэхэм я адыгэ редакцэхэм я нэтынхэр. Лэжыгъэр шедгъэкІуэкІым дэ къэдгъэсэбэпаш зэгъэщІэныгъэ, кІэлтыплъыныгъэ, синтез, анализ къэхутэкІэ Іэмалхэр. Къэхутэныгъэр щыхьэт зэрытехъуэщи, бзэмрэ ар зыІурыль лъэпкъымрэ хэмыкІуэдэжыным и хэкІыпІэр лъэпкъыбзэхэр хъума зэрыхъун, абыхэм зэрызауэщІын къэралпсо программэ зэхэгъуауэ, бзэ политикэ къэштауэ абы ипкъ иткІэ Урысей Федерацим хиубыдэ лъэпкъ псоми я бзэм гъащІэм и Іуэхугъуэ нэхьыщхьэхэм зэхуэдэу къыщыбгъэсэбэп зэрыхъун социальнэ статус егъэгъуэтынырщ; щІэблэр анэдэльхубзэм ешэлІэжыным хуэфащэ гулъытэ лъыгъэсынырщ; анэдэльхубзэмрэ литературэмрэ курыт, нэхьыщхьэ еджапІэхэм шахухэха сыхьэт бжыгъэм хэгъэхъуэнырщ; бзэм езым иІэж зыужьыкІэм, лэжыкІэм щхьэзыфІэфІыгъэкІэ хэлэбэным, абы къэгупсыса Іуэхугъуэ зэхуэмыдэхэр залымыгъэкІэ хэпщэным цІыхубэ актылрэ къарукІэ пэщІэувэнырщ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: глобализация, бзэм и социальнэ статусыр, бзэ ужьыхыжхэр, лъэпкъыбзэ зэхуштыкІэхэр, бзэ политикэр, бзэм ехьэлІа Іуэхугъуэхэм я щытыкІэр.

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Къэмбэчокъуэ Іэдэм Муштэхьид и къуэ. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэр ужьыхынымкІэ, кІуэдыжыпэнымкІэ шынагъуэ зыпыль Іуэхугъуэ щхьэхуэхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 397-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-397-409. EDN: QQSZOS.

© Къэмбэчокъуэ І.М., 2024

Original article

ON SOME RISK FACTORS FOR THE EXTINCTION AND SUBSEQUENT DISAPPEARANCE OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Adam M. Kambachokov

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Abstract. This paper highlights the most important issues of the state and functioning of the modern Kabardino-Circassian language in impending globalization and the existing realities in the field of state language policy. The study examines the fundamental risk factors that, without appropriate drastic measures, will inevitably accelerate the process of extinction and subsequent disappearance of the Adyghe language. Material for the presented research was normative legal acts in the field of functioning, preservation and development of the languages of the peoples of the Russian Federation, journalistic materials of the republican newspaper “Adyghe Psal”, Kabardian broadcasts of radio and television of the Republic. The work uses descriptive, comparative research methods, synthesis, and analysis. Conducted research allows us to conclude that the most important condition for the preservation and development of minority languages, which include Kabardino-Circassian, is the implementation of a unified “protective” state language policy in the country, which would not only declare the legal and social status of the language but also provide a real opportunity for its use in official spheres with a guarantee translation, since an indispensable condition for the functioning of any language is its relevance to society; the suppression of the currently violent interference in the natural course of language development by introducing fictional terms into its vocabulary instead of established lexical units that native speakers actively use.

Keywords: globalization, social status of language, fading languages, ethnolanguage processes, language policy, language situation

For citation: Kambachokov A.M. On some risk factors for the extinction and subsequent disappearance of the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 397-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-397-409. EDN: QQSZOS.

© Kambachokov A.M., 2024

Научная статья

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ РИСКА УГАСАНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Адам Муштагидович Камбачоков

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, akamb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2184-0431>

Аннотация. В работе освещаются важнейшие вопросы состояния и функционирования современного кабардино-черкесского языка в условиях надвигающейся глобализации и существующих реалий в сфере государственной языковой политики. В ней рассматриваются основополагающие факторы риска, которые при непринятии соответствующих кардинальных мер неминуемо ускорят процесс угасания и последующего исчезновения языка адыгов. Материалом для представленного исследования послужили нормативно-правовые акты в области функционирования, сохранения и развития языков народов Российской Федерации, публицистические материалы республиканской газеты «Адыгэ псалъэ», кабардинских вещаний радио и телевидения Республики. В работе использованы описательный, сравнительный методы исследования, синтез и анализ. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что важнейшим условием сохранения и развития миноритарных языков, к которым относится и кабардино-черкесский, является реализация в стране единой «охранительной» государственной языковой политики, которая не только декларировала бы правовой, социальный статус языка, но и давала реальную возможность его использования в официальных сферах с гарантией перевода, поскольку непереносимым условием функционирования любого

языка является его востребованность обществом; пресечение имеющего место в настоящее время насильственного вмешательства в естественный ход развития языка путем внедрения в его словарный фонд выдуманных терминов вместо устоявшихся лексических единиц, которыми активно пользуются носители языка.

Ключевые слова: глобализация, социальный статус языка, угасающие языки, этноязыковые процессы, языковая политика, языковая ситуация.

Для цитирования: Камбачоков А.М. О некоторых факторах риска угасания и последующего исчезновения кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 397-409. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-397-409. EDN: QQSZOS.

© Камбачоков А.М., 2024

Дунейм тет дэтхэнэ лъэпкъми бгъэдэлъ щхьэхуэныгъэ пажэу, ар хамэхэм хэзымыгъэгъуащэ пщалъэ нэхъыщхьэу щытыр ЩIым кызыэрытехуэ лъандэрэ абы игъуэта дуней тетыхIэ, дуней еплыхIэ, гупсысэкIэ щхьэхуэмрэ ахэр зэрызригъэзахуэ и анэдэлъхубзэмрэщ. Аращ, шэч хэмылъу, «Бзэр зэзым нэхърэ нэхъ дыджщ, фом нэхърэ нэхъ IэфIщ, джатэм нэхърэ нэхъ жанщ» псалъэжми къежъапIэ хуэхъуар. Лъэпкъыр дунейм зэрытетынур и бзэр IэщIэкIыхуш. Сыт хуэдэ щытыкIэм ит атIэ абы и лъэныкъуэкIэ нобэрей ди къэбэрдей-шэрджэсыбзэр? Сытым хуэфI, сыт хуэдэ Iуэхугъуэ мышхьэпэхэри кыкъуэкIрэ абы и къэгъэсэбпыкIэм, лэжъэкIэм, зыужыкIэм зэран хуэхъуу? Дауэ а иужьрей Iуэхугъуэхэм кыздахъ насыпыншагъэм бзэри ар зыIурылъ лъэпкъри щыхъума зэрыхъунур? Абыхэм я зэхэыхнырщ мы Iэрытхым къалэн нэхъыщхьэу щызыхуэдгъэувыжар.

Нэхъ ди щIасэ Iуэхугъуэхэм я дежкIэ кыщыщIэдзэнщи, адыгэбзэм зиужьыным ехьэлIауэ иужьрей илъэс тIошIырыпщIым Республикэм щалэжъар зэ еплыхъуэкIэ мащIэкъым: 1995 гъэм Къэбэрдей-Балъкъэрым кыщаштауэ щытащ урысыбзэр, къэбэрдей-шэрджэсыбзэр, балъкъэрыбзэр зэхуэдэу къэра-лыбзэхэу къалытэн хуейуэ къэзыгъэу, «КъБР-м ис лъэпкъхэм я бзэхэм ехьэлIа Закон» зыфIаща документыр [Закон Кабардино-Балкарской... 1995]. 2003 гъэм и февралым и 8-м Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэи и Правительствэм кыдигъэкIащ «Об основных мерах по реализации Закона КБР «О языках народов КБР» на 2003-2006 годы» унафэр [Постановление Правительства... 2003]. Абыхэм япкъ иткIэ бзэщIэныгъэлIхэр, егъэджакIуэхэр, лъэпкъым кыхэкIа цIыху акъылыфIэ куэд зыхэт щIэныгъэ конференцхэр, нэгъуэщI зэIушIэхэр ирагъэкIуэкIащ; лъэпкъыбзэхэр сабий садхэм, курыт еджапIэхэм и пэщIэдзэ классхэм щрагъэджыну иужь ихьахэщ. Уеблэмэ къулыкъушIэхэм бзитI – урысыбзэрэ адыгэбзэрэ е урысыбзэрэ балъкъэрыбзэрэ – ящIэн хуейуэ Iуэху гуэрхэри къалэнтауэ щытащ. Къэбэрдей-шэрджэс, балъкъэр литературэхэр курыт еджапIэхэм зэрыщаджын учебник щхьэхуэхэр кыдагъэкIащ. Лъэпкъыбзэхэр джынымкIэ сабийхэм компьютерхэр щIэгъэкъуэн къащIын хысэпкIэ литературэм, IуэрыIуатэм щыщ материал щхьэхуэхэр дискетэхэм тету кызыэрагъэпэщаш. Республикэм ЩIэныгъэмкIэ и министерствэм, жылагъуэ организацэ щхьэхуэхэр хэту, «Си бзэ, си псэ, си дуней» конкурсыр илъэс бжыгъэкIэ иригъэкIуэкIащ. Иужьрей зэманым къриубыдэу кыдэкIащ ады-

гэбзэм и лексикэр хъума хъунымкIэ мыхьэнэ ин дыдэ зиIэ псалъалъэ зэмылIэужьыгъуэхэр: Адыгэбзэм и псалъэгъэнахуэ [БищIо, 2015], Урыс-адыгэ псалъалъэ ин [Урыс-адыгэ... 2018], Адыгэбзэ синонимхэм я псалъалъэ [Адыгэбзэ синонимхэм... 2020], КIыщокъуэ Алим и бзэм и псалъалъэ [КIыщокъуэ Алим... 2022], н.

Ауэ а лэжыгъэ щхьэпэхэм щыщ куэдэр гъээщIа зэрыхъуам кыдэкIуэу жыIэн хуейщ Къэбэрдей-Балъкъэрым, Урысей Федерацим хиубыдэ адреи лъэпкъ республикэхэм хуэдэу, зэгуэрым жыджэру щрахъэжъауэ щыта лъэпкъыбзэм ехьэлIа апхуэдэ Iуэхугъуэхэр зэрыщIэужьыхэжар. Псалъэм папщIэ, тхылъымпIэм зэрытетам хуэдэ дыдэу кьэнэжаш, ягъээщIатэмэ, икьукIэ мыхьэ ин дыдэ зиIэну щыта, ищхьэмкIэ зи гугъу щытщIа, 2003 гъэм и февралым и 8-м Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэи и Правительствэм кыдикъэкIауэ щыта «Об основных мерах по реализации Закона КБР «О языках народов КБР» на 2003-2006 годы» [Постановление Правительства... 2003] унафэр, нэхъуэщI Iуэхугъуэхэр.

Ахэр Къэбэрдей-Балъкъэрым щимызакъуэу зэрыкъэралу икIэщIыпIэкIэ кыщыIэтыжын хуей, лъэпкъхэр лъэпкъыу кызытэтенэнымрэ лъэужьыншэу зэманым хэкIуэдэжынымрэ я зэхэкIыпIэу щыт Iуэхугъуэшхуэхэщ.

Лъэпкъыбзэхэм зауужьыным, е, нэгъуэщI мыхьуми, ахэр кызытэтенэным зи дамэр щIэзымыгъакъуэу мы зи гугъу тщIа Iуэхугъуэ щIэужьыхэжахэм нэмыщI иджыри шынагъуищ щыIэщ, зызэщIэткъуэрэ дапэмыувмэ, бзэм и лъапсэм псы ирагъэжыхьыжыну. Мы кьэкIуэнухэрщ ахэр.

Иужьрей зэманым дунейр зыщIэзыщтэ хъуауэ глобализациекIэ зэджэ Iуэхугъуэм лъэпкъхэм, уеблэмэ кьэралхэм яку дэт гъунапкъэхэр ирегъэкIуэтэкIри дунейм тет экономикэри, IуэхущIэкIэри, гупсысэкIэри зэкIэлъыгъэсу, кызытэщIикъуэрэ зы пщальэм зэрыхуигъэкIуэным хуелэу утыкур еубыд. Абы хузэфIэкI хъуащ ЩIы хъурейм и кIапэ зэпэщхьэхуэхэм щыпсэу лъэпкъхэр зэпэгъунэгъу зэхуищIыну, цIыхухэр я унэ щIэсу, я хэку исыжхэу нэгъуэщI кьэралхэм щеджэ, лэжыгъэ щхьэхуэхэр щызэфIагъэкI хъуну, лъэпкъ зэхуэмыдэхэм кыхэкIауэ кьэрал зэпэлэщIэхэм щыпсэхуэм я гъащIэ еплъыкIэр хэпщIыкIыу нэхъ зэрипхыну, лъэпкъыбзэхэм и словарнэ фондым зэхъуэкIыныгъэхэр хильхьэну.

Ауэ дунейжыр зы кьупхьэм кызыгъэджэлыкIыну щIэкъу глобализацием кыздехьыр лъэхьэнэ мыжыжьэм кьриубыдэу лъэпкъ цIыкIухэм лъапсэрыхыр къахуэзыгъэкIуэну насыпыншагъи: абы машIэ-машIэурэ кыIэщIихынущ лъэпкъыр лъэпкъ зыщIыжу игъащIэ лъандэрэ кыдэгъуэргурыкIуэ и дуней еплъыкIэ, дуней тетыкIэ щхьэхуэр, и гъащIэ философиер, и хабзэхэр, псом ящхьэжырщи – бзэр. А псор зыбгъэдэмылбыж цIыху гупу щIыпIэ хэхам щыпсэхуэм лъэпкъкIэ уеджэжыныр игъуэджэщ: ахэр щIэх дыдэ яхэшыпсыхьыжынущ зи бзэм иризэпсэлъэн кьудейкIэ зэфIэмыкIыу нэгъуэщI социальнэ кьалэнхэри иризыгъэзашIэ (щIэблэм щIэныгъэ ирезыгъэгъуэт, кьэрал Iуэхухэр ирызыхьэ, н.) лъэпкъышхуэхэм. Абы и лъэныкъуэкIэ гузэвэгъуэ кыуагъэщтапэр мы бжыгъэхэм: бзэуэ е диалекту 277-м ирипсалъэу нобэ ди кьэралым щыпсэу лъэпкъи 193-м яхэтщ зи цIыху бжыгъэр машIэ дыдэ хъуа, уеблэмэ хэкIуэдэжыпэ лъэпкъхэр. 2010 гъэм ЮНЕСКО-м «Дунейм бзэуэ тетым щыщу

кIуэдыжыпэнкIэ шэч уэзыгъэщIхэм я атлас» фIищу кыдигъэкIа къэхутэныгъэ лэжыгъэм кызырыщыгъэлъэгъуамкIэ, Урысейм щыпсэу лъэпкъ мащIэхэм ящыщу 19-м я бзэр, ухуэмысакъыпэмэ, кIуэдыжынухэм яхыхъэнущ, 40-р кIуэдыжхэм яхэтщ, 28-р кIуэдыжыпэнкIэ шынагъуэшхуэ щыIэщ, 27-р къэгъазэ ямыIэу мэкIуэдыжыпэ, 14-р кIуэдыжыпаш [Атлас языков... 2010].

Лъэпкъыу дунейм тетым я зыужыныгъэм лъабжэ хуэхур, щIэныгъэлI Борзаевэ Б.Б. тэмэму гу зэрылтитащи, абыхэм ящыщ дэтхэнэми зым ейми хэмыгъуащэу езым и культурэ, хабзэ, дуней тетыкIэ, и бзэ иIэжынырщ, ахэр Iэмал имыIэу хъумэнырщ, зыр адреим нэхъ къулей ищIу зэдэгъэлэжъэнырщ, армыхъумэ зы лъэпкъым кыдэгъуэгурыкIуэ культурэр адреим зыщIишэу лъэрымышь хъуар кIуэдэжыпIэ иригъэхуэныркъым [Борзаева 2021: 158].

Зи гугъу тщIы глобализацием нэхрэ нэхъ шынагъуэжу шэч уигъэщIу, икIэщIыпIэкIэ зэфIэгъэкIын хуейуэ, армырамэ, лъэпкъкIуэдыр къытхуэзыхыфыну щыIэщ иджыри IуэхугъуитI, абы щыщ дэтхэнэми Iуэхугъуэ зэхуэмыдэ зыбжанэ кызыэщIиубыдэжу. Япэр – хэкум ис лъэпкъ цIыкIухэм къадэгъуэгурыкIуэ зэхэтыкIэ, хабзэ, бзэхэр хэмыкIуэдэжын папщIэ абы къащхъэщыжын (ауэ нобэкIэ щымыIэ) къэралпсэ бзэ политикэ ткIий къыхэлъхъауэ пхыгъэкIынырщ. ЕтIуанэр – езы лъэпкъ цIыкIухэм щыщ дэтхэнэми – адэ-анэхэми, сабийхэми, егъэджакIуэхэми, къулыкъушIэхэми, щIэныгъэлIхэми, журналистхэми, тхакIуэхэми – псоми къалыкъуэкIынкIэ хъуну насыпыншагъэр хъэкъыу я фIэщ хъужу я бзэр яхъумэжыным яхузэфIэкIыр хуалэжынырщ.

Нэхъ гупсэхуу дыккъытеувыIэнти тIуми. Нэхъ ищхъэIуэкIи кызырыщыдгъэлъэгъуащи, Къэбэрдей-Балъкъэрыр къапщтэмэ, республикэм иужьрей зэманым лэжыгъэ щхъэпэ зыбжанэ щызэфIагъэкIащ абы щыпсэу лъэпкъхэм я бзэм, культурэм, литературэм зиужын и лъэныкъуэкIэ: щIэблэм анэдэлъхубзэр егъэджыныр сабий садхэм къыщыщIадзащ, курыт еджапIэхэм я пэщIэдзэ классхэм щыпащаш, бзэм, литературэм нэхъ дихъэххэм лэжыгъэ щхъэхуэхэр драгъэкIуэкI хъуащ, еджакIуэхэм щIэныгъэ зэрырат программэхэр пIалъэкIэрэ къапщытэ, учебникхэр хузахэгъэувэ.

Ауэ щIэблэм щIэныгъэ зэрыбгъэдэлъхъэпхъэ системэу республикэм щыIэр, къэралым и адреи хэгъэгухэми ейм хуэдэ дыдэу, и лъащIэм нэс къэтIэщIауэ, абы ныкъусаныгъэу хэлъыр сэтэй къэщIауэ егъэфIэкIуэн, уеблэмэ щIэрыщIэу зтеублэжын хуейщ. Апхуэдэ гупсысэ хьэлъэхэм ухуэзышэр ди еджапIэхэр къэзыух щIалэгъуалэм анэдэлъхубзэ и лъэныкъуэкIэ ябгъэдэлъ щIэныгъэм жыжъэуи арэзы узэрымщIырщ. Абы и щыхъэтщ сабийхэм школыр къыщаухкIэ бзэмкIэ ят экзаменхэр, еджапIэ нэхъыщхъэ щыщIэтIысхъэкIэ драгъэкIуэкI къэпщытэныгъэхэр къазэрехъэлъэкIыпэр.

ГушIыхъэщ балигъыпIэм иува адыгэ щIалэгъуалэм щыщ куэдым я псэлъэкIэр зэхэпхыну: адыгэ псалъэхуар тэмэму яхуэхуэркъым, я гупсысэр гъэхуауэ къахуэIуатэркъым, литературэбзэр къэнауэ, ауэ кызырыгуэкI псэлъэкIэ къудейм дежи гуемыIуныгъэ зыщIэлъ е щхъэусыгъуэншэу хамэбзэхэм къыхаха псалъэхэр къызэбэкI, икъукIэ егъэлъэхъшэха стилкIэ мэпсалъэхэр. Нэхъыщхъэрщи, адыгэбзэр ахэр кызыыхэкIа лъэпкъым и купсэу, и

гъащIэу зэрыщытыр, бзэр щымыIэжмэ, лъэпкъри зэрыхэкIуэдэжынур акъылкIи псэкIи зыхащIэркъым.

Сыт-тIэ а насыпыншагъэм къежъапIэ хуэхъур? КъыщыщIэддзэнщ унагъуэм. Ди жагъуэ зэрыхъунщи, адыгэ унагъуэ куэдым ис балигъхэр зэрызэпсалъэр анэдэлъхубзэкъым. Абы щIапIыкI сабийм и гъащIэм и япэ дыдэ илъэсхэм къыщыщIэдзауэ Iурылъ хъури зыхилъхъэри хамэ лъэпкъхэм я бзэрэ я хабзэщ, я дуней еплъыкIэрщ. Махуэ псом сабий садым урысыбзэкIэ фIэкIа щызэмыпсалъэ и ныбжьэгъу цIыкIухэм къахэкIыжу пщыхъэщхэм и унагъуэ екIуэлIэжа сабийр аргуэру зыхэхуэжыр урысыбзэрщ е урысыбзэрэ адыгэбзэу зэхэджа зэпсалъэкIэрщ. Ар къыдокIуэтей, школым макIуэри адыгэбзэ урокхэр къехъэлъэкI мэхъу. Гугъу зыдригъэхъу еджэнущи, абы щIыхущIэкъун щхъэусыгъуэ иIэкъым: адыгэбзэр зыкIи къыхуэсэбэпынукъым школ нэужьым еджапIэ нэхъыщхъэ щыщIэтIысхъэкIи IэщIагъэ игъуэта нэужь и карьерэм хигъэхъуэн щхъэкIи, уеблэмэ зэран къыхуэхъупэу егъэу: зэи зыхуэмеину къилъытэ анэбзэм къыпэкIуэ оценкэ лъахъшэхэм еджапIэр къызэриух тхылъыр «фае ящI».

Зи быным и къэкIуэнум анэдэлъхубзэр зэран фIэкIа сэбэп хуэмыхъуну къэзылътэ адэ-анэми я сабийр адыгэбзэм хурагъаджэркъым – еджапIэм и унафэщIым и цIэкIэ лъэIу тхылъ ятхри адыгэбзэм и пIэкIэ нэгъуэщIыбзэ ирагъэджын щIадзэ. Нобэ къэралым къыщекIуэкI хабзэ и лъэныкъуэкIэ абы пхуещIэн щыIэкъым: хэкум ис дэтхэнэми хуитыныгъэ иIэщ сыт хуэдэ лъэпкъыуи зригъэтхыну, сыт хуэдэ бзэр и гъащIэм нэхъ сэбэп къыщыхуэхъуну къыфIэщIми, ар и анэдэлъхубзэу къилъытэну икIи школым щиджыну.

Бзэ, хабзэ и лъэныкъуэкIэ лъэпкъым щIэныгъэ егъэгъуэтыныр къэзылътэхъэ, зытхъэлэпэ Iуэхугъуэхэм ящыщI анэдэлъхубзэр курыт, нэхъыщхъэ еджапIэхэм зэрыщаджын учебник, учебнэ пособие, монографии, нэгъуэщI щIэныгъэ лэжыгъэхэр зэхэгъэуваным, къыдэгъэкIыным хуэунэтIауэ къаутIыпщ мылкъур зэрымащIэ дыдэр.

Курыт еджапIэхэми еджапIэ нэхъыщхъэу лъэпкъ цIыкIухэм я бзэмрэ литературэмрэ щаджхэми а предметхэм сыхъэт бжыгъэу хухэхауэ щытам кIэрачурэ апхуэдизкIэ мащIэ ящIащи, абы къриубыдэм щIэблэм щIэныгъэ куу ептын къэнауэ бзэмрэ литературэмрэ я Iуэхугъуэ нэхъыщхъэхэм ауэ щхъэщегъэльтэфэуэ утепсэлъыхъыну пхурикъу къудейщ.

Лъэпкъым длэжыжу иджыри зы Iуэхугъуэ мыщхъэпэ. УегъэгумэщIыр адыгэбзэмыщIэ-урысыбзэщIэкъуу къэхъуа ди языныкъуэ унафэщIхэм зи дзэ яхуэш къызэгъэпэщакIуэ щхъэхуэхэм зэфэзэщу адыгэ фIэкIа зыхэмыт зэIущIэхэр адыгэбзэкIэ ирамыгъэкIуэкIыу куэд дыдэрэ узэрырихъэлIэм.

Лъэпкъыбзэм и пщIэр, «и щIэупщIэр» езыгъэхуэхыпэ Iуэхугъуэхэм ящыщI абы социальнэ къалэн зэрымыгъэзащIэр, уи гурылъ иризэхуэпIуатэ мыхъумэ, къэралым щекIуэкI официальнэ Iуэхугъуэхэм щыщ гуэри иризэфIэбгъэкI зэрымыхъур. Бзэм апхуэдэ хуитыныгъэ игъуэту лъэпкъым хуэлажъэ мыхъумэ, сыт хуэдиз тхылъ, псалъалъэ къыдэбгъэкIкIи, абы и джыным хуэхэха сыхъэт бжыгъэхэр хэбгъахъуэкIи абы и кIуэдыжыгъуэр къызэрыпхузэтумыгъэувыIэжыфынум шэч хэлъкъым. Ди бзэр и лэпсым ховыхъыжри нэгъуэщI щIыпIэ къэгъэсэбэпыныгъэ щигъуэтыркъым.

Урысыбзэм кыдэкIуэу, Закон щхьэхуэкIэ Къэбэрдей-Балъкъэрым къэралыбзэу кыщалгыта къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ къэрэшей-балъкъэрыбзэмрэ нобэ республикэм и къэрал IуэхушIапIэхэм официально-Iуэхухеыхьэныгъэ къалэн я пщэм кыщIыщыдэмышуэм и щхьэусыгъуэр бзэшIэныгъэлIхэу Башиева С.К., Улаков М.З., Хьэмдэху Ж.Хь. сымэ зыхалъагъуэр къэралым и республикэхэм шызыкIуэ федеральнэ документхэр урысыбзэкIэ фIэкIа бгъэхьэзырмышуэну зэрагъэувамрэ официальнэ Iуэху зехьэкIэр анэдэлъхубзэкIэ зэредгъэкIуэкIын терминологическэ базэ иджыкIэ зэрыдимылэмрэщ. А щIэныгъэлIхэм къалгытэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэмрэ къэрэшей-балъкъэрыбзэмрэ, дауэ мыхъуми, ягъэзэшIапхъэ социальнэ къалэнхэм зэрыхэгъэхуэным ерышу и ужь итыпхъэу. Арыншамэ къэралыбзэ зэрыфIаща къудейм щхьэкIэ абыхэм я зыужыныгъэм хэхъуэнуIакъым [Башиева и др., 2016: 87-88].

Лъэпкъыбзэм и кIуэдыжыгъуэр кызырыкIынкIэ шынагъуэ зыпылъ кыкIэлъыкIуэ Iуэхугъуэр хьарзынэу зэтеубла хъуа анэдэлъхубзэм и лэжьэкIэм лъэпкъым щыщ цIыху щхьэхуэхэм я щхьэзыфIэфIыгъэкIэ зэхуэкIыныгъэ къемызэгъхэр халъхъэу кызыраубларщ. Зы лъэпкъи дунейм теткъым культурэ, сату, зауэ, дин, н.кь. хуэлухуэщIэ гуэркIэ пыщIэныгъэ зыхуиIэ хъуа нэгъуэщI лъэкъхэм къагъэсэбэп псалъэхэм ящыщ и бзэм кыхэхыхъауэ. Ар ижь лъандэрэ дуней псом шызыкIуэ хабзэщ, бзэм зригъэуэщIу, абы и «словарный фондкIэ» дызэджэр къулей ищIу. Апхуэдэ щIыкIэкIэ адыгъэбзэми куэд дыдэу хэт хъуащ урыс, тырку, хьэрып, къажэр, куржы, нэгъуэщIыбзэхэм кыхэхкIа псалъэхэр. Ди гъунэгъу лъэпкъхэм къахэтхам я гугъу умыщIыххэ. Ахэр бзэм кыиштэщ, игъэткIури езым хэт псалъэ аслъыхэм хуэдэ дыдэ къэгъэсэбэпыкIэ яригъэгъуэтыжащ. Ахэр кыиштащ икIи фIэфIу кыигъэсэбэп хъуащ бзэр зыIурылъ лъэпкъми. Абы кыдэкIуэу, лъэпкъым щыщ цIыху щхьэхуэхэм залымыгъэкIэ я бзэм хагъэхъэну я мурада нэгъуэщIыбзэ псалъэхэр е псалъэ IэрыщIхэр бзэм зыхидзыжурэ къэгъуэгурькIуащ: хэзагъэркъым залымыгъэр сыт хуэдэ бзэми. Абы и щыхьэт нэрылъагъуш нэгъуэщIыбзэхэм кыхэхкIа, ауэ урысхэм яфIэфIыпсу къагъэсэбэп хъуа «калоши», «бульвар», «бильяд», «тро-туар», нэгъуэщI псалъэхэр урысыбзэм «мокроступы», «гульбище», «шаротык», «топталище» хуэдэхэмкIэ щызэхуэкIыпхъэу XIX лIэщIыгъуэм и 30 гъэхэм Урысейм кышпрахъэжъауэ шыта Iуэху бгъэдыхьэкIэм ауаныщIрэ щIэнэкIагъэрэ фIэкIа мыхьэнэ лъэпкъ кызыэрымькIыгъар.

Ди жагъуэ зэрыхъунщи, абы дерс кыхэхэзымыха, а бзэ хабзэ ткIийр кызыгурымыIуэ, нэхъеижырщи – абы шымыгъуазэххэ, ауэ анэдэлъхубзэм и словарнэ фондыр залымыгъэкIэ «езыгъэфIэкIуэну» илъэдэкъэщыкI адыгэлI щхьэхуэхэр ноби кытхокI. Апхуэдэхэм кыхалъхъэ «егъэфIэкIуэныгъэхэр» зэбгрызыхыр цIыхубэм ядэлэжьэну зи пщэ кыдэхуэ хьыбарегъащIэ IэнатIэхэрщ. Ауэ зыщыгъэгъупшапхъэкъым мыри: «Бзэр зыIурылъ лъэпкъым игъэкъабыла бзэ хабзэхэр, жыIэкIэхэр «егъэфIэкIуэныгъэ» мурадкIэ Iумпэм щIыным, ахэр хъуэжыным кыхуеджэныр – анэдэлъхубзэр икIэщIыпIэкIэ дунейм зэрегъэхыжыным хуэунэтIа кыхуеджэныгъэщ» [Лазуткина 2017: 54].

Лъэхъэнэ кIыхьым къриубыдэу зэхэува, зэтеубла хъуа бзэм и лэжьэкIэм щхьэзыфIэфIыгъэкIэ ухэлэбэным кыишэну насыпыншагъэхэм ягъэгумэщIу дуней псом цIэрыIуэ щыхъуа еджагъэшхуэ куэдыр хуэкIуащ мыпхуэдэ

гупсысэхэм: «Бзэм езым илэж зыужыныгъэм ухэлэбэныр щлэпхъэджагъэ зыпыль Іуэхугъуэщ. Абы анэдэлъхубзэр зэтрикътэнымклэ шынагъуэшхуэ пылъщ» [Бодуэн де Куртене 1963: 140]. «Зыми хуитыныгъэ бгъэдэлъкъым лъэпкъым езым и бзэм хилъэгъуэну зыхуэмей гуэри абы и псалъэкІэм хилъхъэну» (Потебня А.А.) [Кручинина 1998: 14]. «Бзэм и лэжьэкІэ тэмэмым ущлэбэныным къикІыр бзэм и псэм, нэгъуэщІу жыплэмэ зэрызиужь хабзэхэм зэран хуэхуэ Іуэхугъуэ псоми пэщІэувэнырщ» [Ожегов 2001: 431].

АтІэ сыт хуэдэ «егъэфІэкІуэныгъэкІэ» нобэ зэрагъэунэну и ужь итхэр нарт пшыналъэхэр зэрыуса, усэкІэ тха роман нэгъунэ зэрызэхэлъхъа адыгэбзэр? Ар щІыкІитІ мэхуэ. Япэр – зэгуэрым хамэбзэхэм къахэкІыу ди бзэм къищта, зыхигъэзэгъа, лъэпкъым къигъэсэбэп псалъэ щхъэхуэхэр нэгъуэщІыбзэ гуэрым къыхэкІа фІэщыгъэцІэкІэ зэхъуэкІынырщ: документ – дэфтэр; печать – мыхъур, н. Мыпхуэдэ псалъэхэм ящыщу зи плэ ирагъэуэвэнум нэхърэ я плэ ирагъэуэвэнухэр сытклэ нэхъ щІагъуэу плэрэ?

«ЕгъэфІэкІуэныгъэм» и нэгъуэщІ бгъэдыхъэкІэ «телъыджэщ» бзэм къыхыхъа хамэбзэ псалъэхуэ мыхъэнэ зэпэгъунэгъу къэзыгъэлъагъуэ, ауэ контекстым щыхыхъэм и деж мыхъэнэ зэпэщхъэхуэ къызэрыкІ псалъэ гупыр зэфзэщу зы адыгэ псалъэкІэ зэрахъуэкІ зэрыхъуар. Псалъэм папщІэ, *къудамэ* зытетыр жыгырщ. Ауэ а псалъэм кърагъэІуэтэну иужь итхэщ *отдел, отделение, бригада, подразделение, факультет, институт*, н.к. псалъэхэм япкърылъ мыхъэнэ зэтемыхуэхэр. Феплът: КПРФ-м и Къэбэрдей-Балъкъэр *къудамэм* и унафэщІым КъБР-м и ХэхакІуэ комиссэм фІыщІэ хуищІащ хэхыныгъэхэм зыщыхуагъэхъэзырым зэпымууэ зэрадэлэпыкъуам папщІэ [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. КъекІуэллэхэр я Іуэху еплъыкІэхэмклэ зэхъуэжаш, мэкъумэш *къудамэмрэ* мэкъумэш-промышленнэ комплексырэ бжыгъэр зи тегъэщІаплэ иджырей Іэмэпсымэхэмклэ къызэгъэпэща зэрыхъуну Іэмалхэм епха я жэрдэмхэр къыхалъхъащ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. КъБР-м щыІэ УФССП-м Бахъсэн къалэмрэ Бахъсэн районымрэ щІэ *къудамэм* Іуэху къаІэтащ алимент щІыхуэр зытрезыгъэхъам егъэпшыныжынымклэ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. Жылэм дэт курыт еджаплэр къиуха нэужь, ар щеджаш Витебск (Белорусие) щыІэ индустриальнэ педагогикэ техникумым, КъБКъу-м тхыдэмрэ филологиемрэ щадж и факультетым адыгэбзэмрэ литературэмклэ и *къудамэм*. [Адыгэ псалъэ, 2024: 111 (24.705)].

Апхуэдэщ *ректор, директор, заведующий, управляющий, начальник, командир, командующий* жыхуэтІэхэм ящыщ дэтхэнэм и плэкІи «руководитель» мыхъэнэ къызэрыкІ *унафэщІ* псалъэр къэгъэсэбэпыпхъэу къызэрагъэувари. Ар къемызэгъщ, псалъэр жызыІэм и гупсысэр гъэхуауэ, зэхэщІыкІыгъуафІэу и псалъэгъум деж нихъэсыным и плэкІэ гупсысэр зыгъэбгъунлъэ, зэщхъэщызыху къэІуэтэкІэщ, узыхуэмейщ. Армырамэ, къезэгъыу къэлъытапхъэщ *заведующий фронтом, командир фермы* жыІэгъуэ хъэдыгъуэдахэхэм хуэдэхэри. Щапхъэхэр: Частым и *унафэщІхэм* зэрыжаІэмклэ, щІалэхэр хущІокъу дзэ къулыкъум хиубыдэ ІэщІагъэхэр нэхъ нэгъэсауэ зэрызрагъэхъулэным [Адыгэ псалъэ, 2022: 137 (24.419)]. «Эльбрус» корпоратив *университетым* и *унафэщІ* Айбазовэ Тамарэ я ІуэхушІаплэм и лэжьыгъэм и гугъу ищІащ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. Псом хуэмыдэу мы гъэм сабийхэм гулъытэ нэхъыбэ

яхуэтцIащ, нэгүзүжь джэгуклэ зэмылIэужьыгүуэхэр программэм хэдгээхьэри, – жиIащ Налшык кьалэм зеггэужьынымкIэ «Платформа» институтым и унафэцI Шыхуэстэн Оксанэ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)].

Апхуэдэ дыдэщ *сход, слет, съезд, встреча, совещание, собрание, форум* мыхьэнэхэр кьраггэкIыу псом я пIэкIи зэхыхьэ псалъэр кьахь зэрыхьуари: Мыггэррей зэхыхьэр траухуащ КьБР-м и кьэралыгүуэм и махуэмрэ Налшык кьалэр илгэс 300 зэрырикьумрэ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. *Зэхыхьэм* екIуэлIахэм я нэгү зиужьауэ, удз гьэггэ лIэужьыгүуэхэм зыхаггэгүуэзауэ, абыхэм ятеухуауэ цIэ куэд кьащIауэ зэбгрыкIыжащ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)].

Территория, район, муниципальное образование, область, республика, край жыхуэтIэ гурыIуэгүуэхэм ящыщ дэтхэнэри кьраггэкIыу ди хьыбареггэащIэ IэнатIэхэм зэпымужыххэу кьаггэсэбэп хьуащ *цIыпIэ* псалъэр. Ауэ *цIыпIэ*-м кьызэщIиубыдэркьым икIи кьыIуатэркьым а терминхэм япкьрыль мыхьэнэр: Курск *цIыналгэм* и гьунапкьэхэм деж щыс кьуажэхэм я сабийхэращ зэхуэтхьэсахэр зыхуедггашэр». [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. Кьэралми *цIыналгэми* заужьынымкIэ Iуэхум фIыуэ хэзыщIыкI IэщIаггэлIхэм мыхьэнэшхуэ яIэщ [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. Дауи, дыхуейщ нобэ хэтх ди депутатхэр цIыхубэм яхуэфэщэну, абыхэм я дзыхь кьызэрыраггэзыр яггэпэжыну, *цIыналгэм* и псэукIэр еггэфIэкIуэным гурэ псэкIэ елэжыну. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. Урысейм щыщ *цIыналгэхэу* Кавказ Ищхьэрэм, Ипщэ округым, Индыл Iуфэм, Донецк, Луганск республикэхэм зэхьэзэхуэм хэтыну кьыкIахэмрэ ар зэзыггэпэщахэмрэ фIэхьус гуапэкIэ захуиггэзащ КьБР-м и Iэтащхьэм. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. *ЦIыналгэм* исхэр Iуэхум жыджэру зэрыхэттар щыхьэт тохьуэ я пщэдейр убзыхуным гудзакгэ зэрыхуаIэм. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. *ЦIыналгэм* и Iуэху зезыггакIуэ операторым и лэжыггэм зэхьуэкIыныггэ кьыхэхуэмэ, абы щыггүазэ зыщыфщIыфынууш. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)]. КьБР-м спортымкIэ и министр Хьэсанэ Ислгэм, Тэрч *цIыналгэм* и администрацэм и унафэцI Хьушт Аслгэнбий, УФ-м футболымкIэ и федерацэм и тхьэмадэ Мэшыкьуэ Аслгэн сымэ япэ увьпIэр кьэзыхьа «Родник» командэм и топджэгухэм иратащ КьБР-м и Iэтащхьэм и цIэкIэ яггэува Кубокымрэ медалхэмрэ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)].

Анэдэлгхубзэм хэзэггэуэ, кьэбэрдейхэми шэрджэсхэми махуэ кьэс кьаггэсэбэпу кьэггүэгурыкIуэ *искусствэ, культурэ, патриотизм, холодильник, проект, телефонкIэ псэлгэн, природэ, руль, сабий сад*, нэггүэщI псалъэ, псалъэ зэпха куэдыр напIэзыпIэм Iумпэм ящIри абыхэм я пIэкIэ псалъэ IэрыщI хьушэ кьагупсысащ: *ггүазджэ, цэнхабзэ, хэкупсэ, псэкупсэ, цIыIэлгэ, пэхуэцIэ, екIэпсэуэн, цIыуэпс, гьэзалгэ, пIурэц, нэггүэщIхэр*: СурэтыщIым кьыщIэна лэжыггэхэм ящыщу утыку кьрахьахэм кьыщыггэлггүэужащ Кьэбэрдей-Балкькьэрым и *цIыуэпсым* и дахаггэр, щэху куэд зыхьумэ Iуашхьэмахуэ лгэпэ, ди бгы уардэхэр, мылылгэхэр. [Адыгэ псалъэ, 2024: 100 (24.694)]. Шаваев Илгэс Паго и кьуэр КьБР-м *цIыуэпс* хьуггүэфIыггүуэхэмрэ экологиемкIэ и министрщ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 108 (24.702)]. «ПсэупIэмрэ кьалэ щыIэкIэмрэ» лгэпкь *пэхуэцIэм* хыхьэ «Кьалэхэм ущыпсэуныр тынш щIын» кьэрал про-

граммэм и фЫгьэкІэ 2030 гъэм ирихьэлІэу цІыхухэм я псэукІэр хуэдэ 1,5-кІэ ирагьэфІэкІуэн мурадхэр щыІэщ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 111 (24.705)]. Налшык дэт «Азимут» зыгъэпсэхупІэм фокІадэм и 11-м щызэхэтащ «ХабзэкІэ цІыхубэм къадекІуэкІу, Урысейм шызекІуэ *псэкупсэ* лъапІэныгъэхэр дин зэгухьэныгъэхэм цІыхубэм зэрыбгъэдалъхьапхьэ Іэмалхэр» стІол хьурейр. [Адыгэ псалъэ, 2024: 111 (24.705)]. Ахэр «Урысей зэкъуэт», КПРФ, «Захуагъэ здэщыІэ Урысей – *Хэкупсэхэр* – Пэжагъым и тельхьэу», ЛДПР, «Новые люди», «ЩхьуантІэхэр» партхэм я лЫкІуэхэщ. [Адыгэ псалъэ, 2024: 109 (24.703)].

Уеблэмэ урысыбзэм Интернетым и пІэкІэ къыщагъэсэбэпу узрихьэлІэ *всемирная паутина* образнэ жыІэкІэр *дунейпсо бэджыхькІэ* зэрадзэкІыжри ари бзэм хапщэну и ужь ихьахэщ. Мы дунейм тет лъэпкъышхуэхэм лІэщІыгъуэкІэрэ къадэгъуэгурыкІуэ мазэцІэхэри адыгэхэм ди деж хьэрэм щыхьури, зыми дахэмыгъуэщэн щхьэкІэ ахэр зи мыхьэнэр мыбелджылы *шыщхьэІу, накъыгъэ*, е «пора сенокоса», «время охоты» къызэрыкІ *мэкъуауэгъуэ, щакІуэгъуэ* хуэдэхэмкІэ яхьуэжащ. Абы шыгъуэми мэкъуауэгъуэу е щакІуэгъуэу къэгъуэгурыкІуэ лъэхьэнэхэр апхуэдэ фІэщыгъэцІэ къызыхуагъуэта мазэхэм къриубыдэ къудейми, зыгуэртэкъэ! Илъэс тІоцІ хьуащи, къагупсысахэр лъэпкъым Іуральхьэну мэныкъуакъуэхэр. Ауэ бзэм зыхилъхьэркъым, цІыхуми къагъэсэбэпыхьэркъым: адыгэхэм я дежкІэ ноби природэр природэщ, культурэр культурэщ, апрелыр апрелщ, декабрыр декабрщ, рулыр рулщ.

Зыщ мыгурыІуэгъуэр: сыт хуэдэ Іуэху еплъыкІэм тету къызэрыхахар «хьуэжакІуэхэм» Іумпэм ящІа мо псалъэхэр? Щхьэ псалъэ ІэрыщІхэр къыхуагупсысурэ зэрамышьуэкІарэ-тІэ адыгэбзэм хэпха хьуа бензин, автобус, мотор, компьютер, ахьшэ, бохьшэ, сом, тумэн, мэджыт, къады, ефэнды, чытап, тас, къубгъан хуэдэ адрей псалъищэхэр? ЕмылъэІу щІыхьэхуу кърахьэжьарэ ныкъуэцІалэ-ныкъуэтхьэщІу утыкум кърана Іуэхур и кІэм зэрынагъэсын щІэныгъэ къалыкъуэмыкІауэ ара хьэмэрэ абы фІагъэкІмэ, ящІэр хьэдыгъуэдахэ дыдэ зэрыхьунур къагурыІуэжу абы къызэтригъэувыІэжахэ?

ЗэрыгурыІуэгъуэщи, мыпхуэдэ къэгупсысыныгъэхэм Іуэху лъэпкъ хуаІэкъым окказионализмкІэ зэдждэу лъэпкъ тхакІуэ, усакІуэхэм къагъэщІ, бзэр езыгъэфІакІуэ, зыхэщІэныгъэр къызэгъэпэщынымкІэ, тхыгъэм хэт образхэр зэфІэгъувэнымкІэ къалэн хэхахэр зыгъэзащІэ псалъэхэм. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщІэ, мыхэр: *къэфакъырын* – темыкІуадэІауэ зыгуэр зыІэрыгъэхьэн, къэлъэІухуэн; *шыдохутыр* – Іэщым еІэзэ дохутыр мыкІуэмытэм и ауан фІэщыгъэцІэщ, н. Окказионализмом и щапхьэ гъуээздждэхэм ущрохьэлІэ ЩоджэнцІыкІу Алий, КІуащ БетІал, ЩоджэнцІыкІу Іэдэм сымэ, нэгъуэщІхэми я тхыгъэхэм: *Хуэмурэ, щэхуурэ цхьэлыпсыжьыр кхьуафэм къэсакъэ – мзурьыр* [ЩэдждэнцІыкІу 1990]. *Сэ си цхьэщыгум гъэмахуэ дыгъэр щолыгъэ* [КІуащ 1966]. *Мес, еджанІэ хадэм ит пхьэцхьэмыцхьэ жыгхэр мазэ нурым ходыжьыныфэ* [ЩэдждэнцІыкІу 1962]. *Бригадэ унэ цІыкІум цІалитІ къыбгъэдэнащи емыІэщІэкІу псалъэ дыгъэл ягъуэ* [ЩэдждэнцІыкІу 1962].

КъэтІэта Іуэхугъуэм хэль гупсысэ нэхьыщхьэхэр къызэщІэткъуэжынщи, дунейм тет дэтхэнэ лъэпкъ мащІэхэми хуэдэу, адыгэхэм къыддалъхуа бзэр, абы щІыгъуу лъэпкъыр лъэпкъ дызыщІыж ди хабзэ, дуней тетыкІэ, гупсысэкІэ

щхьэхуэр тlэщlэкlыу лъэккышхуэхэм дахэшпсыхьыжынымкlэ щыlэ шынагъуэр къэблэгъапщ. Ар къыхокlыр lэубыдылlэншэу дунейр зэзыпхьуэ глобализацием, къытщхьэщыжынкlэ ушыгугъыну нобэкlэ къэралым бзэ политикэ убзыхуа зэрыщыземыкlуэм, тlурыль бзэм дэ езыхэм хуэфэщэн пщlэ хуэдмышlыжу, абы кърикlуэну насыпыншагъэм демыгупсысу бзэм имыкбалэн залымыгъэкlэ едгъэгъээщlэну и ужь дызэритым.

Бзэмрэ ар зыlурыль лъэккымырэ хэмыкlуэдэжыным и хэкlыплэ нэхьыщхьэхэр, дызэреплтымкlэ, лъэккыбзэхэр хьума зэрыхьун, абыхэм зэрызауэщlын къэралпсо программэ зэхэгъуауэ абы ипкь иткlэ Урысей Федерацием хиубыдэ лъэккь псоми я бзэм гъащlэм и lуэхугъуэ нэхьыщхьэхэм зэхуэдэу къыщыбгъэсэбэп зэрыхьун социальнэ статус егъэгъуэтынырщ; щlэблэр анэдэлхубзэм ешэлlэжыным хуэфэщэ гулътэ лъыгъэсынырщ; анэдэлхубзэмрэ литературэмрэ курыт, нэхьыщхьэ еджаплэхэм щыхухэха сыхьэт бжыгъэм хэгъэхуэнырщ.

Абы къыщынэмышlауэ, дэ къыдолътэр лъэккымы и хьыбарегъащlэ lэнатlэхэм я lэужьыр къэзыпщытэ щlэныгъэ-къэхутэныгъэ лэжыгъэхэр нэхьыбэу егъэкlуэкlыпхьэу, бзэм езым иlэж зыужьыкlэм, лэжьэкlэм щхьэзыфlэфlыгъэкlэ хэлэбэным, къэгупсыса lуэхугъуэ зэхуэмыдэхэр залымыгъэкlэ абы хэпщэным лъэккыпсо унафэкlэ пэщlэувапхьэу.

КЪЭДГЪЭСЭБЭПА ЛЭЖЬЫГЪЭХЭР

Адыгэ псалъэ. – *Адыгэ псалъэ*. КъБР-м и Парламентымрэ Правительствэмрэ я газет (Газета Парламента и Правительства Кабардино-Балкарской Республики). – 2022. № 137 (24.419), 2024. №№ 100 (24.694), 108 (24.702), 109 (24.703), 111 (24.705). (На каб.-черк. яз.).

Адыгэбзэ синонимхэм... 2020 – *Адыгэбзэ синонимхэм* я псалъалъэ (Словарь синонимов кабардино-черкесского языка) / Науч. ред. Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 942 с.

Атлас языков... 2010 – *Атлас языков* мира, находящихся под угрозой исчезновения (Atlas of the World's Languages in Danger) – Paris: UNESCO, 2010 – 218 p. (на англ. яз)

Башиева и др. 2016 – *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.Х.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и перспективы. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. – 172 с.

Бищlо 2015 – *Бищlо Б.Ч.* Адыгэбзэм и псалъэгъэнахуэ. Еджаплэхэм папщlэ. (Школьный толковый словарь кабардино-черкесского языка: около 7000 слов). – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 376 с.

Бодуэн де Куртене 1963 – *Бодуэн де Куртене И.А.* К критике международных искусственных языков // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. В 2-х томах. – М.: АН СССР, 1963. – 391 с.

Борзаева 2021 – *Борзаева Б.Б.* Судьба национальных языков в эпоху глобализации // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ, 2021. – С.156-160.

Закон Кабардино-Балкарской... 1995 – *Закон Кабардино-Балкарской Республики* от 16 января 1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики».

Кручинина 1998 – *Кручинина И.Н.* Из истории преподавания русского языка: (Две статьи о школьной грамматике). – М.: Рос. акад. образования. Ин-т общ. сред. образования. Центр филол. образования, 1998. – 38 с.

Кlыщокъуэ Алим... 2022 – *Кlыщокъуэ Алим* и бзэм и псалъалъэ (Словарь языка Алима Кешокова) / Науч. ред. Бижоев Б.Ч. – Нальчик: Фрегат, 2022. – 1134 с.

КӀуащ 1966 – *КӀуащ Б.И.* Тхыгъэхэр ЕтӀуанэ том. (Собрание сочинений. Том второй) – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 204 с. . (На каб.-черк. яз.).

Лазуткина 2017 – *Лазуткина Е.М.* О разрушении национальных языков в эпоху глобализации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2017. – № 3 (13). – С. 53-58.

Ожегов 2001 – *Ожегов С.И.* Рассуждение о правильности языка // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 431.

Постановление Правительства... 2003 – *Постановление Правительства* Кабардино-Балкарской Республики от 8 февраля 2003 г. № 35-ПП «Об основных мерах по реализации Закона КБР «О языках народов КБР» на 2003 - 2006 годы»

Урыс-адыгэ... 2018 – *Урыс-адыгэ* псалъальгэ ин (Большой русско-кабардино-черкесский словарь : около 72 тысяч слов и устойчивых выражений) / Б. Ч. Бижоев, Х. Ч. Жилетежев, Д. М. Кумыкова, Х. Т. Тимижев. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 1052 с.

ЩэджэңцӀыкӀу 1990 – *ЩэджэңцӀыкӀу А.И.* Тхыгъэхэр. (Избранное). – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 472 с. . (На каб.-черк. яз.).

ЩэджэңцӀыкӀу 1962 – *ЩэджэңцӀыкӀу I.У.* Софят и гъатхэ. (Весна Софят). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. – 232 с. (На каб.-черк. яз.).

REFERENCES

Ady`gskoe slovo. Gazeta Parlamenta i Pravitel`stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Adyghe word. Newspaper of the Parliament and Government of the Kabardino-Balkarian Republic]. – 2024. №№ 100 (24.694), 108 (24.702), 109 (24.703), 111 (24.705). (In Kabardino-Circassian language).

Atlas of the World's Languages in Danger – Paris: UNESCO, 2010 – 218 p. (In English).

BASHIEVA S.K., ULAKOV M.Z., XAMDOXOVA ZH.X. *Yazy`kovaya situaciya v Kabardino-Balkarskoj Respublike: sostoyanie i perspektivy`*. [The linguistic situation in the Kabardino-Balkarian Republic: state and prospects]. – Nal`chik: KBNCz RAN, 2016. – 172 s. (In Russ.).

BAUDOUIN DE COURTENAY I.A. *K kritike mezhdunarodnyh iskusstvennyh yazykov* [To the criticism of international artificial languages]. In: *Bodue`n de Kurtene I.A. Izbranny`e raboty` po obshhemu yazy`koznaniyu. V 2-x tomakh.* – M.: AN SSSR, 1963. – 391 s. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Shkol`ny`j tolkovy`j slovar` kabardino-cherkesskogo yazy`ka: okolo 7000 slov*. [School explanatory dictionary of the Kabardino-Circassian language: about 7000 words)]. – Nal`chik: E`l`brus, 2015. – 376 s. (In Kabardino-Circassian language).

*Bol`shoj russko-kabardino-cherkesskij slovar` : okolo 72 ty`syach slov i ustojchivy`x vy`razhenij*. [A large Russian-Kabardino-Circassian dictionary: about 72 thousand words and stable expressions] / B.Ch. Bizhiev, X.Ch. Zhiletezhiev, D.M. Kumy`kova, X.T. Timizhev. – Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2018. – 1052 s. (In Kabardino-Circassian language).

BORZAEVA B.B. *Sud'ba nacional'nyh yazykov v epohu globalizacii* [The fate of national languages in the era of globalization]. In: *Kavkazskie yazy`ki: genetiko-tipologicheskie obshhnosti i areal`ny`e svyazi.* – Maxachkala: IYa-LI DFICz RAN; ALEF, 2021. – S.156-160. (In Russ.).

KRUCHININA I.N. *Iz istorii prepodavaniya russkogo yazyka: (Dve stat'i o shkol'noj grammatike)*. [From the history of teaching the Russian language: (Two articles on school grammar)]. – M.: Ros. akad. obrazovaniya. In-t obshh. sred. obrazovaniya. Centr filol. obrazovaniya, 1998. – 38 s. (In Russ.).

KUASHEV B.I. *Sobranie sochinenij. Tom 2.* [Collected works. Volume 2]. – Nal`chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel`stvo, 1966. – 204 s. (In Kabardino-Circassian language).

LAZUTKINA E.M. *O razrushenii nacional'nyh yazykov v epohu globalizacii* [On the destruction of national languages in the era of globalization]. In: *Trudy` Instituta russkogo yazy`ka im. V.V. Vinogradova.* – 2017. – № 3 (13). – S. 53-58. (In Russ.).

OZHEGOV S.I. *Rassuzhdenie o pravil'nosti yazyka* [Reasonings on the law of language]. In: *Slovar` i kul`tura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova.* – M.: Indrik, 2001. – S. 431. (In Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 8 fevralya 2003 g. № 35-PP «Ob osnovny`x merax po realizacii Zakona KBR «O yazy`kax narodov KBR» na 2003 - 2006 gody`». [Resolution of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic dated February 8, 2003 No. 35-PP "On the main measures for the implementation of the Law of the CBD "On the Languages of the Peoples of the CBD" for 2003 - 2006"]. (In Russ.).

SHOGENCZUKOV A.A. *Izbrannoe*. [Favorites]. – Nal`chik: E`l`brus, 1990. – 472 s. (In Kabardino-Circassian language).

SHOGENCZUKOV A.O. *Vesna Sofyat*. [Spring Sofyat]. – Nal`chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. – 232 s. (In Kabardino-Circassian language).

Slovar` sinonimov kabardino-cherkesskogo yazy`ka [Dictionary of synonyms of the Kabardino-Circassian language] / Nauch. red. R.X. Dzuganova. – Nal`chik: Print Centr, 2020. – 942 s. (In Kabardino-Circassian language).

Slovar` yazy`ka Alima Keshokova. [Alim Keshokov's Dictionary of the language] / Nauch. red. Bizhiev B.Ch. – Nal`chik: Fregat, 2022. – 1134 s. (In Kabardino-Circassian language).

Zakon Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 16 yanvarya 1995 g. № 1-RZ «O yazy`kax narodov Kabardino-Balkarskoj Respubliki». [Law of the Kabardino-Balkarian Republic of January 16, 1995 No. 1-FZ "On the Languages of the peoples of the Kabardino-Balkarian Republic"]. (In Russ.).

Авторым теухуауэ

Къэмбэчокъуэ I. М. – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, профессор.

Information about the author

A.M. Kambachokov – doctor of sciences (Philology), professor.

Информация об авторе

A.M. Камбачоков – доктор филологических наук, профессор.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхъаш 18.08.2024 гъ.; рецензэ нэужьым къашташ 10.09.2024 гъ.; къытрадзэнуш 25.09.2024 гъ.

The article was submitted 18.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Статья поступила в редакцию 18.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-410-420

EDN: TQLYMS

ТИПОЛОГИЯ ЛИНЕРИАЛИЗАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Альберд Тахирович Бозиев¹, Вячеслав Хаутиевич Унатлоков²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alberdbozиеv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

² yunatlokov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Аннотация. В статье обсуждается линериализация прилагательных в типологическом аспекте. Обращение к аранжировке прилагательных в разносистемных языках не является случайным. Проверяется гипотеза о том, что на когнитивном уровне независимо от языковой принадлежности у носителей срабатывают одинаковые или схожие мыслительные процессы. В качестве контрастирующих выбраны примеры из английского и кабардино-черкесского языков. Поднятые в работе вопросы представляют интерес как с практической, так и с теоретической точки зрения. Например, известно, с какими трудностями приходится сталкиваться лингвистам с трактовкой существительных, употреблённых в функции определения, что в свою очередь отражается на работе лексикографов и педагогов, осуществляющих образовательную деятельность. В ходе проведения исследования установлено, что в английском языке сформировалась единая позиция в отношении того, каким образом выстраивается иерархия препозитивных прилагательных в синтагматике. Анализ примеров из кабардино-черкесского языка показывает, что на дистрибуцию прилагательных влияет их отнесенность к разным классам – относительным или качественным. Относительные прилагательные располагаются слева от вершинного слова (препозиция), а качественные – справа (постпозиция). В целом подтверждается мысль о том, что линеаризация прилагательных носит универсальный характер, с сохранением за каждым языком определённой специфики.

Ключевые слова: линериализация, качественные прилагательные, относительные прилагательные, дескриптивные прилагательные, ролевые прилагательные, препозиция, постпозиция, английский язык, кабардино-черкесский язык.

Для цитирования: Бозиев А.Т., Унатлоков В.Х. Типология линериализации прилагательных (на материале английского и кабардино-черкесского языков) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 410-420. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-410-420. EDN: TQLYMS.

© Бозиев А.Т., Унатлоков В.Х., 2024

Original article

TYPOLOGY OF ADJECTIVE LINERIALIZATION (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGES)

Alberd T. Boziev¹, Vyacheslav Kh. Unatlov²

¹ Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alberdboziev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2383-5268>

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

² vunatlov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0756-9323>

Abstract. The article discusses the linerIALIZATION of adjectives in a typological aspect. The approach to the arrangement of adjectives in multi-system languages is not accidental. The study tests the hypothesis that native speakers, regardless of linguistic orientation, trigger the same or similar thought processes at the cognitive level. Examples from English and Kabardino-Circassian languages are chosen as contrasting ones. The issues raised in the paper are of interest both from a practical and theoretical point of view. For example, it is known what difficulties linguists have to face interpreting nouns used in the definition function, which affects the work of lexicographers and teachers engaged in educational activities. The researchers determined during the research that the English language has a unified position regarding how the hierarchy of prepositive adjectives in syntagmatics is built. An analysis of examples from the Kabardino-Circassian language shows that their attribution influences the distribution of adjectives to different classes – relative or qualitative. Relative adjectives are located to the left of the vertex word (preposition), and qualitative adjectives are located to the right (postposition). In general, the idea is confirmed that the linearization of adjectives is universal, while preserving a certain specificity for each language.

Keywords: linearization, qualitative adjectives, relative adjectives, descriptive adjectives, role adjectives, preposition, postposition, English, Kabardian-Circassian language.

For citation: Boziev A.T., Unatlov V.Kh. Typology of adjective linerIALIZATION (on the material of English and Kabardino-Circassian languages). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 410-420. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-410-420. EDN: TQLYMS.

© Boziev A.T., Unatlov V.Kh., 2024

Актуальность данного исследования определяется общим лингвистическим интересом к поиску типичного и специфического в языковом мышлении носителей разнотипных языков.

Целью является сопоставительный анализ линерIALIZАЦИИ прилагательных в английском и кабардино-черкесском языках. В ходе исследования решались следующие задачи:

- изучить специальную литературу по теме;
- подобрать примеры по теме;
- определить порядок расположения прилагательных относительно вершинного слова.

Материал и методика исследования. В качестве материала исследования выступили примеры из произведения классика кабардинской литературы А.А. Шогенцукова «Пуд муки» [Шогенцуков 2006]. Они выписывались методом сплошной выборки, их общее количество составило 160 единиц – в среднем 16

прилагательных на страницу, что свидетельствует об их высокой рекуррентности. Помимо этого, из 5 источников методом случайной выборки были выписаны цепочки с числом более 3-4 прилагательных (общее количество составило 10) [Вороков 2007; Губжоков 2013; Налоев 1993; Нарты 1951; Таов, Унатлоков 2013]. Исследуемый материал был также дополнен результатами опроса 5 носителей кабардино-черкесского языка (далее КЧЯ), которым предлагалось составить списки прилагательных с различным количеством относительных и качественных прилагательных. Было проанализировано около 200 примеров. Английское предложение *A nice large round old brown carved Chinese wooden table* было сравнено с переводом на КЧЯ. Для удобства исследования все примеры были объединены в следующие группы, состоящие только из: относительных прилагательных; качественных прилагательных; относительных и качественных прилагательных

Теоретическая часть

Линериализация – особый порядок расположения прилагательных в атрибутивной последовательности. Данный порядок может задаваться языковыми (лексическими, семантическими, грамматическими нормами), историческими и культурными традициями, принятыми носителями конкретных языков. Исследователями высказывается мнение, что «иерархия атрибутивных прилагательных отражает когнитивные структуры и специфику когнитивных процессов человека» [Билалова 2021]. Изучению специфики атрибутивных цепочек в разных языках посвящена обширная научная литература (З. Вендлер, Р. Диксон, Р. Дривен, Г. Синке, Г. Скотт, Д. Валоис и др.).

Из отечественных авторов отдельно хотелось бы выделить работу Х.А. Билаловой [Билалова 2021], в которой даётся детальный и убедительный разбор английского атрибутивного словосочетания (это делается с учётом мнения авторитетных исследователей), состоящего из 8 компонентов, употреблённых в препозиции к существительному: *A nice large round old brown carved Chinese wooden table*. Следует сразу оговориться, что такие последовательности редко встречаются в любом языке, они больше носят иллюстративный характер и удобны для демонстрации. В этой цепочке *A* выступает как детерминант, *nice* – квалифицирующее прилагательное, содержащее в себе субъективную оценку (разные люди оценивают по-разному), находящееся на максимальном удалении от определяемого слова в силу своей второстепенности. Deskриптивные (описательные) прилагательные занимают срединное положение. К ним относятся качественные прилагательные *large round old brown*, обозначающие размер, форму, возраст и цвет. Отличительной особенностью описательных прилагательных является их способность выступать в функции предиката и выполнять модифицирующую функцию. Нет сомнений в том, что, являясь носителями важной информации, они не обладают теми ингерентными имманентными свойствами, которые присущи относительным прилагательным. Относительные прилагательные, в свою очередь, не могут быть употреблены предикативно, но они могут вступать с определяемым словом в различные семантические отношения (роли) – агенса (китайский – произведено кем-то в Китае, и привезено из

Китая – источник), эссива (деревянный – определённая работа выполнена с деревом, и оно осталось деревом) и патиенса (стол – на него направлено действие). Понятие «источник» предполагает отношения, всегда связывающие два субъекта или состояния, тогда как в отношении эссива мы проводим концептуальное различие между двумя аспектами или проявлениями одного и того же субъекта [Билалова 2021].

Ближе всего к ядерной вершине стоят относительные прилагательные *carved Chinese wooden* – резной китайский деревянный, поскольку их концептуальная связь с определяемым существительным сильнее, что находит отражение и выражение в их позиционной близости.

Так в кратком изложении осуществляется линеаризация прилагательных в английском языке: чем удалённее прилагательное находится от вершины атрибутивной цепочки, тем слабее его семантическая связь с определяемым словом.

Многими исследователями высказывается мысль, что фиксированный порядок следования прилагательных может носить универсальный характер. Как отмечалось ранее, в качестве контрастного материала будут исследованы примеры из КЧЯ.

Известный советский лингвист Н.Ф. Яковлев, неоднократно описавший грамматику КЧЯ, ещё в 1938 г. писал, что «...определение в синтаксисе ещё не вполне отграничено от притяжательного (родительного) дополнения. Несомненно, что подлинное прилагательное в кабардинском языке появится, но пока оно не существует в нём как особая часть речи. ...Любое кабардинское имя... может... приобрести значение прилагательного» [Яковлев 1938: 31]. Спустя десять лет, в фундаментальной работе Н.Ф. Яковлев писал, что прилагательное как особая часть речи, как морфологически обьективированное определение ещё не появилось в кабардинском языке [Яковлев 1948: 115].

Авторы одной из ранних грамматик кабардинского языка Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов [Турчанинов, Цагов 1940] отмечали, что морфологические границы между прилагательными и существительными в кабардинском языке размыты. «Каждое имя существительное, поставленное в положение определяющего качество или свойство определяемого, может быть прилагательным, но в этой функции существует строгое распределение этих слов по значению, образующее две группы прилагательных: качественных и относительных» [Турчанинов, Цагов 1940: 61]. Качественные прилагательные, морфологически ничем не отличающиеся от существительных, как и относительные, сами по себе, по значению, уже являются прилагательными, ибо они неизменны в своей семантике определяющей качество, свойство...; относительные же приобретают значение прилагательных, как определяющие, либо сами по себе, самостоятельно, они являются существительными в полном смысле этого слова, например: *пхъэ* «дерево» (как материал), выступая в значении определяющего другое существительное, означает уже относительное прилагательное «деревянный». Имена прилагательные относительные ставятся в кабардинском языке перед определяемым словом. Например: *мывэ уынэ* – «каменный дом». Значение относительных прилагательных имеют лишь те имена существительные, которые, будучи поставлены перед другим именем существительным как определение, перед определяемым явля-

ются неоформленным, «относительные прилагательные не изменяются, а изменяется только имя, которое они определяют» [Турчанинов, Цагов 1940: 63]. «Если существительное имеет несколько прилагательных, ...то независимо от числа относительных прилагательных изменяется только определяемое ими имя и независимо от количества качественных прилагательных изменяется только последнее из этих качественных прилагательных» [Турчанинов, Цагов 1940: 64]. Например: *Сэ мэз Іуэв лъагэм сыщІэтащ* «Я в лесу густом, высоком находился». При наличии относительных и качественных прилагательных изменяются только качественные прилагательные [Турчанинов, Цагов 1940: 64].

В классической грамматике КЧЯ говорится, что «в языке широко используются в роли определения имена существительные, которые ставятся перед существительными и по своим лексико-семантическим значениям похожи на относительные прилагательные, но морфологически ничем не отличаются от существительных. Существительные – определения могут указывать: а) на материал, из которого сделан предмет, обозначенный в определении; б) на предмет, которому принадлежит предмет, обозначенный в определяемом – *стІолым и лъакъуэ* «ножка стола»; в) на предмет, к которому относится другой предмет, обозначенный в определяемом – *бжъыхъэ уэиш* «осенний дождь»; *мэз бжэн* «лесные козы» [Грамматика 1970: 93].

Существительные-определения, указывающие на материал, из которого сделан предмет, могут быть оформленными и неоформленными. Оформленное определение имеет аффикс обстоятельственного падежа. Неоформленные же не принимают никаких аффиксов, и их значение выявляется путем простого соположения [Грамматика 1970: 93].

Проблема выяснения лингвистического статуса неоформленных существительных-определений в кабардино-черкесском языке явно перекликается с проблемой, известной как *stone wall*. Не углубляясь в данную проблему, отметим лишь, что все споры (среди отечественных и зарубежных исследователей) велись вокруг того, как оценивать первый компонент в словосочетании N+N (поскольку это не только лингвистическая, но лексикографическая и образовательная проблема) – считать его существительным, употреблённым в функции определения (Г. Суит и его сторонники), считать его собственно прилагательным или прилагательным, образованным по конверсии (О. Есперсон и его последователи). К сожалению, данная проблема не была решена до конца, и она продолжает вызывать споры. В работе принимается точка зрения, что в цепочке N+N первый компонент остаётся существительным, употреблённым в функции определения. Такое явление может иметь место в силу относительной скудности словоизменительных форм в КЧЯ. В кабардино-черкесско-русском словаре, изданном в 2008 г., даётся, на наш взгляд, справедливое толкование лексем, способных выступать в качестве существительных и прилагательных (подобным же образом поступает и английский лексикограф С. Хорнби при составлении толкового словаря английского языка). Например: *пхъэ* 1. лес (как материал); 2. дрова; 3. в значении прил. деревянный – *пхъэ унэ* деревянный дом; 4. в знач. прил. древесный; *пхъэ фІэмышІ* – древесный уголь; 5. в значении прил. дровяной; *пхъэ склад* – дровяной склад [Апажев, Коков 2008: 372].

Практическая часть

Изложение практической части начнём со сравнения расположения прилагательных в английской цепочке *A nice large round old brown carved Chinese wooden table*, которая дословно переводится на русский как «хороший большой круглый старый коричневый резной китайский деревянный стол», с линейризацией прилагательных в КЧЯ – *Китай пхэ кьыхэбзыкIа стIолыхуэжьыфI хьурей кхъуэциныфэ*. Буквальный перевод с КЧЯ выглядит следующим образом: китайский деревянный резной стол большой старый хороший круглый коричневый. *Китай пхэ кьыхэбзыкIа* – китайский деревянный резной; *стIолыхуэжьыфI* – стол большой старый хороший (*стIол* – стол, *ы* – интерфикс, *ихуэ* – большой, *жьы* – старый, *фI* – хороший, усечённая форма от *фIы*; *хьурей* – круглый, *кхъуэциныфэ* – коричневый). Примечательна дистрибуция прилагательных в КЧЯ по отношению к ядерному слову в словосочетании: вершинное слово занимает интерпозицию, слева от него располагаются относительные прилагательные, справа – качественные. Вся цепочка выстраивается в следующем порядке – происхождение (7→1) – материал (8→2) – состояние (6→3) – ядро (9→4) – размер (2→5) – возраст (4→6) – качество – (1→7) – форма (3→8) – цвет (5→9). В английском языке порядок следования иной, поскольку все прилагательные выступают в препозитивной функции к определяемому слову – качество – К (1), размер (2) – Р, форма (3) – Ф, возраст (4) – В, цвет (5) – Ц, состояние (6) – С, происхождение (7) – П, материал (8) – М, ядро (9) – Я. Различие в расстановке в двух языках будет ярче выражено, если представить его схематично:

английский язык – К – Р – Ф – В – Ц – С – П – М – Я

кабардино-черкесский язык – П – М – С – Я – Р – В – К – Ф – Ц

Из сравнения видно, что с небольшими допущениями относительные прилагательные в КЧЯ выстраиваются так же, как и английские относительные прилагательные. Что касается качественных прилагательных, то основания для сравнения трудно идентифицируемы. Тем не менее, ближе к вершинному слову в КЧЯ оказываются прилагательные, обозначающие размер и возраст. Обозначение цвета стоит в КЧЯ на последнем месте, что может говорить о нерелевантности или второстепенности данного признака. Достаточно дистантно от ядра употребляются и прилагательные, обозначающие форму и качество предмета.

В ходе дальнейшего исследования основное внимание будет обращено на дистрибуцию прилагательных и выявлению определённых закономерностей их расположения по отношению друг к другу. Исходим априори из того, что близость определения к вершине определяет его большую смысловую привязанность к ней и их взаимозависимость.

Анализ последовательностей из произведения А.А. Шогенцукова [Шогенцуков 2006: 425-434], состоящих из относительных прилагательных (из анализа были исключены случаи, в которых в функции определения были употреблены разные причастные, местоимённые и наречные формы), позволил выявить следующее: довольно распространены случаи употребления в функции определения субстантивированных прилагательных, обозначающих:

– время года: *гъэмахуэ мазэ* – летний месяц, *гъэмахуэ пцыхьэцхьэ* – летний вечер;

- день недели: *цэбэт махуэ* – субботный день;
- время дня: *пиэдджыжь техэжыгъуэ* – утреннее время (в полевом стане для завтрака), *пыхьэцхьэ техэжыгъуэ* – вечернее время (т.е. время возвращения на полевой стан);
- природное явление: *жыг жьауэ* – тень листьев деревьев, *хы толькун* – морская волна, *губгъуэ псэуцхьэ* – полевые животные, *уафэ нур* – небесное сияние;
- социальное происхождение: *тхэмыцкIэ Iэпкълъэпкъ* – крестьянское тело (букв. бедное тело);
- чувства близких: *анэ гуцIэгъу* – материнская жалость (милость);
- характеристику жилья: *мэкъауэ пыхьIэ* – полевой шалаш (букв. шалаш для косарей, на покосе);
- сорт растения: *нартыху пунт* – кукурузный пуд (муки).

В большинстве случаев встречаются качественные прилагательные (описательные и квалифицирующие), обозначающие:

- размер: *Мурат цIыкIу* – милый (букв. маленький) Мурат, *мы цIалэ цIыкIур* – этот маленький мальчик; *гъэ кIыхь* – длинный год, *цIалэ цIыкIухэри* – маленькие мальчики, *тхэмыцкIэ цIыкIу* – бедненький, *гъуэгъуэ бгъуэзэ* – узкая дорога, *тхэггэлэдж цIыкIу* – маленький кузнечик, *бацэжь цIыкIу* – лохматенький (о человеке). В данных примерах лексема маленький обозначает не только размер, но и возраст, а также воспринимается как уменьшительно-ласкательное. При сочетании с другими прилагательными лексема *цIыкIу* – маленький занимает преимущественно финальную позицию: *гъуэгъуэ бгъуэзэ цIыкIу* – маленькая узкая дорога, *Хъэсет бацэжь цIыкIу* – лохматый маленький Хасет, *Хъэсет нэ фIыцIэ цIыкIу* – милый черноглазенький Хасет, *нэ фIыцIэ цIыкIу* – милый черноглазенький, *шыд фIеижь цIыкIу хуэдэ* – будто старый грязный маленький осел, *IэрыльэцI хужь цIыкIу* – маленький белый платок;

- рост: *гуацхьэ лъагэ* – высокая гора, *гъавэ Iув лъагэ* – густая высокая зерновая культура;

- цвет: *натIэц фIыцIэхэр* – черные волосы с челкой, *Iугъуэ фагъуэ* – бледный дым, *жыгыцхьэ цхьэуантIэ* – зелёные верхушки деревьев.

Всего в рассказе А.А. Шогенцукова встречается свыше 80 прилагательных, описывающих возраст человека, его душевное состояние, черты характера, части тела, явления природы, звуки и т.д.

В произведениях других авторов проводился целенаправленный поиск длинных цепочек прилагательных. Приведём несколько примеров (всего было 10):

1. *Мэлычыпху и бостей цIэрацIэм и лъабжээм лъахъстэн фэ плъыжь пIацIэм кыхацIыкI хьыджэбз куэныбэ кIыхь цIэлъц* [Вороков 2007: 46]. «Под нарядным платьем на Маличипх был красный сафьяновый (из тонкой кожи) девичий длинный корсет». Цепочка прилагательных в КЧЯ на самом деле прерывается: *лъахъстэн фэ плъыжь пIацIэм* – сафьяновый кожаный красный тонкий, *хьыджэбз куэныбэ кIыхь* – букв. девичий корсет длинный.

Схематично последовательность прилагательных можно представить в следующем виде: материал + материал + цвет + толщина + связующее слово (сделанный или делаемый) + новый ряд прилагательных – принадлежность + ядро + размер – относительное прилагательное (ОП) + ядро + качественное

прилагательное (КП - декриптив) + КП (декриптив) – 1 ряд, ОП + ядро + КП (декриптив) – 2 ряд.

2. *Ижъ-ижъыж лъандэрэ я фІэщү жаІэу цыта гуэр Бэч игу къэкІыжащ:* *къурш ажэ хужь дахэ ямылей къахуэкІуэмэ, цІыхухэр абы хуэсакъын, яхъумэн, ягъэшхэн, ягъэфІэн хуейщ* [Вороков 2007: 382] «Бек вспомнил, что с древних времен существовало поверье: если придет к людям необычный красивый белый горный козел (тур) его надо оберегать, защищать, кормить и холить».

– *Къурш ажэ хужь дахэ ямылей* – букв: *горный козел белый красивый необычный*: локация + ядро + цвет + характеристика + характеристика. В этом примере интересно то, что лексема, обозначающая цвет (декриптивное прилагательное), стоит ближе к ядру, чем квалифицирующие прилагательные, выражающие субъективную оценку – красивый, необычный. ОП (локатив) + ядро + КП (декриптив) + КП (классифицирующее) + КП (классифицирующее).

3. *Хъыджэбз тощІрэ щІыІырэ Думэныкъуэ етиэхри псы Іуфэм Іут бгъэныщхъэ щІыІэжъ Іыхъ лъахъшэм деж щидгъэкІащ* [Налоев 1993: 411]. «Тридцать девушек доставили мы к длинному низкому полевому старому дому под камышевой крышей прямо у речного бережка в ущелье Думануко».

Бгъэныщхъэ щІыІэжъ Іыхъ лъахъшэм – букв: камыш крыша полевой дом старый длинный низкий – материал + локация + ядро + возраст + размер + высота + ОП + ОП + ядро + КП (декриптив) + КП (декриптив) + КП (декриптив).

4. *Япэу узыІухъа щІыхъэпІэ пхъэ бжэ гъуабжэжъ чэтхъар къапхъуэу ІэпІэ къызэрыпхуимыщІыр уогъащІагъуэ: «Къохъусыж, студент» жиІэу* [Налоев 1993: 411]. «И удивляешься, как первая же входная обшарпанная старая серая деревянная дверь не распахивает перед тобой объятия: «Добро пожаловать домой, студент». *ЩІыхъэпІэ пхъэ бжэ гъуабжэжъ* – букв.: вход – дерево – дверь – серая – старая – локация + материал + ядро + цвет + возраст – ОП + ОП + ядро + КП (декриптив) + КП (декриптив).

5. *Бжъыхъэ щІащэ гъуэжъ-дыщэфэ дахэхэр пылъэлъыжыху бжэндэхъухэр лъэтэжкъым* [Таов, Унатлоков 2013: 22]. «Пока осенние желто-золотистые красивые листья деревьев полностью не осыплются (совсем), скворцы не улетают». *Бжъыхъэ щІащэ гъуэжъ-дыщэфэ дахэхэр* – и букв: *осенние листья желто-золотистые красивые* – временной указатель + ядро + цвет + оценочное прилагательное – ОП + ядро + КП (декриптив) + КП (квалифицирующее прилагательное).

6. *А щІыхъэщхъэм адыгэ хъэщІэщ лъахъшэ Іыхъ къызэрыгуэкІым хъэщІэ гуп цызэхэст.* «В тот вечер в невысокой длинной адыгской скромной кунацкой сидели гости» [Шортанов 2016: 26] Букв.: «В тот вечер в адыгской кунацкой невысокой длинной скромной гости сидели». Адыгской кунацкой невысокой длинной скромной – источник + ядро (помещение) + рост + длина + оценочное прилагательное – ОП + ядро + КП (декриптив) + КП (декриптив) + КП (квалифицирующее прилагательное).

Данные примеры позволяют сделать вывод, что финальную позицию в атрибутивном сочетании занимают квалифицирующие прилагательные. Проведём анализ ответов респондентов с позиции того, какую цепочку они предложили, как самую распространённую из одних относительных или одних каче-

ственных прилагательных, выясним, если какие-нибудь закономерности в расположении дескриптивных и квалифицирующих прилагательных.

Последовательности из ОП: *тырку дыцэ Іэпцэхъу* «турецкий золотой браслет» – источник + материал + ядро – ОП + ОП + ядро; *адыгэ мывэ унэ* – кабардинский каменный дом – источник + материал + ядро – ОП + ОП + ядро; *мэз кхъужь къудамэ* – лесная грушевая ветка – локация + плод + ядро – ОП + ОП + ядро; *гъэмахуэ Іэщыхъуэ щыгъын* – летняя пастушеская одежда – сезон + профессия + ядро – ОП + ОП + ядро; *адыгэ лъэпкъ Іэнэ* – адыгский национальный столик – ОП + ОП + ядро. Все примеры созданы по модели N+N+N. Следует отметить, что в примерах есть множество случаев, составленных по образцу: ОП + ядро. В материале не обнаружен только один пример из качественных прилагательных. *Псей цхъуантІэ лъагэ дахэ* – зеленая высокая красивая ель (букв: ель зеленая высокая весь красивая) – порода дерева + цвет + рост + оценка – ОП + КП + КП + оценочное прилагательное. В материале много примеров, в которых использованы оба типа прилагательных. Рассмотрим самые протяжённые из них.

– Кавказ *мэз псеицхъуэ лъагэ дахацэ* – кавказская лесная высокая красивейшая ель – источник + ядро (локация) + рост + оценочное прилагательное – ОП + ОП + КП + квалифицирующее прилагательное – N+N+N+adj.+adj;

– Адыгэ *пхэ Іэнэ хъурей лъахъшэ цІыкІу* – адыгский деревянный низкий круглый маленький стол(ик) (букв: адыгский деревянный столик круглый низкий маленький) – источник + материал + ядро + форма + рост + размер – ОП+ОП+ОП (ядро) +КП+КП+КП – N+N+N+adj.+adj+ adj

– *Мэз жыгей къудамэ лъагэ быдэ дыдэ* – лесная дубовая высокая очень крепкая ветка (букв. лесная дубовая ветка высокая крепкая очень). Буквальный смысл можно передать ещё и следующим образом – лес – дуб – ветка – высокая - крепкая – очень – локация + порода дерева + часть дерева + размер + свойство надёжности – ОП + ОП + ОП (ядро) + КП + КП – N+N+N+adj.+adj. В последовательности *высокая крепкая* порядок должен быть обратный, поскольку характеристика *крепкая* несёт в себе более важную признаковую информацию по сравнению со словом *высокая*. Но изменение порядка их следования язык не допускает.

– *Перс шылэ алэрыбгъу Іув плІимэ цхъуантІэ* – персидский шелковый толстый квадратный зеленый ковер – источник + материал + ядро (предмет быта) + толщина + форма + цвет – ОП + ОП + ядро + КП + КП + КП.

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. ОП в КЧЯ в целом выстраиваются по таким же принципам, что и английские относительные прилагательные. Ближе к ядру располагаются ОП, обозначающие материал. Это может говорить об универсальном характере данного построения с когнитивной точки зрения.

2. Основания для линерализации качественных прилагательных в обоих описываемых языках практически трудно идентифицируемы.

3. Наравне с относительными прилагательными ближе к вершинному слову в КЧЯ оказываются КП, обозначающие размер и возраст, что сопоставимо с английским языком.

4. Поскольку лексема *цIыкIу* «маленький» обозначает не только размер, но и возраст, а также воспринимается как уменьшительно-ласкательное, при сочетании с другими прилагательными данная лексема занимает преимущественно финальную позицию.

5. Строгая позиционная регламентация КП в КЧЯ отсутствует.

6. Для КЧЯ более типична последовательность, включающая ОП и КП.

7. Для сопоставляемых языков не характерны протяжённые цепочки прилагательных.

8. Квалифицирующие прилагательные в обоих языках занимают наиболее дистантную позицию от ядра, что происходит в силу того, что информация, которую они передают, носит сугубо субъективный характер.

9. Типичным для КЧЯ является регулярное использование существительных в функции определения, что только частично справедливо для английского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апажев, Коков 2008 – *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Под научной редакцией доктора филологических наук Б.Ч. Бижоева. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.

Билалова 2021 – *Билалова Х.А.* Атрибутивные цепочки английских прилагательных и закономерности их организации // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK421.pdf>.

Вороков 2007 – *Вороков В.Х.* Прощающие да простят: Роман. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 552 с. (на кабардинском языке).

Грамматика 1970 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1970. – 215 с.

Губжоков 2013 – *Губжоков Л.* Живу для живых. Жизнь и творчество. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 176 с.

Налоев 1993 – *Налоев А.Х.* Избранные произведения. Том I. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 464 с. (на кабардинском языке).

Нарты 1951 – Нарты. Кабардинский эпос. – Нальчик, 1951. – 551 с. (на кабардинском языке).

Таов, Унатлоков 2013 – *Таов Ж.К., Унатлоков В.Х.* Сборник диктантов и изложений для 5-9 классов. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 264 с. (на кабардинском языке).

Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. – М: Издательство академии наук СССР, 1940. – 160 с.

Шогенцуков 2006 – *Шогенцуков А.А.* Один пуд муки // Избранные произведения. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 541 с. (на кабардинском языке).

Шортанов 2016 – *Шортанов А.Т.* Горцы. Роман-эпопея, в 4-книгах. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 1224 с.

Яковлев 1938 – *Яковлев Н.Ф.* Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. – Ворошиловск: Орджоникидзево краевое издательство, 1938. – 140 с.

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М: Издательство академии наук СССР, 1948. – 370 с.

REFERENCES

APAZHEV M.L., KOKOV J.N. *Kabardino-cherkessko-russkiy slovar* [Kabardino-Circassian-Russian dictionary]. Scientifically edited by Doctor of Philology B.Ch. Bizhoeva. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 704 p. (In Russ.).

BILALOVA KH.A. *Atributivnye tsepochki angliyskikh prilagatelnykh i zakonomernosti ikh organizatsii* [Attributive chains of English adjectives and patterns of their organization] // World of

Science. Sociology, philology, cultural studies. – 2021. – T. 12. – No. 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

VOROKOV V.KH. *Proshchayushchie da prostyat: Roman* [Let those who forgive forgive: A novel]. – Nalchik: Elbrus, 2007. – 552 p. (in Kabardian).

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. – M: Publishing house "Science". Main editorial office of oriental literature, 1970. – 215 p. (In Russ.).

GUBZHOKOV L. *Zhivu dlya zhivyykh. Zhizn i tvorchestvo* [I live for the living. Life and art]. – Nalchik: Elbrus, 2013. – 176 p. (In Russ.).

NALOEV A.KH. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Volume I. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 464 p. (in Kabardian).

Narty. Kabardinskiy epos. [Sledges. Kabardian epic]. – Nalchik, 1951. – 551 p. (in Kabardian).

TAOV ZH.K., UNATLOKOV V.KH. *Sbornik diktantov i izlozheniy dlya 5-9 klassov* [Collection of dictations and presentations for grades 5-9]. – Nalchik: Elbrus, 2013. – 264 p. (in Kabardian).

TURCHANINOV G., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. – M: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940. – 160 p. (In Russ.).

SHOGENTSUKOV A.A. *Odin pud muki // Izbrannye proizvedeniya* [One pood of flour] // Selected works. – Nalchik: El-fa, 2006. – 541 p. (in Kabardian).

SHORTANOV A.T. *Gortsy. Roman-epopeya, v 4-knigakh* [Highlanders. An epic novel in 4 books]. – Nalchik: Elbrus, 2016. – 1224 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Kratkaya grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Brief grammar of the Kabardian-Circassian language]. – Voroshilovsk: Ordzhonikidze regional publishing house, 1938. – 140 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardian-Circassian literary language]. – M: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. – 370 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

А.Т. Бозиев – кандидат филологических наук, доцент.

В.Х. Унатлоков – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A.T. Boziev – candidate of sciences (Philology), associate professor.

V.Kh. Unatlov – candidate of sciences (Philology), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Научная статья

УДК 7.031.2+39

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-421-431

EDN: TYILUJ

ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Гульфия Джамаловна Базиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик, Россия, gbaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

Аннотация. Актуальность сохранения и развития традиций устно-поэтического творчества, народной художественной практики в целом является одной из многократно культивируемых целей и задач современной культурной политики. Целью исследования является определение роли этнохудожественных традиций в современной культурной практике. В качестве объекта анализа выступает традиционное искусство кабардинцев и балкарцев в исторической динамике. Предметом исследования является изучение процессов влияния традиций кабардинского и балкарского искусства на современное художественное творчество. В связи с объектом и предметом исследования решаются следующие задачи: определить влияние этнических художественных традиций на современную культуру, обозначить роль самодеятельного и профессионального творчества в формировании художественного самосознания. В статье выявлена неразрывная связь между нормами, ценностями, смыслами и символами традиционной культуры, а также формами их функционирования и социальной трансмиссии. Сделан вывод о необходимости исторического подхода к изучению народного творчества как составной части современной культуры. Установлено, что традиционное искусство, фольклор, художественная самодеятельность формируют ценностные ориентации, стимулируют устойчивый интерес к национальной культуре, развивают творческие способности личности. Научная новизна исследования обусловлена новым подходом к изучению традиционного искусства как самостоятельного феномена, претерпевающего определенные трансформации на различных стадиях его исторического развития.

Ключевые слова: традиционное искусство, фольклор, художественная самодеятельность, культурное наследие, Кабардино-Балкария

Для цитирования: Базиева Г.Д. Традиционное искусство народов Кабардино-Балкарии: история и современная практика // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 421-431. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-421-431. EDN: TYILUJ.

© Г.Д. Базиева, 2024

Original article

TRADITIONAL ART OF THE PEOPLES OF THE KABARDINO-BALKARIA: HISTORY AND MODERN PRACTICE

Gulfiya Dz. Bazieva

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchick, Russia, gbaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

Abstract. One of the frequently pursued purposes and objectives of modern cultural policy is to preserve and promote oral poetic traditions, as well as folk art practices in general. The purpose of the study is to determine the role of ethnoartistic traditions in modern cultural practice. The object of the analysis is the traditional art of Kabardians and Balkars in historical dynamics. The subject of the study is the study of the processes of influence of the traditions of Kabardian and Balkarian art on modern artistic creativity. In connection with the object and subject of the study, the following tasks are solved: to determine the influence of ethnic artistic traditions on modern culture, to identify the role of amateur and professional creativity in the formation of artistic self-awareness. The article reveals an inextricable link between norms, values, meanings and symbols of traditional culture, as well as the forms of their functioning and social transmission. The conclusion is drawn on the importance of a historical approach to the study of folk art as an important aspect of modern society. It has been demonstrated that traditional art, folklore, and amateur art form value orientations, foster persistent interest in national culture, and help individuals develop their creative ability. The research is scientifically original because it takes a fresh approach to studying traditional art as an autonomous entity undergoing modifications at distinct phases of its historical evolution.

Keywords: traditional art, folklore, artistic value, cultural heritage, amateur performances, Kabardino-Balkaria.

For citation: Bazieva G.D. Traditional art of the peoples of the Kabardino-Balkaria: history and modern practice. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – С. 421-431. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-421-431. EDN: TYILUJ.

© Bazieva G.D., 2024

Актуальность проблем сохранения и развития традиционного искусства связана с усилением процессов корреляции между традиционной и современной культурой, с повышенным интересом к проблемам этнической самоидентификации как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Традиционная культура как совокупность материальных и духовных ценностей в современный период является составной частью общего художественно-исторического процесса, протекающего в масштабах всего мира. В истории известны случаи не только совпадения образцов творчества разных народов, но и развитие принципиально новых жанров под воздействием извне. В XXI в. культура смещается в эпицентр бытия и уровень ее внутреннего развития и внешней восприимчивости определяет уровень развития человека, общества, нации. Наиболее яркие образцы культурного наследия одного народа входят в мировую сокровищницу культуры и являются достоянием всего человечества.

В дореволюционный период фольклор кабардинцев и балкарцев собирали известные ученые, путешественники, журналисты, писатели, композиторы (Н.Ф. Грабовский, Н.П. Тульчинский, А.И. Дьячков-Тарасов, М.М. Ковалевский, С.И. Тарасов, А.А. Алябьев, С.И. Танеев и др.). Проблемы развития национальной культуры в Кабардино-Балкарии были в центре внимания Б.Х. Бгажнокова, А.М. Гутова, А.Я. Кузнецовой, Б.Х. Мальбахова, Г.Х. Мамбетова, С.Х. Мафедзева, З.М. Налоева, Е.Н. Студенецкой, Р.Х. Хашхожевой, Х.И. Хутуева, Ф.А. Урусбиевой, А.Т. Шортанова, С.И. Эфендиева, Х.Х. Малкандуева, М.Х. Герандокова, А.И. Рахаева, Х.Г. Тхагапсоева, Ж.С.Тхазепловой, Н.В. Солодовниковой и др.

Социальная практика в различные исторические времена порождала особые способы бытования и функционирования традиционного искусства и различные механизмы художественного воплощения этнического начала. Традиции как общественная форма чувственно-практической деятельности обеспечивают устойчивое развитие этноса как на уровне коллективного, так и индивидуального труда. Таким образом, традиционное или народное искусство на ранних этапах своего формирования непосредственно связано с конкретной практической деятельностью. Традиционный тип культуры возникает на фазе развития племенной общности, на уровне народности – получает развитие канонический тип культуры, а в период развития национальных общностей формируется динамическая, лично окрашенная культура [Каган 1976: 39].

Традиционное искусство является формой социокультурной наследственности, проявляющейся на трех уровнях: пространственном, временном, пространственно-временном. Все научные опыты по упорядочению искусства в целом исходили из выявления его определенных отношений: с внехудожественной реальностью (подражательные и неподражательные искусства), со способами формирования художественного предмета («мусические» и «технические») и образа («символические», «классические», «романтические»), а также способами восприятия (искусство зрения, слуха, осязания) и существования художественного произведения или предмета (пространственное, временное, пространственно-временное) [Каган 1972: 11].

На Северном Кавказе примером синтеза различных этнокультурных и художественных традиций является героический эпос «Нарты» (существует, как известно, несколько этнических версий эпоса: осетинский, адыгский, карачаево-балкарский, а также отдельные сказания у чеченцев, ингушей и народов Дагестана). Эпос народов Северного Кавказа «Нарты» отличается большим разнообразием, в нем отражены не только мифологические воззрения, народные верования, идеалы, но и картины исторического прошлого. Объединяющим началом эпоса является комплекс представлений о народном герое, который противостоит окружающей среде, с одной стороны, а с другой, является ее единственным защитником. В современных исследованиях большое значение придается изучению эпических сказаний с точки зрения их «социальной сущности». Социальное положение героев большинства эпосов связано с высоким статусом (Манас – герой киргизского эпоса – сын хана, герой узбекского эпоса Алпамыш – сын хана, герой калмыцкого эпоса Джангар – правитель страны и

т.д.). В отличие от данных эпосов, которые носят имена героев, в героическом эпосе «Нарты» героями являются все, кто способен совершить подвиг во имя победы «добра над злом», то есть создана система образов. Каждый культурный герой совершает не только подвиги, но и занят определенной общественно-полезной деятельностью (Сосруко (Сосурук) добывает огонь, Сатаней (Сатанай) изобретает ткацкий станок, учит приготовлению пищи и напитков, Дебет обучает кузнечному делу, Ашамез (Ачемез) игре на музыкальном инструменте т.д.).

В эпосе на первом плане выступало героико-историческое начало, утверждение народной самобытности, но наряду с этим формировались эстетические, этические и художественные идеалы народов Северного Кавказа: понятия красивого и безобразного, доброго и злого. Эпос отражал особенности художественного мышления народов, на ранней стадии исторически ограниченного, но впоследствии приобретающего более логичные и четкие формы. В XIX в. интерес к устному поэтическому творчеству народов Северного Кавказа проявили известные русские композиторы (А.Л. Алябьев, М.А. Балакирев, С.И. Танеев и др.). В основе таких произведений А.Л. Алябьева, как «Кабардинская песня», «Черкес», «Черкесская песня», опера «Аммалат-Бек» по повести Л.Л. Бестужева-Марлинского лежит богатое устно-поэтическое творчество народов Северного Кавказа. Восточная фантазия «Исламей» М.А. Балакирева считается его лучшим фортепианным произведением и входит в мировую сокровищницу музыкальной культуры. В 1885 г. С.И. Танеев вместе с известными русскими учеными М.М. Ковалевским и И.И. Иванюковым посетил Кабардино-Балкарию, впоследствии в «Вестнике Европы» (1886 г.) были опубликованы статьи М.М. Ковалевского и И.И. Иванюкова «У подошвы Эльбруса» и С.И. Танеева «О музыке горских татар». Неоценимую помощь в сборе музыкального фольклора композитору оказал балкарский князь И. Урусбиев, который подразделял горские песни на четыре группы: самые древние песни, «нартские песни», песни исторического содержания и новейшие песни, связанные с историческими событиями [Танеев 1983: 117-118].

Переход от архаичного фольклора к историко-героическим песням был обусловлен требованиями времени, а также изменением художественного мышления. Историко-героические песни создавались непосредственно после каких-либо событий либо во имя прославления подвигов определенных героев и что «особенно важно – главным образом для современников событий» [Рахаев 2002: 97].

В советский период в целях сохранения традиций музыкального и танцевального искусства стали создаваться художественные коллективы («Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца» (1933), кабардинский хор (1939), симфонический оркестр республики (1939), балкарский хор (1940)). «Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца» выступал «бережным хранителем и пропагандистом лучших образцов подлинно народного танцевального и музыкального творчества Кабардино-Балкарии» [Мидов 1995: 11].

В 1957 г. «Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца» стал трижды лауреатом: Всесоюзного фестиваля советской молодежи, шестого всемирного

фестиваля молодежи и студентов и Всесоюзного фестиваля театров, ансамблей и хоров. Коллектив представлял танцевальное и музыкальное искусство кабардинцев и балкарцев не только в пределах страны, но и за рубежом (Польше, Чехословакии, Германии, Сирии, Иордании, Турции).

Танцевальное искусство народов Северного Кавказа является «живой» и активно действующей традицией, отражающей этноэстетические и этические идеалы народа и в современный период. Народные танцы выполняли магические и обрядовые функции, приурочивались к определенным полевым или животноводческим работам. Рисунок танцев имел строгую композицию, каноническую структуру, каждое движение, начиная с простейших, было строго регламентированным. Круговая композиционная структура народных танцев «всегда сохраняет национальный «аромат», в конкретных элементах проявляет своеобразие национального художественного мышления» [Нагайцева 1986: 19].

В настоящий период большое значение для сохранения традиций имеет изучение этнографии танца, его древней символики. «Какого бы характера ни были танцы, в них выражено художественное воплощение характера, темперамента, эстетических идеалов народа, его отношение к добру и злу как в природе, так и в общественной жизни, ощущение субстанции бытия» [Кудаев 1997: 4].

В деятельности профессиональных хореографических коллективов КБР «Кабардинка», «Балкария», а также «Государственного ансамбля песни и пляски терских казаков», самодеятельных ансамблей «Зори Кавказа», «Исламей» и др. ведущее место занимают изучение, сохранение и пропаганда национальных фольклорных традиций. Самодеятельное танцевальное искусство как взрослых, так и детских коллективов (ансамбль «Казачки» детской школы искусств г. Майского, фольклорный коллектив «Жулдузчукъла», вокальный ансамбль вокальный ансамбль «Акварель» и хореографические – «Арабеска» и «Салам» (детская музыкальная школа г. Тырныауз, «Дети гор» Нальчикского парка культуры и отдыха («Атажукинский сад») и др.) развивает интерес и уважительное отношение к национальным кабардинским и балкарским танцам.

По мнению З.М. Кешевой, современное танцевальное искусство претерпевает изменения, связанные с проникновением новых элементов, с поверхностным отношением к традиционному танцу, а также национальному костюму. «Создание сценического костюма превратилось в воспроизведение сильно упрощенных элементов деталей и орнаментов костюма, тогда как создание сценического костюма – это важный вопрос» [Кешева 2005: 77].

В хореографическом искусстве актуальной становится проблема сохранения аутентичного традиционного фольклора, носящего коллективный характер. Заимствование фольклорных образцов в самодеятельном и профессиональном танцевальном коллективах носит различный характер: сценический вариант фольклорного произведения в самодеятельном коллективе объясняется стремлением создать народно-бытовую картину, а в профессиональном творчестве создается новое художественное произведение.

В современной музыке с ее тяготением к синтетическому мышлению актуальными становятся проблемы расширения влияния фольклорных традиций на различные жанры. Профессиональная музыка, заимствуя лучшие образцы

фольклора, опираясь на музыкальное наследие, ориентируется на создание нового произведения (современной песни, оперы, симфонии, кантаты и др.). «Вообще, – как отмечает Ф.Ф. Хараева, – эстрадная оранжировка фольклорных произведений – одна из наиболее популярных форм их звучания в современном музыкальном поле. В качестве примера можно привести целый ряд песен профессиональных композиторов – Дж. Хаупа, Х. Карданова, Т. Блаевой, М. Балова, Т. Шейблера, М. Жеттеева, А. Байчекуева, Н. Османова и мн. др.; а также песни групп «Иман», «Таулан» и др.» [Хараева 2010: 160].

Традиционное искусство, «развиваясь как целостность, то есть, представляя развитие структуры внутри себя, одновременно есть развитие и вовне, есть взаимодействие с современной культурой, что, естественно, не может не сказываться на характере содержания образа. Фольклорная традиция здесь синтезируется с традицией художественной, что создает уже иной уровень развития народного искусства» [Некрасова 1983: 52].

Для преодоления современного «потребительского» отношения к культуре необходимым становится изучение проблем культурной и художественной преемственности, которые становятся актуальными в 80-х гг. XX в. с связи с утратой некоторых художественных промыслов. В этот период предпринимаются попытки сохранения наиболее известных художественных центров, создания на их базе мастерских, особое внимание начинает уделяться подготовке квалифицированных специалистов в области народных художественных промыслов.

Народные художественные промыслы являются ярким воплощением эстетических идеалов народа, так как создавались, творились «по законам красоты». Изготовление и украшение предметов быта, оружия, одежды являлись не только работой, но и творчеством, поэтому вещи, обладающие особой ценностью бережно передавались и передаются из поколения в поколение. У народов Северного Кавказа – это национальный костюм, изделия из серебра (женские пояса, украшения к мужскому наборному поясу), холодное оружие (ножи, кинжалы), изделия из растительных материалов и войлока (циновки и войлочные ковры), сундуки и др.). В культуре народов Северного Кавказа большое значение придавалось качеству вещи, ее отделке, орнаментике, индивидуальной стилистике. Лучшие работы талантливых мастеров носили не ремесленный, а художественный характер, воспринимались как произведения искусства, обладающие выразительной формой, четким силуэтом, знаковой орнаментикой. Такие изделия использовались не в повседневной культуре, а по особо важным событиям (во всевозможных обрядах, праздниках, значительных событиях и др.) [Базиева 2017: 36].

Важное место в народном искусстве, как известно, играл орнамент, органичная часть любого декоративно оформленного предмета народного творчества. Орнамент изделий традиционного искусства кабардинцев и балкарцев был связан как с языческими, так и религиозными верованиями. Колористическая и ритмическая система традиционного искусства исходила из эстетических предпочтений, основанных на гармоничном сочетании различных элементов. Ритмическая система использовалась в различных предметах бытового назначения (арджэнах, войлочных изделиях), а также в ювелирных изделиях, одежде

и др. Рисунок постепенно усложнялся, асимметрия использовалась как прием ритмического подчинения одного элемента другому.

С развитием искусства орнамент усложнялся: от простых геометрических форм (треугольник, круг, ромб) до сложных орнаментальных композиций (бордюр, арабская вязь, симметричный орнамент с изображением зверей и др.). Большое значение придавалось колориту, цветовому оформлению, эстетическим поискам в данном направлении. Так, «наибольшей завершенностью и художественной выразительностью», по мнению А.Я. Кузнецовой, отличается парное надгробие в селении Верхний Хулам, украшенное «черной, красной, белой, розовой и синей красками» [Кузнецова 1982: 145-146].

Предметы бытовой культуры (войлочные ковры, праздничная одежда, головные уборы, украшения, конское убранство и др.) являлись не только важной частью традиционного искусства, но и наделялись нередко символическим значением. Изучая искусство древней кабардинской вышивки, Б.Х. Мальбахов приходит к выводу, что особое отношение к старинным вещам сформировалось под воздействием мифологического сознания, основанного на восприятии предметов быта как раритета. В частности, небольшой носовой платок размером 44x50, долго хранящийся в семье Кардановых (Кызбурун III), воспринимался как особо ценная вещь, которой нарт Сосруко обвязал свою руку. «Полуистлевшая ткань платка, старые следы крови на нем, и наконец слухи о его чудодейственных свойствах сделали эту неприметную вещь главной достопримечательностью селения» [Мальбахов 1984: 53].

Предметы народного быта создавались по законам красоты и выполняли не только утилитарные функции (использование в быту), но и эстетические, историко-культурные, культурно-воспитательные задачи. Так, например, на протяжении длительного периода украшением жилища адыгской семьи являлись циновки, изготавливаемые из рогоза и соломы. Широкое использование в быту (на фоне циновок развешивали оружие, музыкальные инструменты, применяли в качестве подстилки, молитвенного коврика и др.) способствовало развитию этого народного промысла, разнообразию орнаментальных построений. «Композиция большинства циновок носит открытый характер, то есть мотив орнамента можно бесконечно повторять» [Гучев 1990: 9].

В каждом предмете народного творчества мастер или мастерица стремились к индивидуальности, находили новые формы воплощения собственных представлений о красоте, гармонии, функциональности вещи. Как отмечает А.Я. Кузнецова, в традиционном искусстве войлочного производства «размеры и рисунок, а также степень декоративности – все это определялось не только вкусом мастерицы или хозяйки будущего ковра, но и теми практическими требованиями, которые диктовались его назначением» [Кузнецова 1982: 62].

Композиционная структура орнамента в балкарском искусстве строится в зависимости от «пространства» вещи. А.М. Султанова отмечает онтологическую и функциональную основу орнаментального искусства в карачаево-балкарских войлоках, которое может выполнять роль не только изобразительного и художественного мотивов, но и выступать в качестве оберега, символического благопожелания и т.д. [Султанова 2016: 53].

В 90-е гг. XX в. возрождение интереса к традиционной культуре было связано с процессами демократизации, перестройки общественного сознания, необходимости сохранения «национальной картины мира», так как культура даже самого малочисленного народа является уникальной и неповторимой. В Кабардино-Балкарии начинают проводиться Дни национальных культур, пропагандирующие этнические ценности. В 1985 г. в Республиканском музее изобразительных искусств была развернута удивительная и самобытная экспозиция «Адыгские циновки» (руководитель студии по изготовлению кабардинских арджэнов З. Гучев).

В начале 90-х гг. XX в. в селении Верхний Баксан при Доме культуры была создана творческая лаборатория по изготовлению традиционных войлочных ковров типа «ала кийиз». Работы мастериц лаборатории Х. Теммоевой, А. Теммоевой, Х. Курдановой, Ж. Узденовой экспонировались на выставке «Моя Балкария» (1994 г.), посвященной 50-летию депортации балкарцев. Несколько работ Л. Теммоевой находятся в Санкт-Петербургском этнографическом музее. В настоящий период в Доме культуры с. Верхний Баксан на базе творческой лаборатории создан «Центр национальных ремесел и досуга», специализирующийся на изготовлении войлочных изделий, а также изделий из шерсти.

В современный период мастер-прикладник, как правило, стремится не повторять неоднократно тиражируемые произведения народного творчества, а привнести свое индивидуальное-личностное начало в творчество. Наряду с традиционным орнаментом используются и новые элементы, современная символика, знаки и «архетипы» народного искусства. В этом плане изысканностью и неповторимостью творческого почерка отличаются изделия Прохладненской и Урванской студии арджэнов, а также профессионального мастера-прикладника Р. Мазлоева, занимающегося искусством народного плетения.

Методический центр Кабардино-Балкарского ЦНХПиР (Центр народных художественных промыслов и ремесел) курирует целый ряд различных видов традиционного и нетрадиционного для кабардинцев и балкарцев искусства: производство войлочных, шорно-седельных, керамических и ювелирных изделий, кукол и музыкальных инструментов, национального и сценического костюма, художественной лепки, обработки дерева, камня, кожи и меха, таксидермия и др. В 2014 г. студия золотного шитья при ЦНХПиР, которую ведет народный мастер-золотошвея М. Дагирова, приобрела оборудование с числовым программным управлением, и теперь студийцы совмещают ручное шитье с машинным.

Предметы, выполненные в различных творческих мастерских, создаются либо на заказ (в коммерческих целях), либо для обслуживания «туристско-рекреационного комплекса» Кабардино-Балкарии. Сувенирное искусство носит самостоятельный характер, поэтому актуализируется проблема подготовки профессиональных мастеров декоративно-прикладного искусства. При этом профессиональные мастера-прикладники должны понимать непосредственную связь декоративно-прикладного искусства с народным творчеством, внимательное изучение которого способствует формированию художественного вкуса и эстетического мышления. В настоящий период во всех видах народного искусства усиливаются прежде всего коммерческие функции, что приводит к частичной

или полной потере изначально заложенной в них семантики. Это приводит к стереотипизации народного искусства, что отражается на развитии музыкальной, хореографической, изобразительной и языковой культуры [Гутов 2011: 65].

Однако, такая трансформация может происходить только через проверку коллективным опытом, «поскольку народное искусство есть традиция, есть сама преемственность, несущая родовой опыт» [Некрасова 1983: 20].

Традиционная и современная культура в процессе их эволюции и самостоятельного развития вступают в сложные взаимосвязи, изучение которых предполагает конкретно-исторический подход. В советский период народные традиции сохраняются как часть общего процесса формирования новых ценностных ориентаций, но переходят в область самодеятельной или профессиональной деятельности. В современной культуре не только в РФ, но и в других странах активизировался интерес к традиционным культурам, включая их ранние формы, расширяются функции художественной культуры в целом (познавательная, коммуникативная, эстетическая, эмоциональная, воспитательная, утешительно-компенсаторная, художественно-концептуальная, развлекательная, а также функции предвосхищения, творчества и самовыражения, т.н. креативные функции).

В настоящий период сложилось несоответствие между представлениями о традиционной культуре и существующей конкретной практикой, что проявляется в различиях: во-первых, между теми функциями, которые она выполняла в прошлом и современной реальностью, а во-вторых, между традиционными формами и жанрами творчества и новыми художественными поисками (которые нередко противопоставляются друг другу). Необходима поддержка художественного образования, подготовка специалистов в этой сфере, а также развитие аудиовизуальной (мультимедиа, компьютерные технологии, кино-видео и др.) формы деятельности, влияющей на интеллектуальные и творческие способности личности. Социокультурные технологии аудиовизуального творчества могут использоваться в образовательном и воспитательном процессах в целях пропаганды лучших достижений национальных культур.

В новых условиях традиционное искусство подвергается трансформации смыслов, формирует и использует народные обряды, обычаи, орнаментальные мотивы в целях создания современного этнохудожественного образа с учетом новых социокультурных условий и эстетических вкусов. Лучшие образцы традиционного искусства кабардинцев и балкарцев находятся в различных музеях РФ и за границей, входя в музейные и частные коллекции. В современный период художники-прикладники, а также народные мастера стремятся не к тиражированию продукции, а к самостоятельному художественному стилю. Формирование предметной этнографической или исторической зоны невозможно без изучения и использования богатого культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Базилова 2017 – Базилова Г.Д. Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2017. – 164 с.

- Гучев 1990 – Гучев З.Л. Искусство адыгской циновки. – Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. книжн. изд-ва. 1990. – 127 с.
- Гутов 2011 – Гутов А.М. Константы в культурном пространстве. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 214 с.
- Каган 1972 – Каган М.С. Морфология искусства. – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.
- Каган 1976 – Каган М.С. Принципы построения историко-культурной типологии // Изв. Сев.-Кавк. центра высш.школы. Обществ.науки. – 1976. – № 13. – С. 39-48.
- Кешева 2005 – Кешева З.М. Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX в. – Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2005. – 167 с.
- Кудаев 1997 – Кудаев М.Ч. Древние танцы балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 143 с.
- Кузнецова 1982 – Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 175 с.
- Мальбахов 1984 – Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 108 с.
- Мидов 1995 – Мидов Х.Х. Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 110 с.
- Нагайцева 1986 – Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 144 с.
- Некрасова 1983 – Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 343 с.
- Рахаев 2002 – Рахаев А.И. Традиционный музыкальный фольклор Балкарии и Карачая. – Нальчик: Эльфа, 2002. – 155 с.
- Султанова 2016 – Султанова А.М. Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 120 с.
- Танеев 1983 – Танеев С.И. О музыке горских татар // Карачаево-Балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – С. 116-119.
- Хараева 2010 – Хараева Ф.Ф. Музыкальная культура в современной Кабардино-Балкарии // Народы Северного Кавказа и культурная глобализация. – М.: УОП ИЭА РАН, 2010. – С. 156-175.

REFERENCES

- BAZIEVA G.D. *Etnicheskie traditsii i sovremennye innovatsii v khudozhestvennykh tekstakh* [Ethnic traditions and modern innovations in literary texts]. – Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2017. – 164 p. (In Russ.).
- GUCHEV Z.L. *Iskusstvo adygskoi tsinovki* [The art of the Adyghe mat]. – Maikop: Adyg. otd. Krasnod. knizhn. izd-va. 1990. – 127 p. (In Russ.).
- GUTOV A.M. *Konstanty v kul'turnom prostranstve* [Constants in the cultural space]. – Nal'chik: El'brus, 2011. – 214 p. (In Russ.).
- KAGAN M.S. *Morfologiya iskusstva* [Morphology of art]. – L.: Iskusstvo, 1972. – 440 p. (In Russ.).
- KAGAN M.S. *Printsiipy postroeniya istoriko-kul'turnoi tipologii* [Principles of building a historical and cultural typology]. In: *Izv. Sev.-Kavk. tsentra vyssh.shkoly. Obshchestv.nauki.* – 1976. – № 13. – P. 39-48. (In Russ.).
- KESHEVA Z.M. *Tantseval'naya i muzykal'naya kul'tura kabardintsev vo vtoroi polovine XX v.* [Dance and musical culture of Kabardians in the second half of the twentieth century]. – Nal'chik: Poligrafservis i T., 2005. – 167 p. (In Russ.).
- KUDAEV M.CH. *Drevnie tantsy balkartsev i karachaevtsev* [Ancient dances of Balkars and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 143 p. (In Russ.).
- KUZNETSOVA A.YA. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachays and Balkars]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 175 p. (In Russ.).

MAL'BAKHOV B.KH. *Kabardinskoe narodnoe dekorativnoe iskusstvo* [Kabardian folk decorative art]. – Nal'chik: El'-brus, 1984. – 108 p. (In Russ.).

MIDOV KH.KH. *Kabardino-Balkarskii ansambl' pesni i plyaski* [Kabardino-Balkarian Song and Dance Ensemble]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 110 p. (In Russ.).

NAGAITSEVA L.G. *Adygskie narodnye tantsy* [Adyghe folk dances]. – Nal'chik: El'brus, 1986. – 144 p. (In Russ.).

NEKRASOVA M.A. *Narodnoe iskusstvo kak chast' kul'tury* [Folk art as a part of culture]. – М.: Izobrazitel'noe is-kusstvo, 1983. – 343 p. (In Russ.).

RAKHAEV A.I. *Traditsionnyi muzykal'nyi fol'klor Balkarii i Karachaya* [Traditional musical folklore of Balkaria and Karachay]. – Nal'chik: El'-fa, 2002. – 155 p. (In Russ.).

SULTANOVA A.M. *Ornamental'nyi dekor v traditsionnom iskusstve karachaevtsev i balkartsev* [Ornamental decoration in the traditional art of the Karachai and Balkars]. – Nal'chik: El'brus, 2016. – 120 p. (In Russ.).

TANEEV S.I. *O muzyke gorskikh tatar* [About the music of the mountain Tatars]. In: Karachaevo-Balkarskii fol'klor v dorevolyu-tсионnykh zapisyakh i publikatsiyakh. – Nal'chik: El'brus, 1983. – P. 116-119. (In Russ.).

KHARAEVA F.F. *Muzykal'naya kul'tura v sovremennoi Kabardino-Balkarii* [Musical culture in modern Kabardino-Balkaria]. In: Narody Severnogo Kavkaza i kul'turnaya globalizatsiya. – М.: UOP IEA RAN, 2010. – P. 156-175. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук.

Information about the author

G.D. Bazieva – Candidate Science (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 25.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья

УДК 904

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-432-446

EDN: USLLSY

СОХРАНИТЬ, НЕЛЬЗЯ РАЗРУШИТЬ: ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Магомед Макшарипович Дзарахов

Ингушский государственный университет, Магас, Россия,
01106_86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1569-4347>

Аннотация. В статье рассмотрены памятники архитектуры горной Ингушетии с точки зрения их физической сохранности и сохранения историко-культурной ценности. В последние годы указанные памятники активно восстанавливаются. К финансированию этих работ привлекаются меценаты. Установлено, что вопрос сохранности историко-культурной ценности при проведении этих работ вызывает беспокойство. Причиной этому является то, что отсутствие возможности определения первоначального облика в подробностях большинства полуразрушенных памятников, а также тот факт, что количество отреставрированных или реставрируемых башенных поселений за последние пару лет превысило десяток, а материалов о проведенных обязательных археологических раскопках – единицы, свидетельствует о непоправимом ущербе, который может быть нанесен памятникам истории и культуры. Также отсутствие необходимости практического использования восстановленных помещений объектов культурного наследия является показателем нецелесообразности применения такого подхода. В мировой практике реставрация применяется в исключительных случаях, в частности когда имеет место продолжающийся исторический культурный процесс. Для решения данной проблемы необходимо привлечение внимания государственных органов, учреждений, коммерческих организаций, осуществляющих деятельность по сохранению объектов культурного наследия, общественности на необходимость сохранения историко-культурной ценности памятников истории и культуры в виде башенно-замковых комплексов, а также религиозных и погребальных сооружений, сосредоточенных на территории современной горной Ингушетии, при проведении работ по их сохранению, а также приоритет их консервации над другими видами работ. Сделан вывод о том, что памятник истории и культуры ценен столько, сколько он несёт в себе достоверную информацию о деятельности человека в прошлые эпохи, а также сформированы принципы проведения работ по сохранению архитектурных (башенно-замковых) комплексов горной Ингушетии, соблюдение которых позволит решить указанные в настоящем исследовании проблемы в вопросах проведения работ по сохранению памятников архитектуры горной Ингушетии.

Ключевые слова: Ингушетия, замки, памятник, история, культура, консервация, реставрация.

Для цитирования: Дзарахов М.М. Сохранить, нельзя разрушить: памятники истории и культуры горной Ингушетии // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 432-446. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-432-446. EDN: USLLSY.

© Дзарахов М.М., 2024

Original article

TO PRESERVE, NOT TO DESTROY: HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS OF MOUNTAINOUS INGUSHETIA

Magomed M. Dzarakhov

Ingush State University, Magas, Russia, 01106_86@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-1569-4347>

Abstract. The article examines the architectural monuments of mountainous Ingushetia from the point of view of their physical preservation and preservation of historical and cultural value. These monuments have undergone active restoration in recent years. Patrons are involved in financing these works. It is established that there is concern for preserving historical and cultural value during these works. The reason for this is the inability to determine the original appearance in detail of most dilapidated monuments, as well as the fact that the number of restored or restored tower settlements over the past couple of years has exceeded a dozen, and the materials on mandatory archaeological excavations are few indicating irreparable damage that can be caused to historical and cultural monuments. Also, the absence of the need for practical use of restored premises of cultural heritage sites is an indicator of the inexpediency of using such an approach. In world practice, restoration is used in exceptional cases, in particular when there is an ongoing historical cultural process. To solve this problem, it is necessary to attract the attention of state bodies, institutions, commercial organizations engaged in the preservation of cultural heritage sites, the public to the need to preserve the historical and cultural value of historical and cultural monuments as tower and castle complexes, as well as religious and burial structures concentrated on the territory of modern mountainous Ingushetia, when carrying out work on their preservation, as well as the priority of their conservation over other types of work. It is concluded that a monument of history and culture is valuable insofar as it contains reliable information about human activity in previous eras, and principles for the preservation of architectural (tower and castle) complexes of mountainous Ingushetia have been developed, adherence to which will solve the problems identified in this study in matters of conservation work architectural monuments of mountainous Ingushetia.

Keywords: Ingushetia, castles, monument, history, culture, conservation, restoration.

For citation: Dzarakhov M.M. To preserve, not to destroy: historical and cultural monuments of mountainous Ingushetia. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 432-446. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-432-446. EDN: USLLSY.

© Dzarakhov M.M., 2024

Не будем обманывать самих
себя в этом важном вопросе;
невозможно, как невозможно
воскресить мертвого, реставрировать
какое бы то ни было здание, являвшееся
когда-то великим и прекрасным

Джон Рёскин

Введение

Горная Ингушетия – уникальная территория с точки зрения историко-культурной ценности. Этот историко-культурный ландшафт содержит информацию об истории и культуре предков ингушей за период не менее 3500 лет.

Многочисленные памятники архитектуры и археологии, датируемые периодом от эпохи бронзы до первой половины XX в., для которых характерна преемственность строительного дела, – это источник важных исторических сведений.

Уникальность этой зоны в том, что на достаточно изолированной территории в течение нескольких тысячелетий происходило совершенствование каменного зодчества предков ингушей. Вершиной строительной техники данной местности являются ингушские боевые башни – «вIов»^{*}.

Этот горный край опустел в феврале 1944 г., когда все представители ингушской национальности были депортированы в результате политических репрессий, которые позже признаны незаконными^{**}, в Сибирь и Среднюю Азию.

После возвращения ингушей из ссылки, начиная с 1957 г., башенные комплексы не были заселены ее прежними жителями. Долгое время эти места посещали лишь историки и археологи. Только в последние десятилетия потомки тех, кто в Средневековье строили башни, начали посещать эти памятники истории и культуры.

Из-за отсутствия постоянного ухода башенные постройки разрушаются, в связи с чем государственные, общественные организации и отдельные лица обращают внимание на необходимость организации и проведения работ по сохранению памятников архитектуры горной Ингушетии.

В результате этого проводятся активные восстановительные работы на башенных комплексах, сосредоточенных в основном в Джейрахском районе Ингушетии.

Однако вопрос сохранности историко-культурной ценности, сохранности исторически значимой информации при проведении этих работ вызывает беспокойство.

Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» установлены виды работ по сохранению памятников истории и культуры и порядок их проведения^{***}.

Данный порядок общий как для памятников истории и культуры Центральной России, представленных средневековыми церквями и усадьбами, так и для кавказских башенных построек.

Церкви и усадьбы Центральной России возводились на основании проектных документов – схемы, чертежи, зарисовки. Кроме того, многие из этих зданий используются по сей день и приспособлены для современного использования. Таким образом, наличие подробных данных о первоначальном облике и инженерных решениях, а также продолжающееся использование этих зданий до настоящего времени, предполагает обоснованность периодических реставрационных работ в отношении них.

^{*} с ингушского языка: боевая башня

^{**} Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 26.05.2024)

^{***} Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // <https://ivo.garant.ru/#/document/12127232/paragraph/146417/doclist/91/1/0/0/73-фз:1/> (дата обращения: 26.05.2024)

Однако башенные комплексы горной Ингушетии значительно отличаются от вышеуказанных памятников.

Башни, склепы, храмы в горах строились без проектных документов и зарисовок, подробный фотоматериал отсутствует. Башни долгое время не использовались, и не используются по сей день.

В связи с этим отсутствие возможности установления первоначального облика в подробностях большинства полуразрушенных памятников, а также тот факт, что количество отреставрированных или реставрируемых башенных поселений в 2022–2024 гг. превысило десяток, а материалов о проведенных обязательных археологических раскопках – единицы, свидетельствует о непоправимом ущербе, который может быть нанесен памятникам истории и культуры. Также отсутствие необходимости практического использования восстановленных помещений объектов культурного наследия является показателем нецелесообразности применения такого подхода.

Кроме того, в мировой практике реставрация применяется в исключительных случаях. А реставрация, основанная на гипотезах, не допускается вовсе.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии проблемы в вопросе обеспечения сохранности как самих памятников башенных поселений горной Ингушетии, так и их историко-культурной ценности.

В настоящей статье подробно рассмотрим историко-культурную ценность данных памятников, проблемы, связанные с обеспечением сохранности указанной ценности, а также предложим пути решения этих проблем.

В качестве информационной базы исследования для решения рассматриваемой проблемы использованы следующие правовые акты:

1. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская Хартия) от 31 мая 1964 г.

3. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 55528-2013. Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28.08.2013 г. № 593-ст).

4. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 55567-2013 «Порядок организации и ведения инженерно-технических исследований на объектах культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования» (утв. приказом Росстандарта от 28 августа 2013 г. № 665-ст).

5. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 55627-2013 «Археологические изыскания в составе работ по реставрации, консервации, ремонту и приспособлению объектов культурного наследия» (утв. приказом Росстандарта от 9 октября 2013 г. № 1138-ст).

6. Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей (принята 11 декабря 1962 г. на 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО).

7. Методические рекомендации по разработке научно-проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (памят-

ников истории и культуры) народов Российской Федерации (письмо Министерства культуры Российской Федерации от 16 октября 2015 г. № 338-01-39-ГП).

В части степени научной разработанности проблемы следует отметить, что в настоящей статье впервые проводятся научные исследования, предусматривающие анализ работ по сохранению башенных комплексов горной Ингушетии с точки зрения сохранности их историко-культурной ценности.

Статья содержит результаты научных исследований автора, проводившихся ранее, но не опубликованные.

Обсуждение

На территории Ингушетии, преимущественно в ее горной части, а также в предгорной зоне сохранились многочисленные объекты культурного наследия, представленные башенно-замковыми комплексами и археологическими памятниками, включающие боевые, полубоевые и жилые башенные постройки, заградительные стены, храмы, святилища, подземные, полуподземные и наземные склепы, различные хозяйственные постройки и сооружения, другие памятники, как результат эволюции ингушского каменного зодчества.

Как указано выше, данные памятники датируются со второй половины II тыс. до н.э. до первой половины XX в.

К наиболее ранним памятникам, известным к настоящему времени, относятся 2 полуподземных склепа эпохи бронзы, обнаруженные в с. Эгикал в 1966 г. во время полевых исследований [Марковин 1970: 85], а также циклопические постройки – сооружения, состоящие из больших тёсанных и подобранных каменных глыб, подогнанных друг другу, как правило, без связующего раствора. Циклопическая кладка отмечается во многих местах Джейрахского района. Однако наиболее известные такие постройки находятся близ селений Карт (Кхарт), Дошхакле, Эгикал (Эги-кхал), Лейми.

По мнению В.И. Марковина и некоторых других исследователей, склепы эпохи бронзы в с. Эгикал показывают преемственность местной архитектуры с эпохи бронзы до Средневековья [Марковин 1969: 43; Басилов, Кобычев 1971: 125].

Циклопические постройки в горной Ингушетии датируются начиная со второй половины II тыс. до н.э. вплоть до XI – XIII вв. [Семенов 1963: 126], [Мужухоев, Бекбузаров 1982: 47; Марковин 1975: 121].

Циклопические постройки упоминаются в нартском эпосе ингушей. Так Колой-Кант поднявшись на горную вершину, положил друг на друга три громадных камня, «камни эти вместе составляют нечто вроде довольно высокой башни; каждый камень вышиною более 2 саж. Между 2 и 3-им (от авт.: имеется ввиду между 2-м и 3-им камнями) находятся маленькие камни, в роде подпорок. Эти то камни, служащие по-видимому подпорками, приводят горцев к тому убеждению, что они положены человеческою рукою» [Ахриев 1870: 7].

С XII в. до XVIII в. – это период строительства башенно-замковых, погребальных и религиозных сооружений средневековой архитектуры ингушей.

Башенные постройки отмечаются на современных территориях Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии.

Однако территория горной Ингушетии и прилегающие к ней зоны Чечни и Северной Осетии выделяются башенными постройками, которые представляют собой в функционально-типологическом и стилистическом отношении единую группу сооружений [Гольдштейн 1975: 8, 111, Чахкиев 2003: 5].

Сохранились сведения об именах представителей праингушских обществ – строителей башен, которые работали не только в своей стране, но и в соседних Осетии и Хевсуретии [Марковин 1994: 30; Семенов 1963: 71, Чахкиев 2003: 5, Щерблякин 1928: 12].

Горная Ингушетия рассматривается как место возникновения боевых башен, святилищ и гробниц со ступенчато-гребенчатой крышей и пирамидальным покрытием, а также как центр канонизации башенной архитектуры Северного Кавказа [Гольдштейн 1975: 37, 112; Сулименко 1997: 68, 69].

К наиболее поздним памятникам в данной зоне относятся погребальные и религиозные объекты, связанные с Исламом. Это мечети и мусульманские кладбища, датируемые XIX и первой половиной XX в.

Постановлением Совета министров Чечено-Ингушской АССР от 15 ноября 1988 г. № 388 «О создании Джейрахско-Ассинского и Аргунского государственных историко-архитектурных и природных музеев-заповедников» на территории 64 тыс. га в горной Ингушетии, включающей указанные памятники, создан Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 года № 176 данный музей-заповедник включен в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения*.

Памятники истории и культуры Джейрахско-Ассинского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника включены в российский список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1996 г.**

На государственном учете в Республике Ингушетия состоят около 3 000 объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), которые входят в состав вышеуказанного музея-заповедника.***

Указанное количество памятников истории и культуры Джейрахско-Ассинского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника является далеко не исчерпывающим. Масштабные работы по государственной охране объектов культурного наследия, включая их государственный учет, в Ингушетии начаты лишь в 2015 г. после передачи полномочий по их государственной охране в Правительство Республики Ингушетия. До 2015 г. на государственной охране состояло всего 5 объектов культурного наследия, относящихся к древней ингушской архитектуре: башенные комплексы в селениях Эрзи и Таргим и храмы Тхаба-Ерды, Альби-Ерды, Мят-Цел.

Учитывая, что с 2015 г. ежегодно выявляются в установленном порядке до нескольких сотен объектов культурного наследия горной и предгорной зоны Ин-

* Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» // <https://base.garant.ru/10104140/> (дата обращения: 26.05.2024)

** <https://icomos.org.ru/vsemirnoe-nasledie-rossii/predvaritelnyj-spisok-obektov-kan/>

*** <https://pravitelstvi.ru/appeal2/list.php?ID=1414>

гушетии, то их количество может за десятилетие возрасти в разы. Возникнет вопрос: почему нужно десятилетие для этой работы? А дело в том, что в первую очередь это зависело от ресурса уполномоченного в этой сфере государственного органа – Управления культурного наследия Правительства Республики Ингушетия, упраздненного в марте 2023 г., и в бытность которого эта работа организована. Данный орган создан в 2016 г. и состоял лишь из 3 штатных единиц. За период работы указанного управления с 2016 г. и предыдущий 2015 г. поставлено на государственную охрану свыше 3000 памятников горной Ингушетии, в том числе около 200 включено в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также подготовлены материалы и акты государственных историко-культурных экспертиз для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в отношении около 1500 памятников.**** Во-вторых, наличие труднодоступных и лесистых зон значительно затрудняет данную работу.

Таким образом, территория горной Ингушетии характеризуется уникальной ценностью с точки зрения изучения истории и культуры человечества на примере ингушского народа. А образование государственного учреждения со статусом музея-заповедника общероссийского (федерального) значения для управления данным историко-культурным наследием является подтверждением его важности в масштабах Российской Федерации.

Кроме того, согласно письму Минкультуры России от 21 декабря 2015 г. № 19433-01-55-ГП, по итогам рассмотрения предложения, поступившего от Правительства Республики Ингушетия (от 1 июля 2015 г. № АМ-1175), рабочая группа, сформированная из ведущих российских экспертов, аттестованных по работе с объектами всемирного наследия, подтвердила целесообразность включения объекта «Историко-культурный заповедник Джейрах-Асса» в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

При таких обстоятельствах для сохранения и изучения истории и культуры ингушей самым важным фактором является обеспечение сохранности памятников истории и культуры горной Ингушетии.

Данный вопрос урегулирован действующим законодательством.

Главой VII Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» регламентирован порядок и условия проведения работ по сохранению объектов культурного наследия.

Согласно части 1 статьи 40 указанного федерального закона под сохранением объекта культурного наследия понимаются меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объекта культурного наследия, предусматривающие консервацию, ремонт, реставрацию, приспособление объекта культурного наследия для современного использования и включающие в себя научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научное руководство проведени-

**** <https://pravitelstvoru.ru/info/detail.php?ID=37076&num=1>

ем работ по сохранению объекта культурного наследия, технический и авторский надзор за проведением этих работ.

Как видно, обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объекта культурного наследия – это два обязательных условия, необходимых для работ по сохранению объекта культурного наследия. Кроме этого, научно-исследовательские изыскания являются обязательными в рамках данных работ.

Однако нормы федерального закона о порядке проведения работ по сохранению памятников истории и культуры предусматривают общую процедуру и виды работ как для памятников архитектуры Северного Кавказа, возводившихся без проектных документов и чертежей, так и для памятников архитектуры Центральной России более позднего периода, приспособленных для современного использования и построенных, как правило, на основании сохранившихся проектов.

На основании статьи 45 вышеуказанного федерального закона работы по сохранению объектов культурного наследия проводятся в соответствии с заданием и разрешением, которые выдаются уполномоченным органом государственной власти.

Таким образом, конкретные виды работ, необходимые для сохранения памятника истории и культуры, определяются соответствующим уполномоченным органом государственной власти при выдаче задания и разрешения.

Данная норма закона предусматривает достаточно широкий диапазон полномочий органа государственной власти в сфере охраны объектов культурного наследия на определение либо согласование необходимых видов работ применительно к конкретному памятнику истории и культуры.

Следует также учитывать, что сотрудниками органов государственной власти являются государственные служащие, которые редко имеют компетенции в сфере специфической деятельности, касающейся памятников истории и культуры. Как правило, к государственным служащим предъявляются требования к наличию высшего образования по специальностям «Юриспруденция и «Государственное и муниципальное управление».

При таких обстоятельствах целесообразным является регламентация (путем издания подзаконного нормативного правового акта либо инструкции и других методических документов) соответствующими органами государственной власти процедуры выдачи заданий и разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия в части определения необходимых видов работ для сохранения конкретного памятника.

В наши дни обычным явлением для горной Ингушетии являются ремонтно-восстановительные работы башенно-замковых комплексов. Такие работы за последние 20 лет уже проведены, в частности, на отдельных памятниках свыше 20 башенных селений.

Качество проведения работ и степень научной обоснованности при их проведении разные. В одно время ремонтно-восстановительные работы проводились без должных научных изысканий и научно-проектной документации, а в более поздние, начиная с 2015 г. такие работы проводились как правило на основании научно-проектной документации, введена практика археологических полевых работ.

Однако общей проблемой этих работ является восстановление полуразрушенных, а в отдельных случаях и руинированных памятников при отсутствии достаточной информации об их первоначальном облике, включая архитектурные особенности, а также практической необходимости в их последующем использовании.

Такой подход противоречит Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 г., согласно которой реставрация прекращается там, где начинается гипотеза*.

В первую очередь объект культурного наследия является носителем исторически важной информации. И каждая архитектурная особенность, строительные материалы могут являться свидетельством такой информации.

При проведении восстановления башенных комплексов такие особенности утрачиваются. А иногда и искажаются, когда памятники восстанавливаются с отступлением от их первоначального облика.

Таким образом, интерес ученых и исследователей вызывают лишь те объекты, которые не подвержены современному строительному вмешательству.

Отдельное внимание заслуживает вопрос об археологических полевых работах. Их важность с точки зрения требований законодательства и как условие сохранности источников исторической информации рассмотрим далее.

Как отмечал Е.И. Крупнов, большинство населенных пунктов в горах Кавказа расположены на древних поселениях [Крупнов 1960: 77].

Действительно, с точки зрения фортификационных функций в горной Ингушетии в различные исторические периоды использовались одни и те же местности. А горная Ингушетия, в частности, в период конца II тыс. начала I тыс. до н.э. относилась к зоне широко известной кобанской культуры, которая была распространена на центральной части Кавказа, включая горные и предгорные зоны [Крупнов 1960: 81].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Объектами археологического наследия являются в том числе городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои.

* Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 г. // [https://docs.cntd.ru/document/901756982/\(дата обращения: 26.05.2024\)](https://docs.cntd.ru/document/901756982/(дата%20обращения:26.05.2024))

Часть 12 статьи 18 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» устанавливает, что включению в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации подлежат объекты археологического наследия, с момента возникновения которых прошло не менее ста лет.

При этом все башенно-замковые комплексы горной Ингушетии имеют возраст намного превосходящий столетний период. При этом обязательно необходимо учитывать, что башенные комплексы построены на месте более ранних поселений, история которых относится к периоду кобанской и предшествующих ей археологических культур.

Исходя из данных норм закона территории каждого башенно-замкового комплекса горной Ингушетии представляют собой культурные слои и являются объектами археологического наследия.

Важность объектов археологического наследия заключается в том, что незначительные на взгляд для обычного строителя, производящего «реставрационные» работы в отношении памятника истории и культуры, вещи, в виде предметов быта, украшения, монеты, знаков и др. может являться свидетельством исторически важных событий: исповедование религий, международных связей, наличие письменных данных и многое другое.

А раскрыть информацию о таких артефактах, дать надлежащую оценку их историко-культурной ценности, а также обеспечить их сохранность возможно в рамках проведения полноценных археологических полевых работ компетентными специалистами и в соответствии с установленными требованиями.

Кроме того, в рамках археологических работ выявляются скрытые под землей архитектурные элементы башенных и других каменных построек.

Таким образом, культурные слои на территории башенно-замковых комплексов горной Ингушетии содержат своего рода послания предков последующим поколениям об их быте. И повреждение культурного слоя либо принятие должных мер по его изучению при проведении реконструкции башен – это величайшее преступление против своего народа, опасность которого не все в наши дни осознают, как на общественном, так и на государственном уровнях.

В ингушском обществе высоко оценивается сохранение своих родовых башен. Представители ингушского народа в целях сохранности памятников истории и культуры, представленных замками, башнями, склепами и другими ритуальными и хозяйственными сооружениями их предков, не жалея собственных средств и сил проводят важную работу в данном направлении. Однако в таких условиях неизбежно такое явление, когда отдельные лица занимаются этим делом для достижения наиболее высокого статуса в обществе, а не в интересах сохранения башен.

Сохранение памятников истории и культуры относятся к высокооплачиваемую виду деятельности. Это связано в первую очередь с необходимостью наличия особых компетенций, опыта и, соответственно, дефицитом специалистов. При проведении данных работ пересекаются такие направления как наука, история, культура, искусство, строительство.

Но критерий высокооплачиваемости делает данную сферу привлекательной для предпринимателей.

Как итог, привлекаемые организации обладают компетенциями только в сфере строительства, и не всегда на профессиональном уровне. При этом деятельность уполномоченных государственных органов и общественных деятелей по недопущению такого подхода, заинтересованными лицами представляется как препятствие в деятельности по «реставрации» разрушающихся башен.

В мировой практике как современного периода, так и XIX в. сложился подход, согласно которому необдуманные решения по восстановлению памятников влекут не только уничтожение памятников истории и культуры как источник исторически ценных сведений, но и способствуют искажению этих сведений.

Еще в XIX в. известный английский искусствовед Джон Рёскин писал: «Ни широкая публика, ни те, кто охраняет общественные памятники архитектуры, не понимают подлинного значения слова «реставрация». Оно означает величайший урон, который может быть нанесен зданию, — разрушение, при котором уже не собрать остатков; разрушение, которое сопровождается неверным описанием уничтоженного» [Рёскин 2007: 285].

Как видно, утверждение Дж. Рёскина уместно и по сей день, спустя столетия. К сожалению, в наши дни проблема непонимания истинной ценности памятников истории и культуры имеет место как на общественном, так и на государственном уровнях.

По мнению Дж. Рёскина, реставрация является ложью, из-за которой памятник истории и культуры уничтожается еще более, чем если бы оно подверглось естественному разрушению. [Рёскин 2007: 286]

Из этого следует, что главная задача в деле сохранения памятников истории и культуры – это их сохранение в дошедшем до нас виде путем консервации.

По мнению современного зарубежного исследователя Р. Халафа, выделяют два случая, когда реставрация считается поддельной, неуместной, а также когда она считается «аутентичной». В первом случае по общему правилу восстановление и реконструкция являются негативными вмешательствами в состояние памятника истории и культуры. Во втором же случае Р.В. Халаф привел пример, когда в некоторых культурах реконструкция не является фальсификацией, подделкой или стилизацией. Это ритуал, который позволяет сохранять и передавать местную строительную культуру из поколения в поколение. Речь идет скорее о нематериальном наследии, чем о материальном наследии. Например, в Исэ, Япония, святилища разбираются и восстанавливаются каждые 20 лет согласно местной культуре [Халаф 2016: 266, 267].

Заключение

Действующим федеральным законом урегулирован общий порядок и виды работ по сохранению объектов культурного наследия. Вместе с тем для обеспечения исполнения законов требуется издание соответствующих подзаконных актов, разработка инструкций и других методических документов по мере их необходимости.

В этих целях предлагаются следующие принципы проведения работ по сохранению архитектурных (башенно-замковых) комплексов горной Ингушетии,

которые содержат в себе основные положения, соблюдение которых позволит решить указанные в настоящем исследовании проблемы в вопросах проведения работ по сохранению памятников архитектуры горной Ингушетии.

Данные принципы разработаны автором настоящей статьи в 2022 г. в период нахождения на государственной гражданской службе в должности руководителя Управления культурного наследия Правительства Республики Ингушетия, но не опубликовывались. Эти принципы без замечаний и предложений согласованы государственными учреждениями Республики Ингушетия, к полномочиям которых отнесены вопросы науки, истории и культуры.

Законность. Работы по сохранению башенных комплексов проводятся в соответствии с правилами действующего законодательства Российской Федерации и Республики Ингушетия и на основании выданных в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти заданий и разрешений.

Сохранение подлинности и уникальности. Основной целью работ по сохранению башенных комплексов должно являться сохранение историко-культурной ценности и недопущение дальнейшего разрушения памятников. Реставрация (воссоздание) памятников или отдельных его элементов допускается в исключительных случаях и только при соблюдении одного из следующих условий:

- наличие достаточных архивных данных (фотоматериал, подробное описание каждого памятника) и обоснование приспособления для современного использования;
- невозможность обеспечения физической сохранности памятника при помощи консервации (при наличии этого условия реставрация проводится в той части и объемах, необходимых для обеспечения физической сохранности памятника);
- в целях сохранения и выявления эстетических и исторических ценностей памятников (например, боевых башен, как важных объектов в системе сигнального оповещения и общей обороны) при наличии достаточных архивных данных (фотоматериал, подробное описание каждого памятника).

Сохранение пейзажей и местностей. При проведении работ по сохранению башенных комплексов и отдельных памятников горной Ингушетии особое внимание следует уделять обеспечению сохранности исторического ландшафта, в том числе функциональных участков: террасы, пастбища, дороги, тропы и др.; а также сохранению пейзажей: сохранение цветовых характеристик, недопустимость устройства громоздких современных сооружений и других действий, влекущих ущерб восприятию исторической местности.

Обоснованность проектных решений. Работы по сохранению башенных комплексов могут проводиться только при наличии проектных документов. Проектные решения должны иметь научное обоснование, основанное на архивных данных, и техническое обоснование, основанное на инженерных исследованиях. Современные методы консервации и строительства могут применяться в случае невозможности укрепить памятник при помощи традиционной техники.

Научный подход. До начала и во время производственных работ на башенных комплексах в обязательном порядке проводятся комплексные научно-

исследовательские мероприятия и археологические полевые работы (в случае проведения земляных работ).

Профессионализм лиц, проводящих работы по сохранению объектов культурного наследия. В Средневековые башни строили ингушские мастера, имена многих из которых дошли до наших дней. В наши дни при выборе исполнителей работ по сохранению памятников как за счет бюджетных (если это не противоречит действующему законодательству), так и внебюджетных источников финансирования необходимо руководствоваться их соответствием требованиям действующего законодательства, наличием положительного опыта по сохранению памятников истории и культуры, в том числе соблюдение установленных правовых норм в сфере сохранения памятников истории и культуры при предыдущих работах.

Признание всенародного достояния архитектурных (башенно-замковых) комплексов горной Ингушетии. В настоящее время имеется достаточно сведений о происхождении ингушских тейпов (фамилий) из определенных башенных комплексов. Однако башенные комплексы находятся в государственной собственности. Представители ингушских тейпов могут участвовать в финансировании работ по сохранению и государственному учету башенных комплексов, однако это не влечет возникновение у них прав и привилегий в отношении данных башенных комплексов.

Обязательность общественного обсуждения. Сведения о планируемых работах по сохранению башенных комплексов и научно-проектная документация по сохранению башенных комплексов обязательно подлежат размещению в сети Интернет до начала работ по их сохранению для учета мнения общественности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахриев 1870 – *Ахриев Ч.Э.* Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // Сборник сведений о кавказских горцах. – IV. – отд. II. – Тифлис, 1870. – С. 1-7.
- Басилов, Кобычев 1971 – *Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Галгай – страна башен // Советская археология. – № 1. – 1971. – С. 120–135.
- Гольдштейн 1975 – *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. – Москва: Наука, 1975. – 157 с.
- Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 518 с.
- Марковин 1969 – *Марковин В.И.* В стране вайнахов. – М.: Искусство, 1969. – 119 с.
- Марковин 1970 – *Марковин В.И.* Склепы эпохи бронзы близ селения Эгикал // Советская археология. – № 4. – 1970. – С. 83–94.
- Марковин 1975 – *Марковин В.И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследство. – Вып. 23. – 1975. – 121 с.
- Марковин 1994 – *Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. Сост.: Азиев М. А., Чахкиев Д. Ю. – М.: Русская книга, 1994. – 198 с.
- Мужухоев, Бекбузаров 1982 – *Мужухоев М.Б. Бекбузаров Х.Т.* Циклопические постройки у селения Карт и Дошхакле горной в Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. – Грозный: б/и, 1982. – С. 47-61 с.
- Рёскин 2007 – *Рёскин Дж.* Семь светочей архитектуры. – Санкт-Петербург, 2007 (перевод сделан по изданию: Ruskin J., Seven Lamps of Architecture, London, 1849). – 320 с.
- Семенов 1963 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963. – 160 с.

Сулименко 1997 – Сулименко С.Д. Башни Северного Кавказа (символизация пространства в домостроительном творчестве горцев). – Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. – 150 с.

Халаф 2016 – Халаф Р.Уо. Позиция по реконструкции разрушенных объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО // Международный журнал исследований наследия. – 2016. – С. 261–274.

Чакхиев 2003 – Чакхиев Д.Ю., Древности горной Ингушетии, том I. – Назрань, 2003 – 143 с.

Щеблыкин 1928 – Щеблыкин И.П., Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. – Владикавказ, 1928 – 31 с.

REFERENCES

AKHRIEV CH.E. *Neskol'ko slov o geroyakh v ingushskikh skazaniyakh* [A few words about the heroes in Ingush legends]. In: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – IV. – otd. II. – Tiflis, 1870. – P. 1-7. (In Russ.).

BASILOV V. N., KOBICHEV V. P. Galgay – strana bashen // *Sovetskaya arxeologiya*. – № 1. – 1971. – S. 120–135. (In Russ.).

GOL'DSHTEIN A.F. *Srednevekovoe zodchestvo Checheno-Ingushetii i Severnoi Osetii* [Medieval architecture of Chechen-Ingushetia and North Ossetia]. – Moskva: Nauka, 1975. – 157 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. – 518 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *V strane vainakhov* [In the country of the Vainakhs]. – M.: Iskusstvo, 1969. – 119 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Sklepy epokhi bronzy bliz seleniya Egikal* [There are Bronze Age Crypts near the village of Egikal]. In: *Sovetskaya arkheologiya*. – № 4. – 1970. – P. 83–94. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Nekotorye osobennosti srednevekovoi ingushskoi arkitektury* [Some features of medieval Ingush architecture]. In: *Arkhiturnoe nasledstvo*. – Vyp. 23. – 1975. – 121 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Kamennaya letopis' strany vainakhov*. Sost.: Aziev M. A., Chahkiev D. YU. – M.: Russkaya kniga, 1994. – 198 p. (In Russ.).

MUZHUKHOEV M.B. *Bekbuzarov Kh.T. Tsiklopicheskie postroiiki u seleniya Kart i Doshkhakle gornoi v Ingushetii* [Cyclopean buildings near the village of Karth and Doskhakle Gornaya in Ingushetia]. In: *Novye pamyatniki epokhi bronzy v Checheno-Ingushetii*. – Groznyi: b/i, 1982. – P. 47-61 p. (In Russ.).

RESKIN DZH. *Sem' svetochei arkitektury* [The Seven Lights of Architecture]. – Sankt-Peterburg, 2007 (perevod sdelan po izdaniyu: Ruskin J., *Seven Lamps of Architecture*, London, 1849). – 320 p. (In Russ.).

SEMENOV L.P. *Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925–1932 godakh* [Archaeological and ethnographic research in Ingushetia in 1925–1932]. – Groznyi: Checheno-Ingush. kn. izd-vo, 1963. – 160 p. (In Russ.).

SULIMENKO S.D. *Bashni Severnogo Kavkaza (simvolizatsiya prostranstva v domostroitel'nom tvorchestve gorcev)*. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 1997. – 150 p. (In Russ.).

KHALAF R.UO. *Pozitsiya po rekonstruktsii razrushennykh ob"ektov Vsemirnogo kul'turnogo naslediya YuNESKO* [Position on the reconstruction of destroyed UNESCO World Cultural Heritage Sites]. In: *International Journal of Heritage Studies*. – 2016. – P. 261–274.

CHAHKIEV D.YU., *Drevnosti gornoj Ingushetii, tom I*. – Nazran', 2003 – 143 p. (In Russ.).

Sheblykin I.P., *Iskusstvo ingushej v pamyatnikah material'noj kul'tury*. – Vladikavkaz, 1928 – 31 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.М. Дзарахов – эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы, аспирант.

Information about the author

M.M. Dzarakhov – expert in conducting state historical and cultural expertise, graduate student.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

УДК 94 (1917-1920)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-447-454

EDN: VFZIWN

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «АДАМЧЕВСКИЙ П., ВОЙТКОВЯК Я., МАМУЛИА Г. ВОСПОМИНАНИЯ ИЗМАЭЛЬ-БЕКА (ЮЗЕФА) ПЕТРУЦИНА-ПЕТРУШЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ. 1917–1919 ГГ. – ВАРШАВА: ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2022. – 332 С.» (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе^{1,2}

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Сухум, Республика Абхазия

Аннотация. В рецензии рассматривается публикация «Воспоминаний» Юзефа Петруцины-Петрушевского, находившегося в 1917-1920 гг. на Кавказе и ставшего участником и свидетелем многих исторических событий в регионе. Отмечается хорошая археографическая подготовка издания, а сам текст рассматривается как пополнение в богатом наследии польских нарративов о Кавказе. Оригинальность «Воспоминаниям» придает неординарная личность автора. Русский офицер и польский патриот стал преданным солдатом Кавказа, разделив судьбу его народов в трудные годы исторических испытаний периода революций и гражданской войны. В рецензии обращено внимание на ключевые аспекты «Воспоминаний», связанные с историей Горской республики, военной деятельностью автора, его встречам с кавказскими лидерами того времени. Обосновывается вывод, что «Воспоминания» являются ценным источником по истории Кавказа начала прошлого века.

Ключевые слова: Измаэль-бек (Юзеф) Петруцина-Петрушевский, Кавказ, Польша, Россия, революции 1917 г., гражданская война, Горская республика, воспоминания.

Для цитирования: Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на монографию «Адамчевский П., Войтковяк Я., Мамулиа Г. Воспоминания Измаэль-бека (Юзефа) Петруцина-Петрушевского как источник по истории февральской революции и войны на Кавказе. 1917–1919 гг. – Варшава: Институт политических исследований польской академии наук, 2022. – 332 с. (на русском языке, перевод с польского) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 447-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-447-454. EDN: VFZIWN.

© Анчабадзе Ю.Д., 2024

Book review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY PRZEMYSŁAW
ADAMCZEWSKI, JAKUB WOJTKOWIAK, GEORGE MAMULIA. "MEM-
ORIES OF IZMAEL-BEK (JOZEF) PETRUCIN-PETRUSHEVSKY AS A
SOURCE ON THE HISTORY OF THE FEBRUARY REVOLUTION AND
THE WAR IN THE CAUCASUS. 1917-1919" – WARSAW: INSTITUTE OF
POLITICAL STUDIES OF THE POLISH ACADEMY OF SCIENCES, 2022. –
332 P. (IN RUSSIAN, TRANSLATED FROM POLISH)**

Yuri D. Anchabadze^{1,2}

¹ N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract. The review examines the publication of “Memoirs” by Jozef Petrucina-Petrushevsky, who was in the Caucasus in 1917-1920 and became a participant and witness of many historical events in the region. The review acknowledges the good archeographic preparation of the publication and considers the text itself as an addition to the rich heritage of Polish narratives about the Caucasus. The extraordinary personality of the author gives the originality of the “Memoirs”. The Russian officer and Polish patriot became a devoted soldier of the Caucasus, sharing the fate of its peoples during the hard years of historical trials of the period of revolutions and civil war. The review draws attention to the key aspects of “Memoirs” related to the history of the Mountain Republic, the author’s military activities, and his meetings with Caucasian leaders at that time. The conclusion is substantiated that “Memoirs” are a valuable source of the history of the Caucasus at the beginning of the last century.

Keywords: Izmael-beck (Jozef) Petrucina-Petrushevsky, Caucasus, Poland, Russia, revolutions of 1917, civil war, Mountain Republic, memories.

For citation: Anchabadze Y.D. Review of the monograph by Przemysław Adamczewski, Jakub Wojtkowiak, George Mamulia. «Memories of Izmael-bek (Jozef) Petrucin-Petrushevsky as a source on the history of the February revolution and the war in the Caucasus. 1917-1919”. – Warsaw: Institute of political studies of the polish academy of sciences, 2022. – 332 p.» (in Russian, translated from Polish). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 447-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-447-454. EDN: VFZIW.

© Anchabadze Y.D., 2024

Польско-кавказские связи имеют давние исторические основания. Их многообразный контент включает взаимное участие представителей обоих регионов в событиях в странах визави, наличие значительной польской диаспоры на Северном Кавказе, присутствие в исторической памяти большого пласта представлений, связанного, с одной стороны, с общим восточным вектором польской идеологии сарматизма, а с другой, с частично реальными, а частично легендарными сюжетами об активном участии в Кавказской войне поляков, сражавшихся на стороне воюющих горцев. Отдельный пласт общего исторического контента представляют польские тексты о Кавказе. Их авторы были представители самых разных сфер профессиональной деятельности – ученые-

этнографы (П.Г. Пржецлавский), географы (И.И. Стебницкий), естествоиспытатели (Л.А. Млокосевич), участники Кавказской войны (Т. Лапинский) и многие другие – и в целом их труды в настоящее время составляют значительный объем кавказоведческой литературы.

Ныне он пополнился новой публикаций. Вышли в свет воспоминания Юзефа (Измаэль-бека) Петруцины-Петрушевского, в которых он описал свое пребывание на российском Кавказе в период революционных потрясений 1917–1920-х гг. О существовании этого мемуара стало известно сравнительно недавно: в 1989 г. он был обнаружен в Архиве министерства внутренних дел Польши профессором Варшавского университета Ежи Кохановским. Ему же принадлежат первые попытки исследовательского анализа текста в статьях, помещенных в польской научной прессе. Между тем, на родине автора записки не опубликованы, в то время как мы являемся обладателями их русского перевода, блестяще выполненного Екатериной Кузавлёвой-Адамчевской и Асель Сагимбековой.

Из выходных данных книги невозможно понять, кто занимался археографической подготовкой издания – в целом не плохой: публикация содержит содержательные постраничные комментарии, именной и географический указатели. Основной текст «Воспоминаний» предваряют три вводные статьи. Первая повествует о судьбах поляков, бывших офицеров Российской императорской армии, оказавшихся перед историческим выбором, связанным с отношением к революции и Гражданской войне в России. Во второй анализируется деятельность Петруцины-Петрушевского на службе Горской республики. Третья содержит подробный биографический очерк эпонима. С этими статьями также сопряжены некоторые загадки. По ряду признаков очевидно, что каждая имеет индивидуальное авторство, однако тексты не подписаны. В то же время на титуле обозначены имена Пшемислова Адамчешского и Якуба Войтковяка (это крупнейшие современные польские кавказоведы) и Георгия Мамулия (известного исследователя и эксперта в области истории Кавказа). Закономерно предположить, что они и являются авторами вступительных статей, но именная соотнесенность с конкретным текстом не обозначена.

Собственно «Воспоминания» Петруцины-Петрушевского состоят из двух частей. В первой – «В вихре революции» содержатся записки о революционных событиях в Москве и Петрограде, свидетелем и участником которых довелось быть автору. Однако меня в настоящих заметках будет интересовать вторая часть воспоминаний – «В тени Казбека», в которой автор описывает два года своей жизни, которые он провел на Кавказе.

В одной из вводных статей читателя предупреждают, «что мемуары Петруцина-Петрушевского являются ценным, хотя порой и весьма субъективным источником» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулия 2022: 84]. А как иначе? Любые мемуары, воспоминания, дневники и др. эго-документы несут печать индивидуальности и субъективности автора, но во многом именно эти качества делают подобные нарративы чрезвычайно интересными, особенно, если неординарна личность самого автора.

Юзеф Петруцина-Петрушевский был российским подданным. Он родился в 1893 г. в Вильно, где проживала его семья; отец был строительным подрядчи-

ком. Уйдя добровольцем на фронт разразившейся мировой войны, Петруцина-Петрушевский сражался в рядах императорской армии, заслужив ряд боевых наград. Февральскую революцию 1917 г. он встретил в Москве, судя по всему, весьма сочувственно относясь к свержению романовской монархии, но крайне негативно к развалу социального порядка, выплеснувшего на улицы стихийную полукриминальную волну «революционных» масс. В сентябре 1917 г. Петруцина-Петрушевский отправился на Кавказ, где пробыл до 1920 г. Здесь ему довелось оказаться свидетелем и участником многих исторических событий, в которых в полной мере сказались военные навыки Петруцины-Петрушевского. Нужно отметить, что пан Юзеф был храбрым солдатом и командиром. Возможно, описываемые им подвиги, как в России, так и на Кавказе грешат известными преувеличениями, но общий контекст воспоминаний не дает повода сомневаться в безоглядной смелости и динамичной решительности этого человека.

Более того, война была его сущностью, в ней он видел главное оправдание своей жизни. «Я люблю войну, – открыто признавался Петруцина-Петрушевский, – хотя не знаю за что» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 145]. Эта фраза не более, чем лукавство, ибо сам же отвечал на этот вопрос, говоря о «блаженстве», а также «умилении и почти восторге так внезапно обрушиться с чувством героического превосходства в траншею противоположного форпоста и разбить врага. Внезапные крики, взрывающиеся гранаты, затем лай штыков, стоны, яростная стрельба – и вот группа заложников передо мной. Я Господь жизни и смерти» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 145].

С такой же страстью, с какой пан Юзеф любил войну, он ненавидел ее противников. Для него пацифисты – «дрожащие за свою шкуру» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 147]. Столь же презрительно он отзывается об основном носителе пацифистских идей – интеллигенции, для характеристики которой нарочито подбирает уничижительные пейоративы, обзывая «лысой, физически опустошенной, идиотски легкомысленной, старческой, упрямой» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 179]. Вполне понятно, что негативным объектом являлась и партийная сила, представлявшая эту самую интеллигенцию на политическом поле России. Ю. Петруцина-Петрушевский признавался, что «их (кадетов. – Ю.А.) я совсем не понимал. В их теории я видел только огромный лисий хвост, покрывающий все, из-под которого ничего не видно» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 194]. Понятно, что в глубоко реакционных взглядах Ю. Петруцины-Петрушевского не оставалось места для демократических ценностей, в частности свободе, во всяком случае в том понимании, которое стало преобладающим в российском обществе, обьятом послефевральской эйфорией падения монархии. В состоявшемся в эти дни разговоре со своим русским собеседником об идеалах свершившейся революции пан Юзеф заявил, что «свобода одним крылом проникает в доисторические образцы пастушье-кочевого бродяжничества, а другим – в анархизм» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 159].

В целом, антидемократизм Юзефа Петруцины-Петрушевский лично у меня не вызывает больших симпатий, однако ему не откажешь в даре предвидения, обусловившем крайне подозрительное отношение к опьяненным «свободой»

выпавших из социального порядка революционным массам. Его ничем не сдерживаемое перо по силе страсти и ненависти порой напоминает «Окаянные дни» с их предельным неприятием новых российских реалий, но если у Бунина горькие инвективы по отношению к народу исторгала всепоглощающая любовь к погибающему отечеству, то у Петруцины-Петрушевского – неистовое неприятие бестолковости и нерешительности власти Временного правительства, не имеющего силы и воли для подавления анархистской вольницы, захлестнувшей улицы обеих российских столиц. Рецепты для правительства у Петруцины-Петрушевского имелись: «вывести на площадь жандармский дивизион и казаков, снести лавиной митингующих, выступающих (...) повесить на фонарях, объявить приказ, запрещающий хотя бы на один день покидать дома, и закрыть на месяц высшие учебные заведения – и на следующий день вся Москва запоет “Боже, царя храни”» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулия 2022: 159].

Впрочем, в сердце Петруцины-Петрушевского бушевали не только негативные страсти, но и весьма нежные чувства, которые он питал, прежде всего к своему народу. Трепетно и нежно культивируя свою польскость, пан Юзеф был высочайшего мнения о поляках, соотнося их национальные особенности с чертами собственной личности: «я – это поляк, вечный повстанец, враг насилия, вечный мечтатель о свободе» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулия 2022: 157], восклицает он, несколько неожиданно возвышенно толкуя о понятиях, которые в другой ситуации третировал и поносил. В целом свои права и действия он императивно соотносил с тем, «что диктует мое польское сердце» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулия 2022: 157].

Другое трогательное чувство Петруцина-Петрушевский испытывал к Кавказу и его народам. Он считал, что в этот край попал не случайно, ибо был ведомым самой судьбой. Из «Воспоминаний» следует, что пан Юзеф давно интересовался регионом, прочитал горы кавказоведческой литературы и в целом неплохо разбирался в местных обыкновениях и нравах, которые живо напоминали милому его сердцу рыцарскую польскую старину, воспетую А. Мицкевичем в «Пане Тадеуше» и Г. Сенкевичем в его исторических романах. Проникнувшись любовью к Кавказу, Петруцина-Петрушевский безоглядно вступил в борьбу за его свободу и независимость.

Он прибыл на еще мирный и спокойный Кавказ, но в скором времени край стал стремительно погружаться в революционный хаос: «Зловещие ветра анархии завертели событиями, как степным песком» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулия 2022: 240], – писал пан Юзеф, не лишенный склонности к литературным «красивостям». Действительно, последовавшие затем события с увеличивающимся ускорением настигали, наслаивались и сталкивались друг с другом, что в ярких подробностях описал автор в своих «Воспоминаниях».

«В тени Казбека» начинается с прибытия Петруцины-Петрушевского 21 сентября 1917 г. в Тифлис, где он общался с функционерами Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ), учрежденного Временным правительством для управления краем. Будучи прикомандированным к Кавказскому туземному кавалерийскому корпусу (известному под наименованием «Дикая дивизия»), Петруцина-Петрушевский выехал на Северный Кавказ с заданием организовать там

добровольческое военное формирование для ведения партизанской войны. Прибыв 6 октября во Владикавказ, пан Юзеф рьяно принялся за реализацию этого проекта, однако наступление большевиков захват ими в феврале 1918 г. города обрушил начатую работу. Она была продолжена в Чечне, где Петруцина-Петрушевский, будучи комендантом крепости в Ведено, создал мобильный венный отряд из чеченских добровольцев, сражаясь с большевиками сначала в составе боевых формирований Горской республики, а затем в составе соединенной Добровольческой армии.

Значительная доля активности Петруцины-Петрушевского (а равно сюжета «Воспоминаний») тесно связана с поддержкой политических чаяний горской элиты, пытавшихся воплотить будущее своих народов в различных формах региональной государственности. Во вводной части указывается, что мемуары Петруцина-Петрушевского являются «значительным вкладом в дело изучения истории Горской Республики» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 54]. В этом нет сомнений. Автор был свидетелем и участником многих событий, связанных с этим уникальным явлением в истории Кавказа, оказался вдумчивым аналитиком механизмов созидания и гибели зачатков горской государственности. Все это нашло яркое отражение на страницах «Воспоминаний».

Между тем перед глазами автора протекали и другие события. В условиях разгоревшейся революционной смуты и гражданской войны они в основном отражали трагедийную сторону исторических событий, которые Петруцина-Петрушевский хроникально отразил в своих «Воспоминаниях»: противостояние различных политических сил и течений, насилия и кровавые эксцессы в условиях распада социальной ткани государства, рушившееся добрососедство, разъедаемое рецидивами горско-казацкого противостояния, осетино-ингушских противоречий и др. Одновременно Петруцина-Петрушевский – заинтересованный и крайне доброжелательный наблюдатель горского быта, оставил немало заметок о кавказском мире, в которых возвышенное и романтическое восприятие его коренных устоев сочеталось с вполне трезвыми, порой резко критическими характеристиками местных реалий в их этнической специфике.

Петруцине-Петрушевскому довелось общаться со многими деятелями Горской республики, а также со многими другими кавказскими лидерами того времени. В «Воспоминаниях» много записей о встречах автора со своими контрагентами, это – Тапа Чермоев, Таштемир Эльдарханов, Муртузали Куриев, Дени Арсанов, Али Митаев, Пшемахо Коцев, Михаил Караулов, Нажмудин Гоцинский и др. Правда, в ряде случаев пан Юзеф дает волю отмеченному выше субъективизму и его оценки порой грешат излишней эмоциональностью и малообоснованными претензиями, однако в целом это еще один штрих для понимания той бескомпромиссной позиции, которую отстаивал польский герой в своей кавказской борьбе.

Примечательной страницей в биографии Петруцины-Петрушевского является принятие им ислама. В «Воспоминаниях» об этом упомянуто лишь одним предложением, однако очевидно, что данный шаг был отражением глубокого душевного переворота в сознании родившегося в католической семье Юзефа Петруцины-Петрушевского. В биографическом очерке упомянуто, что согласно

легенде, он имел татарские корни, однако польское происхождение и уж во всяком случае соответствующая идентичность Петруцины-Петрушевского не вызывает сомнений. Переход в ислам, после которого новообращенный стал Измаэль-беком, произошел 18 апреля 1920 г., т.е., когда Петруцина-Петрушевский находился на Кавказе, что, вероятно, имело решающее значение. Вспомним, что Петруцина-Петрушевский задолго до этого упорно штудировал кавказоведческую литературу, знакомясь с бытовой спецификой региона, в том числе с устоями духовной культуры. Попад на Кавказ, пан Юзеф удостоверился, что сложившиеся у него романтические книжные представления о регионе во многом соответствуют действительности, проверенной личным жизненным опытом: «Я провел почти два года в тени Казбека, – писал Измаэль-бек, – разделял судьбу его воинственных племен» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 233]. Характерно, что Измаэль-бек принял ислам, будучи уже в рядах Добровольческой армии. Контрастная смена окружения не элиминировала, а как видно, наоборот, окончательно укрепила мировоззренческий поворот, приведший его лоно новой духовности.

Воспоминания Петруцины-Петрушевского были написаны спустя пятнадцать лет после пребывания на Кавказе. Но и тогда Измаэль-бек не мог найти точного ответа на мучивший его вопрос: «почему в таких благоприятных условиях кавказские народы не создали никакой государственности» [Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022: 288]. Его предположения, что судьбы народов «стали игрушкой в руках политических спекулянтов и авантюристов», кажутся слишком легковесными и прямолинейными. Ослепленный своей страстной идеей видеть уникальный мир кавказской цивилизации свободным и независимым, Измаэль-бек не придавал значение многим институциональным основам региональной жизни. Не идущий на компромиссы, он гневно клеймил любые попытки поисков обоюдных решений. Терпя сотрудничество с силами Добровольческой армии, Измаэль-бек был последовательным противником большевиков, поэтому любые контакты кавказцев с красными, рассматривал как предательство национальных интересов. Зная об историческом многообразии народов и культур, он, мне кажется, недооценил центробежные силы этнического партикуляризма, порождавшие многие беды и несчастья региона.

Измаэль-бек не смирился с крахом своих надежд. Воссозданные в биографическом очерке последующие перипетии жизненного пути Петруцины-Петрушевского оказались не менее бурными и извилистыми, чем его кавказская эпопея, при этом сам Кавказ оставался вожаделенной целью и мечтой его личного кредо. Сотрудничая с польскими спецслужбами, Измаэль-бек прилагал немало многообразных усилий для организации антисоветского движения на Кавказе. В рамках этой деятельности важной потребностью стало, вероятно, желание вернуться мысленно на Кавказ в бурную эпоху его революционных потрясений, многие важные черты которой Измаэль-бек (Юзеф) Петруцина-Петрушевский запечатлел на страницах своих «Воспоминаний».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адамчевский, Войтковяк, Мамулиа 2022 – Адамчевский П., Войтковяк Я., Мамулиа Г. Воспоминания Измаэль-бека (Юзефа) Петруцина-Петрушевского как источник по истории

февральской революции и войны на Кавказе. 1917–1919 гг. – Варшава: Институт политических исследований польской академии наук, 2022. – 332 с. (на русском яз., перевод с польского).

REFERENCES

ADAMCHEVSKII P., VOITKOVYAK YA., MAMULIA G. *Vospominaniya Izmael'-beka (Yuzefa) Petrutsina-Petrushevskogo kak istochnik po istorii fevral'skoi revolyutsii i voiny na Kavkaze. 1917–1919 gg.* [Memoirs of Izmael-bek (Jozef) Petrucin-Petrushevsky as a source on the history of the February Revolution and the war in the Caucasus. 1917-1919] – Varshava: Institut politicheskikh issledovaniy pol'skoi akademii nauk, 2022. – 332 p. (in Russian, translated from Polish).

Информация о рецензенте

Ю.Д. Анчабадзе – доктор исторических наук.

Information about the reviewer

Yu.D. Anchabadze – a doctor of Sciences (History).

Рецензия поступила в редакцию 29.07.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The review was submitted 29.07.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Рецензия на книгу
УДК 811.512.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461
EDN: VLBPWZ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«МУСУКОВ Б.А.-К. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКАХ. – НАЛЬЧИК: BINDING2016, 2023. – 163 С.»**

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, ketchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

Аннотация. Представлено и проанализировано содержание монографии Б.А.-К. Мусукова «Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках», изданной в г. Нальчике в 2023 г. Рецензентом в последовательной форме дается характеристика всем двум главам книги, в которой подробно рассмотрены лексико-семантические и структурные особенности значимого пласта лексики тюркских языков, репрезентирующих номинации различных цветов. Отмечена релевантность использования автором сравнительно-исторического метода при анализе колоративов. Поливекторный анализ адъективной колоративной лексики позволил автору сделать вывод, что колоронимы отличаются от других разрядов адъективных слов своей специфической семантикой и отдельными грамматическими особенностями, а также в этнокультурном отношении, на что влияет не только система тюркских языков, но и культурно-исторический опыт их носителей. Автору рекомендовано использовать в дальнейших разработках исследовать рассматриваемый феномен с позиций антропоцентрической парадигмы современной гуманитарной науки и лингвокультурологии.

Ключевые слова: монография, рецензия, тюркские языки, колоративная лексика, формально-семантическая парадигма, цветовая геосимволика, лингвоцветовое пространство.

Для цитирования: Кетенчиев М.Б. Рецензия на монографию «Мусуков Б.А.-К. Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 455-461. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461. EDN: VLBPWZ.

© Кетенчиев М.Б., 2024

Book Review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH «MUSUKOV B.A.-K. FORMAL
SEMANTIC PARADIGM OF COLORATIVE VOCABULARY
IN TURKIC LANGUAGES. – NALCHIK: BINDING2016, 2023. – 163 P.»**

Mussa B. Ketchiev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, ketchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

Abstract. The content of B.A.-K. Musukov's monograph "The formal semantic paradigm of color vocabulary in Turkic languages," which was published in Nalchik in 2023, is given and stud-

ied. The reviewer characterizes the two chapters of the book consistently by surveying the lexico-semantic and structural aspects of a considerable layer of vocabulary from Turkic languages representing nominations of various colors. The author's use of the comparative historical technique in the examination of colorants is emphasized. A multivector analysis of the adjectival colorative vocabulary led the author to the conclusion that coloronyms differ from other categories of adjectival words in their specific semantics and individual grammatical features, as well as in ethnocultural terms, which are influenced not only by the Turkic language system but also by their speakers' cultural and historical experiences. It is suggested that the author adopt the anthropocentric paradigm of modern humanities and linguistics to study the issue in question in future research.

Keywords: monograph, review, Turkic languages, color vocabulary, formal semantic paradigm, color geosymbolics, linguistic color space.

For citation: Ketenchiev M.B. Review of the monograph «Musukov B.A.-K. Formal semantic paradigm of colorative vocabulary in Turkic languages. – Nalchik: Binding2016, 2023. – 163 p.». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 455-461. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-455-461. EDN: VLBPWZ.

© Ketenchiev M.B., 2024

Цветовые обозначения релевантны для описания и различения объектов окружающего мира, т.е. восприятие цвета есть важнейшее орудие познания мира, и данный феномен как основное визуальное качество чего-либо, воспринимаемое человеком, значимо для его жизнедеятельности. Люди к понятию цвета часто обращаются в обиходе, например, при приобретении различных вещей, в силу чего роль колоративов значительна во многих культурах, в том числе и в тюркской.

Цвет и сопряженные с ним понятия традиционно являются объектами исследования ученых, которые специализируются в области как гуманитарных (философия, психология, культурология, языкознание и др.), так и естественных (биология, физика, химия и др.) наук. Восприятие же его связано с языковым, культурно-историческим опытом социума, а сама система цветовых обозначений представляет собой важный элемент языковой картины мира того или иного народа. Носители различных языков на протяжении своей жизнедеятельности по-своему воспринимают окружающий цветовой мир, что нашло отражение и в системе номинаций цветов в языке. Благодаря этому в словарном составе каждого языка сложилась так называемая колоративная лексика, которая нацелена на интерпретацию специфики объектов окружающей действительности, детерминированную особенностями национального характера. Этим и обусловлена актуальность тех направлений в современной науке о языке, которые нацелены на раскрытие проблем взаимосвязи языка, культуры и мышления. По этой же причине ученые-лингвисты в своих исследованиях ориентируются на отражение в языковых единицах различных уровней национально-культурной специфики этноса. Монографию Б.А.-К. Мусукова «Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках» тоже можно отнести к этой серии научных работ, актуальных для современной лингвистической науки.

Рецензируемая монография характеризуется несомненной научной новизной, поскольку в ней автором впервые осуществлен поливекторный анализ

большого массива колоративной лексики, функционирующей в целом ряде тюркских языков.

Следует отметить также теоретическую и практическую значимость работы. Автором внесен значимый вклад в научно-теоретическую интерпретацию колоративной лексики тюркских языков. Достигнутые им научные результаты релевантны для дальнейшего системного изучения лексикологии тюркских языков в целом, а реестр колоронимов, привлеченных для анализа, послужит добротной базой для составления сравнительного словаря колоронимов тюркских языков.

Монография характеризуется высокой степенью достоверности основных выводов и практических результатов исследования, что обеспечивается непротиворечивостью исходных теоретических положений, составляющих основу разрабатываемой автором концепции, использованием апробированной в традиционной тюркологической науке методологии относительно структурно-семантических и иных характеристик колоронимов, которая вместе с тем отражает и положение о связи языка, мышления и культуры.

Рассматриваемая монография Б.А.-К. Мусукова в структурном отношении состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и реестра условных сокращений.

Во **вводной части** работы автор удачно обосновывает то, по какой причине он обратился к исследованию формально-семантической парадигмы колоративной лексики в тюркских языках, обозначая при этом ряд ее важных особенностей. В этом отношении следует согласиться с ним в том, что «колоративные слова, будучи одной из важнейших категорий познания мира, пространства и времени, движения и диалектики, описывающие реальность, занимают в словарном составе тюркских языков важное место» [Мусуков 2023: 3].

Особо импонирует в работе **первая глава**, которая называется «Обозначение геосимволики в тюркских языках». В ней автор последовательно и скрупулезно с привлечением значительного массива иллюстративного материала и научно-теоретических публикаций, ссылаясь при этом на труды авторитетных лингвистов, выявляет и описывает основные способы номинации свободных и лексикализованных словосочетаний с помощью колоративных компонентов в тюркских языках. При этом, конечно же, делается упор, и не без оснований, на дескрипции, содержащие в своем составе адъективные лексемы так называемого «основного цветообозначения».

Автором интересные наблюдения приведены относительно отражения растительного мира в тюркской ономастике с помощью колоративных слов. Он не ограничивается констатацией того, что колоративная лексика в тюркских языках функционирует при вербализации и номинации растительного мира в ономастике. Так, он вполне правомерно отмечает тот факт, что универсальной лексико-семантической особенностью цветообозначающих словосочетаний, образованных с помощью слов *агъач* «дерево» и *терек* «дерево», является возможность образования их посредством синонимических рядов в пределах единого цветообозначения, ср.: *акъ агъач* и *акъ терек* в значении «тополь, осина».

Важной составляющей первой главы работы является интегративная специфика терминологических названий предметов, связанных с колоративной лексикой. Речь идет о том, что при обозначении внешних особенностей отдельных предметов в тюркских языках обнаруживается их ассоциативная связь с определенными цветами, находящимися в синонимическом ряду таксономий. В карачаево-балкарском языке, например, *бауур* «печень» представляет собой орган кого-либо, оличающийся краснотой. По этой причине и употребительна дескрипция *бауур бетли* «цвета печени», служащая для обозначения цвета какого-либо предмета.

Рассматривая деривационные особенности адъективных колоративов, Б.А.-К. Мусуков приходит к правомерному выводу о том, что, несмотря на единую историческую основу, прилагательные цвета в тюркских языках имеют разнящийся в них набор словообразовательных средств.

Безусловно, колоративы характеризуются в тюркских языках и этнокультурной значимостью. В доказательство этого автор специально останавливается на номинациях этноплеменных объединений различных тюркских народов. Таких этнономинаций в работе встречается достаточно много: *ак-бура*, *алатай*, *карабалых*, *конгур-бурк*, *куба*, *кунгур*, *кызыл-бурк*, *сары-джумарт*, *сары-уйсунь*, *сегиз-сары* и т.п. Он останавливается и на различных их интерпретациях.

Адъектив *акъ* «белый», употребляющийся в дескриптивных обращениях также широко распространен. Всем, например, известно слово *аксакал* как уважительное обращение к почтенному человеку (букв. *белобородый*). В имеющейся научно-теоретической литературе подчеркивается, что такое обращение в тюркской среде связано с почитанием возраста человека. В рассматриваемой монографии приводятся интересные семантические интерпретации этой значимой лингвокультуемы: а) старейшее и видное лицо из семьи или рода; б) глава рода; в) староста села; г) начальник, смотритель, надзиратель; д) член общественного совета и др. Важным представляется и гендерное восприятие цвета: *aq ara* «бабушка (букв. белая, старая мать)»; *ay birčäk* «старая женщина, которая руководит домашним хозяйством (букв. белые кудри)» и др.

В работе нашли свою нишу и сочетания колоронима *акъ* с целым рядом значимых субстантивов: *aq kölmäk* «чистая рубашка, сорочка», *aq kir* «чистое белье», *aq namaz* «чистая молитва», *aq nikah* «чистый брак», *aq nēt* «чистое намерение», *aq yözö* «имущество, приобретенное честным путем», *aq mäl* «белый скот», *aq qöñül* «чистое сердце» и т.п. Подобные дескрипции призваны отражать в тюркской лингвокультуре такие социально релевантные понятия, как чистота, незапятнанность, непорочность, что подмечено автором.

Следует согласиться с автором и в том, что рассматриваемый им колороним напрямую связан с репрезентацией счастливой судьбы человека, в пользу чего свидетельствует приведенный в монографии богатый иллюстративный материал из различных тюркских языков: *ay baxt* «белая, т.е. счастливая судьба», *ay qünli* «счастливый», *aq kün* «счастье», *aq künli bol* «будь счастлив», *aq yoluñ açılıñ* «пусть тебе откроется хорошая дорога», *Allah aq yol birsin* «пусть Аллах даст хорошую, счастливую дорогу» и др.

Небезынтересны и данные относительно того, что лексема *aq* в тюркских языках является облигаторной составляющей устойчивых словосочетаний с метафорическим значением для репрезентации материального уровня или благосостояния лица. В работе отмечается, что черная одежда, палатка и остальное свидетельствуют о бедности владельца, тогда как белый цвет представляет собой показатель материального благосостояния и богатства: *aq tondu* «с белым тулупом (богач)», *ak uy* «богатая роскошная юрта», *aq tütin* «богатая юрта», *aq saray* «белый дом (дворец властителя, государя)», *aq hөйэк* «белая кость (представитель зажиточного сословия)».

Монография изобилует и эмпирическим материалом, который отражает наличие в тюркских языках значительного пласта фитонимов и зоонимов, вбирающих в свой состав рассматриваемый адъектив: *aq baba* «ромашка», *aq bardaq* «снежный цветок (крокус)», *aq yasamän* «белый жасмин», *акътерек* «тополь», *акъ мырзы* «береза»; *aq kik* «белый олень», *aq tüö* «белый верблюд», *aq tüyin* «белая белка», *aq as* «горностай», *агъаз* «ласка», *aq balıq* «белорыбица», *aq çičqan* «белая мышь» и др.

Вызывает неподдельный интерес и **вторая глава** монографии, которая получила название «Категоризация лингвоцветового пространства с помощью колоративной лексики».

Данную главу предваряет параграф (2.1.), в котором исследуется то, каким образом образуются собственно колоративные конструкции посредством изафетных форм. При этом упор делается на то, что в тюркских языках встречаются атрибутивные словосочетания изафетного типа, употребляющиеся как в прямых, так и в переносных значениях, ср.: *jüz agы, алын агы* «белизна лица; честность». Из этого следует, что атрибутивные лексемы как семантически самодостаточные единицы обладают большим смысловым объемом, четкими границами лексико-семантических вариантов, легко варьируют свое лексическое значение и в силу этого проявляют чрезвычайно широкую сочетаемость, имея при этом немало семантических значений. Автором относительно изафетных форм актуализируется следующее: внутри структурного сочетания «определение + определяемое (имя прилагательное + имя существительное)», функционирующего в речи как «сдвоенное наименование», отмечаются семантические модификации значений и определяемого (имени существительного), и определения (имени прилагательного).

В тюркских языках имеет место также образование собственно сложных фитонимов в результате преобразования изафетных форм в лексические единицы. Это подтверждается фактологическим материалом из различных тюркских языков. Приведем примеры со стержневым компонентом *алабута*: *зернале алабута, қара алабыта, қызыл алабота, қызыл алабута, қара албада, йомыры башлы алабота, йомша алабота* – «амарант, ширица»; *йомшақ алабыта, ақ алабыта, ақ алабота, чәчмә алабыта* – «лебеда, марь обыкновенная»; *сасы алабута* – «марь вонючая»; *тирес алабутасы, энже алабатасы* – «белая лебеда». На основе анализа растений Б.А.-К. Мусуков, как и другие тюркологи, приходит к правомерному выводу, что народные названия растений слабо подвержены влиянию литературного языка, так как этот разряд отраслевой лексики

отражает особенности окружающего растительного мира, местной флоры. Им подмечена и такая особенность народных названий растений, как выполнение ими ограниченной коммуникативной функции. Все это раскрывается автором в параграфе 2.2.

Работа выглядела бы неполной, если бы в ней не отразилась специфика образования терминоединиц в тюркских языках, но и эта проблема решена автором. Особое внимание он уделяет колоративам как терминообразующим компонентам в составе названий крупного (*гызыл мал, гызыл нахыр, гырмызы мал, курэн мал* и др.) и мелкого (*aһал кечи, гараваи гојун, јаһал кечи* и др.) рогатого скота. В данном случае речь идет о номинации животных по масти и цветовым особенностям.

В заключительной части автор подводит итоги исследования и делает релевантные для колоративной лексики выводы, которые сводятся в основном к следующему: а) слова со значением цвета составляют значительный семантический разряд тюркских качественных имен прилагательных; б) для колоративов характерна полисемантичность (особенно в этнокультурном отношении); в) наряду с интегрирующим началом колоративам присущ в каждом отдельно взятом тюркском языке свой набор словообразовательных маркеров; г) адъективы цвета употребительны в различных тематических областях.

В целом работа выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, а результаты исследования не вызывают сомнений. Вместе с тем считаем возможным высказать автору некоторые замечания и пожелания:

1. Во введении работы необходимы были четкие формулировки, которые обязательны для каждой научно-теоретической работы: а) актуальность, б) научная новизна, в) методы исследования, г) теоретическая и практическая значимость.

2. Можно было бы объединить параграфы 1.4. «Обозначение цветовой гео-символики в физико-географических объектах в тюркских языках» и 1.5. «Отражение растительного мира в тюркской ономастике с помощью колоративных слов», так как в обоих параграфах превалирует флористический материал.

3. Желательно было бы вычленив параграфы 1.9.1. – 1.9.7. и объединить в одну отдельную главу «Этнокультурные особенности колоративной лексики», поскольку это, на наш взгляд, диктуется самим содержанием этих параграфов, в которых актуализируются в большей степени: а) участие колоративов в номинации этноплеменных объединений тюрков (1.9.1.); б) символическая составляющая цвета *акъ* «белый» в культуре, флоре и фауне (1.9.2 – 1.9.7.).

4. Автор порой проявляет некоторую категоричность относительно того, зафиксировано то или иное слово в различных тюркских языках. Например, он пишет, что слово *башакъ/машакъ* в карачаево-балкарском языке в значении «колос» не употребляется, однако его можно найти в составе единственного цветообозначающего словосочетания *къарамашакъ*, выступающего как сложное слово с пейоративной семантикой «человек темной внешности». С таким утверждением трудно согласиться без оговорок. Действительно, это слово не обнаруживается в словарях, но еще в доперестроечное время жители горных балкарских сел выезжали на равнину для сбора зерновых, оставшихся после

жатвы на полях. Этот обычай назывался *масакъ жыяргъа барыу*. Это выражение условно можно перевести на русский язык следующим образом: «ходить собирать колосья (оставшиеся после жатвы); ходить собирать остатки кочанов кукурузы (после уборки)». Такой вариант к тому же отмечен самим автором у кумыков, которые наиболее близки к карачаевцам и балкарцам: *машакъ жыймакъ* «собирать колоски». Это говорит о том, что необходимо учитывать не только данные лексикографических источников, но и материал полевых исследований.

5. Работу украсили бы современные научно-теоретические изыскания отечественных и зарубежных авторов (А.Б. Базыма, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, С.В. Кезина, М.А. Кронгауз, Г.Г. Слышкин, Е.Н. Юстова и др.), которые внесли весомый вклад в изучение рассматриваемого феномена с позиций антропоцентризма и лингвокультурологии.

6. Не было бы излишним и наличие в конце работы словаря колоронимов, представляющего собой приложение, отражающее номинации цветов в различных тюркских языках с указанием их этнокультурных значений.

Однако данные замечания не влияют на нашу общую высокую оценку монографического исследования Б.А.-К. Мусукова. Оно имеет целостный и самостоятельный характер, содержит собственную интерпретацию нового фактологического материала и значимые результаты, вносящие весомый вклад в развитие современной лингвистики (тюркологии) в части колоративной лексики, что достигнуто корректным использованием различных приемов релевантных для сравнительно-исторического метода, важного для изучения лексики тюркских языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мусуков 2023 – *Мусуков Б.А.-К.* Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с. EDN: WMKUXI.

REFERENCES

MUSUKOV B.A.-K. *Formal'no-semanticheskaya paradigma kolorativnoi leksiki v tyurkskikh yazykakh* [Formal semantic paradigm of colorative vocabulary in Turkic languages]. – Nal'chik: Binding2016, 2023. – 163 p. (In Russ.)

Информация о рецензенте

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

Information about the reviewer

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

Рецензия поступила в редакцию 05.07.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The review was submitted 05.07.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Рецензия на книгу
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-462-467
EDN: WRCKRN

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«БОРОВ А.Х. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1917–1918).
– НАЛЬЧИК: РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
ИГИ КБНЦ РАН, 2024. –152 С.»**

Мадина Анатольевна Текуева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, tekuevamadina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5818-9131>

Аннотация. Исследование проблем, связанных с распространением идей русской революции на Северном Кавказе, с историей гражданской войны в регионе, отмечены разногласия в кавказоведческой историографии. Это обусловило наш интерес к работе А.Х. Борова «Концептуальные итоги и проблемы изучения опыта революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии». Сама постановка вопроса обещает объективный подход к анализу опубликованной научной литературы по теме. Непредвзятый, но четкий анализ предыдущего научного наследия, сопоставленный с событиями и действующими лицами, позволил автору рассмотреть различные интерпретации проблемы гражданского противостояния в революционные годы на материалах Терской области, в которую входил и Нальчикский округ. Автор монографии подводит итоги изучения этого исторического периода, выстраивая факты в строгой хронологии и переосмысливая их. Глубокий историографический анализ, проверка различных концепций, мощная научная эрудиция привели автора к выводам об особенностях процессов модернизации северо-кавказского общества под воздействием «внешних» вызовов и «внутренних» условий. Работа А.Х. Борова является примером честного научного труда и безусловно будет способствовать созданию обобщенной истории Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, Терская область, Нальчикский округ, историография, концепция.

Для цитирования: Текуева М.А. Рецензия на монографию «Боров А.Х. Концептуальные итоги и проблемы изучения опыта революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии (1917–1918). – Нальчик: редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2024. – 152 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 462-467. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-462-467. EDN: WRCKRN.

© Текуева М.А., 2024

Book Review

**REVIEW OF THE MONOGRAPH "BOROV A.H. CONCEPTUAL
RESULTS AND PROBLEMS OF STUDYING THE EXPERIENCE
OF THE REVOLUTION AND CIVIL WAR
IN KABARDINO-BALKARIA (1917-1918).
– NALCHIK: EDITORIAL AND PUBLISHING DEPARTMENT
OF IGI KBNTS RAS, 2024. – 152 P."**

Madina A. Tekueva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, tekuevamadina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5818-9131>

Abstract. The study of the problems associated with the spread of the ideas of the Russian revolution in the Northern Caucasus, with the history of the civil war in the region, is marked by discord in Caucasian historiography. This led to our interest in the work of A.H. Borov "Conceptual results and problems of studying the experience of the revolution and the Civil war in Kabardino-Balkaria." The very formulation of the question promises an objective approach to the analysis of published scientific literature on the topic. An unbiased but clear analysis of the previous scientific heritage, compared with the events and actors, allowed the author to consider various interpretations of the problem of civil confrontation in the revolutionary years on the materials of the Ter region, which included the Nalchik district. The author of the monograph summarizes the results of the study of this historical period, arranging the facts in a strict chronology and rethinking them. A deep historiographical analysis, verification of various concepts, and powerful scientific erudition led the author to conclusions about the peculiarities of the modernization processes of North Caucasian society under the influence of "external" challenges and "internal" conditions. The work of A.H. Borov is an example of honest scientific work and will certainly contribute to the creation of a generalized history of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Civil war, revolution, Tersk region, Nalchik district, historiography, concept.

For citation: Tekueva M.A. Review of the monograph «Borov A.H. Conceptual results and problems of studying the experience of the revolution and civil war in Kabardino-Balkaria (1917-1918). – Nalchik: editorial and publishing department of IGI KBNTS RAS, 2024. – 152 p.". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 462-467. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-462-467. EDN: WRCKRN.

© Tekueva M.A., 2024

История русской революции и Гражданской войны – проблема, требующая сегодня тщательного изучения. Это проблема не теряет актуальности, несмотря на столетнюю историографическую традицию, написание томов обобщающих трудов и работ, акцентированных на специфических деталях драматического периода, отразившегося на всей мировой истории. Даже на начальном этапе научного осмысления истории Революции и Гражданской войны, не было выработано единого подхода к их изучению. Что тогда говорить о времени снятия идеологических ограничений и пересмотра устоявшихся констатаций в постсоветской историографии? Историки, которые ставят перед собой задачу изучения этих событий на территории Северного Кавказа и Терской области, пытаются искать иные причины и предпосылки включения народов края в общероссийский революционный переход, собственную логику разворачивания его сценария.

Автор же рецензируемого текста ставит перед собой и читателем трудную задачу перепрочтения огромного объема историографического материала, выработки/выбора концептуальных подходов для понимания социально-политических, социокультурных процессов, происходивших в Кабарде и Балкарии в 1917-1922 гг. Перед нами солидное научное изыскание, базирующееся на глубокой авторской аналитической работе. Уже во Введении методично обуславливаются аспекты, актуализирующие исследование: исторический – для

анализа истоков современного общественно-политического развития региона; научный – для разбора разноплановых интерпретаций исторических фактов и их оценок; определяются теоретические подходы к изучению проблемы.

Композиционная организация текста монографии сконструирована по проблемно-хронологическому принципу. В первой главе «Проблема предпосылок революционного процесса» А.Х. Боров четко обозначает отсутствие внутренних причин идейно-политического характера для раскола этнических обществ Кабарды и Балкарии в революционном контексте и указывает на «общее давление внешнего, “русского” мира на традиционный этнический социум» [Боров 2024: 26]. Это важно для понимания действительных причин того, что население края последовало за революционными переменами, и этот тезис безусловно поддерживается нами.

Вторая глава «Основные фазы и механизмы развития революционного процесса» самая объемная. Она состоит из шести параграфов, которые последовательно раскрывают социально-политическую ситуацию на Тереке, создавшуюся в результате переворота государственной системы Российской империи и углубившую кризис власти. Автор анализирует работу первых съездов народов Терека и создание комплексной инфраструктуры власти, включавшей представителей различных этнических групп и социальных слоев населения области, разбирает их оценку в советской и постсоветской историографии и подводит свою аудиторию к размышлениям о характере работы Советов народных депутатов, их идейной направленности и способности регулировать социально-политические процессы.

Далее А.Х. Боров подходит к центральной проблеме генезиса «малой гражданской войны», увязывая его с внутренними для региона процессами. Он начинает свой анализ с политики Терской республики в земельном вопросе, которая представляется автору вполне советской – конфискация помещичьих и государственных земель и передача их трудовому крестьянству. Но при этом есть понимание того, что земельный вопрос находится в тесной связи с межнациональными отношениями, «причем речь шла не только о ликвидации последствий военно-колониционного натиска со стороны царизма и отчуждения исконных горских земель в пользу казаков» [Боров 2024: 60], а и о противоречиях между соседними народами в отношении земельных уступок со стороны Кабарды. Изменение системы землевладения и землепользования наталкивалось также на традиционные формы долгосрочной аренды, не оформлявшиеся формально-юридическим образом, что создало дополнительные разночтения как в реальной истории, так и в исторической реконструкции. А.Х. Боров методично рассматривает документальные факты и их толкования в региональной историографии. Он видит дополнительную напряженность политической ситуации в области, вызванную: (1) масштабами и интенсивностью перераспределения земель; (2) недостаточной верой населения в легитимность новой власти; (3) дестабилизацией межэтнических отношений – «перераспределение земельных угодий превращалось в перекройку этнических территорий, глубоко подрывая привычный набор пространственных образов северокавказского этнического конгломерата» [Боров 2024: 67]. Исходя из этого автор высказывает мысль о

том, что развитие событий «малой гражданской войны» в Терской области не стоит рассматривать только как вооруженную борьбу большевиков за власть, но следует учитывать (1) горско-казахские противоречия, (2) радикальную социализацию земли по большевистской программе.

Следующий параграф главы посвящен подробному описанию ключевых событий гражданской войны в области, когда четко определились программы сторон конфликта: «белых» под началом Даутокова-Серебрякова, «красных» во главе с Калмыковым, «зеленых» под командованием Катханова, и политики нейтралитета, провозглашенной Нальчикским окружным народным Советом под председательством Шакманова. При анализе историографических фактов А.Х. Боров отшелушивает противоречивые индивидуальные рефлексии различных авторов и составляет нам объективную картину 1918 года. В результате он предлагает свою интерпретацию событий августа-ноября 1918 года в Нальчикском округе, преодолевая как «большевистскую», так и «антибольшевистскую» логику анализа, отказываясь от привычных политико-правовых категорий и учитывая особенности социально-экономического развития коренных народов Северного Кавказа.

Третья глава рукописи посвящена проблемам интерпретации отдельных аспектов революционного процесса в Кабарде и Балкарии в научной литературе. С этой целью А.Х. Боров рассматривает сначала национально-политический аспект социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии в 1918 г. и приходит к выводу, что национальное самоопределение в программах всех действующих акторов Гражданской войны в области вызвано этнической пестротой и включением в революционный сценарий каждого национального объекта с его социальными и этнотерриториальными задачами. Затем, исследуя фактор стихийности и насилия в социально-политическом развитии, автор признает важным тот факт, что, несмотря на демонстрацию власти сменяющих друг друга политических сил, Нальчикский округ не стал местом беспредельного хаоса и «национальной групповой войны». Последний параграф посвящен проблеме смены элит в Нальчикском округе, вызванной социальной активностью народных масс. Автор рассматривает основания для противостояния различных страт населения округа и роль большевиков в разобщении общества, в поддержании большей части кабардинских и балкарских крестьян идеологической платформы Катханова, объединившего религиозные идеалы равенства с советской идеей социальной справедливости.

Обширное Заключение А.Х. Борова представляется ярким аккордом, обобщающим и (ре)интерпретирующим историографический опыт изучения революционного процесса 1917-1918 гг. в контексте современных концептуальных подходов, из которых наиболее продуктивным автор видит теорию модернизации. А.Х. Боров характеризует советский период научного отношения к проблеме, как «взгляд на революцию не “извне”, с исторической дистанции и академической позиции, а взгляд “изнутри”», оперируя «идейно-политическими формулами из арсенала революции». Осмысление революции осуществлялось в терминах-лозунгах, свойственных ей самой, а точнее, одной из присутствовавших в ней политических линий» [Боров 2024: 125]. Современные же региональные ис-

торики делают акцент на «национальной идее» (к ним относится и автор этой рецензии). А.Х. Боров считает, что они «вчитывают» в академическую практику «категории собственного национально-политического дискурса, не характерные для Кабардино-Балкарии того времени» [Боров 2024: 125].

А.Х. Боров ясно показывает, что накануне революции кабардинцы и балкарцы не выработали какой-то политической платформы и не располагали культурно-идеологическими ресурсами, которые позволили бы им воспользоваться переломной ситуацией в государстве. Однако стихия революционных процессов увлекла и активизировала социальные и национальные группы населения. Они распределились между противоборствующими лагерями, что уже говорит о выходе наших народов из «фазы традиционного общинного бытования» и включении их в социально-политическую модернизацию общества.

В конечном итоге автор рукописи приходит к выводу, что исследование ситуации в Терском округе в 1917-1920 годах с точки зрения теории структурно-функциональной дифференциации подтвердило релевантность некоторых аспектов современной концепции модернизации. Во-первых, признается значимость национальных моделей развития с учетом местных социокультурных особенностей; во-вторых, очевидным становится положительное влияние социокультурной традиции в процессе модернизации; в-третьих, происходит понимание роли внешних факторов в этом процессе; в-четвертых, уделяется внимание роли общественных групп и отдельных личностей, а не только абстрактным законам эволюции; в-пятых, анализ трансформационных процессов в рамках определенной ситуации необходимо рассматривать с учетом исторического контекста; в-шестых, признается разнообразие поведения различных сегментов общества в период модернизации. Автор считает, что период Революции и Гражданской войны временно прервал модернизацию в местных обществах. После этих событий начался новый этап модернизации, который зависел от внешних факторов и стимулов, задаваемых советским государством. Сельская община сохранила свою целостность и роль в общественной системе, в то время как элитные социальные группы претерпели значительные изменения. Новый этап модернизации требовал начала процессов структурной дифференциации в традиционной общественной системе.

Исследование, подобное рецензируемому – значимое событие в исторической науке. Но этот текст не прост для жанра «рецензия». Изобилие фактического материала, оригинальные авторские идеи, уверенно аргументируемые выводы – все это вызывает восхищение читателя и затрудняют критику. Но здесь как раз позволю себе оговориться: не каждый читатель способен осмыслить достаточно сложный текст, изобилующий терминологическими излишествами, длинными сложносочиненными предложениями. Возможно, это особенность авторского стиля – не недостаток, а характеристика авторского погружения в профессиональную риторiku. Но факт в том, что эта книга предназначена не для широкого круга читателей, а для академической аудитории.

Считаю, что в монографии А.Х. Борова решены поставленные им задачи, пересмотрены фактические материалы и концептуальные результаты предыдущего изучения Революции и Гражданской войны на Тереке и в Нальчикском

округе, скрупулёзно переосмыслен событийный ряд рассматриваемого периода «в более широком эволюционном контексте социально-культурной и политической модернизации как основы построения обобщающей истории Кабардино-Балкарии в новое и новейшее время» [Боров 2024: 13].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Боров 2024 – *Боров А.Х.* Концептуальные итоги и проблемы изучения опыта революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии (1917–1918). – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2024. –152 с.

REFERENCES

BOROV A.KH. *Kontseptual'nye itogi i problemy izucheniya opyta revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Kabardino-Balkarii (1917–1918)* [Conceptual results and problems of studying the experience of the Revolution and the Civil War in Kabardino-Balkaria (1917-1918)]. – Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otдел IGI KBNTs RAN, 2024. –152 p. (In Russ.)

Информация о рецензенте

М.А. Текуева – доктор исторических наук, доцент.

Information about the reviewer

М.А. Tekueva – Doctor of Sciences (History), docent.

Рецензия поступила в редакцию 01.07.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The review was submitted 01.07.2024; accepted for publication 25.09.2024.

ЮБИЛЯРЫ

Персоналии

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-468-471

EDN: XMRYXH

ДМИТРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ СЕНЬ – 50 ЛЕТ

Для цитирования: Дмитрию Владимировичу Сень – 50 лет // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 468-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-468-471. EDN: XMRYXH.

© Электронный журнал «Кавказология», 2024

Personalities

DMITRY VLADIMIROVICH SEN' IS 50 YEARS OLD

For citation: Dmitry Vladimirovich Sen' is 50 years old. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 468-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-468-471, EDN: XMRYXH.

© Electronic journal «Caucasology», 2024

XXI век открывает перед научным сообществом широкие перспективы для развития и ставит новые задачи, требующие переосмысления ранее изученных сюжетов истории и их дальнейшего исследования. Одним из тех, кто принимает вызовы времени и уже много лет плодотворно трудится над исследованием важных исторических проблем, способствуя развитию науки, является Дмитрий Владимирович Сень – выдающийся историк и известный специалист в области истории казачества на Дону и Северном Кавказе второй половины XVI – начала XIX в., доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

В 2024 г. Д.В. Сень отмечает пятидесятилетний юбилей.

*2022 г. Д.В. Сень в период работы по сбору материалов в Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик, КБР)
[Фото редакции ЭЖ «Кавказология»]*

Д.В. Сень – выдающийся историк и известный специалист в области истории казачества на Дону и Северном Кавказе второй половины XVI – начала XIX в., доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Дмитрий Владимирович родился 16 июля 1974 г. По окончании Кубанского государственного университета получил квалификацию «историк, преподаватель истории и общественно-политических дисциплин». В 1999 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 г. – конец 1920-х гг.)». Последующие 1999–2006 гг. отмечены плодотворной работой Дмитрия Владимировича в качестве преподавателя исторического факультета Кубанского государственного университета, а также доцента межфакультетской кафедры истории и культурологии того же вуза. С 2006 по 2010 гг. он работал в должности заместителя генерального директора по науке и экспозиционно-выставочной деятельности Краснодарского государственного историко-археологического музея заповедника им. Е.Д. Фелицына. С 2006 по 2008 гг. проходил обучение в докторантуре Южного федерального университета, в декабре 2009 г. защитил в ЮФУ диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.)». С 2010 г. преподает в должности профессора на кафедре специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета.

Вклад Дмитрия Владимировича в изучение истории юга России сложно переоценить. Область его научных интересов широка и охватывает историю южного пограничья XVII – начала XIX в., военно-политическую историю Северного Кавказа указанного периода, историю пограничной дипломатии, устной и письменной коммуникации пограничных сообществ и местного населения с региональными администрациями нескольких государств, процессов управления Российской и Османской империями своими пограничными владениями на Северном Кавказе и на сопредельных территориях (в контексте итогов и последствий русско-турецких войн, а также истории русско-крымско-османских отношений). Научным изысканиям Дмитрия Владимировича свойственно новаторство и стремление к освещению значимых сюжетов отечественной истории с новых ракурсов, также источниковая фундированность (насколько нам известно, историку довелось работать примерно в 20 российских и зарубежных архивах).

Интересы Дмитрия Владимировича широки и охватывают различные направления научной деятельности. Помимо преподавания, Дмитрий Владимирович занимается научно-методической работой, публикует статьи и монографии на актуальные темы, руководит грантовыми проектами, является членом редакционных коллегий высокорейтинговых российских научных периодических изданий, принимает активное участие в организации международных и всероссийских научно-практических конференций на базе Южного федерального университета. Одна из них – «Казачество на службе Отечеству» – стала международной площадкой, по итогам деятельности которой уже традиционно ежегодно публикуются сборники материалов, содержащие новые исследования по истории казачества и периферийных территорий Российского государства.

Дмитрий Владимирович отмечен высокими наградами и поощрениями за успехи в научно-исследовательской деятельности, а также за общественную и преподавательскую деятельность. Доктор исторических наук – обладатель медали ордена «За заслуги перед Ростовской областью» за значительный вклад в сохранение и популяризацию исторического наследия донского казачества, многолетнюю эффективную научно-образовательную деятельность.

Большой вклад Д.В. Сень вносит и в развитие кавказоведения. В течение нескольких лет он являлся членом объединенного диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций на базе ФБГОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова» и ФБГУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. Неоднократно выступал официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций в области исторического кавказоведения [Скворцов 2009; Струполева 2007; Урушадзе 2011; Нагоева 2012; Каншоков 2012; Марзей 2021; Алхасова 2024]. В 2022 г. работал в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии по направлению подготовки 46.06.01 – Исторические науки и археология на базе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик, Россия). В том же году выступил в качестве руководителя образовательной программы и основного преподавателя курсов повышения квалификации по программе «Актуальные проблемы источниковедения на современном этапе развития исторической науки», слушателями которых стали 25 аспирантов и сотрудников высших образовательных и научных учреждений КБР. Дмитрий Владимирович является автором статей в ЭЖ «Кавказология» [Сень 2023; Колесов, Сень 2024] и неоднократно выступал в качестве приглашённого рецензента.

Редакция электронного журнала «Кавказология» поздравляет Дмитрия Владимировича с юбилеем и желает дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья и вдохновения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алхасова 2024 – *Алхасова Д.М.* Управление Центра Кавказской линии в административной системе и политической практике Российской империи в 30–50-е гг. XIX в. Дисс. канд. ист. н-к. – Ставрополь, 2024. – 224 с.

Каншоков 2012 – *Каншоков М.В.* Территориальная динамика Кабарды в 1763–1864 гг. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2012. – 199 с.

Колесов, Сень 2024 – *Колесов В.И., Сень Д.В.* От погрома до обретения советской «земли Обетованной»: дисперсность, миграции и консолидация джегонасских горских евреев на Северном Кавказе (1917 г. – начало 1930-х гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 143–165.

Марзей 2021 – *Марзей И.Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2021. – 193 с.

Нагоева 2012 – *Нагоева Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20–60-е годы XIX века. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2009. – 180 с.

Сень 2023 – *Сень Д.В.* История горских евреев Северо-Кавказского края 1920-х – 1930-х гг.: актуальные вопросы историографии и источниковедения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 291–307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307. EDN: KCSNBVH.

Скворцов 2009 – *Скворцов А.А.* Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг. Дисс. канд. ист. н-к. – Ставрополь, 2009. – 325 с.

Струполева 2007 – *Струполева Н.С.* Православные приходы Ставрополя и Кубани в 40-е гг. XIX-начале XX вв.: социальные функции и духовная жизнь. Дисс. канд. ист. н-к. – Ставрополь, 2007. – 231 с.

Урушадзе 2011 – *Урушадзе А.Т.* Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. Дисс. канд. ист. н-к. – Ростов-на-Дону, 2011. – 203 с.

REFERENCES

ALKHASOVA D.M. *Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii v administrativnoi sisteme i politicheskoi praktike Rossiiskoi imperii v 30–50-e gg. XIX v.* [Management of the Center of the Caucasian Line in the administrative system and political practice of the Russian Empire in the 30–50s of the XIX century]. Diss. kand. ist. n-k. – Stavropol', 2024. – 224 p. (In Russ.).

KANSHOKOV M.V. *Territorial'naya dinamika Kabardy v 1763–1864 gg.* [The territorial dynamics of Kabarda in 1763–1864]. Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2012. – 199 p. (In Russ.).

KOLESOV V.I., SEN' D.V. *Ot pogroma do obreteniya sovetskoi «zemli Obetovannoi»: dispersnost', migratsii i konsolidatsiya dzhegonasskikh gorskikh evreev na Severnom Kavkaze (1917 g. – nachalo 1930-kh gg.)* [From the pogrom to the acquisition of the Soviet "Promised Land": dispersion, migration and consolidation of Dzhegonassky Mountain Jews in the North Caucasus (1917 – early 1930s)]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2024. – № 3. – P. 143–165. (In Russ.).

MARZEI I.R. *Sistema pristavskikh upravlenii na Severnom Kavkaze v 1769–1864 gg.* [The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769–1864]. Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2021. – 193 p. (In Russ.).

NAGOEVA R.R. *Transformatsiya soslovnoi struktury kabardintsev v 20–60-e gody XIX veka* [The transformation of the Kabardian class structure in the 20–60s of the XIX century]. Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2009. – 180 p. (In Russ.).

SEN' D.V. *Istoriya gorskikh evreev Severo-Kavkazskogo kraia 1920-kh – 1930-kh gg.: aktual'nye voprosy istoriografii i istochnikovedeniya* [The history of the Mountain Jews of the North Caucasus Region of the 1920s – 1930s: topical issues of historiography and source studies]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 4. – P. 291–307. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-291-307. EDN: KCNBVH. (In Russ.).

SKVORTSOV A.A. *Severnyi Kavkaz v period bor'by Rossii s Napoleonom i istoricheskaya pamyat' mestnogo obshchestva ob epokhe 1812–1815 gg.* [The North Caucasus during the period of Russia's struggle with Napoleon and the historical memory of the local society about the era of 1812–1815]. Diss. kand. ist. n-k. – Stavropol', 2009. – 325 p. (In Russ.).

STRUPOLEVA N.S. *Pravoslavnye prikhody Stavropol'ya i Kubani v 40-e gg. XIX-nachale XX vv.: sotsial'nye funktsii i dukhovnaya zhizn'.* [Orthodox parishes of Stavropol and Kuban in the 40s of the XIX-early XX centuries: social functions and spiritual life]. Diss. kand. ist. n-k. – Stavropol', 2007. – 231 p. (In Russ.).

URUSHADZE A.T. *Vzaimodeistvie kul'tur na Kavkaze v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv.* [The interaction of cultures in the Caucasus in the late XVIII – first half of the XIX centuries]. Diss. kand. ist. n-k. – Rostov-na-Donu, 2011. – 203 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 16.07.2024 г.; принят к публикации 16.07.2024 г.

Material has submitted 16.07.2024; accepted for publication 16.07.2024.

IN MEMORIAN

In memorian

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-472-476

EDN: YTYIGO

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ХАШИРОВИЧА КАЖАРОВА¹

Алексей Хасанович Абазов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alex_abzov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Для цитирования: Абазов А.Х. Памяти Валерия Хашировича Кажарова // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 472-476. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-472-476. EDN: YTYIGO.

© Абазов А.Х., 2024

IN MEMORY OF VALERY KHASHIROVICH KAZAROV

Alexey Kh. Abazov

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alex_abzov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

For citation: Abazov A.Kh. In memory of Valery Khashirovich Kazarov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 472-476. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-472-476, EDN: YTYIGO.

© Abazov A.Kh., 2024

19 августа 2024 г. исполнилось бы 75 лет крупному российскому кавказоведу, специалисту в области истории и этнографии адыгов Валерию Хашировичу Кажарову, безвременно ушедшему из жизни 10 июня 2013 г.

¹ Справочно: Кажаров Валерий Хаширович (19.08.1949 – 10.06.2013) – доктор исторических наук, специалист в области истории и этнографии черкесов (адыгов). Автор более 70 научных статей и монографий. В том числе: «Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии» (Нальчик, 1992), «Адыгская вотчина. К пробеле основной социальной единицы адыгского феодального общества» (Нальчик, 1993); «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис конце XVIII – первой половине XIX в.» (Нальчик, 1994); «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.» (Нальчик, 2012). Принимал участие в качестве автора разделов в таких коллективных научных трудах, как: «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы» (в соавторстве с А.Х. Боровым и Х.М. Думановым. Нальчик, 1999), «Адыгские песни времен Кавказской войны» (Нальчик, 2005; Нальчик, 2014), «Адыгская (черкесская) энциклопедия» (М., 2006), «Северный Кавказ в составе Российской империи» (М., 2007). Заместитель главного редактора «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (М., 2006). Главный редактор периодического научного издания «Исторический вестник КБИГИ». Лауреат Государственной премии КБР в области науки (1997 г.), Заслуженный деятель науки КБР (1999 г.). В 1997–2013 гг. возглавлял отдел исторических наук в ФГБУН Институте гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. В качестве научного руководителя подготовил 10 кандидатов наук.

«В.Х. Кажаров относился к числу выдающихся исследователей. Его вдумчивое, серьезное отношение к анализу фактологического материала, критическое осмысление трудов известных ученых старшего поколения позволили выработать новый подход к изучению прошлого адыгов, а применение специальных методов исторических исследований – открыть ранее неизведанные страницы истории этого народа. Исследуя социальные трансформации, происходившие на Центральном Кавказе в конце XIII – первой половине XIX в., он впервые в отечественной науке поставил вопрос о кризисе феодализма у кабардинцев. Исследования В.Х. Кажарова принесли ему всероссийскую известность как исследователя-новатора, труды которого оказали значительное влияние на современное кавказоведение. В своих работах он заложил основы новой концепции истории традиционного адыгского общества, основные теоретико-методологические положения которой разделяются многими специалистами, причем не только из числа непосредственно его учеников. Проблемы, обозначенные В.Х. Кажаровым, получили дальнейшую разработку, в том числе и на материале других народов Северного Кавказа. Эти обстоятельства позволяют считать его основоположником собственной научной школы» [цит. по: Абазов 2015: 344]. Будучи ярко выраженным генератором научных идей, Валерий Хаширович являлся центром притяжения талантливых молодых ученых, многим из которых он открыл путь в большую науку. Лучшие ученики В.Х. Кажарова в 2000-х гг. пополнили состав сотрудников отдела истории КБИГИ, некоторые из них продолжают трудиться на благо науки и по настоящее время.

Его последователи бережно сохраняют память о его личности и продолжают осмысливать его научное наследие, что выражается в издании памятных книг, открытии мемориальной доски, проведении научных конференций и круглых столов, изданию научных трудов, подготовке телепередач и т.п.

Среди основных мероприятий, посвященных памяти В.Х. Кажарова и проведенных в 2014–2024 гг., можно отметить издание антологии его трудов и проведение тематического круглого стола. Летом 2014 г. в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (КБИГИ) была издана книга «Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов» [Кажаров 2014]. В ее состав вошли ранее опубликованные и вызывающие большой научный интерес статьи и монографии В.Х. Кажарова. Книга вышла ограниченным тиражом, и сразу же стало понятно, что он не покрывает общественный запрос в этом издании.

17 октября 2014 г. в КБИГИ был проведен круглый стол «Актуальные вопросы истории и этнографии адыгов», посвященный памяти В.Х. Кажарова (модераторы – к.и.н. А.Х. Боров, к.и.н. В.О. Бобровников и к.и.н. А.Х. Абазов). Программа мероприятия состояла из 3-х частей: презентации книг, научные доклады и сообщения, посвященные его памяти. Первая часть включала презентации 2-х книг: 1) «Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014» (к.и.н. А.Х. Абазов) [Кажаров 2014]; 2) «Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2014» (д.филол.н. А.М. Гутов) [Адыгские песни... 2014]. С научными докладами выступили к.и.н. Ф.А. Озова (г. Черкесск), к.и.н. В.О. Бобровников (г. Москва), д.и.н. П.А. Кузьминов (г. Наль-

чик), к.и.н. Ж.А. Калмыков (г. Нальчик), к.и.н. Т.Х. Алоев (г. Нальчик), к.и.н. Т.А. Дзуганов (г. Нальчик), д.филос.н., Б.Б. Хубиев (г. Нальчик). В третьей части мероприятия были заслушаны сообщения профессиональных и личностных качествах В.Х. Кажарова, озвучены воспоминания его друзей, родных и близких и т.п.

26 сентября 2019 г. в СШ № 2 им. А.А. Шогенцукова г. Баксан прошло торжественное открытие мемориальной доски в честь В.Х. Кажарова, выпускником которой он являлся, при поддержке администрации г. Баксан, родственников и друзей В.Х. Кажарова, а также коллектива родного ему Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. С воспоминаниями о нем выступили его друзья и коллеги: к.и.н. Х.С. Кушхов, к.ф.н. Д.М. Кумыкова, д.и.н. А.И. Тетуев, к.и.н. А.Х. Кармов, к.и.н. З.А. Кожев, В.Х. Хатажуков, М. Берхамов и др.

В ноябре 2019 г. в Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН состоялась региональная научная конференция, посвященная 70-летию со дня рождения В.Х. Кажарова (модераторы – д.и.н. К.Ф. Дзамихов, к.и.н. З.А. Кожеви к.и.н. Д.Н. Прасолов). На конференции были представлены доклады д.и.н. Ф.А. Озовой, д.и.н. М.А. Текуевой, к.и.н. Д.Н. Прасолова, к.и.н. З.А. Кожева, к.и.н. Р.Г. Ошроева, к.и.н. Т.А. Дзуганова, к.и.н. А.С. Мирзоева, к.и.н. З.Ж. Глашевой, к.и.н. О.А. Жанситова и др. По итогам конференции Л. Бжахова подготовила телепередачу «Личность в истории: Валерий Кажаров»¹.

В последнее десятилетие был опубликован ряд работ, посвященных изучению научного наследия В.Х. Кажарова и определению его вклада в кавказоведение [Губжоков 2013; Абазов и др. 2014; Абазов 2015; Калмыков 2016; Ошроев 2019; Озова 2019 Озова 2021].

Все это дает возможность понять, что популярность, успех и авторитет В.Х. Кажарова во многом объясняются его человеческими качествами – огромным интеллектуальным, человеческим обаянием, убежденностью и энергичностью, которую он проявлял в работе с коллегами и учениками. В.Х. Кажарова отличала неординарность мышления, порой граничащая с парадоксальностью, удивительная способность выявлять и формулировать актуальные проблемы, которые обращены не только в прошлое, но и к современности. Имея стойкую репутацию «разрушителя научных стереотипов», В.Х. Кажаров, тем не менее, отличался высокой культурой научной дискуссии, тактичностью в оспаривании сложившихся в науке и кажущихся незыблемыми идей и исторических мифов. Его работы, получив в свое время высокое научное и общественное признание, вместе с тем и по сей день вызывают неподдельный научный интерес. Память о нем сохраняется, его научное наследие продолжает жить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2015 – Абазов А.Х. Валерий Хаширович Кажаров (1949–2013) // Кавказский сборник. – Москва: Русская панорама, 2015. – С. 343–356.

¹ Бжахова Л. Личность в истории Валерий Кажаров // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/1f90e136c31a4f87de5f9deb7b943158/> Дата обращения: 19.08.2024 г.

Абазов и др. 2014 – Абазов А.Х., Прасолов Д.Н., Рахаев Д.Я., Губжоков М.Н., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова // Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – С. 7-35.

Адыгские песни... 2014 – *Адыгские песни* времен Кавказской войны: К 150-летию окончания Кавказской войны. – Нальчик: Типография ООО «Печатный двор», 2014. – 656 с.

Губжоков 2013 – Губжоков М.Н. Валерий Хаширович Кажаров // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2013. – № 3 (27). – С. 236-238.

Кажаров 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / В. Х. Кажаров. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 904 с.

Калмыков 2016 – Калмыков Ж.А. О новаторском характере научной деятельности В.Х. Кажарова (на примере его книги "Адыгская хаса") // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2(70). – С. 151-157.

Озова 2019 – Озова Ф.А. Вклад В. Х. Кажарова в кавказоведение // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-1(43). – С. 7-19.

Озова 2021 – Озова Ф.А. Кавказовед В.Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму // История и историки: Историографический вестник. – 2021. – Т. 2019. – С. 304-328.

Ошроев 2019 – Ошроев Р.Г. Образец служения науке и обществу: к 70-летию В.Х. Кажарова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-2(43). – С. 110-119.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Valerii Khashirovich Kazharov (1949–2013)* [Valery Khashirovich Kazharov (1949-2013)]. In: *Kavkazskii sbornik*. – Moskva: Russkaya panorama, 2015. – P. 343-356. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., PRASOLOV D.N., RAKHAEV D.YA., GUBZHOKOV M.N., UNAROKOVA M.YU. *Problemy istorii i etnografii adygov v rabotakh V.Kh. Kazharova* [Problems of the history and ethnography of the Adygs in the works of V.Kh. Kazarov]. In: *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov*. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014. – P. 7-35. (In Russ.).

Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny: K 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voiny [Adyghe songs of the Caucasian War: On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War]. – Nal'chik: Tipografiya ООО «Pechatnyi dvor», 2014. – 656 p. (In Russ.).

GUBZHOKOV M.N. *Valerii Khashirovich Kazharov* [Valery Khashirovich Kazharov]. In: *Vestnik nauki Adygeiskogo res-publikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T.M. Kerasheva*. – 2013. – № 3 (27). – P. 236-238. (In Russ.).

KAZHAROV V.KH. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adygs]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014. – 904 p. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *O novatorskom kharaktere nauchnoi deyatel'nosti V.Kh. Kazharova (na primere ego knigi "Adygskaya khasa")* [About the innovative nature of V.Kh. Kazarov's scientific activity (on the example of his book "Adyghe Khasa")]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2016. – № 2(70). – P. 151-157. (In Russ.).

OZOVA F.A. *Vklad V. Kh. Kazharova v kavkazovedenie* [V. Kh. Kazarov's contribution to Caucasian studies]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – № 4-1(43). – P. 7-19. (In Russ.).

OZOVA F.A. *Kavkazoved V.Kh. Kazharov: trudy po cherkesskomu feodalizmu* [Kavkazov V.Kh. Kazarov: works on Circassian feudalism]. In: *Istoriya i istoriki: Istoriograficheskii vestnik*. – 2021. – Т. 2019. – P. 304-328. (In Russ.).

OSHROEV R.G. *Obrazets sluzheniya nauke i obshchestvu: k 70-letiyu V.Kh. Kazharova* [A model of service to science and society: to the 70th anniversary of V.Kh. Kazarov]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – № 4-2(43). – P. 110-119. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Абазов – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Abazov – Doctor of Science (History), docent.

Материал поступил в редакцию 19.08.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

Material has submitted 19.08.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научной работе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alex_abazov@list.ru

Акопян Завен Викторич – аспирант ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.

E-mail: zvakopyan@mail.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.

E-mail: zaven2005@yandex.ru

Алхасова Динара Муратовна – младший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия.

E-mail: anchabadze@list.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Ахматова Фатима Хасановна – старший преподаватель кафедры германской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», Карачаевск, Россия.

E-mail: ahmatova123@yandex.ru

Базиева Гульфия Джамаловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: gbaz@mail.ru

Берберов Бурхан Абуясуфович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: burhan_berberov@mail.ru

Бозиев Альберд Тахирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”», Нальчик, Россия.

E-mail: alberdboziev@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: adam.gut@mail.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия; приглашенный исследователь ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.

E-mail: aigul-men@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kbigi@mail.ru

Дзарахов Магомед Макшарипович – аспирант ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы Назрань, Россия.

E-mail: 01106_86@mail.ru

Донежук Мурат Юсуфович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений ФГБНУ Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Россия.

E-mail: donezhuk.murat@yandex.ru

Ермаков Виктор Павлович – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.

E-mail: ermakov@pgu.ru

Жаноква Марина Викторовна – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН «Интеллектуальный анализ социально-экономических процессов и систем» ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: s.marisabel@mail.ru

Жанситов Осман Асланович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzhelka28@mail.ru

Исмаилова Алмаз Мусаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.

E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: barsello@rambler.ru

Камбачоков Адам Муштагидович – доктор филологических наук, профессор, директор института повышения квалификации и профессиональной переподготовки, профессор кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: akamb@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ketenchiev@mail.ru

Колесов Владимир Игоревич – независимый исследователь, Краснодар, Россия.

E-mail: vovakolesov1971@gmail.com

Кучмезов Асланбий Мажирович – магистрант социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: kuchmезov1995@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: lena_gm@mail.ru

Ольмезов Якуб Тахирович – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: yakub.bayzik@mail.ru

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: dsen1974@mail.ru

Соколов Александр Станиславович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Рязань, Россия.

E-mail: falcon140770@yandex.ru

Соколов Роман Алексеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Рязань, Россия.

E-mail: romansokolov1997@yandex.ru

Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: tekuavamadina@gmail.com

Унатлоков Вячеслав Хаутиевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: vunatlokov@mail.ru

Халипаева Империят Арсланбековна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания Дагестанского государственного педагогического университета им. Расула Гамзатова, Махачкала, Россия

E-mail: turkdgpu@mail.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.

E-mail: chekalov58@rambler.ru

Чочиев Георгий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.

E-mail: georg-choch@yandex.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.

E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал
«Кавказология»
Caucasology

№ 3 / 2024

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3

Подписано к изданию:
27.09.2024 г.